

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 398. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 398. September

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцуи, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед.
наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-
мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потехаев**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy,
Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing
House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor, Director of Scientific and Technical Literature
Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд.
биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук,
проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
E. Chernyak, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of
Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Бельская Н.С.** Речевое действие «Запрос на принятие решения» в судебной лингвистической экспертизе групповой коммуникации при расследовании преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) 5
- Евстафьева Н.М.** Вариативность произношения гласных фонем в речи молодежи г. Глазго (гендерный и ситуативный аспекты) 15
- Цесарская А.Е.** Автокоррекция как стратегия реализации программы взаимодействия говорящего и слушающего 21

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

- Гречишкина С.В.** Формирование эконофилософской концепции на основе буддийских и даосских воззрений 30
- Дьяченко О.Н.** Риторика веры Аврелия Августина 35
- Логиновский С.С.** Элементы системного подхода в представлениях об обществе Иоанна Златоуста 40
- Панфилова М.И.** Итальянская тема в философии Серебряного века 45
- Пилушенко А.В.** Вопросы теоретического осмысления категорий «образ жизни» и «здоровый образ жизни» 50

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.** Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России 55
- Кузоро К.А.** Событийный менеджмент в работе муниципальных сельских библиотек (на примере Томской области) 64
- Масяйкина Е.А.** Сельские муниципальные библиотеки Томской области как информационный ресурс общеобразовательной школы 70
- Савельева Е.А.** Принцип симметрии как метод построения кадра в фильмах Андрея Тарковского 76
- Сидорова Е.В.** Роль анатомических рисунков в эпоху русского классицизма 84

ИСТОРИЯ

- Абсеметов М.О.** Великий географ Евразии (о Льве Семеновиче Берге) 93
- Голикowa О.А.** Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.): историография вопроса 99
- Кан В.С.** Вклад прессы и радио Туvinской Народной Республики в достижение Победы в Великой Отечественной войне 104
- Каткина А.Н.** Роль социальных медиа в политической жизни современной Великобритании 109
- Луков Е.В.** Идентификация сибирской политической элиты: На примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» 113

CONTENTS

PHILOLOGY

- Belskaya N.S.** The concept of speech act "request for decision making" in forensic discourse analysis for investigation of crimes committed by organized crime groups 5
- Evstafieva N.M.** Vowel variation in Glaswegian late adolescents' speech (gender and stylistic aspects) 15
- Tsesarskaia A.E.** Autocorrection as a strategy of interaction between the speaker and the listener 21

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

- Grechishkina S.V.** Structuring an ecosophical concept on the basis of Buddhist and Taoist ideas 30
- Dyachenko O.N.** Rhetoric of faith of Augustine of Hippo 35
- Loginovskiy S.S.** Elements of system approach in John Chrysostom's ideas of society 40
- Panfilova M.I.** Italian theme in the philosophy of the Silver Age 45
- Pilyushenko A.V.** Issues of theoretical comprehension of the categories "way of life" and "healthy lifestyle" 50

CULTURAL STUDIES

- Dmitrienko N.M., Chernyak E.I.** Nikolay Mikhailovich Karamzin: at the origin of museum studies in Russia 55
- Kuzoro K.A.** Event-management in municipal rural libraries of Tomsk Oblast 64
- Masyaykina E.A.** Rural municipal libraries of Tomsk Oblast as an information resource of a public school 70
- Saveleva E.A.** The principle of symmetry as a method of constructing a frame in the films of Andrei Tarkovsky 76
- Sidorova E.V.** Role of anatomical drawings in the era of Russian Classicism 84

HISTORY

- Absemetov M.O.** The great geographer of Eurasia (Lev Semenovich Berg) 93
- Golikova O.A.** Creation and development of a control system of elementary schools in the West Siberian educational district (1885–1917): historiography 99
- Kan V.S.** Contribution of the press and radio of the Tuvan People's Republic to the victory in the Great Patriotic War 104
- Katkina A.N.** The role of social media in the political life of modern Great Britain 109
- Lukov E.V.** Identification of Siberian political elite: a case-study of the Interregional Association Siberian Accord activities 113

Николаева И.Ю., Левашкина З.Н. Трансформация историко-психологического кода жестокости в гендерной сфере в варварском и рыцарском обществах	119	Nikolaeva I.Yu., Levashkina Z.N. Transformation of the historical and psychological code of violence in the gender sphere in the barbarian and chivalry societies	119
Носкова Н.Г. Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности	122	Noskova N.G. The Dangun myth as a factor of Korean national identity formation	122
Рахимов Е.К. Омская этнографическая школа и исследования казахов России	127	Rakhimov E.K. Omsk Ethnographic School and research of Kazakhs of Russia	127
Смоленчук О.Ю. Историография голландского миротворчества в трудах отечественных и зарубежных ученых	131	Smolenchuk O.Yu. Historiography of Dutch peacekeeping in national and foreign research	131

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Тактические приемы подготовки к проведению поисковых следственных действий по прибытию на место поиска	140
Варданян А.В., Казаков В.В. Тактико-криминалистический потенциал проверки показаний на месте и вопросы его реализации в целях повышения результативности расследования незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность	148
Дударенко В.В. Соотношение провокации преступления и соучастия в преступлении	153
Рудич В.В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей	158
Хмыз А.И. О криминалистической и оперативно-розыскной характеристиках преступлений и их соотношении	163
Чумакова О.В. О необходимости регулирования порядка реализации права несовершеннолетних, находящихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, на получение бесплатной юридической помощи	167

ЭКОНОМИКА

Беляев В.И. Трудовой оппортунизм: сущность и формы проявления	169
Копилевич В.В., Шимширт Н.Д. Социальные инвестиции как объективный процесс повышения уровня жизни	178
Миляева Л.Г. Трансформационно-структурный анализ трудовой мотивации персонала организаций	185

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Камалеева А.Р. Проектирование компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО	193
Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Покровская Е.М. Особенности самореализации мигрантов в поликультурном пространстве города	202
Молчанова Л.Н. Особенности функционирования микросоциальной системы «приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»	211
Сметанова Ю.В., Подойницина М.А. Теоретический анализ современных подходов к изучению когнитивной сферы личности	219

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Иванова И.С., Лепокурова О.Е. Особенности микроэлементного состава подземных вод территории бакчарского железорудного узла (Томская область)	224
Маликов Д.Г. Зоогеографическая характеристика мамонтовой фауны юга Сибири	233
Путинцев Л.А. Методика долгосрочного прогноза бокового притока воды в водохранилище Богучанской ГЭС на р. Ангаре	243
Савичев О.Г., Нгуен Л.В. Химический состав и качество подземных вод в междуречье рек Гам и Кау (Северный Вьетнам)	251
Фархутдинов А.М., Исмагилов Р.А., Фархутдинов И.М., Черкасов С.В., Минцаев М.Ш. Перспективы использования геотермических вод Чеченской Республики на базе опыта аналогичных работ во Франции (Парижский бассейн)	257
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	265

LAW

Akhmedshin R.L. The tactics of preparation for the search and investigative actions on arrival at the place of search	140
Vardanian A.V., Kazakov V.V. Tactical and criminalistic potential of on-site evidence verification and aspects of its realization for the purposes of increasing the efficiency of unlawful interference into business operations investigations	148
Dudarenko V.V. Correlation of a crime provocation and complicity in a crime	153
Rudich V.V. Problems of the arrest order of entrepreneurs	158
Hmyz A.I. Forensic and investigative characteristics of crimes and their correlation	163
Chumakova O.V. The need for regulation of the exercise of the right of minors in institutions of prevention of child neglect and juvenile delinquency to receive free legal aid	167

ECONOMICS

Belyaev V.I. Labor opportunism: the nature and forms	169
Kopilevich V.V., Shimshirt N.D. Social investment as an objective process of improving the standard of living	178
Milyaeva L.G. Transformation and structure analysis of labor motivation of organization personnel	185

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Kamaleyeva A.R. Design of the competence-oriented content of a physics course under the federal state educational standard for secondary vocational education	193
Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Pokrovskaya E.M. Migrants' self-realization features in a polycultural city	202
Molchanova L.N. Features of the functioning of a microsocial system "foster home for orphans and abandoned children"	211
Smetanova Yu.V., Podojnicina M.A. Theoretical analysis of modern approaches to the study of a cognitive personality	219

EARTH SCIENCES

Ivanova I.S., Lepokurova O.E. Features of trace elements in the groundwater of the Bakchar iron ore deposit (Tomsk Oblast)	224
Malikov D.G. Zoogeographical features of mammoth fauna of the South of Siberia	233
Putintsev L.A. Methods of long-term forecast of the side inflow into the reservoir of the Boguchanskaya HPP on the Angara River	243
Savichev O.G., Nguyen Van Luyen. The chemical composition and quality of ground waters in the watershed of the Gam and Kau Rivers (Northern Vietnam)	251
Farkhutdinov A.M., Ismagilov R.A., Farkhutdinov I.M., Mintsayev M.Sh. Prospects for the use of geothermal waters in the Chechen Republic based on the experience of similar works in France (Paris Basin)	157
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	265

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

Н.С. Бельская

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ «ЗАПРОС НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ» В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ГРУППОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ)

Представлен методологический подход к лингвистической экспертизе групповой коммуникации по делам, связанным с противодействием организованной преступности, с позиций организационной лингвистики и лингвистически ориентированных методов теории систем. Выявление речевого действия «Запрос на принятие решения» предлагается как прием исследования конфигурации коммуникативной сети группы, отражающей ее иерархическую структуру, состоящую из точек принятия решений и информационных потоков к ним.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; преступное сообщество; преступная организация; теория речевых актов; теория дискурса; организационная лингвистика; речевое действие «Запрос на принятие решения»; групповая коммуникация; статусы и роли в группе; коммуникативная сеть.

В числе приоритетных направлений для правоохранительной системы нашей страны остается борьба с агрессивной, изощренной по характеру преступностью, действующей посредством организации преступного сообщества (преступной организации). Возрастающая актуальность обращения к судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием организованной преступности экономической направленности, террористической и экстремистской направленности, обусловлена тем, что эффективность их расследования и раскрытия зависит от использования в доказывании криминалистически значимой информации, которая передается в дискурсе общения между членами преступного сообщества по техническим каналам связи, регистрируется и записывается сотрудниками оперативных подразделений.

Субъектами организованной преступной деятельности выступают террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), террористическая организация (ст. 205.5. УК РФ), преступное сообщество (ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ), экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ), экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ). В этот же перечень необходимо было бы включить и некоммерческую организацию, посягающую на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Ярким примером преступлений, совершаемых, как правило, посредством организации преступного сообщества (преступной организации), являются также незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) [1].

В задачи расследования входит установить, какая же преступная деятельность является стержневой (определяющей, базовой), служащей главным средством достижения намеченных преступных целей, а также обеспечивающей получение незаконных доходов как преступный постоянный бизнес, и выявить технологии, схемы, шаблоны и паттерны совершения преступных деловых операций; затем установить дифференцированные функциональные роли и статусы членов сообщества во взаимосвязи их действий, исходя из этого индивидуализировать их роль и вину;

доказать вину организатора и руководителя, проследив основополагающие связи управления, а также волевою деятельностью в распределении доходов. Эти элементы предмета доказывания обладают существенной спецификой при совершении преступления организованным преступным сообществом, преступной организацией, по сравнению с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [2. С. 35].

Так, определение реального статуса лиц в рамках совместной незаконной деятельности затруднено ввиду сложного внутреннего строения преступного сообщества (преступной организации), включающего относительно автономные и дифференцированные по функциональной роли группы, деятельность которых координируется и направляется единым управленческим органом, а также ввиду наличия многоуровневой разветвленной иерархической структуры, в которой руководством занимаются уполномоченные лица, организаторы же преступной деятельности осуществляют контрольно-надзорные функции [3], применяя методы обмена информацией без визуальных контактов и минимизируя связи с подчиненными. В связи с этим «привлечение к ответственности лиц за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) по-прежнему остается проблематичным» [4. С. 14].

Проведение судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел позволяет следствию получить системную информацию о речевых признаках, свидетельствующих об институциональном, организационном характере дискурса общения, о предметно обуславливающей содержание разговоров специфике совместной деятельности говорящих, о статусном иерархическом положении, функциях и ролях участников коммуникации в преступном сообществе (преступной организации).

Настоящая статья ставит следующие задачи:

1) обосновать необходимость разработки объемной модульной методики лингвистической эксперти-

зы групповой коммуникации в таких разновидностях организованных криминальных структур, как преступное сообщество (преступная организация);

2) представить методологический подход с позиций организационной лингвистики и лингвистически ориентированных методов теории систем к исследованию дискурса внутригрупповой коммуникации в преступном сообществе (преступной организации);

3) эксплицировать высокие объяснительные возможности теории речевых актов при анализе прагматической составляющей групповой коммуникации на примере одного из этапов судебной лингвистической экспертизы, проведенной по уголовному делу, возбужденному по фактам незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем ней) (ст. 210 УК РФ).

По делам, касающимся групповых преступлений, в настоящее время в научный оборот введены ведомственные методические разработки, преимущественно ориентированные на лингвистическое исследование речевого дискурса в сфере наркобизнеса. Как наиболее репрезентативные можно обозначить разработку методики психолого-лингвистического исследования устной речи по записям телефонных и иных разговоров при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), Москва, ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2008 (Методика 2008) и алгоритмы лингвистического анализа, применяемые специалистами экспертно-криминалистических отделов ФСКН России (представлена, к примеру, в [5, 6]).

Вместе с тем методологический подход, узко ориентированный лишь на одну из сфер деятельности организованной преступности, может стать только одним из краеугольных камней в основании необходимой, на наш взгляд, объемной модульной методики проведения лингвистической экспертизы по категории дел, квалифицирующим признаком которых является совершение преступлений преступным сообществом (преступной организацией).

В [6] справедливо отмечается, что «современная теория судебной экспертизы, к сожалению, не располагает научно обоснованными и апробированными методиками лингвистического исследования продуктов речевой деятельности, связанными с расследованием преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). <...> подобные исследования осуществляются, как правило, без учета теоретических положений науки уголовного процесса, криминалистики и теории судебной экспертизы и часто не соответствуют практике (а иногда и действительности)» [Там же. С. 113].

Как представляется, эффективность производства лингвистических экспертиз по данной категории дел пропорциональна:

1) разработанности «операциональной базы» исследования по различным составам преступлений, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией), в которую Н.Ю. Мамаев обоснованно включает

коммуникативную ситуацию, контекст, семантическое поле, когнитивно-пропозициональную структуру концепта совместной групповой деятельности или ядро концептосферы и его компоненты [5. С. 360];

2) объяснительным возможностям применяемой методики анализа уровневой иерархии, функций, ролей и статусов членов сообщества и / или организации;

3) соответствию проведенного исследования компетенции эксперта-лингвиста, что исключает вторжение в сферу компетенции правоприменителя, в частности, при формулировке в заключении эксперта характеристик партнеров коммуникации по их статусно-ролевым функциям.

Практика проведения лингвистических экспертиз по данной категории дел еще раз подтверждает правоту замечания Н.Д. Голева о том, что «разрешающая способность» лингвистической экспертизы при проведении сложных исследований, требующих обращения к новейшим научным методам, зачастую балансирует «между стремлением к глубине и многоаспектности лингвистического анализа и стремлением к соответствию тем понятиям и фреймам, которые заложены в юридических вердиктах, условных по отношению к языковым реалиям и к отражающим их лингвистическим понятиям» [7. С. 25].

В данном случае лингвистический и юридический аспекты проблемы равно определяют необходимость дальнейших научных разработок в сфере судебно-экспертного лингвистического исследования групповой коммуникации по делам, связанным с противодействием организованной преступности:

1) потребность в применении единой объемной модульной методики лингвистической экспертизы с более высокими объяснительными возможностями для исследования коммуникации в преступном сообществе (преступной организации) как наиболее диверсифицированной по отраслям и сферам деятельности криминальной структуре и наиболее сложной и опасной форме соучастия по сравнению с группой лиц по предварительному сговору и организованной группой;

2) развитие междисциплинарных связей лингвистики и теории организации, которое способствовало формированию организационной лингвистики – направления прикладного языкознания, ориентированного на применение методов научной лингвистики в деловой практике – изучении коммуникативного дискурса организации, отражающего иерархизированную структуру взаимодействия и взаимовлияния сотрудников в рамках совместной деятельности.

Практикуемая наиболее часто методическая основа лингвистической экспертизы дискурса коммуникации при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), зиждется на «трех китах»:

а) выявление концепта совместной деятельности участников коммуникации;

б) выявление речевых признаков институциональной групповой коммуникации;

в) выявление речевых признаков статусного иерархического положения, функций и ролевого соотношения участников внутригрупповой коммуникации в рамках совместной деятельности.

Остановимся на перспективах методического совершенствования данных этапов лингвистической экспертизы групповой коммуникации.

Первый этап традиционно основывается на лексико-семантическом, компонентном, контекстуальном анализе, когнитивно-дискурсивном подходе и ориентирован на структурирование речевого материала и идентификацию в содержательно-тематическом плане концепта той или иной совместной практической деятельности. Объективность и верифицируемость результата работы эксперта здесь будут зависеть от степени научной разработанности концепта-эталоны, с которым необходимо сопоставить концепт, с той или иной степенью детализации регулярно реализуемый в исследуемом дискурсе общения.

К настоящему времени для методического и операционального обеспечения лингвистического судебно-экспертного исследования был содержательно описан только концепт «наркотики». На речевом материале 373 фонограмм телефонных переговоров, фигурирующих в рамках уголовного дела, возбужденного по фактам незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем / ней (ст. 210 УК РФ), нами предварительно разработано содержание концепта «игорный бизнес». Подобные исследования необходимы в контексте иных сфер деятельности преступных сообществ (преступных организаций).

Второй этап определяет коммуникативную ситуацию общения исследуемой интеракции – институциональная или же обиходно-бытовая – и основывается на ряде валидных и широко применяемых теорий, но в конечном итоге зависит от успешности расшифровки «разовых кодов» и речевых актов маскирования смыслового содержания, что обуславливается уровнем концептуальной подготовки эксперта к проведению лингвистической экспертизы по соответствующей категории дел.

Третий этап представляет собой анализ прагматической составляющей коммуникативной ситуации изучаемого дискурса общения, и, как показывает опыт, в каждом конкретном случае требует подхода, скорее приближенного к индивидуальному, нежели обобщенному. При построении более «чувствительной» методики, прежде всего, необходимо учитывать границы применимости методов, так как в конкретном случае их использование может «вскрывать» лишь вероятные, но не диагностические признаки.

Так, в [6], в том числе, предлагается выделение таких признаков, как:

1. «Степень знакомства участников (использование разговорных форм приветствия и прощания, разных форм обращений («ты / вы», по имени, кличке, фамилии, терминов родства и наименований социальных ролей)» [Там же. С. 114]. Однако при анализе

коммуникации в криминальных организациях сетевой структуры, имеющих две и более ступеней управления, степень близости личного знакомства коммуникантов не всегда может представлять исследовательский интерес.

2. «Отношения между собеседниками (формальные, неформальные, основанные на деловом сотрудничестве, общих интересах, родственных связях, личных симпатиях и т. д.)» [6. С. 115]. Вместе с тем, как показывает опыт, в подразделении преступного сообщества речевые признаки статуса могут быть контекстуально нейтрализованы в силу каких-либо причин (дружеские или родственные отношения между говорящими, помимо деловых, постоянное близкое сотрудничество в рамках одного организационного или производственного процесса, дополнительная связь наставничества-ученичества в рамках производственных отношений и т.п.), в связи с этим для разграничения организаторов и исполнителей диагностически более целесообразным представляется выявление речевых признаков, указывающих на то, кто несет ответственность за те или иные виды решений.

3. «Речевое поведение общающихся (кто из участников определяет содержание и композиционную структуру диалога, задает направление развития тем и их связь); анализ семантико-синтаксических, лексико-грамматических, лексико-семантических и интонационных средств, используемых говорящими для выражения волеизъявлений (предупреждений, запретов, распоряжений, указаний, требований, просьб, а также разрешений на осуществление конкретных действий), позволяющий определить соотношение статусных ролей коммуникантов <...> и их коммуникативную активность (степень активности, настойчивость в выражении цели, количество иницирующих и реагирующих речевых поступков, эмоциональная вовлеченность в беседу, проявление волевого воздействия на собеседника и т.п.)» [Там же].

Действительно, коммуникативная инициатива – это дискурсивный критерий, по которому можно определять лидерство в его социально-психологическом смысле. Тем не менее проведение названных исследовательских процедур на материале объемом в сотни фонограмм в условиях неочевидности является трудоемкой и затратной по времени экспертной задачей, решение которой в итоге может оказаться неоправданным для ответа на поставленные следствием вопросы.

Так, М.Л. Макаров отмечает, что соотношение коммуникативного и социально-психологического, или «административного», лидерства вызывает ряд вопросов. Категория коммуникативной инициативы как дискурсивно-психологический фокус характеризует само дискурсивное взаимодействие личностей и их стратегий в конкретном коммуникативном эпизоде, т.е. воплощает актуализацию разнообразных аспектов коммуникативной и социальной компетенции собеседников, но может не совпадать с проигрыванием ими в диалоге соответствующих ролей [8. С. 217].

Коммуникативная инициатива проявляется в разных признаках и свойствах дискурса, причем каждый

из этих признаков, взятый изолированно от других, может и не означать владения инициативой, но некоторая их совокупность позволяет определить, кто из участников диалога владеет коммуникативной инициативой. На уровне индивидуальных коммуникативных ходов – это преобладание предписывающих ходов, обычно инициативных: вопросов, приказов, просьб и др., но сам по себе это довольно слабый признак, потому что практически для любого инициативного хода найдется контекст, где этот ход окажется составной частью не самой инициативной стратегии [8. С. 218].

Чтобы «развести» социальную категорию лидерства и дискурсивную – инициативы, М.Л. Макаров ссылается на пример: трехлетний ребенок задает маме вопрос за вопросом, изучая окружающий мир. Социальная психология считает лидером в этом мини-социуме маму. Но дискурс свидетельствует о том, что вопросы ребенка предопределяют ход коммуникации, ее тему, структуру обменов и т.п. В таком взаимодействии именно ребенок владеет коммуникативной инициативой. Но это возможно только в той мере, в какой это позволяет мать: она фактически в любой момент может изменить ход интеракции и взять инициативу в свои руки [Там же. С. 222–223].

Таким образом, инициативные стратегии социально-психологического лидера в группе, высшего по роли и статусу, предполагают установление норм или их умышленное нарушение и функцию контроля за их соблюдением [Там же. С. 221] и узнаются по признаку способности (возможности и полномочий) регулировать динамику коммуникативной инициативы другого. Учитывая высокий уровень конспирации и обеспечения безопасности преступной деятельности, эта речевая стратегия организатора преступной деятельности может выражаться в «неявном доминировании», которое имеет максимально лаконичные дискурсивные формы.

В связи с этим при экспертной работе с большими объемами фонограмм исследование факторов коммуникативной активности и волеизъявлений говорящих должно быть максимально оптимизировано, и это смещает фокус методики с подчас избыточного описания языковых средств, используемых в речевых ходах дискурса коммуникации, на цель моделирования конфигурации коммуникативной сети преступного сообщества (преступной организации), отражающей его / ее иерархическую и статусную структуру. Данный результат мы предлагаем достигать, опираясь на безусловно характерные, отличительные диагностические признаки.

Учитывая, что степень адекватности и объективности результатов исследования повышается при действии более глубокого уровня единиц – носителей смысла: слово – высказывание – текст, слово – контекст – ситуация, речевое произведение – речевое действие (речевое событие, речевой акт) [7. С. 25], при проведении лингвистической экспертизы групповой коммуникации целесообразно задействовать методологический аппарат организационной лингвистики, лингвистически ориентированные методы теории систем и теории речевых актов.

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики организации преступного сообщества (преступной организации) показывают, что этот термин, используемый законодателем при формулировании ряда статей УК РФ, напрямую коррелирует с пониманием организации, сложившимся в рамках теории организации и теории систем.

Понятие «организация», в данном случае, шире понятия «юридическое лицо» и обозначает социально-экономическую общность, которая обладает экономической самостоятельностью и сложной структурой, приобретает черты и качества инициатора социального взаимодействия, является способом социальной интеграции работников, которых объединяют целесообразное речевое поведение для достижения общей цели и наличие иерархизированной структуры коммуникаций [9. С. 90].

Междисциплинарные связи лингвистики и теории организации обусловили формирование с 70-х гг. XX в. области науки, ориентированной на применение в деловой практике – изучении организаций. Организационная лингвистика – направление прикладного языкознания, объектом которого является языковая среда организации, а предметом – организационный дискурс как речевая деятельность, отражающая природу и структуру организации, процесс взаимодействия и взаимовлияния сотрудников, результатом чего является совместный труд и его осмысление, а также изменение самих участников процесса [Там же. С. 93].

Основным методом данного подхода является мониторинг системы коммуникаций в организации с применением дискурс-анализа. Дискурс групповой коммуникации рассматривается как «протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность, где точкой отсчета выступает языковая личность» [10. С. 180], что включает в себя интеракцию посредством как устной речи (телефонные и иные разговоры), так и информационного обмена сообщениями с помощью технических средств. При изучении дискурса речевого поведения группы лиц как объекта экспертизы существенное внимание будет направлено на моделирование компонентов коммуникативного акта, влияющих на устойчивость и вариативность языковых средств [11. С. 25], поскольку для обнаружения устойчивых речевых признаков статуса говорящих экспертный интерес представляет речевое поведение, которое автоматизируется в типичной повторяющейся ситуации общения [12].

Эволюция понятия «коммуникация» применительно к организации привела к самому широкому пониманию этого явления – от средства передачи информации до условия функционирования организации. «Изначально этот феномен понимался как средство, с помощью которого индивидуальная активность членов организации координируется и позволяет достичь организационных целей. Затем последовало определение коммуникации как центрального процесса в организации. Новейшее понимание коммуникации находит выражение в ее трактовке как основы для создания организации. Организации посто-

янно адаптируются к изменяющимся экономическим условиям, перестраивая свои структуры, что отражается и на процессах коммуникации: они одновременно и следуют за новыми организационными структурами, и способствуют их созданию» [13].

Организационная структура – это взаимосвязь различных функций или видов деятельности выполняемых сотрудниками организации, которая соответствует организационным целям и задачам, приспособлена к ним. Она проявляется через разделение труда, создание специализированных подразделений, иерархию должностей, внутриорганизационные процедуры и является необходимым элементом эффективной организации, поскольку придает ей внутреннюю стабильность и позволяет добиться определенного порядка в воспроизводстве / распределении организационных ресурсов. Ее неотъемлемой характеристикой является степень иерархичности как величина расстояния (число уровней) между высшим и низшим звеном организации.

Теория организации (менеджмента) давно «стоит» на том, что бизнес, как все сферы деятельности, осуществляется через вербальную коммуникацию, которая буквально пронизывает любую организацию, по сути определяя и формируя ее тело, подразделения и функции [14. С. 82]. Как подчеркивает Б.-Л. Гуннарссон, «изучение коммуникации в крупных организациях показывает сложную и многомерную картину соответствия между организационной структурой и дискурсом коммуникации. Крупные организации функционируют посредством разнообразных социальных конструкций с различными иерархическими структурами, ценностями, познаниями и культурами, при этом социолингвистические типы дискурса частично перекрываются и переплетаются, превращаясь в сложную и многослойную структуру дискурса. Чтобы понять коммуникацию в крупных организациях, нужно рассмотреть интеракцию в разных уровнях» [15. С. 124].

Традиционная концепция организации подчеркивала важность структуры, иерархических взаимосвязей, власти, специализации, принципа объема контроля, взаимоотношений подсистем организации и была дополнена формированием понятия организации как открытой, находящейся в состоянии постоянно меняющегося равновесия системы, включающей иерархическую сеть взаимозависимых частей и переменных, созданных для выполнения специальных функций, которыми являются отдельные личности, неформальные группы, отношения между группами, формальная структура и в некоторых случаях – внешние системы, оказывающие прямое воздействие на организацию [16. С. 23–160, 363–478]. Согласно теории систем анатомию организации следует изучать по распределению и размещению функций принятия решений.

Поведение организации по отношению к внешнему миру определяется процессом решения проблем и механизмом выработки решений, который включает три этапа: информацию – оценку обстановки для определения условий, которые надо знать для приня-

тия решения; проектирование – поиск, разработка и анализ возможных вариантов действий; выбор – отбор одного направления альтернативных действий. Организация как система для принятия решений включает в качестве необходимых элементов информацию, цели, стратегию, альтернативы, возможности и последствия.

Решение может быть представлено как процесс связи или ряд отдельных взаимосвязанных случаев связи, так как основывается на сложном процессе комбинирования информационных сообщений, полученных из разных источников, и имеет своим результатом также передачу выработанного сообщения. Поэтому процессы принятия решений и процессы связи в организации настолько взаимозависимы, что становятся практически неразделимыми: любое исследование связи неизбежно включает рассмотрение процесса принятия решений и наоборот. Административное руководство организацией, рассматриваемое как процесс принятия решений, также можно представить как процесс связи: тип управления формирует конфигурацию сетей связи в коллективах, имеющих разные размеры, форму и степень сплоченности и стабильности.

Исходя из этого иерархия процессов принятия решений является основой, а система связи, т.е. поток информации, направленный к точкам принятия решений на всех уровнях организации и обеспечивающий необходимые для этого данные, – главным элементом организации как интегрированной информационно-решающей системы, которая определяет взаимоотношения сотрудников и устанавливает, кто несет ответственность за те или иные виды решений [16. С. 98].

Системы информационного потока (сети связи), системы принятия решений и регулирующие механизмы обеспечивают координацию и соединение частей организации в синхронизированное целое на основе постоянного функционирования взаимных связей между ее элементами и в совокупности составляют единую конфигурацию сетей коммуникации.

Коммуникативную модель организации (структуру и морфологию организационной коммуникации) можно представить таким образом:

- 1) участники коммуникации;
- 2) особые ситуации коммуникации;
- 3) специфические способы и языковые средства коммуникации;
- 4) пересечение вертикальных и горизонтальных направлений коммуникации, обусловленное характером организации [9. С. 92].

Коммуникативная сеть (сеть связи) организации приспособлена для решения управленческих и производственных задач и представляет собой соединение участников коммуникации с помощью информационных потоков. Каждый коммуникационный канал – единичное перемещение информации – имеет следующие признаки: тип канала связи; проблематика (к какой сфере деятельности относится информация); адресат и адресант; периодичность (частота передачи информации). Конфигурация коммуникативной сети, обусловленная потоками специальных сообщений между подразделениями и лицами в организационной

иерархии, показывает, насколько усложнена организационная структура.

Лингвистически ориентированный анализ коммуникативной сети организации мы предлагаем выполнять на основе следующих процедур:

1. Предоставленный эксперту дискурс полного коммуникативного взаимодействия, зафиксированный на материальном носителе, разделяется на набор парциальных коммуникативных взаимодействий, среди которых по содержанию выделяются значимые связи, оказывающие наибольшее влияние на деятельность организации.

Полное коммуникативное взаимодействие – это совокупность всех взаимодействий и взаимоотношений человека, в которые он вступает с окружающими людьми при выполнении своих функциональных обязанностей в организации. Учитывая технические приемы записи негласно прослушиваемых телефонных переговоров, зачастую речевой материал фиксируется и предоставляется эксперту в формате полного ежедневного коммуникативного взаимодействия человека А с кругом контактирующих с ним лиц за определенный период времени. Для анализа групповой коммуникации и моделирования коммуникативной сети организационного дискурса необходимо отобразить контекст полного коммуникативного взаимодействия в виде набора парциальных коммуникативных взаимодействий.

Парциальное коммуникативное взаимодействие – это совокупность всех состоявшихся на данный момент коммуникативных актов и диалогов, включая и их результаты, человека А с одним и тем же конкретным человеком В. Дискурс парциального коммуникативного взаимодействия дает возможность проследить направления коммуникационных потоков и содержание каждого конкретного канала внутриорганизационного делового общения с тем, чтобы впоследствии моделировать структуру групповой коммуникации, т.е. коммуникативную сеть, в разрезе статусов, функций и ролей говорящих.

2. Путем сопоставления ситуативно-коммуникативных ролей говорящих, выражающих семантическую категорию статуса в группе, и экспликации речевого действия «Запроса на принятие решения» выявляется конфигурация коммуникативной сети организации, состоящая из точек принятия решений и информационных потоков по направлению к ним.

Эксплицируем речевое действие «Запрос на принятие решения» на материале интеракции лиц А и В, происходящей в рамках совместной деятельности по организации и проведению азартных игр:

1) А: Да, Вован? / В: Аллэ, Вован. Чё, короче на Киевской чисто всё. Я Кате сказал, / А: Я понял. Она мне уже позвонила. / В: Это, чё я подумал, может на недельку еще пока выставить в день? Раз такая ситуация? На Киевской. / А: Можно, так-то. Если есть, кого позвать, давай доставим завтра, послезавтра. / В: Так есть что, найдем. / А: Давай. / В: Я думаю, сижу, что это, чтобы поспокойнее чувствовать себя. / А: Давай поставим не вопрос, можно //

2) А: Алло, Вован, / В: Алло, Вовка, что, бабки на Киевской, да, брать? / А: Да / В: Слушай, это, что, надо порешать, что как парням платить. Работы много так-то. Мы уже два часа только грузимся. / А: Не обидеть их соориентируйся чтоб //

3) А: Ты Лехе намери. Я сегодня закину процессор на Киевскую. Пусть он хотя бы основное-то подключит. / В: Нет, основное-то без проблем, давай, конечно. А на Мае что? / А: На Мае-то чего не хватает, камеры, да? / В: Там вообще ничего нету / А: Май пока пусть под вопросом. А Киевскую, давай, сделаем, / В: Давай, Я тоже сейчас в город поеду. Так что давай, если что, пересечемся, / А: Ты намери его в ближайшее время. Я сегодня вечером поеду, завезу туда проц, пусть там будет, / В: Хорошо, понял //

4) В: Я в зале. Что им говорит, как работать? / А: Что там, смотрят? / В: Ну сейчас пока нет, отъехали. / А: Как только кто-нибудь приедет, пускай аппараты выключают / В: Понятно, А пока что, людей пускать или что? Если будут идти. / А: Давай, сегодня нет. Давай сегодня вообще закроем их. / В: Ну я тоже что-то думаю, от греха. / А: Но какая-то х**ня //

5) А: Да, Вован. / В: Вовка. Слушай, я что думаю, они вот у кафешки стоят, мы сейчас туда подъедем. Может такое быть, допустим, что он отъедет на чуть-чуть. Я знаешь что подумал, а если заказать газельки и прямо загонять в зал их. / А: Нет / В: Не вариант? / А: Мы поругаемся с владельцами тогда. / В: Ну не знаю. / А: Не залипай, если стоят, не надо ничего делать, лучше на завтра перенести, и всё, на х** надо. / В: Так не суть, что они завтра не будут смотреть, понимаешь. / А: Ну, послезавтра тогда вывезем. / В: Понятно, Вован. Ну, ладно //

6) В: Алло, Вовка, не лег еще? / А: Нет. / В: Да сижу, что-то кумекаю, короче. В общем, полчаса назад они уехали мусора. / А: Ага. / В: Вот, пока их нет. Я просто думаю, что вообще и как делать, Ну, просто так вот анализирую, что они могут подъехать к пересменке, да? / А: Ага. / В: Посмотреть. И что вообще делать, то есть как делать вообще, сижу и думаю, чтобы нам не встрять, когда будем перевозить. Ты когда вообще хочешь зал открывать? / А: Завтра. Я, Вова, не могу с тобой по телефону эти темы обсуждать, я же тебе говорил. / В: Понятно, ну просто это, чтобы чуть что я не знаю, завтра будем делать или не будем, вот в чем вопрос, / А: Всё, я понял твой вопрос. Ты спать не будешь в ближайшее время? / В: Нет. / А: Я заеду позже //

7) В: Алло, Вовка. А ты от старого склада ключ сдал? / А: Нет еще. / В: Я просто сейчас что-то такая идея это, я просто думаю может туда их выкинуть, и пускай, через несколько часов забрать. / А: Да нет, не надо. / В: Не надо? / А: Смысл? Я тоже подумал об этом, Да пусть туда едет, возле ворот вообще пускай встанет. / В: Дак а этот тоже может сутки стоять, а время-то идет. / А: Х** с ним. Главное чтоб он аппараты не забрал, / В: Они просто хотят узнать вообще, где у нас склад, и да... они вообще хотят узнать, куда мы их повезли, / А: Но. /

*В: Б**дь! Ну, короче, думаешь, не стоит, да, так делать? Просто сюда подъезжать и все? / А: Ага. / В: Понятно. Ну, ладно, ладно. Смотри, Вован, думай, короче, тоже и скажи./ А: Ну пока вот так. Да пускай вообще к воротам подъедет, там где-нибудь достоит, и все //*

Для выявления речевого действия «Запрос на принятие решения» и последующей идентификации входящего потока коммуникации – от нижнего уровня в организационной иерархии к более высокому – требуется определить структуру диалога и ее основные элементы. Структура коммуникации между участниками диалогов состоит из элементов-этапов:

- 1) установление контакта (приветствие, причина звонка);
- 2) сообщение и обсуждение проблемы, требующей разрешения в виде принятия решения о выборе одного из альтернативных действий;
- 3) проектирование и анализ возможных вариантов действий;
- 4) запрос на принятие решения со стороны одного из участников разговора к другому;
- 5) принятие решения в виде выбора одного направления альтернативных действий;
- 6) завершение разговора.

Объяснительные возможности теории речевых актов применительно к судебной лингвистической экспертизе для описания структуры и свойств отдельных видов речевых произведений-действий описываются К.И. Бриневым [17. С. 131–142, 180–183, 188–190].

Опишем модель речевого действия «Запрос на принятие решения»:

Участник 1 – запрашивающий решение, **Участник 2** – принимающий решение.

Иллокутивная цель. Участник 1, излагая информацию о проблемной ситуации, касающейся общего дела участников разговора, проекты возможных вариантов своих действий для ее разрешения и произнося запрос на принятие решения в виде выбора одного направления альтернативных действий (разновидность рогатива, исходя из классификации Дж. Лича), делает это для того, чтобы побудить Участника 2 к ментальному действию – принятию решения о выборе одного направления альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации – и к вербальному действию – директиве в адрес Участника 1, в своей пропозиции содержащей выбранный вариант действий Участника 1 для разрешения проблемной ситуации.

Условие искренности. Участник 1 знает, что сам не может оценить обстановку для определения условий, необходимых для принятия данного решения, и / или не уполномочен на это и что Участник 2 знает условия для принятия данного решения и / или уполномочен на это. Участник 1 хочет, чтобы цель в виде принятия решения о выборе одного направления альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации была достигнута, а именно, чтобы Участник 2 принял решение, тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратил данное решение к исполнению Участником 1. Перлокутивный эффект директивы, основанной на приня-

том решении, со стороны Участника 2 в адрес Участника 1 обязателен вне зависимости от лингвопрагматической характеристики облигаторности исполнения (директивный РА может быть слабым по форме – с использованием лексем «давай», «пускай» и подобных, но речевое поведение Участника 1 отражает однозначное подтверждение намерения исполнения прескрипции типа «Ладно», «Понятно», «Хорошо»).

Условия успешности. Для Участника 1 и Участника 2 неочевидно, что принятие решения по проблемной ситуации в виде выбора одного направления альтернативных действий, к чему Участник 1 побуждает Участника 2, произойдет само собой (без изложения Участником 1 информации о проблемной ситуации, возможных вариантов действий Участника 1 для ее разрешения и побуждения Участника 2 к тому, чтобы он принял решение и в директивной форме обратил его к исполнению Участником 1).

Высказывание «вопрос на побуждение» (императивный вопрос). Вопрос на побуждение отличается от побудительного вопроса тем, что во втором случае побуждение касается адресата (*Не закрыть ли тебе дверь? = Закрой дверь*), а в первом случае – автора вопроса (*Закрывать дверь? = Реши и скажи, закрыть мне дверь или нет. Не подарить ли ему щенка? = Реши и скажи, подарить мне ему щенка или нет. Купить или не покупать? = Реши и скажи, купить мне или не покупать*). Вопросительное высказывание, выражающее побуждение слушающего к выполнению определенных действий: ментального действия – принятия решения и вербального действия – обращения данного решения к исполнению посредством директива. В ядерных случаях это сложное высказывание, объединяющее: репрезентатив с информацией о ситуации; частновопросительное предложение об отдельной стороне ситуации, или альтернативный вопрос, предполагающий выбор одного из двух (или нескольких) действий (*Что им говорить, как работать?*); лексические средства побудительного характера или способные выступать в функции побуждения (инфинитивные конструкции типа «*Надо порешать*», «*Подумай*», «*Думай и скажи*» и пр., конструкции, активизирующие внимание адресата «*Будем делать или не будем, вот в чем вопрос*», «*Как думаешь?*») и подобные).

Условие ущерба. Нарушение условий искренности и условий успешности.

С позиции адресанта **структура речевого действия «Запрос на принятие решения»** будет иметь вид:

1) знаю информацию о проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, в которой возможен ряд вариантов моих действий для ее разрешения;

2) знаю, что я сам не могу оценить обстановку для определения условий, необходимых для принятия решения Y в виде выбора одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, и / или не уполномочен на это;

3) знаю, что ты знаешь условия для принятия решения Y в виде выбора одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, и / или уполномочен на это;

4) хочу, чтобы цель в виде принятия решения Y о выборе одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X , касающейся нашего общего

дела, была достигнута, а именно чтобы ты принял решение, тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратил его к исполнению мною;

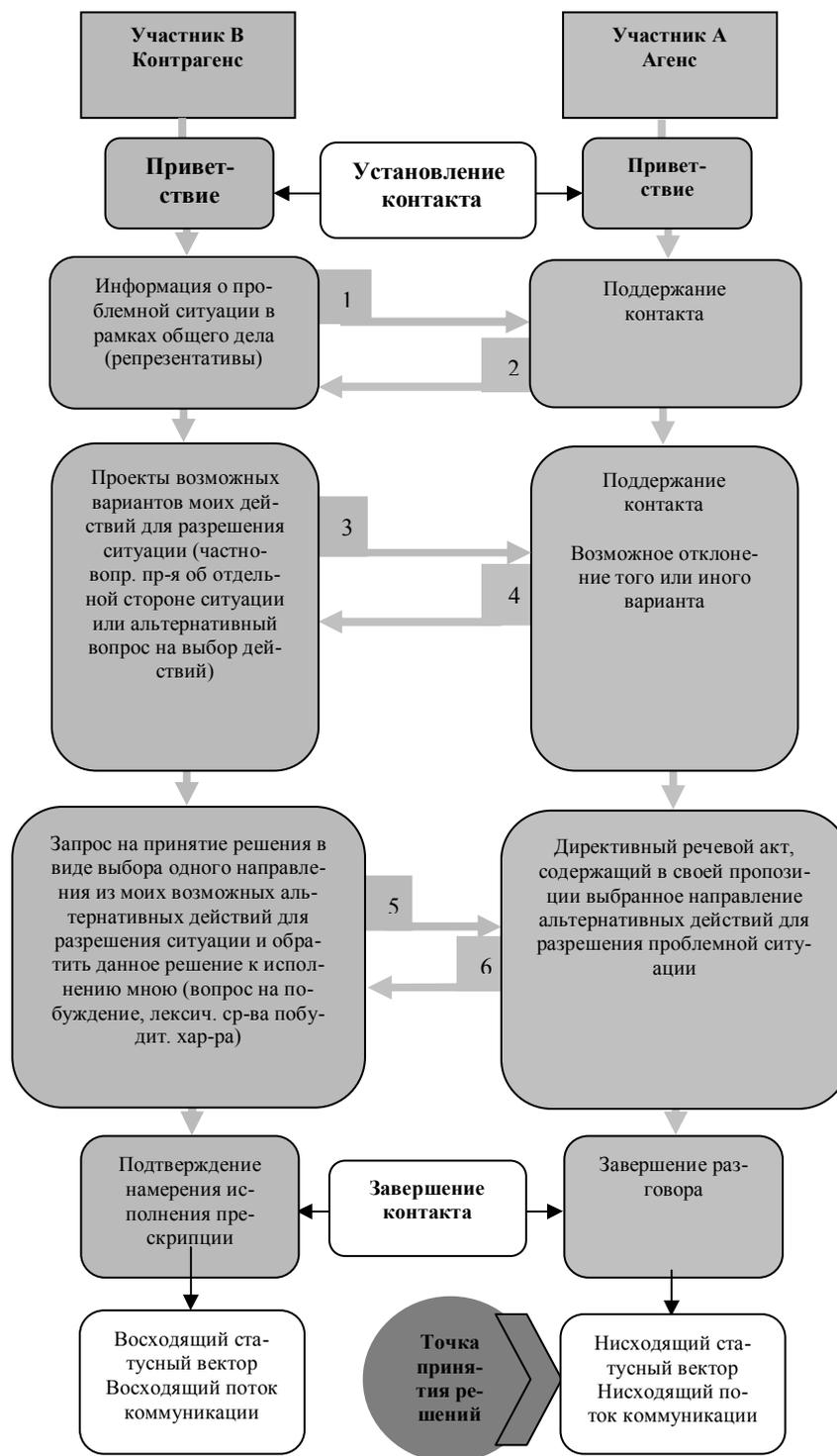

Рис. 1. Структура речевого действия «Запрос на принятие решения» в потоке восходящей коммуникации

5) знаю, что для того чтобы была достигнута цель в виде принятия решения Y о выборе одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, необходимо изложить тебе информацию об этом;

б) знаю, что если изложу тебе информацию о проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, а также проекты возможных вариантов моих действий для ее разрешения и спрошу твоего решения в виде выбора одного направления моих альтернатив-

ных действий, возможно, что ты примешь это решение Y , тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратишь его к исполнению мною;

7) говорю тебе: есть информация о проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, в которой возможен ряд вариантов моих действий для ее разрешения, и необходимо, чтобы ты принял решение Y и обратил его к исполнению мною;

8) говорю это тебе для того, чтобы ты принял решение Y о выборе одного направления из ряда моих альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, тем самым взяв на себя ответственность за него, и обратил данное решение к исполнению мною.

Экстраполируя разработанную операциональную модель на материал семи фрагментов дискурса, с минимально возможной погрешностью определяем, что речевое действие «Запрос на принятие решения» регулярно присутствует в речи коммуниканта B в адрес коммуниканта A в рамках дискурса о совместной деятельности этих лиц. Следовательно, точкой принятия решения в конфигурации коммуникационной сети является участник A . Информационный поток от участника B к участнику A – восходящий, с восходящим статусным вектором говорящего, т.е. направлен от более низкого уровня в иерархии принятия решений (организационной иерархии), на котором находится участник B , к более высокому, на котором находится участник A (см. рис. 1).

Подводя итог, не вызывает сомнения необходимость разработки объемной модульной методики лингвистической экспертизы групповой коммуникации с высокой разрешающей способностью, ориентированной именно на коммуникативную модель пре-

ступного сообщества (преступной организации) как наиболее сложной и высокоразвитой деятельностной криминальной структуры по сравнению с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В целях оптимизации работы эксперта, достижения объективного и верифицируемого научного результата, релевантного относительно задач расследования, для лингвистического исследования дискурса коммуникации в преступном сообществе (преступной организации) целесообразно задействовать адаптированный методологический подход организационной лингвистики и лингвистически ориентированные методы теории систем.

Достижение значимого практического результата, на наш взгляд, заключается в том, что анализ речевых признаков статусного положения, функций и ролевого соотношения говорящих в рамках совместной деятельности воплощается в наглядную и наукоемкую модель конфигурации коммуникативной сети, которая отражает иерархическую организационную структуру группы, состоящую из разноуровневых точек принятия решений и информационных потоков к ним.

Высокими объяснительными возможностями теории речевых актов в анализе прагмалингвистической составляющей групповой коммуникации обусловлена эффективность предлагаемого нами приема выявления речевого действия «Запрос на принятие решения», которое способно иметь значение системного и, безусловно, характерного диагностического признака для идентификации восходящих и нисходящих статусных векторов говорящих и точек принятия решения в коммуникативной сети преступного сообщества (преступной организации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 13.07.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/ugolovnyj-kodeks-rf-uk-rf> (дата обращения: 19.07.2015).
2. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: ИНФРА-М, 2009. 397 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902220495> (дата обращения: 19.07.2015).
4. Азатов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 61 с.
5. Мамаев Н.Ю. К вопросу построения инвариантной контекстуальной структуры для проведения лингвосемантического анализа спорных разговоров // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 359–370.
6. Балахи М.А., Коряковцев А.В. Практика использования лингвистической экспертизы при доказывании совершения наркопреступлений группой лиц // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 111–116.
7. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2001. № 3. С. 14–29.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Харченко Е.В., Шкатова Л.А. «Организационная лингвистика»: миф или реальность? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. С. 90–94.
10. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
11. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 48 с.
12. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
13. Jones E., Watson B., Gardner J. Organizational Communication: Challenges for the New Century // Journal of Communication. December 2004. P. 722–750.
14. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2002. 223 с.
15. Gunnarsson B.-L. Discourse in Organizations and Workplaces // Contemporary Applied Linguistics. Vol. 2: Linguistics for the Real World. N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2009. P. 122–142.
16. Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство / в пер. И.М. Михайлова, Ю.Т. Печатникова, А.Б. Энтина ; под ред. Ю.В. Гаврилова, Ю.Т. Печатникова. М.: Сов. радио, 1971. 648 с.
17. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 363 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 августа 2015 г.

THE CONCEPT OF SPEECH ACT "REQUEST FOR DECISION MAKING" IN FORENSIC DISCOURSE ANALYSIS FOR INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED CRIME GROUPS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 5–14. DOI: 10.17223/15617793/398/1

Belskaya Nicole S. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nicole_belskaya@mail.ru

Keywords: forensic linguistics; corporate crime (crime organization); speech act theory; discourse theory; organizational linguistics; speech act "Request for Decision Making"; group communication; status and roles in group; group communication network.

The article focuses on discourse in crime organizations and emphasizes the complexity and diversity of communication in modern corporate crime groups. Research methods of forensic linguistics in this area must be focused on the identification of: a) a concept of joint activity of a crime group; b) speech features of group communication in an organization; c) speech features of a status hierarchical situation, functions and roles of participants within intra-group communication. Correspondence between an organizational structure and discourse is seen here as a two-way relationship. Creating texts (written, spoken and computer-mediated) forms an important part of an organization's work. Texts are influenced by the social context, thus reflecting the organization and its social structure, values, knowledge and culture. But texts also play a role in establishing various social dimensions of the organization. In close-knit workplace groups there is an obvious connection between the social and the communicative plane too. The group structure is reflected in the communicative organization: the hierarchical social structure is reflected in communicative patterns relating to influence and supervision. Discourse reflects social organizational patterns and also plays part in the construction of the 'organizational self', in the shaping of the organization. This article describes the concept and the structure of speech act "Request for Decision Making" in forensic linguistics research. The explication of this speech act is used for analysis of roles and status as interaction competencies in organizational discourse. Procedure of speech act detection is offered as a prospective operational research method of modeling the hierarchy configuration of a communicative network founded on the information streams and decision-making functions. It helps distinguish the basic traits of discourse in varied forms of the organization. Though many traditional linguistic indicators of intra-group communication are not informative for organizational discourse, with a theoretical orientation towards sociolinguistics, discourse analysis, speech act theory, organizational linguistics and organization network theory, these researchers have sketched the frames which influence discourse at various levels within organizations. This approach is determined by law enforcement officials' need for expert studying of status hierarchy, roles and functions of crime group members to help prove their fault.

REFERENCES

1. Russian Federation (1996). *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (s izmeneniyami na 13.07.2015)* [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (as amended on 13.07.2015)]. [Online]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/ugolovnyj-kodeks-rf-uk-rf>. (Accessed: 19th July 2015).
2. Ovchinskiy, V.S., Eminov, V.E. & Yablokov, N.P. (eds) (2009) *Osnovy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu* [Basis of the fight against organized crime]. Moscow: INFRA-M.
3. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (2010) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10.06.2010 g. № 12 "O sudebnoy praktike rassmotreniya ugolovnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastii v nem (ney)"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 no. 12 "On judicial practice in criminal cases on the organization of a criminal group (criminal organization), or participation in it"]. [Online]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902220495>. (Accessed: 19th July 2015).
4. Agapov, P.V. (2013) *Osnovy protivodeystviya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Framework for combating organized crime]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Mamaev, N.Yu. (2007) K voprosu postroeniya invariantnoy kontekstual'noy struktury dlya provedeniya lingvosemantičeskogo analiza spornykh razgovorov [On the question of constructing an invariant contextual framework for linguosemantic analysis of disputes]. *Yurilingvistika*. 8. pp. 359–370.
6. Balash, M.A. & Koryakovtsev, A.V. (2012) The practice of using the linguistic expertise while proving drug crimes committed by the group of persons. *Yurilingvistika*. 1 (12). pp. 111–116. (In Russian).
7. Golev, N.D. (2001) Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvističeskoy ekspertizy [On the fairness and legitimacy of the source of linguistic expertise]. *Yurilingvistika*. 3. pp. 14–29.
8. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: Gnozis.
9. Kharchenko, E.V. & Shkatova, L.A. (2009) "Organizatsionnaya lingvistika": mif ili real'nost'? ["Organizational linguistics": Myth or Reality?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 17 (155). pp. 90–94.
10. Borisova, I.N. (2009) *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. 3rd ed. Moscow: Librokom.
11. Galyashina, E.I. (2003) *Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedeniya* [Methodological bases of judicial speech study]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
12. Matveeva, G.G. (1993) *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa ("portreta") govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of a social image ("portrait") of the speaker]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Jones, E., Watson, B. & Gardner, J. (2004) Organizational Communication: Challenges for the New Century. *Journal of Communication*. December. pp. 722–750. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02652.x
14. Persikova, T.N. (2002) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i korporativnaya kul'tura* [Intercultural communication and corporate culture]. Moscow: Logos.
15. Gunnarsson, B.-L. (2009) Discourse in Organizations and Workplaces. In: Wei, L. & Cook, V. (eds) *Contemporary Applied Linguistics*. Vol. 2: *Linguistics for the Real World*. N.Y.: Continuum International Publishing Group.
16. Johnson, R., Kast, F. & Rosenzweig, D. (1971) *Sistemy i rukovodstvo* [Systems and management]. Translated by I.M. Mikhaylov, Yu.T. Pechatnikov, A.B. Entin. Moscow: Sovetskoe radio.
17. Brinev, K.I. (2010) *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvističeskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.

Received: 12 August 2015

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В РЕЧИ МОЛОДЁЖИ г. ГЛАЗГО (ГЕНДЕРНЫЙ И СИТУАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ)

На примере речи молодёжи г. Глазго рассматривается вариативность монофтонгов, дифтонгов, безударных и эрных гласных шотландского языкового континуума, включающего шотландский вариант английского языка и идиом скотс; устанавливается связь произносительных единиц с факторами ситуативного и стратификационного порядка; формируется представление о качественных и количественных изменениях реализации гласных фонем полного и разговорного произносительных стилей в контексте коммуникации, реализуемой при помощи видеоблога.

Ключевые слова: шотландский вариант английского языка; скотс; вариативность произношения; гласные фонемы; фоностили; гендер; молодёжь г. Глазго.

Исследование вариативности речи с учётом факторов социальной принадлежности говорящего и ситуации общения входит в основной круг задач социолингвистики, призванной предоставить полное и всеобъемлющее описание отношений и корреляций между языком и обществом [1. С. 11]. Создание подобной корреляции позволяет установить частоту использования определённых языковых форм в различных социальных группах в определённый отрезок времени, фиксировать тенденции развития изменений произносительных вариантов в целом.

Об изменении британских региональных вариантов произношения свидетельствуют исследования П. Керсвилла и Л. Милроя [2, 3]. С одной стороны, различия региональных вариантов произношения крупных городов Британии «сглаживаются» (dialect levelling) в результате внутренней миграции, социальной мобильности, влияния СМИ и других факторов. С другой стороны, уникальные региональные акценты, сформированные в ходе длительного контакта английского, ирландского, гэльского языков, и идиома скотс могут по-прежнему пользоваться в своей области большим престижем, чем стандартный британский вариант [4].

Исследуя речь жителей крупных городов Шотландии, Глазго и Эдинбурга, исследователи отмечают тенденцию изменения традиционного шотландского акцента [5]. Наблюдение за речью молодёжи становится особенно актуальным, поскольку данная социальная группа в силу своего возраста активно воспринимает и передает всё новое, что отражается и на произносительном уровне языка [6].

Вариативность произношения непосредственно связана с факторами пола, возраста, социального положения и ситуации общения, о чем свидетельствуют многочисленные исследования в области социолингвистики [7–9]. Проблема социальной обусловленности языка в г. Глазго рассматривается в работах Р. Маколей, К. Макейфи, Дж. Стюарт-Смит, Дж. Скобби, Р. Лоусен. Благодаря усилиям исследователей разработаны модели произношения различных социально-экономических групп, установлены основные фоностилистические переменные. Текущее исследование направлено на изучение вариативности гласных фонем в речи молодёжи г. Глазго, реализуемой в формате видеоблога, т.е. серии видеозаписей,

которые создаются автором при помощи веб-камеры в привычной для себя атмосфере и ориентированы на широкий круг коммуникантов по всему миру. Таким образом, впервые проводится анализ реализации фоностилистических переменных в полном и разговорном стилях речи молодёжи г. Глазго в ситуации виртуального общения в мультикультурной среде.

Методика исследований. На первом этапе исследования (2011–2014 гг.) осуществлялись сбор языкового материала и его первичная систематизация. Основу корпуса данных составили видеозаписи участников онлайн-опроса «Scottish Accent Tag». На втором этапе сформирована группа информантов, состоящая из 40 человек: 21 девушки и 19 юношей 16–24 лет преимущественно среднего класса, родившихся и проживающих в городе и окрестностях Глазго. На третьем этапе исследования в 2014 г. осуществлялся аудиторско-акустический анализ образцов чтения и спонтанной речи общей длительностью 137 минут.

Процедура анализа гласных в образцах чтения и спонтанной речи состояла из аудиторского и аудиторского анализа, извлечения и группировки целевых сегментов, сбора показателей частоты и долготы гласных, а также соотнесения данных фонетической вариативности с экстралингвистическими факторами пола и ситуации (формальности / непринуждённости) общения. Для определения положения реализованных гласных в системе шотландского языкового континуума сопоставлены средние значения первой и второй формант гласных в с аналогичными значениями гласных стандартного английского (RP) и шотландского (SSE) вариантов английского языка.

Процедура анализа несколько менялась в зависимости от категории гласных. Исследование монофтонгов осуществлялось с использованием сценария Praat для автоматического логирования формант (formant-logger). Данный сценарий определял частоту формант в центре интервала гласной, где влияние соседних фонем сведено к минимуму и гласная считается стабильной. При анализе дифтонгов значение формант фиксировалось в начальной и конечной точках. Данный подход необходим для определения качественных характеристик ядра и глайда дифтонга, а также для различения дифтонгов и долгих монофтонгов. При исследовании количественных характеристик гласных кроме положения фонемы в слоге учитывался характер её фонети-

ческого окружения, а именно влияние Правила долго-ты шотландских гласных. Особое внимание также уделялось исследованию влияния поствокального /r/ на качество и длительность гласной.

Лексемы, содержащие целевые гласные, были распределены согласно 38 стандартным лексическим наборам Дж. Уэлса [Wells: 1982] с учётом особенностей произношения в шотландском регионе, описанных Дж. Стюарт-Смит [Stuart-Smith: 2008]. Аннотация и сегментация данных выполнены в программе Praat группой аудиторов, среди которых – носители шотландского варианта английского языка, а также специалисты в области фонетики. Сопоставительный анализ реализаций переменных монофтонгов проводился с учётом ситуативно-стратификационного метода [Labov: 1962].

Результаты исследований: монофтонги. Переменная (i) характеризуется понижением до средне-нижнего подъёма и продвижением до среднего ряда. При чтении анкеты зафиксированы следующие варианты реализации переменной (i) категорий KIT, FLEECE: неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма [i], ненапряжённый гласный переднего ряда верхнего подъёма [ɪ], ненапряжённый гласный переднего ряда верхнего подъёма пониженной разновидности [ɪ̟], неогубленный гласный среднего ряда верхнего подъёма [i̟], ненапряжённый гласный среднего ряда верхнего подъёма [i̟], неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма [e], гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма повышенной разновидности [e̟], неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма пониженной разновидности [e̟], гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма [e], а также гласный заднего ряда средне-верхнего подъёма [o].

При сопоставлении средних значений частот фонем [i] и [ɪ] информантов мужского пола со средними показателями частот стандартного английского (RP) и шотландского (SSE) вариантов выявляются отклонение от RP, а также незначительное отклонение от SSE: в речи информантов при чтении варианты фонемы [i] и [ɪ] немного ниже по подъёму и более продвинуты назад к среднему ряду, чем зафиксированные в Глазго Э. Ферран и Ф. Пеллегрини [Ferragne, Pellegrino: 2010]. Показатели частот у информантов женского пола выше, однако пропорциональны показателям мужского пола.

В полном стиле речи наиболее часто информанты использовали ненапряжённый [ɪ], а также более низкий по подъёму вариант [ɪ̟], соответствующий шотландскому произносительному стандарту. Доля реализации стандартных вариантов переменной (i) среди информантов мужского пола составляет 75%, женского – 67%. В разговорном стиле наблюдается тенденция увеличения числа реализаций нестандартных вариантов: доля использования вариантов средне-верхнего и средне-нижнего подъёма [e], [e̟], [e̟̟], [e] возрастает у юношей с 15 до 30%, у девушек – с 25 до 56%. Увеличение числа реализаций вариантов среднего ряда [i̟], [i̟̟] наблюдается в основном в спонтанной речи информантов женского пола.

В результате анализа образцов чтения выявлено, что для лексических наборов KIT и FLEECE характерен отдельный набор реализаций. Социофонетическая вариативность в стандартном наборе FLEECE крайне незначительна: варианты отличаются преимущественно по длительности, в речи информантов преобладает гласный переднего ряда верхнего подъёма [i]. Вариативность лексического набора KIT более разнообразна; варианты значительно отличаются по качественным характеристикам и незначительно – по количественному параметру [10].

Реализация переменной (e) исследовалась в группе слов стандартного лексического набора DRESS, а также в лексических наборах NEVER и HEAD, введённых Дж. Стюарт-Смит для описания особенностей шотландского произношения. В лексическом наборе NEVER может реализовываться вариант [ɛ̟] – неогубленный гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма, смещённый к центральному ряду [11. С. 34]. В данном исследовании зафиксировано менее двадцати случаев реализации варианта [ɛ̟] преимущественно в словах *envelope*, *when*. Менее десяти случаев использования гласного переднего ряда верхнего подъёма [i], характерного для идиома скотс, зафиксировано в лексическом наборе HEAD.

Маркером фоностилистической вариативности переменной (e) полного и разговорного стиля речи молодёжи г. Глазго служит открытость-закрытость вариантов; более закрытый вариант чаще используется в разговорном стиле, более открытый – в полном стиле. Наибольшее количество реализаций в полном стиле речи приходится на вариант [e̟] – неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма низкой разновидности; стандартный шотландский вариант [ɛ] является вторым по частоте использования; наиболее высокий по подъёму вариант [e] в незначительной степени преобладает в речи представительниц женского пола. Формантный анализ свидетельствует о тенденции использования информантами более закрытых вариантов реализации неогубленного гласного переднего ряда средне-нижнего подъёма [ɛ] по сравнению с RP. Частотные показатели вариантов реализации переменной (e) информантов обнаруживают сходство со значениями реализации фонемы [ɛ] в речи представителей среднего класса.

В полном и разговорном стилях речи молодёжи г. Глазго основными вариантами реализации переменной (a) являются стандартный шотландский неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъёма [a], а также варианты более высокого подъёма [a̟], [æ], [ɛ], [e].

В связи с отсутствием противопоставления фонем [æ]-[ɑ:] в шотландском варианте английского языка, слова, содержащие варианты данных фонем, были сгруппированы в категорию, объединяющую стандартные лексические наборы TRAP, BATH и PALM. К данной категории были присоединены лексические наборы AFTER, STAND, описывающие различия произношения переменной (a) стандартного шотландского варианта английского языка и идиома скотс как противопоставление фонем [a] – [ɛ-a̟] и [a] – [ɜ-a̟].

Всего зафиксировано менее десяти случаев реализации варианта [ɛ] в начальной позиции в слове *after* и реализации варианта [ɔ] в словах *hand, stand, half*.

Доля использования информантами мужского пола стандартных вариантов переменной (a) в полном стиле составляет 57%; среди информантов женского пола – 63%. Фоностилистическая вариативность переменной (a) проявляется в использовании более закрытых вариантов в спонтанной речи. В речи информантов женского пола обнаружена тенденция реализации вариантов, близких к произносительному стандарту RP. Реализация переменной (a) в речи представителей мужского пола соответствовала стандартному шотландскому варианту произношения, характерному для среднего социального класса, с незначительным отклонением в направлении идиома скотс.

Наиболее распространёнными вариантами реализации переменной (o) в полном и разговорном стилях речи информантов являются гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма [ɔ] и лабиализованный гласный заднего ряда средне-верхнего подъёма [o]. В корпусе данных содержались слова, относящиеся к стандартным лексическим наборам LOT, CLOTH, THOUGHT и шотландскому лексическому набору OFF, описывающему фонетико-фонологические различия между шотландским вариантом английского языка и идиомом скотс. Лексические наборы LOT, CLOTH, THOUGHT были объединены, поскольку в стандартном шотландском варианте английского языка отсутствует противопоставление по количественному признаку между фонемами [ɒ] и [ɔ:] и слова, подобные *lot, cloth, thought*, реализуются при помощи краткого монофтонга [ɔ]. Слова, входящие в состав лексической категории OFF, в идиоме скотс могут быть реализованы при помощи вариантов [a] и [ɔ]. В текущем исследовании гласный [a] переднего ряда нижнего подъёма заднеязычной разновидности зафиксирован в словах *off, top, water, wasp, want, swally* (*swallow*).

Исходя из данных формантного анализа, гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма [ɔ], используемый представителями мужского пола, проявляет значительное сходство с вариантом, характерным для речи представителей среднего класса г. Глазго, а также лишь незначительно отличается от английского произносительного стандарта RP. Вариант [o], лабиализованный гласный заднего ряда средне-верхнего подъёма, в речи информантов мужского пола значительно выше по подъёму и располагается в наиболее дальней точке заднего ряда. В речи информантов мужского пола данный вариант реализуется в более заднеязычной форме, чем в речи информантов женского пола. Вариант [ɔ], гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма нижней разновидности, обнаруживает сходство с гласным заднего ряда нижнего подъёма [ɒ], характерным для RP, однако располагается дальше по ряду. Наиболее низким вариантом по подъёму среди представителей мужского пола является гласный переднего ряда нижнего подъёма заднеязычной разновидности [a], но данный вариант зафиксирован в речи только одного информанта. В речи дан-

ного информанта в словах *told, from, clothes* и *alone* встречается также вариант переднего ряда средне-нижнего подъёма [ɛ], типичный для идиома скотс. Для описания вариативности переменной (o) подобного рода Дж. Стюарт-Смит использует лексическую группу STONE [Stuart-Smith: 2008].

В спонтанной речи информантов возрастает количество случаев реализации варианта [ɔ] более низкого подъёма. Доля реализации варианта [ɔ] в полном и разговорном стиле выше среди информантов женского пола [12, 13].

Переменная (u) реализуется, главным образом, при помощи стандартного шотландского лабиализованного гласного среднего ряда верхнего подъёма [ʊ], а также, в значительно меньшем количестве, при помощи ненапряженного лабиализованного гласного переднего ряда верхнего подъёма [y]. Стандартные лексические наборы GOOSE [u:] и FOOT [u] были объединены, поскольку в исследуемом языковом материале данные группы слов не отличаются по длительности, что является типичным признаком стандартного шотландского произношения. В отдельный набор DO Дж. Стюарт-Смит определяет слова, которые в идиоме скотс могут быть произнесены с использованием неогубленного гласного переднего ряда средне-верхнего подъёма [ɛ]. Вариант [ɛ] насчитывает менее десяти реализаций, обнаружен в речи информантов в словах *doing, shoes*. Кроме варианта [ɛ] в слове *do* было зафиксировано менее десяти реализаций переменной (u) как ненапряженного неогубленного гласного [ɪ]. При чтении слов *foot, wood, wooden* в регистре идиома скотс реализован вариант [ʌ]: шотл. *fit* [fɪt], *wid* [wɪd], *widen* ['wɪdən]. В целом переменная (u) не проявила признаков системной фоностилистической вариативности.

По сравнению со стандартным английским вариантом [u:] варианты переменной (u), встречающиеся среди информантов мужского пола, имеют более высокие значения форманты F2, что свидетельствует об артикуляции более низкой по подъёму. Основная часть реализаций имеет сходство со значениями, описывающими типичное произношение представителей среднего класса г. Глазго. Реализация переменной (u) среди информантов женского пола отличается фронтированностью.

Переменная (ʌ) отличается стабильностью артикуляции и незначительной вариативностью. В образцах полного и разговорного стилей информантов переменная реализуется преимущественно как стандартный ненапряженный нелабиализованный краткий гласный среднего подъёма широкой разновидности [ʌ]. В целом в ходе исследования не было обнаружено признаков системной фоностилистической вариативности переменной (ʌ).

Показатели частот вариантов переменной (ʌ) в речи информантов мужского пола не полностью совпадают с данными, характеризующими типичную речь представителей среднего и рабочего классов: значения форманты F2 незначительно выше, однако в целом значения данных вариантов более схожи с данными категории среднего класса, чем рабочего класса или RP.

Дифтонги. Реализация дифтонгов и их аллофонов в речи молодежи г. Глазго может сопровождаться редуцией и качественным изменением глайда, а также качественным и количественным изменением ядра.

Характерной чертой реализации дифтонгов [ei], [эџ], [iə] в чтении и спонтанной речи молодежи г. Глазго является монофтонгизация: дифтонг [ei] реализуется как монофтонг в 26–44% случаев, дифтонг [эџ] – в 59–77%, дифтонг [iə] – в 38–66% случаев. Степень реализации монофтонгов в речи молодежи является сравнительно низкой; отклонение от стандартного шотландского варианта английского языка в чтении в среднем составляет 53%, в спонтанной речи – 57%, среди информантов мужского пола – 54%, женского – 55%.

Качественные изменения ядра дифтонгов [li], [лџ] характеризуются повышением подъема и смещением к среднему ряду. Наиболее многочисленными нестандартными вариантами реализации переменных являются варианты [эi], [эџ]. Переменные (li), (лџ) проявляют признаки фоностилистической вариативности: в спонтанной речи информантов обеих групп возрастает число реализации нестандартных вариантов. Доля реализации варианта [эi] возрастает в образцах разговорного стиля информантов мужского пола на 4%, женского – на 7%. Реализация варианта [эџ] в спонтанной речи информантов мужского пола возрастает на 21%, в речи информантов женского пола – на 36%. Качественные изменения глайдов дифтонгов [ɔi], [li] связаны с реализацией аллофонов [ɔe], [ae] более низкого подъема.

Эрные гласные. В полном и разговорном стилях речи молодежи г. Глазго преобладают стандартные шотландские формы реализации ударных гласных, стоящих перед сонантом «г». Фоностилистическая вариативность эрных гласных слабо выражена во всех исследованных группах слов: тенденция использования стандартных английских и шотландских вариантов произношения является общей для полного и разговорного стилей речи информантов мужского и женского пола.

Монофтонги [ɔ], [o], [a], [e] являются основными формами реализации переменных (or), (ar) и (eər). Фоностилистическая вариативность переменной (or) лексической категории NORTH проявляется в увеличении доли реализации варианта [o] и сокращении количества стандартной формы реализации [ɔ] в спонтанной речи информантов мужского и женского пола. Переменная (eə) характеризуется возрастанием доли реализации варианта [e] более низкого подъема в образцах разговорного стиля. Гендерная вариативность переменной (eə) проявляется в более частой реализации открытых вариантов в полном и разговорном стилях речи информантов женского пола.

Отличительной особенностью реализации переменных (ur), (ir) лексической категории NURSE является доминирование долгого монофтонга [ɜ:], характерного для стандартного английского произносительного варианта. Доля использования монофтонга [ɜ:] переменной (ur) в чтении и спонтанной речи информантов обеих групп превышает 85%. Вариант [ɜ:] также преобладает в речи информантов при реализа-

ции переменной (ir), однако доля использования данного варианта в полном и разговорном стиле составляет 67–73%. Реализация варианта [ɜ:] осуществляется преимущественно на фоне частичной или полной вокализации соседнего согласного «г». Доля вокализации «г» в полном и разговорном стилях составляет 69%. Доля реализации монофтонга [ɜ:] переменных (er), (or) не превышает 10%. Вокализация «г» в данных переменных составляет около 35%.

Безударные гласные. В образцах полного стиля речи информантов выделено три варианта произношения безударной гласной happY: стандартный английский [ɪ], вариант [ɪ̃] более низкий по подъему и приближенный к стандартному шотландскому варианту [e], а также вариант [ĩ] среднего ряда. Анализ проводился в словах, подобных *probably, bubbly, naturally, carry*. Фонема [ɪ] реализована в 63% случаев среди информантов мужского пола и в 40% случаев среди женского. Ненапряженный гласный [ɪ] отмечен в 60% случаев среди информантов женского пола и отсутствовал в речи информантов мужского пола. Гласный среднего ряда [ĩ] являлся более характерным для речи представителей мужского пола.

В спонтанной речи информантов мужского и женского пола наблюдается незначительное увеличение числа реализации среднеязычного варианта [ĩ] переменной happY. Сохраняется тенденция преобладания открытого варианта [ɪ] среди информантов мужского пола и стандартного английского варианта [ɪ] среди информантов женского пола.

В состав лексической категории lettER вошли слова *theater, water, lawyer*. При отсутствии вокализации поствокальный «г» реализовался как альвеолярный одноударный согласный [ɫɹ], [ɛɹ]. При частичной вокализации происходила эризация впереди стоящего гласного, реализованы варианты [ə̃], [ɫ̃]. При наличии гортанной смычки переменная lettER реализовывалась как [ɫ] в словах *theater, water*. Данный вариант является основным вариантом реализации lettER в речи информантов мужского пола (62%).

В разговорном стиле информантов обеих гендерных групп увеличивается число реализаций стандартного шотландского варианта [ɫ] переменной lettER. Несмотря на незначительное сокращение реализации варианта [ə̃] в спонтанной речи, данный вариант отличается высокой частотой использования среди информантов женского пола.

Лексический набор commA состоял из слов *data, Alabama*. В результате анализа данных слов не обнаружено фонетической вариативности. Все представители мужского и женского пола использовали при чтении стандартный шотландский вариант [ɫ]. В разговорном стиле речи информантов переменная commA представлена единственным вариантом [ɫ].

Вывод. В речи молодежи г. Глазго, участвовавшей в онлайн-опросе «Scottish Accent Tag», доминируют стандартные шотландские и стандартные английские варианты реализации гласных фонем, в незначительном количестве присутствуют элементы произношения городской формы идиома скотс.

Стандартные шотландские варианты по-прежнему преобладают в реализации многих гласных фонем, однако влияние английских форм произношения становится всё более заметным. Так, в спонтанной речи возрастает количество реализаций дифтонгов [ei], [эџ], [iə], увеличивается число реализаций нейтрального [ə] в ядре дифтонгов [li], [лџ]. Высокий уровень вокализации «г» и преобладание стандартного английского варианта [z:] отмечены при реализации переменных (ur), (ir).

Соотношение стандартных английских и шотландских форм произношения гласных фонем не-

одинаково в различных гендерных группах и произносительных стилях. Примером влияния экстралингвистических факторов служит реализация варианта [æ] в речи молодёжи г. Глазго: доля реализации [æ] в чтении и спонтанной речи выше среди информантов женского пола, в спонтанной речи доля реализации [æ] возрастает в обеих гендерных группах. В спонтанной речи также возрастает количество нестандартных форм, отличных от шотландской и английской норм произношения. Наибольшее отклонение обнаружено при реализации монофтонгов [ɪ], [a] и дифтонга [лџ].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петренко А.Д., Храбскова Д.М., Петренко Д.А. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. Симферополь : Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2011.
2. Kerswill P. Dialect levelling and geographical diffusion in British English // *Social Dialectology* / eds. by D. Britain, J. Cheshire. Amsterdam : Benjamins, 2003. P. 223–243.
3. Milroy L. Introduction: Mobility, contact and language change working with contemporary speech communities // *Journal of Sociolinguistics*. 2002. Vol. 6. P. 3–15.
4. Stuart-Smith J. A Sociophonetic Investigation of Postvocalic /r/ in Glaswegian Adolescents // *Proc. XVIth ICPhS. Saarbrücken, 2007*. P. 1449–1452. URL: <http://www.icphs2007.de/conference/Papers/1307/1307.pdf> (accessed: 31.03.2015).
5. Stuart-Smith J., Tweedie F. Accent change in Glaswegian: A sociophonetic investigation // *Final Report to the Leverhulme Trust (Grant no. F/179/AX)*, 2000. URL: http://www.arts.gla.ac.uk/STELLA/Glasgow%20accent/results_070904.pdf (accessed: 31.03.2015).
6. Eckert P. Adolescent Social Structure and the Spread of Linguistic Change // *Language in Society*. Cambridge University Press, 1988. Vol. 17 (2). P. 183–207. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/4167922?sid=21105837146221&uid=3738936&uid=4&uid=2> (accessed: 31.03.2015).
7. Устинович Е.А. Соціофонетична варіативність сегментного складу англійської мови бурьсько-англійських білінгвів : дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2008. 223 с.
8. Петренко А.Д. Тенденції розвитку німецького произношення в студентській середі ГДР : дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1985. 203 с.
9. Федотова Ю.Б. Фоностилістична варіативність соціолекту лондонських студентів : дис. ... канд. філол. наук. Симферополь, 2013. 279 с.
10. Macaulay R.K.S. *The Language, Social Class and Education, a Glasgow Study*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1977. 179 p.
11. Macafee C. *Glasgow // Varieties of English around the World*. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1983. 167 p.
12. Scobbie J., Gordeeva O., Mathews B. Acquisition of Scottish English Phonology: Working paper WP-7. 2006. URL: http://www.qmu.ac.uk/casl/pubs/Scobbie_et_al%202006%20WP7.pdf (accessed: 31.03.2015).
13. Lawson R. What Can Ethnography Tell Us about Sociolinguistic Variation over Time? Some Insights from Glasgow // *Sociolinguistics in Scotland* / ed. by R. Lawson. Palgrave Macmillan, 2014. P. 197–220.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 августа 2015 г.

VOWEL VARIATION IN GLASWEGIAN LATE ADOLESCENTS' SPEECH (GENDER AND STYLISTIC ASPECTS)

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 15–20. DOI: 10.17223/15617793/398/2

Evstafieva Nina M. Tavrida V.I. Vernadsky Academy, Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: nina.krupka@gmail.com

Keywords: speech variation; gender; contextual style; vowel variation; Scottish English; Scots; Glaswegian late adolescents' speech.

The current article presents the results obtained through the study of vowel variation in Glaswegian late adolescents' speech. The most frequent quantitative and qualitative changes of monophthongs, diphthongs, unstressed and rhotic vowels are revealed and coordinated with extra linguistic factors of gender and situation, thus portraying reading and spontaneous speech styles of Glaswegian youth in the context of web communication through video blogging. **The research methodology.** The first phase of the study (2011–2014) was devoted to data collection and systematization. The data was obtained from the Scottish Accent Tag survey, launched on YouTube. The survey contained word lists and questions, which the participants had to read and answer. During the second phase a group of informants was formed. The group included 40 people, 21 female and 19 male speakers aged 16–24, belonging to middle class, born and residing in the city and outskirts of Glasgow. The third phase of the study (2014) provided auditory and acoustic analysis of read and spontaneous speech samples, 137-minute long in total. The vowel analysis procedure included the following stages: retrieval and grouping of target segments in Praat, annotation via auditory analysis, collection of frequency and vowel length data, correlation with extra linguistic factors of sex and style (degree of formality). The average first and second formant values in the speech of Glaswegian adolescents were compared with the same features found in standard varieties of English English (RP) and Scottish English (SSE). The words with the target vowels were grouped according to 38 lexical sets introduced by J. Wells and extended by J. Stuart-Smith. **Results.** Standard Scottish English and Standard English vowel varieties predominated the speech of Glaswegian adolescents, participating in the Scottish Accent Tag survey. The urban Scots forms made a very small portion of the data sample. Standard Scottish forms were widely used in the speech of adolescents during virtual communication but the influence of the southern pronunciation varieties becomes more prominent. The change comes from the less formal styles and is more vivid in female speech: the number of [æ] realizations in reading and spontaneous speech styles was higher among female informants, in spontaneous speech the number of [æ] realizations increased in both gender groups. In spontaneous speech, there was an increase of [ei], [эџ], [iə] diphthong realizations. The Standard English [z:] was the main pronunciation variety of (ur), (ir) variables. Spontaneous speech was also home to an increasing number of non-standard forms. The largest deviation from standard varieties was found in monophthongs [ɪ], [a], and the diphthong [лџ].

REFERENCES

1. Petrenko, A.D., Khrabskova, D.M. & Petrenko, D.A. (2011) *Aktual'nye problemy yazykovoy variativnosti v aspekte mirovoy integratsii i globalizatsii* [Topical problems of language variation in the aspect of global integration and globalization]. Simferopol: Tavria National University named after V.I. Vernadsky.
2. Kerswill, P. (2003) Dialect levelling and geographical diffusion in British English. In: Britain, D. & Cheshire, J. (eds) *Social Dialectology*. Amsterdam: Benjamins.
3. Milroy, L. (2002) Introduction: Mobility, contact and language change working with contemporary speech communities. *Journal of Sociolinguistics*. 6. pp. 3–15. DOI: 10.1111/1467-9481.00174
4. Stuart-Smith, J. (2007) A Sociophonetic Investigation of Postvocalic /r/ in Glaswegian Adolescents. *Proc. XVIth ICPhS*. Saarbrücken. pp. 1449–1452. [Online]. Available from: <http://www.icphs2007.de/conference/Papers/1307/1307.pdf>. (Accessed: 31st March 2015).
5. Stuart-Smith, J. & Tweedie, F. (2000) *Accent change in Glaswegian: A sociophonetic investigation*. Final Report to the Leverhulme Trust (Grant no. F/179/AX). [Online]. Available from: http://www.arts.gla.ac.uk/STELLA/Glasgow%20accent/results_070904.pdf. (Accessed: 31st March 2015).
6. Eckert, P. (1988) Adolescent Social Structure and the Spread of Linguistic Change. *Language in Society*. 17 (2). pp. 183–207. [Online]. Available from: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/4167922?sid=21105837146221&uid=3738936&uid=4&uid=2>. (Accessed: 31st March 2015). DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0047404500012756>
7. Ustinovich, E.A. (2008) *Sotsiofonetichna variativnist' segmentnogo skladu angliys'koï movi burs'ko-angliys'kikh bilingviv* [Sociophonetic variation of the English language segment of Boer-English bilinguals]. Philology Cand. Diss. Donetsk. (In Ukrainian).
8. Petrenko, A.D. (1985) *Tendentsii razvitiya nemetskogo proiznosheniya v studencheskoy srede GDR* [Trends in the development of the German pronunciation in the student community in the German Democratic Republic]. Philology Cand. Diss. Kiev.
9. Fedotova, Yu.B. (2013) *Fonostilistichna variativnist' sotsiolektu londons'kikh studentiv* [Phonostylistic variation of London students' sociolect]. Philology Cand. Diss. Simferopol.
10. Macaulay, R.K.S. (1977) *The Language, Social Class and Education, a Glasgow Study*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
11. Macafee, C. (1983) Glasgow. In: Hackert, S. (ed.) *Varieties of English around the World*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing.
12. Scobbie, J., Gordeeva, O. & Mathews, B. (2006) *Acquisition of Scottish English Phonology: Working paper WP-7*. [Online]. Available from: http://www.qmu.ac.uk/casl/pubs/Scobbie_et_al%202006%20WP7.pdf. (Accessed: 31st March 2015).
13. Lawson, R. (2014) What Can Ethnography Tell Us about Sociolinguistic Variation over Time? Some Insights from Glasgow. In: Lawson R. (ed.) *Sociolinguistics in Scotland*. Palgrave Macmillan.

Received: 14 August 2015

АВТОКОРРЕКЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО

Статья посвящена исследованию явления автокоррекции в спонтанной разговорной речи как способа коммуникативно-речевого взаимодействия отправителя и получателя речи («феномен сотрудничества»). Дается описание типов автокоррекции, обозначаются мотивы говорящего, лежащие в основе его речевого поведения – автокоррекции. Выявляется функциональная нагруженность разных типов разговорных автокоррекции как средства вербальной регуляции взаимопонимания в процессе коммуникации.

Ключевые слова: разговорная речь; речевая рефлексия; автокоррекция; взаимодействие говорящего и слушающего.

Феномен сотрудничества [1. С. 60], лежащий в основе речевого поведения, предполагает взаимную ориентированность коммуникантов друг на друга. Для отправителя речи взаимодействие говорящего и слушающего означает выполнение одновременно коммуникативной роли адресанта и адресата, поскольку говорящий выполняет речевое задание «в надежде на соответствующий эффект, который приведет к восприятию и пониманию другими лицами», следовательно, «интенция (интенция говорящего. – А.Ц.) окажется направленной прежде всего на свое же (обманутое или необманутое) ожидание» [Там же. С. 91]. Таким образом, проблема интеракции говорящего и слушающего в рамках настоящего исследования рассматривается нами в следующем аспекте: взаимодействие основано на предполагаемой реакции слушающего. «По отношению к собственной речи говорящий выступает как реципиент в фазе “реакция”, которая одновременно является следствием воздействия на него пассивной роли коммуникативного ожидания слушателя» [Там же]. Учет слушающего в позиции говорящего особенно ярко проявляется в автокоррекции как «промежуточной инстанции между речью и ее восприятием другим лицом» [Там же. С. 70].

Феномен устной спонтанной речи, который мы называем автокоррекцией, исследовался в рамках диалектологии (парные конструкции), социолингвистики (кодовое переключение), психолингвистики (гезитации).

В описаниях особенностей функционирования парных конструкций в диалектах [2–6] выделяется такая особенность говоров, как попарное употребление слов-дублетов, при этом отмечается социолингвистическая природа данного явления: «Попарное использование слов-дублетов в диалектной фразе чаще всего проявляется при такой жизненной ситуации, когда в общение вступают люди, принадлежащие к разной языковой среде» [4. С. 111]. В социолингвистических исследованиях переход языковой личности с одной подсистемы национального языка на другую получил название «кодовое переключение» [7], при котором литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны выступают в качестве субкодов по отношению к коду – национальному языку.

В психолингвистических исследованиях автокоррекция упоминается в связи с вопросами организации лексикона в сознании человека [8–9]. Автокоррекция появляется в речи как реакция на сбой в коммуникативной программе, возникший в результате ослабления контроля над процессом речепроизводства. «Она совершенно естественна и отражает реальный процесс поиска и выбора лексемь» [9. С. 39]. На психолингвистическую природу автокоррекции как особенности живой устной речи указывается в [10–11]. «Коррекция – это речевое явление, связанное с устной формой функционирования речи и являющееся результатом сознательного контроля за качеством речи» [10. С. 304].

Парные конструкции, переключения кода, гезитации описаны в лингвистической литературе как отдельные явления. Но нам кажется, что они имеют в своей природе нечто общее: сознательное отношение к собственной речи и направленность на адресата. Это позволяет нам рассматривать их как целостное явление, свойственное устному общению, – автокоррекцию.

В рамках данного исследования предпринята попытка представить типы автокоррекции в разговорной речи; обозначить мотивы говорящего, лежащие в основе его речевого поведения – автокоррекции, а также выявить функциональную нагруженность разных типов автокоррекции. Материалом настоящего исследования послужили записи живой разговорной речи в объеме около 2 000 языковых фактов (сбор материала осуществлялся с 2005 по 2014 г., информантами являются образованные носители русского литературного языка – жители Приморского края). Кроме того, в качестве иллюстративного материала в статье используются записи непринужденной устной речи носителей современного русского языка, включенные в фонохрестоматию современной устной литературной речи [12]. (Введение иллюстративного материала из этого источника маркируется знаком **. Собственные записи мы вводим без дополнительного обозначения.)

В основе явления автокоррекции лежит феномен рефлексивности речи. «Говорящий постоянно ориентируется на систему и норму речи... контролируя тем самым понимаемость, информативность, выразительность, вообще – коммуникативность своей речи» [13. С. 22]. Если качество подаваемой информации (полнота, точность описания фрагмента неязыковой действительности), а также качество речи (соответствие

системе и норме речи) оцениваются говорящим как неудовлетворительные, он корректирует свое высказывание. Автокоррекция, таким образом, представляет собой двойную вербализацию, как правило, одной и той же референтной ситуации. Прибегая к повторной экспликации уже выраженного смысла, говорящий поясняет, разъясняет, толкует, исправляет сказанное, что позволяет говорить о коммуникативной значимости двойной вербализации.

Проанализировав факты автокоррекции в спонтанной разговорной речи, мы выделяем два типа корректировки: 1) автокоррекция, направленная на изменение смыслового содержания высказывания (назовем ее семантической); 2) автокоррекция, не затрагивающая семантический план сказанного.

Автокоррекция первого типа обусловлена необходимостью (с точки зрения говорящего) информационного дополнения сказанного.

В качестве способов коррекции семантического плана высказывания мы выделяем: реноминацию обозначаемого (замена денотата), уточнение денотативной составляющей высказывания; актуализацию сигнификативного признака обозначаемого; дополнительную структуризацию высказывания (введение дополнительной пропозиции или изменение актантной структуры высказывания); уточнение референции местоимений, имен собственных, семантически опущенных слов; изменение модальной рамки высказывания; усиление экспрессивности высказывания; толкование.

Реноминация обозначаемого (замена денотата) говорящим осуществляется в случае, если содержание вербализованного фрагмента, соотносимого с корректируемым компонентом, не соответствует референтной ситуации, что ведет к искажению смысла высказывания. Корректируемая и корректирующая номинации в подобных автокоррекциях характеризуются несовпадением предметной отнесенности, при этом замыслу говорящего соответствует только денотат корректирующей: *Молодые люди / ваше // нрзбр... Пленки там / видимо забирали... вернее... печать / наверное забирали / да; С моста выезжаешь – поворот направо запрещен... ой... налево; Мы ее (д о ч к у) с года... не с года... с двух лет водили; – А когда день рождения? – В суббо... ой в среду... тьфу блин... во вторник; Мы поели / он батонится... вернее он поел // Я-то голодный; Давай прыгай... тьфу... катись; Разворачиваться неудобно... вернее парковаться вообще неудобно.* Корректируемый и корректирующий элементы автокоррекции находятся в отношениях смысловой дизъюнкции.

При уточнении денотативной отнесенности первая и вторая номинации характеризуются частичным совпадением понятийной и предметной отнесенности и соотносятся как единицы большего / меньшего уровня точности. Денотат корректируемого при этом входит в состав денотата корректирующего. Смысл высказывания при отсутствии автокоррекции не искажается, но вторая вербализация является более полной, точной в сравнении с первой: *И приехали / папу призвали в армию... в ряды Красной армии на Дальний Во-*

сток... в Хасанский район; Ну и в 59-м призвался в армию / отслужил 3 года / там на Севере... на Камчатке... Петропавловск-Камчатский; Сдали (к в а р т и р у) и уехали сами на Курилы... Южно-Сахалинск... на Итуруп; Спасли Приморье от... наш Хасанский район (нрзбр.) от массового переселения корейцев.

Корректируемый компонент может быть представлен номинативной единицей, которая в силу своих лексических особенностей (превалирование понятийной отнесенности над предметной, размытость семантики) способна являться названием множества предметов одного класса. Вторая номинация называет конкретные предметы, явления, действия, подпадающие под этот класс, т.е. в семантике корректируемого компонента преобладает понятийная отнесенность, а в семантике корректирующего – предметная (денотативная): *А вот когда сделали вот самовывозом... транспортом стали возить... (камазами с Японии?) и лес не стали сплавать лес сразу рыбы не стало; Будут применены соответствующие меры для взыскания... то есть наложение ареста; Я жила когда то давно... двадцать пять лет назад / и работала в четвертой школе / вот узнала что / ее уже нет / да?*

Характером денотата определяется не только выбор номинативной единицы, но и выбор конструкции: *«Ой grit Пэтро!» / елки зеленые / «если бы говорит тебя (*тебя не было)... если бы ты не уехал ты бы вообще меду нак...»; Нужно эту пишалку (а к в а м а р и с) купить / которую перезаправлять можно... вернее которую я наловчился перезаправлять // Буржуи наверное даже не догадываются что ее перезаправлять можно (флакон не подразумевает многозоровое использование); Но он у нее занимается (*он занимается недвижимостью)... у него свое агентство недвижимости.*

Таким образом, коррекция денотативной составляющей высказывания в нашем материале представлена двумя процессами: реноминация (замена денотата) и уточнение денотативной отнесенности номинации.

При актуализации сигнификативного признака обозначаемого первая и вторая номинации тождественны с точки зрения их предметной отнесенности, но различаются набором сигнификативных признаков обозначаемого. В процессе номинации говорящий из определенного количества признаков описываемого им предмета, явления, ситуации вычленяет тот, который наиболее соответствует цели и содержанию сообщения, и корректирует высказывание в соответствии с собственной интерпретацией ситуации, уравнивая таким образом свои пресуппозиции с пресуппозициями слушающего: ***Серебро ж это антисептик... то есть она (ц е п о ч к а) не оставляет раздражения на коже; **А я еще из-под ветра подошел... то есть в полной тишине; Мы Леху завтра к бабе Гале поведем... ну к Галине Алексеевне; (об автолюбительнице, не сменившей вовремя летние колеса на зимние, осуждающе) Универсал... то есть база длинная // Два и четыре (о б ъ е м д в и г а т е л я)... то есть колеса шлифуют; (рассказывает продавцу про носки, которые он раньше покупал) Там*

такие / вот ромбик такой вышит вот здесь вот // Вот они во-первых не растягиваются / хэбэ оно как бы... то... есть там не потеет нога в них... то есть вообще четко. Подобная автокоррекция имеет ярко выраженную направленность на собеседника, поскольку служит способом выравнивания апперцепционных возможностей говорящего и слушающего: первая вербализация – «для себя», вторая – «для слушающего».

В приведенных ниже примерах автокоррекция менее, чем в предыдущих, ориентирована на адресата, в том смысле что вторая вербализация не является адаптацией первой, а эксплицирует когнитивные и прагматические установки говорящего, в соответствии с которыми он строит свое высказывание: *Вы знаете / я... (*я продала) уже у меня поразобрали все; Вот говорит / э... у него... он хочет вас спросить; **Когда я только начинала читать стихи / я... у меня сразу все (*у меня выходило из головы)... я забывала; (снимает на видео, как катают ребенка на скользком полу) Я бы наверное тоже (*я бы радовалась / была довольна)... мне б понравилось – говорящим актуализируется степень активности субъекта или степень сознательного отношения к производимому действию.*

Дополнительная структуризация – это структуризация семантического плана высказывания, представленная двумя разновидностями: усложнение пропозиционального содержания (введение дополнительной пропозиции); изменение актантной структуры высказывания.

При введении в высказывание дополнительной пропозиции происходит расширение семантического объема последнего: *И потом / эти сваты / ну / и по-ех... (*поехали) сначала договорились с родителями / все (пропозиция – договорились); – Сибирцево сильно изменилось? Ну... когда ты приехала и какое сейчас Сибирцево (пропозиция – когда ты приехала); Ты давай иди мойся... вернее... ешь / потом мойся / и будем купать Леху (пропозиция – ешь); – Ты где? – Стою разговариваю / час буду. – Пиносол купи и воды / и давай быстрее уже. – Да я внизу уже. – А ну тогда поднимайся... в смысле в аптеку не надо идти (пропозиция – не надо идти в аптеку).*

Семантическое расширение / сужение высказывания может производиться за счет изменения его актантной структуры. Семантическая структура высказывания задает структуру синтаксическую. Автокоррекция может представлять собой заполнение незамещенных синтаксических позиций: *А как они в... они выходят? А как они отсюда выходят; Потом | переехали... из Славянки переехали | в город Уссурийск; Бабушка сказала / что уже нет / потому что там... болела / ложа болела; У меня подружка / когда чистила зубы... в смысле у стоматолога // Камень снимала // Врач ей десну порезала; Ведь как раньше были / ведь все депутаты / которых избирали / они же работали на своих местах // Им платили... понимаешь... им командировочные платили. В других случаях изменение актантного состава высказывания обуславливает замену говорящим выбранной ранее синтаксической*

конструкции: *А у женщины вообще горе // Не разбирались же... наше НКВД не разбиралось кого они берут; (шутовливая беседа с подругой) – Я тебя крановщиком возьму. – Платят... платит хорошо будешь? – Нет / платят там мало / зато вид красивый; **А пробовали иг... (*пробовали играть) чтобы я что-нибудь играла / у меня ничего не получалось.*

В качестве способа устранения смысловой неточности, вызванной неясным употреблением слов местоименной семантики (известно, что она способствует возникновению неоднозначности смысла), имен собственных, поскольку они, подобно дейктическим, «семантически ущербны» [14. С. 1–5], а также семантически опустошенных слов [15. С. 37] говорящий прибегает к уточнению референции (референта):

– местоимения: *А еще я помню / мы ходили / из школы вот куда-то мы в сторону / ходили на поляну здоровья / туда... за поселок / и там лагерь; Вот между ними... мною и братом еще было двое детей / два сына было; Мне пообещали здесь... в заводе / когда муж умер / пообещали / что он на очереди здесь стоял / на квартиру;*

– имени собственного: *Славка / брат / приехал туда и сказал // что // Че вы будете ездить / мучиться по Геологоразведкам / приезжайте на постоянное место жительства; Юрка Лехе говорит... ну в смысле Доктору (прозвище);*

– метафорического употребления: *И / вот / он (к о т) будет лежать / вот на этом / тряпке... на платке;*

– семантически опустошенного слова: *Наталья купила цветные мелки в Союзпечати // Надо будет тоже купить несколько штук... этих... коробок.*

Все эти категории слов в силу своего лексического значения могут называть неопределенное множество предметов разных классов (иметь разную предметную отнесенность).

Корректировка может затрагивать не только диктум, но и модус высказывания. «Информация, заключенная в коммуникативном отрезке, рассматривается как двуплановое явление, состоящее, с одной стороны, из названия события и, с другой – отношения говорящего к этому событию» [16. С. 89]. При этом характеристика сообщаемого факта относительно информации о факте восприятия, передачи, комментирования, об источнике информации о данном событии или о его оценке «составляет определенную часть его (высказывания) содержания» [17. С. 302], следовательно, смена модальной рамки предполагает изменение семантической перспективы высказывания. Высказывания корректируются в аспекте категории персуазивности / авторизации: *Красиво встал... встала вернее (о неудачно припаркованной машине) // Только женщины на таких машинах ездят... ну скорее всего ездят; Я полагаю / они сменные / ковши... вернее они и так сменные; Она скорее всего будет снимать всю пломбу... ну не скорее всего... так и будет // Снимать будет и новую ставить; и в аспекте категории модальности: *Может быть / в одном предложении будет... можно использовать несколько раз; А нужно было каждому... каждый**

заготавливали сено; Присутствует оттенок обязательности выполненного действия... действия, которое должно быть выполнено.

Усиление экспрессивности высказывания достигается путем введения в него языковой единицы, имеющей более яркую эмоциональную окраску в сравнении с первой номинацией: ***Я пытаюсь иногда встречаться с людьми / которые тебя ненавидят... терпеть не могут; Так как я это / то есть я сжимала с такой силой / сама не чувствовала / я разжала когда / у меня руки полностью белые все были... то есть ни кровинки; Не / ну / да / в том / что можно было вот на эту не подняться ни за что / в том смысле что туманы там и ветра сумасшедшие и погода гад (*гадкая)... говно / но нам повезло; А он вообще / он не двинулся (*двинулся)... ни на миллиметр не двинулся.*

Автокоррекция-толкование предполагает смысловое тождество корректируемого и корректирующего компонентов. Первичная вербализация при этом оценивается говорящим как не гарантирующая адекватного восприятия речевого фрагмента. Повторная номинация предупреждает коммуникативные затруднения слушающего, как бы упреждая возможные вопросы с его стороны: «Что это? Что имелось в виду?» Этот факт позволяет нам отнестись данный вид автокоррекции к семантической. Объектом толкования может быть либо само словоупотребление, либо понятие, явление, называемое номинативной единицей.

В первом случае автокоррекцию можно охарактеризовать как языковой перевод, кодовое переключение с одной подсистемы национального языка на другую. Говорящий, вводя повторную экспликацию, нейтрализует различия в своем коде и коде слушающего: «если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно этот, знакомый адресату язык» [7. С. 376].

Языковой перевод имеет место в автокоррекциях, корректируемый компонент которых представлен:

– лексикой, характеризующейся ограниченной сферой употребления (профессионализмы, диалектизмы, индивидуальные словоупотребления) *Зачем ставить длинномеры... длинные машины в узкое место; – А потом в лаборатории работала. – А в лаборатории кем? – Лаборанткой а у меня старшей лаборанткой была... у деда служил сундук... сверхсрочник; А ты помнишь / где мама под муку спрятала / в кладовке... или как ее называли? Пиддашек (случай обратного перевода); – Тимоха / в общем ты «Кошелку» не проедь. – Ну / если че / в Фокино купим. – Тим / да ну тебя в жопу // Какие-то мелкие эти комки... знаешь / эти магазинчики;*

– заимствованиями: – *Вы про что? – Как тофу готовить... соевый сыр; А ну начала же рассказывать как в воскресенье они собрались ехать в ресторан / а она задумала вот сделать как русское пати / дома как она сказала... то(е)сть русское... русскую еду она же приезжала сюда с ним и решила его как бы там... сделать домашнюю еду; Здесь два корня / антропо... то есть человек; Это гепатопротектор...*

ну печень; Мы покупаем... мы закупали фуражное зерно... то есть которое шло на корм скоту;

– аббревиациями и сокращениями: *Ладно / короche / там называется это все дело курорт Цзиньшитай / за сээ... свободная экономическая зона; У нас в Лесозаводке был БХЗ... биохимический завод; Публицистический стиль обслуживает сферу СМИ... средства массовой информации; Я ходила в матотдел... материальный отдел;*

– словоупотреблениями, оцениваемыми говорящим как не входящие в активный словарный запас собеседника (в частности, при общении с инофонами): *Леша / тут полтора десятка зафотать с пленочки... ну штук пятнадцать; Если кто-то может получить эти волосы / он может навредить... то есть сделать что-то плохое; Социальная база просторечия / это горожане... то есть жители города / с невысоким уровнем образованности; Что является мотивом для переселения... то есть что нас толкает?*

Толкование второго типа представляет собой вербализацию невыраженных когнитивных смыслов, присутствующих названному понятию или явлению. Экспликация элементов смысла осуществляется путем предикативного развертывания, вербализации имплицитно выраженных пропозиций: ***Поехали / как раз была тоже рекогносцировка / там меришь / ручным лотом / глубину // Там не механическим / не эхолотом / а именно ручным... то есть веревка с грузом (там?) шварк / и берешь отсчет; А вы вот как думаете / люди / которые живут вот в приграничных да районах / у них есть ну вот как какое-то особое ощущение я знаю у японцев есть такое... как такое понятие островной характер... то есть вот характер человека / который живет на острове да; **Если вот эта вот сеточка предназначена для мягкого бритья... то есть она молодую щетину обязательно возьмет; Есть состояния, когда требуется гипербелковая диета... то есть нужно есть много белка.*

Таким образом, автокоррекция-толкование представлена двумя разновидностями: языковой перевод и собственно толкование.

Описанные виды семантической автокоррекции объединяют наличие определенных установок говорящего: стремление к максимальной информационной точности своей речи (реноминация; уточнение денотативной составляющей высказывания; дополнительная структуризация высказывания; уточнение референции местоимений, имен собственных, семантически опустошенных слов; изменение модальной рамки высказывания; усиление экспрессивности высказывания), а также нейтрализация различий в апперцепционных возможностях говорящего и слушающего (актуализация сигнификативного признака обозначаемого; толкование).

Автокоррекция второго типа не связана с изменением семантического плана высказывания или с толкованием смысла сказанного. Этот тип автокоррекции следует рассматривать, с одной стороны, в аспекте общеязыковой нормы, с другой – в аспекте культуры речи.

В первом случае автокоррекция направлена на устранение формальных языковых неправильностей (произносительных, грамматических погрешностей, хиазмов). В основе таких оговорок могут лежать как экстралингвистические факторы (болезнь, усталость, эмоциональное возбуждение, ограниченность во времени), так и языковые (подхват соседней формы, не к месту всплывшая ассоциация).

Говоря о произносительных погрешностях, мы не берем во внимание индивидуальные особенности говорящего (например, дефекты речи). Нас интересуют случаи «аномального» произношения, вызванные ослаблением контроля артикуляции: Доработаю / говорю / шас до бря (*октября)... до октября; Леха песка натрес... натряс; И третья форма – языковая картина фира... мира; В библиотеке есть только в читольном... читальном зале; Мы платим банку пценты... проценты; **Вот // совершенно другая противоположность / это Рубан Иванович... Рубен Иванович Аванесов; Чу... чемодан / это то / с чем вы путешествуете; Что мыж... что может вызвать отвращение?

Грамматическими погрешностями мы называем грамматические неправильности, неестественные в речи носителя языка. Попытка систематизировать подобного рода языковые аномалии была предпринята Ю.Н. Карауловым при описании «общерусского языкового типа» (правда, на материале писательской стилизации нерусской речи) [18. С. 137–164]. Нетипичными для русского языка исследователь называет: отсутствие согласования в роде, числе (белый краска, большой спасибо, хороший люди, люди плакал), нарушения управления (к твоей морда, ти на рыба чемпион), способы передачи отрицания (ти не есть актер, это нет позволено). Такие употребления однозначно расцениваются читателем как «нерусские», встречающиеся исключительно в речи инофона [Там же].

Анализ автокоррекции в спонтанной речи показал, что в «поле зрения» говорящего попадают:

– нарушения согласования в роде, числе, падеже: У него раз губка начинает дрожать / он такой... и рыдает незабвенно // Короче / большая это... самолюбие большое у мальчика... у меня такое ощущение; У него одной... один период был он все время ногами своими (показывает, как ребенок шевелит ногами); Я шас у нас нет ни одной... ни одного гектара земли / которая бы обрабатывалась бы вот (нрзбр.) государством; Начинаем бомбить (здесь – стучать по стенам изнутри, чтобы привлечь внимание) эту / эти вагоны; Лексическая... лексические зацепления – это вводные слова; Местоимения указательное... указательные и притяжательные; Ну с том-то... с тем-то компьютером этого не было;

– нарушения координации в роде подлежащего и сказуемого: А вот географию / хоть и получили мы по пятерке / было... был какой-то стресс / когда я ее сдавала; Леш / зачем ты крутишь (к р а н)? Было ж горячая вода... была; В сложном предложении должно... должен быть глагол а не существительное; Здесь отражено... отражен индивидуальный опыт человека;

– нарушения координации в числе подлежащего и сказуемого: **У Григория Осиповича / в жизни / было

не только... были не только / м-м так сказать обиды; Вы сегодня могли только это слышать / готовилась... готовились еврейские погромы по всему городу и по всей стране; У нас сохранилось... сохранились их возможности;

– некоторые случаи нарушения падежного управления: Первый камень фундамент... фундамента был заложен (употребление формы именительного падежа зависимого слова); Незаконные (м и г р а н т ы) – незаконные // Те / которые нарушили законодательное... законодательство (глагол с сильным управлением требует существительное в винительном падеже, а не прилагательное);

– употребление глагольной формы после предлога: Поскольку вы пришли сразу после переболели... после того как переболели;

– нарушения в построении некоторых синтаксических структур: Он должен пережил... пережить то / что пережил автор; Та страна / из которой они выехали / называет их эмигрантами // А та / в которую они приехали / называется... называет иммигрантами; Привет Ань // А то я заняла... занялась (на детской площадке не ответила сразу, так как была занята с ребенком).

Объектом авторской корректировки в спонтанной речи становятся хиазмы: А что ты на вопросом вопрос отвечаешь? Вопросом на вопрос; Обед на арб... / арбуз на обед; Ну ляг посиди... сядь полежи (с иронией) Ляг посиди... ляг полежи; (рассказывает о коте, которого спас пожарный из горящей квартиры) Ну он (п о ж а р н ы й) туда залез... в квартиру / а кот конечно начал мявкать / звал стать на помощь... (смеются) стал звать.

В целом подобные языковые аномалии не являются препятствием для восприятия речи. В большинстве случаев при отсутствии корректировки слушающий без труда распознает в измененном словоупотреблении номинативную единицу, соответствующую замыслу говорящего.

Рассматривая автокоррекцию в аспекте культуры речи, мы выделяем два типа колебаний: 1) первичная вербализация квалифицируется говорящим как не отвечающая нормам кодифицированного литературного языка, поэтому подлежит коррекции, при этом не всегда второй вариант (правильный, по мнению говорящего) действительно является нормативным (явление гиперкоррекции); 2) автокоррекция является средством смены стилиевой тональности сообщения в сторону повышения или понижения стиля.

В первом случае в круг внимания говорящего попадают случаи нарушения (как действительного, так и мнимого) акцентологических, произносительных, лексических, морфологических, синтаксических норм:

– нарушение акцентологической нормы: Включат все... включа'т вернее (п р о е к т о р в а у д и т о р и и) У нас ботинки на осень / ну и на раннюю зиму'... зи'му; Андрей / что / не понравилась тебе спар'жа... спаржа'? Учебник Ба'ско... или Баско'... не знаю; Кристины голос будет с хрипотцей / как у Анжелины Джоли'... или Джо'ли... не знаю как;

– нарушения произносительной нормы: *Если говорить о миграции... а точнее об миграции* (гиперкоррекция); – *Каменный он (д о м)?! – Да! // Он же с этого.../шлако/шлаку/шлакоблоку; А у нас же смотрите / офицерский состав / самый низший и высший / все были опло'чены / да?.. Оплачены; Вот же афера... афера;*

– употребление слова без учета его лексического значения (употребление слова в несвойственном значении, нарушение лексической сочетаемости): *Взгляд... ну обозрение / которое открывается со спины слона; Как особенность можно отметить отсутствие однообразия... простите... однообразия в толкованиях; Сруб вообще может вечно стоять // Если его не сгнуть... не сгноить / в сухоте держать; Там (в м а г а з и н е) цены дешевые... низкие; Поставь туда (д е н ь г и)... положи; Еда такая штука знаешь // Тем более в консервном... консервированном виде // Не пропадет; Приписка есть / все / стоим на очереди (в д е т с к и й с а д) // Очередь мало движется... плохо;*

– неправильное употребление фразеологических единиц: *В большой семье знаешь... – Не хлопай... или не щелкай... не знаю как там; Настоящая осень. Баба осень. Баба осень (смеется)... Баба лето;*

– результат неузального словообразования: *В зависимости от крупноты... масштабности мобилизации; Штас низкоэтажное строительство невыгодно... малоэтажное; *(о том, что зубры помогают роженнице) Ей помогает какая-то вот / акушерка // Она либо сестра / либо вот ну такая молодая // Зубрица... зубровка... бизонка / не знаю кто; Это пломбатор... опломбировщик;*

– ненормативное образование глагольной формы: *Привет / мой любименький человек / осталась я без де... Вот я без денег... остал... осталась я; А мне друг сказал // Если ты хочешь здесь пропасть / то ты... э-э-э... Не хочешь здесь пропасть / говори то / что у тебя есть // Образование 7 классов / комсомолец / здоровье отличное / дома все в порядке; Мы не насилим... не насилуем их (д о ч е р ь и)... не заставляем (п е р е х о д и т ь н а в е г е т а р и а н с т в о); Но только рассматривается... рассматривается также еще и гражданский иск; Я шарик повешаю / а ты повешай... ой... повесь до-о-олик; Это же люди туда наверно ложат еду / там че-нибудь... (обе смеются) Это ведь положить надо говорить а не ложить да?*

– ненормативное образование причастия: *Пришел инспектор / ну а жалоба-то осталась не отве (*не отвеченной)... не... не... рассмотренной; Коллекторы же берут процент от верну... от возвращенного долга;*

– ненормативное образование форм степени сравнения: *У меня юбка длиньше... длиннее; Мы понимаем этот термин более уже... более узко; Они на Деревенской есть // Ну они везде есть / в любой аптеке / но на Деревенской они дешевле... дешевле;*

– ненормативное словоизменение существительных (колебания вариантов форм именительного множественного, родительного множественного, предложного единственного, склонение несклоняемых

существительных, особенности склонения личных имен): *Пропуски... пропуска не готовы пока; На небе видел же облачки... облачка бегут; Молдаване / румыны... румыны; Это дешевле чем котлетов жарить... ой... котлетов... котлет; Это все на мозгу... на мозге отражается; – На каблучках уже ходить не могу // Хочу уже в тапочках / а лучше вообще босиком... – И в халате // – И в халате // И в бигуди... нет... и в бигудях (смеются); Интересная позиция у Кара-Мурзы... то есть Кара-Мурза / потому что женские фамилии не склоняются;*

– ненормативное словоизменение числительных: *Ударение сохраняется в обоих... обеих частях слова; (в магазине покупают кальмар) Бери два... две (у п а к о в к и);*

– пропуск связочного компонента составного сказуемого в параллельных синтаксических структурах: *Может мужчины / да / он должен отслужить армию и навыки быть в военной нрзбр... и навыки... должны оставаться быть;*

– неправильный выбор предлога: *Писали / застрелили медведя / который на Чугуевке... в Чугуевке на женщину напал; Это цитата Ученого Чайковского / на Магадане... в Магадане работающего; Они на... в Артеме только;*

– нарушение глагольного управления: *Учредитель является президент... учредителем является президент; Кошка ты че / соскучилась что ли по нам... по нас?*

– колебания лексических вариантов слова: *Здесь легче соскрябать... соискрябать (с н е г); **И вот один раз / Григорий Осипович на лекции / говорил о разных / видах / презенса // Н... н... презенс хис... историкум; Там статья / перевести надо // И подискусировать на эту тему... подискутировать.*

Колебания, представленные в автокоррекциях данного типа, являются отражением проблемных зон культуры речи современного русского языка.

Автокоррекция может являться способом выравнивания не только по отношению к языковой норме, но также и по отношению к нормам коммуникативным (критерий вежливости): *В нашем Самбери ты знаешь поинтереснее... знает (в разговоре со старшим). Автокоррекция как реакция на социолингвистические факторы – это не только отражение категории вежливости. В ней проявляется реагирование социума на определенные реалии: Так вот / для того / чтоб меня туда протолкнуть / независимо от конкурса / а просто включить в конкурс // Замполит... не замполит / а он назывался тогда / как же он назывался / типа заместитель начальника парходства при полите // Как же он назывался // И он бросил все / написал письмо / что у нас на флоте во время всего морпуги полувоенной организации отлично показал себя демобилизованный такой-то // Просим включить в конкурс; конечно/ нас Ленинград /... ну / сейчас Санкт-Петербург покорил; вот я там проработала весовщиком// потом меня значит надо было... двоим там в /общем в училище / а училище это было под Партизанском... сейчас Сучан... или тогда Сучан щас Партизанск; Вот / после войны // Он работал / в*

этом / завкустом раньше называли... ну завмаги / а то был завкустом.

Автокоррекцию, направленную на смену стилистической тональности сообщения, можно охарактеризовать как спонтанное стилевое переключение. Термин «стилевое переключение» Т.Г. Винокур использовала применительно к определенному типу речевого поведения говорящего – «поиск общего языка». «Найти общий язык – значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданиями последнего» [1. С. 60–61]. Таким образом, фактор адресата является ключевым в определении мотива автокоррекции при стилевом переключении. Стилистическая тональность может меняться как в сторону повышения (таких примеров в нашем материале большинство), так и в сторону понижения. Повышая или понижая стиль своей речи, говорящий тем самым, кроме заботы об адресате, демонстрирует свою языковую компетенцию («могу говорить и так, и так»).

Стилевое переключение может происходить как в рамках литературного языка: *Единицы совершают какие-то не... антиобщественные поступки; Как вы... на основании чего вы сделали вывод, что это причастие? Прочитайте как... (*какие плюсы вы записали) что вы записали в качестве плюсов; Это все че... что у вас есть; (студент военного училища рассказывает, где он будет служить) Боевая часть три... на подво... (*подводная лодка) на подлодке, так и с нелитературной подсистемы национального языка (жаргон, просторечие) на литературную: *Пойдем кушать... есть; Маститыми мы считаем тех адвокатов / которые появляются в ящике... на телевидении.**

Подобные случаи автокоррекции (устранение собственно языковых неправильностей, нарушений норм кодифицированного литературного языка, стремление к кодифицированности или даже книжности речи) прагматически значимы и свидетельствуют о том, что говорящий позиционирует себя как диглоссичную языковую личность, т.е. все виды несемантической автокоррекции объединены двумя мотивами – заботой о слушающем и демонстрацией своих языковых способностей, что свидетельствует об адресантно-адресатном характере автокоррекции данного типа (автокоррекция направлена не только на слушающего, но и «на себя»).

Следует оговориться, что отнесение фактов автокоррекции к тому или иному типу не всегда однозначно (особенно если первая вербализация обрывочна, и мы можем только предположить, что имел ввиду говорящий), так как истинные мотивы речевых действий известны только самому говорящему, и то не всегда, поскольку «тезис о неосознанности индивидуумом ряда собственных мотивов, установок, целей и интенциональностей, точно так же как значительного числа грамматических законов, правил и структур, является бесспорным» [18. С. 91]. Автокоррекции типа *Изда – традиционное... традиционный деревянный дом; – Да я сегодня весь день*

*его (р е б е н к а) таскаю. – А я все... всю неделю таскаю; Они (м а к а -р о н ы) горячие / щас осту... остынут, с одной стороны, могут рассматриваться как устранение грамматических / произносительных погрешностей (традиционное – традиционный дом; все – всю неделю; *остунут – остынут), с другой – вполне возможно, говорящий на ходу решил изменить слово или даже конструкцию (*жилище – дом; *время – неделю; *остужу – остынут), изменив тем самым высказывание семантически. Случаи перехода с одной подсистемы национального языка на другую (просторечие / жаргон / диалект – кодифицированный литературный язык) также могут трактоваться неоднозначно: это может быть перевод с целью облегчить понимание слушающему (автокоррекция-толкование), или же говорящий, поняв, что выразился грубо, решил смягчить свою речь, проявив «литературность»: *Маститыми мы считаем тех адвокатов / которые появляются в ящике... на телевидении; Так они тя... (*тянут) эти воруют / провода воруют?* и т.д.*

Вступая в речевое общение, коммуниканты нацелены на коммуникативное взаимодействие (феномен сотрудничества), которое проявляется в ориентации на собеседника: соблюдение принципов кооперации речевого поведения, учет говорящим когнитивных установок слушающего, его языковых предпочтений (фактор адресата). Вступая в речевое общение, говорящий проявляет свою языковую личность, что тоже можно считать одним из пунктов программы взаимодействия говорящего и слушающего.

Автокоррекция как неотъемлемая часть устной спонтанной коммуникации отражает процесс взаимодействия коммуникантов (адресанта и адресата). Прагматическая значимость автокоррекции определяется установками говорящего. Высказывание может корректироваться с точки зрения истинности, информативности (корректировка / уточнение денотативной составляющей высказывания; дополнительная структуризация высказывания; уточнение референции местоимений, имен собственных, семантически опустошенных слов; изменение модальной рамки высказывания; усиление экспрессивности высказывания) или же, прибегая к автокоррекции, говорящий уравнивает свои пресуппозиции с пресуппозициями слушающего (актуализация сигнификативного признака предмета, явления, ситуации; толкование). Подобная прагматическая установка проявляется в семантической автокоррекции, которая носит явный адресантно-адресатный характер (Я→Он).

Прагматическая значимость автокоррекции, не связанной с изменением семантической структуры высказывания, обусловлена, кроме ориентации на слушающего, интенцией говорящего продемонстрировать свою языковую / коммуникативную компетенцию (владение нормами кодифицированного литературного языка, умение переключаться с одной подсистемы национального языка на другую), что характеризует говорящего как сформировавшуюся языковую личность. Такая автокоррекция носит адресантно-адресантно-адресатный характер (Я←Я→Он).

Результаты проведенного исследования подтверждают факт влияния на речевое поведение говорящего фактора адресата и позволяют сделать следующие выводы: 1) появление автокоррекции в речевой цепи обусловлено установками говорящего на коммуникатив-

ное сотрудничество; 2) функциональная нагруженность автокоррекции определяется необходимостью регуляции качества информации (семантическая автокоррекция) и качества речи (автокоррекция, не связанная с изменением семантического плана высказывания).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / вступ. ст. Л.П. Крысина. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
2. *Авдеева М.Т.* Из наблюдений над лексикой изолированного говора на территории Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 3–6.
3. *Голубева Н.И.* К описанию диалектного синтаксиса // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 171–189.
4. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 336 с.
5. *Нефедова Е.А.* Идиолект как источник диалектного варьирования // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 251–262.
6. *Петрунина С.П.* Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008.
7. *Крысин Л.П.* Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 375–379.
8. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 2008. 320 с.: ил.
9. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 228 с.
10. *Акишина Т.Е., Краевская Н.М.* Явления устно-речевого синтаксиса в устной научной речи // Современная устная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. М.: НТИЦ «Консерватория», 1994. Т. II: Синтаксические особенности. С. 273–324.
11. *Лантвева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000. 520 с.
12. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 127 с.
13. *Леонтьев А.А.* Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 21–28.
14. *Арутюнова Н.Д.* Типы идентифицирующих и предикатных слов // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 1–5.
15. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. 4-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2006. 240 с. (Русский язык как иностранный).
16. *Колищанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. 2-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
17. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учеб. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.
18. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 августа 2015 г.

AUTOCORRECTION AS A STRATEGY OF INTERACTION BETWEEN THE SPEAKER AND THE LISTENER

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 21–29. DOI: 10.17223/15617793/398/3

Tsesarskaia Anna E. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: annaceas@mail.ru

Keywords: spontaneous oral speech; speech reflection; autocorrection; interaction between the speaker and the listener.

The phenomenon of cooperation (T.G. Vinokur) underlying speech behavior means a mutual orientation of the communicants. For the speech sender interaction between the speaker and the listener means playing both communicative roles (the addresser and the addressee) and controlling his/her speech during this process at the same time. The basis of autocorrection this way is a conscious attitude to speech activity. In this study, the author makes an attempt to present the types of autocorrection in oral speech, to designate the speaker's motives underlying his/her speech behavior (autocorrection) and to explore the functional load of different types of autocorrection. The research was conducted on the basis of spontaneous oral speech. Two types of autocorrection are characterized: 1) semantic autocorrection and 2) autocorrection with no connection to semantic changes of a statement. Semantic autocorrection occurs when the speaker estimates his/her speech behavior as unsatisfactory in terms of information content. In this case, autocorrection is "prevention" of misunderstanding of the listener. The pragmatic aim of the speaker is to add, to explain and to interpret. Thus, semantic autocorrection has a distinct "addresser – addressee" character (I→S/he). Type II autocorrection is used by the speaker to control speech quality: this is a reaction to the violation of the common language and literary standards, as well as a means of changing the stylistic tone of speech in accordance with the expectations of the listener. The pragmatic aim of autocorrection is determined not only by focus on the listener but also by the speaker's intention to show his/her language/communicative competence which leads to the "addresser – addresser – addressee" character of autocorrection (I←I→S/he). The study results confirm the fact that the addressee factor affects the speech behavior of the speaker. This leads to the following conclusions: 1) autocorrection in the speech chain derives from the speaker's purpose of communicative cooperation; 2) the functional load of autocorrection is determined by the need to control, on the one hand, the quality of information (type I autocorrection), on the other hand, the quality of speech (type II autocorrection).

REFERENCES

1. Vinokur, T.G. (2007) *Govoryashchiy i slushchayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener: Options of verbal behavior]. 3rd ed. Moscow: LKI.
2. Avdeeva, M.T. (1980) *Iz nablyudenyi nad leksikoy izolirovannogo govora na territorii Voronezhskoy oblasti* [From the observation of an isolated dialect vocabulary in Voronezh Oblast]. In: Sobinnikova, V.I. et al. (eds) *Materialy po rusko-slavyanskomu yazykoznaniiyu* [Proceedings of Russian-Slavic linguistics]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Golubeva, N.I. (2002) *K opisaniiyu dialektного sintaksisa* [The description of the dialect syntax]. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. I (VII): K 100-letiyu so dnya rozhdeniya R.I. Avanesova* [Materials and Research on Russian dialectology. I (VII): On the 100th anniversary of R.I. Avanesov]. Moscow: Nauka.

4. Kogotkova, T.S. (1979) *Russkaya dialektnaya leksikologiya (sostoyanie i perspektivy)* [Russian dialect lexicology (state and prospects)]. Moscow: Nauka.
5. Nefedova, E.A. (2002) Idiolekt kak istochnik dialektного var'irovaniya [Idiolect as a source of dialectal variation]. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. I (VII): K 100-letiyu so dnya rozhdeniya R.I. Avanesova* [Materials and Research on Russian dialectology. I (VII): On the 100th anniversary of R.I. Avanesov]. Moscow: Nauka.
6. Petrunina, S.P. (2008) *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruktсий)* [Grammar of the speaker and the listener in the Siberian dialects (based on paired constructions)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
7. Krysin, L.P. (2003) Kodovye pereklyucheniya v rechevom povedenii govoryashchego [Code switch in the verbal behavior of the speaker]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsio-nal'naya differentsiatsiya* [Modern Russian: Social-functional and functional differentiation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2008) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Labirint.
9. Norman, B.Yu. (1994) *Grammatika govoryashchego* [Grammar of the speaker]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Akishina, T.E. & Kraevskaya, N.M. (1994) Yavleniya ustno-rechevogo sintaksisa v ustnoy nauchnoy rechi [The phenomena of oral speech syntax in oral scientific speech]. In: Lapteva, O.A. (ed.) *Sovremennaya ustnaya nauchnaya rech'* [Modern oral scientific speech]. V. 2. Moscow: Konservatoriya.
11. Lapteva, O.A. (2000) *Zhivaya russkaya rech' s telekrana. Razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte* [Live Russian speech on television. Spoken layer of television speech in the regulatory aspect]. Moscow: URSS.
12. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1995) *Russkiy rechevoy portret. Fonokhrestomatiya* [Russian verbal portrait. Phonetic collection]. Moscow: RLI RAS.
13. Leont'ev, A.A. (1974) Rehevaya deyatel'nost' [Speech activity]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow: Nauka.
14. Arutyunova, N.D. (1999) Tipy identifikatsionnykh i predikatnykh slov [Types of identifying and predicate words]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
15. Zemskaya, E.A. (2006) *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems]. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka.
16. Kolshanskiy, G.V. (2005) *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke* [The ratio of subjective and objective factors in the language]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
17. Vsevolodova, M.V. (2000) *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka* [The theory of functional-communicative syntax: Fragment of applied (teaching) language model]. Moscow: Moscow State University.
18. Karaulov, Yu.N. (2003) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS.

Received: 14 August 2015

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 140.8

С.В. Гречишкина

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НА ОСНОВЕ БУДДИЙСКИХ И ДАОССКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Статья посвящена проблеме гармонизации человеческих отношений с природным миром. Сравниваются концепции экософии Ф. Гваттари и А. Нейса. Рассматривается понятие экософской концепции, которая определяет характер взаимоотношений с природой и включает связанную с этим систему ценностей. Доказывается необходимость знакомства с духовными практиками буддизма и даосизма для формирования экософской концепции, поскольку эти учения утверждают взаимосвязанность и взаимозависимость всего сущего.

Ключевые слова: буддизм; даосизм; экологическая философия; экософия; экософская концепция.

Понимание сущности экософии в трудах Арне Нейса и Феликса Гваттари. Норвежского философа Арне Нейса (1912–2009) считают основателем глубокой (deep) экологии, которую он противопоставляет поверхностной (shallow) экологии, предполагающей преобразования в ценностной сфере только в интересах человека, тогда как глубокая экология подразумевает радикальные изменения идеологии, которые в дальнейшем приведут к положительным результатам не только для человека, но и для других форм жизни. Феликс Гваттари (1930–1992), французский философ и психиатр, известен в первую очередь как соавтор книги «Капитализм и шизофрения», положившей начало шизоанализу, постструктуралистскому методу исследований.

Мы сравним взгляды этих выдающихся учёных, занимавшихся вопросами экософии. Хотя в понимании термина «экософия» у Нейса и Гваттари есть расхождения, существуют в их трактовках и точки соприкосновения. Исторически сложилось так, что теория Нейса нашла множество сторонников (можно встретить большое количество отсылок к ней не только экологов, но и литературных критиков, таких как профессор М. Бранч, например), тогда как теория Гваттари осталась малозамеченной. Несмотря на активное участие Гваттари в продвижении «зелёной» политики, написание нескольких трудов по экософии, экологии, учёные практически не признают его заслуг [1. С. 12]. Среди российских исследователей, занимающихся исследованием наследия французского философа, можно выделить профессора А.В. Дьякова, который в одной из глав своей книги «Шизоанализ и производство субъективности» рассматривает идеи Гваттари об экософии.

Нейс и Гваттари считают одним из самых больших зол современности, приводящим к ухудшению состояния окружающей среды, стремление людей к потреблению различных товаров, поддерживаемое индустриальными государствами, в особенности богатыми западными странами. Нейс отмечает, что «идеология производства и потребления имеет глубокие корни во всех индустриальных странах, однако наиболее широкое распространение эта идеология

получает именно в западных странах» [2. С. 25]. Гваттари уточняет, что «экологический кризис является результатом кризиса в социальной, политической и экзистенциальной сферах» [3. С. 119]. Таким образом, оба исследователя прослеживают неразрывную связь между политическими решениями и экологическим кризисом как результатом этих решений.

Гваттари и Нейс по-разному понимают термин «экология», соответственно, они по-разному определяют экософию. Дьяков отмечает, что «для Гваттари экология означает защиту не только материальных объектов окружающей среды, но также объектов нематериальных – искусства, общества, субъекта» [4]. Человечество, по мнению Гваттари, должно осознать чувство ответственности не только за своё выживание, но в равной степени и за будущее всей жизни на планете: животных, растений, а также бестелесного (музыки, изобразительного искусства, кино, отношения ко времени, любви и сострадания к другим, чувства слитности, которое лежит в основе космоса) [3. С. 120]. В своём труде «Три вида экологии» Гваттари указывает на то, что нужно перестать ассоциировать экологию с людьми, любящими природу, или группой специалистов, занимающихся наукой экологией. Объект экологии достаточно широк. Гваттари различает социальную экологию, экологию психической сферы и экологию окружающей среды. По мнению Гваттари, экология затрагивает в первую очередь формы власти и субъективности, которая включает знания, культуру, чувства и прочие элементы, связанные с субъектом. Капитализм с помощью СМИ формирует, как утверждает Гваттари, три типа субъективности: серийную (для тех, кто получает зарплату), субъективность незащищённых, незастрахованных масс (не имеющих гарантий) и субъективность элиты [5. С. 49–52]. Все эти типы формируются с целью исключения всякого рода специфичности, своеобразия.

В свою очередь, Нейс понимает под экологией междисциплинарное научное исследование условий жизни организмов, взаимодействующих друг с другом и со своей окружающей средой, как органической, так и неорганической [2. С. 36]. Нейс даёт определение, схожее с тем, которое было дано ещё в

1866 г. Эрнстом Геккелем. Человек, по мнению Нейса, обладает «экологическим я», включающим родителей, род, дом, место проживания, животных и других существ, находящихся вокруг [6], взаимосвязь с которыми человек должен осознать.

Понятие «экософия» присутствует в работах обоих философов. В работе «Три вида экологии» («The Three Ecologies») Гваттари понимает под экософией этико-политическое соединение, сочленение трёх экологических уровней (окружающей среды, социальных отношений и человеческой субъективности) [5. С. 28]. Гваттари говорит о трёх видах экософии, соответствующих трём видам экологии – социальной (social), психической (mental) и окружающей среды (environmental), у каждой из которой есть своя задача. Социальная экософия должна способствовать развитию определённых практик, которые изменяют способы жизни в парах, семьях, в городе, на работе, т.д. По мнению Гваттари, необходимо перестроить человеческие связи на каждом уровне социума. Ментальная экософия должна помочь изменить отношение субъекта к телу, времени, явлениям жизни и смерти и т.п. Человеку нужно противостоять влиянию капитализма в повседневной жизни, выстроить соответствующую личную этику: «важно противостоять последствиям развития капитализма в сфере ментальной экологии в повседневной жизни: при решении вопросов личного характера, вопросов, связанных с ведением домашнего хозяйства, построением отношений с соседями, а также при выстраивании творческой или личной этической системы» [5. С. 50]. И, наконец, экософия окружающей среды должна способствовать выстраиванию гармоничных взаимоотношений с окружающей средой. Реагировать на угрозу экологического кризиса, согласно Гваттари, нужно глобально, реакция должна вылиться в переворот политических, социальных и культурных сфер.

Нейс, как и Гваттари, признаёт необходимость социальных, политических и экономических изменений. С его точки зрения, «было бы глупо предполагать, что улучшения жизни большинства населения планеты можно добиться, не внося изменений в политические и экономические задачи, которые ставят перед собой индустриальные страны» [2. С. 24]. Изменения в одной сфере невозможны без изменений в другой.

В книге «Ecology, Community and Lifestyle» Нейс определяет экософию как личную философию каждого человека, своеобразное философское мировоззрение, зависящее от условий жизни в экосфере [Там же. С. 38]. Экософия в работах Гваттари понимается шире, чем у Нейса: Гваттари подразумевает под экософией сочетание этической и политической составляющих, равно как и эстетической, а Нейс делает акцент лишь на этической составляющей. Ключевым вопросом в концепции Нейса является пересмотр ценностей, который приведёт к новому типу общества и социальных образований [Там же. С. 24]. Одним из базисных понятий экософской концепции Арне Нейса является понятие «внутренней ценности», которой обладают все формы жизни, причём абиотические формы, по мнению Нейса, тоже жи-

вые. Слово «внутренняя» указывает на независимость от полезности, которую формы жизни могут иметь для человека. Нейс считает, что человек не имеет права уменьшать богатство и разнообразие жизни на земле без необходимости спасти свою жизнь. Все существуют в пределах системы, сети, из которой мы не можем отделить что-либо, поскольку всё в этой системе взаимосвязано [6].

С Гваттари Нейса объединяет убеждённость в необходимости активных действий с целью достижения каких-либо положительных изменений. Нейс пишет, что люди, согласные с положениями движения глубинной экологии, обязаны прямо или косвенно участвовать в осуществлении программы данного движения [2. С. 29]. Он утверждает, что человеку необходимо изменить своё поведение, и уже это в свою очередь повлечёт изменения в его сознании [6]. Гваттари также придерживается мнения, что человек должен действовать, а не пассивно воспринимать информацию извне. Причину ухудшения отношений человека с социумом, психикой и природой Гваттари видит не только в загрязнении окружающей среды, но и в неумении осознать свою фатальную пассивность [5. С. 41]. Он уверен, что, несмотря на некоторые достоинства современных экологических движений, вопрос экософский настолько важен, что решение его не может быть оставлено людям, которые иногда намеренно избегают масштабного политического вмешательства.

Необходимо отметить, что Гваттари и Нейс видят будущее за разнообразием взглядов, а не унификацией системы ценностей: «Вопрос состоит не в том, чтобы установить универсальные правила, а в том, чтобы установить принцип противоречия в сфере взаимодействия различных уровней экософии, или, если хотите, трёх экологических перспектив» [5. С. 54]. Нейс пишет, что было бы «опасным полагать, что какая-то определённая группа людей может полностью изучить технологические и экономические системы, а затем управлять ими» [2. С. 24]. Таким образом, оба философа осознают неприемлемость и невозможность трансформации социальной, политической и экономической сфер по единому образцу.

Понятие «экософская концепция». Большая часть современных исследователей придерживаются мнения, что экософия является попыткой гармонизировать взаимоотношения человека с природой [7. С. 231]. Нужно учитывать тот факт, что термин «экософия» неравнозначен термину «экологическая философия». Арне Нейс поясняет, что экологическая философия, или экофилософия, – это дисциплина, занимающаяся изучением вопросов, возникающих на стыке экологии и философии, тогда как экософия – это личная философия человека, тип его мировоззрения, относящийся к сфере взаимоотношений человека с природой, своеобразный «кодекс ценностей» (code of values), регулирующий данные взаимоотношения [2. С. 36]. Под экологической философией, или философией окружающей среды, понимаются «все исследования, относящиеся к сфере взаимоотношений человека с его окружающей средой, исключая представи-

телей человеческого рода. Поскольку данная дисциплина появилась из-за обеспокоенности вопросами поведения человека в природном мире, в рамках дисциплины преобладают исследования экологической этики» [8. С. 255–256]. Из определения видно, что экологическая философия, или экофилософия, является дисциплиной, в центре которой стоит обсуждение экологической этики, свода правил, определяющего этическую сторону общения человека с окружающей средой.

Экософия – это «мудрость дома» (эко – жилище, дом, имущество; софия – мудрость). По мнению Нейса, экософия – это «мудрость земли» [2. С. 37–38], поскольку нашим домом является вся земля. Американский биолог и консультант ООН по вопросам коренных народов Элизабет Саторис указывает на возможность понимания экософии как мудрого заведования имуществом человека в доме (*wisely run household of human affairs*) или просто мудрого общества (*wise society*) [9]. Для Саторис экософия предполагает мудрую организацию и управление двумя составляющими: экономикой, включающей финансовую сферу, и экологией. Обе составляющие, согласно точке зрения Саторис, представляют собой части единого целого.

Прежде чем дать окончательное определение термина «экософская концепция», отметим, что «концепция связана с разработкой и развертыванием личного знания, которое, в отличие от теории, не получает завершённой дедуктивно-системной формы организации» [10. С. 308]. Нужно учесть, что концепция исходит из установки на «реализацию максимально широкого “мировидения” (на основе “отнесения” к ценностному основанию познания)» [11. С. 509]. Итак, термин «экософская концепция» означает такую организацию личного знания об окружающем мире и отношениях с ним, в которой знания не получают полноценного дисциплинарного оформления, но которая управляет процессом формирования системы ценностей человека. Ясно, что у каждого человека складывается своя концепция, и она представляет собой упорядоченной формой знаний, а не хаотичные представления. Перейдём к рассмотрению идей буддизма и даосизма, которые могут стать основой формирования экософской концепции.

Буддизм и даосизм в процессе формирования экософской концепции. Хва Йол Джун, известный корейский философ и литературный критик, говорит о том, что экософию можно считать геофилософией, поскольку она задаётся вопросом, как должно жить на земле [7. С. 230]. О геофилософии пишут в своём труде «Что такое философия?» Жиль Делёз и Феликс Гваттари, указывая, что земля замыкает все стихии в единых объятиях [12. С. 98]. Интересно также их замечание, что география не просто даёт материю переменных местностей для истории как формы, но, подобно пейзажу, она оказывается не только географией природы и человека, но и географией ума [Там же. С. 110]. Мудрость земли, экософия, должна зависеть от особенностей каждого отдельного региона и тех культурных традиций, которые в нём возникли.

Говоря о России, отметим, что во многом культуру страны и, соответственно, систему ценностей определило христианство. Однако не стоит забывать, что Россия – полиэтническая страна, где нужно обращать внимание на другие религиозные и философские системы. Особую специфику имеют приграничные регионы, в которых происходит интенсивное общение с представителями других стран и культур. Например, Забайкалье – это регион, отличающийся постоянными контактами с представителями Китая, чья культура немыслима без идей буддизма и даосизма, поэтому данные религиозно-философские системы для жителей Забайкалья представляют особое значение и интерес.

Ещё одной причиной обращения к отличным от христианства этическим системам при формировании экософской концепции в России и отдельных её регионах является достаточно распространённая критика христианства со стороны некоторых исследователей. Л. Айзли, американский антрополог и эссеист, в одном из своих произведений указывает, что христианство изъяло Бога из природы и вознесло человека над природой [13]. Профессор Л. Уайт считает, что христианство в его западном варианте является самой антропоцентричной религией мира, сделавшей возможным эксплуатацию природы [14. С. 9–10]. Поскольку существует столь категоричное мнение о христианстве как корне экологического кризиса, необходимо изучение альтернативных духовных учений с целью нахождения наиболее эффективного способа достижения гармонизации отношений человека с природой и в результате – создания синкретичной экософской концепции.

Известный российский синолог Е.А. Торчинов отмечает, что нравственным идеалом буддизма является непричинение вреда окружающему [15. С. 159]. Хотя принципы буддизма на ранней стадии развития не включают каких-либо явно выраженных экологических идей [16. С. 164], исследователи палийского канона, т.е. первичных текстов буддизма, говорят, что даже на ранней стадии развития для буддизма был свойствен отказ от насилия, убийства представителей окружающей среды [17. С. 8]. Для буддизма с самого зарождения также была характерна идея простоты, смирения, которая является исключительно важной для экологической этики, по мнению П. Сахни, одной из исследователей палийского канона, поскольку эта идея противопоставляется чувству превосходства человека и его высокомерию [Там же. С. 122–126]. Буддизм не приемлет идею роли человека как хозяина природы. В основу экософской концепции также могут лечь такие идеи буддизма, как отказ от убийства, отказ от жадности, ненависти и эгоизма, а также идея единства и взаимосвязи всех явлений и предметов. Последняя из указанных идей подтверждается современной наукой. Американский физик Ф. Капра в книге «Дао Физики» утверждает, что буддийские тексты обнаруживают «в высшей степени поразительные параллели к моделям и теориям современной физики» [18. С. 44].

Буддийские тексты могут также служить источником эстетического наслаждения, поскольку в них

описывается красота природы, роши, где прибывал Будда и его ученики. Такого рода описания учат ценить красоту природы. Не случайна связь буддизма с мировой литературой и культурой. В США, например, к идеям дзэн-буддизма обращались такие писатели, как Сэлинджер, Керуак, Рексрот и Гэри Снайдер. Рексрот и Снайдер также интересовались даосизмом.

Даосизм возник в Китае в 6–5 вв. до н.э. и до сих пор не утратил своего влияния в социальной сфере. Исследователи указывают на то, что «важным вкладом в даосскую мысль стала идея уравнивания сущего: любая часть универсума не имеет самостоятельного бытия и существует только относительно других его частей, в мире все имманентно всему, субъект и объект заключены друг в друге, лишь человеческое заблуждение расчленяет единую реальность на обособленные сущности» [19. С. 125–126]. Это утверждение согласуется с буддийским принципом взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего.

Профессор Д. Чан говорит, что в даосизме много идей, которые могли бы лечь в основу эософской концепции [17. С. 133]. Важной идеей является необходимость постижения пути природы, или дао. Человек должен следовать дао, естественному порядку [20.

С. 23]. Естественность, природа, которая регулирует дао, наиболее значимы, поэтому люди должны учиться у природы, с уважением к ней относиться [21]. Ещё одним ценным вкладом даосизма в эософскую концепцию может стать своеобразный общинный кодекс, который предписывает сохранение и культивацию энергии ци в природе, государстве, семье. Индивидуализм, как и антропоцентризм, являются помехами на пути формирования эософской концепции.

Сегодняшний экологический кризис вызван эгоизмом человека и желанием материального обогащения. Каждый человек должен начать свой путь гармонизации отношений с природой с изменения своего мышления, избавления от эгоизма, лишних страстей. Как утверждают буддизм и даосизм, а также подтверждает современная наука, всё в мире взаимосвязано. Необходимо осознать это и действовать не против природы, но вместе с ней. По справедливому замечанию Гваттари и Нейса, для изменения нынешней, грозящей гибелью человечеству и другим видам жизни ситуации помимо изменений в психической сфере необходимы изменения в социальной, политической и культурной сферах. Только совокупные изменения внутреннего и внешнего приведут к улучшению жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *An [Un]likely Alliance: Thinking Environment[s] with Deleuze|Guattari* / ed. by B. Herzogenrath. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2008. 367 p.
2. *Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 223 p.
3. *Guattari F. Chaosmosis. An Ethico-Aesthetic Paradigm*. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1995. 135 p.
4. Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск : Изд-во Курск. ун-та, 2006. 246 с.
5. *Guattari F. The Three Ecologies*. London : The Athlone Press, 2000. 174 p.
6. *Naess A. Interview by Evanoff R. // Kyoto Journal*. URL: <http://www.kyotojournal.org/the-journal/conversations/ecosophy-beyond-east-and-west-%E2%80%94-arne-naess-in-kyoto/> (дата обращения: 01.07.2014).
7. *Hwa Yol Jung. Transversal Rationality & Intercultural Texts. Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy*. Athens : Ohio University Press, 2011. 400 p.
8. *The Oxford Companion to Philosophy* / ed. by T. Honderich. New York : Oxford University Press, 2005.
9. *Sahouris E. Ecosophy: Nature's Guide to a Better World // Kosmos journal*. URL: <http://www.kosmosjournal.org/article/ecosophy-natures-guide-to-a-better-world> (дата обращения: 10.07.2014).
10. *Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепция // Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 308–309.
11. *Абушенко В.Л. Концепция // Всемирная энциклопедия: Философия*. Москва : АСТ, Минск : Харвест-Современный литератор, 2001. С. 509–510.
12. *Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?* М. : Академ. проект, 2009. 261 с.
13. *Eiseley L. The Firmament of Time*. URL: <http://www.american-buddha.com/firm.ch5.htm> (дата обращения: 16.07.2014).
14. *White L., Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*. Athens : The University of Georgia Press, 1996. P. 3–14.
15. *Торчинов Е.А. Буддизм // Духовная культура Китая* : в 5 т. Философия. М. : Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 158–166.
16. *Sahni P. Environmental Ethics in Buddhism. A Virtues Approach*. London and New York : Routledge, 2008. 204 p.
17. *Environmental Ethics. Intercultural Perspectives* / ed. by King-Tak Ip. Amsterdam and New York : Radopi, 2009. 178 p.
18. *Капра Ф. Дао физики. ОРИС* : ЯНА-ПРИНТ, 1994. 165 с.
19. *An Le Dze. Daojiao Yu Shentai*. URL: <http://www.mzb.com.cn/html/Home/report/412117-1.htm> (дата обращения: 20.07.2014).
20. *Словарь философских терминов* / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. 731 с.
21. *Spirit of the Environment. Religion, Value and Environmental Concern* / ed. by D.E. Cooper and J.A. Palmer. London ; New York : Routledge, 1998. 202 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

STRUCTURING AN ECOSOPHICAL CONCEPT ON THE BASIS OF BUDDHIST AND TAOIST IDEAS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 30–34. DOI: 10.17223/15617793/398/4

Grechishkina Svetlana V. Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru

Keywords: Buddhism; Taoism; ecological philosophy; ecosophy; ecosophical concept.

The aim of the article is to analyse the notion of an ecosophical concept and to find out what Buddhist and Taoist ideas can become the basis of an ecosophical concept. Firstly, the author of the article compares the concepts of ecosophy of two outstanding philosophers, Arne Naess and Felix Guattari. Both the philosophers are known as the major philosophers who, among other issues, worked on the problems of ecosophy. According to Guattari, ecosophy can be of three types: mental, social and environmental. It

means that to provide future life we must protect not only our environment, but our mentality, our psyche and cultural artifacts. Naess believes ecosophy to be a personal worldview, a personal code of values. If Guattari's key idea is to change the types of subjectivity, Naess's key idea is to affirm the intrinsic value of every life form. Though, as well as Guattari, Naess confirms the necessity of economic, political and social reforms, Naess pays more attention to moral issues connected with ecosophy. Guattari in his turn pays more attention to social and political issues. The author of the article points out that the term "ecosophy" should not be used instead of "ecological philosophy", with the first term meaning a personal worldview and the second one meaning the theoretical study of philosophical issues of ecology. The author of the article introduces the term "ecosophical concept". An ecosophical concept being part of a personal worldview determines the interaction of a person with the non-human natural world. The concept contains different values which evolve in the process of empirical and theoretical cognition. Thus, an ecosophical concept is a kind of a personal knowledge structure which does not have the status of a scientific theory, but governs the process of the formation of values related to the human interaction with the non-human natural world. The author of the article argues that the key idea for an ecosophical concept should be one of interrelation and interdependence of all life forms on Earth. This idea is embedded in Buddhism and Taoism. This fact explains why one should take Buddhist and Taoist ideas into account when structuring an ecosophical concept. Even in Russia where Christianity strongly influences culture and spiritual life of the country people should not miss the opportunity to enrich their worldview and build harmonious relations with the non-human natural world on the basis of Buddhism and Taoism. Future analysis of different spiritual teachings is necessary to structure adequate ecosophical concepts.

REFERENCES

1. Herzogenrath, B. (ed.) (2008) *An [Un]likely Alliance: Thinking Environment[s] with Deleuze Guattari*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
2. Naess, A. (2001) *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Guattari, F. (1995) *Chaosmosis. An Ethico-Aesthetic Paradigm*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
4. D'yakov, A.V. (2006) *Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti* [Felix Guattari: schizoanalysis and the production of subjectivity]. Kursk: Kursk State University.
5. Guattari, F. (2000) *The Three Ecologies*. London: The Athlone Press.
6. Naess, A. (1989) Interview by Evanoff R. *Kyoto Journal*. 11. [Online]. Available from: <http://www.kyotojournal.org/the-journal/conversations/ecosophy-beyond-east-and-west-%E2%80%94-arne-naess-in-kyoto/>. (Accessed: 01st July 2014).
7. Hwa Yol Jung. (2011) *Transversal Rationality & Intercultural Texts. Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy*. Athens: Ohio University Press.
8. Honderich, T. (ed.) (2005) *The Oxford Companion to Philosophy*. New York: Oxford University Press.
9. Sahtouris, E. (2014) Ecosophy: Nature's Guide to a Better World. *Kosmos journal*. Spring–Summer. [Online]. Available from: <http://www.kosmosjournal.org/article/ecosophy-natures-guide-to-a-better-world>. (Accessed: 10th July 2014).
10. Neretina, S.S. & Ogurtsov, A.P. (2010) Kontseptsiya [Concept]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 v.]. V. 2. Moscow: Mysl'.
11. Abushenko, V.L. (2001) Kontseptsiya [Concept]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST, Minsk: Kharvest-Sovremennyy literator.
12. Deleuze, G. & Guattari, F. (2009) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Eiseley, L. (1960) *The Firmament of Time*. [Online]. Available from: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/25677/The+Firmament+of+Time.pdf;jsessionid=634DAD523BD7C30C9F26FCA8D7182F94?sequence=17>. (Accessed: 16th July 2014).
14. White, L., Jr. (1996) The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. In: Glotfelty, C. & Fromm, H. (eds) *The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*. Athens: The University of Georgia Press.
15. Torchinov, E.A. (2006) Buddizm [Buddhism]. In: Titarenko, M.L. (ed.) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: v 5 t.* [Spiritual Culture of China]. V. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
16. Sahni, P. (2008) *Environmental Ethics in Buddhism. A Virtues Approach*. London and New York: Routledge.
17. King-Tak Ip, R. (ed.) (2009) *Environmental Ethics. Intercultural Perspectives*. Amsterdam and New York: Radopi.
18. Capra, F. (1994) *Dao fiziki* [The Tao of Physics]. ORIS: YaNA-PRINT.
19. An Le Dze. (n.d.) *Daojiao Yu Shentai*. [Online]. Available from: <http://www.mzb.com.cn/html/Home/report/412117-1.htm>. (Accessed: 20th July 2014).
20. Kuznetsova, V.G. (ed.) (2005) *Slovar' filosofskikh terminov* [Glossary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M.
21. Cooper, D.E. & Palmer, J.A. (eds) (1998) *Spirit of the Environment. Religion, Value and Environmental Concern*. London; New York: Routledge.

Received: 24 June 2015

РИТОРИКА ВЕРЫ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Анализируется применение Аврелием Августином средств римской риторики для объяснения истин доктринального характера. В статье показан процесс преобразования Августином римского ораторского искусства в жанр христианского красноречия. Принципы обоснования догматических положений, сформулированные Августином, развиваются впоследствии в западной философии и достигают наивысшего расцвета в схоластике.

Ключевые слова: Аврелий Августин; риторика; Слово; христианское учение; вера.

Во времена Августина продолжается повсеместное распространение христианских идей в римо-латинском мире. Однако вместе с ними множатся и еретические доктрины и теории, поскольку разум с одинаковой силой может как обращать человека к спасительным истинам Христа, так и доказывать их несостоятельность. И Августин понимает, что сила христианства станет одним из мощных факторов воздействия на мир, благодаря чему произойдет объединение разнородной массы верующих и утверждение христианства как единственно верной религии, в то время когда будут найдены аргументы безусловной истинности и убедительности доктринальных положений. Но он осознает невозможность такого варианта, поэтому надеется дать разуму надежную опору, направление, пойдя по которому человек самостоятельно устремится к пути спасения.

Обучение в риторской школе – факт, казалось бы, весьма заурядный в биографии иного мыслителя, у Августина оказывается определяющим для его творчества, ключ к пониманию его философии в его биографии. Именно это образование предопределило формирование и дальнейшее развитие его философских идей, отвечая на вопрос о том, почему из всех учений, школ, напряженных духовных исканий Августина оказывается близко христианство, фундамент которого в Логосе. Познавательная активность философа всегда начинается с исследования феномена слова, возможностей риторики и завершается им же.

Риторическое слово Аврелия Августина опирается на глубокое знание человеческой души, на основании которого он объясняет право человека на понимание, даже когда речь идет о догматических вопросах. Стремление к пониманию всегда приводит человека к самопознанию. Он говорит: «О, если бы мы оба могли спросить об этом какого-либо ученейшего, и притом красноречивейшего и во всех отношениях мудрейшего и совершеннейшего человека! Как прекрасно в своей речи и рассуждениях он разъяснил бы, какую силу имеет душа в теле, какую сама в себе, какую у Бога, к Которому она, будучи чистой, весьма близка, и в Котором имеет для себя высшее и всяческое благо! Теперь же, когда мне недостает такого человека, я вынужден предложить тебе только свои услуги. Выгода здесь заключается в том, что в ту пору, как я, неученый, буду объяснять, какую силу имеет душа, я без опасения испробую, какую силу имею сам я» [1. Т. 2. С. 253].

И Слово как метафизическое основание бытия, заключающее в себе все понятия и явления, предстает у Августина как ступень к духовному восприятию мира и его пониманию, открывающему значимое в себе бытие, противоположного телесному, благодаря которому и раскрывается тайна человеческой личности во всей безграничной способности к внутреннему самоопределению и самосовершенствованию.

Августин убедительно доказывает, что человек обращается к Богу ввиду того, что ему сложно примириться с положением песчинки в этом мире, он не может не искать объяснения своего существования. Каждый смертный хочет значимости и признания, исходящего от кого-то извне. Именно поэтому человеческой природе свойственно искать нечто недосыгаемое, в этом и есть причина того, что «абсолютно все люди воспринимает Бога как Высочайшее» [2. С. 32]. Поэтому его риторическое слово Аврелия Августина – это одновременно обращение и к Богу и к человеку.

Мысль о Слове у него всегда является изначальной и исходной точкой всей его философии, вследствие чего концепцию лингвистического символизма философ развивает в рамках христологии. В его трактатах христианские идеи Искупления, Боговоплощения, Воскресения предстают как события, возвращающие смысл человеческому присутствию в мире, поскольку через них Бог непосредственно говорит с каждым конкретным человеком, но транслируется этот диалог в самых разнообразных случаях и действиях, благодаря чему и обретает многообразные проявления и формы. Такой разговор представляет собой двунаправленный акт, в котором различимы активность вопрошающего и действия открывающегося. Личная встреча с Богом и общение с Ним происходят, таким образом, в акте понимания.

Обращенность к собственной мысли и к Богу одномоментна, по мнению Августина, поскольку слово существует в человеке и только там он и может понять и познать его. «Отсюда и слово *cogitare*. *Sogito* и *cogito* находятся между собой в таком же соотношении, как и *ago agito*, *facio* и *facitio*. Ум овладел таким глаголом, как собственно ему принадлежащим, потому что не где-то, а именно в уме происходит процесс собирания, то есть сведения вместе, а это и называется в собственном смысле обдумыванием» [3. С. 133]. Более того, философ считает, что непонимание истины есть не что иное, как возмездие за грех.

Все трактаты Аврелия Августина так или иначе возвращаются к его идее о том, что христианство

представляет собой законченное целостное учение, в котором, с одной стороны, присутствуют простота и ясность, с другой – подобия, встречающиеся в изречениях Откровения, в действиях библейских персонажей и в церковных таинствах, имеющих как по отдельности, так совместно отпечаток истины. Августин утверждает взаимосвязь понимания, обращающего мышление человека к феномену Слова, раскрывающего очевидность метафизического основания, и действий человека, доказывающих истинность такого осознания вещей и явлений бытия.

Августин убежден в том, что понимание есть не что иное, как исполнение бытия, и свершается тем основательнее, чем глубже человек вдумывается в явленное ему Священным Писанием. Риторическое слово в этом процессе необходимо, поскольку, с одной стороны, оно позволяет вмещать понимаемое, с другой – формулировать истины Откровения так, как они даны Богом.

Философ доказывает, что неуверенность в каких-то вопросах не должна быть поводом для замешательства, и выражает готовность спрашивать вместе с тем, у кого есть сомнения, поскольку он вынужден признать, что каждый человек в поисках истины «блуждает в потемках». Августин непрестанно говорит о том, что в вере каждый должен пройти путь сомнения, чтобы впоследствии разум получил необходимую опору, поскольку «еще ни один человек не говорил так, чтобы быть понятым всеми и во всем» [4. Ч. 1. С. 19].

В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что в восточно-христианской философской традиции существовала соборность в разработке доктринальных положений и принятии решений. В то время как Августин был поставлен перед необходимостью самостоятельно искать ответы, особенно на те вопросы, которые не подвергались детальному рассмотрению его предшественниками. Кроме того, ввиду незнания греческого языка он не имел возможности изучить трактаты восточных мыслителей по интересующим его темам. Поэтому часто исследование некоторых проблем он начинает как бы с чистого листа.

Неудивительно, что Августин всегда говорит о необходимости самостоятельного постижения христианского вероучения. И если после детального рассмотрения человек пришел к выводу о неудовлетворительности сделанных умозаключений, то нет ничего преступного в том, чтобы опровергать сказанное или утверждать иное, но при условии доказательности выражения. Вместе с тем существуют также пути распознавания заблуждений: через сокровенные наставления, непосредственно данные человеку Богом, явные изречения, увещания, исходящие из уст других людей или литературных источников.

Но главный аргумент, звучащий еще в работах мыслителей в первые века, к которому прибегает и Августин, – обращение к личности Христа и его жертве. И причиной того, что человек блуждает и не понимает христианской веры в том, что в своей жизни он опасается многих вещей и стремится изо всех сил избежать опасностей, в то время как Сын Божий ис-

пытал все, чего боится каждый смертный. Это противоречие мешает человеку испытать полноту веры, познающему окончательно освободиться от заблуждений.

Интересно, но в восточно-христианской философской традиции мысль человека не имеет права претендовать на понимание «вещей божественных». Любое познание не совершенно, поэтому не может притязать на истинное, следовательно, необходимо воздерживаться от стремления понимать то, что должно быть исключительно предметом веры. Восточная мысль старается сместить акцент на человека и его виновность, которая не вызывает никакого сомнения из-за догмата о первородном грехе. Человек обладал высшей степенью совершенства, т.е. свободой, которую он отверг, но вернуть ее можно только в духовном опыте, благодаря чему он должен добиться того, чтобы Бог Сам обратился к нему в его сознании.

Добровольное незнание в восточно-христианской традиции – предпочтительный путь, ведущий человека к Богу, так как разумное понимание обнаруживает лишь ограниченное сущее, а божественное бытие – вне всяких границ. Все события духовной жизни происходили всегда в уединении, а не полемике; доктринальные вопросы решались общими усилиями. Именно поэтому и красноречие как таковое вытеснялось из сферы необходимого как в философском, так и в богословском дискурсе.

Августин постулирует тождественность понимания и принятия христианского вероучения. Он считает не менее значимым фактором личность человека, проповедующего то или иное учение. Философ упоминает о том, что возникновение любви или стремления к его освоению зарождается не в последнюю очередь из способности к восхвалению, особенно когда речь идет о распространении идей христианства. И видоизменить неспособный ум и устремить его к восприятию вечной истины может благочестивое поведение. Мысль, выстроенная на основе искусства красноречия, всегда содействует тому, что человек, возвращаясь к ней многократно, переосмысливает параллельно и другие вопросы, которые неминуемо влекут за собой и внешние перемены в его повседневном существовании. Поэтому Аврелий Августин всегда использует риторическое слово в первую очередь для объяснения теологических вопросов.

Философ выделяет еще одну значимую, по его мнению, черту в процессе понимания. Он доказывает, что сущность его не только в уяснении смысла данного Богом, но в том, когда человек способен назидать других. Поэтому Августин и обращается к диалектике, которая «учит учить, но она же и учит учиться; в ней обнаруживает себя разум и показывает, что он такое, чего хочет, что может. Она знает знать; она одна не только хочет, но и может делать знающими» [5. С. 171], а средства аргументации он извлекает из языка. Философ видит смысл поучения том, чтобы, с одной стороны, активизировать в человеке стремление к познанию, с другой – вызвать разумное стремление следовать полезному с христианской точки зре-

ния в повседневном существовании. Августин называет такое состояние человека «любовью стремящейся души», «желающей знать то, что не знает, не есть любовь к тому, чего не знает, но к тому, что знает, на основе чего желают знать то, чего не знают» [4. Ч. 2. С. 27–28]. И одну из главных задач теологии он усматривает в красноречивом выражении слова, напоминающей человеку о действенной силе Откровения.

Ранние мыслители вычеркивали словесное искусство из перечня решительного воздействия на слушателя на том убеждении, что оно только поощряет в человеке развитие пороков: «Красноречивый язык и изящные выражения доставляют наслаждение и питают тщеславие людей с испорченным умом» [6. С. 9].

Кроме того, существовал еще один факт, который, вероятно, заставил апологетов отказаться от риторики. Центральный факт Откровения – Суд над Христом – демонстрирует молчаливое отречение не только от какого-то ни было красноречия, но от словесных выражений.

По признанию многих философов эпохи патристики, негативное отношение к ораторскому искусству объяснялось ими отсутствием нравственного содержания в стилистически правильных приемах речи.

Августина, напротив, всегда волнует не только, что следует произнести, но и то, каким образом выразить сказанное и передать написанное в Откровении. Его понимание красноречия базируется на принципе единства смыслового содержания и эстетики словесного творчества, насыщенного вероучительным значением. И несмотря на широкое использование приемов античной риторики для объяснения вероучительных истин, Августин одновременно преодолевает ее несовершенства, о которых говорили другие представители патристики, он постоянно напоминает о том, что его задача «учить благу и отучать от зла». Его возвышенный слог эксплицирует определенный предмет философского интереса, но вместе с этим разъясняет еще и доктринальные вопросы.

Античный ритор, наблюдая за слушателями, мог увидеть, какое впечатление произвело его выступление, т.е. достиг или нет он своей цели, которая состояла в убеждении. Христианский проповедник был изначально лишен такой возможности, поскольку невозможно достоверно понять, какое действие оказала его речь, ввиду того его задачей было зарождение веры в душе человека. Поэтому только риторика здесь было явно недостаточно, в такой ситуации требовались иные средства.

В выступлении античного ратора всегда была определенная тема. В устном слове проповедника не было заданной структуры, речь могла из монолога превратиться в яростную полемику или перейти в русло практических вопросов. И одно только знание правил элоквенции или приемов риторического искусства не гарантировало понимания слушателей. Ведь даже при наличии ревностной веры говорить о Боге ясно и понятно другому сложно уже потому, что Его облик «неописуем и неизъясним», а слава бесконечна.

Духовный опыт Аврелия Августина, основанный на вере, воссоздал непосредственную и живую реальность, воплощенную в риторическом слове, целью которого всегда было понимание и истолкование знака. Чувство Бога, на котором основывается его познание и понимание, ведет к тому, что красноречие идет за его мыслью.

И хотя в «Христианском учении» он указывает на то, что с помощью «искусства риторики можно убеждать и в истинном и в ложном», в другом произведении он проясняет собственную точку зрения, согласно которой душа говорящего не может проявиться полностью, в силу невозможности словесного выражения. И если существует подобное препятствие, то именно это обстоятельство и становится причиной появления лжи. Красноречие, основанное на понимании самого себя, исключает вероятные искажения истины в силу того, что создает для воспринимающего эстетику восприятия и глубину понимания. Вследствие этого Августин постоянно обращается к вопросам самопознания. Через красноречие он формирует своеобразную эстетику разума, в которой человеческая речь выступает как самоявственность человека, а ораторское искусство в работах Августина нередко выступает как метод постижения бытия, поскольку, как считает философ, само «искание речистее открытия».

Поэтому философские идеи Аврелия Августина о Боге, вере и способах ее обоснования, представление о мире, человеке, феномене человеческой свободы, справедливости, роли знака в понимании артикулируются через искусство красноречия. Всесторонне рассматривая феномен знака, формулируя правила словесного выражения – элоквенции, он, по сути, изучает категории бытия. И если он начинает и завершает философское размышление о Боге, то и изучение феномена слова, и осмысление способов словесного выражения вводятся в сферу теологии, следовательно, и риторика становится богословием.

Так появляется новая сфера ораторского искусства – христианское красноречие, в котором, по словам Августина, бездействуют те, кто произносит заблаговременно подготовленную и дословно выученную речь. Риторика Аврелия Августина всегда несет людям живое Слово, личное, пророческое, взывающее, в которой, тем не менее, происходит интеграция риторического стиля Античности и христианского содержания, именуемое философом «Сосудом Духа». Он доказывает, что христианское красноречие не имеет ничего общего с софистикой, поскольку наполнено глубоким духовным содержанием. Никогда словесное искусство проповедника не может стать красноречием ради красноречия уже в силу того, что слово, ведущее к пониманию, – это одновременно мысль и смысл. Слово имеет собственное бытие, поэтому имеет значение само по себе, независимо от своего содержания, поскольку оно еще и знак. В христианском красноречии Августина объединились искусство речи и искусство рассуждения – *eloquentia*, в основе которой теология. Слово у философа – это учение об истине, а риторика – выражение этого учения.

Поэтому Августин учит сравнению смыслов, рассмотрению предметов и явлений с различных сторон, чему, по мысли философа, весьма способствует использование различных стилистических приемов в избранной последовательности, смена которых содействует наилучшему пониманию. Так, для объяснения одних предметов главным являются доказательства, существуют вещи, для которых подходит только форма наставления, для которого не нужен сложный витиеватый слог.

Августин нередко использует те же стилистические приемы, которые подвергались критике и в тексте Откровения. Пренебрежение правильностью из-за стремления к экспрессии и ясности, соединяющей глубинное восприятие передаваемых им вещей, отличает и тексты многих его писем и проповедей, ввиду чего создается даже впечатление, что эти произведения принадлежат не его перу.

Прежде всего Августин уделяет внимание методам, с помощью которых можно формулировать мысли о Боге. Он указывает, что одна только речь о Нем должна иметь различное выражение в зависимости от того, в каком контексте идет повествование. Говоря о язычниках, сравнивающих Бога с идолами, более уместен стиль возвышенный. Его надлежит использовать также в выступлениях, в которых необходимо передать непочтение язычников к Богу, чтобы вместе с тем представить их заблуждения. Для того чтобы показать действительную силу Бога, напротив, должен использоваться «прекрасный и блистательный» слог. Такой же стиль надо избрать и для словословия, чтобы передать возторженность говорящего.

Таким образом, мы с уверенностью можем говорить о том, что мысль Аврелия Августина должна рассматриваться через риторическое слово, основанное на рефлексии, поскольку все философские идеи о Боге, представление о мире, человеке, феномене человеческой свободы, справедливости, роли знака в понимании получают свою артикуляцию посредством искусства красноречия. Августин унаследовал аристотелевское представление о риторике, соответствующей диалектике. Ораторское искусство, которое использовалось для обоснования истин доктринального характера, основано на принципе применения диалектики.

Уже в ранних произведениях главенствующее место в объяснении истин христианского вероучения он отдает риторике, поскольку речь философа дополнительно содержит в себе еще и скрытый

диалог платонизма и христианства, не прекращающийся во всех его работах. Но вместе с этим он продолжает пользоваться их же аргументацией.

Поэтому Аврелий Августин может быть признан создателем христианского красноречия, ставшего теологией и оказавшего существенное влияние на его философские взгляды. Его трактаты, эксплицирующие христианское представление о Боге через осмысление феномена слова и риторическое искусство, отличает глубокий психологизм. Нельзя не признать того, что работы Августина, несомненно, положили основание психологии, потому что сам философ обладал талантом наблюдения и глубоким знанием человеческой души. Не удивительно, что апелляции к авторитету Аврелия Августина мы встречаем в столь разных областях, причем не имеет значения, к какому вопросу, связанному с его именем, мы обращаемся, поскольку в равной степени имеют значение и его личность, и философия, и духовный опыт, и биография.

Динамика его духовной жизни побуждает философа обратиться к проблеме понимания. Аврелий Августин предостерегает христианских учителей от того, чтобы объяснение истин догматического содержания не сводилось только к обсуждению этих вопросов, которое становится единственной целью христианкой проповеди, поскольку в такой ситуации слушающему сложно уловить истину. Он доказал необходимость понимания вероучительных определений, сохранив при этом принцип непогрешимости авторитета доктрины. Это объясняет совершенно несоответствующие друг другу умозаключения и несовместимые между собой точки зрения, которые мы находим у Августина.

В Средние века философия была направлена на подтверждение существования Бога, на доказательство единства, подтверждение всеобщей взаимообусловленности мира, имеющего единое онтологическое основание в Боге. Однако последующие мыслители и церковные деятели не увидели главного в работах Августина – стремления к пониманию, что в конечном итоге и привело к тому, что люди перестали читать Откровение из-за страха непонимания или искажения истины, что было впоследствии закреплено запретом Католической Церкви на чтение Священного Писания вне храма.

Поэтому в гуманитарном знании риторическое слово Аврелия Августина многосмысленно и уникально, поскольку порождает новые поиски ответов на актуальные вопросы современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаженный Августин*. О количестве души. Творения Т. 1 // Об истинной религии. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. С. 183–263.
2. *Prestige G.L.* God in Patristic Thought. London : S.P.C.K., 1952. 318 p.
3. *Августин Аврелий*. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь : Реноме, 1998. 416 с.
4. *Августин Блаженный (Аврелий)*. О Троице. М. : ОБРАЗ, 2005. 256 с.
5. *Блаженный Августин*. О порядке. Творения (том первый) / Об истинной религии. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 1. С. 114–182.
6. *Феофил Антиохийский*. Послание к Автолику. Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Сочинения древних христианских апологетов. Приложение к Православному Обозрению. М. : В Университетской Типографии (Катковъ и К°), 1865. С. 9–23.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

RHETORIC OF FAITH OF AUGUSTINE OF HIPPO

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 35–39. DOI: 10.17223/15617793/398/5

Dyachenko Olga N. Kursk Institute of Education Development (Kursk, Russian Federation). E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Keywords: Augustine of Hippo; rhetoric; Word; Christian doctrine; faith.

Unlike his predecessors, Augustine of Hippo reinterprets the value of eloquence and its ability to explain the truths of the Revelation, so many philosophical ideas are articulated in rhetorical discourse. Augustine pays particular attention to methods, which can help formulate thoughts about God. A new sphere of oratory is Christian eloquence, in which, according to the philosopher, speakers who pronounce speeches prepared in advance and learned literally are treated as inactive. The rhetoric of Augustine always brings people a living Word, personal, prophetic, invocatory, which integrates the rhetorical style of Antiquity and the Christian content the philosopher refers to as a "Vessel of the Spirit". He argues that Christian rhetoric has nothing to do with sophistry as it is filled with deep spiritual meaning. The verbal art of a preacher is never eloquent for the sake of eloquence due to the fact that a word leading to understanding is both a thought and a meaning. The word has its own being, so it has a meaning in itself, regardless of its content, because it is also a sign. The Christian eloquence of Augustine united the art of speech and the art of reasoning, eloquentia, based on theology. The word of a philosopher is the doctrine of truth, and rhetoric is the expression of this doctrine. Therefore, Augustine teaches to compare meanings, see objects and phenomena from different angles, which, according to the philosopher, promotes the use of various stylistic devices in a selected sequence, a change of devices results in better understanding. He often uses the stylistic devices which were criticized in the text of the Revelation. Augustine neglects correctness to be more expressive and clear in his many of his letters and sermons, which even creates an impression that these works are not his. The rhetorical word of Augustine, expressed in a philosophical language, reveals the universal character of Christian ideas, as well as a long and complex process of spiritual search for truth, innate for a person of any era. Philosophy, starting from representatives of patristics, not only seeks to answer the questions posed by the idea of the modern era, but also tries to connect what the true people of the era perceive with the temporal situation in which that truth emerges and is perceived. The comprehension of truth allows understanding the specifics of European thinking in its origin.

REFERENCES

1. St. Augustin. (1998) O kolichestve dushi. Tvoreniya [On the scope of the soul. Works]. In: St. Augustin. *Ob istinnoy religii* [On the scope of the soul]. 2nd ed. St. Petersburg: ALETEYYa; Kiev: UTsIMM-Press.
2. Prestige, G.L. (1952) *God in Patristic Thought*. London: S.P.C.K.
3. St. Augustin & Blaise, P. (1998) *Ispoved'. Pis'ma k provintsialu* [Confession. Letters to a provincial]. Simferopol: Renome.
4. St. Augustin. (2005) *O Troitse* [On the Trinity]. Pt. 1. Moscow: OBRAZ.
5. St. Augustin. (1998) O poryadke. Tvoreniya [On the order. Works]. In: St. Augustin. *Ob istinnoy religii* [On the scope of the soul]. 2nd ed. St. Petersburg: ALETEYYa; Kiev: UTsIMM-Press.
6. St. Augustin. (2005) *O Troitse* [On the Trinity]. Pt. 2. Moscow: OBRAZ.
7. Theophilus of Antioch. (1865) Poslanie k Aytoliku. Pamyatniki drevney khristianskoy pis'mennosti v" russkom" perevodĕ. Sochineniya drevnikh" khristianskikh" apologetov". Prilozhenie k" Pravoslavnomu Obozrĕniyu [Epistle to Autolycus. The monuments of ancient Christian literature translated into Russian. Works of ancient Christian apologists. Annex to the Orthodox Observer]. Moscow: V" Universitetskoy Tipografii (Katkov" i K°).

Received: 24 June 2015

ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБ ОБЩЕСТВЕ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Устанавливаются степень и характер использования системных идей известным представителем патристики Иоанном Златоустом. Анализ рассуждений Златоуста позволяет утверждать, что они содержат все основные элементы системного подхода. Это даёт святителю возможность выявлять и осмысливать многие важные свойства общества, описывать закономерности его функционирования.

Ключевые слова: патристика; Иоанн Златоуст; общество; системный подход; социальное неравенство.

Отечественный представитель системного подхода И.В. Блауберг отмечает, что только во второй половине XX в. системный подход получил признание как научное направление, а «возникновение “общей теории систем” может быть датировано чуть ли не до месяца (эту идею, писал Л. Фон Берталанфи, «я выдвинул впервые в 1937 году на семинаре по философии, проходившем под руководством Чарльза Морриса в Чикагском университете)» [1. С. 391].

Вместе с тем системные идеи существовали в рамках различных философских учений задолго до XX в. Так, В. Садовский и Э. Юдин считают, что впервые понятие системы встречается у стоиков, которые понимали его в онтологическом смысле (как мировой порядок) [2. С. 18]. При составлении предьстории современного системного подхода необходимо помнить, что учения, в которых формально отсутствует понятие «система», также могут быть отнесены к вариантам системного подхода. Дело в том, что критерием отнесения того или иного учения к варианту системного подхода «не может быть употребление в том или ином исследовании терминов “система”, “элемент”, “структура” и им подобных. Этот признак не является ни необходимым, ни достаточным. Можно назвать целый ряд работ, в которых эти термины не используются и в которых, тем не менее, явно выражена системно-структурная интенция» [3. С. 103]. Представляется, что к таким работам можно отнести и многие творения представителей патристики, Святых Отцов Церкви, чьи системные идеи в силу разных причин фактически не рассматривались ранее. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей использования системного подхода к осмыслению общества знаменитым представителем патристики, Отцом Церкви IV в. Иоанном Златоустом, установление степени и характера использования им системных идей.

Основанием для отнесения отцов Церкви к представителям системного подхода является факт использования ими при описании и объяснении общества образа тела. Такую «организмическую» аналогию активно использовали ещё апостолы (особенно апостол Павел (см.: Рим. 12, 4; 1 Кор. 12, 27; 1 Кор. 10, 16-17; Еф. 4, 4, 15-16; Кол. 3, 15; Кол. 1, 24; Еф. 1, 22-23), на которых опираются Святые Отцы.

Уподобление общества телу является, пожалуй, одним из самых древних и, несомненно, самых рас-

пространенных способов описания и объяснения общества. Ещё Платон, говоря о правильном государстве (которое в античную эпоху фактически не различали с обществом), считает его аналогичным телу в плане взаимозависимости частей и целого: изменения, происходящие с какой-либо частью целого, оказывают заметное влияние на состояние всего целого. Поэтому, говорит Платон, «мы уподобили благоустроенное государство телу, страдания или здоровье которого зависят от состояния его частей» [4. С. 240–241].

И в более поздние времена «организмическая аналогия» оставалась одним из самых популярных способов представления общества. Даже в XIX в. представители только что появившейся социологии активно использовали «организмическую» аналогию для описания и объяснения общества. Так, О. Конт, по аналогии с клеткой как основой организма, объявляет семью социальной клеткой, «социальные силы» называет социальной тканью, а города и государства называются у него социальными органами. Наконец, страны мира приравниваются основателем социологии к системе организмов в биологии. Ещё активнее «организмическую аналогию» использовал Г. Спенсер. И хотя, кроме сходств между организмом и обществом, он усматривает и три «крайних несходства», которые существуют между ними, в конечном итоге эти «крайние несходства» оказываются не такими уж крайними и даже вовсе не несходствами. Это, по мнению Г. Спенсера, позволяет заключить, что существование данных несходств «ничуть не противоречит принятию указанной аналогии» [5. С. 290].

Несмотря на наличие конкретно-исторических причин популярности «организмической аналогии» в тот или иной период, сводить объяснение популярности этого подхода исключительно к подобным причинам было бы чрезмерным упрощением. В самом деле, конкретно-исторические обстоятельства меняются, унося с собой в небытие явления, вызванные к жизни исключительно ими, а «организмическая аналогия» продолжает существовать даже при кардинальных сменах типа культуры – и в античную эпоху, и в Средние века, и в Новое время. Даже в настоящее время некоторые исследователи усматривают в одной из ведущих парадигм современной социологии – функционализме – неявный органицизм, не без основания считая её преемницей и продолжательницей «организмической аналогии». Такая тотальная рас-

пространенность «организмической» аналогии должна иметь объективные причины, выходящие за рамки той или иной эпохи. Представляется, что эта причина заключается в том, что язык для теоретического описания общества долгое время был слабо развит, что заставляло социальных мыслителей пользоваться различными образами, которые мог предоставить естественный язык. Одним из самых удачных такого рода образов и был образ тела (организма), позволяющий сравнительно успешно описывать многие важные аспекты социальной действительности.

Указание на функционализм и теорию систем как преемников «организмической» аналогии предполагает, что эта аналогия позволяла выявлять и осмысливать различные системные свойства общества и описывать связанные с этими свойствами закономерности его функционирования. В самом деле, именно для тела (организма) характерна яркая выраженность такого важнейшего системного свойства, как целостность, которая является «исходным пунктом всякого системного исследования» [3. С. 61]. Как писал ещё Аристотель, «уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим “каменная рука”; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой» [6. С. 379].

Конечно, и к живому можно подходить как к химической или механической реальности. Однако, как справедливо замечает Гегель, если живое берет «как механический или химический продукт, либо просто как таковой, либо же определенный внешней целью, то... живое берется как нечто *мертвое*» [7. С. 865], т.е. редуцируется к более простым уровням бытия, что не позволяет понять живое именно как живое. Если же брать живое в его специфике, то оно оказывается не чем иным, как организмом, который «со своей внешней стороны... есть многообразие не *частей*, а *членов*, которые как таковые существуют только в индивидуальности» организма [Там же]. Одним словом, «организм в общем покоится на действительности и самоутверждении абсолютной связи» [8. С. 889]. В самом деле, организм, в отличие от механизма, предполагает труднодостижимость или даже невозможность замены элементов без ущерба для системы, причем этим ущербом чаще всего является прекращение существования системы. Именно это позволяет использовать организм как репрезентативный пример системы. Характерно, что основоположник системного движения XX в. Л. Фон Бергаланфи был биологом и начал развивать системный подход, основываясь именно на данных биологии. Ю. Хабермас по этому поводу не без иронии замечает (имея в виду другого видного представителя системной теории – Н. Лумана), что системная теория – «это движение мысли от метафизики к метабиологии» [9. С. 379].

Говоря о святых отцах, можно указать несколько причин их обращения к образу тела. Во-первых, уподобление общества телу позволяет сконцентрировать внимание на такой принципиально важной для святых отцов теме, как единство (целостность) общества. Эту причину можно назвать традиционной, поскольку она

является главной для мыслителей различных эпох и парадигм, обращающихся к образу тела (организма). Во-вторых, уподобление общества телу позволяет по-новому посмотреть на проблему социального неравенства (связанную с проблемой единства общества).

Развернутым примером святоотеческого понимания «организмической» метафоры с концентрацией на двух указанных темах является толкование свт. Иоанна Златоуста двенадцатой главе Первого послания апостола Павла к Коринфянам (далее – 1 Кор. 12). Важность этого толкования заключается в том, что у Златоуста имеются не только общее указание на сходство тела и общества, но и детальная разработка этого сходства с использованием всех базовых понятий, выделяемых в рамках системного подхода.

Приступая к толкованию 1 Кор. 12, Златоуст даёт определение тела, не только по сути, но даже по форме похожее на определение системы: «... что такое тело, – говорит он, – если не соединение многих членов?» [10. С. 309]. Таким образом, Златоуст в этом кратком определении указывает важнейшие признаки системы – элементы, находящиеся друг с другом в связи, что позволяет говорить об этих элементах как о чём-то едином (цельном). Рассмотрим подробнее святоотеческое понимание указанных признаков системы.

Говоря об элементах общества, исследователи указывают на различные феномены. Так, К.Х. Момджян к элементам системы «общество» относит субъектов (людей), вещи (предметы, с помощью которых люди оказывают прямое воздействие на материальный мир), символы или знаки (они опосредованно воздействуют на материальный мир, изменяя сознание человека, направляя его деятельность), а также связи и отношения (последние, впрочем, большинство исследователей считают самостоятельным признаком системы, отличным от элементов) [11. С. 324–336]. При этом К.Х. Момджян считает возможным выделить людей среди указанных признаков как, в определённом смысле главный, основной элемент общества.

Для Отцов Церкви человек – также не просто один из элементов общества, наряду с другими, но важнейший и принципиально отличный от всех элементов общества. Причина этого – в наличии у него разума, делающего социальное бытие человека принципиально отличным от бытия животных (не говоря уже о неживых явлениях). Если бытие животных практически полностью обусловлено внешними по отношению к их сознанию причинами (врождёнными инстинктами) и есть реализация заданной от рождения единой для всех особей одного вида программы развития, то человек может благодаря наличию разума выбирать различные варианты развития, создавать «вторую природу» – культуру, вариантов которой может быть сколько угодно.

На важность для Святых Отцов разума как отличительного свойства человека и образуемого людьми общества указывает постоянное строгое различие ими коллективного бытия животных и человека. Очень хорошо это различие видно в рассказе о сотворении второго человека (Евы). Обращаясь к этому рассказу, Златоуст указывает, что для правильного его

понимания необходимо рассматривать сотворение Евы в связи с предшествующим ему сотворением животных. В конце второй главы книги Бытия говорится: *И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственно ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку* (Быт. 2, 18-22). Святитель отмечает, что слова *но для человека не нашлось помощника*, сказанные после создания животных, могут показаться странными, поскольку животные как раз и были помощниками человека. Это затруднение легко разрешается, если прочитать фразу полностью: *для человека не нашлось помощника, подобного ему*. Златоуст подчеркивает, что, хотя животные «и исполняют некоторую службу и содействуют человеку в трудах, однако же (есть) неразумные твари и весьма далеко отстоят от человека, чтобы мы не думали, будто о них сказал (Бог): *сотворим ему помощника*... Поэтому и хочет (Моисей) внушить нам, что имеет быть создано новое животное (т.е. живое существо. – С.Л.) и что это готовое явиться животное и есть то самое, о котором сказано: *сотворим ему помощника, соответственно ему*, подобного, то есть ему, одной с ним природы, достойного его, ничем не ниже его» [12. С. 119].

Говоря о важности следующего признака системы – связи (между элементами), Златоуст замечает, что элементы являются элементами, т.е. частями некоторого целого (системы), только если между ними существует связь. В свою очередь и система (целое) не может состоять из одного элемента, но есть соединение (связь) некоторого множества элементов: «...ни один из них (членов, составляющих тело. – С.Л.) не может сам по себе составить тело, и каждый одинаково недостаточен к тому, чтобы составить тело, а необходимо для этого их соединение; когда многие сделаются единым, тогда и составляется одно тело» [10. С. 297]. И хотя в рамках целого можно занимать различные позиции, это, по мнению святителя, момент второстепенный. Первостепенное значение имеет сам факт причастности к целому (телу), выводимый из наличия связи между элементами.

Среди множества различных связей, соединяющих элементы системы «общество», с точки зрения системного подхода особое значение имеют связи особого вида, видообразующим признаком которых являются устойчивость, постоянство (по сравнению с другими связями). Совокупность таких устойчивых связей образует структуру общества. При этом, в случае с такими сложными системами, как общество, структура всегда иерар-

хична, предполагает неравенство различных уровней, подсистем, элементов, неравенство, имеющее объективный характер.

Златоуст согласен с подобным видением общества. Если говорить не о том или ином конкретном неравенстве, а об иерархичности как принципе организации бытия (в том числе социального), то можно сказать, что иерархичность есть неизбежный и нормальный способ организации тварного бытия. По мнению святителя, «это самое и удивительно и составляет особенность тела, а именно, что в нём многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы так удивительно и чудно, что тело одно; или лучше, тогда не было бы и тела» [10. С. 297]. Другими словами, святитель подчеркивает, что объективно, независимо от воли людей, между ними как элементами некоторого целого не может быть диспозиционного и функционального равенства.

В контексте проблемы, рассматриваемой Златоустом, весьма важным является замечание И.В. Блауберга о том, что «исследование структуры предполагает, что элементы, “части” объекта определяются не со стороны (или не только со стороны) их субстанциальных, субстратных свойств, а с точки зрения их места в рамках исследуемого целого, т.е. по выполняемым ими функциям» [3. С. 139]. При этом подчёркивается, что прекращение тем или иным элементом выполнения своих «обязанностей» (функций) по отношению к целому приводит это целое к кризису или даже к гибели. Последствия для элемента не менее плачевны: он может стать либо бесполезным (как какая-нибудь шестеренка вне целого часового механизма), либо вообще погибнуть, что характерно как раз для систем типа организма. Именно на эту особенность структуры, принципиально важную для рассматриваемой им проблемы, и обращает внимание Златоуст. «Заметь мудрость (апостола), – обращается он к своим слушателям, – он указывает не на различие членов по природе или по деятельности, а на различие по местному положению: *но, говорит, Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно*. Хорошо он сказал: *каждый*, выразив пользу их всех... И ноге полезно быть на таком именно месте, а не одной только голове; и если бы (какой-нибудь член) переменял положение, оставил своё место и перешёл на другое, то хотя по-видимому занял бы лучшее место, но погубил бы и расстроил всё; он потерял бы своё место и не достигнул бы чужого» [10. С. 300–301].

Признание святыми отцами иерархии как естественного, установленного Богом порядка организации социального бытия, предполагающего диспозиционное и функциональное неравенство, вовсе не исключает возможности и даже необходимости определённого социального равенства.

Прежде всего, все тварные существа, несмотря на различия между собой, равны перед Богом, как бесконечно малые по сравнению с Ним. Далее, по мнению Отцов Церкви, в рамках системы, несмотря на её иерархическую природу, всегда есть место не просто для равенства, но для неизбежного равенства. Соб-

ственно говоря, раскрытие этой истины и является главной темой рассуждений Златоуста в его толковании на 1 Кор. 12. Обращаясь к этой теме, святитель отмечает, что равенство вовсе не есть одинаковость, хотя нередко её понимают именно так. Равенство, говорит Златоуст, это равная необходимость для целого или, используя язык святителя, «равенство чести». Опровергая «атомарный» подход коринфян, не видящих за деревьями леса, святитель подчёркивает, что именно то, что возмущало коринфян (различие даров) на самом деле в контексте системного подхода оказывается указанием на равенство – равенство чести. В самом деле, рассуждает Златоуст, если бы между коринфянами не было различий, то они не смогли бы образовать тело (общество); в свою очередь, не образуя тела, они не могли бы быть едины; наконец, не будучи едины, коринфяне не могли бы иметь равной чести как одинаково необходимые части целого. К счастью, подытоживает святитель, в действительности всё не так: «Так как вы все имеете не одно дарование, то и составляете тело; а будучи телом, вы все составляете едино и ничем не различаетесь друг от друга в этом отношении, что составляете тело. Следовательно, это именно различие и производит равенство чести» [10. С. 301].

Таким образом, равенство чести составляющих социального коллектива определяется тем, что все составляющие одинаково необходимы для этого коллектива, независимо от их значимости. Как бы ни был, на первый взгляд, маловажен некоторый элемент, он, выполняя определенную функцию, невыполнимую более никем, оказывается необходимым и, следовательно, важным для всех остальных элементов, включая самых «значительных».

Говоря об одинаковой необходимости всех элементов для полноценного бытия системы, святитель затрагивает тему целостности, которая является, по мнению многих представителей системного подхода, важнейшим признаком системы. Для Святых Отцов важность темы единства определяется тем, что согласно христианскому вероучению целью твари (причём как разумной, так и неразумной) является достижение единства (как между собой, так и с Богом), максимально подобного единству Лиц Троицы. Другими словами, с точки зрения Святых Отцов, тварный мир вообще и человек (всегда существующий в обществе) в частности не созданы в завершённой форме, как и организм (тело), предназначены к изменению, развитию.

Как отмечает И.В. Блауберг, обычно целостность системы выявляется через указание на наличие взаимосвязи между элементами. Например, Л. Берталанфи в своей общей теории систем фактически приравнивал изучение системы к изучению целостности, определял целостность как такое «свойство, при наличии которого изменение любого элемента оказывает воздействие на все другие элементы и ведёт к изменению всей системы, и, наоборот, изменение любого элемента зависит от всех остальных элементов системы» [3.

С. 149]. Эта важнейшая особенность систем определяется тем, что в системе взаимозависимость элементов «выступает не в виде линейного причинного ряда, а в виде своеобразного замкнутого круга, внутри которого каждый элемент связи является условием другого и обусловлен им» [3. С. 125]. Говоря (используя образ тела) об этом важнейшем свойстве системы, понимание которого должно снимать неприятие социального неравенства (конечно же, не любого, а лишь функционально необходимого), Златоуст замечает, что «члены наши имеют каждый и свою частную деятельность и общую; равно и красота их есть и частная и общая; и тогда как они, по-видимому, разделены между собой, на самом деле тесно соединены, так что с повреждением одного повреждается и другой» [10. С. 301–302].

Впрочем, в необходимости для сообщества разумных тварей развития по направлению ко всё большему единству (целостности) наблюдается как сходство, так и различие с организмом. Сходство заключается в том, что общество, как и организм, в отличие от механизма, изначально появляется не в своём законченном виде, а как некоторое задание. Но организму целостность и гармоничное сосуществование элементов изначально даны, причем без всяких усилий со стороны образующих его элементов, ибо тело «устроено так (как оно устроено. – С.Л.) по природе, а наши совершенства зависят от воли» [Там же. С. 314], от целенаправленных осмысленных свободных усилий людей, образующих общество. Тем не менее выбор Отцами Церкви образа тела для иллюстрации необходимого для людей единства между собой не является случайным: «Апостол, – подчёркивает Златоуст, – прилагает этот пример (тела. – С.Л.) к нашим обстоятельствам и показывает, что мы по воле должны иметь такое же согласие, какое те (члены тела имеют) по природе» [Там же. С. 314–315].

Таким образом, Иоанн Златоуст при рассмотрении общества активно использует организмическую аналогию, которая является ранней формой системного подхода. Образ тела позволяет святителю выявлять и осмысливать системные свойства общества и описывать закономерности его функционирования. В частности, уподобление общества телу позволяет по-новому посмотреть на проблему социального неравенства, отделить функционально необходимые, неизбежные неравенства от неравенств, не являющихся необходимыми. Эти выводы имеют не только теоретическое, но и практическое значение: осознание того, что казавшееся произвольным и оттого несправедливым неравенство дарований (и как его результат определенное социальное неравенство) является необходимо присутствующим обществу как сложной иерархически организованной системе, позволяет устранять уже существующие и предотвращать потенциальные конфликты. А осознание необходимости всех элементов общества (независимо от их статуса) для его успешного функционирования позволяет обеспечить прочный и долговременный социальный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
2. Садовский В., Юдин Э. Система // *Философская энциклопедия* : в 5 т. М., 1970. Т. 5.
3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
4. Платон. Государство // *Филеб, Государство, Тимей, Критий*. М., 1999.
5. Спенсер Г. Основания социологии // *Западно-европейская социология XIX века* : Тексты. М., 1996.
6. Аристотель. Политика // *Аристотель. Сочинения* : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1999.
8. Шеллинг Ф.В.Й. Об отношении реального и идеального в природе // *Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения*. М., 1998.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008.
10. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на первое послание к Коринфянам // *Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений* : в 12 т. М., 2004. Т. 10, кн. 1.
11. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997.
12. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на книгу Бытия : в 2 кн. М., 1993.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

ELEMENTS OF SYSTEM APPROACH IN JOHN CHRYSOSTOM'S IDEAS OF SOCIETY

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 40–44. DOI: 10.17223/15617793/398/6

Loginovsky Sergey S. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: 246abcd@mail.ru

Keywords: patristics; John Chrysostom; society; system approach; social inequality.

The article proves that the famous Christian thinker John Chrysostom (349–407) actively uses the image of a body (so-called "organism analogy") when discussing society (in Homilies on First Corinthians). This analogy is an early form of system approach, thus, Chrysostom can refer to representatives of this approach. In his definition of the body Chrysostom specifies all major signs of a system – elements, connections between them and unity (integrity). The image of a body allows Chrysostom to reveal and comprehend system properties of society and to describe regularities of its functioning. In particular, comparison of society to a body gives a new perspective on the problem of a social inequality. Chrysostom distinguishes the repeating, stable connections from the multitude of various relations. These stable connections form the structure of society. In case with such complex systems as society, the structure is inevitably hierarchical, assuming inequality of various subsystems and elements (however, Chrysostom understands that not any inequality is objective and functionally necessary). The inevitable inequality of elements of society does not exclude their equality in a certain sense. In particular, all elements have "equality of honor"; its essence is that all hierarchy elements are equally necessary for its successful existence. Each element carries out a certain exclusive function necessary to the system. It makes all elements equally valuable and necessary for the whole. These conclusions have not only theoretical, but also practical value. Understanding of the fact that the seemingly random and thus unfair inequality (though not total) is necessarily inherent in society as a complex hierarchically organized system allows eliminating the already existing conflicts and preventing potential ones. Comprehension of the importance of all elements of society (irrespective of their social status) for its successful functioning allows securing lasting and long-term social peace.

REFERENCES

1. Blauberger, I.V. (1997) *Problema tselostnosti i sistemnyy podkhod* [The problem of integrity and system approach.]. Moscow: Editorial USSR.
2. Sadovskiy, V. & Yudin, E. (1970) *Sistema* [System]. In: Konstantinov, V.F. (ed.) *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Philosophical Encyclopedia: in 5 v.]. V. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Blauberger, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and nature of the system approach]. Moscow: Nauka.
4. Plato. (1999) *Gosudarstvo* [The State]. In: Losev, A.F. (ed.) *Fileb, Gosudarstvo, Timey, Kritiy* [Fileb, State, Timaeus, Critias]. Moscow: Mysl'.
5. Spenser, G. (1996) *Osnovaniya sotsiologii* [Foundations of Sociology]. In: Dobren'kov, V.I. (ed.) *Zapadno-evropeyskaya sotsiologiya XIX veka: Teksty* [Western European sociology of the XIX century: Texts]. Moscow: International University of Business and Management.
6. Aristotle. (1984) *Politika* [Politics]. In: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 v.]. V. 4. Moscow: Mysl'.
7. Hegel, G.W.F. (1999) *Nauka logiki* [Science of Logic]. Moscow: Mysl'.
8. Schelling, F.W.J. (1998) *Ob otnoshenii real'nogo i ideal'nogo v prirode* [On the relation of the real and the ideal in nature]. In: Schelling, F.W.J. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.
9. Habermas, J. (2008) *Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsiy* [Philosophical Discourse of modernity. Twelve lectures]. Moscow: Ves' mir.
10. St. John Chrysostom. (2004) *Besedy na pervoe poslanie k Korinfyanam* [Homilies on First Corinthians]. In: St. John Chrysostom. *Polnoe sobranie tvorenyy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 v.]. V. 10, Book 1. Moscow: Radonezh.
11. Momdzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to social philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola; Universitet.
12. St. John Chrysostom. (1993) *Besedy na knigu Bytiya: v 2 kn.* [Homilies on Genesis. In 2 v.]. Moscow: Pravoslav'naya kniga.

Received: 24 June 2015

ИТАЛЬЯНСКАЯ ТЕМА В ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Путешествия русских мыслителей в Италию стали источником опыта, формировавшего философские воззрения на художественное творчество, культуру, христианство. Сравнительный анализ произведений П. Муратова, Н. Бердяева, В. Розанова, В. Эрна позволяет выявить наиболее существенные грани итальянской темы и разнообразие ее трактовок, а также особенности философской мысли Серебряного века.

Ключевые слова: итальянская культура; искусство; русская философия; Серебряный век; католицизм.

Любовь к Италии традиционна для России. Путешествиям в эту страну (вернее будет сказать – паломничествам к святыням ее истории и культуры), начавшимся в конце XVIII в., сопутствовал возраставший поток литературных откликов, от путевых заметок до художественных произведений и научных исследований. Серебряный век, продолживший эту традицию, создал собственный образ итальянской культуры.

Цель статьи – показать значение вынесенного из путешествий в Италию духовного опыта для формирования философских концепций искусства, культуры, религии. Круг привлеченных для исследования источников, разумеется, ограничен. Однако он представляется адекватным поставленным задачам, так как позволяет выявить ряд наиболее существенных аспектов итальянской темы и показать разнообразие ее освещения русскими мыслителями.

По признанию современников, образ Италии лучше всего удался П.П. Муратову. Его первая поездка в страну в 1908 г. становится началом страстного увлечения итальянской культурой и поворотным моментом в творческой биографии. Литератор-дилетант превращается в профессионального искусствоведа и философа-эстетика. Хотя в «Образях Италии» отражен обычный для путешественников того времени маршрут, который начинался и завершался в Венеции, сходство этой книги с путеводителем исключительно внешнее. Венецианская лагуна – это граница, отделяющая повседневность от сакральной территории, это «воды Леты», за которыми лежит «страна молитв и очарований». Книга путевых очерков описывает путешествие духа в пространстве красоты. Это (так и просится формулировка Константина Леонтьева) красота «цветущей сложности»: города и городки в обрамлении дивных ландшафтов, сельские дороги, древние руины, колоритные характеры политиков, художников, авантюристов и, конечно, произведения искусства. Следуя выбранному маршруту, автор свободно передвигается во времени, игнорируя общепринятую хронологию. Начав в веселой Венеции XVIII в. с ее маскарадами, первыми консерваториями и театрами, читатель попадает в античный Рим, лишь открывая второй том. Автор явно игнорирует академическую «линейную» трактовку истории искусства. Разные исторические эпохи, художественные стили и школы, гении и их шедевры как будто спорят о первенстве, по праву претендуя на высшую значимость.

В этом царстве красоты сердце автора принадлежит искусству кватроченто, столице кватроченто Флоренции, флорентийцу Боттичелли, написавшему «прекраснейшую из картин, существующих на земле» – «Рождение Венеры». Боттичелли, считавшийся в академическом искусствоведении второразрядным художником, всего лишь пролагающим дорогу высокому Возрождению, понятен и близок современному человеку. Его беспокойная душа утратила простую гармонию мира так же, как утратили ее мы. Его Мадонны покинули небо, а Венеры – землю. «В одних Боттичелли отрекся от христианского мира, в других – от языческого. Он был одним из первых героев нового человечества, обреченного жить под равнодушным небом и на опустошенной земле ... Он первым одиноко встречал утренний туман нового и долгого дня в истории мира под единственным знаменем чистого искусства» [1. С. 132]. В приведенной цитате – эстетическое кредо Серебряного века.

П. Муратов представляет «новый вкус» и новую концепцию искусства, противостоящую классической новоевропейской эстетике как содержательно, так и методологически. Следуя принципам «формальной» методологии Г. Вельфлина и Б. Беренсона, он говорит о самостоятельном значении трех эпох Возрождения, каждая из которых пользовалась собственным языком для решения собственных художественных задач. Воздав должное Б. Беренсону, благодаря которому понимание формального языка художественных произведений сделало возможным понимание их сущности, мыслитель-символист видит и ограниченность формально-стилистической критики: «Раскрывая нам сущность *сделанного*, “беренсонизм” покидает нас на таинственном пороге замышленного» [Там же. С. 485]. Муратов же стучится в двери замыслов, и там, где их удастся открыть, повествование превращается в подлинный диалог с итальянскими мастерами. Задачи истории искусства в понимании П. Муратова, верившего, как и многие его современники, в преобразующую и просветляющую силу красоты, особые: «Она не делает нас сведущее, но делает нас лучше. Как древняя атлетика, служит она человеческому совершенству, и бесчисленные музеи, созданные ею, могут быть понимаемы как место высокого упражнения, как наша тихая палестра» [1. С. 486].

Кватроченто характеризуется как время, когда «художественное сквозило во всем, как основа жизни», когда искусство «хлынуло рекой в жизнь» и сделало искусством все – любовь, просвещение, торгов-

лю, даже политику и войну. Муратов готов эстетизировать (в нищенском духе) самые неблагоприятные факты истории: такими людьми, как Висконти, Малатеста или Цезарь Борджиа, руководила подлинная страсть, а в высшем напряжении страсти уже неразличимы добро и зло. В людях Ренессанса кипела неукошенная жизненная энергия, воля к самоутверждению, которая раскрыла все возможности человека, как созидательные, так и разрушительные.

Серебряный век ощущал свою связь с итальянским Ренессансом, недаром за ним закрепилось наименование «русский культурный (духовный) ренессанс». Эта метафора вошла в обиход благодаря Н.А. Бердяеву. Поездка в Италию зимой 1911–1912 гг. стала для мыслителя «*периодом Бури и Натиска*», началом реакции «*против московской православной среды*» и философского самоопределения.

В Италии родился замысел книги «Смысл творчества» и были написаны ее первые наброски. В итальянских музеях, католических храмах, на городских улицах русский философ-путешественник постигал природу творчества, его великое предназначение и его трагизм: «Творчество есть преодоление “мира” в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему. В творческом акте человек выходит из “мира сего” и переходит в мир иной» [2. С. 165–166]. Ведущая идея произведения – о наступлении третьей религиозной эпохи «откровения человека как творца», идущей на смену эпохам ветхозаветного откровения закона и новозаветного откровения искупления. В «священной стране творчества и красоты» автор нашел обильный и благодатный материал, позволивший распознать суть классических и романтических типов творчества. Первый связан с «имманентной замкнутостью»: классика стремится к совершенству и завершенности формы. Второй жаждет «трансцендентного прорыва» в бесконечность. Классический идеал был полнее всего реализован античной культурой, романтизм же глубоко связан с «христианским чувством жизни», с христианской трансцендентностью.

Лучше всего понять природу творчества мыслителю удастся «интуитивным вникновением» в искусство Возрождения, которое явилось кульминацией творческой мощи европейского человека. Подбирая формулировки для своих интуиций, Бердяев говорит о «радостной игре сил», «шипучей энергии», «упоении свободой» ренессансного человека. Люди этого времени были христианами, но «раздвоенными христианами, в них бурлили два столкнувшихся потока крови». Ренессанс несет на себе печать борьбы «христианской трансцендентности и языческой имманентности, романтической незавершенности и классической завершенности» [Там же. С. 222].

Н. Бердяев, как и П. Муратов, различает три самостоятельные эпохи Возрождения. Искусство треченто «окрашено в христианский цвет», оно романтическое по своему устремлению. Джотто, Арнольфо «вскормлены и вспоены» мистикой Иоахима Флорского, идеями Данте, святостью Франциска Ассизского. Это были «упования новой мировой эпохи христианства,

“эпохи Духа”, хотя человек был еще не готов осуществить эти упования. В представлении Н. Бердяева мистическая Италия раннего Возрождения «была высшей точкой всей западной истории». Отметим, что и в более поздних трудах философа именно этот момент будет выступать в качестве исторического прототипа христианского гуманизма, подлинной культуры, сочетающей Божественную истину и творческую свободу человека. Кватроченто ярче всего выразило раздвоенность Возрождения. Для него характерны художники с трагическими судьбами и душами, раздиравшимися противоборством христианских и языческих устремлений. Таковы Донателло, Палайолла, Вероккио, но более всего – Боттичелли и Леонардо. Высокое римское Возрождение сделало последнее усилие осуществить идеал классического совершенства и преуспело в этом. Но искусство чинквеченто знаменует омертвление духа. «Искусство Рафаэля – отвлеченное совершенство композиции», в силу этого оно безлично, лишено трепета живой души и «в христианском мире производит впечатление мертвенности, почти ненужности». «С Рафаэлем нельзя иметь романа, его нельзя интимно любить» [2. С. 226]. Он положил начало упадку итальянского искусства в академизме Болонской школы, а затем в «фальшивой гримасе Барокко».

Н. Бердяев и П. Муратов, встречавшиеся в Риме, а затем и в Москве, единодушны во многих оценках, но они расходятся в философских выводах. Если для эстета Муратова созданная художником красота самоценна, то для религиозного философа Бердяева она есть лишь преддверие высшей Красоты грядущего преображенного мира. Искусство бессильно творить новую жизнь, «дальше искусства – теургия». Отсюда – его оценка Возрождения как неудачи, но «великой неудачи», которая есть и «последнее поучение». Искусство этой блистательной эпохи стало материалом и для более общего вывода: «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача» [Там же. С. 299].

Русский взгляд на культуру Италии усматривает в ней свойство, существенное для всякой культуры, для культуры вообще. Это историческая преемственность, упорное возделывание традиции. «Россия не удалась в том смысле, в каком удалась... Италия, Англия или Франция. Национальной культуры, такой всесторонней, последовательной, цельной и единой, как эти страны, она не создала. Ее история прерывиста...» [3. С. 132], – писал Владимир Вейдле. Мир итальянской культуры, уходящий корнями в греко-римскую почву, неустанно и непрерывно созидался, органически рос, передавая от эпохи к эпохе накопленные ценности. Любуясь собором Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции, В. Розанов размышлял: «Какая масса труда, заботливости, любви, терпения... Нужна вера не в мой труд, а в наш национальный труд, вследствие чего я положил бы свой камень со спокойствием, что он не будет сброшен, забыт, презрен в следующем году. Это-то и образует “культуру”, неуловимое и цельное явление связности и преемственности, без которой не началась история и продолжается только варварство» [4. С. 216].

В Италии особенно остро переживались сходство и различие религиозных традиций христианского Запада и Востока. В. Розанов и В. Эрн, представлявшие разные полюсы религиозной философии, в полной мере оценили значение личного опыта для понимания католицизма и высказались о несостоятельности отвлеченного теоретизирования. В.Ф. Эрн писал: «Если бы В. Соловьев, прежде чем писать “La Russie et l’eglise universal” – пожил в Риме два года, он должен был бы увидеть, что все богатство конкретно-религиозных и материально-художественных документов по истории католичества, которыми переполняется Рим, очень мало имеет общего с его насильственными и бескровными схемами. С другой стороны, и славянофильская критика католичества... на месте спора – кажется слишком неконкретной...» [5. С. 120]. Чтобы понять католицизм, надо видеть его «документы» – храмы, иконы, фрески, мозаики, папские покои, мессу, обычаи народной набожности, а для этого надо быть в Италии.

В.В. Розанов до своей поездки в Италию (апрель – май 1901 г.) полагал, как и Достоевский, что католицизм с его пренебрежением к человеческой личности, стремлением все объединять и всем управлять не имеет ничего общего с сутью евангельского учения. Однако живая мысль философа и живая жизнь Италии смешали все карты. Он замечает в католичестве те особенности, те детали, о которых не знал раньше и о которых не вычитает из книг. Это «светлость» и «теплость», «почвенность», столь ценные для религии, подлинное предназначение которой, как думалось Розанову, – освящать плоть земли и человека. В римской церкви Santa Maria Cosmedino Розанов долго смотрел на образ св. Франциска с младенцем на руках. Монах, ласкающий ребенка, – словно живой упрек цивилизации, в которой «потух младенец». Это также и упрек и православию, в котом «вообще нет нежности к детям, а “Лоза Домостроя и Бурсы”» [4. С. 106]. В одном из алтарей той же церкви он видит изображение ягненка с нимбом. Смысл символа, конечно, понятен; но первое, еще неосмысленное впечатление – что это не Агнец, а просто овца, просто животное, которому нашлось место в храме. Он не может понять, почему собор св. Марка в Венеции принято считать византийским по характеру убранства. «Пусть внесут коней в Успенский собор, нарисуют купающуюся Сусанну, займут $\frac{3}{4}$ живописи Библией в быте – и я соглашусь» [Там же. С. 227].

Розанов восхищен католическим духовенством, которое отличается от православного как «движение и покой; как жизнь и смерть; по внешности они несходны как офицер и нищий». Встречая на улице прелатов, монахинь, семинаристов, он отмечает их твердую поступь, открытый и смелый взгляд, выгодно отличающие их в толпе от прочих итальянцев. Всмотриваясь в лица священников, он узнает в них знакомые по римским монетам лица Тивериев, Веспасианов, Антонинов, Цезарей. «С каждого прелата, откинув меховую пелерину, можно было писать императора». «Дьявольская дисциплина»

католицизма, о которой Розанов слышал еще в школе, при ближайшем знакомстве оказалась «особой дисциплиной», связанной с пониманием духовного служения как подвиг. А подвиг манит героев, и поэтому лучшие силы Италии, ее талант и гений, всегда текли в католическую церковь: «Католицизм сожрал Италию и оставил от нее сапоги и галстук» [4. С. 92].

Главное открытие путешественника, очень отрадное для него, состояло в том, что католики веруют. В первый день Пасхи в соборе св. Петра Розанов видел, с каким волнением причащался кардинал Рамполла (руки его «ходуном ходили»): «Он верует, – подумал я. – О, какие пустяки, что они все не веруют, безбожники, служат сатане, а не Богу (идея Достоевского в “Легенде об Инквизиторе”) и т.п. Кто так взирает на Тело и Кровь Господню, – верует в причастие... И я вышел с очень веселым сердцем» [Там же. С. 101].

Сопоставление «своего» и «чужого» приводит философа к мысли о глубочайшем несхождении двух вер, которое заключается вовсе не в догматических расхождениях, а в религиозном строе народной души. Идея Вл. Соловьева о «примирении церквей» представляется ему «утопической мечтой гимназиста четвертого класса». Однако конечный результат сопоставлений – признание равноценности различного. Отбиваясь от обвинений в увлечении католицизмом, В. Розанов объяснял: «Италия... “отворила двери” моего религиозного созерцания, но только отворила, а не повлекла куда-то... А! так вот как еще можно верить, думать, молиться, созерцать – оставаясь христианином». И еще более определенно: «Я свободный христианин, и мне везде просторно» [4. С. 233–234].

Р.И. Хлодовский полагает, что в Италии Розанов пережил то счастливое состояние свободы, о котором всегда мечтал Пушкин, что поездка «буквально преобразила его», сделав не только «свободным христианином», но и настоящим художником: «Без итальянских впечатлений не было бы ни “Уединенного”, ни “Опавших листьев”» [6. С. 207].

В.Ф. Эрн, принадлежавший кругу московской церковной интеллигенции, состоявший в редколлегии неославянофильского издательства «Путь», так же, как и Розанов, имел определенные предубеждения относительно католицизма. Небольшое сочинение «Письма о христианском Риме», написанное в Италии и опубликованное в «Богословском вестнике» в 1912–1913 гг., – волнующий рассказ о поисках метафизических связей православной и католической культур.

Изучая разочаровавший его поначалу Рим, В. Эрн обнаружил в нем целых семь городов – Рим архаический, республиканский, императорский, Рим средневековый, ренессансный, барочный и, наконец, современный. «Неисчерпаемым источником религиозно-эстетического наслаждения» стало для русского философа искусство христианского Рима, охватывающее шестнадцать столетий. Оно свидетельствует, что «в католической религиозности потаенно хранились традиции православия». Итак, церковный раскол Востока и Запада начинается не с «felioque», как полагали

А. Хомяков и И. Киреевский, а лишь в конце эпохи Возрождения. Позже эта мысль будет обоснована в работах П.А. Флоренского.

Три письма из четырех посвящены подземному Риму первохристианства. Оказавшись в катакомбах, философ будто оказался в родной православной церкви. «Катакомбы пропитаны насковозь православными традициями. Можно испытывать затруднения лишь от обилия доказательств» [5. С. 120]. Знаменательным представляется Эрну тот факт, что они были открыты после веков забвения усилиями не церкви, а ученых. Это свидетельствует «о каком-то огромном историческом и мистическом беспамятстве, охватившем католическую церковь». В 1854 г. Пий IX, щедро финансировавший раскопки археолога де Росси, спустился в катакомбы. Он плакал и целовал надгробные эпитафии. А затем вернулся к своим делам: В Риме шли приготовления к I Ватиканскому собору, тому самому, на котором был принят догмат о папской непогрешимости, т.е. свершен «основной грех католичества». В. Эрн комментирует: «Снова открылась перед католичеством возможность покаяться в своих исторических грехах, и тем вернуться к единству церковному с православным Востоком» [Там же].

Почему бы не допустить, что Римский понтифик пережил в катакомбах св. Каллиста те же чувства, что и сам Эрн? Не посмотреть на ренессансных Мадонн, на «мелодраматичных» барочных святых глазами христианина-итальянца, увидев в них иконы? В статье присутствуют отзвуки полемики о католической и православной религиозности, которую автор вел в Риме с Вячеславом Ивановым. У Иванова не было никакого предпочтения, две церкви нераздельны и неслиянны, обе святы, тогда как предпочтение Эрна очевидно. Собираясь в августе 1912 г. домой, он писал А.В. Ельчанинову: «До боли жалко оставлять

Италию... Меня окрестили “славянофилом”. Может быть, я и стану им к концу жизни. Знаю только, что почти двухлетнее пребывание в Италии какими-то дальними и окольными путями только утвердило меня в верности родным святыням» [7. С. 195].

В.Ф. Эрн продолжил славянофильскую полемику с католичеством, используя новые аргументы, а именно аргументы католического искусства. Однако итальянский опыт открыл для автора и ту часть прошлого, которая навсегда останется общей для всего христианского мира.

Итальянские впечатления способствовали осмыслению сущности и предназначения культуры, вывели на новый уровень обсуждения традиционную для русской мысли тему «родное-вселенское». Для философов Серебряного века Италия – это прежде всего эстетическое пространство, где реализуется мечта о свободном творчестве, о самоценной красоте. Ее искусство восхищало, внушая мысли о провинциализме русской культуры, но и вызывало вполне понятное отторжение, поскольку противоречило эстетическим идеалам православия. Различные мотивы могли переплетаться причудливыми узорами в сознании одного и того же автора. Переживающая свой расцвет отечественная религиозная философия переосмысливала сущность христианства, природу христианской общности культуры. Италия помогала распознавать родство России и Запада, питая идеи христианского универсализма. Характерная для XIX в. славянофильско-западническая однозначность уступает место более утонченному и глубокому пониманию католической культуры. Философская мысль переломной эпохи с ее предчувствиями катастроф и настроением декаданса искала в итальянской культуре вдохновения для своих надежд на преобразование мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратов П.П. Образы Италии. М. : Республика, 1994. 592 с.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М. : Искусство, 1994. Т. 1. 542 с.
3. Вейдле В. Умирание искусства. М. : Республика, 2001. 447 с.
4. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1889–1913 гг. М. : Танаис, 1994. 735 с.
5. Эрн В. Письма о христианском Риме // Наше наследие. 1991. № 2 (20). С. 14–40.
6. Хлодовский Р.И. Италия и художественная классика России. М. : ИМЛИ РАН, 2008. 288 с.
7. *Взыскующие* Града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 753 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 июля 2015 г.

ITALIAN THEME IN THE PHILOSOPHY OF THE SILVER AGE

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 45–49. DOI: 10.17223/15617793/398/7

Panfilova Marina I. Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: panfilmarina@yandex.ru

Keywords: Italian culture; art; Russian philosophy; Silver Age; Catholicism.

Continuing the traditional Italian theme, the Silver Age saw it in the spirit of ideas about the nature of creativity, art, culture, Christianity. P. Muratov's works present Italy primarily as an aesthetic space which harmoniously unites beauty of nature and art. Paying tribute to the artistic achievements of different historical eras, Muratov saw a worldview close to that of his contemporaries in the art of the Quattrocento. Russian cultural Renaissance of the late 19th – early 20th centuries was aware of its connection with the Italian Renaissance. A trip to Italy was an important factor of philosophical self-determination of N.A. Berdyaev. The art of the Renaissance helped him to understand the tragic nature of creativity, humanism, the cyclical history of the spirit. Defining early Renaissance as the highest point in all Western history, the philosopher regarded it as a historical prototype of the perfect culture based on Christian humanism. The Russian perception of Italy noted the exceptional value of tradition in the national culture. With its origin in Ancient Greece and Rome, the culture of Italy was tirelessly and continuously built, passing on the accumulated values from age to

age, unlike Russian culture in this sense. V. Rozanov and V. Ern captured the images of Christian Italy. These representatives of the different poles of religious philosophy fully appreciated the value of a personal acquaintance with the Catholic culture and spoke about the insolventy of abstract theorizing about Catholicism. Rozanov made a number of discoveries that changed his old ideas of Catholicism and returned home as a "free Christian". Ern continued the Slavophile controversy with Catholicism using new arguments. The attraction of creative people to Italy is explained by the very nature of the culture of the Silver Age dominated by aesthetic values, universalism, the pursuit of broad cultural syntheses. The critical period, with its premonitions of disasters and its decadence mood, sought inspiration for its hopes for overcoming the crisis and a revival in the Italian culture. The religious-philosophical search, associated with the rethinking of the essence of Christianity, led to interest in Christian Italy, which formed new ideas about the similarities and differences between the Orthodox and the Catholic cultures.

REFERENCES

1. Muratov, P.P. (1994) *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Moscow: Respublika.
2. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t.* [The philosophy of creativity, culture and art: in 2 v.]. V. 1. Moscow: Iskusstvo.
3. Weidle, V. (2001) *Umiranje iskusstva* [Dying art]. Moscow: Respublika.
4. Rozanov, V.V. (1994) *Inaya zemlya, inoe nebo... Polnoe sobranie putevykh ocherkov 1889–1913 gg.* [Another land, another sky . . . Complete collection of travel essays of 1889–1913]. Moscow: Tanais.
5. Ern, V. (1991) Pis'ma o khristianskom Rime [Letters about Christian Rome]. *Nashe nasledie*. 2 (20). pp. 14–40.
6. Khlodovskiy, R.I. (2008) *Italiya i khudozhestvennaya klassika Rossii* [Italy and classical Russian art]. Moscow: IMLI RAN.
7. Keydan, V.I. (ed.) (1997) *Vzyskuyushchie Grada. Khronika russkoy religiozno-filosofskoy i obshchestvennoy zhizni pervoy chetverti XX veka v pis'makh i dnevnikakh sovremennikov* [Seeking Cities. The chronicle of Russian religious-philosophical and social life of the first quarter of the twentieth century in the letters and diaries of contemporaries]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Received: 15 July 2015

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ОБРАЗ ЖИЗНИ» И «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Раскрывается содержание категорий «образ жизни» и «здоровый образ жизни». Показана роль условий среды как субъективного компонента образа жизни. Раскрыт принцип единства деятельности человека и условий среды в рамках воспроизводства образа жизни. Определена специфика деятельности как субъективной составляющей здорового образа жизни в контексте различных подходов к его пониманию.

Ключевые слова: образ жизни; здоровый образ жизни; деятельность; условия.

Становление здорового образа жизни как социального феномена связано с преодолением биомедицинского подхода к пониманию здоровья, включением в поле зрения важнейшей характеристики жизнедеятельности человека – его образа жизни как фактора здоровья. Усиление данной тенденции, нашедшее выражение в смене типа доминирующей патологии, привело к повышению научного интереса к проблеме здорового образа жизни. Основными разрабатываемыми вопросами стали: выработка прикладных поведенческих рекомендаций, методика пропаганды и популяризации здорового образа жизни населения, проблемы его реализации отдельными социальными группами. Однако само понятие «здоровый образ жизни» в силу его многогранности и недостаточной разработанности проблемы не было определено однозначно.

Несколько размытое понимание привело к сложности его воспроизводства как на индивидуальном уровне, так и на уровне социума. Обращение к здоровому образу жизни зачастую определяется лишь обнаружением тесной взаимосвязи здоровья с поведенческими факторами и выражается в виде реализации круга определенных поведенческих предписаний. Данная взаимосвязь могла найти выражение в формулировке некой концепции «здоровой жизнедеятельности» или «здорового поведения». Тем не менее именно здоровый образ жизни стал важнейшим социокультурным феноменом, обозначающим особую поведенческую концепцию, в центре которой находится забота о здоровье. Он выходит за пределы конкретных поведенческих предписаний и не обусловлен лишь взаимосвязью здоровья с поведенческими факторами. Особую смысловую нагрузку в данном понятии имеет категория образа жизни, и лишь рассмотрев ее сущность и содержание, является возможным определить, что такое здоровый образ жизни.

Образ жизни человека издавна являлся объектом философского осмысления. Вопросы о том, как должен жить человек, поднимались в каждой человеческой культуре. В древних культурах они находили свое выражение в религиозных текстах, затрагивали морально-нравственные, правовые, бытовые аспекты жизнедеятельности, регулировали межличностные отношения. В более поздние периоды истории образ жизни человека стал объектом научных исследований и философского познания. На протяжении всей истории человечества образ жизни отчасти регулировался социальными, правовыми, культурными особенностями общества. Социум как бы прорисовывал облик

человека, в котором нуждался: христианский аскет Средневековья, человек-творец эпохи Возрождения, свободомыслящий интеллектуал Нового времени или же активный потребитель и производитель эпохи капитализма. Безусловно, такое описание является весьма грубым и не может полностью характеризовать особенности образа жизни человека той или иной культуры. Более того, социальные, политические, культурные особенности не исчерпывают круг факторов, оказывающих влияние на образ жизни человека. Важно другое: на протяжении всей истории человечества происходило осмысление того, каким образом человек должен организовывать свою жизнь.

Первые попытки осмысления природы человека, его роли и места в мире в определенной степени затрагивали проблему здоровья, его сохранения и восстановления. Понимание природы человека, характера его взаимосвязи с окружающим миром определяло содержание средств и методов сохранения и восстановления здоровья. Различные исторические периоды демонстрировали свою специфику в понимании причин здоровья и болезни, в том числе и в аспекте факторов образа жизни. Существуют яркие исторические примеры, представляющие различные временные периоды, разработки особой концепции образа жизни, с учетом его значения в сохранении и восстановлении здоровья. Среди них необходимо отметить концепцию образа жизни, разработанную в рамках пифагорейского союза, где особым способом организован образ жизни рассматривается как средство духовного и физического самосовершенствования, а также предписания Гиппократов относительно коррекции образа жизни, имеющие терапевтическую направленность.

Однако образ жизни как философская и социологическая категория был включен в научный оборот лишь в 70-е гг. XX в. в СССР, именно тогда шло активное осмысление его онтологического статуса, разрабатывались подходы к определению его содержания. Образ жизни как научная категория был призван обратить внимание на неэкономические факторы, характеризующие жизнь человека, в противовес категории «качество жизни», активно используемой в капиталистических странах. Именно поэтому основным направлением исследований являлось рассмотрение образа жизни как социального феномена и особенностей социалистического образа жизни.

На сегодняшний день большинство авторов, разрабатывающих проблему теоретического осмысления образа

жизни, сходятся в том, что образ жизни есть определенный способ жизнедеятельности людей, или тип социальной жизни. Однако многие теоретические вопросы феномена «образ жизни» не являются проработанными до конца или не являются определенными однозначно.

Новейший философский словарь дает следующее определение: *образ жизни* – понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов [1. С. 476]. Данное определение подчеркивает следующие важные характеристики образа жизни:

– актором образа жизни является социальный субъект, т.е. образ жизни фиксируется в социальной реальности, его онтологические структуры имеют социальную основу;

– по своей сути образ жизни представлен жизнедеятельностью, наиболее типичными ее формами, способами, механизмами.

Типичность в аспекте жизнедеятельности определяется повседневностью, повторяемостью, характерностью, свойственностью отдельных аспектов деятельности. Характеристика типичности в образе жизни определяет невключенность в него отдельных действий и форм деятельности, реализуемых человеком эпизодически, несистемно.

Анализ существующей литературы, в рамках проблемы теоретического осмысления образа жизни, позволил выявить отсутствие однозначности в понимании роли условий среды. Здесь можно выделить два подхода:

1. Условия среды не включены в образ жизни, а являются факторами, его обуславливающими (А.П. Бутенко, Ю.П. Лисицын).

2. Условия среды являются составляющей образа жизни наряду с его жизнедеятельностью (Г.С. Батыгин, И.В. Бестужев-Лада, Т.М. Дридзе, Д.А. Изуткин, Г.Э. Глезерман).

В рамках первого подхода происходит разграничение того, как человек живет, как организует свою жизнедеятельность и где эта деятельность протекает, что ее окружает. Так, Ю.П. Лисицын пишет: «Условия жизни – материальные и нематериальные факторы, воздействующие на образ жизни; образ жизни – деятельность, активность людей, которые определенным образом реагируют на условия жизни, используют их» [2. С. 48]. Безусловно, влияние внешних условий на деятельность человека является очевидным фактом. Однако характер взаимоотношений элементов системы «деятельность – условия» куда более сложен. Условия среды не просто оказывают влияние на жизнедеятельность человека, в структуре образа жизни они оказываются вовлечены в нее. Деятельность не просто реализуется в условиях или обуславливается ими, она выстраивается на их основе, направлена на их преобразование.

Деятельность человека всегда реализуется в условиях, которые, в свою очередь, воздействуют на нее. Каждое действие человека соотнесено с целым комплексом условий: социальных, экономических, политических, экологических, физиологических, культур-

ных. Условия же сами по себе, как некая объективная субстанция, существующая вне человека и независимо от него, представляет нечто бескачественное. Качествами условия среды наделяет человек, реализуя в них свою деятельность, в том числе и деятельность по их преобразованию. Условия среды проявляют свою сущность лишь в контексте человека, его деятельности. Взаимосвязь и взаимовлияние деятельности и условий – основа воспроизводства образа жизни.

Условия среды проявляются тогда, когда они вступают во взаимосвязь с человеком, воздействуют на него, и в этой взаимосвязи раскрывают истинное бытие: приобретают качества, оценку, оказывают воздействие на поступки и действия людей.

Следовательно, именно второй подход отражает всю сложность характера взаимосвязи деятельность – условия в рамках рассмотрения феномена образ жизни. Образ жизни представляет собой единство жизнедеятельности и условий, и в этом единстве раскрывается его онтологический статус. Д.А. Изуткин характеризует данную взаимосвязь следующим образом: «В образе жизни надо учитывать определенное соотношение собственно деятельности и ее условий. К условиям жизнедеятельности относится, прежде всего, вещно-внешняя среда (различные постройки, транспортные средства, бытовая обстановка и т.д.). Однако более непосредственно образ жизни связан с социальной средой, т.е. с теми общественными и материальными отношениями, которые определяют те или иные способы жизнедеятельности людей в различных сферах» [3. С. 196].

Рассматривая взаимосвязь элементов системы «деятельность – условие» в структуре образа жизни, необходимо отметить ее *диалектический характер*. Прежде всего, он обнаруживается в том, что образ жизни реализуется человеком при единстве деятельности и условий, и в этом единстве обнаруживаются его качества. Наряду с этим деятельность и условия друг другу *противопоставлены*, подобно тому как противостоят друг другу философские категории свободы (активной творческой деятельности человека) и необходимости (объективно заданных условий).

Деятельность человека сама по себе является продуктом свободного творчества. Человек свободен от инстинктов, он обладает разумом, посредством которого человек самостоятелен в своих действиях. Э. Фромм пишет: «Человеческую жизнь нельзя прожить путём простого повторения образцов поведения, свойственных виду; человек должен жить *сам*» [4. С. 31]. Жить самому – значит творить деятельность, согласуя её с разумом, быть свободным вне зависимости от своего желания и в этой свободе выражать свои жизненные цели, интересы, предпочтения, свою индивидуальность, быть творцом собственной жизни. Свобода деятельности не означает её оторванности от условий, ей всегда присуща закономерность, целеполагание. Человеку дана способность к деятельности, поскольку существуют потребности, которые необходимо удовлетворять. Любой деятельности предшествует какая-либо необходимость, но это не отрицает её свободы. Однако границы творческой деятельности

не безграничны, они очерчены объективными условиями. Так, социальная, экономическая, культурная и политическая среда формирует поведенческие нормы, определяет невозможность некоторых форм деятельности, их несовместимость с некоторыми аспектами жизни человека и общества.

С момента рождения человек оказывается погруженным в окружающую его действительность. Человек одновременно испытывает влияние различных её аспектов: физиологических – человек имеет физические и морфологические характеристики, специфические черты внешности, различные атрибуты его биологической сущности; социальных – человек приобретает атрибуты социальности, вступает в социальные отношения, принимает существующие нормы; культурных – деятельность человека связана с традициями, образцами поведения, соотносена с особенностями духовной жизни общества; политических – человек имеет определенный политико-правовой статус, вступает во взаимодействие с различными политическими институтами; климатических и экологических – жизнедеятельность человека осуществляется непосредственно на конкретной территории, которая обладает различными климатическими и экологическими характеристиками; экономических – человек является участником экономических отношений, выступает носителем трудовых ресурсов, потребителем и производителем экономического продукта.

Совокупность условий, в которые погружен человек, определяет его несвободу. Условия среды выступают в качестве некоей границы свободы человека, в рамках которой он осуществляет активную, творческую деятельность.

Понимание образа жизни как единства жизнедеятельности, наиболее типичных ее видов и условий, вовлеченных в неё, раскрывает его субъектно-объектное содержание. Активная творческая деятельность человека, определяющей причиной которой является сам человек, его интересы, ценности, потребности, выступает субъективной его стороной, в то время как условия среды, выступающие пространством реализации деятельности и частично обуславливающие её, – объективной.

Наиболее часто используемый в разработке теоретических вопросов образа жизни сферный подход, также исходит из положения, что условия являются его составляющей. Выделение различных сфер образа жизни исходит от их обнаружения в объективной среде, в условиях человеческой жизнедеятельности, и последующего соотношения с ними видов и способов человеческой деятельности, деятельности различных социальных групп, всего социума.

Взаимосвязь деятельности и условий этой деятельности в структуре образа жизни имеет универсальный характер. Рассмотрение данной взаимосвязи может быть использовано в рамках исследования субъектно-объектного содержания здорового образа жизни.

Если в рамках обыденного понимания феномена «здоровый образ жизни» прослеживается определенная однозначность, то на уровне научного осмысления существуют очевидные различия. Обилие суще-

ствующих определений не позволяет в рамках данного исследования проанализировать каждое. Рассмотрим некоторые из них.

Согласно Ю.П. Лисицыну под здоровым образом жизни понимается «деятельность наиболее характерная, типичная для конкретных социально-экономических, политических, экологических и прочих условий, направленная на сохранение и улучшение, укрепление здоровья людей» [2. С. 57].

Д.А. Изуткин определяет здоровый образ жизни как «способы активной биосоциальной жизнедеятельности людей в непосредственной и максимальной степени, сохраняющие и укрепляющие потенциал индивидуального и общественного здоровья при наличии благоприятных социальных и экологических условий» [3. С. 256].

Л.В. Доброрадова определяет его следующим образом: «Здоровый образ жизни целесообразно рассматривать как совокупность внешних и внутренних условий жизнедеятельности человеческого организма, при которых все его системы работают достаточно долговечно, а также совокупность рациональных методов сохранения здоровья, гармонического развития личности» [5. С. 34].

Несмотря на существенные различия приведенных определений, в частности в аспекте роли условий и деятельности человека в воспроизводстве здорового образа жизни, можно выявить наличие общих черт. Прежде всего, необходимо отметить, что здоровый образ жизни, согласно данным определениям, выходит за границы деятельности человека, он неразрывно связан с условиями этой деятельности, более того, он отчасти ими определяется.

Очевидно, что реализация здорового образа жизни предполагает наличие активной человеческой деятельности, определим ее как деятельность человека, направленную на сохранение и укрепления его здоровья, это и будет составлять субъективную сторону здорового образа жизни. Объективной же стороной здорового образа жизни будут выступать условия объективной среды, вовлеченные в процесс данной деятельности. В связи с этим нельзя выявить принципиальные различия объективной составляющей образа жизни вообще и объективной составляющей здорового образа жизни. Это все те же условия объективного мира, включенные в образ жизни человека посредством реализации в них деятельности. Таким образом, в структуре образа жизни можно выделить условия как не изменяющиеся, так и изменяющиеся в зависимости от деятельности человека. Изменяемость условий образа жизни в зависимости от деятельности человека не отрицает их объективного характера. Она является следствием индивидуальности образа жизни, его динамичности, наличием специфических личностно-детерминированных черт. Уникальность деятельности человека опосредует уникальную совокупность вовлеченных в образ жизни условий.

Субъективная составляющая здорового образа жизни представляет собой деятельность, способствующую сохранению и укреплению здоровья. Такая деятельность может быть неосознанная, хотя зачастую дея-

тельность в рамках здорового образа жизни понимают как осознанную, направленную на укрепление здоровья. Традиционное понимание здорового образа жизни как свода шаблонных действий подразумевает сознательное участие в его воспроизводстве. Согласно такому пониманию здоровый образ жизни имеет универсальный характер и понимается как некая формула жизнедеятельности, единая для всех. Вести здоровый образ жизни – значит придерживаться определенного круга поведенческих предписаний. Такое понимание способствует стиранию границ, утрате истинной первопричины здорового образа жизни, его смысла.

В последнее время наибольшую популярность приобретает подход, согласно которому здоровый образ жизни представляет собой способ жизнедеятельности позволяющий сохранять и укреплять здоровье, достигая желаемой продолжительности жизни. Его главной особенностью является то, что критерием его реализации являются не особенности поведения человека, а действительное увеличение количества здоровья. Индивидуальность каждого человека определяет необходимость поиска своего собственного жизненного пути, собственного здорового образа жизни. Ориентиром данного пути выступает его конечная цель – здоровье. Если данная цель не может быть достигнута, несмотря на рациональный образ жизни, он не может определяться как здоровый.

Данный подход не включает в поле зрения то, каким способом достигается здоровье. Допустима ситуация, при которой здоровье является результатом не особым образом организованной жизнедеятельности, а систематической медицинской коррекцией или физиологическими особенностями организма. Соответственно, понимание здорового образа жизни как жизнедеятельности (любых ее видов и способов), при которой человек сохраняет определенный уровень здоровья, искажает его истинное содержание. Однако данный подход имеет некоторые положительные моменты. Прежде всего, это понимание здорового образа жизни как индивидуальной стратегии жизнедеятельности, отсутствие универсальных поведенческих рекомендаций. Именно индивидуальность, воплощенная в реализации того или иного образа жизни, является основой раскрытия личностного потенциала человека, что, в свою очередь, является важной предпосылкой в сохранении душевного и социального здоровья.

Ориентир на здоровье как на конкретный результат образа жизни предполагает большую эффективность мер по его сохранению и укреплению в рамках жизнедеятельности человека. Это обусловлено тем, что отсутствие поведенческих шаблонов определяет необходимость индивидуального поиска способа жизнедеятельности, при котором будет сохраняться здоровье и который будет наиболее предпочтителен, удобен для конкретного человека.

Эта проблема затрагивает еще один важный аспект понимания феномена здорового образа жизни. Одним из атрибутов жизни человека является целеполагание, осмысленное выявление закономерностей и причинно-следственных связей. Воспроизводству здорового образа жизни предшествует постановка цели, как пра-

вило, она связана с желанием человека быть здоровым. При этом важной предпосылкой воспроизводства здорового образа жизни является ответ на вопрос: что такое человек? Понимание истинного пути человека, его духовного мира, социальной сущности, структуры ценностного мира, имеющихся потребностей выступает важным условием воспроизводства образа жизни, при котором физическое, душевное и социальное здоровье человека будет сохраняться и укрепляться. Это определяется тем, что любое действие человека, в том числе и в отношении его здоровья, осознанно или бессознательно соотносено с имеющейся у него совокупностью знаний об окружающем мире и о нем самом. Именно поэтому понимание внутреннего мира человека, особенностей его взаимодействия с окружающей средой является ключом к обнаружению адекватных мер в отношении достижения важнейшей цели – здоровья.

Более того, понимание сущности человека является ключом к пониманию его здоровья, а значит, и определяющим фактором формирования и воспроизводства здорового образа жизни.

Т.Ф. Орехова пишет: «Человек – это природно-социально-духовное существо, развивающееся и реализующее себя в процессе активного взаимодействия с окружающим миром во всем многообразии его проявлений (миром природы, миром людей, миром культуры), а также и миром своего “Я”» [6. С. 63]. Далее автор приводит важные положения, определяющие его понимание здоровья человека: «Во-первых, тело человека имеет в определенных границах свою собственную, не зависящую от сознания и воли человека жизнь, поэтому для того, чтобы быть здоровым человеку необходимо понимать жизнь своего тела, <...> и учитывать эту жизнь в своем сознательном, то есть целенаправленно управляемом, поведении. Во-вторых, человек как личность может управлять становлением своего здоровья <...> в пределах осознаваемой им культурной (то есть сугубо человеческой) деятельности. В-третьих, здоровье человека как целостное состояние организма, формирующееся в социокультурной среде, допустимо исследовать как нравственно-духовный феномен» [Там же. С. 64].

Преодоление биомедицинского подхода в понимании здоровья, отрицание его как характеристики сугубо физической составляющей человека, рассмотрение здоровья через призму социокультурных обстоятельств определяют необходимость пересмотра принципов формирования здорового образа жизни как на уровне отдельной личности, так и всего социума. Рассмотрение здоровья как нравственно-культурного феномена, предложенное Т.Ф. Ореховой, отражает наличие сложных связей между различными сторонами человеческой жизни, его личности. Физическое состояние человека, его душевные переживания, особенности социальной жизни, интересы, ценности и потребности в рамках биосоциокультурного подхода в понимании здоровья становятся объектами коррекции в рамках реализации здорового образа жизни.

Такое интегральное понимание здорового образа жизни, с одной стороны, значительно усложняет

разработку конкретных мероприятий в рамках здоровьесберегающей и здоровьесформирующей деятельности, с другой стороны, оказывается более эффективным с точки зрения получения конечного результата – физического, социального и душевного здоровья, поскольку именно комплексный характер мероприятий, затрагивающий различные стороны здоровья человека, определяет устойчивость воспроизводства здорового образа жизни. Система мероприятий, ориентированных на сохранение и восстановление физического здоровья, является однозначно определенной, и, как правило, представлена в рамках пропаганды рекламной модели здорового образа жизни. Тем не менее социальное и душевное здоровье как объекты коррекции в рамках реализации здорового образа жизни не являются в достаточной степени изученными, что определяет необходимость их последующей разработки в рамках психологии, социологии, социальной философии, биологии, медицины. Однако существует однозначное понимание «нормальности» морально-нравственных

ориентиров личности, её социальной жизни и душевного благополучия, что является ключом к определению мероприятий в рамках здорового образа жизни, направленных на коррекцию социального и душевного компонента здоровья.

Необходимо отметить динамичный характер здорового образа жизни как на личностном, так и на социальном уровне. Круг детерминаций здоровья очень широк, а непрерывность социальных изменений, постоянная трансформация объективных условий жизнедеятельности, определяет необходимость непрерывного поиска форм и способов здоровьесберегающей и здоровьесформирующей деятельности. Это и определяет его истинное содержание: поиск и обнаружение человеком и обществом форм и видов жизнедеятельности, способствующей сохранению здоровья, достижению желаемой продолжительности жизни. Это органичный способ общения, взаимодействия человека и окружающего мира, который благоприятно отражается как на нем самом, так и на окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новейший философский словарь* / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
2. *Лисицын Ю.П.* Общественное здоровье и здравоохранение. М. : ГЭОТАР-МЕД, 2002. 510 с.
3. *Изуткин Д.А.* Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2005. 356 с.
4. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе / сост. А. Локтионов. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. 571 с.
5. *Доброрадова Л.В.* Здоровый образ жизни как объект исследования в различных отраслях науки // Вестник ЧПТУ. 2009. № 5. С. 29–35.
6. *Орехова Т.Ф.* Теоретические основы формирования здорового образа жизни субъекта педагогического процесса в системе современного общего образования : дис. ... д-ра пед. наук. Магнитогорск, 2005. 389 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 июня 2015 г.

ISSUES OF THEORETICAL COMPREHENSION OF THE CATEGORIES "WAY OF LIFE" AND "HEALTHY LIFESTYLE"

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 50–54. DOI: 10.17223/15617793/398/8

Pilyushenko Alexandra V. Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Che-pi@yandex.ru

Keywords: way of life; healthy lifestyle; activity; conditions.

Development of healthy lifestyle promotion programs, necessary for modern society, demands theoretical comprehension of issues of its reproduction where the starting point is to define the essence and the content of the category "healthy lifestyle". Science lacks a uniform approach to the category's understanding, which leads to complications in healthy lifestyle promoting, ambiguity in personal ideas of health and way of life correlation, spread of inefficient ways and forms of health saving activities. The article describes two approaches to the way of life as a social-philosophical category in terms of the role of the environment: 1. Conditions of the environment are not part of the way of life, they are factors that cause it (Butenko A.P., Lisitsyn Yu.P.). 2. Conditions of the environment are part of the way of life, along with its activities. (Batygin G.S., Bestuzhev-Lada I.V., Dridze T.M, Izutkin D.A., Glezerman G.E). The view on conditions of the environment as part of the way of life is justified; the dialectic nature of the interconnection of the "activity – conditions" system elements in the structure of a person's way of life is emphasized. When considering approaches to the definition of the healthy lifestyle, the shortcomings of its traditional understanding (a set of sample actions, a certain universal formula of activity) are shown. The article shows advantages of the approach oriented on real health improvement which assumes individual search and implementation of health saving activities. The understanding of the healthy lifestyle is given: it is a process of search and finding of forms and types of health preservation promoting activities, of desirable life expectancy achievement and their subsequent realization by a person and society. So, an important element of healthy lifestyle reproduction providing its efficiency (real improvement and preservation of health of a person) is knowledge assuming understanding of a true way of a person, his/her inner world, social essence, system of values and structure of requirements. Knowledge is an important condition for healthy lifestyle reproduction preserving and improving the physical, psychological and social health of a person.

REFERENCES

1. Gritsanov, A.A. (ed.) (1998) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Izd. V.M. Skakun.
2. Lisitsyn, Yu.P. (2002) *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhraneniye* [Public health and health care]. Moscow: GEOTAR-MED.
3. Izutkin, D.A. (2005) *Kontseptual'nye osnovy vzaimosvyazi obraza zhizni i zdorov'ya* [Conceptual bases of the relationship of lifestyle and health]. Philosophy Dr. Diss. N. Novgorod.
4. Fromm, E. (2005) *Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste* [A healthy society. The doctrine of Christ]. Moscow: AST: Tranzitkniga.
5. Dobroradova, L.V. (2009) Healthy life-style as a research object in different branches of science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 5. pp. 29–35. (In Russian).
6. Orekhova, T.F. (2005) *Teoreticheskie osnovy formirovaniya zdorovogo obraza zhizni sub"ekta pedagogicheskogo protsessa v sisteme sovremennogo obshchego obrazovaniya* [Theoretical bases of formation of a healthy lifestyle of the subject of the pedagogical process in the system of modern education]. Pedagogy Dr. Diss. Magnitogorsk.

Received: 25 June 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930:069(091)

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН: У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Рассматриваются исторические труды Н.М. Карамзина, раскрывается основополагающий вклад историка в изучение музейного дела в России. Впервые в литературе обосновывается выработка Н.М. Карамзиным методологии изучения русской истории как основы предметно-музееведческого подхода, характеризуется тематика его исторических разысканий, обеспечившая впоследствии формирование таких музееведческих дисциплин, как история музейного дела, история материальной культуры, памятники культурного наследия.

Ключевые слова: Карамзин; русская история; методология и историография музейного дела.

Российское музейное дело, уходящее корнями в глубь веков, до сих пор изучено явно недостаточно. В зачаточном состоянии находится историография музейного дела, представленная, кроме пристатейных и прикнижных обзоров, лишь несколькими статьями [1–4]. Это обстоятельство побудило нас обратиться к трудам первых российских историков, освещавших музейное дело, и, прежде всего, к творчеству Н.М. Карамзина.

Историческим исследованиям Н.М. Карамзина посвящено немало работ, начиная с выступлений В.О. Ключевского, К.Н. Бестужева-Рюмина и завершая трудами Г.В. Вернадского, Ю.М. Лотмана, С.О. Шмидта и других близких им по времени исследователей. Все авторы единодушно относят Н.М. Карамзина к числу первых профессиональных русских историков – и по времени, и по значению, что, впрочем, не исключает критики в его адрес.

Так, в рукописном наброске, сделанном не ранее 1898 г. и увидевшем свет много десятилетий спустя, В.О. Ключевский отмечал, что Карамзин «смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене», при этом «действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц». Утверждал, что взгляд Н.М. Карамзина «на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике» [5. С. 133–134].

По мнению В.О. Ключевского, Карамзина «занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлением нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях...» [Там же]. А подытоживая сказанное, заявлял, что Н.М. Карамзин «не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался» русской историей и потому «много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его». И в этом В.О. Ключевскому виделись и главное

достоинство трудов Карамзина, а одновременно и «главный недостаток его перед исторической русской наукой» [Там же].

Критическое отношение В.О. Ключевского обусловлено, можно сказать, причинами парадигмального характера, и, что характерно, как раз тем, чем Н.М. Карамзин привлекает в наши дни, когда выдвигаются новые научные стратегии в познании исторического прошлого. Следует заметить, что неординарность и своеобычность карамзинских подходов отмечали многие исследователи. Прежде всего, они указывали на глубокую источниковедческую проработку трудов Н.М. Карамзина, так отличавшую его от предшественников в изучении русской истории. К.Н. Бестужев-Рюмин особо подчеркивал внимание историка к вещественным и письменным источникам, сообщал, что Карамзин не только собирал документы в русских и зарубежных архивах, не только привлекал данные археологии и других исторических дисциплин, но и первым приступил к публикации документов, первым из русских историков иллюстрировал свои труды [6. С. 228]. Г.В. Вернадский, основатель американской школы российской историографии, высоко ценит вклад Н.М. Карамзина в дело изучения и сохранения культурного наследия. Сообщал, что тот первым оповестил ученый мир о находке «Слова о полку Игореве», опубликовав свое сообщение в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» [7. С. 71–72].

Не случайно внимание, с каким относился к творчеству Карамзина-историка С.О. Шмидт. Показательно, что в издании последних работ выдающегося исследователя, названном «После 75», имя Н.М. Карамзина упоминается 86 раз, гораздо чаще всех других русских историков, что зафиксировано в «Именном указателе» [8. С. 723–734]. С.О. Шмидт характеризует Н.М. Карамзина как «знатока прошлого и настоящего и отечества, и европейского зарубежья», как основателя особого жанра «поучительной истории» [9. С. 90; 10. С. 189; 11. С. 437; 12. С. 454]. Вполне справедливо С.О. Шмидт указывал на ограниченность источниковой базы исторических исследований начала XIX в., но в то же время отмечал, что, продолжая начатое еще В.Н. Татищевым, Г.Ф. Мил-

лером и другими историками, Н.М. Карамзин достиг наивысших по своему времени результатов, потому что овладел научно-исследовательской методикой обработки исторических источников, и, что очень важно для нас, обратил внимание на изучение «состояния жителей», показал «их быт, и внешний облик, ремесла и торговлю, материальную и духовную культуру». И прибавлял: «Следует удивляться тому, как много сведений первым сумел извлечь Карамзин о быте и даже физическом облике людей...» [13. С. 28].

Характерно, что в исторических трудах Н.М. Карамзина исследователи видели истоки формирования новых в современной ему России исторических дисциплин и направлений – палеографии, археологии, филологии, политологии, нумизматики, исторического краеведения [6. С. 218; 13. С. 24, 26; 14. С. 137]. Мы убеждены: этот перечень нуждается в дополнении, ведь в работах Н.М. Карамзина предприняты первые успешные обращения к освещению музейного дела, сделаны первые шаги по пути формирования комплекса научных дисциплин, ныне известного как музееведение / музология. Этот до сих пор никем не затрагиваемый аспект исследовательской деятельности русского историка и рассматривается в данной статье. В качестве историографических источников используется главный исторический труд Н.М. Карамзина «История государства Российского», самое полное и, по отзывам специалистов, наиболее авторитетное 5-е издание 1842–1843 гг. Привлекаются историко-публицистические выступления и журнальные очерки из прижизненных изданий, а также увидевшие свет или переизданные в продолжении XX в.

Историографический анализ трудов Н.М. Карамзина считаем необходимым начать с собственных высказываний исследователя о методах и принципах его работы. В предисловии к «Истории государства Российского» он так обосновывал свое понимание истории и способы ее познания: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек, описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого». Признавался, что отошел от летописного способа изложения, характерного для его предшественников, и, по сути, придерживался историзма: «Читатель заметит, что описываю деяния не врознь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойства и связь деяний...» [15. Т. 1. С. XIII].

Открытость исследовательских позиций позволяет осветить методологический арсенал историка.

Используя выражение А.С. Лаппо-Данилевского, можно сказать, что труды Карамзина – синтез «интуитивно-синтетической постройительной работы» и научно-синтетического построения с опорой на научные принципы и методы исследования [16. С. 7]. В ходе такой работы, наряду с использованием известного в его время сравнительно-исторического метода, зародившегося в трудах И.Н. Болтина и охарактеризованного много позже В.О. Ключевским [17. С. 252; 18. С. 273], Н.М. Карамзин формировал собственную методологию изучения исторического прошлого. Разработанный им научный подход не получил тогда своего названия, Карамзин и не задавался такой целью, но в его исследованиях хорошо видно, как он, следуя своему принципу – искать «мыслей единственно в памятниках», оперирует исторической информацией, накопленной не только в письменных источниках, но и в изобразительных, и вещественных источниках, или памятниках (возможно, первым из историков он и применил понятие «памятник»). Как уже отмечалось, это важное свойство исторических разысканий Карамзина – опора на комплекс разнообразных источников – получило должную оценку в литературе, но без какой-либо связи с музееведением. А в музееведческой литературе, в частности в работах А.М. Разгона, в которых вопрос о научном использовании вещественных источников коротко затрагивался, труды Н.М. Карамзина были обойдены. Со ссылками на летописи А.М. Разгон писал о сохранении некоторых исторических памятников в древнерусских храмах, касался опыта привлечения вещественных источников в работах В.Н. Татищева и И.Е. Забелина, но ни разу даже не упомянул Н.М. Карамзина [19. С. 190–191, 197]. А ведь именно Карамзин первым привлекал различные изобразительные и вещественные памятники не для иллюстраций и в их научном изучении опирался на особый принцип исторического исследования, который ныне известен как принцип предметности. По определению, выработанному во второй половине XX в., принцип предметности требует обращения к подлинным памятникам истории и культуры, ставшими в результате музеефикации музейными предметами, носителями аутентичной исторической информации, удостоверяющим исторические факты и события, содействующим пониманию исторической реальности через чувственное, эмоциональное восприятие и представления о прошлом. По обоснованному мнению А.Б. Закс, принцип предметности обеспечивает «зрительную конкретизацию исторических событий», расширяет и обогащает историческое видение окружающего предметного мира [20. С. 200–201].

И действительно, используя совокупность исторических источников, Н.М. Карамзин обеспечивал видимое представление исторической действительности, осуществлял визуализацию исторического процесса. По свидетельству А.С. Лаппо-Данилевского, такой исследовательский прием использовал немецкий историк Б.Г. Нибур (1776–1831), который «обнаружил великую способность представлять себе живые

образы “людей и предметов” и постигать действительную жизнь в полноте индивидуальных особенностей...» [16. С. 211]. Анализируя историографическое наследие Н.М. Карамзина, можно оспорить приоритет Нибура в «оживлении» и индивидуализации картин исторического прошлого и присвоить его русскому ученому. (Исследователь творчества Карамзина В.Б. Муравьев в свое время также подметил этот прием: «Чтобы писать о прошлом, ему нужно было узнать, ощутить прошлую эпоху в ее облике, конкретных формах; он ищет следы прошлой жизни в современности, посещает памятные места, изучает сохранившиеся памятники...» [21. С. 39].)

Много позже, в середине XX в., зародившийся в трудах Н.М. Карамзина подход был обозначен как музейно-предметный, или музееведческий, и стал использоваться по преимуществу в музейной работе. По обоснованному мнению А.М. Разгона, музееведческий подход позволяет оперировать исторической информацией, накопленной и сохраненной посредством памятников, или музейных предметов, обладающих свойством отражения действительности, документирующей деятельность человека и жизнь природы и обеспечивающих музейную коммуникацию [20. С.20–22]. И как главное свойство музееведческого подхода к изучению исторических явлений А.М. Разгон отмечал его эмоциональную окрашенность [22. С. 842]. Обращение к творчеству Н.М. Карамзина убеждает, что поле применения музееведческого подхода достаточно обширно, и это позволило самому исследователю воссоздать зримую картину русской истории.

С опорой на новый для своего времени методологический инструментарий Н.М. Карамзин буквально живописует исторические события и через внешний облик участников этих событий, через изобразительные и вещественные источники раскрывает разнообразные картины исторического прошлого. Говоря языком нынешних музееведов, он осуществляет репрезентацию памятников прошлого и таким приемом достигает необычайной выразительности и, вместе с тем, доходчивости, убедительности исторического повествования. И даже такое умозрительное построение, как намерения Екатерины II улучшить положение русских крестьян, Н.М. Карамзин характеризует предметно и оживляюще: «Она хотела благоденствия земледельцев; хотела, чтобы осыпанные изобилием природы, среди многочисленных семейств своих, они трудились для наслаждения, и под смиренным кровом сельских хижин, где любит обитать спокойствие, не завидовали великолепным градским палатам, где часто праздность и скука изнуряют сердце; она хотела, чтобы трудолюбие, зернистые класы, золотые нивы, полные житницы, были для них истинною роскошью» [23. С. 83–84].

Великолепные результаты музейно-предметного подхода представлены в изучении событий военнополитической истории России. Только приступая к историческим разысканиям, Н.М. Карамзин описывал бой Русской армии под главенством Н.П. Румянцева против войск Оттоманской империи: «И никогда в

моем воображении не затмится сия величественная картина. 17 тысяч русских на рассвете прекраснейшего дня, в глубоком молчании, идут умереть со славою против 150 тысяч неприятелей; тихое веселие на их лицах; в груди предчувствие геройского бессмертия. Все повеления были отданы, и вождь казался спокойным; одно величество блистало в его взорах. Вдруг громы возвестили явление солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова воссияло – и где враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди них героя Румянцева, который, не изменив всегдашнего спокойного лица своего, пишет к монархине донесение о славнейшей победе в мире» [23. С. 20].

Впоследствии исследователь не раз использовал прием визуализации. Писал, например, как в середине XIV в. московский князь Дмитрий Иванович направил своего сына князя Иоанна отразить наступление ордынского царевича Арапши на русские земли. «К несчастью ум предводителей не отвечал числу воинов, – говорил историк. – Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей, как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности, утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги, спустили одежду с плеч, искали прохлады, другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно, копья, щиты лежали горами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища, скоро представилась иная». И далее сообщал: «Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах...» [24. Т. 5. Стб. 26].

Столь же живо и предметно рассказывается о начале знаменитой Куликовской битвы: «Дмитрий, стоя на высоком холме и видя стройные необозримые ряды войск, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем... преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему на черном знамени великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию, сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и милыми братьями, утверждая их в мужестве...» [24. Т. 5. Стб. 39].

Руководствуясь выработанным им исследовательским подходом, привлекая свидетельства летописцев, рассказы иноземных гостей, некоторые изобразительные или вещественные источники, обязательно указывавшиеся в примечаниях и позже высоко оцененные исследователями его трудов, Н.М. Карамзин осуществил научно-достоверную реконструкцию истории повседневности, стоял у истоков музееведческой дисциплины, ныне известной как история материальной культуры. Так, по духовного завещанию

московского князя Ивана Калиты, историк восстановил предметный обиход княжеского дома первой половины XIV в.: круглые чаши, ковши и чарки, ковши с жемчугом (по-видимому, украшенные жемчугом), серебряные блюда. Сообщал, что князь Иван Калита оставил сыновьям два пояса «с жемчугом и с камнями», сердоликовый пояс, «пояс фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку». Цитировал завещание князя: «Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами, Андрею шубу соболью с наплечками, низанными жемчугом, и портише алое с нашитыми бармами, а две новые шубы, низанные жемчугом, меньшим детям, Марье и Федосье». «Княгинино золото» передавалось Иваном Калитой дочери Фетинье: «Четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, чело и гривна...» [15. Т. 4. Стб. 150–151].

Используя прием визуализации, Н.М. Карамзин обязательно, если это было возможно, указывал цвет тканей, детали костюма. По его свидетельству, в XV–XVI вв. «платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроем; верхнее с опушкой, широкое, длинное называлось однорядками; другое охабнями, с воротником; третье ферезями, с пуговицами до подола, с нашивками или без нашивок; такое же длинное с нашивками или только с пуговицами до пояса, кунтышами, доломаномы, кафтанами; у всякого были клинья, а на боках прорези». Одежда обязательно украшалась: «Полукафтаны носили с козырем; рубахи с вышитым разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными; шапки высокие, шляпы поярковые, черные и белые» [24. Т. 7. Стб. 131]. Историк отмечал, что праздничная, богатая одежда имела знаковый характер, «означала первостепенных государственных сановников», поэтому «кафтаны на выход» хранились в царских кладовых [25. С. 276]. Знатные русские женщины одевались в длинную и широкую одежду, часто – из тонкого красного сукна, с висящими рукавами, с отложным собольим воротником, под нею – шелковый летник с рукавами до локтей, под летником – ферезь, застегнутая до земли. Дома голову покрывали тафтяной шапочкой красного цвета с шелковым белым повойником, а для выхода надевали сверху парчовую шапку, украшенную жемчугом. Незамужние или молодые бездетные женщины носили черные лисьи шапки. Украшениями служили золотые пуговицы, золотые серьги с яхонтами и изумрудами, жемчужные ожерелья, запястья из драгоценных камней. Обувались женщины в сафьяновые желтые или голубые обшитые жемчугом сапожки на высоких каблуках [26. Т. 10. Стб. 159–160]. Особо характеризуются свадебные наряды: во время брачной церемонии с Лжедмитрием Марина Мнишек была одета в «русское красное бархатное платье с широкими рукавами и в сафьяновых сапогах», а ее новоиспеченный супруг на следующий после венчания день предстал перед гостями «в прекрасной голубой одежде» [26. Т. 11. Стб. 157, 162].

Вслед за описанием костюмов историк дает словесные портреты некоторых русских князей, характеризует их нравственные качества. Так, Иван IV «был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное». А со временем лицо его стало отражать свирепость, черты исказились, «взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его» [26. Т. 9. Стб. 46].

По изобразительным и вещественным источникам Н.М. Карамзин прослеживал эволюцию знаков, символизировавших государственную власть. Сообщал, например, что к «душевной грамоте» Ивана Калиты были привешены две печати: «одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и св. Иоанна Предтечи и с надписью *печать Великого Князя Иоанна*, другая – свинцовая» [15. Т. 4. Стб. 150–151]. Имея в своем распоряжении печать московского князя Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, Н.М. Карамзин утверждал, что тот первым именовал себя «Великим князем всея Руси» [Там же. Стб. 169]. А по сохранившейся в Кенигсбергском архиве печати галицкого князя Юрия Львовича, правившего в начале XIV в., установил, что князь именовался, подобно деду, Даниилу Галицкому, королем российским – *Rex Russioe* [15. Т. 4. Стб. 104]. Отмечал, что со времен Ивана IV в качестве главных атрибутов церемонии венчания на царство использовались венец, золотая цепь и «бармы Константиновы» [24. Т. 8. Стб. 56–57].

Точно так же с опорой на вещественные источники, на письменные свидетельства очевидцев Н.М. Карамзин освещал культурные сдвиги XIV–XV вв. Например, завещание Симеона Гордого, написанное не на пергаменте, как прежде, а на бумаге, позволило историку сделать вывод о том, что в середине XIV в. в Россию, скорее всего из немецких земель через Новгород, завезена была бумага [15. Т. 4. Стб. 172]. Говорил о строительстве московских храмов, об иконописцах и особо – об Андрее Рублеве, чьи иконы «служили образцом для всех иных живописцев» [24. Т. 5. Стб. 138]. Относительно XVI в., со слов греческих авторов, упомянуты живописные картины на стенах и сводах Грановитой палаты в Кремле, позже утраченные, на которых были изображены русские князья и цари от киевского Ярослава до Федора Иоанновича [25. Т. 10. Стб. 153].

Н.М. Карамзин предпринял первый в русской истории экскурс в книжное дело, сообщал, например, о московской митрополитской библиотеке, устроенной еще «во время господства ханского» и известной в Европе своими рукописями и «творениями греческой словесности». В библиотеке, по свидетельству историка, собирались и первые русские произведения, посвященные Куликовской битве и другим событиям тогдашней современности [15. Т. 4. Стб. 171; 24. Т. 5. Стб. 235–236; 27. С. 11]. Упомянул о библиотеке Ивана Грозного, в которой хранились редкие книги, привезенные, как предполагал Карамзин, супругой

Ивана III Софьей из Рима [26. Т. 9. Стб. 52]. Особый интерес представляют сообщения об открытии в 1564 г. в Москве первой типографии и о выпуске стараниями Ивана Федорова и Петра Мстиславца двух первых печатных книг [Там же. Стб. 28]. И как достойное продолжение начатого – издание в период царствования Федора Иоанновича первой «Российской арифметики» и «Книги большого чертежа», т.е. российской географии. Не осталось без внимания издание в 1614 г. «ландкарты России», подготовленной немецким географом Герардом для обучения царского сына Федора Годунова [26. Т. 10. Стб. 148–149; Т. 11. Стб. 54].

В трудах Н.М. Карамзина характеризуются и различные технические приспособления, названные им достопамятностями. Например, говорится о начале «огнестрельного искусства» в правление Дмитрия Донского, когда в 1389 г. из немецкой земли привезли в Москву «араматы и стрельбу огненную». Отмечается, что при Василии Дмитриевиче, сыне Донского, в Москве приступили к изготовлению пороха, сообщается о Царь-пушке как памятнике мастерства русских литейщиков [24. Т. 5. Стб. 69–70; Т. 6. Стб. 50]. Важно, что Н.М. Карамзин воспроизводит отношение русских к новинкам техники, пишет, что первые «боевые часы», сделанные в Москве выходцем из Сербии монахом Лазарем, вызвали в народе удивление, воспринимались «как чудо» [24. Т. 5. Стб. 138].

Характеризуя памятники различного вида и происхождения, Н.М. Карамзин обязательно отмечал между ними те, которые ныне получили наименование неосозаемых (intangible heritage). Касаясь фольклора, народных песен и сказаний, исследователь писал: «Память обманывает, воображение плодит, новый вкус исправляет, но дух остается с некоторыми сильными чертами века, и не только в наших исторических, богатырских, охотничьих, но и во многих нежных песнях заметна первобытная печать старины; видим в них как бы снимок подлинника уже неизвестного, слышим как бы отзыв голоса давно умолкшего» [26. Т. 10. Стб. 151]. И не раз восстанавливал картины прошлого, пользуясь «снимком подлинника», воскрешал многие бытовавшие в Русском государстве обычаи. Так, относительно топонима Болвановка в Москве он сообщает следующее: вплоть до царствования Ивана III существовал обычай встречи послов татарских ханов, или царей, в Москве. Послы привозили с собой «басму, образ, или болван, хана», и московские князья в подтверждение своей покорности «всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и для слушания царских грамот, подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена» [24. Т. 6. Стб. 58].

Историк неоднократно обращался к традициям русского гостеприимства. Писал, например, что в 1476 г., принимая посла Республики Венеции Контарини, Иван III устроил большой обед, подарил послу тысячу червонцев и шубу и предложил выпить «серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной государевой благосклонности» [24. Т. 6. Стб. 61]. А два года спустя, когда Иван III «порушил» новгородское вече и присоединил северные террито-

рии к Московскому княжеству, устраивались богатые пиры в честь победителя. На одном из них новгородский архиепископ поднес московскому князю «в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо, окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев». И все приглашенные на обед граждане Новгорода «пили, ели и беседовали с Иоанном» [24. Т. 6. Стб. 80]. С подробностями описан торжественный обед, которым Борис Годунов угощал своего будущего зятя, герцога Иоанна, брата датского короля Христиана. Прибывшего в Москву герцога принимали в Грановитой палате, где «царь сидел на золотом троне, за серебряным столом, под висящею над ним короною с боевыми часами» [26. Т. 11. Стб. 30]. Еще большей пышностью отличались торжественные приемы Лжедмитрия: он сидел на отлитом из чистого золота, обвешанном алмазными и жемчужными кистями троне, который был установлен на двух серебряных львах, а сверху над ним сияли золотой шар и «прекрасный орел» из золота [26. Т. 11. Стб. 130–131].

Важным результатом разработанного Н.М. Карамзиным подхода к изучению русской истории, внимания к предметно-вещественной составляющей русской культуры является и то, что в его трудах запечатлены традиции богомолья в монастырях, праздничные церковные службы и свадебные пиры, а также и свободное времяпрепровождение. Исследователь характеризует праздничный церковный обряд, который, по его словам, «давно забыт в России», – Неделя Ваий, или «память сретения Господня в Иерусалиме». Участники церемонии собирались в кремлевской Успенской церкви, отсюда «выносили большое дерево, обвешанное разными плодам (яблоками, изюмом, смоквами, финиками); укрепляли его на двух саях и везли тихо. Под деревом стояли пять отроков в белой одежде и пели молитвы». За саями шли горожане со свечами, несли хоругви и иконы, а за ними – все священство, бояре и сановники и «наконец сам государь и митрополит». Царь нес в руке вербу, а митрополит ехал верхом на осле (или на коне), держа в руках Евангелие, «окованное золотом» [26. Т. 9. Стб. 275–276].

Благодаря карамзинским трудам известно, что царь Федор Иоаннович проводил свободное время в обществе жены, смотрел на «кривлянья шутов и карлов», слушал песни, любовался «работой своих ювелиров, золотарей, швцов, живописцев» [Там же. Т. 10. Стб. 49]. А Лжедмитрий, в бытность его русским царем, любил бывать у московских художников, позолотчиков по дереву, аптекарей. По словам Н.М. Карамзина, он «хвалился искусством всадника, зверолова, пушкаря, бойца», не крестился перед иконами, а за стол садился «не с молитвою, а с музыкою» [Там же. Т. 11. Стб. 129–130, 135]. Музыка, пляски и зернь, т.е. азартные игры, стали забавами всего царского двора при Лжедмитрии. Описаны такие мужские развлечения, как псовая охота, «медвежья травля», а для женщин из знатных семейств – качели [24. Т. 7. Стб. 130, 132–134; 26. Т. 10. Стб. 160–161; Т. 11.

Стб. 158–162]. Отмечаются и народные развлечения, когда «толпы скоморохов (русских трубадуров) ходили из села в село, веселя жителей своим искусством» [26. Т. 10. Стб. 152].

Первым в литературе Н.М. Карамзин рассказал о погребальном обычае в Москве, согласно которому приказные одевались в «смирненные платья», т.е. в «шубы бархатные и камчатные без золота», в храмах служились панихиды, раздавались милостыни нищим, делались вклады в церкви и монастыри [26. Т. 9. Стб. 81]. А при погребении датского герцога Иоанна, жениха царской дочери Ксении Годуновой, внезапно скончавшегося в 1602 г. в Москве, дубовый гроб, обитый черным бархатом и серебром, везли на колеснице под тремя черными знаменами с гербами Дании. За колесницей ехал в санях сам Борис Годунов, пешими шли царедворцы и горожане, до места погребения в лютеранской церкви в Немецкой слободе шествие сопровождали воины царской дружины с опущенными вниз копьями [Там же. Т. 11. Стб. 32–33].

Привлекая различного рода источники, Н.М. Карамзин не раз говорил о роли и значении памятников прошлого в жизни русских, особенно в ордынский период, когда «...воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы Отечества» [24. Т. 6. Стб. 240]. Он выявлял случаи сохранения исторической информации, мемориализации памятных мест и событий, подмечал зачатки деятельности, которую ныне относят к процессу музеефикации. Сообщал, например, что в церкви Вознесения в Путивле в XII в. хранились как память серебряные сосуды, кадилницы, шитая золотом утварь, Евангелия и другие богослужебные книги, облаченные в кованые переплеты [15. Т. 2. Стб. 128]. Писал, что в 1204 г. половцы захватили Киев, ограбили церкви, в которых, наряду с богослужебными предметами, находились и «драгоценные одежды древних князей российских, св. Владимира, Ярослава Великого, и других, которые на память себе вешали оные в храмах» [Там же. Т. 3. Стб. 66]. Отмечал, что в Голутвинском монастыре под Москвой сохранялся как реликвия посох святителя Сергия Радонежского [28. С. 267]. Описывая вторжение хана Тохтамыша в Москву в 1382 г., скорбел о том, что захватчики, «обнажив церкви и дома, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников» [24. Т. 5. Стб. 48].

Говоря современным языком, Н.М. Карамзин казался сакрального значения памятников прошлого. Рассказывал, что, отправляясь на покорение Казани, Иван IV «лобызал гроб древнего героя России Александра Невского» [24. Т. 8. Стб. 93]. А взятие Казани описывал так: «Полки стали; ударили в бубны, заиграли на трубах, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Иисус, а вверху водружен был животворящий крест, бывший на Дону с Великим князем Дмитрием Ивановичем» [Там же. Стб. 97–98]. Повествуя о венчании на царство Ивана IV, Н.М. Карамзин утверждал, что при дворе вспоминали тогда «о древнейшем примере Владимира Мономаха»

и использовали ту «царскую утварь», которую Владимир Мономах завещал «хранить как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления» до времени, пока не появится истинный самодержец, достойный «знаков могущества». Интересно, что после завершения церемонии Иван IV покинул церковь, а «народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать царское место; всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России» [24. Т. 8. Стб. 56–57].

Как важнейший вклад Н.М. Карамзина в формирование музееведческих знаний нужно отметить то, что он первым в России обратился к освещению музейной деятельности, поставил музейные ценности в один ряд с другими достижениями культуры – литературой, философской мыслью, театром, охарактеризовал музеи и музейные учреждения как хранилища памятников культурного наследия. В «Письмах русского путешественника», в 1791–1792 гг. опубликованных фрагментарно в «Московском журнале», а десять лет спустя выпущенных отдельным изданием, Н.М. Карамзин впервые познакомил русского читателя с европейскими музеями, со способами и формы музейного хранения, распространенными в Европе в XVIII в. Используя принятые в то время названия музейных хранилищ, Н.М. Карамзин писал о зверинцах, оранжереях и ботанических садах, упоминал частные коллекции, кабинеты, собрания древностей в городских библиотеках и университетах, а также арсеналы, художественные галереи и, собственно, музеи.

Путешествуя по Европе, Н.М. Карамзин с большим вниманием относился к раритетам древности. Так, в ратуше города Бергена познакомился с выставленными для обозрения портретами и документами исторического характера, в их числе – «Золотой буллой» Карла IV. В публичной библиотеке Базеля ему была предоставлена возможность осмотреть рукописи, древние медали, цену которых «знают только антиквариусы и нумизматографы» [29. С. 44].

В Швейцарии, в Ивердонской публичной библиотеке, путешественнику были показаны скелеты из захоронений, серебряные и медные медали, найденные в земле [30. С. 26]. Наконец, путешественник стал осматривать музейные коллекции: посетил анатомический театр и «медицинский сад» в Страсбурге, зверинцы в Берлине, Париже и Лондоне [29. С. 36; 31. С. 112; 32. С. 268]. Осмотрел и по достоинству оценил модные в XVIII в. коллекции минералов, монет и других предметов, которые именовались кабинетами: рассказал о минеральном кабинете и библиотеке покойной сестры прусского короля в Берлине, о «зеленой кладовой» – собрании драгоценных камней саксонского курфюрста, о кабинете древних и новых медалей в Королевской библиотеке и кабинете путешественника Вальяна в Париже, в котором хранились чучела африканских животных, а также «готтентотские орудия» [31. С. 118, 142; 32. С. 95–96].

В Лондоне Н.М. Карамзину было показано «редкое собрание антиков» коллекционера Толе – египетские статуи, древние барельефы [32. С. 255–256].

Внимание русского путешественника привлекла «царская кладовая» в Париже, в которой «множество редких вещей, серебра и золота, драгоценных камней, ваз и всякого рода оружия». Он отметил такие редкости «кладовой», как серебряный щит, найденный в Роне близ Лиона и принадлежавший, скорее всего, Сципиону Африканскому, стальные латы короля Франциска I, церковную утварь кардинала Ришелье, копьё папы Павла V [32. С. 119–120].

Н.М. Карамзин не обошел вниманием гарнизонные собрания и оружейные коллекции, также формировавшиеся в XVIII в. Рассказывая об арсенале в лондонском Тауэре, он, по сути, показал музейную экспозицию, раскрыл некоторые приемы, которые использовались для демонстрации музейных предметов и коллекций: «Стены, колонны, пилястры – все составлено из оружия, которое ослепляет глаза своим блеском». А внизу, «под малым арсеналом, в длинной галерее, стоит королевская артиллерия между столбами, на которых висят знамена, в разное время отнятые англичанами у неприятеля». Тут же и портреты английских королей и полководцев – «каждый сидит на лошади, в своих латах и с мечом своим» [Там же. С. 268, 270].

С особым интересом Н.М. Карамзин посещал художественные собрания, и прежде всего – Дрезденскую галерею, в которой провел три часа и прибавил, что для хорошего знакомства с ней нужно несколько месяцев [31. С. 174–175]. Точно так же с восхищением и со знанием дела он характеризует художественные собрания Лувра, Рубensoвой галереи во дворце Люксембурга в Париже, собрание живописи и рисунков в Шекспировой галерее в Лондоне [30. С. 261–263, 306; 32. С. 256]. О Британском музее Н.М. Карамзин писал так: «Нынешнее утро видел я в славном Британском музее множество древностей египетских, этрусских, римских, жертвенных орудий, американских идолов и проч. ... Я с любопытством рассматривал еще лакриматории, или маленькие глиняные и стеклянные сосуды, в которые римляне плакали на погребениях; но всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции» [32. С. 321–322].

Нужно заметить, что, описывая западноевропейские музейные хранилища, Н.М. Карамзин не упускал случая, чтобы не сказать о зарождении русских музеев, о создании русских коллекций. Так, увидев в Шекспировой галерее в Лондоне «рисунки Орфорова собрания», он тотчас вспомнил, что часть собрания была куплена Екатериной II, показал свою осведомленность об увлечении русской императрицы коллекционированием, об ее участии в формировании и пополнении фондов Эрмитажа [Там же.

С. 258]. Позже рассказывал о коллекции старинного оружия, собранного в свое время в Троице-Сергиевой Лавре, а затем, по настоянию Елизаветы Петровны, переправленного в Петербург. В Лавре, по свидетельству историка, осталась только незначительная часть собранного оружия «на память монашью», зато имелось богатое книжное собрание, включавшее рукописи и древние книги [33. С. 298]. Сообщал, что в московской Оружейной палате «хранятся так называемая Мономахова золотая шапка, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы», которые использовались в церемониях коронации. И высказывал предположение, со ссылкой на летописи, что все эти раритеты были переданы от византийского императора Алексея Комнина в залог политического сближения с Русским государством [15. Т. 2. Стб. 90]. А в одной из журнальных статей называл авторов первого описания Оружейной палаты – П.С. Валуева и А.Ф. Малиновского [34. С. 314]. Н.М. Карамзин коротко охарактеризовал некоторые коллекции и хранилища в Москве и Подмосковье, сформированные в XVIII – начале XIX в.: «знатное собрание исторических древних рукописей умного князя Димитрия Михайловича Голицына» в Архангельском, ботанический сад графа А.К. Разумовского в Горенках, «Оружейная камера» – домашний музей графа Шереметева в Кусково, ризница и патриаршая библиотека в Кремле [34. С. 313, 319].

Обосновывая достаточно необычную, на первый взгляд, версию о Карамзине как основоположнике изучения музейного дела в России, отметим, что главные темы его исследований составляли все же политическая история, история государства. О музеях, как и о культуре в целом, написано гораздо меньше. Думается, что Н.М. Карамзину не достало времени, чтобы в полной мере осветить музейную деятельность. Немаловажно в этом отношении суждение Ю.М. Лотмана о том, что в России со времен Средневековья «на вершине духовной жизни стояло Слово». Это привело, по мнению исследователя, «к совершенно неизвестному в Европе авторитету словесного искусства – литературы» [35. С. 66]. А все другие искусства – живопись, музыка, архитектура, ваение – были профессией, ремеслом. Добавим в список «ремесел» и музейное дело, которое, тем не менее, занимало все более расширявшееся культурное пространство и поэтому не могло не привлекать исследовательского внимания Н.М. Карамзина. Первым в России затронувший музейную проблематику, разработавший особый исследовательский прием, много позже трансформировавшийся в музееведческий подход, Н.М. Карамзин стоял у истоков музееведения, предопределил обращения других русских историков к изучению музейного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букишан П.Я. Работы по истории музейного дела в СССР // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 144–149.
2. Ведерникова Г.И. Музейное дело в исторической и архивоведческой литературе 1920–1930-х годов // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: межвуз. сб. / отв. ред. В.М. Устинов. М., 1984. С. 90–111.
3. Лозовая Л.А. К изучению историографии музейного дела в России // Этюды культуры-2008: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 1: Музеология и культурное наследие / под ред. Э.И. Черныяка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 92–95.

4. Шмидт С.О. А.М. Разгон – историк музейного дела // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 555–560.
5. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / сост. Р.А. Киреева, А.А. Зимин; отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1983. С. 133–137.
6. Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики: Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб., 1882. 358 с.
7. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
8. Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. 734 с.
9. Шмидт С.О. Средневековье в государственном строе России Нового времени // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 90–103.
10. Шмидт С.О. Московский Кремль в культуре России // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 188–197.
11. Шмидт С.О. Е.А. Болховитинов и становление науки российской истории // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 432–445.
12. Шмидт С.О. О «жесточкой летописи кн. Курбского» // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 446–456.
13. Шмидт С.О. Н.М. Карамзин как историк // Венок Карамзину / ред.-сост. С.О. Шмидт. М.: Academia, 1993. С. 22–33.
14. Русская историография. XI – начало XXI века: учеб. пособие / под ред. А.А. Чернобаева. М.: Высш. шк., 2010. 447 с.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. / Н.М. Карамзин. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 1–4.
16. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Москва: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.
17. Ключевский В.О. Н.И. Болтин // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы (продолжение). М.: Мысль, 1989. С. 234–261.
18. Ключевский В.О. Памяти Н.И. Болтина // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы (продолжение). М.: Мысль, 1989. С. 262–273.
19. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
20. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по специальности «история» / К.Г. Левыкин, А.М. Разгон, А.Б. Закс и др.; ред. К.Г. Левыкин, В. Хербст. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.
21. Муравьев В.Б. Путем своего века // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 3–40.
22. Разгон А.М. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профиля // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 839–843.
23. Карамзин Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М.: Университетская тип., 1802. 187 с.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 5–8.
25. Карамзин Н.М. Русская старина // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 273–285.
26. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 9–12.
27. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. Т. XIV. 132 с.
28. Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 263–268.
29. Сочинения Карамзина. Т. 3: Письма русского путешественника. Ч. 2. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 328 с.
30. Сочинения Карамзина. Т. 4: Письма русского путешественника. Ч. 3. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 352 с.
31. Сочинения Карамзина. Т. 2: Письма русского путешественника. Ч. 1. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 2, 304 с.
32. Сочинения Карамзина. Т. 5: Письма русского путешественника. Ч. 4. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 416 с.
33. Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 285–310.
34. Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 310–321.
35. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 июля 2015 г.

NIKOLAY MIKHAILOVICH KARAMZIN: AT THE ORIGIN OF MUSEUM STUDIES IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 55–63. DOI: 10.17223/15617793/398/9

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Chernyak Eduard I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Keywords: Karamzin; Russian history; methodology and historiography of museum studies.

This article discusses the understudied problem of the historiography of Russian museum studies. The historiography sources are the scientific works of Russian historian N.M. Karamzin, highly evaluated by many researchers, from V.O. Klyuchevsky and K.N. Bestuzhev-Ryumin to S.O. Schmidt and M.Yu. Lotman. However, researchers never turned their attention to the museology nature of N.M. Karamzin's works, while Karamzin himself wrote that he searched for "thoughts in the monuments" and desired "to unite into a system" everything created in centuries. He developed a special method of history study, which ensured the visualization of the historical process. Subsequently this method determined the formation of the museum-object, or museology, approach. According to modern museologists, Karamzin made a representation of the monuments of the past and reached extraordinary expressiveness and persuasiveness of historical narration. Using his own methodology, Karamzin revived the pictures of the military-political history of Russia. The museology method Karamzin developed found its most successful use in the study of the history of everyday life. N.M. Karamzin laid the basis of the academic discipline now known as the history of material culture. He gave detailed descriptions of Russian costumes, characterized the origin of the book culture, the technology novelties of the 15th and 16th centuries. N.M. Karamzin was the first Russian researcher who wrote about the intangible heritage; he described many customs and traditions of the Russian people. First of all, he noted the memorial and sacral value of Russian monuments and cases of museumification of some monuments. N.M. Karamzin was the first to describe the different forms of museum storage and collections; he made museum valuables equal to other cultural achievements: literature, philosophy, theater. However, Karamzin did not have enough time to describe the museum studies in Russia completely. Nevertheless, it is Karamzin who was at the root of museology, and he predetermined other Russian historians' interest in museum studies.

REFERENCES

1. Bukshpan, P.Ya. (1972) Raboty po istorii muzeynogo dela v SSSR [Works on the history of museum studies in the USSR]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 144–149.
2. Vedernikova, G.I. (1984) Muзейnoe delo v istoricheskoy i arkhivovedcheskoy literature 1920–1930-kh godov [Museum studies in the historical and archive research literature of 1920s and 1930s]. In: Ustinov, V.M. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie arkhivnogo dela v SSSR* [Historiography and source studies of archives in the Soviet Union]. Moscow: MGIAI.
3. Lozovaya, L.A. (2008) [Studying the historiography of museology in Russia]. *Etyudy kul'tury-2008* [Etudes of Culture-2008]. Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists. Part 1: Museology and Cultural Heritage. Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–95. (In Russian).
4. Shmidt, S.O. (2012) A.M. Razgon – istorik muzeynogo dela [A.M. Razgon: the historian of museology]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
5. Klyuchevsky, V.O. (1983) N.M. Karamzin [N.M. Karamzin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished works]. Moscow: Nauka.
6. Bestuzhev-Ryumin, K. (1882) *Biografii i kharakteristiki: Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Solov'ev, Eshevskiy, Gil'ferding* [Biographies and characteristics: Tatishchev, Schletzer, Karamzin, Pogodin, Solovoyov Eshevsky, Hilferding]. St. Petersburg.
7. Vernadsky, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf.
8. Shmidt, S.O. (2012) *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
9. Shmidt, S.O. (2012) Srednevekov'e v gosudarstvennom stroe Rossii Novogo vremeni [Middle Ages in the Russian political system of modern times]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
10. Shmidt, S.O. (2012) Moskovskiy Kreml' v kul'ture Rossii [Moscow Kremlin in the culture of Russia]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
11. Shmidt, S.O. (2012) E.A. Bolkhovitinov i stanovlenie nauki rossiyskoy istorii [E.A. Bolkhovitinov and formation of science of Russian history]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
12. Shmidt, S.O. (2012) O "zhestokoy letopisi kn. Kurbskogo" [On the "brutal chronicle of Prince Kurbsky"]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
13. Shmidt, S.O. (1993) N.M. Karamzin kak istorik [N.M. Karamzin as a historian]. In: Shmidt, S.O. (ed.) *Venok Karamzinu* [Wreath to Karamzin]. Moscow: Academia.
14. Chernobaev, A.A. (ed.) (2010) *Russkaya istoriografiya. XI – nachalo XXI veka* [Russian historiography. The 11th – early 21st centuries]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 1. V. 1–4. St. Petersburg.
16. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2013) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: Akadem. proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
17. Klyuchevsky, V.O. (1989) N.I. Boltin [N.I. Boltin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 v.]. V. 7. Moscow: Mysl'.
18. Klyuchevsky, V.O. (1989) Pamyati N.I. Boltina [In memory of N.I. Boltin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 v.]. V. 7. Moscow: Mysl'.
19. Razgon, A.M. (1963) Istoricheskie muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.) [Historic museums in Russia (from the beginning of the 18th century to 1861)]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Essays on the history of museology in the USSR]. Is. 5. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
20. Levykin, K.G. & Kherbst, V. (eds) (1988) *Muzeevedenie. Muzei istoricheskogo profilya* [Museology. Museums of Historical Profile]. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Murav'ev, V.B. (1986) Putem svoego veka [By the way of one's epoch]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
22. Razgon, A.M. (2010) K voprosu o nauchnom komplektovanii fondov v muzeyakh istoricheskogo i kraevedcheskogo profilya [On the scientific acquisition of funds in the museums of local history and historical profile]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
23. Karamzin, N. (1802) *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine Vtoroy* [Historical eulogy to Catherine II]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
24. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 2. V. 5–8. St. Petersburg.
25. Karamzin, N.M. (1986) Russkaya starina [Russian Antiquities]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
26. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 3. V. 9–12. St. Petersburg.
27. Karamzin, N.M. (1914) *Zapiska o drevney i novoy Rossii* [A note on the ancient and modern Russia]. V. 14. St. Petersburg.
28. Karamzin, N.M. (1986) Puteshestvie vokrug Moskvy [A trip around Moscow]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
29. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 2. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
30. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 3. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
31. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 1. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
32. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 4. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
33. Karamzin, N.M. (1986) Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse i v sem monastyre [Historical memories and observations on the way to the Holy Trinity monastery and in it]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
34. Karamzin, N.M. (1986) Zapiska o moskovskikh dostopamyatnostyakh [A Note on Moscow sights]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
35. Lotman, Yu.M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga.

Received: 21 July 2015

СОБЫТИЙНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В РАБОТЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассмотрен опыт применения концепции событийного менеджмента в работе современных сельских библиотек Томской области. Среди организуемых и проводимых библиотеками мероприятий – литературные вечера, творческие встречи, выставки, конкурсы, благотворительные акции, презентации собственных изданий, детские праздники и др. Событийный менеджмент представляет собой перспективное направление деятельности библиотек, позволяющее укрепить их положение в системе социокультурных институтов, привлечь и удержать внимание читателей.

Ключевые слова: событийный менеджмент; мероприятия; сельские библиотеки; муниципальные библиотеки; Томская область.

Событийный менеджмент (англ. *event-management* – управление событиями) – относительно новое понятие в экономике российского рынка, характеризующее деятельность по созданию специальных мероприятий и приданию им конкретной направленности в интересах заказчика. В числе организуемых в русле данной концепции мероприятий – деловые, образовательные, культурно-досуговые, научные, спортивные, рекреационные и другие. Главная задача событийного менеджмента заключается в том, чтобы «сделать из мероприятия событие, которое участники будут долго вспоминать и после его окончания» [1. С. 9].

Несмотря на то что организация мероприятий как специфическая форма деятельности существует с незапамятных времен, в самостоятельную отрасль она выделилась не так давно. Стимулом развития данной отрасли послужил рост корпоративного сектора: растущим компаниям потребовались услуги для организации деловых конференций, выставок, корпоративных праздников и т.д. Процесс разработки и проведения мероприятий оказывался для них не всегда выполнимой задачей, что дало возможность профессионалам в этой области создать отдельную сферу бизнеса. В Европе и США небольшие фирмы, составившие основу будущей организационной индустрии, были созданы в 1970–1980-х гг. Само словосочетание «event-management» появилось в 1990-х гг., в России же о нем заговорили в начале 2000-х гг. [2. С. 137].

Сегодня как коммерческие, так и некоммерческие организации сталкиваются с проблемой: как в условиях множества информационных потоков завладеть вниманием аудитории. По оценкам специалистов, многие компании уже оценили преимущества событийного менеджмента, поскольку грамотная организация событийных коммуникаций положительно влияет на увеличение продаж, повышает лояльность клиентов, узнаваемость бренда [3. С. 250]. Важно, чтобы мероприятие соединяло в единое целое время, место и атмосферу, способствуя адекватному восприятию информации потребителем. Эффективное мероприятие – это хорошо спланированное, организованное и исполненное мероприятие, учитывающее состав и интересы избранной целевой аудитории, провоцирующее участников к действию, несущее новые смыслы и ценности.

В основе событийного менеджмента лежит механизм создания и управления специальными события-

ми, которые в зависимости от специализации конкретной организации и поставленных задач могут использоваться как инструмент маркетинговых коммуникаций или как самостоятельный продукт – результат творчески-производственного процесса. Событийный менеджмент и событийный маркетинг неразрывно связаны между собой: менеджмент является организационным средством достижения маркетинговых целей, а непосредственно маркетинговый элемент работает на этапах позиционирования проекта события и оценки его эффективности.

Среди зарубежных специалистов в области событийного менеджмента и маркетинга следует отметить одного из лидеров данного направления, автора первого учебного курса и тренинговой программы Дж. Голдблатта [4], а также У. О’Тула, Р. Харриса, Я. МакДоннелла, Г. Боудина, Д. Аллена [5].

В отечественной литературе теоретические аспекты событийного менеджмента и маркетинга освещены в работах Е.А. Кондратенко [1], А.Н. Романцова [6], Н.А. Анашкиной [3], А.А. Манихина [2]. Ряд научных статей посвящен изучению применения технологий событийного менеджмента и маркетинга в различных сферах: культуре [7], спорте и туризме [8], избирательных кампаниях [9], автомобильной индустрии [10], книготорговле [11], библиотечно-информационной деятельности [12].

В современном мире человек встречается с многочисленными потоками информации, под действием увиденного и услышанного порой он теряет способность адекватно ее воспринимать, не говоря уже о выборе для себя каких-либо приоритетов. Для того чтобы информация о библиотеке дошла до потенциальных читателей, необходимо приложить немало усилий, поэтому в настоящее время библиотеки начинают использовать технологии и инструменты событийного менеджмента.

Рассмотрим применение концепции событийного менеджмента в работе сельских библиотек Томской области, оставшихся сегодня практически единственными общедоступными учреждениями на селе, способными бесплатно предоставить возможность приобщиться к культурным ценностям, реализовать творческий потенциал, провести свободное время. В настоящее время муниципальные сельские библиотеки функционируют во всех 16 районах области. По данным на 2014 г., их количество составляет 270, в большей части

районов библиотеки объединены в централизованные библиотечные системы (ЦБС) [13. С. 8].

На фоне оттока населения из сельской местности все острее становится вопрос: как заинтересовать, привлечь и удержать читателя? Организация и проведение мероприятий – одно из решений, на которое библиотеки опираются в своей работе.

Особенность рынка event-услуг заключается в том, что очень многое зависит от персонала – любое мероприятие разрабатывают и проводят, прежде всего, люди. Практически невозможно провести масштабное мероприятие в одиночку, поэтому менеджеры индустрии событий часто привлекают персонал из других областей. В организации мероприятий сельские библиотеки взаимодействуют с районными администрациями, общеобразовательными школами, профессиональными училищами, техникумами, школами искусств, музыкальными школами, музеями, домами культуры, спортивно-патриотическими клубами, обществами инвалидов, советами ветеранов, центрами социальной поддержки населения. Ряд сельских библиотек обращается за спонсорской помощью к предпринимателям и депутатам. Сотрудничество дает дополнительные возможности в поиске ресурсов, увеличении охвата аудитории, разработке новых идей и концепций. При проведении мероприятий нельзя недооценивать роль средств массовой информации, поскольку освещение события способствует его запоминаемости целевой аудиторией, обеспечивая библиотеке продвижение услуг, привлечение читателей и спонсоров. В большинстве библиотек сотрудники подготавливают статьи для районных газет, занимаются рассылкой пресс-релизов.

Сельские библиотеки принимают активное участие во всероссийских *акциях*, таких как «Библиночь», «Ночь в музее», «Бессмертный полк», «Напиши письмо ветерану». Кроме того, практически в каждом районе проводятся и собственные акции: «В библиотеку всей семьей», «Лучшая детская книжка», «Читальный зал под открытым небом», «Дети за чистоту русского языка» и другие. Подобные акции, как правило, подкрепляются созданием запоминающегося зрительного образа, использованием плакатов, логотипов, корпоративного стиля одежды персонала.

Интерес и поддержку населения находят инициативные библиотеками благотворительные акции. В селе Кожевниково проводятся акции «Рядом живет ветеран», «Подари добро», «День добрых дел». Сотрудники библиотеки и активы библиотечных клубов помогают пожилым людям убирать снег, заготавливать дрова, а учащиеся филиала Томского экономико-промышленного колледжа участвуют в волонтерском движении по библиотечному обслуживанию на дому пенсионеров и инвалидов [14. С. 25]. В декабре, в Декаду инвалидов, в библиотеках Первомайского района проходит ежегодная акция «Острова доброты», в ходе которой для людей с ограниченными возможностями проводятся вечера отдыха, конкурсы, познавательные программы, концерты [15. С. 24].

Организация мероприятий удовлетворяет потребности людей в общении и развлечении, взаимодей-

ствии со средой, поэтому одним из эффективных способов позиционирования себя в социокультурном пространстве является *организация праздников* – государственных, фольклорных, экологических и др.

В первую очередь, это праздники, связанные с юбилеями районов и сел. Сотрудники библиотек осуществляют серьезную информационную подготовку к празднованиям, работая с архивными материалами, публикациями, воспоминаниями старожилов. Например, в 2013 г. село Кожевниково отмечало свой 280-летний юбилей, и библиотеки района участвовали во всех значимых мероприятиях, посвященных этой дате, оформляли выставки, проводили краеведческие часы, организовали два районных творческих конкурса «Я расскажу вам о селе» и «Чудеса своими руками»; помогали районной газете «Знамя труда» в проведении краеведческой викторины на страницах газеты и т.д. [16. С. 18].

Интересен опыт проведения сотрудниками библиотек этнографических праздников. В селе Нёготка Каргасокского района в августе 2014 г. состоялся праздник «Легенды Севера», направленный на сохранение обычаев коренного народа – селькупов: «...завершился праздник национальными играми, гонками на обласке и общим костром, вокруг которого собравшиеся дружно водили хоровод, приветствуя друг друга и представителей всех селькупских родов, проживающих в Нёготке» [17. С. 39].

Библиотеки обеспечивают информационную подготовку к таким значимым районным мероприятиям, как *открытие памятников*. В 2014 г. в селе Бакчар состоялось знаменательное событие – открытие памятника воинам-землякам, погибшим в Афганистане и других локальных войнах. Митинг, посвященный открытию памятника, подготовили и провели учащиеся Бакчарской школы под руководством преподавателя истории. Информация для сценария митинга, а также портреты погибших земляков были предоставлены библиотекарями [18. С. 46].

Среди событий, пользующихся вниманием жителей области, – организуемые библиотеками *конкурсы*.

В 2014 г. в библиотеке Белого Яра проводился поэтический конкурс «Верхнекетье – моя Россия». Идея конкурса была предложена на одной из встреч поэтов района, положение о конкурсе было разработано и опубликовано в газете «Заря Севера». Все конкурсные работы присылались в центральную библиотеку, где оформлялись в едином стандарте без указания авторства и передавались членам жюри для ознакомления и оценки. Конкурсанты, набравшие наибольшее количество голосов в своей номинации, были объявлены победителями. Сборник «Верхнекетье – моя Россия» был составлен, сверстан и отпечатан на базе центральной библиотеки [19. С. 12].

Библиотеки проводят литературные конкурсы и конкурсы чтецов: «Волшебное перо» (Асиновский район), «Читаем классику» (Томский район), «Экорифмы» (Бакчарский район). В Верхнекетском, Кожевниковском, Бакчарском, Парабельском районах проводились фотоконкурсы «Белый Яр – природа дивная», «В объективе – читающая молодежь», «При-

рода Томской области через объектив фотокамеры», «В объективе – Парабельский район». Кроме того, проводятся конкурсы гербариев и флористических работ, детских рисунков, музыкальных видеоклипов, историко-поисковых работ.

Традиционным для библиотек, но от этого не теряющим своей актуальности направлением является организация *выставок*. Для того чтобы выставки стали событием, по-настоящему привлекающим интерес читателей, сотрудники библиотек должны постоянно менять подходы к их организации. Выставки, обладающие огромным культурно-просветительским потенциалом, часто остаются незамеченными читателями, поэтому при их организации большое внимание нужно уделять качеству информационно-рекламных материалов и их доступности, распространению информации через районную печать, сайты, группы в социальных сетях. Результативным способом продвижения выставки является ее трансформация в комплексное событие – совмещение с концертами, творческими встречами, заседаниями клубов, мастер-классами и др.

В Анастасьевском филиале Шегарской ЦБС с целью популяризации литературы действуют «говорящие книжные выставки». Библиотекарь отбирает литературу, которую несколько школьников должны будут представить своим одноклассникам: рассказать об авторе, пересказать краткий сюжет и свое отношение к нему. В такой форме книжной выставки есть два плюса: во-первых, школьник, который готовит представление, сам прочитает книгу, а во-вторых, дети с большим интересом и доверием относятся к советам сверстников [20. С. 16].

В современном мире люди уже не хотят быть наблюдателями, гораздо важнее стать участниками событий, поэтому сотрудники библиотек сопровождают выставки интерактивными элементами. Например, в центральной библиотеке Шегарского района на выставке книг и журналов «Светлое Христово Воскресение» была организована выпечка куличей и приготовление других традиционных пасхальных блюд [Там же].

В декабре 2014 г. в Бакчарской центральной районной библиотеке была оформлена выставка-инсталляция «Новый год в Советском Союзе». На ней можно было увидеть елочные украшения с советской символикой, игрушки из пенопласта и стекла, ваты и картона, новогодние открытки 1950–1960-х гг. Выставка иллюстрировалась советскими фотографиями, создавая настроенное уже ушедшей эпохи, возле выставки-инсталляции проходили фотосессии [18. С. 42].

Ряд выставок проводится в сотрудничестве с музеями. Например, в 2013 г. в Туендатской библиотеке работала выставка «Древние обитатели Первомайской земли». На выставке, кроме книжно-иллюстративного материала, экспонировались останки древних животных, найденные на территории Первомайского района. Экспонаты были предоставлены районным краеведческим музеем [21. С. 26].

Выставка может стать элементом социальной работы, возможностью проявить свои способности для

социально незащищенных слоев населения. Ежегодно в мае в рамках районного фестиваля «Преодолей себя» Первомайская библиотека организует выставку декоративно-прикладного творчества «Добрых рук мастерство». В 2014 г. в библиотеках Первомайской ЦБС были организованы две персональные выставки работ жителей района с ограниченными возможностями: «Волшебная нить» (выставка вязаных салфеток) и «Взглянем на мир по-новому» (выставка вышитых картин) [15. С. 23].

В библиотеках проводятся *литературно-музыкальные гостиные, концерты, вечера памяти известных деятелей, творческие встречи* с писателями, художниками, общественными деятелями области, привлекающие внимание общественности к библиотеке и ее услугам. Темы творческих вечеров и встреч разнообразны: «С Владимиром Высоцким в XXI век» (с. Молчаново), «Детям поры военной» (д. Нестерово Парабельского района), «Писатели современной России» (с. Мельниково), «С любовью к русской деревне: творчество В.П. Астафьева» (с. Александровское) и др. Для читателей библиотек встречи с писателями, поэтами, художниками района сами по себе являются значимыми событиями.

Сотрудники библиотек выступают организаторами *конференций*. Например, в Молчановском, Кривошеинском, Каргасокском, Парабельском, Асиновском и других районах области на базе библиотек проходят Дни славянской письменности и культуры – духовно-исторические Кирилло-Мефодиевские чтения, включающие в свою программу лекции, выступления с докладами, викторины, фольклорно-игровые программы, работу кино клубов, выставки духовной литературы.

Свой вклад библиотеки вносят в *благоустройство территорий* поселений. По инициативе библиотекарей проводятся субботники, высадка деревьев, благоустройство парков, уборка территорий возле памятников.

В течение четырех лет актив клуба «Огородник» Молчановской центральной библиотеки продолжает акцию «Живем и помним», приводя в порядок могилы участников Великой Отечественной войны. В 2013 г. библиотека села Павлово Каргасокского района стала организатором экологической акции «Чистые берега», которая осуществлялась в рамках программы «Внимание, природа!» Учителя, работники культуры и дети убрали от мусора территорию центра села и берега у водоемов [22. С. 22]. В Зырянском и Кривошеинском районах сотрудники библиотек и школьники изготавливают кормушки для птиц и развешивают их на деревьях, растущих около библиотек. Такие акции имеют большое значение в формировании бережного отношения к природе у детей.

Центральные районные библиотеки занимаются выпуском печатной продукции, поэтому эффективным средством событийного менеджмента является *презентация изданий*. Так, в 2013 г. в Каргасокской библиотеке состоялась презентация книги Л.Т. Ситникова «Земляки – 4», открывшая Неделю старшего поколения: «1 октября библиотека принимала стар-

ших коллег, ветеранов культуры, киносети и кинопроката, многие из которых являются героями очерков, вошедших в эту уникальную по степени общественной значимости книжную серию» [22. С. 24–25]. В 2014 г. в Каргасокской библиотеке состоялась презентация еще одной книги Л.Т. Ситникова – сборника очерков о жителях района «Житейские истории» и книги «Преодоление» О. Кербер, повествующей о судьбах немцев-спецпереселенцев, не по своей воле оказавшихся в конце 1930-х – начале 1940-х гг. на территории Нарымского края [17. С. 38].

Значительное место в работе сельских библиотек занимает *работа с подрастающим поколением*. Проводимые мероприятия рассчитаны на представителей разных возрастов – от воспитанников детских садов до студентов профессиональных училищ и техникумов.

С 2009 г. в детской библиотеке села Каргасок действуют программа по привлечению детей дошкольного возраста «Я расту вместе с книгой», программа развивающего чтения для учеников начальной школы «Мир детства», цель которой – поддержка образовательной деятельности ребенка и его творческого развития. Библиотеки организуют летние площадки для детей, проводят походы, познавательные игры, викторины, спортивные эстафеты.

Участие сотрудников библиотек в *профессиональных конкурсах, конференциях, семинарах, форумах* также является инструментом событийного менеджмента, позволяющим заявить о себе в информационном пространстве, сформировать положительный имидж.

Сотрудники сельских библиотек принимают участие во всероссийских и региональных форумах «Библиокараван», «Библиопрорыв», «Всероссийский лагерь сельских библиотекарей», «Томский коллаيدر». В 2014 г. сотрудник Каргасокской библиотеки М.А. Мартынюк приняла участие во Всероссийском конкурсе «Библиотекарь года». Кроме того, в районах проводятся собственные профессиональные конкурсы, направленные на стимулирование творческих, инициативных библиотечных специалистов, выявление и распространение инновационных методов работы: «Библиотекарь года» (Кожевниковский район), «Моя судьба, мое призвание» (Бакчарский район). Информация о профессиональных конкурсах, опубликованная в районных СМИ, способствует позиционированию сотрудника библиотеки как высокоинтеллектуальной, разносторонней, творческой личности. На формирование корпоративной культуры благоприятно влияет празднование юбилеев библиотек. Следует отметить, что такие празднования нередко выходят за рамки библиотек, объединяя жителей села.

Сегодня важно, чтобы мероприятие имело продолжение в сети Интернет в форме собственного сай-

та, страницы на сайте библиотеки или района, группы в социальной сети, рассылки информации по электронной почте. Мероприятие может быть и виртуальным в случае, если реальное мероприятие дорогостоящее или трудозатратно. Положительные стороны виртуального мероприятия – экономия времени и ресурсов, недостатки – в отсутствии прямого контакта с аудиторией. На сайтах ЦБС Асиновского, Парабельского, Верхнекетского, Чаинского, Каргасокского, Зырянского, Кривошеинского районов регулярно размещаются анонсы предстоящих событий, информационные материалы о прошедших мероприятиях, проиллюстрированные фотографиями.

На завершающем этапе мероприятия деятельность сотрудников библиотек направлена на то, чтобы с помощью анкетирования и опросов установить обратную связь с участниками, собрать максимальное количество информации о проделанной работе. Как отмечают исследователи, оценка мероприятия должна складываться из следующих составляющих: оценка организационной эффективности, которая свидетельствует о своевременности процесса подготовки; оценка соблюдения регламента в ходе события, количества и качества привлеченной аудитории; маркетинговая эффективность или выяснение того, насколько проведение мероприятия обеспечило достижение поставленной цели. Необходимо рассмотреть такие параметры, как общее количество участников мероприятия, их активность и заинтересованность, процент отказа от участия [1. С. 113].

Яркое событие – замечательный способ привлечь внимание и повысить степень узнаваемости библиотеки за счет связанных с ней позитивных ассоциаций. Посетитель проводимого библиотекой мероприятия испытывает чувство удовлетворенности уже в ходе события и надолго запоминает то, что пережил на эмоциональном уровне. В числе преимуществ событийного менеджмента следует упомянуть также гибкость финансовой составляющей – в зависимости от бюджета можно выбирать наиболее оптимальный вариант проведения мероприятия. Нередко мероприятия с достаточно скромным бюджетом при вовлеченности и творческом подходе сотрудников могут стать гораздо эффективнее широкомасштабных акций, в которые было вложено немало средств.

Событийный менеджмент представляет собой перспективное направление деятельности современной библиотеки, позволяющее укрепить ее положение в системе социокультурных институтов, создать условия для того, чтобы, посетив мероприятие, жители села пришли в библиотеку еще раз – но уже в качестве читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратенко Е.А. Событийный менеджмент. Барнаул : Азбука, 2011. 142 с.
2. Манихин А.А. Ткань событий. Место event-маркетинга в комплексе маркетинговых коммуникаций // Креативная экономика. 2014. № 4. С. 135–143.
3. Анашкина Н.А. Event-marketing : коммуникативный тренд в рекламе // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 250–253.
4. Goldblatt J. Special Events. A new generation and the next frontier : 6-th edition. Hoboken : John Wiley and Sons, 2010. 535 p.
5. Events Management : second edition / W. O'Toole, R. Harris, Ian McDonnell, G.A.J. Bowdin, J. Allen. Elsevier Ltd., 2006. 537 p.
6. Романцов А.Н. Event-маркетинг : сущность и особенности организации : практическое пособие. М. : Дашков и К, 2012. 116 с.

7. Мельникова Н.А. Событийный маркетинг в сфере культуры : анализ коммуникационного продвижения событий регионального музея // Наука о человеке : гуманитарные исследования. 2014. № 3 (17). С. 129–138.
8. Васильева О.О. Событийный маркетинг в системе организации спортивных мероприятий / О.О. Васильева, И.Г. Филиппова // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. Туризм. 2013. № 1. С. 32–35.
9. Близняк Р.З. Принципы и методы, технологии и инструменты событийного менеджмента, применяемые в системе электоральных коммуникаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (ч. 1). С. 26–30.
10. Балашов А.А. Событийный маркетинг в автомобильной индустрии / А.А. Балашов, С.М. Садиқ, М.А. Гайнуллин // Маркетинговые коммуникации. 2010. № 3. С. 130–141.
11. Филокова Н.Ш. Нестандартные формы event-маркетинга в книжных магазинах // Университетская книга. 2012. Т. 1. С. 68–71.
12. Смирнова А.Ю. Событийный менеджмент в современной библиотеке // Библиотекосведение. 2012. № 6. С. 20–25.
13. Муниципальные общественные (публичные) библиотеки Томской области : информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 г. / сост. Т.П. Вергановичус; ред. С.С. Быкова. Томск, 2015. 149 с.
14. Аналитический обзор деятельности библиотек МБУ МЦБС Кожевниковского района в 2014 г. Кожевниково, 2015. 57 с.
15. Муниципальные общедоступные (публичные) библиотеки Первомайского района : информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 г. Первомайское, 2015. 61 с.
16. Аналитический обзор деятельности библиотек МБУ МЦБС Кожевниковского района в 2013 г. Кожевниково, 2014. 51 с.
17. Деятельность библиотек Каргасокского района : аналитическая справка за 2014 г. Каргасок, 2015. 63 с.
18. Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности муниципальных общедоступных (публичных) библиотек Бакчарского района за 2014 г. Бакчар, 2015. 106 с.
19. Аналитическая справка о деятельности ЦБС МАУ «Культура» Верхнекетского района за 2014 г. Белый Яр, 2015. 29 с.
20. Аналитическая справка о деятельности библиотек Шегарской МЦБС за 2014 г. Мельниково, 2015. 37 с.
21. Муниципальные общедоступные (публичные) библиотеки Первомайского района : информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2013 г. Первомайское, 2014. 56 с.
22. Аналитическая справка о деятельности библиотек Каргасокского района за 2013 г. Каргасок, 2014. 57 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 14 июля 2015 г.

EVENT-MANAGEMENT IN MUNICIPAL RURAL LIBRARIES OF TOMSK OBLAST

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 64–69. DOI: 10.17223/15617793/398/10

Kuzoro Kristina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: clio-2002@mail.ru

Keywords: event-management; events; rural libraries; municipal libraries; Tomsk Oblast.

Event-management is a new concept in the economy of the Russian market. It is creation of special events and focusing them on the customer's wants. Events may be business, educational, cultural and recreational, scientific, sporting, recreational and others. Organization of events is one of the directions that libraries use trying to solve the problem of the loss of readers. In organization of events, rural libraries interact with regional administrations, schools, professional and technical schools, arts schools, sports and patriotic clubs, societies for the disabled, social support centers. Several rural libraries ask businessmen and deputies for sponsorship. Cooperation offers additional opportunities in the search for resources and development of new ideas and concepts. Rural libraries are involved in all-Russian events, such as A Night at the Museum, Immortal Regiment, Write a Letter to a Veteran. In addition, most districts have their own events such as The Whole Family to the Library, The Best Children's Book and others. Libraries initiate charity events, which finds interest and support of the population. Librarians organize public, ethnographic and folk festivals. Libraries provide information support at such important regional events as the opening of monuments. Libraries organize literary contests, competitions of readers: Magic Pen (Asinovsky District), Read the Classics (Tomsk District), Eco-Rhymes (Bakcharsky District). Libraries host contests of photo, herbarium and floral works, children's drawings, music videos, historical research works in Verkhneketsky, Kozhevnikovsky, Bakcharsky and Parabelsky districts. Libraries traditionally organize exhibitions, literary evenings, concerts, commemoration meetings of famous people, meetings with writers, artists, public figures of the region. Library staff organize conferences. Librarians work on the improvement of the territories of settlements. At the initiative of librarians there is planting of trees, cleaning of the territory near the monuments, landscaping of parks. Participation of libraries in professional competitions, conferences, seminars, forums are the tools of event-management that allow creating a positive image. Event-management is a perspective direction of activities of modern libraries that strengthens its position in social and cultural institutions.

REFERENCES

1. Kondratenko, E.A. (2011) *Sobytiynny menedzhment* [Event Management]. Barnaul: Azbuka.
2. Manikhin, A.A. (2010) Tkan' sobyitii. Mesto event-marketinga v komplekse marketingovykh kommunikatsiy [Fabric of events. Place of event-marketing in a complex of marketing communications]. *Kreativnaya ekonomika – Journal of Creative Economy*. 4. pp. 135–143.
3. Anashkina, N.A. (2013) Event-marketing: communicative trend in advertising. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 5 (122). pp. 250–253. (In Russian).
4. Goldblatt, J. (2010) *Special Events. A new generation and the next frontier*: 6-th edition. Hoboken: John Wiley and Sons.
5. O'Toole, W. et al. (2006) *Events Management*: second edition. Elsevier Ltd.
6. Romantsov, A.N. (2012) *Event-marketing: sushchnost' i osobennosti organizatsii* [Event-Marketing: nature and features of organization]. Moscow: Dashkov i K.
7. Mel'nikova, N.A. (2014) Event marketing in the culture sphere: analysis of communication progress. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya – Science of the Person: Humanitarian Researches*. 3 (17). pp. 129–138. (In Russian).
8. Vasil'eva, O.O. & Filippova, I.G. (2013) Sobytiynny marketing v sisteme organizatsii sportivnykh meropriyatii [Event marketing in the organization of sports events]. *Innovatsii. Menedzhment. Marketing. Turizm*. 1. pp. 32–35.
9. Bliznyak, R.Z. (2011) Printsipy i metody, tekhnologii i instrumenty sobyitynogo menedzhmenta, primenyayemye v sisteme elektoral'nykh kommunikatsiy [The principles and methods, technology and event management tools used in the electoral system of communications]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 5 (Pt. 1). pp. 26–30.
10. Balashov, A.A. et al. (2010) Sobytiynny marketing v avtomobil'noy industrii [Event marketing in the automobile industry]. *Marketingovyye kommunikatsii*. 3. pp. 130–141.

11. Filyukova, N.Sh. (2012) Nestandartnye formy event-marketinga v knizhnykh magazinakh [Non-standard forms of event marketing in bookstores]. *Universitetskaya kniga*. 1. pp. 68–71.
12. Smirnova, A.Yu. (2012) Event Management in the Modern Library. *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 6. pp. 20–25. (In Russian).
13. Bykova, S.S. (2015) *Munitsipal'nye obshchestvennye (publichnye) biblioteki Tomskoy oblasti: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 g.* [The municipal public (public) library of Tomsk Oblast: informational and analytical review of the status and activity for 2014]. Tomsk.
14. Kozhevnikovskiy District. (2015) *Analiticheskiy obzor deyatel'nosti bibliotek MBU MTsBS Kozhevnikovskogo rayona v 2014 g.* [Analytical review of library activities of Interregional Library Cooperation Centre of Kozhevnikovskiy District in 2014]. Kozhevnikovo.
15. Pervomayskiy District. (2015) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Pervomayskogo rayona: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 g.* [Municipal public libraries Pervomayskiy District: informational and analytical review of the status and activities for 2014]. Pervomayskoe.
16. Kozhevnikovskiy District. (2014) *Analiticheskiy obzor deyatel'nosti bibliotek MBU MTsBS Kozhevnikovskogo rayona v 2013 g.* [Analytical review of library activities of Interregional Library Cooperation Centre of Kozhevnikovskiy District in 2013]. Kozhevnikovo.
17. Kargasokskiy District. (2015) *Deyatel'nost' bibliotek Kargasokskogo rayona: analiticheskaya spravka za 2014 g.* [Activities of libraries of Kargasokskiy District: analytical report for 2014]. Kargasok.
18. Bakcharskiy District. (2015) *Informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti munitsipal'nykh obshchedostupnykh (publichnykh) bibliotek Bakcharskogo rayona za 2014 g.* [Informational and analytical overview of the status and activities of the municipal public libraries of Bakcharskiy District in 2014]. Bakchar.
19. Verkhneketskiy District. (2015) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti TsBS MAU "Kul'tura" Verkhneketskogo rayona za 2014 g.* [Analytical information on the activities of the Culture Library Cooperation Centre in Verkhneketskiy District for 2014]. Belyy Yar.
20. Shegarskiy District. (2015) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti bibliotek Shegarskoy MTsBS za 2014 g.* [Analytical information on the activities of libraries of Shegarskiy Interregional Library Cooperation Centre for 2014]. Melnikovo.
21. Pervomayskiy District. (2014) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Pervomayskogo rayona: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2013 g.* [Municipal public libraries Pervomayskiy District: informational and analytical review of the status and activities for 2013]. Pervomayskoe.
22. Kargasokskiy District. (2014) *Deyatel'nost' bibliotek Kargasokskogo rayona: analiticheskaya spravka za 2013 g.* [Activities of libraries of Kargasokskiy District: analytical report for 2013]. Kargasok.

Received: 14 July 2015

СЕЛЬСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Рассмотрен опыт применения ресурсного подхода для оценки деятельности сельских библиотек Томской области в сфере информационной поддержки школьного образования. Приведены особенности формирования и использования информационно-образовательных ресурсов сельских библиотек. Показаны формы работы по освоению материалов основной школьной программы, содействию образованию школьников в таких аспектах, как краеведческое и правовое образование, приобщение населения к чтению. Сделаны выводы о необходимости и востребованности информационно-образовательной деятельности сельских библиотек.

Ключевые слова: ресурсный подход; информационный ресурс; образовательный ресурс; общеобразовательные школы; сельские библиотеки; Томская область; краеведческое образование; правовое образование; приобщение к чтению.

В современных условиях общеобразовательная школа осуществляет обучение и воспитание в интересах как личности, так и общества, государства, обеспечивает охрану здоровья и создание благоприятных условий для разностороннего развития учащихся. Общеобразовательная школа призвана решать множество задач, важнейшими из которых являются формирование готовности обучающихся к систематическому обновлению и актуализация знаний в различных сферах деятельности, к осуществлению непрерывного образования в течение всей жизни, к развитию информационной грамотности личности. Современные федеральные образовательные стандарты ориентируют субъектов образовательного процесса (учащихся, педагогов, родителей) на формирование также исследовательских компетенций, о чем говорится в работах, в частности Е.Н. Михайловой. Автор отмечает, что исследовательские компетенции школьников предполагают владение навыками поиска, переработки и интерпретации разнообразной информации, должны проявляться в умении реализовывать учебно-исследовательскую деятельность в определенной отрасли знания и формулировать отдельные характеристики результатов работы, проявляющихся на различных уровнях: теоретическом, практическом, личностном и профессиональном [1. С. 40].

Активную помощь общеобразовательной школе в решении вышеперечисленных задач оказывают современные библиотеки, деятельность которых направлена как на сбор, хранение, интерпретацию и воспроизводство социально актуальных знаний, так и на своевременное предоставление данных в ответ на учебные, образовательные, профессиональные, воспитательные, досуговые запросы читателей, на обучение пользователей основам информационной деятельности. Федеральный закон «О библиотечном деле» [2] определяет библиотеку как информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом тиражированных документов.

Оценить разноплановую деятельность современной библиотеки, направленную на содействие реализации целей школьного образования, позволяет ресурсный подход, предполагающий всесторонний анализ деятельности организации, изучающий ее специфические ресурсы в контексте повышения конкурен-

тоспособности и социальной востребованности. Понятие «ресурсы» в современной литературе трактуется как любые средства, которые мы можем использовать для достижения результата: стратегии, люди, события, материальные и нематериальные ценности [3]. В профессиональной педагогической литературе активно рассматриваются возможности ресурсного подхода в образовательном процессе, в формировании и развитии образовательной и воспитательной среды. В частности, известно определение М.П. Нечаева, который трактует воспитательный ресурс как совокупность наличных средств воспитывающей среды, ее резервов и возможностей, включающую социальный, духовный и материальный компоненты [4. С. 6]. Л.И. Клочкова рассматривает признаки ресурса в сфере образования и воспитания. Это сформированность, качественность, доступность, обновляемость, воспроизводимость, ограниченность в использовании [5]. Активное внимание исследователи различных аспектов образовательной деятельности уделяют формированию и применению в общеобразовательной школе информационных ресурсов, понимаемых не только как комплекс электронных документов или информации на машиночитаемых носителях, но и как многочисленные коллекции и массивы документов, хранящиеся в информационных системах и ресурсных центрах [6].

При осуществлении анализа деятельности библиотек информационные ресурсы традиционно рассматриваются в качестве одного из структурообразующих элементов и трактуются как «совокупность информационных данных на традиционных и машиночитаемых носителях, хранящихся в библиотеках и других информационных учреждениях» [7. С. 51]. Государственный стандарт «Информационно-библиотечная деятельность. Библиография» определяет информационные ресурсы как «совокупность данных, организованных для эффективного получения точной информации» [8]. Исследованию различных аспектов формирования, приобретения, хранения и интерпретации информационных ресурсов современных библиотек посвящено большое количество работ. Наиболее значительными являются труды таких авторов, как В.А. Минкина, В.В. Брежнева, Н.И. Гендина, Ю.Н. Столяров, И.Г. Моргенштерн, И.В. Эйдемиллер и др.

Тем не менее использованию ресурсов, предоставляемых общеобразовательным школам сельскими библиотеками (особенно на территории Томской области), посвящается гораздо меньшее количество работ, большая часть которых носит публицистическую и просветительскую направленность, представляя собой публикации в районных периодических изданиях («Земля Чаинская», «Таежный меридиан», «Заря Севера» и др.), отражающих повседневную информацию о наиболее интересных мероприятиях, проводимых библиотекой, рекламирующих ее деятельность.

Кроме того, известен продолжающийся сборник «Панорама библиотечной жизни Томской области», издаваемый с 2004 г. Томской областной универсальной научной библиотекой (ТОУНБ) им. А.С. Пушкина и отражающий практический опыт деятельности сельских библиотекарей. В результате сложилась ситуация, требующая глубокого научного осмысления деятельности сельских библиотек, систематизации и интерпретации статистических и практических данных, что позволит в конечном итоге определить перспективы развития этого социального института, обосновать направления стратегического планирования, разработать эффективную методику и инструменты для выполнения библиотечной миссии.

Предметом исследования данной статьи являются муниципальные сельские библиотеки Томской области, рассматриваемые в качестве информационного ресурса, содействующего процессу обучения в общеобразовательных школах. Применение ресурсного подхода к анализу деятельности библиотек территориально ограничено Верхнекетским, Тегульдетским и Чаинским районами Томской области. Источниковой базой исследования послужили материалы аналитических отчетов о деятельности муниципальных сельских библиотек в 2013–2014 гг., содержащие информацию о современном состоянии и актуальных направлениях работы библиотек.

Современная сельская библиотека является информационным, образовательным и культурно-просветительным учреждением, миссия которого определяется стратегическими интересами государства в области региональной социально-культурной политики [9]. Социальная востребованность и стратегическая оценка деятельности сельских библиотек обусловлены соответствием возможностей, перспектив, внутренних и внешних ресурсов потребностям и задачам территории; наличием квалифицированных специалистов, владеющих навыками перспективного планирования и программно-проектной деятельности. Деятельность муниципальных сельских библиотек Томской области в сфере информационной поддержки образования регламентируется различными официальными и организационными документами международного, федерального и регионального уровней. Так, «Руководство Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА) по развитию службы публичных библиотек» гласит, что публичные библиотеки (в число которых входят и муниципальные сельские библиотеки) создаются и функционируют в целях предоставления информационных ресурсов и

услуг для удовлетворения потребностей отдельных граждан и организаций в области образования и самообразования, творческого развития личности и организации досуга, поддержки формального и неформального непрерывного образования читателей в течение всей жизни [10. С. 13]. «Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки», принятый Российской библиотечной ассоциацией (РБА) в 2008 г., показывает, что публичные (в том числе и сельские) библиотеки составляют одну из главнейших предпосылок непрерывного образования, самообразования и культурного развития личности [11]. На территории Томской области деятельность сельских библиотек регламентируется прежде всего Законом «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Томской области», который определяет муниципальную библиотеку как учреждение органов местного самоуправления, реализующее информационные запросы граждан в области образования, культуры, досуга [12].

Деятельность сельских библиотек в качестве информационного образовательного ресурса зафиксирована и в организационных документах библиотек, таких как «Устав муниципальной централизованной библиотечной системы», «Положение об организации библиотечного обслуживания жителей района», и предполагает содействие непрерывному образованию, духовному развитию и саморазвитию человека; создание условий для комфортного и содержательного досуга; осуществление образовательной деятельности [13, 14].

Сельская библиотека сегодня – это один из немногих общедоступных бесплатных социальных институтов в малых населенных пунктах, важнейшим направлением деятельности которого является содействие общему школьному образованию в различных аспектах, таких как краеведение, правовое обучение, приобщение населения к чтению, формирование информационной культуры, эстетическое, нравственное, патриотическое воспитание и др.

Состав читателей в исследуемых нами библиотеках весьма разнообразен: это работающее население, пенсионеры, социально незащищенные граждане, дети и подростки. Анализ отчетной документации показывает, что читателями сельских библиотек является большая часть местного населения (Верхнекетский район – 44,8%, Тегульдетский – 52,1%, Чаинский – 68,5%). Немалая часть читательской аудитории – это дети, подростки и молодежь, которые являются учениками общеобразовательных школ, студентами средних специальных учебных заведений, университетов (табл. 1) [15. С. 10; 16. С. 3; 17. С. 15]. Деятельность библиотек во многом определяется спецификой информационных запросов читателей. У детей, подростков и юношества преимущественными запросами являются образовательные – связанные с изучением и освоением учебных программ, в частности школьной программы.

В целях эффективного и рационального обслуживания различных категорий читателей сельские библиотеки объединены в централизованную систему, включающую Центральную библиотеку, детскую и несколько библиотек-филиалов, расположенных в

различных населенных пунктах района. Так, библиотечная система Верхнекетского района на 2014 г. насчитывала 13 филиалов [18. С. 3], Чаинского – 15 [19. С. 7], Тегульдетского – 6 [20. С. 7]. Основной задачей детских библиотек является информационное обслуживание читателей дошкольного и школьного возраста, руководителей детского чтения, педагогов общеобразовательных школ, сотрудников организа-

ций детского творчества, родителей. Особенностью работы детских библиотек является тесная координация со школьными библиотеками, которая реализуется в проведении совместных познавательных мероприятий, коллективном выполнении сложных информационных запросов читателей, взаимном использовании библиотечных фондов, организации повышения квалификации библиотекарей.

Таблица 1

Соотношение числа жителей районов Томской области и количества читателей муниципальных сельских библиотек

Район	Кол-во жителей, чел.	В т.ч. читатели библиотек, чел.	В т.ч. читатели библиотек, %	В т.ч. дети до 14 лет, чел.	В т.ч. дети до 14 лет, %
Верхнекетский	16 744	7 517	44,8	2 797	37
Тегульдетский	6 517	3 256	52,1	915	28,1
Чаинский	13 248	9 080	68,5	2 305	25,3

Таким образом, одним из базовых направлений деятельности сельских библиотек является информационное обеспечение школьных образовательных программ. Для реализации данного направления используются разнообразные формы обслуживания читателей. В частности, это помощь при подборе литературы для подготовки к занятиям; поиск удаленной сетевой информации для написания докладов, рефератов, самостоятельных работ; организация тематических выставок-просмотров учебных, популярных и художественных изданий; проведение на территории библиотеки медиауроков по изучаемым в школе темам; составление библиографических обзоров литературы, соответствующей образовательным программам; проведение

викторин и конкурсов, раскрывающих отдельные аспекты изучаемого в школе материала; проведение библиотечных уроков, позволяющих эффективно перерабатывать, интерпретировать полученную информацию, качественно усваивать предлагаемый материал.

С целью эффективного содействия изучению школьной программы библиотеки формируют фонд традиционных и электронных изданий, содержательно связанный с изучаемыми в школах темами, составляющий около 30% от общего библиотечного фонда и представляющий собой систематизированную совокупность документов, формируемую в соответствии с задачами библиотеки и особенностями информационных запросов читателей (табл. 2) [21. С. 13].

Таблица 2

Основные характеристики фондов сельских библиотек Томской области

Район	Объем финансирования, руб.	Общий объем фонда, экз.	В т.ч. книг и брошюр, экз.	В т.ч. журналов и газет, экз.	В т.ч. на электр. носителях, CD, DVD, экз.	Поступило за 2013 г., экз.	Выбыло за 2013 г., экз.
Верхнекетский	517 879,23	140 468	137 854	2 614	2 614	1 573	4 923
Тегульдетский	106 841,48	93 531	91 386	2 145	5	340	1 168
Чаинский	633 715,61	171 405	170 999	6 668	406	3 332	10 525

Фонд сельской библиотеки включает в себя как документы на традиционных бумажных носителях (книги, брошюры, периодические издания, справочные и энциклопедические издания), так и электронные документы (энциклопедии, периодические издания, статистические, игровые и библиографические материалы, локальные и удаленные базы данных) [15. С. 5; 16. С. 8; 17. С. 8]. Количество экземпляров поступающей в фонд литературы пря-

мо пропорционально уровню читательского спроса на определенную тематику либо на конкретное произведение. Видовое разнообразие фонда представлено, прежде всего, художественными, научно-популярными, справочными, учебно-методическими изданиями. Тематическая структура фонда весьма разнообразна и охватывает поступления практически по всем отраслям знаний (табл. 3) [Там же].

Таблица 3

Характеристика поступлений в фонды сельских библиотек Томской области по отраслям знаний за 2013 год, экз.

Район	Социально-экономическая литература	Естественно-научная литература	Сельскохозяйственная литература	Литература по искусству	Художественная и детская литература	Техническая литература	Филология и литературоведение	Краеведческие издания
Верхнекетский	333	22	–	290	1 221	5	2	–
Тегульдетский	52	16	1	6	256	4	4	1
Чаинский	579	238	23	66	2 191	121	114	54

Формирование документных фондов для детей и юношества производится не только в помощь освоению отдельных предметов школьной программы, но и

в соответствии с важнейшими направлениями школьного образования – краеведческим, экологическим, правовым, приобщением к чтению.

Школьное краеведческое образование призвано содействовать активному изучению регионального компонента на всех уровнях школьной программы и видит своей целью воспитания социально активного гражданина, любящего и знающего свой край. Для этого общеобразовательные школы в сотрудничестве с сельскими библиотеками решают такие задачи, как знакомство обучающихся с историей и современным состоянием родного края; формирование представлений о различных сферах социальной, культурной, экономической и политической жизни своего края; создание условий, способствующих изучению особенностей своего региона. Популярным направлением является экологическое краеведение, призванное в рамках экологического образования школьников формировать потребность в сохранении, приумножении и пропаганде природных ресурсов своего края [22].

Одним из важнейших направлений в обучении сегодня является правовое образование школьников, выполняющее такие задачи, как усвоение определенной суммы знаний в области правовых норм; систематически организованное правовое просвещение; вовлечение личности в правовую деятельность школы и государства (применение полученных знаний на практике) [23]. Активное содействие в реализации данных задач оказывают муниципальные сельские библиотеки, в структуре которых работают Публичные центры правовой информации, обеспечивающие свободный доступ для всех категорий читателей (в том числе и школьников) к общедоступной информации в области права (законодательным материалам, нормативным актам федерального и регионального уровней). Предоставляемые информационные ресурсы включают в себя такие правовые системы удаленного доступа, как «КонсультантПлюс», «Гарант», общедоступные базы данных Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ), портал государственных услуг РФ, портал «Права человека в России», официальный информационный сервер Томской области и муниципальных образований и др. Данные ресурсы используются школьниками при выполнении учебных заданий, написании рефератов, докладов, контрольных работ. Также сотрудники библиотек проводят для читателей мероприятия, обучающие правилам эффективного поиска, использования и интерпретации правовых информационных ресурсов. Школьникам на основе информационных ресурсов по правведению библиотеки предлагают различные обучающие программы. Так, в Чаинском районе реализуются программы «Школа активного гражданина (ШАГ)» и «Я и мои права» [17. С. 17]. В библиотечной сети Тегульдетского района реализуется целевая программа «Школа активного действия: новая волна», в рамках которой ученики участвуют в проекте «Лидерство», изучая особенности и возможности современного правового поведения личности [16. С. 15].

Еще одной основополагающей целью общеобразовательной школы является приобщение учащихся к чтению, что позволяет сформировать разносторонне

развитую творческую личность, способную освоить культурные и нравственные образцы, выработанные человечеством в целом и своей страной, своим регионом. Данная деятельность реализуется в рамках «Национальной программы поддержки и развития чтения», разработанной по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ и Российского книжного союза и принятой в 2006 г. [24]. Дополнительную актуальность этому направлению придает объявление 2015 г. в России годом литературы. Сельские библиотеки ведут планомерную деятельность, направленную на привлечение читателей школьного возраста к чтению лучших образцов художественной литературы, формирование интереса к процессу чтения, умения выбрать и оценить литературное произведение. Указанная деятельность реализуется, прежде всего, в форме целевых программ и проектов. В частности, библиотеки Чаинского района реализуют разноплановые развивающие программы. Прежде всего, это «Классика на все времена: литературно-музыкальная гостиная» и «Чтение – дело семейное». В рамках данной программы в 2013 г. были организованы Дни семейного чтения, взявшие за основу произведения Н. Носова, В. Драгунского, С. Михалкова, Б. Заходера. Детская библиотека Чаинского района регулярно проводит «Школу летнего чтения», цель которой – сделать каникулы школьников более интересными и познавательными. Юные читатели также активно занимаются в школе творческого чтения «Библионик», развивающей способность оценить и понять лучшие образцы классической и современной литературы. Эффективным средством приобщения к чтению стали районные библиотечные конкурсы, в которых активно участвуют как читатели-школьники, так и их родители. Библиотеки Чаинского района в 2013 г. проводили такие семейные творческие конкурсы, как «Прочитал и поиграл – передай другому», «В гости к писателям и их героям», «В гостях у Гоголя», «Нашей истории строки» [17. С. 17]. Библиотеками Тегульдетского района были реализованы такие проекты для школьников, как летняя площадка «Остров дружбы», детский городок «Шелест книжных страниц нам сопутствует в жизни повсюду», конкурсы «Читающая Россия», «Сочиняем сказки сами», конкурс «Библиотека, книжка, я – вместе дружная семья» [16. С. 4].

Рассматривая сельские библиотеки в качестве информационного ресурса общеобразовательной школы, мы видим, что признаки сформированности и обновляемости реализуются в социально обусловленном подходе к комплектованию, обработке и использованию библиотечного фонда; признак воспроизводимости – в детальной разработке и возможности трансляции проектов, программ и мероприятий; ограниченность в использовании связана со стационарностью фонда на традиционных бумажных носителях, а также с ограничениями в целевом и читательском назначении мероприятий для различных категорий пользователей; качество библиотечного ресурса проявляется в его социальной востребованности, положительной обратной связи и

итоговом повышении качества получаемого школьниками образования. Современные сельские библиотеки, таким образом, являются актуальным и пер-

спективным информационным образовательным ресурсом, эффективно используемым в процессе обучения школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Е.Н. Определение результата самостоятельной исследовательской деятельности педагога : праксеологический контекст // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 6 (134). С. 40–43.
2. Федеральный закон РФ от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле». URL : <http://www.gpntb.ru/win/ruszak/ip/pravo9.html> (дата обращения: 27.07.2015).
3. Ресурсы // Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254714> (дата обращения: 27.07.2015).
4. Нечаев М.П. Теоретические основания развития воспитывающего потенциала образовательной среды школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 14 с.
5. Ключкова Л.И. Реализация идей ресурсного подхода в развитии воспитания школьников : к вопросу о системе понятий // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL : <http://www.science-education.ru/117-12821> (дата обращения: 15.07.2015).
6. Павлов А.И. Информационные ресурсы в образовании // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 5. С. 74–82. URL : http://rae.ru/meo/?section=content&or=show_article&article_id=5630&lng=ru (дата обращения: 15.07.2015).
7. Информационные ресурсы // Библиотечное дело : терминологический словарь / Рос. гос. б-ка. 3-е изд. М., 1997. 168 с.
8. ГОСТ 7.0 – 99. СИБИД. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения // Научная библиотека Томского государственного университета : официальный сайт. Томск, 2014. URL: http://www.lib.tsu.ru./index_main.php?id=11 (дата обращения: 12.07.2015).
9. Сурнина В.В. Миссия и функции современной сельской библиотеки : взгляд со стороны. URL: <http://www.publiclibrary.ru/librarians/vstrechi/lager-Shepsi-4-Surnina.htm> (дата обращения: 29.07.2015).
10. Руководство ИФЛА / ЮНЕСКО по развитию службы публичных библиотек. СПб. : Изд-во Рос. науч. б-ки, 2002. 112 с.
11. Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки : принят РБА 22 мая 2008 г. // Российская библиотечная ассоциация : официальный сайт. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/mod_publ.php (дата обращения: 29.07.2015).
12. О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Томской области : закон : принят 9 окт. 1997 г. : № 573 // Томская областная универсальная библиотека им. А.С. Пушкина : официальный сайт. URL: <http://www.library.ru/1/doc/docs/zbittomobl.rtf/> (дата обращения: 29.07.2015).
13. Устав Муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района Томской области». URL: <http://libpg.tomsk.ru/documentation.html> (дата обращения: 29.07.2015).
14. Положение об организации библиотечного обслуживания в Чаинском районе Томской области. URL: http://libpg.tomsk.ru/files/pologenie_ob_organizacii_bibl_obsługivaniya.pdf (дата обращения: 29.07.2015).
15. Аналитическая справка о деятельности Верхнекетской ЦБС МУ «Культура» за 2013 год / сост. А.Ф. Плегуча. Белый Яр, 2014. 28 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3492_Otchet_CBS_za_2013_goda_.pdf (дата обращения: 09.07.2015).
16. Аналитический отчет муниципального казенного учреждения «Тегульдская районная ЦБС» за 2013 год / сост. О. А. Лехтина. Тегульд, 2014. 33 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf (дата обращения: 09.07.2015).
17. Аналитическая справка о деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района» за 2013 год / сост. Н.А. Стукалова. Подгорное, 2014. 44 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570_AS_Chaino_2013.pdf (дата обращения: 09.07.2015).
18. Годовой отчет о деятельности МАУ «Культура». Централизованная библиотечная система Верхнекетского района Томской области. 2014 год / сост. А.Ф. Плегуча. Белый Яр, 2015. 28 с.
19. Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности библиотек Чаинской ЦБС за 2014 год / сост. Н.А. Стукалова. Подгорное, 2015. 66 с.
20. Аналитический обзор деятельности МКУ «Тегульдская районная ЦБС» за 2014 год / сост. О.А. Лехтина. Тегульд, 2015. 39 с.
21. Библиотечный фонд // Стародубова Н.З. Библиотечный фонд в терминах и определениях / Н.З. Стародубова, Е.И. Ратникова. URL: <http://www.rsl.ru/datadocs> (дата обращения: 09.07.2015).
22. Масяйкина Е.А. Деятельность библиотек Томской области по формированию экологической культуры читателей (на примере Верхнекетского и Чаинского районов) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 88–102.
23. Идерева И.В. О правовом образовании школьников. URL: http://www.ruzh.org/rlj/2008/2008_4/DJVU/1856.pdf (дата обращения: 09.07.2015).
24. Национальная программа поддержки и развития чтения // Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества : официальный сайт. URL: <http://www.mcbs.ru/chtenie/chtenietext/> (дата обращения: 09.07.2015).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 2 августа 2015 г.

RURAL MUNICIPAL LIBRARIES OF TOMSK OBLAST AS AN INFORMATION RESOURCE OF A PUBLIC SCHOOL
Tomsk State University Journal, 2015, 398, 70–75. DOI: 10.17223/15617793/398/11

Masyaykina Eugenia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

Keywords: resource-based approach; information resource; educational resource; public schools; rural libraries; Tomsk Oblast; local studies; legal education; introduction to reading.

Modern school education is to solve a lot of problems. The most important is forming students' readiness to engage in life-long learning as well as forming various competencies: research, informational and project. Modern libraries actively help in solving these problems; their activities are aimed at both collection, storage, interpretation and reproduction of socially relevant knowledge, and timely provision of data in response to training, educational, professional, educational and recreational needs of readers. Resource-based approach that involves strategic analysis of the organization, its specific learning resources in the context of improving the competitiveness and social relevance allows rating the diverse activities of a modern library designed to promote the goals of schooling. Researchers of various aspects of educational activities pay a lot of attention to the formation and use of information resources in the secondary school. These resources are a set of electronic documents or other information on readable media, numerous collections and arrays of traditional paper documents stored in information systems and resource centers. A modern rural library is an effective resource that promotes education in such areas as local studies, legal education, introduction to reading, formation of infor-

mation culture, aesthetic and patriotic education. Rural libraries realize their resource potential in the following way: assisting in the selection of books for preparation to classes; searching remote network information for writing reports, papers, self-education; organization of thematic exhibitions and educational shows of popular and art books; having media classes on topics studied at school; compiling bibliographic literature reviews, appropriate work programs; conducting quizzes and contests covering certain aspects of school material; holding library lessons to effectively process and interpret information, to successfully learn the material. The subject of the research in this article is municipal rural libraries of Tomsk Oblast viewed as an information resource that facilitates the process of learning in secondary schools. The use of the resource approach to the analysis of libraries is geographically limited to Verkhneketsky, Teguldetsky and Chainsky districts of Tomsk Oblast. The source basis of the study is the materials of analytical reports on the activities of the municipal rural libraries in 2013–2014 that characterize the current state and actual trends of the library activities. The study found that modern rural libraries are current and future educational resources used effectively in the learning process of students.

REFERENCES

- Mikhaylova, E.N. (2013) Determination of the result of the independent research activity of the teacher: praxeological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (134). pp. 40–43. (In Russian).
- Russian Federation. (2007) *O biblioteknom dele: federal'nyy zakon RF* [On libraries: Federal Law of the Russian Federation]. [Online]. Available from: <http://www.gpntb.ru/win/ruszak/ip/pravo9.html>. (Accessed: 27th July 2015).
- The big psychological encyclopedia. (c. 2000) *Resursy* [Resources]. [Online]. Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254714>. (Accessed: 27th July 2015).
- Nechaev, M.P. (2012) *Teoreticheskie osnovaniya razvitiya vospityvayushchego potentsiala obrazovatel'noy sredy shkoly* [The theoretical foundation of developing potential educational environment of the school]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
- Klochkova, L.I. (2014) Realization of ideas of resource approach in the development of upbringing schoolchildren: to question of the definitions. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 3. [Online]. Available from: <http://www.science-education.ru/117-12821>. (Accessed: 15th July 2015). (In Russian).
- Pavlov, A.I. (2014) Information resources in education. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 5. pp. 74–82. [Online]. Available from: http://rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=5630&lng=ru. (Accessed: 15th July 2015). (In Russian).
- Bakhturina, T.A. et al. (1997) *Informatsionnye resursy* [Information resources]. In: Bakhturina, T.A. et al. *Biblioteknoe delo: terminologicheskii slovar'* [Library study: a Glossary]. 3rd ed. Moscow.
- Federal Standard GOST 7.0 – 99. (2014) SIBID. *Informatsionno-bibliotekhnaya deyatel'nost', bibliografiya. Terminy i opredeleniya* [Information and library activities, bibliography. Terms and definitions]. [Online]. Available from: http://www.lib.tsu.ru/index_main.php?id=11. (Accessed: 12th July 2015).
- Surnina, V.V. (2008) *Missiya i funktsii sovremennoy sel'skoy biblioteki: vzglyad so storony* [The mission and functions of a modern rural library: a view from the side]. [Online]. Available from: <http://www.publiclibrary.ru/librarians/vstrechi/lager-Shepsi-4-Surnina.htm>. (Accessed: 29th July 2015).
- IFLA & UNESCO. (2002) *Rukovodstvo IFLA / YuNESKO po razvitiyu sluzhby publichnykh bibliotek* [Guidelines of IFLA / UNESCO on the development of the public library service]. St. Petersburg: Russian State Library.
- Russian Library Association. (2008) *Model'nyy standart deyatel'nosti publichnoy biblioteki: prinyat RBA 22 maya 2008 g.* [Model standard of public library activities: adopted by RBA on May 22, 2008]. [Online]. Available from: http://www.rba.ru/content/about/doc/mod_publ.php. (Accessed: 29th July 2015).
- Tomsk Regional A.S. Pushkin Library. (1997) *O biblioteknom dele i obyazatel'nom ekzempl'yare dokumentov v Tomskoy oblasti: zakon: prinyat 9 okt. 1997 g.: № 573* [On library studies and legal deposit of documents in Tomsk Oblast: the law adopted on October 9, 1997 no. 573]. [Online]. Available from: <http://www.library.ru/1/doc/docs/zbitomobl.rtf/>. (Accessed: 29th July 2015).
- Chainsky District. (2011) *Ustav Munitsipal'nogo byudzhnogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotekhnaya sistema Chainskogo rayona Tomskoy oblasti"* [Charter of the municipal budgetary institution of culture "Inter-settlement Centralized Library System of Chainsky District of Tomsk Oblast"]. [Online]. Available from: <http://libpg.tomsk.ru/documentation.html>. (Accessed: 29th July 2015).
- Chainsky District. (c. 2011) *Polozhenie ob organizatsii bibliotekhnogo obsluzhivaniya v Chainskom rayone Tomskoy oblasti* [Regulations on the organization of library services in Chainsky District of Tomsk Oblast]. [Online]. Available from: http://libpg.tomsk.ru/files/pologenie_ob_organizatsii_bibl_obs_luzhivaniya.pdf. (Accessed: 29th July 2015).
- Plegutsa, A.F. (2014) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Verkhneketskoy TsBS MU "Kul'tura" za 2013 god* [Analytical information on the activities of the Culture Library Cooperation Centre in Verkhneketsky District for 2013]. Bely Yar. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3492_Otchet_CBS_za_2013_goda_.pdf. (Accessed: 09th July 2015).
- Lekhtina, O.A. (2014) *Analiticheskii otchet munitsipal'nogo kazennogo uchrezhdeniya "Tegul'detskaya rayonnaya TsBS" za 2013 god* [The analytical report of the municipal establishment Teguldetsky District Library Cooperation Centre for 2013]. Teguldet. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf. (Accessed: 09th July 2015).
- Stukalova, N.A. (2014) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti munitsipal'nogo byudzhnogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotekhnaya sistema Chainskogo rayona" za 2013 god* [Analytical information on the activities of the municipal budget institution of culture, Inter-settlement Centralized Library System of Chainsky District for 2013]. Podgornoe. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570_AS_Chaino_2013.pdf. (Accessed: 09th July 2015).
- Plegutsa, A.F. (2015) *Godovoy otchet o deyatel'nosti MAU "Kul'tura". Tsentralizovannaya bibliotekhnaya sistema Verkhneketskogo rayona Tomskoy oblasti. 2014 god* [Annual report on the activities of the MAI Culture. Centralized Library System of Verkhneketsky District of Tomsk Oblast. 2014]. Bely Yar.
- Stukalova, N.A. (2015) *Informatsionno-analiticheskii obzor sostoyaniya i deyatel'nosti bibliotek Chainskoy TsBS za 2014 god* [Informational and analytical overview of the status and activity of libraries of the Centralized Library System in Chainsky District for 2014]. Podgornoe.
- Lekhtina, O.A. (2015) *Analiticheskii obzor deyatel'nosti MKU "Tegul'detskaya rayonnaya TsBS" za 2014 god* [Analytical review of Teguldetsky District CLS activities for 2014]. Teguldet.
- Starodubova, N.Z. et al. (n.d.) *Bibliotekhnyy fond* [Library funds]. In: Starodubova, N.Z. et al. *Bibliotekhnyy fond v terminakh i opredeleniyakh* [Library fund in terms and definitions]. [Online]. Available from: www.rsl.ru/datadocs/doc_7252ca.pdf. (Accessed: 09th July 2015).
- Masyaykina, E.A. (2012) Activity of Tomsk region libraries for forming readers' environmental culture (examples are from Verkhneketsky and Chainsky districts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(7). pp. 88–102. (In Russian).
- Iderova, I.V. (2008) *O pravom obrazovaniy shkol'nikov* [On the legal education of schoolchildren]. [Online]. Available from: http://www.ruzh.org/r1j/2008/2008_4/DJVU/1856.pdf. (Accessed: 09th July 2015).
- Russian Federation. (2006) *Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya* [The national program of support and development of reading]. [Online]. Available from: <http://www.mcbs.ru/chtenie/chtenietext/>. (Accessed: 09th July 2015).

Received: 02 August 2015

ПРИНЦИП СИММЕТРИИ КАК МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ КАДРА В ФИЛЬМАХ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Принцип симметрии как метод построения кадра ранее не рассматривался, но имеет полное право быть, потому что творчество Тарковского имеет свой «метаязык», для которого характерно применение фундаментальных закономерностей построения визуального образа, в частности принципа золотого сечения. В статье рассматривается принцип симметрии как константа построения кадра в киноязыке Тарковского.

Ключевые слова: Тарковский; симметрия; композиция; золотое сечение; метаязык.

Симметрия является одной из фундаментальных закономерностей мироздания как неживой, так и живой природы. Человек как существо природное, несомненно, подвластен симметричной системе строения. В истории мировой культуры и искусства всегда использовался принцип симметрии, как в бытовом аспекте, так и в духовном. Использование симметрии в искусстве существовало с древних времен в качестве одного из принципов гармонизации художественного пространства. Представления о симметрии уже в древнегреческих эстетических воззрениях связывались с понятиями гармонии и совершенством формы. В диалогах Платона («Теэтет», «Филеб», «Тимей») симметрия рассматривалась не только в математическом аспекте, ей также придавалось содержательное, качественное значение [1]. В «Федоне» Платон писал: «Душа это гармония, а гармония, вполне оставаясь самой собою, то есть гармонией, никогда не будет причастна дисгармонии» [2. С. 62–63]. Во времена Платона понятие «симметрия» использовалось крайне редко, чаще его заменяли словом «гармония», что, по мнению философов, считалось синонимом по значению.

Принципы симметричного построения пространства присутствуют и в современном искусстве, в котором ведущим видом выступает кинематограф.

Несмотря на синтез искусств, участвующих в создании художественного образа в кино, принципы построения кадра остаются достаточно консервативными. Среди приёмов, которые используются в кино для организации пространства в кадре, чаще всего преобладают базовые принципы живописной композиции, не случайно поэтому кинематограф называют «движущейся живописью» [3].

Главной целью композиции художественного произведения является сочетание различных частей в единое целое в соответствии с какой-либо идеей. Древнейшим приёмом, позволяющим выстроить равновесное, гармоничное сочетание частей и целого, является «золотое сечение», которое ввел в научный обиход Пифагор, но этот композиционный принцип был известен ещё в Древнем Египте. Принцип золотого сечения используется и в современной художественной практике.

Очень часто золотое сечение сравнивают с симметрией, приписывая характеристики одного другому. Это вполне естественно, так как деление золотого сечения, по современным представлениям, — это

асимметрия симметрии, правило одинаковое для всех видов искусства: архитектуры, живописи, кино и т.д. Художественная форма, в основе построения которой лежат пропорции золотого сечения, и особенно в сочетании с симметрией, является высокоорганизованной формой, способствующей наиболее ясному выражению содержания, наилегчайшему зрительному восприятию и появлению у зрителя ощущения красоты [4. С. 29]. Поэтому очень часто художники используют эти методы для своих художественных произведений, в том числе и в кино.

Одним из первых в кинематографе о приемах построения кадра по системе золотого сечения и симметрии говорил Сергей Эйзенштейн. Он сам часто выстраивал кадры, пользуясь этими методами, которые приводили к органичности картинки на экране. Режиссёр не раз упоминал, что фильм «Броненосец Потёмкин» был построен по принципам золотого сечения [Там же. С. 44–45].

В кинематографе, как и в живописи, есть множество приёмов построения композиции, одно из самых распространенных носит название «правило третей». Это упрощенный вариант золотого сечения — прием, который использовали ещё в эпоху Возрождения. Он делит визуально пространство на три равные части по вертикали и горизонтали. И в зависимости от поставленной цели художник сам распределяет в пространстве кадра на нужные ему объекты в соотношении 1/3 или 2/3. А благодаря равным соотношениям сторон образуется симметрия кадра, которую часто в своих фильмах использовал и Андрей Тарковский. Как правило, режиссер брал одну часть кадра за основу (чаще всего центр композиции) и, отталкиваясь от него, выстраивал композицию по принципу симметрии. В настоящее время этот метод мало изучен, в этой связи можно упомянуть монографию Дмитрия Салынского «Киногерменевтика Тарковского» [5], в которой затрагиваются вопросы, посвященные симметрии кадра в творчестве режиссёра, но не как метод построения кадра, а как общий принцип нарратива во всех кинопроизведениях Андрея Тарковского.

Поэтому нам представляется весьма интересным дать анализ ключевым кадрам фильмов Андрея Тарковского с тем, чтобы увидеть, как художник применяет принцип симметрии в смысловом, эмоциональном и художественном аспектах, с целью гармонизации кадра и превращения его в картину.

Уже в первом кинофильме «Иваново детство» режиссер применяет два композиционных приема, основанных на принципе симметрии: тональные и контрастные сопоставления, равновесие фигур в кадре. В структуре кадра этого фильма ведущим видом симметрии является зеркально-осевая, но встречается и диагональная.

Начиная с первых кадров фильма, стремясь передать ощущение экзистенциальной катастрофы, режиссер вместе с оператором (Вадимом Юсовым) строят кадр по принципу диагональной симметрии. А вот последующие кадры фильма уже выстраиваются в осевую симметричную композицию. Это очень хорошо видно на кадрах, где изображен Иван и его Мать, смотрящие в колодец. Вместе они образуют треугольную минималистическую композицию, центром которой выступает пустое пространство колодца. В таком композиционном решении симметрия подчеркивает и акцентирует внимание зрителя на главных героях, которые за счет принципа симметрии заполняют практически всё пространство кадра.

Ещё одним ярким примером является кадр, который стал «визитной карточкой» фильма, отсылающий зрителя к мирному времени, показывающий других героев фильма: Машу и Холина (ил. 1).

Ил. 1

В этом кадре чувствуются размеренность и уверенность. Достигается это как раз за счет симметрии, потому что основная черта симметричной композиции – равновесие. Оно настолько крепко «держит» изображение, что сообщает ему качество целостности. Симметрия отвечает одному из самых глубоких законов природы – стремлению к устойчивости. Это именно то, что отличает мирную жизнь от военной. Этот кадр удивителен ещё и тем, что совмещает в себе как диагональную симметрию, так и осевую. Такие приемы крайне мало используются нынешним кинематографом, но часто встречались у режиссеров XX в., в том числе и у Андрея Тарковского. Сам он говорил о фильме, что пытался там анализировать состояние человека, на которого воздействует война. Если человек разрушается, то происходит нарушение логического развития, особенно когда касается психики ребёнка. А симметрия со своими качества-

ми размеренности и спокойствия являла собой нечто точно противоположное описанному экзистенциальному состоянию героя. Поэтому использованный прием мог через «картинку» кадра показать мирную жизнь, которой были присущи устойчивость и постоянство, без разрушения и хаоса.

В следующее своей картине «Андрей Рублев» Тарковский выступил не только в качестве режиссера, но и сценариста. В этом произведении впервые используются массовые сцены или мизансцены с большим количеством людей. И в построении таких кадров режиссер вновь обращается к принципу симметрии, но в данном случае пользуется другим методом образования симметрии, он прибегает к световому решению построения композиции. Как правило, её центром является высветленное пятно, вокруг которого komponуются объекты таким образом, чтобы выглядели равновесно, что способствует гармонизации и наполненности кадра. Используя впервые массовые сцены, Тарковский не изменяет своим предпочтениям построения композиции кадра.

Так, например, режиссёр даже взаимоотношения главных героев фильма – Андрея Рублева и Феофана Грека – пытается выстроить посредством композиционных приёмов (ил. 2, 3). В мизансцене спора двух мастеров Тарковский, используя принцип симметрии, противопоставляет одного другому, выводя лица крупно на передний план – излюбленный метод режиссёра. Но помещает он эти лица на разное расстояние от камеры, тем самым показывая конфликт и напряженность разговора. Во время дальнейшего развития мизансцены это «пространственное неравенство» устраняется, и в конце разговора лица герои уже расположены симметрично и на одном расстоянии от камеры, что визуально производит эффект сближения и понимания. Таким образом, мы видим, что Тарковский использовал симметричную композицию не только для выражения психологических моментов кинообраза, но и для решения задач, связанных со сценарной драматургией.

В третьем фильме Андрея Тарковского «Солярис» пространство подвижно и пластично, как океан далёкой планеты, и именно его динамика определяет композиционные особенности визуальной составляющей картины. Несмотря на то что авторский стиль Тарковского тяготеет к почти статичной метафизичности, пространство «Соляриса» отличается своей скоростью и движением, что связано, вероятно, и со спецификой сценария, взявшего за основу фантастическое произведение С. Лема [6], повествующего о будущих космических полётах. В отличие от предыдущих картин, где было больше диалогов и композиций с небольшим количеством участников, в «Солярисе» мы чаще наблюдаем общие планы, которые охватывают и героев, и пейзажи – живописные, инопланетные, урбанистические. Роль композиционной доминанты в этом фильме играет место события, а не личность героя.

Изначально (как уже отмечалось) сценарий фильма был сделан по роману Станислава Лема «Солярис», но Тарковский всегда переделывал свои сценарии, согласуя их с собственным видением.

Пространство планеты Солярис режиссёр выстраивает по принципу симметрии, причём пытаясь визуализировать её с помощью геометрических фигур, таких как круг или квадрат, реже – прямоугольник. Таким образом, Тарковский, обращаясь к простейшим формам мироздания, через архаику визуализирует пространство космоса как универсального пространства бытия. Можно утверждать, что симметрия композиционных построений кадра на основе этих геометрических тел в «Солярисе» выступает как

трансцендентный портал, через который связываются прошлое и будущее, искусство и человеческие отношения. Исследователь творчества А. Тарковского О.К. Клейменова пишет: «Принципы, на которых выстраиваются композиционные структуры фильмов Тарковского, кажутся иррациональными. Однако эта иррациональность – естественная, так как истоки образности режиссера таятся в глубинах сознания, в многозначности смыслов восходит к архетипическим первоначалам» [7. С. 114].

Ил. 2

Ил. 3

Свои первые три фильма А. Тарковский снимал вместе с В. Юсовым, и, безусловно, в построении кадра так или иначе находит своё отражение творческая индивидуальность оператора. Однако сам В. Юсов говорил о том, что Тарковский всегда добивался кадра, который ему нужен.

Четвертый по счету фильм «Зеркало» режиссер снимал с другим оператором, но принцип, излюбленный принцип построения кадра с помощью симметрии, сохранился. Сам мастер считал этот фильм своим

экзистенциальным зеркалом, в котором отразилось все – от жизненных коллизий самого Андрея Тарковского до его кинематографического опыта. Режиссёр считал, что симметричная композиция, особенно в её зеркальном варианте, может оказаться проводником в четвертое измерение, т.е. в измерение «зазеркалья», но не физического, а исторического и духовного, в котором и оказываются главные герои.

Универсальность задач, поставленных в картине, обусловила разнообразность приёмов композицион-

ных построений: симметричных, асимметричных, статичных, динамичных. Возможно, такое разнообразие приемов строения кадра связано с тем, что изначально четкого сценария не было, и фильм снимался частями, которые уже обретали общую смысловую конструкцию на монтажном столе. После выхода на экраны «Зеркало» долго сохраняло в критике репутацию фильма запутанного и трудного для понимания [5. С. 446]. И лишь последующие исследователи открыли в текстуре фильма целостную систему пропорций и симметричного построения, причём как визуального, так и смыслового.

«Сталкер» стал последним фильмом, снятым режиссером на Родине. Вот что говорил сам Тарковский об этом фильме в одном из интервью: «Мне важно установить в этом фильме то специфически человеческое, неразрывное, неразложимое, что кристаллизуется в душе каждого и составляет его ценность. Ведь при всём том, что внешне герои, казалось бы, терпят фиаско, на

самом деле каждый из них обретает нечто неопределимо более важное: веру, ощущение в себе самого главного. Это главное живёт в каждом человеке» [8. С. 118].

«Сталкер» по количеству персонажей – самый минималистический фильм в творчестве Тарковского. Главных героев трое, и в этом можно увидеть переключку с рублёвской иконой. Словно три падших ангела бредут они по искорёженной, замусоренной земле, на которой нарушена всякая гармония и красота. Однако само число главных героев одновременно является необходимым основанием для построения простейшей симметричной композиции. Они сами как живое напоминание о симметрии – основе гармонии, будут судьей и напоминанием об изначальном порядке, равновесии и красоте. В фильме Тарковский сознательно модифицирует симметрию и уводит главных героев на второй план, с тем, чтобы они разграничивали пространство. За счет этого образуется замкнутая симметрическая композиция (ил. 4).

Ил. 4

В «Сталкере» помимо использования предметной симметрии, Тарковский вновь возвращается к принципу построения кадра при помощи света. Кадр выстраивается так, что центром композиции является свет, падающий либо на героя, либо на центральный предмет. В своих последующих фильмах режиссер станет чаще использовать этот прием, на котором будет держаться визуальная структура кадра.

Начиная с фильма «Сталкер», мировоззрение и осмысление съёмочного процесса у Тарковского начинают резко меняться, что будет иметь свое отражение в производстве и создании последующих фильмов.

В Италии, куда переехал жить А. Тарковский, он снимает свой следующий фильм с говорящим назва-

нием «Ностальгия». Картина во многих своих моментах – от сценарных аллюзий до визуальных образов – представляет собой «переключку», диалог с российскими фильмами мастера, особенно с «Зеркалом». Вновь после «Соляриса» в «Ностальгии» пространство кадра динамично и симметрично, однако в последнем случае эта симметрия архитектурна. Истоки этой симметрии заключены в архитектуре Италии, в окружении которой даже сами люди подчиняются её законам, однако среди правильных и соразмерных зданий они выглядят беспомощно, так как сами дисгармоничны и бесплодны. В Италии А. Тарковский не изменяет своим принципам и использует «податливое пространство» под себя, прибегая к использованию зеркальности – главному принципу симметрии, кото-

рый в этом случае организует интерьеры и урбанистическое пространство. Майя Туровская писала в своей книге о том, что Тарковский «разытальянил Италию», поскольку в «Ностальгии» нет туристических красот [9. С. 155].

Действительно, в этом фильме Тарковского нет туристических красот, но Италия, сердце великой европейской цивилизации, предстаёт в фильме русского режиссёра как истина без прикрас, неповторимо чистой и гармоничной. Достигнуто это было через ритм и пластику итальянского искусства, в частности архитектуры, которая посредством своей пропорциональности и симметрии гармонизирует интерьеры, город-

ские пейзажи и всю страну. Впечатление всеобщей гармонии тем более усиливается, что визуальный ряд в «Ностальгии» в своей эстетике тяготеет к ключевому изобразительному элементу фильма – фреске «Мадонна дель Парто» Пьеро делла Франческа – одному из гениев итальянского Возрождения (ил. 5, 6). Пьеро делла Франческа был не только великим живописцем, но и выдающимся математиком своей эпохи, занимавшимся проблемами перспективы и золотого сечения. Возможно, из-за влияния одного из любимых Тарковским художников, композиции кадра строятся по законам золотого сечения и, в частности, зеркальной перспективы.

Ил. 5

Последней работой в творчестве Андрея Тарковского становится фильм «Жертвоприношение». Это произведение можно назвать самым симметричным и «правильным» по принципу приема построения кадра. Но при просмотре фильма возникает ощущение, что это театральная постановка, зафиксированная на видеопленку. Такая театризация пространства происходит потому, что Тарковский очень тщательно подходит к выстраиванию интерьера в кадре, тем самым делая этот интерьер выверенной декорацией, а героев заставляет подчиняться относительной условности места. Не удивительно, что театральность интерьеров могла быть достигнута посредством симметричных приёмов в расположении предметов. В свою очередь, такие выстроенные внутренние пространства влияют и на пространство внешнее, заполняя его своей предметностью, делая

свою симметричность всеобщим принципом и надевая предметы дополнительными значениями. Вольно или невольно, но и сами герои подчиняются этой всеобщей симметрии как неумолимому закону бытия (ил. 7). Особую роль в этом кинопроизведении играет ось симметрии. Дмитрий Салынский так писал об этом: «...у Тарковского подчеркнуты именно оси симметрии, и в этом видится некая архитектурность их решения. Наличие оси симметрии разворачивает фильм фронтально на зрителя. Он предстает не как текущий во времени повествовательный процесс, а как статичная архитектурная форма, в которой все видится одновременно, в четкой иерархии частей» [5. С. 424]. Таким образом, фильм «Жертвоприношение» вновь стал для режиссера произведением, где принцип симметрии кадра не утратил своей образно-художественной значимости (ил. 8).

Ил. 6

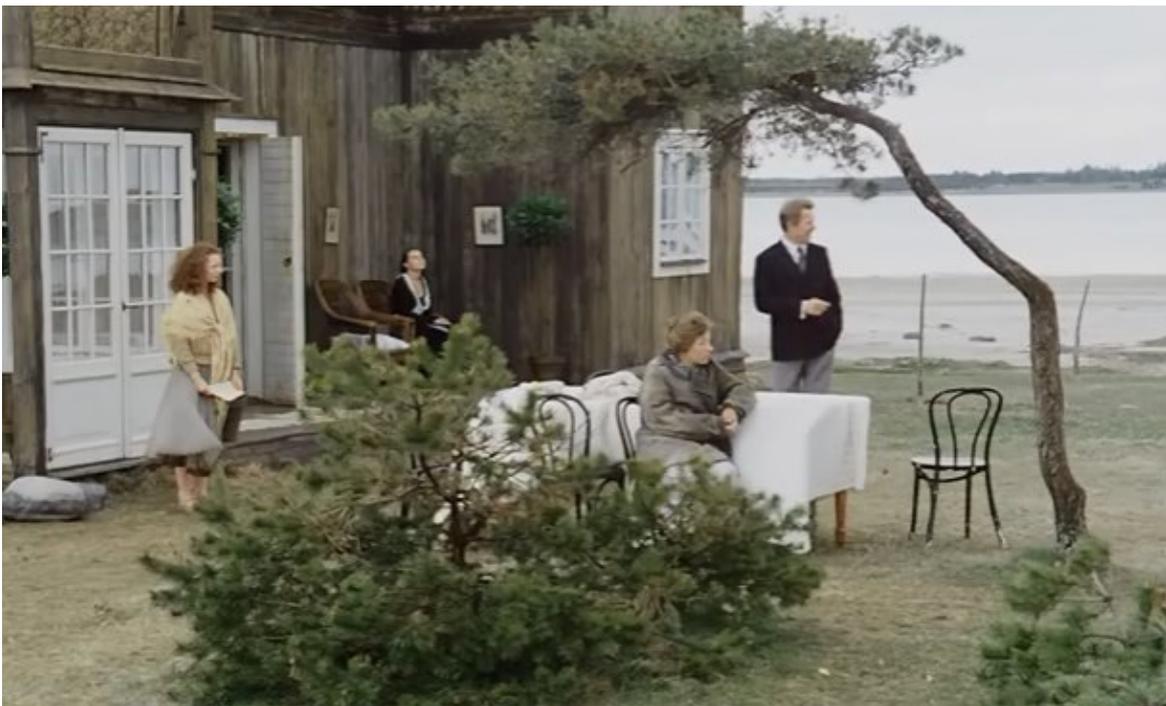
Как видно, что на протяжении всего творческого пути Андрея Тарковского принцип симметрии построения кадра всегда был неотъемлемой частью кинопроизведений и являлся «визитной карточкой» режиссера. Симметрия в композиции влияет на скорость развития сюжета в сторону его замедления (за исключением динамической симметрии), поэтому полностью уравновешенные симметричные кадры практически не пригодны для монтажа, возможно, это и повлияло на протяженные по времени планы съемки в фильмах, что отличало творчество Тарковского от других режиссеров. В таких кадрах время не «ускользает», а застывает для его метафизического анализа, позволяя более пристально взглянуть действительности прямо в глаза – то, к чему стремился всю жизнь Андрей Арсеньевич. Такое осмысление времени и пространства выводило ви-

зуальный ряд фильмов Тарковского на уровень некой метафизической неподвижности, потому что симметрия кадра всегда тяготеет к формированию ощущения целостности, незыблемости, характерных для вечных оснований бытия. И в этом контексте по своему изобразительному языку Тарковский всегда тяготел к языку русской иконы.

А. Тарковский в своих фильмах всегда отвергал динамику, понимая под ней суетное, второстепенное, подчиняясь интуитивным соображениям о сакральном характере реальности и считая кино искусством не действенным, а созерцательным. Для него статика кадра, выстроенного с помощью видов симметрии, позволяла ощутить соприсутствие человека высшим силам, творящим материю извне самой [5. С. 424].

Ил. 7

Ил. 8

Сам Андрей Арсеньевич говорил, что, как ему кажется, способность воспринимать искусство даруется человеку с рождением и зависит от его духовного уровня. Здесь можно добавить то, что, очевидно, также существует и врожденное чувство построения кадра и композиции, которое присутствовало у самого Тарковского. И нельзя забывать о том, что режиссер первые основы композиции изучал в художественной школе, где много времени посвящают теории построения композиции. С детских лет Тарковский знал принципы симметрии и золотого сечения, которые позже смог применить в кинематографе.

Тарковский никогда не скрывал свою любовь к живописи, особенно к полотнам Леонардо да Винчи, которые почти все были построены по принципу золотого сечения и симметрии, что также могло оказать большое влияние на выбор данного принципа для построения кадра в работах. Возможно, поэтому кадры из его фильмов зачастую больше напоминают фотографии или живописные полотна, которые характеризуют статичность, уравновешенность и чувство остановленного времени.

Использование симметрии как метода построения кадра, представленное в фильмах Андрея Тарковско-

го, до сих пор влияет на многих современных режиссеров, которые учатся не только искусству совершенных композиционных построений на основе симметрии и золотого сечения, но и понимать смысловые связи между композиционной структурой и визуальной драматургией образа.

Исследователями искусства и кинокритиками принято анализировать фильмы Андрея Тарковского через

аспекты смысловой нагрузки, специфики художественного повествования, использования «метаязыка», который был присущ творчеству мастера. На наш взгляд, не менее важным ракурсом изучения наследия режиссёра могут стать принципы и методы построения кадра, которые позволяют глубже видеть и понимать онтологическую и образно-художественную суть творчества великого русского режиссера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хисматуллина Ю.Р. Формирование представлений о симметрии и асимметрии в Древней Греции // Электронное научное издание «Вестник РГАЗУ». 2013. Ч. 3. URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/hismatullina.pdf (дата обращения: 28.04.2015 г.)
2. Платон. Федон // Сочинения. М., 1970. Т. 2. С. 62–63.
3. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. Т. 13. 713 с.
4. Ковалев Ф.В. Золотое сечение в живописи. М. : РИП-Холдинг, 2013. 194 с.
5. Салынский Д.А. Киногерменевтика Тарковского. М. : Продюсерский центр «Квадрига», 2009. 576 с.
6. Лем С. Солярис. Сер. Эксклюзивная классика. М. : АСТ, 2014. 288 с.
7. Клейменова О.К. Композиционные построения изобразительного ряда в исторических фильмах С. Эйзенштейна и А. Тарковского : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 187 с.
8. Тарковский А.А. Перед новыми задачами // Искусство кино. 1977. № 7.
9. Туrowsкая М.И. Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. М. : Искусство, 1991. 253 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 июля 2015 г.

THE PRINCIPLE OF SYMMETRY AS A METHOD OF CONSTRUCTING A FRAME IN THE FILMS OF ANDREI TARKOVSKY

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 76–83. DOI: 10.17223/15617793/398/12

Saveleva Ekaterina A. Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: katri_sea@hotmail.com

Keywords: Tarkovsky; symmetry; composition; golden section; meta-language.

The concept of symmetry has always been one of the fundamental laws of the universe: of animate and inanimate nature. Its use in the art was used since ancient times as one of the principles of harmonization of artistic space. Perceptions of symmetry in the Greek aesthetic views were associated with the concept of harmony and perfection of form, and these ideas continue to operate today. Contemporary art, in spite of its young age, often uses the framework of the principles and beliefs of the ancient and classical arts. For example, cinematography synthesizes several kinds of art and often uses the principle of symmetry and the golden section, defending its conservatism in the creation of an artistic image. Sergei Eisenstein was among the first in cinematography to speak about the methods of constructing a frame by the system of the golden section and symmetry. Many Soviet films were made by these principles. Andrei Tarkovsky, the bearer of his own meta-language in cinematography, perfected and improved the principle of symmetry bringing the viewer's perception to a different level, so that his films were compared with works by Renaissance artists. Tarkovsky uses the principle of symmetry in each film. The principle is meaningful for a particular frame or the film as a whole. Analysis of Tarkovsky's works found several basic features of the use of symmetry in his films: it is symmetry as a compositional structure of a frame and symmetry of shaping an artistic image in a film. Each of these features is present in the seven works of Andrei Tarkovsky, making his films similar to the canvases the director used in each film. Using symmetry for constructing a frame represented in the films of Andrei Tarkovsky still affects many contemporary filmmakers who learn not only the art of sophisticated composition constructions based on symmetry and golden section, but also the understanding of the semantic relationship between the composition and the visual drama of the image. Researchers art and film critics traditionally analyze the films of Andrei Tarkovsky through the aspects of meaning, specificity of the artistic narration, use of meta-language which was characteristic of the director. No less important aspect of Tarkovsky's heritage studies can be the principle and methods of construction of the frame, which allow better seeing and understanding the ontological and artistic essence of the great Russian director's works.

REFERENCES

1. Khismatullina, Yu.R. (2013) Formirovanie predstavleniy o simmetrii i asimmetrii v Drevney Gretsii [Formation of representations about symmetry and asymmetry in Ancient Greece]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaachnogo universiteta – Herald of Russian state agrarian correspondence university*. 3. [Online]. Available from: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/hismatullina.pdf. (Accessed 28th April 2015).
2. Plato. (1970) Fedon [Phaedo]. In: Plato. *Sochineniya* [Works]. V. 2. Moscow: Mysl'.
3. Osipov, Yu.S. (ed.) (2008) *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Russian Encyclopedia: in 30 v.]. V. 13. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
4. Kovalev, F.V. (2013) *Zolotoe sechenie v zhivopisi* [Golden Section in art]. Moscow: RIP-Kholding.
5. Salynskiy, D.A. (2009) *Kinogermeneytika Tarkovskogo* [Cinema hermeneutics of Tarkovsky]. Moscow: Kvadriga.
6. Lem, S. (2014) *Solyaris* [Solaris]. Moscow: AST. 7. Kleyemenova, O.K. (2011) *Kompozitsionnye postroeniya izobrazitel'nogo ryada v istoricheskikh fil'makh S. Eyzenshteyna i A. Tarkovskogo* [Composition constructions of the visual set in historical films of S. Eisenstein and A. Tarkovsky]. Art History Cand. Diss.
8. Tarkovsky, A.A. (1977) *Pered novymi zadachami* [Facing new tasks]. *Iskusstvo kino*. 7.
9. Turowskaya, M.I. (1991) *Sem' s polovinoj, ili Fil'my Andrey Tarkovskogo* [Seven and a half, or films by Andrei Tarkovsky]. Moscow: Iskusstvo.

Received: 09 July 2015

РОЛЬ АНАТОМИЧЕСКИХ РИСУНКОВ В ЭПОХУ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

Исследуется проблема изучения анатомии в художественном образовании в первой половине XIX в. на примере Императорской Академии художеств Санкт-Петербурга. Принцип научной обоснованности приобрел важное значение в системе академического обучения. Учебный процесс был обеспечен рисунками и эстампами зарубежных и русских художников, гипсовыми слепками с античных скульптур, книгами, анатомическими пособиями.

Расцвет анатомических знаний и русской академической школы рисунка способствовал созданию методической базы для профессионального художественного образования.

Ключевые слова: классицизм в России; Академия художеств; рисунок; анатомия.

Наметившийся в последние годы интерес российского искусствознания к малоизученной теме анатомического рисунка в системе академического художественного образования обуславливает своевременность и подтверждает актуальность данного исследования. Цель данной статьи – продемонстрировать значение изучения пластической анатомии, показать, как она влияет на профессиональное изображение фигуры человека и в конечном итоге – на уровень отечественного изобразительного искусства. Для достижения этой цели автор решает следующую задачу: рассматриваются учебно-методический опыт и взаимодействие русских художников-педагогов и хирургов-анатомов.

Художники разных эпох накапливали знания по пластической анатомии. В истории русского искусства изучение анатомии связано со становлением академической художественной школы. Научное, системное изучение анатомии способствовало тому, что русское искусство в первой половине XIX в. дало миру множество шедевров фигуративной живописи и скульптуры. Изучение художниками анатомии на кадаверах позволило изображать фигуры в сложных ракурсах, пластических позах, с мимической передачей сложных душевных состояний. Учебный рисунок обнаженной фигуры и анатомический рисунок на многие десятилетия стали учебно-методическими пособиями для будущих художников.

В исследовании сделана попытка объяснить подъем русского искусства научным подходом к изучению человеческого тела как центрального образа любого художественного произведения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения пластической анатомии на примере рисунков, выполненных с анатомических моделей. Это важно еще и потому, что изучение художниками анатомии на анатомических препаратах сегодня недоступно. За всю историю России наивысший интерес к анатомическим знаниям проявился именно в конце XVIII – первой половине XIX в.

Общественный и патриотический подъем в конце XVIII – первых двух десятилетиях XIX в. ознаменовался интенсивным формированием и расцветом в академическом искусстве принципов классицизма. Искусство было призвано отражать гражданские и ратные подвиги русского народа, демонстрировать примеры нравственного и национального достоин-

ства. В сообществе художников-педагогов Академии художеств возникали и развивались творческие искания. Античный идеал получал порой романтическую или лирическую интерпретацию. Эстетическую выразительность натурального и композиционного рисунков следует отнести к числу наивысших достижений Академии художеств.

Конец 1810-х – 1830-е гг. – время нарастания политической реакции в России – нашло отражение в процессе постепенного превращения классицизма в отвлеченный академизм. Строгий бюрократический контроль лишал академических профессоров творческой самостоятельности, в Академии усиленно насаждалось официальное искусство.

Согласно дополнениям к Уставу с 1802 г. в Академию стали принимать детей от 8 до 9 лет. Младший возраст был аннулирован. «Прибавлениями к установлениям Академии художеств» 1830 г. были упразднены еще два младших возраста, в Академию стали принимать четырнадцатилетних мальчиков, у которых творческая одаренность уже проявилась. В 1840 г. Воспитательное училище при Академии было закрыто полностью, и Академия художеств стала высшим учебным заведением, сосредоточившись на профессиональном обучении. В первую очередь это проявилось в глубоком профессиональном навыке работы с натуры, который молодые художники получали в последние годы пребывания в Академии. Шло упорядочение учебного процесса. Был значительно расширен перечень научных предметов. В то же время из учебного плана были исключены некоторые общеобразовательные предметы, а «профессора анатомии, остеологии и миологии иметь не усматривается за нужное» [1. С. 26].

В первые десятилетия XIX в. уровень подготовки учеников Императорской Академии художеств значительно снизился. Уменьшилось количество учеников, награжденных медалями за достижения в учебе. Снизилась посещаемость учениками натурального класса. Даже в лучших работах учеников скульптурного класса наблюдались неточности вследствие недостаточных знаний анатомии человека.

В 1818 г. президентом Академии А.Н. Олениным была замечена «неисправность многих ученических рисунков». Было предложено перестроить помещения натурального и гипсового классов, так как теснота, тусклый чадающий свет и другие неудобства мешали заня-

тиям [2. Ч. 1. 1818. Д. 2758. Л. 1 об., 2]. Только эти меры проблемы реалистичного пластического изображения человеческого тела не решались. Все яснее становилось для членов Академии, что изобразительные искусства, особенно скульптура, живопись и рисунок, требуют от художника серьезных знаний анатомии. Интерес к изучению анатомии поддерживали знатоки анатомии человеческого тела – профессора И.П. Мартос, И.П. Прокофьев, А.И. Иванов и А.Е. Егоров.

Не имея возможности проводить практические занятия по анатомии, Академия художеств стремилась дать теоретические основы. На протяжении первого двадцатилетия Академия приобретала книги, в которых уделялось значительное место анатомии для художников. Так, в 1805 г. было приобретено 150 экземпляров книги И. Виена «Краткое историческое обозрение скульптуры и живописи...» [2. Ч. 2. 1821. Д. 52. Л. 1, 2 об.]. Несколько позднее Академия получила из Московского университета книгу «Описание препаратов и других вещей, принадлежащих до Анатомии...» [2. Ч. 2. 1823. Д. 247. Л. 1, 2]. В большом количестве покупались книги для библиотеки. Было создано хранилище для античных форм и анатомических вещей.

В 1818 г. президент Академии А.Н. Оленин сделал грандиозный заказ на слепки «с “Эльгинской коллекции древних мраморов” на сумму более, чем 6 000 рублей» [5]. В феврале 1818 г. Императорской Академией художеств были приобретены: «10 Больших метопов с изображениями Кентавров, сражающихся с Лапитами, сто фут. фриза из храма Парфенона, изображающие Панафинеи, Колосальная статуя Тезея, Манароне Иллиса, Голова Конская, Туловище или торз Нептунов» [Там же]. Считалось, что античные образцы могут служить примером для изучения анатомических деталей. Поэтому приобретение античных произведений скульптуры, живописных работ и эстампов продолжалось. Так, в 1821 г. из Рима ректором И.П. Мартосом были выписаны лучшие гипсовые статуи специально для учащихся [3. С. 72].

Школа требовала от учеников подражания античным образцам. Для достоверности изображения, К.П. Брюллов 40 раз перерисовывал группу «Лаокоон». А.А. Иванов добивался великолепной передачи поверхности человеческого тела путем многократных штудий.

В первой половине XIX в. принцип научной обоснованности приобретал важное значение в системе академического обучения. Задачи искусства требовали не приблизительных, а более точных знаний анатомии. Возникла настоятельная необходимость иметь естественные анатомические препараты. В 1819 г. президент обратился с просьбой в Академию наук о выдаче 3–4 черепов из Кунсткамеры во временное пользование для Академии художеств [2. Ч. 1. 1819. Д. 2936. Л. 1]. В том же 1819 г. президент Академии А.Н. Оленин сделал первую попытку возобновить преподавание анатомии. В разработанном им специальном расписании предметов, которые должны изучать живописцы, ваятели и архитекторы, анатомии было отведено второе место.

В статьях, публикуемых в журнале «Изящные искусства», мастерство рисунка все настойчивее ставилось в прямую связь с анатомией: «Знание рисунка, – писал автор одной статьи, – приобретает не иначе как с познанием Osteологии... Миологии... или формы и действия мускулов» [3. С. 72].

Необходимость возобновления занятий анатомией хорошо понимал профессор Академии В.К. Шебуев. Он прошел хорошую школу рисунка с натуры в классах И.А. Акимова и Г.И. Угрюмова; продолжил обучение за границей в качестве пенсионера Академии художеств. В 1803–1807 гг. Шебуев изучал анатомию в Риме, благодаря чему «выполнил девяносто пять рисунков с анатомический препаратов» [4. С. 24]. Узнав, что еще в Италии Шебуев занимался в анатомических театрах, Оленин предложил ему выполнить по своим зарисовкам гравюры, потому что учебные образцы «должны быть и на меди выражены с той правильностью в абрисах и с тою смелостью в отделке, которые могут быть исполнены только самим рисователем или особо к сему роду приготовленным гравером» [5].

Первые 36 листов в технике «карандашной манеры», а затем и более сотни анатомических рисунков, выполненных Шебуевым, неоднократно подвергались критике адъюнкт-профессора Медико-хирургической академии И.П. Буяльского. Возможно, поэтому, несмотря на поддержку Оленина, рисунки с классических статуй и «Опыт полного курса правил рисования и анатомии для питомцев Императорской Академии художеств», над которыми Шебуев работал в 1820–1822 гг., а также три тетради «Антропометрии», созданные им в 1830–1831 гг., полностью так и не были изданы [4. С. 52–56].

Уже в качестве педагога Шебуев утвердил в Академии прочную систему классического учения Давида, составил руководство по изучению анатомии человеческого тела в виде подробных чертежей. Атлас «Antropometrie par W. Chebouew, peintre, recteur. MDCCCXXX» (СПб., 1831) находится ныне в научно-исследовательской библиотеке Академии художеств РФ. Он состоит из восьми таблиц. Медные доски и отпечатки хранятся также в Государственном Русском музее и научно-исследовательском музее Академии художеств РФ. Эти музеи являются обладателями еще одной, девятой, таблицы «Губы и зубы», которая была включена в атлас, но утрачена в последующие годы. Фронтиспис издания нарисовал К. Брюллов, надпись свидетельствует, что награвировал его Н. Уткин. Атлас «Антропометрия» – единственное свидетельство многолетней работы Шебуева, который подошел к изучению анатомии человеческого тела со строго научных позиций.

По утверждению Н.А. Рамазанова, именно В.К. Шебуев настоял на возрождении преподавания анатомии.

Вновь учрежденный анатомический класс получил помещение на первом этаже, в котором был сделан амфитеатр, размещены учебные пособия. В изготовлении пособий принимали участие П.К. Клодт и В.К. Шебуев, который сам «иллюминировал» с натуры масляными красками гипсовую анатомию, отлитую из бумажного теста, для преподавания по сей фигуре лекций в анатомиче-

ском классе. В помещениях № 1–96 хранились в зимнее время трупы для занятий [6. С. 82–84].

«Художественная газета» писала о системе преподавания в Академии художеств, в том числе о возобновлении изучения анатомии: «Неуспешным попечением Президента Императорской Академии художеств Алексея Николаевича Оленина преподавание анатомии введено с 1831 г. Лекции читает Императорской медико-хирургической Академии публичный ординарный профессор анатомии, ст. сов. Буяльский. Воспитанники после лекции рисуют с натуры скелеты, мускулы и вены» [7. С. 60].

Там же объяснялась роль анатомии и указывалось, что именно из анатомической науки должны изучать художники: «Исторические живописцы и скульпторы, желающие достигнуть возможного совершенства в изображении человека, непременно должны обучаться Анатомии... Им должно знать:

1) Из остеологии: число, название, очертание, положение, соединение и возможное движение костей; также возвышения и впадины, на них находящиеся, из под кожи видимые, или служащие для положения каких-либо частей, или для прикрепления мускулов; различие скелета мужского от женского и очертание голов и лиц разных народов.

2) Из миологии: все верхние мускулы и сухие жилы, которые из-под кожи, в разном положении и направлении частей тела бывают более или менее видны, с некоторыми связками.

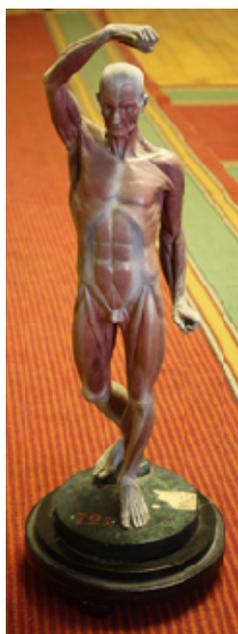
3) Из спланхнологии: общее разделение тела и подробное название всех наружных частей его, количество жира в разных частях и в разном поле, и сравнение мужского тела с женским.

4) Из ангиологии нужно знать: поверхностные кровеносные жилы (вены) на голове, шее, брюхе, руках, ногах и переднюю височную артерию» [Там же].

В 1832 г. на средства Общества поощрения художников была издана «Анатомия для живописцев и скульпторов» Ж. Дель Медико [8].

В 1860 г. И.В. Буяльский (в Академии художеств: 1831–1866 гг.) издал «Анатомические записки для обучающихся живописи и скульптуре в Императорской Академии художеств», к которым были приложены шесть цветных литографий (по три изображения скелета и экорше). В кратком аннотированном каталоге «Труды по пластической анатомии в фонде научной библиотеки Академии художеств СССР» автором этих иллюстраций назван В.К. Шебуев. В.А. Круглова, исследователь творчества Шебуева, обратила внимание на указания Солнцева, что он (Шебуев) «исполнил с трупов для известного его [Буяльского] издания анатомические рисунки, которые гравированы К.Я. Афанасьевым, Ф.И. Иорданом и профессором Н.И. Уткиным» [4. С. 112].

Буяльским был также исполнен анатомический фантом для обучающихся живописи и скульптуре в Академии художеств, по которому вскоре художник Сапожников исполнил бронзовую анатомическую фигуру. Об этом событии «Художественная газета» сообщала следующее: «Анатомическая зала снабжена тремя, в рост человеческого, фантомами, т.е. искусственными анатомическими препаратами мускулов, сделанными из бумажного теста и под натуру раскрашенными. Один из них работы Фишера, другой Гудона, а третий, в лежачем положении, Козловского. Хотя они сделаны весьма натурально и для художников весьма полезны; но заметно, что соразмерность не везде строго соблюдена. Президенту же Императорской Академии художеств всегда желалось иметь фантом, сделанный с натуры, который бы не имел таковых недостатков.

Фишер. Анатомическая скульптура. Вид спереди

Фишер. Анатомическая скульптура. Вид сзади

Гудон. Анатомическая скульптура. Вид спереди

Гудон. Анатомическая скульптура. Вид сзади

М.И. Козловский. Анатомическая скульптура

М.И. Козловский Фрагмент анатомической скульптуры

И.В. Буяльский.
Анатомический фантом

Изготовление фантома принял на себя И.В. Буяльский. С препарата сняли гипсовую форму и отлили статую, которая представляет лежащее на спине стройное мужское тело с поверхностными мускулами (без кожи). Все художники, видевшие ее, отдали полную похвалу как красивому и умному расположению членов фигуры, так и искусству, с каковым сохранена пропорция полноты частей и их форма. Президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин до того доволен исполнением своего желания, что сделал распоряжение об отливке нескольких таких же статуй для Лондонской, Парижской и других Академий» [7. С. 61].

С возобновлением преподавания анатомии в Академии художеств заметно оживилась работа в скульптурных и живописных классах. В программах учеников больше внимания стало уделяться обнаженной натуре. Шебуеву многим обязаны его ученики – К.П. Брюллов, А.А. Иванов, П.В. Басин и Ф.А. Бруни, впоследствии ставшие преподавателями натурального рисунка. В первой половине XIX в. работали художники старшего поколения: А.Е. Егоров, А.И. Иванов, С.С. Пименов, В.И. Демут-Малиновский – превосходные знатоки анатомии. Образцом великолепной пластики и отражением глубоких знаний анатомии является «Геркулес и Антей» С. Пименова. «Произведение Пименова обладает исключительно высокими художественными качествами, – пишет И.М. Шмидт. – Реалистично переданы движения и сами тела борющихся, прекрасно проработана их сильная мускулатура. Чувствуется, что мастер шел

здесь от живой природы» [9. С. 277–278]. Изображением обнаженных молодых людей с наглядно представленной крепкой мускулатурой, с явной тенденцией показа анатомических деталей были скульптуры «Парень, играющий в свайку» и «Парень, играющий в бабки», выполненные А.В. Логановским и Н.С. Пименовым. П.А. Ставассер, один из одаренных учеников И. Буяльского, в 1843 г. закончил свою лучшую работу «Русалка».

Таким образом, научные основы искусства значительно укрепились с преподаванием анатомии в Академии художеств. Более того, реалистическое искусство получило новые пути развития в связи с педагогической деятельностью К.П. Брюллова. Считая изучение «антиков» необходимым для художника, Брюллов все же основой основ мастера считал рисунок с обнаженного тела.

«Предшествующая Брюллову академическая практика на деле приводила к тому, что глаз академика, натренированный на многократно повторенных «антиках», произвольно вносил классифицирующие «поправки» в изображение любого натуралика.

Уроки Брюллова, в первую очередь, били именно по этой идеалистической рутине: «Рисуйте антику в античной галерее... – говаривал Брюллов. – “В натурном же классе старайтесь передавать живое тело; оно так прекрасно, что только умеете постичь его; да не вам еще поправлять его; здесь изучайте природу, которая у вас перед глазами, и старайтесь понять и почувствовать все ее оттенки и особенности”».

«Силою слова и собственными примерами Брюллов действительно снимал “античную повязку с глаз” своих учеников, и вряд ли можно усомнить-

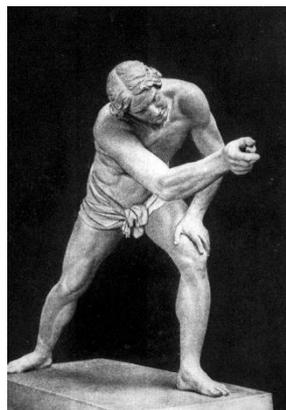
ся в утверждении Рамазанова, что “при нем (Брюллове. – Е.С.) натурный класс ожил и обновился”» [10. С. 9].

С. Пименов
«Геркулес и Антей»

А.В. Логановский
«Парень, играющий в свайку»

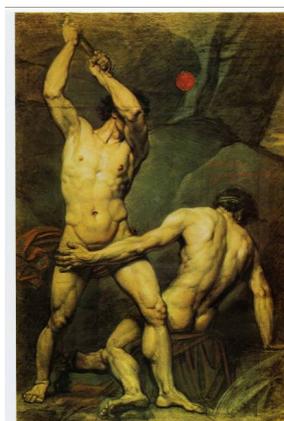
Н.С. Пименов
«Парень, играющий в бабки»

П.А. Ставассер «Русалка»

К.П. Брюллов. Рисунок натурщика

К.П. Брюллов. Рисунок натурной постановки из двух фигур

Из идей просветительства складывалась эстетика русского классицизма, зримый образ которого создавался в стенах Императорской Академии художеств. «Юноша! Если душа твоя пылает стремлением к изящному; если взор твой не закрыт для высоких красот мира физического и нравственного, – приди в храм сей, потрудись, собери запас понятий, подчини руку твою правилам искусства, опытом многих веков освещенным, и знай, что великий художник есть великий служитель истинного просвещения, следственно веры, царя и Отечества! Таланту созревшему и наставнику в художествах, Академия скажет: ободришься, воспрями; Монарх зовет тебя к деятельности. Он требует дел достойных славной России, славного века ее – и обещает возмездие справедливое» Президент А. Оленин [11. Л. 50].

Собственно, подражание «антикам» не было самоцелью в русском искусстве. Искусство было призвано, напитавшись идеями Дидро, Винкельмана и Гете, выйти на уровень европейских академий художеств; создать произведения «трех знатнейших художеств»: архитектуры, живописи и скульптуры, которые выра-

зили бы государственную идеологию и прославили Россию. Питомцами Академии художеств А. Ивановым (СПб., 1789), И. Урвановым (СПб., 1793), А.П. Сапожниковым (СПб., 1834) были созданы труды по истории искусства и руководства к рисованию. Воззрения классицизма на искусство и его общественную значимость, требования от искусства служения «чести и пользе отечества» выражены в трудах П. Чекалевского «Рассуждение о свободных художествах» (СПб., 1792) и И. Виена «Краткое историческое обозрение скульптуры и живописи с полным показанием сильного влияния анатомии в сии два свободных художествах» (СПб., 1803). Они и легли в основу педагогики Академии художеств в первой половине XIX в.

В короткие сроки российские художники, обучаясь в стенах Академии и пенсионерских поездках, сумели создать систему художественного образования, заложить принципы научной обоснованности рисования с натуры. Разработке твердых правил «познания размера форм и движений тела человеческого» посвятил свою деятельность на посту президента

Академии художеств А.Н. Оленин: «Частое упражнение учащихся по правилам сего курса (антропометрии – Е.С.) в черчении фигур человеческих по установленным размерам, твердое сведение о форме костей, составляющих остов человека, познание возможного их движения, как равно основательные понятия о положении и действии главных мышц и мускулов, а также навык рисовать разных животных и растения, подадут средства производить настоящие и основательные экзамены основанием разных по сим предметам задач, которые должны будут учащиеся разрешать на черных своих досках правильным и безостановочным рисованием мелом требуемых испытателями форм разных частей тела человеческого в разных положениях, одним словом, точно так же, как учащиеся решат математические задачи черчением геометрических фигур и числительными выкладками» [16. С. 76].

Расширение научно-исследовательской базы в Академии наук и в Московском университете, открытие Медико-хирургической академии и медицинской типографии в Петербурге, коллекционирование анатомических препаратов, хорошая организация проекторского дела обеспечивали расцвет анатомических знаний в то время. Необходимо отметить роль художников Академии в развитии медицинского дела в России. Если в первых госпитальных школах рисунки к учебникам по медицине делали хирурги, то в XIX в. эту задачу выполняли художники. Именно глубокие знания анатомии, точность и выразительность изобразительных средств позволяли создавать пособия для медицинской науки и практики сначала в рисунке, а затем переносить на литографский камень либо медную доску и печатать. В научной библиотеке Томского государственного университета хранятся «Анатомо-хирургические таблицы о перевязывании больших артерий» И. Буяльского, которые отрисованы были художниками А.С. Зайцевым (1824 г.) и Ф.Г. Солнцевым (1827 г.), гравированы Д.В. Ухтомским (1825–1826 гг.).

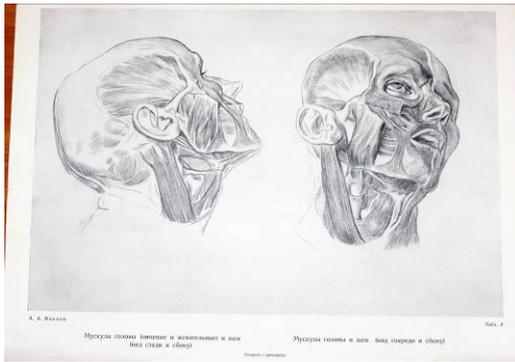
Таблица к изданию И. Буяльского о перевязывании больших артерий

Рисунки выполнены линией с незначительной проработкой тоном путем нанесения перекрещивающихся штрихов, крупно расположены на листе, с более детальной проработкой деталей, существенных для наглядной демонстрации того или иного этапа операции. Художественной стороне рисунка не уделяется значительное внимание, в некоторых листах можно даже увидеть нарушения линейной перспективы (табл. IV, V). В своих пояснениях к таблицам И. Буяльский указывал на различия в решении творческих задач художника, создающего картину на плоскости, и утилитарных задач хирурга, делающего операцию на объемном теле: «При рисовании таблиц с натуры, давши телу живому надлежащее для операции положение, я старался приноровить таким образом и кадавер, на котором приготовлены были сии препараты, с коих художник рисовал, чтобы все части ясно были видны. ...Если смотреть на препарат с переди с одной только точки, как должен смотреть при рисовании живописец; то самая нужнейшая части мало, некоторые же вовсе не видны, а надобно смотреть несколько с боку и голову назад закинуть...» [13. С. 21].

Таблицы по анатомии для художников также как можно точнее передавали строение человеческого тела, решая при этом пластические задачи. Анатомические рисунки А.А. Иванова (хранятся в Государственной Третьяковской галерее), сделанные с натуры с «кадаверов», – следствие напряженной работы художника по изучению человека. В них мы видим, как «анатомический рисунок, не превращаясь в схему, высокохудожественными средствами передает конкретную форму» [14. С. 3]. Достоверность в передаче человеческого тела помогала художникам создавать подлинные шедевры живописи и скульптуры. В этом состоят различия анатомических рисунков для медицинских целей и рисунков по пластической анатомии для художников. В шести рисунках В.К. Шебуева к «Анатомическим запискам для обучающихся живописи и скульптуре» И.В. Буяльского дается одно положение человеческой фигуры с трех точек зрения, изображая скелет и мышцы. Рисунки П.В. Басина, хранящиеся в Государственном Русском музее, точно изображают строение мышц торса, конечностей и головы человека.

Академическая системность обучения вкупе с талантом таких педагогов, как К.П. Брюллов, С.С.Пименов и др., наполнила русскую художественную школу к середине XIX в. реалистическим содержанием.

Методика преподавания в Императорской Академии художеств не утратила своего значения на протяжении веков. В начале XXI в. основополагающими принципами реализма являются глубокое изучение натуры, верность лучшим академическим традициям. В распоряжении будущих художников кабинет анатомии – бывший натурный класс с коллекцией анатомических препаратов и рисунков; собрания произведений по всем видам учебных дисциплин в научно-исследовательском Музее, научная библиотека, научно-библиографический архив Академии художеств и теоретическое наследие.

А.А.Иванова. Анатомический рисунок

П.В. Басин. Анатомический рисунок

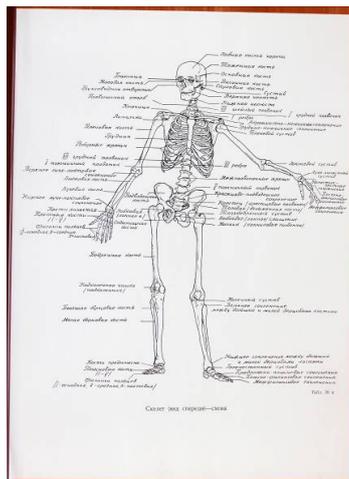

Иллюстрация К. Шебуева к «Анатомическим запискам...» И. Буяльского

Рисунок Г.Г. Чернецова с эскиза Гудона

Кабинет анатомии Института имени И.Е. Репина

В тесном взаимодействии медиков и художников анатомия преподавалась, опираясь на научные системные знания. Наглядные пособия и анатомические рисунки русских художников стали методической базой для обучения художников XX–XXI вв. Старший преподаватель Института им. В.И. Сурикова Ю.Л. Катц отмечает: «То количество руководств, пособий, которое существует, дает нам огромные возможности, невероятно облегчает изучение собственно анатомии. Словом, теперь, когда нам расчистили дорогу медики, мы можем заняться пластикой (вспоми-

ная иногда великих итальянцев). Это задача увлекательная и многообещающая» [15. С. 54].

О роли анатомии для художников говорит и М.С. Копейкин – профессор Института им. И.Е. Репина: «Изучая пластическую анатомию, надо познавать не только формы, но и связи форм. Грамотность не связывает художника, а освобождает его для творчества. В искусстве рисунка анатомии принадлежит не второстепенное место» [16. С. 60]. Сегодня предмет «Пластическая анатомия» присутствует в учебных планах художественных училищ и вузов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Таблица «Губы и зубы» в НИМ РАХ – гр. 2722, в ГРМ – гр. 1569. Восемь досок поступили в ГРМ из Академии художеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств 1764–1914.
2. РГИА. Ф. 789. Оп. 1.
3. Журнал изящных искусств. Санкт-Петербург, 1823. Ч. 1.
4. Круглова В.А. Василий Кузьмич Шебуев (1777–1855). Л. : Искусство, Ленинградское отделение, 1982. 151 с. : ил.
5. РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Д. 27. Л. 27. 1823–1931.
6. РАХ НБА Ф. 11. Оп. 2. Ед. хр. 1357.
7. Кривдина О.А., Тычинин Б.Б. Размышления о скульптуре. СПб. : Северная звезда, 2010. 608 с.
8. Дель Медико Ж. Анатомия для живописцев и скульпторов : атлас. СПб. : Издано Комитетом общ-ва поощрения художников, 1832. 84 с. : ил.
9. Шмидт И.М. Архитектурно-скульптурный комплекс Казанского собора и его значение // Русское искусство второй половины XVIII – первой половины XIX в. / под ред. Т.В. Алексеевой. М. : Наука, 1979. 215 с. : ил.
10. РАХ НБА Ф. 11. Оп. 1. Пор. № 348.
11. РНБ Ф. 542. Ед. хр. 569.
12. Оленин А.Н. Избранные труды по истории и деятельности Императорской Академии художеств / Б-ка Рос. Акад. наук; сост., вступ. ст. и прим. Н.С. Беляев; науч. ред. Г.В. Бахарева. СПб., 2010. 144 с.
13. *Анатомико-хирургические* таблицы, объясняющие производство операций перевязывания больших артерий, рисованные с натуры и выгравированные на меди, с кратким анатомическим описанием оных и объяснением производства операций. Издал Илья Буяльский, Доктор Медицины и Хирургии, Императорской Медико-Хирургической Академии Экстраординарный Профессор Анатомии, Императорских Обществ Физико-Медицинского Московского и Медицинского Виленского Член, Надворный Советник и Ордена Св. Анны 5-й степени Кавалер. Санкт-Петербург : Печатано в Типографии Н. Греча, 1828.
14. *Анатомические* рисунки русских художников / сост. М.Н. Алексич, А.М. Кузнецов, И.М. Лейзеров, Б.Н. Усков. М. : Искусство, 1952. Л. 7, ил. 47.
15. Катц Ю.Л. Проблема единства художественной пластики и пластической анатомии в учебном рисунке // Вопросы художественного образования. 1977. Вып. 21.
16. Копейкин М.С. Методика ведения учебных заданий по анатомическому рисунку // Вопросы художественного образования. 1977. Вып. 21.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 июля 2015 г.

ROLE OF ANATOMICAL DRAWINGS IN THE ERA OF RUSSIAN CLASSICISM

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 84–92. DOI: 10.17223/15617793/398/13

Sidorova Elena V. I. Repin St. Petersburg State Academy Institute of Painting, Sculpture and Architecture (Saint Petersburg, Russian Federation), Art School (Seversk, Russian Federation). E-mail: sidorovaelena@sibmail.com

Keywords: Classicism in Russia; Academy of Arts; drawing; Anatomy.

In accordance with the ideology of classicism, the principle of scientific validity became important in the teaching system of the Imperial Academy of Arts. President of the Imperial Academy of Arts A.N. Olenin introduced the discipline of anatomy in 1831. Lectures were delivered by I.V. Buyalskiy, Public Ordinary Professor of Anatomy of the Imperial Medico-Surgical Academy. After lectures, students drew from nature skeletons, muscles, veins or artificial anatomical specimens of muscles, made of paper dough and painted naturally. One was made by Fisher, the other by Houdon, the third by Kozłowski. In 1832, at the expense of the Society for Artist Support *The Anatomy for Painters and Sculptors* by J. Del Medico was published. In 1860, I.V. Buyalskiy published *The Anatomical Notes for Those Studying of Painting and Sculpture at the Imperial Academy of Arts* with six color lithographs (three images of the skeleton and of the ecorche). Buyalskiy also made an anatomical phantom for students of painting and sculpture at the Academy of Arts, which artist Sapozhnikov soon used as a model for his bronze anatomical figure. The plaster mold was removed from the phantom and a statue was cast of a slender man's body with superficial muscle lying on his back. With the resumption of teaching anatomy in the Academy of Arts the work in sculpture and painting classes revived. Programs for students paid more attention to nudity. V.K. Shebuev's students, K.P. Bryullov, A.A. Ivanov, P.V. Basin and F.A. Bruni, who later became teachers of natural drawing, owe him a lot. Thus, the scientific basis of the art were considerably strengthened with the teaching of anatomy in the Academy of Arts. Moreover, realistic art received new ways of development in connection with teaching of K. P. Bryullov. Considering the study of the "Antiques" necessary for the artist, Bryullov still believed that drawing a naked body to be fundamental. Views of classicism in art and its social significance, the requirements of service to the "honor and Homeland" from the art was the basis of pedagogy of the Academy of Arts in the first half of the 19th century. Deep knowledge of anatomy, accuracy and expressiveness of visual tools allowed artists to illustrate the benefits to medical science. Anatomical drawings by Russian artists as well as more accurately conveyed the structure of the human body, while plastic problem. Reliability in the representation of the human body helped artists to create true masterpieces of painting and sculpture. In close cooperation of physicians and artists anatomy was taught, based on a scientific systematic knowledge. Visual aids and anatomical drawings of Russian artists became a methodological basis for teaching artists of the 20th and 21st centuries. At present, Plastic Anatomy is part of the curriculum of art schools and universities.

REFERENCES

1. Kondakov, S.N. (1914) *Yubileynyy spravochnik Imperatorskoy Akademii khudozhestv 1764–1914* [Anniversary Book of the Imperial Academy of Arts 1764–1914]. St. Petersburg: T-vo R.Golike i A.Vil'borg
2. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 789. List 1. (In Russian).
3. *Zhurnal izyashchnykh iskusstv*. (1823). 1.
4. Kруглова, V.A. (1982) *Vasilyi Kuz'mich Shebuev (1777–1855)*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russian).

5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 789. List 20. File 27. P. 27. 1823–1931. (In Russian).
6. Russian Academy of Arts Scientific-Bibliographic Archive (RAKh NBA). Fund 11. List 2. Unit 1357.
7. Krivdina, O.A. & Tychinin, B.B. (2010) *Razmyshleniya o skulpture* [Reflections on the sculpture]. St. Petersburg: Severnaya zvezda.
8. Del Medico, J. (1832) *Anatomiya dlya zhivopistsev i skulptorov: atlas* [Anatomy for painters and sculptors: an atlas]. St. Petersburg: Izdano Komitetom o-va pooshchreniya khudozhnikov.
9. Schmidt, I.M. (1979) Arkhitekturno-skul'pturnyy kompleks Kazanskogo sobora i ego znachenie [Architectural and sculptural complex of the Kazan Cathedral and its value]. In: Alekseeva, T.V. (ed.) *Russkoe iskusstvo vtoroy poloviny XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian art of the second half of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Russian Academy of Arts Scientific-Bibliographic Archive (RAKh NBA). Fund 11. List 1. Portrait 348.
11. National Library of Russia (RNB). Fund 542. Unit 569.
12. Olenin, A.N. (2010) *Izbrannye trudy po istorii i deyatelnosti Imperatorskoy Akademii khudozhestv* [Selected works on the history and activities of the Imperial Academy of Arts]. St. Petersburg: BAN.
13. Buyalskiy, I. (1828) *Anatomiko-khirurgicheskiya tablitsy, ob"yasnyayushchiya proizvodstvo operatsiy perevazyvaniya bol'shikh arteriy, risovannyya s natury i vygravirovannyya na medi, s kratkim anatomicheskim opisaniem onykh i ob"yasneniem proizvodstva operatsiy* [Anatomist surgical table, explaining operations on large arteries drawn from nature and engraved on copper, with their brief anatomical description and explanation of the operations]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
14. Aleksich, M.N. et al. (1952) *Anatomicheskie risunki russkikh khudozhnikov* [Anatomical drawings by Russian artists]. Moscow: Iskusstvo.
15. Katts, Yu.L. (1977) Problema edinstva khudozhestvennoy plastiki i plasticheskoy anatomii v uchebnom risunke [The problem of the unity of artistic sculpture and plastic anatomy in a teaching drawing]. *Voprosy khudozhestvennogo obrazovaniya*. 21.
16. Kopeykin, M.S. (1977) Metodika vedeniya uchebnykh zadaniy po anatomicheskomu risunku [Methods of conducting classes in anatomical drawings]. *Voprosy khudozhestvennogo obrazovaniya*. 21.

Received: 09 July 2015

ИСТОРИЯ

УДК 001.32: 91(47+57)

М.О. Абсеметов

ВЕЛИКИЙ ГЕОГРАФ ЕВРАЗИИ (О ЛЬВЕ СЕМЕНОВИЧЕ БЕРГЕ)

Статья посвящена выдающемуся ученому зоологу и географу, академику Льву Семеновичу Бергу (1876–1950), автору фундаментальных трудов по ихтиологии, географии и теории эволюции. В начале войны Л.С. Берг вместе с семьей покинул блокадный Ленинград и по распоряжению правительства прибыл в казахстанский курорт Боровое. В Боровом ученый принял активное участие в научной деятельности заповедника. Одной из тем, которой он занимался, было изучение климата курорта Боровое – крупной противотуберкулезной и экологической здравницы Советского Союза.

Ключевые слова: Императорский Московский университет; лимнолог; климатолог; геоморфолог; зоолог.

Русская география прошла большой путь в своем развитии и имеет крупные достижения в прошлом. Корифеем российской науки Ломоносов впервые в России высказал идею комплексного географического изучения природы и сравнительной географии.

Плеяда выдающихся русских ученых-географов впоследствии разрабатывала эту идею. П.П. Семенов-Тянь-Шанский установил вертикальную поясность в горах; А.И. Воейков и Докучаев – принципы комплексного изучения поверхности земного шара и возможности количественных характеристик природной среды; Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов и другие изучили Центральную Азию.

Все это уже в условиях советской географической науки претворял в жизнь Дмитрий Николаевич Анучин, а его ученик Лев Семенович Берг не только продолжил разработку идей географической науки, но и создал новую географию, науку ландшафтоведение. Л.С. Берг разделял взгляды В.И. Вернадского о том, что жизнь существовала на Земле еще в докембрийскую эпоху.

Лев Семенович Берг – выдающийся географ, лимнолог, климатолог и почвовед, литолог и геоморфолог, палеогеограф, историк географии, зоолог, последний энциклопедист XX в. Он родился 2 марта 1876 г. в просвещенной еврейской семье в молдавском городе Бендеры. В дореволюционное время Лев Семенович принимал активное участие в экспедициях Императорского Русского географического общества, а в советский период долгое время был президентом Географического общества СССР, почетным членом многих академий мира. Берг – лауреат Государственной премии, награжден отечественными и зарубежными наградами. Его именем названы 60 видов растений и животных, два ледника на Памире и Джунгарском Алатау, мыс на одном из островов Северной Земли, вулкан на острове Урюп Курильской гряды и т.д.

Особо ценными для Казахстана являются труды Л.С. Берга по Средней Азии, которая стала для него и первой ареной научно-исследовательской деятельности.

В 1898 г., после окончания Императорского Московского университета, под эгидой Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества, он исследовал совместно с ученым-озероведом П.Г. Игнатовым соленые озера

Северного Казахстана – Селеты-Денгиз, Кзыл-Как и Теке. За монографическое описание этих озер в физико-географическом и зоологическом отношении молодые исследователи в 1902 г. были награждены Малой золотой медалью Географического общества [1].

Несмотря на это, молодому ученому не позволили остаться в Московском университете; как пишут исследователи, причиной этого стал пресловутый «национальный» вопрос. Л.С. Берг был направлен в Среднюю Азию в качестве смотрителя рыбных промыслов Сыр-Дарьи и Аральского моря. Однако командировка в туркестанскую пустыню стала для него началом научного взлета.

В XIX в. на Аральском море побывали известные путешественники и исследователи А.К. Мейендорф, А.И. Бутаков, Н.А. Северцев и др. Несмотря на определенные научные результаты вышеназванных ученых, ими не были исследованы гидрологические особенности Аральского моря, не существовало карты его глубин, имелись лишь скудные сведения о морфологии и геологии берегов, флоре и фауне. Все это было изучено Л.С. Бергом в результате его знаменитой Аральской экспедиции, проведенной в 1899–1902 гг. В своем исследовании он привел данные о площади и глубинах Арала, колебаниях уровня воды, температуре, цвете и прозрачности, соленности и метеорологических условиях [2. С. 226].

Столь обширные исследования Аральского моря предпринимались впервые. Лев Семенович в одном лице исполнял обязанности рыбнадзора и научно-исследовательской организации, несколько его помощников из числа коренных казахов исполняли в основном техническую часть. Совершая длительные переходы по пустынным берегам Арала и верховьям Сырдарьи, он зачастую рисковал своей жизнью, когда на утлой шлюпке исследовал мелкие извилистые бухточки и измерял колебания уровня воды. Надо отметить, что Л.С. Берг проектировал топографическую съемку берегов моря, которая не проводилась с 1859 г.

Еще в конце 1897 г. на заседании Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества были определены роль Аральского моря и необходимость его изучения [3. Л. 17 об.].

В 1901 г. был закончен первый цикл полевых исследований. Л.С. Берг писал Н.Г. Маллицкому: «Если нам удастся довести это предприятие до конца, то это будет великое дело, и ни одно из русских озер и морей не будет столь тщательно исследовано, как Аральское. Все материалы переданы в самые верные руки, известным специалистам и знатокам» [4. С. 73].

В 1906 г. Л.С. Берг побывал на восточных берегах моря, где собирал геологический и зоологический материалы, к обработке которых были привлечены видные ученые. Результаты экспедиции были опубликованы общим объемом в 95 печатных листов [5. С. 12].

Работа Л.С. Берга «Аральское море. Опыт физико-географической монографии» стала одним из первых опытов физико-географической характеристики отдельного региона, где исследователь, проследившая историческое прошлое на основе современных явлений природы, решает ряд сложных и спорных вопросов происхождения Аральского моря.

Позже, в 1909 г., Берг представил свой научный труд в Московский университет в качестве диссертации на соискание степени магистра. Ему была присвоена степень доктора. Императорское Русское географическое общество удостоило монографию золотой медали.

В те годы первые значительные успехи вдохновили его на новые научные изыскания. В 1902 г., сразу же после окончания Аральской экспедиции, была задумана Балхашская. Объектами исследования Берга стали озера Балхаш [6], Иссык-Куль [7. С. 1–85], Ладожское и некоторые озера Кавказа [8. С. 66–80].

Осенью 1902 г., приехав из Казалинска в Ташкент, Берг в Туркестанском отделе Географического общества делится своими выводами и изъявляет желание исследовать водный бассейн Балхаша. Он предлагает в 1903 г. организовать экспедицию для исследования физической географии и гидрологии Балхаша и сделать инструментальную съемку берегов озера с определением астрономических пунктов [9. Л. 29].

Предложение Берга принимается самым благожелательным образом. Л.С. Берг едет в Петербург. Для исследования Балхаша ему выделяют двух помощников – норвежского зоолога, кандидата философии Павла Бьеркана и студента Московского университета Оттона Лямбека.

Берг закупает экспедиционное снаряжение, научные приборы и оборудование, морскую парусную лодку весом в 500 килограммов и длиной 4,5 метра. Ей дается название «Или». В начале апреля 1903 г. лодка погружается на железнодорожную платформу и отправляется в Ташкент через Баку. Сам Берг со своими помощниками Бьерканом и Лямбеком едут по железной дороге в Оренбург, оттуда – в Казалинск.

Берг прибыл в Верный (ныне Алматы) в конце мая. Здесь он знакомится с секретарем местного статистического комитета Владиславом Ефимовичем Недзвецким, знатоком Семиреченского края, любителем зоологии. Ознакомившись с целью и задачами

экспедиции, ее средствами передвижения, Недзвецкий дает ряд практических советов, в том числе об обязательном включении в состав экспедиции в качестве проводников казахов. Надо отметить, что Берг, кроме обозначенных исследований, проявит большой интерес к истории и этнографии казахского народа и в совершенстве овладеет казахским языком.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан, в фонде 44, хранится дело № 49249 «Об оказании содействия экспедиции в Семиреченскую область главного ботаника Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада Вл.Ип. Липского, энтомолога Иванова и Балхашской экспедиции Л.С. Берга».

В этом деле имеются не известные исследователям подлинные письма Льва Семеновича Берга к В.Е. Недзвецкому, написанные во время экспедиции. Письма в определенной мере дополняют отчет большим количеством подробностей, которых нет в публикации 1904 г. Берг делится с Недзвецким научными наблюдениями и предварительными выводами, сообщает о ходе работ экспедиции. Некоторые экспонаты из раздела «Живая природа», демонстрируемые до сих пор в Центральном государственном музее Казахстана, изготовлены им. Об этом свидетельствуют письма, находящиеся в делах № 48528 и № 48630 фонда 44 Центрального государственного архива Казахстана [10. С. 115–125].

Балхашская экспедиция, как и Аральская, имела важное научное значение. Именно на материалах этих экспедиций Л.С. Берг пришел к пониманию новой отрасли географии – лимнологии. Фундаментальные исследования берегов и самих озер, а также вопросы хозяйственной деятельности и эксплуатационных возможностей бассейнов Арала и Балхаша формируют современный взгляд на них ученых [11. С. 57].

Кроме Аральского моря, казахских озер Балхаш, Тениз, Кургальджино, Л.С. Берг исследует и Каспийское море. В числе интересных работ можно отметить его труд «Первые русские карты Каспийского моря» (1940). В ней Лев Семенович, исследуя картографические материалы XVIII в., приходит к заключению, что уровень Каспийского моря в 1715 г. был ниже современного, и наблюдающиеся его колебания являются периодическими. Они имели место в течение последних двух тысячелетий [12. С. 31–35].

В 1904–1914 гг. Л.С. Берг возглавлял работы ихтиологического кабинета зоологического музея Академии наук СССР. В 1909 г., как уже было отмечено, он прекрасно защитил диссертацию. С 1913 г. он – профессор психоневрологического института, а с 1914 по 1918 г. – профессор ихтиологии в Московском сельскохозяйственном институте. После Октябрьской революции в 1917 г. Берг работает профессором географии в Петроградском университете и Географическом институте, а с 1922 г. заведует отделом прикладной ихтиологии в Государственном университете опытной агрономии.

По утверждению исследователей, после смерти своего учителя Д.Н. Анучина (1923 г.) Лев Семено-

вич возглавил советскую географическую науку. В 30–40-е гг. Л.С. Берг занимает должность профессора Ленинградского университета [13. С. 139].

После вероломного нападения Германии на СССР началась эвакуация населения из прифронтовой зоны в восточные регионы страны. В июле 1941 г. Лев Семенович Берг вместе с женой Марией Михайловной и внуком покинули блокадный Ленинград и по распоряжению правительства прибыли в казахстанский курорт Боровое.

Вместе с другими учеными он был размещен в 11-м, главном, корпусе санатория. По свидетельству очевидцев, Берг, обосновавшись на новом месте, завел тот же распорядок дня, что и дома, в Ленинграде. Днем отдыхать не ложился, спал с 12 часов ночи до 7 часов утра. По вечерам обязательно совершал прогулки. Не курил и спиртных напитков не употреблял. Благожелательность была важнейшей чертой его характера. Он отличался гостеприимством, в общении с людьми был крайне прост и добр, глубоко принципиален и скромнен [14. С. 31].

В Боровом ученый принял активное участие в научной деятельности заповедника. По предложению академика В.И. Вернадского Лев Семенович был избран в состав Ученого совета. По мнению основателя теории ноосферы, Берга отличала «...поразительная начитанность, масштаб широты знаний и глубина интересов. Огромный диапазон знания фактов» [15. С. 247].

Связь с заповедником у Л.С. Берга установилась еще за два года до войны. В письме от 17 сентября 1939 г. директор заповедника Джамбул Кунаков просил совета у Берга по разведению рыб в озерах Борового [16. С. 34]. И вполне логично утверждать, что тема «Ихтиофауна озер Борового и пути к обогащению видового состава рыб» была не случайной – Л.С. Берг начал разрабатывать ее еще в 1939 г. и продолжил в последующие 1941–1943 гг. В 1941 г. на её разработку было выделено 8 тыс. руб. Цель – «изучение состава фауны рыб заповедника, обогащение ее новыми видами ценных полезных рыб и выявление методов наиболее продуктивного использования этой фауны» [17. Л. 2].

Второй обширной темой, которой занимался ученый, было изучение климата курорта Боровое – крупной противотуберкулезной и экологической здравницы Советского Союза. Хвойный лес, гранитные горы, зеркальные озера и уникальный чистый лесостепной воздух являлись значимым фактором оздоровления человека.

На заседании Ученого совета 29 декабря 1941 г. по теме «О зоологических и климатологических работах заповедника» Л.С. Берг обращал внимание ученых на «...дальнейшее систематическое изучение фауны Борового» [18. Л. 21].

По утверждению ученого, усилия Наркомздрава республики оказались недостаточными, хотя в целях изучения климата заповедника была организована метеорологическая станция и в 1939–1940 гг. проведены исследования по изучению развития местных курортов. В условиях войны количество больных туберкулезом увеличилось. И в этой связи, по его мнению, надо привести в порядок оздоровительную работу курорта, выделить необходимые средства, усилить деятельность руководства. Чтобы прогнозировать работу курорта, нужно отслеживать изменения климата и их причины; в какое время и как использовать курорт, а также зимний курорт, зимние или летние санатории. Проведя бактериологические исследования озера Майбалык, полнее использовать его минералы и питьевую воду. Наметить вопросы, подлежащие исследованию, где определить новые места для лечения [18. Л. 22].

К концу декабря Берг написал первую главу, в которой был дан обзор физической географии района местной метеостанции. Лев Семенович просмотрел весь имеющийся на метеостанции материал, но этого было недостаточно.

В отчетах Л.С. Берг отмечал, что выполнение работ по теме «Климат Борового» «...тормозится тем, что Гидрометуправление до сих пор задерживает пересылку проверенного речного материала по метеорологическим наблюдениям и необходимости получения большого запаса бумаги для сопроводительной обработки и вычислений» [19. Л. 1].

Со временем дела уладились. Необходимые метеорологические сведения были высланы из Алматы, а также в нужном количестве была поставлена бумага. До конца 1942 г. ученому удалось обработать данные о температуре, осадках и давлении. В первой половине следующего года он надеялся закончить следующие разделы: ветер, облачность и влажность, полностью завершить работу.

В связи с тем что работа над темой продолжалась и в следующем году, Л.С. Берг 10 декабря 1942 г. представил в совет заповедника такое обоснование по теме: «Климат курорта “Боровое”»: «До сих пор не существовало ни одной работы по климату этого важного курорта, основанной на критически разработанном материале. Мы располагаем теперь проверенными материалами за 10 лет наблюдений, на основании которого я надеюсь дать картину климата Борового...» [20. Л. 16].

20 апреля 1943 г. на заседании Ученого совета заповедника по выполнению утвержденного республиканским управлением плана научных работ Л.С. Берг сообщил, что «намеченная тема по обработке материалов по изучению климата Борового по наблюдениям метеостанции Заповедника до 1942 г. им закончена, и суммы, отпущенные на тему по смете, уже израсходованы. Однако докладчик считает весьма важным изыскать дополнительно еще 500 рублей на переписку и подготовку к печати уже обработанных материалов. Кроме того, следует считать весьма важным и желательным присоединить к уже обработанным материалам также и материалы по обработке данных 1942 г., на что потребуется еще 1 000 рублей» [21. Л. 1].

К осени 1943 г. Л.С. Берг закончил работу и 29 ноября представил в госзаповедник отчет о результатах анализа климата курорта Боровое за 11 лет – с 1932 по 1942 г. В конце 1943 г. и в январе 1944 г. им дополнительно были собраны показатели за 1943 г. и, соответ-

ственно, выведены сведения по метеорологическим наблюдениям за 12 лет [22. Л. 2].

Что же представляла из себя работа Л.С. Берга о климате Борового? Материал, предъявленный в виде отчета, состоял из 139 таблиц, включающих более 50 тыс. цифровых данных. Шестнадцать таблиц объединяли материалы о ветрах, которые играют в метеорологическом режиме наиболее важную роль. Одиннадцать таблиц содержали сведения об осадках по месяцам, сезонам и годам, другие таблицы – о влажности воздуха, облачности с указанием солнечного сияния в процентах. Восемь таблиц заключали в себе данные об атмосферном давлении с упором на межсуточную изменчивость. В пяти таблицах содержались сведения об атмосферных явлениях с указанием сроков замерзания воды и вскрытия льда в озерах Боровое и Большое Чебачье, а также температурах воды у берегов озера Боровое [22. Л. 2–3].

«Результаты настоящей работы – говорилось в отчете госзаповедника за 1943 год, – имеют большое значение не только для характеристики Борового как лечебного санаторного пункта, но вместе с тем представляют большой практический интерес для лесного хозяйства и полеводства» [22. Л. 3].

Как уже было отмечено, Лев Семенович проводил также исследования по теме «Ихтиофауна озер Борового и пути ее обогащения». Собственно, над этой темой работали три человека. Л.С. Берг изучал биологию и видовой состав рыб озер заповедника, академик С.А. Зернов – планктон, а профессор Н.Н. Воронихин – водоросли.

Л.С. Бергом был собран большой материал для определения возраста окуня и чебака из озер Борового и Большое Чебачье. 10 декабря 1942 г. Берг в письме в госзаповедник предлагает «продолжить наблюдение над образом жизни здешних промысловых рыб – чебака и окуня. Это даст возможность усовершенствовать теперешний промысел, составить более правильное представление о той обстановке, которая ожидает вновь пересаживаемых рыб» [23. Л. 1–3].

Исследования показали, что в этих водоемах водились малоценные медленнорастущие рыбы. По терминологии рыболовов, это были рыбы сорные и охранять их запасы не было смысла. Ученый предложил заселить озера более ценными породами рыб, в первую очередь сазаном из озера Балхаш. Попытка осуществить такую пересадку осенью 1942 г. не удалась из-за неблагоприятных климатических условий. Предполагалось сделать это весной следующего года [Там же]. В частности, вопрос перевозки балхашского сазана для озер Борового поднимался Бергом 20 апреля 1943 г. на заседании Ученого совета, где профессор П.Ю. Шмидт назначался ответственным за его доставку [21. Л. 2].

Льва Семеновича волновали и другие вопросы развития курорта. 21 июля 1943 г. он обращается с докладной запиской в госзаповедник с предложением организовать водомерные наблюдения на озерах Боровского заповедника, в первую очередь на озерах Боровом и Большом Чебачьем. Ранее такие наблюде-

ния на них велись, но с началом войны были прекращены [24. Л. 1–2].

Занимаясь изучением природы курорта и рыб в озерах заповедника, ученый не забывал, конечно, о своих ранее начатых трудах. Он исключительно много сделал для познания русского классического географического наследства. В эвакуации им было подготовлено к печати третье расширенное издание книги «Открытие Камчатки и экспедиции В. Беринга. 1725–1742», он продолжал писать дополнения для нового издания своей книги «Природа СССР», готовил материалы для статьи «Обзор успехов ихтиологии в СССР с 1937 по 1942 гг.», написал ряд статей по ихтиологии для атласа «Промысловые рыбы СССР».

В Боровом Львом Семеновичем были написаны также статьи «Фации, географические аспекты и географические зоны», «О происхождении уральских бокситов», «О предполагаемой цикличности или периодичности в образовании осадочных пород».

По просьбе администрации заповедника он готовил научные отзывы на различные исследования, выполненные сотрудниками заповедника. 30 декабря Лев Семенович представляет в Ученый совет заключения о зоологических работах, проведенных в заповеднике за последнее время. В первую очередь он дает отзыв об отчетах Д. Кунакова и И.О. Мороза о фауне млекопитающих и птиц, а также об отчете о гидробиологических исследованиях, проведенных Хусаиновой. Рецензирует отчет С. Кременецкой по теме «Интродукция охотничье-промысловых млекопитающих: птиц и рыб» и отчет Д.М. Сухова «Изучение водного режима заповедника (озера, реки, ключи, грунтовые воды)». Дает отзыв о микроклиматических работах О.М. Садомцевой [22. Л. 3–8].

Помимо научных работ, Л.С. Берг сумел написать в эвакуации еще и «Боровские были». В них он рассказал различные забавные истории из жизни академического коллектива. Кроме того, записал «Дедушкины сказки», которые экспромтом создавал во время вечерних прогулок с семьей.

Следует сказать, что за свою более чем 50-летнюю научную деятельность Л.С. Берг опубликовал свыше 700 работ, не считая многочисленных (около 200) рецензий и заметок, представляющих научный интерес, а также значительное количество статей в энциклопедиях. Основная часть его научных трудов посвящена ихтиологии и географии. Патриотизм, любовь к Родине пронизывают все работы ученого.

В условиях эвакуации члены академической группы регулярно проводили свои заседания и собрания, внимательно следили за военными действиями, положением на фронтах, за самоотверженной работой в тылу. По воскресным дням в читальном зале библиотеки курорта проводились собрания, читались лекции и доклады.

В этой связи надо отметить, что Л.С. Берг не только читал, но и сам непосредственно организовывал лекции и чтения. Теперь перед ним собиралась уже не студенческая аудитория, а слушатели в госпиталях, санатории или в школе. Научному потенциалу лекторов, собравшихся на курорте Боровое, могли бы позавидовать ведущие Академии и университеты мира.

Ученый был страстным книголюбом и регулярно посещал библиотеку. Он хорошо владел немецким, английским и французским языками, свободно читал в оригинале латинских и греческих классиков.

С каким энтузиазмом ученый занимался научной работой, с таким же он выполнял и общественные поручения. Лев Семенович был одним из наиболее инициативных бессменных членов «Распределительного бюро академической группы». Здесь особенно проявилась замечательная сторона его характера: ученый был совестью коллектива, арбитром в спорных вопросах, бескорыстным помощником и поддержкой всех нуждающихся. Он каждого выслушивал, старался помочь, вникал во все детали бытовых неурядиц и недоразумений. При этом не терял самообладания и оптимизма и к нелепым ситуациям, которых бывало немало, относился с неизбывным чувством юмора. Его всегда отличала необычайная аккуратность: что обещал, то всегда обязательно выполнял в срок [16. С. 38–39].

В августе 1944 г. Л.С. Берг выехал из Борового и 29 числа был в Ленинграде. Эвакуация окончилась, но научная работа продолжалась. В 1946 г. Л.С. Берг после долгих интриг и необоснованных обвинений был избран в академики. Первый раз он выдвигался еще в 1939 г., где из-за доноса чуть не угодил в сталинские лагеря. Его дочь, Раиса Львовна, вспоминает: «Свершилось это чудо совершенно случайно. Его выдвигали и в 1943-м, и в 1946 г., но шансы на избрание были оба раза нулевые.

И вот, в 1946 г. на одно место по Географическому отделению выдвинуты два кандидата – Берг и Баранский, и тут случилось нечто неслыханное. Баранский от избрания отказался. “Никто не может быть академиком, если Берг не академик”, – написал этот удивительный человек в Президиум Академии наук... Но Баранский понес кару за свое отречение. Он не был избран никогда» [25. С. 265]. Скончался 24 декабря 1950 г. в Ленинграде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л.С., Игнатъев П.Г. Соленые озера Селеты-денгиз, Теке и Кызыл-как Омского уезда. Физико-географический очерк. М.: Синод. Тип., 1901. 92 с.
2. Бейсенова А.С. Роль русских ученых в познании природы Казахстана (с древнейших времен до середины XX века). Алматы: Мектеп, 2011.
3. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. 69. Оп. 1. Д. 7.
4. Донцова З.Н. Л.С. Берг и Туркестанский отдел Русского Географического общества // Памяти академика Л.С. Берга. 1955.
5. Отчет правления Туркестанского отдела за 1902 г. // Известия Туркестанского отдела РГО. 1902. Т. 6.
6. Балхашская экспедиция летом 1903 года // Туркестанские Ведомости. 1903. 20 нояб. № 93; 27 нояб. № 95; 10 дек. № 100; 17 дек. № 103.
7. Иссык-Куль (Озеро Иссык-Куль) // Землеведение. 1904. Т. 11, кн. 1–2.
8. Ладожское озеро и некоторые озера Кавказа (Заметка об уровне некоторых озер Армянского плоскогорья // Землеведение. 1910. Т. 17, кн. 2).
9. ЦГА РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 73.
10. Илев Н.П. Находки краеведа. Алма-Ата: Казахстан, 1977.
11. Абилов А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в. (Из фондов Центрального архива Академии наук Казахской ССР). Алма-Ата: Гылым, 1990.
12. Лев Семенович Берг (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Казахского филиала АН СССР. 1946. № 4 (13).
13. Вестник Академии наук Казахской ССР. 1951. № 1 (70).
14. Правдин И.Ф., Чепурнов В.С. Академик Л.С. Берг (1876–1950). Кишинев: Госиздат Молдавии, 1956.
15. Вернадский о Берге. 12.V.1942 г. Вторник. Боровое // В.И. Вернадский. Дневники. 1941–1943. М.: РОССПЭН, 2010. 542 с.
16. Шкрьюль П. В Боровом в годы войны. Рукопись. Кокчетав, 1987–1994 гг.
17. Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0131.
18. Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 3. Д. 0113.
19. Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 29. Д. 0110.
20. Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129.
21. Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142.
22. Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 40. Д. 0143.
23. Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 34. Дело 0130.
24. Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 28. Д. 0111.
25. Берг Р.Л. Суховой. Воспоминания генетика. М., 2003 (Памятники исторической мысли. Ориг. изд.: Нью-Йорк: Чалидзе, 1983).

Статья представлена научной редакцией «История» 31 марта 2015 г.

THE GREAT GEOGRAPHER OF EURASIA (LEV SEMENOVICH BERG)

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 93–98. DOI: 10.17223/15617793/398/14

Absemetov Marat O. National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: keden-kz@mail.ru

Keywords: Imperial Moscow University; limnologist; climatologist; geomorphologist; zoologist.

Berg Lev Semenovich (1876–1950) was a geographer, a limnologist, a climatologist and a soil scientist, a lithologist and a geomorphologist, a paleogeographer, a historian of geography and a zoologist. In pre-revolutionary time, Lev Semenovich took an active part in expeditions of the Imperial Russian Geographical Society, and during the Soviet period he was the president of the Geographical Society of the USSR, an honorary member of many world Academies. 60 species of plants and animals, two glaciers on Pamir and Dzungarian Ala Tau, a cape on one of the islands of Severnaya Zemlya, a volcano on the island Uryup of the Kuril Ridge, etc. are named after him. In 1898, after graduation from the Imperial Moscow State University he investigated the salty lakes of Northern Kazakhstan: Selety-Dengiz, Kzyl-Kak and Teke. In 1906, L.S. Berg visited the eastern coast of the Aral Sea where he collected geological and zoological materials later processed with the participation of prominent scientists. In 1909, Berg presented his scientific work *The Aral Sea. An Experience of a Physiographic Monograph* in Moscow University as a thesis for a master degree. He was awarded a doctor degree. In 1902, after the end of the Aral expedition, the Balkhash one began. The Balkhash expedition, as well as

the Aral one, had an important scientific value. On the materials of these expeditions L.S. Berg came to the understanding of limnology as a new branch of geography. Fundamental studies of the coast and lakes, as well as of issues of economic activity and operational opportunities of the Aral and Balkhash basins led the scientist to a modern view on them. Except the Aral Sea and the Kazakh lakes of Balkhash, Teniz, Kurgaldzhino, L.S. Berg also studied the Caspian Sea. At the beginning of the Great Patriotic War, Berg, together with his wife and grandson, left the besieged Leningrad and, by the order of the government arrived to the Kazakhstan resort Borovoye. In Borovoye the scientist took an active part in the scientific activity of the reserve. Studying the climate of the resort Borovoye, a large anti-tubercular and ecological health resort of the Soviet Union, was one of his main research topics. L.S. Berg collected a lot of material for the definition of the age of the perch and other different species of fish from lakes Borovoye and Bolshoye Chebachye. The scientist suggested populating lakes with more valuable species of fish, first of all, the common carp from Lake Balkhash. More than 50 years of L.S. Berg's scientific activity resulted in the publication of over 700 works of scientific interest, and also a significant number of encyclopedia entries.

REFERENCES

1. Berg, L.S. & Ignat'ev, P.G. (1901) *Solenye ozero Selety-dengiz. Teke i Kyzyl-kak Omskogo uezda. Fiziko-geograficheskiy ocherk* [Salt lakes Selety-dengiz, Teke and Kyzyl-kak of Omsk uezd. Physico-geographical essay]. Moscow: Sinod. Tip.
2. Beysenova, A.S. (2011) *Rol' russkikh uchenykh v poznanii prirody Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do serediny XX veka)* [The role of Russian scientists in the knowledge of the nature of Kazakhstan (from ancient times until the middle of the 20th century)]. Almaty: Mektep.
3. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund 69. List 1. File 7.
4. Dontsova, Z.N. (1955) L.S. Berg i Turkestanskiy otdel Russkogo Geograficheskogo obshchestva [L.S. Berg and Turkestan department of the Russian Geographical Society]. In: Murzaev, E.M. (ed.) *Pamyati akademika L.S. Berga* [In memory of Academician L.S. Berg]. Moscow: USSR AS.
5. Turkestan Department of Russian Geographical Society. (1902) Otchet pravleniya Turkestanskogo otdela za 1902 g. [Report of the Board of the Department of Turkestan Department for 1902]. *Izvestiya Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 6.
6. Berg, L.S. (1903) Balkhashskaya ekspeditsiya letom 1903 goda [The Balkhash expedition in the summer of 1903]. *Turkestanskije Vedomosti*. 93; 95; 100; 103.
7. Berg, L.S. (1904) Issyk-Kul' (Ozero Issyk-Kul') [Issyk-Kul (Lake Issyk Kul)]. *Zemlevedenie*. 11:1–2.
8. Berg, L.S. (1910) Ladozhskoe ozero i nekotorye ozero Kavkaza (Zametka ob urovne nekotorykh ozer Armyanskogo ploskogor'ya [Lake Ladoga lake and some of the Caucasus lakes (Note on the level of some lakes of the Armenian plateau)]. *Zemlevedenie*. 17:2).
9. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund 69. List 1. File 73.
10. Ivlev, N.P. (1977) *Nakhodki kraevedy* [Finds of a local historian]. Alma-Ata: Kazakhstan.
11. Abilev, A.K. & Akhanov, Zh.A. (1990) *Iz istorii deyatelnosti nauchnykh uchrezhdeniy po izucheniyu Kazakhstana XIX – nachala XX v. (Iz fondov Tsentral'nogo arkhiva Akademii nauk Kazakhskoy SSR)* [From the history of the scientific institutions activities of studying Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries. (From the funds of the Central Archive of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)]. Alma-Ata: Gylym.
12. Anon. (1946) Lev Semenovich Berg (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) [Lev Semenovich Berg (70th anniversary)]. *Vestnik Kazakhskogo filiala AN SSSR*. 4 (13).
13. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. (1951) *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR*. 1 (70).
14. Pravdin, I.F. & Chepurinov, V.S. (1956) *Akademik L.S. Berg (1876–1950)* [Academician L.S. Berg (1876–1950)]. Kishinev: Gosizdat Moldavii.
15. Vernadsky, V.I. (2010) Vernadskiy o Berge. 12.V.1942 g. Vtornik. Borovoe [Vernadsky on Berg. 12 May 1942. Tuesday. Borovoye]. In: Vernadsky, V.I. *Dnevnik. 1941–1943* [Diaries. 1941–1943]. Moscow: ROSSPEN.
16. Shkryl', P. (1987–1994) *V Borovom v gody voyny* [In Borovoye during the war]. Unpublished.
17. Archive of Borovoye National Reserve. Materials. Section IV. No. 4. File 0131.
18. Archive of Borovoye National Reserve. Materials. Section IV. No. 3. File 0113.
19. Archive of Borovoye National Reserve. Scientific Fund. Section III. No. 29. File 0110.
20. Archive of Borovoye National Reserve. Materials. Section I. No. 16. File 0129.
21. Archive of Borovoye National Reserve. Materials. Section IV. No. 5. File 0142.
22. Archive of Borovoye National Reserve. Scientific Fund. Section III. No. 40. File 0143.
23. Archive of Borovoye National Reserve. Scientific Fund. Section III. No. 34. File 0130.
24. Archive of Borovoye National Reserve. Scientific Fund. Section III. No. 28. File 0111.
25. Berg, R.L. (2003) *Sukhovey. Vospominaniya genetika* [Dry hotwind. Memories of a genetic]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Received: 31 March 2015

УДК 37.075+(571.1)

О.А. Голикова

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНЫМИ ШКОЛАМИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (1885–1917 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Историография вопроса создания и развития дирекций народных училищ Западно-Сибирского учебного округа, несмотря на имеющиеся в этой области исследования, дает лишь фрагментарное освещение некоторых аспектов. Первые работы, появившиеся в начале прошлого века, носили, как правило, описательный характер и не давали возможность представить целостную картину о состоянии дирекции. Исследователи советского периода и современные ученые затрагивают в своих научных изысканиях лишь отдельные вопросы, это позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая тема не получила должного освещения.

Ключевые слова: историография; народное образование; просвещение; Западная Сибирь.

Образование – это та отрасль, которая отвечает за формирование интеллектуального потенциала России, поэтому в условиях повсеместной модернизации не может оставаться в стороне от изменений. Любые реформы должны проводиться с учетом накопленного опыта. В связи с этим актуальным является проведение комплексного анализа имеющихся знаний, связанных с реформаторской деятельностью, проводившейся ранее в сфере образования. Нужно учитывать влияние внешних и внутренних экономических и политических факторов, историко-культурных и национальных традиций для определения целесообразности реформ. Преобразования должны проходить с учетом ретроспективного анализа системы образования отечественного государства. Исследования в данной области обогащают представления о реальностях прошлого, позволяют учесть положительный опыт и предостеречь от повторения допущенных ошибок.

Управление начальными училищами Западно-Сибирского учебного округа на момент его ликвидации было возложено на дирекцию народных училищ. Дирекция – учебно-административный орган в Российской империи. В ее ведении находились начальные училища. Во главе дирекции стоял директор, которому подчинялись инспектора. В Европейской части страны дирекции стали создаваться с 1874 г., их главными задачами было заведование училищами, осуществление хозяйственно-административных, финансовых, учебных функций, а также выполнение политического надзора за ними. Директора подчинялись попечителю учебного округа и являлись членами училищных советов – коллегиального органа заведования образованием на местах. Создание подобной системы для Западной Сибири представляло определенные трудности, изучению которых посвящено значительное количество работ. Историографию вопроса можно разделить в хронологической последовательности на три периода: дореволюционный, советский и современный, а также выделить исследования, изучающие начальное образование страны в целом и региональные работы.

В дореволюционном периоде были заложены основы изучения истории начальной школы России. Исследователи относились к разным направлениям

политической мысли, что наложило отпечаток на оценку описываемых ими событий. В начале XX в. значительно возрос интерес общественности к начальному образованию, что объясняется деятельностью правительства по введению всеобщего начального обучения. Работы этого времени условно разделяются на два направления: либеральное (земское) и государственное (официальное). К первой группе относятся представители общественно-педагогического движения второй половины XIX – начала XX в.: Н.В. Чехов, А.С. Пругавин, Г.А. Фальборк, В. Чернолуский; ко второй – С.В. Рождественский, Б.В. Формановский, А.Н. Куломзин. Представители первого направления рассматривали только ту часть страны, где существовали земства, критически относились к политике правительства в области формирования системы управления образованием, опирались на статистические данные, выдвигали смелые предложения. Земский деятель Н.В. Чехов оценивал создание дирекций негативно в силу того, что они вывели за пределы компетенции земств все школьные вопросы, за исключением хозяйственных. Критике подвергались инспектора, директора, училищные советы [1. С. 165].

В исследованиях официального направления представлено более сдержанное освещение событий, раскрывающих историю образования, так как они отражали официальную политику государства. Правительственные мероприятия оценивались как необходимые меры, направленные на развитие и совершенствование просвещения. С.В. Рождественский поддерживал все начинания министерства по разработке единой системы управления начальными школами, так как видел в этом залог ее прогрессивного развития [2. С. 542]. Создание дирекций рассматривалось в рамках общегосударственных мероприятий правительства, направленных на формирование системы управления образованием в целом.

Первые исследования, посвященные истории начального образования Западной Сибири, появились в начале XX в. В работах губернских директоров Н.К. Рамзевича и Г.Я. Маляревского показана деятельность дирекций, училищных советов, съездов инспекторов, совещаний учителей. Суждения и выводы основывались на статистических данных, многие

из которых авторы подвергли критическому осмыслению. Например, Н.К. Рамзевич отмечал, что «...имеющиеся данные можно принимать только как условные, в силу того что возможность получить точные сведения отсутствует...» [3. С. 31]. Однако, несмотря на критический подход, некоторые умозаключения авторов вызывают сомнения. В частности, мнение Н.К. Рамзевича о том, что уже в 1908 г. в городах Томской губернии практически завершилось введение всеобщего обучения [Там же. С. 48]. Стремление выдать желаемое за действительное было вызвано необходимой подотчетностью министерству, что вполне объяснимо.

Вопросами образования Томской губернии занимались П. Голубев, М. Михайловский, Д. Вольфсон, П.Т. Виноградов, А. Мисюрев, А.П. Успенский и др. Интерес представляют работы П.Т. Виноградова, в которых он раскрыл состояние школьного дела городского и сельского населения, осветил развитие просвещения в переселенческих поселках. Автор показал, что уровень грамотности горожан значительно выше, чем у селян. Сравнивая региональный уровень развития образования с европейской частью страны, он выявил ряд сложностей, стоявших перед школьным образованием [4. С. 25]. А. Мисюрев показал необходимость создания дирекции, отметил допущенные при ее организации просчеты, перечислил сложности, с которыми пришлось столкнуться в процессе ее деятельности [5. С. 46].

Система образования в Тобольской губернии представлена в работе Н.И. Палопеженцева. Вывод автора о состоянии начального образования в Ялуторовском округе в целом отражал положение ситуации во всей губернии: нехватка школ и педагогических кадров, плачевное состояние имевшихся учебных заведений и др. Большую заслугу в организации школьного процесса автор видел в деятельности епархиального начальства, благодаря которому началось развитие обучения в округе. Однако оно не смогло справиться со всеми возникшими трудностями, в результате чего «школьное дело пало» [6. С. 64].

Вопросами образования занимались представители областнического движения. Например, Н.М. Ядринцев критиковал политику правительства по отношению к просвещению в Сибири, так как оно не стремилось решать имевшиеся проблемы. Отсюда его отрицательная оценка, он считал, что состояние школьного дела «просто катастрофическое» [7. С. 374]. Областник Г.Я. Потанин указывал на многие сложности сибирского просвещения и связывал будущее школы с повышением активности местных общественных организаций в жизни края. Определенный прогресс был возможен в городской среде, в то время как в сельской изменить ситуацию являлось очень сложным делом [8].

В целом дореволюционная историография содержит богатый фактический и статистический материал. Авторы описывали происходившие события, принимали попытки систематизации, анализа, осмысления и научной обработки данных.

После революции 1917 г. проблемы образования продолжали интересовать исследователей, что связано с необходимостью введения всеобщего начального обучения. В 1920-е гг. происходило становление марксистской методологии, у истоков которой стояли А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, М.Н. Покровский. В довоенный период работы не отличались глубиной исследования и, как правило, затрагивали конкретную проблему, не являясь комплексным исследованием. В статьях К. Бендрикова оцениваются организационные мероприятия правительства, связанные с попытками введения всеобщего начального обучения. Действия государства получили отрицательную оценку, а причины неудач реформирования были найдены в бюрократичности госаппарата и чиновничьей волоките [9. С. 53]. В статьях А.В. Ососкова и Ф.Ф. Королева действия царского правительства по реформированию существовавшей системы рассматриваются через призму потребностей капиталистического развития. Авторы показывали, что школьная система начала складываться только под давлением новых экономических условий и реформ 60–70-х гг. XIX в. В силу этого правительство пыталось приспособить самодержавный политический строй к потребностям развивающегося капитализма. По причине медлительности и нежелания чиновников проводить серьезные изменения в стране так и не было введено всеобщее обучение [10. С. 64].

Работа А.В. Козырева интересна тем, что в ней уделено непосредственное внимание вопросам дирекций. Автор отрицательно оценил их деятельность, так как считал, что дирекции усилили надзор правительства за школами и главное внимание сосредоточили не на получении знаний учащимися, а на их воспитании в религиозно-нравственном духе. С введением дирекций школа стала орудием правительства для идеологической обработки масс в духе монархизма и православия. Земства практически лишились участия в жизни начальной школы [11. С. 19].

Схожая оценка дирекциям дана и в работе Н.А. Константинова и В.Я. Струминского [12. С. 215]. Они отрицательно оценили создание инспекций и дирекций, потому что видели в этом стремление Министерства народного просвещения минимизировать участие земских органов самоуправления в процессе просвещения. В отличие от работы А.В. Козырева, авторы дали более сдержанную оценку дирекциям, избегая резких формулировок и категоричных суждений.

Своеобразным итогом стала работа «Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР». Оценивая политику правительства, авторы пришли к выводу, что государство стремилось управлять обществом через школу. Этим они объясняли консервативность правительства в области реформ и нежелание удовлетворить потребность населения в грамоте, так как сама школа являлась рассадником «революционной заразы» [13. С. 471]. Кроме этого, ученые впервые обратились к рассмотрению последствий правительственных мероприятий на региональном уровне.

В целом работы советских исследователей вывели изучение истории образования России на качественно новый уровень. Характерными чертами стало негативное отношение к проводимым мероприятиям правительства, упреки государству в консервативности и нежелании соотносить свои действия с реальными потребностями страны, отрицательное суждение об эффективности существовавшего порядка в сфере просвещения. Ученые стали подвергать рассматриваемые события историческому анализу, использовать методологию при построении научной концепции.

Первой работой советского периода по истории образования Западной Сибири стал труд Н.С. Юрцовского. Опираясь на статистические данные, архивные материалы и периодическую печать, автор проследил развитие сибирской школы от ее истоков до начала XX в., выделил этапы развития, показав эволюцию школьного дела. Он отметил низкую грамотность сибиряков, острую нехватку начальных школ, низкий уровень образованности женского населения. В заключении автор пришел к выводу, что просвещение в Сибири повторяло историко-педагогический опыт, накопленный в центральных регионах страны, а дирекции являлись необходимым органом контроля [14. С. 341].

В 50-е гг. XX в. существенно повысился интерес к проблеме образования в Сибири, в том числе начального. Большой вклад в это внесли исследования Ф.Ф. Шамахова. Сфера его интересов охватила различные аспекты, начиная от внешкольного обучения и заканчивая подготовкой педагогических кадров. Автор впервые выделил особенности развития просвещения в Сибири, провел типовой анализ школ, осветил некоторые вопросы деятельности дирекций народных училищ. Однако, несмотря на безусловные заслуги, ряд выводов Шамахова сегодня являются спорными, например, в оценке мероприятий, проводимых министерством в области образования, выводы по поводу деятельности дирекции, влиянию экономического фактора на просвещение Сибири [15. С. 38].

Авторы академического издания «История Сибири» дали высокую оценку деятельности П. Макушина и «Общества попечения о начальном образовании» города Томска, активности Е.Д. Зубашева, и в целом общественной деятельности томичей. Вывод авторов о том, что Сибирь в целом значительно отставала от центральной части страны по причине нежелания государства предпринимать своевременные и необходимые действия по реформированию, вполне логичен и закономерен [16].

Развитие просвещению Тобольской губернии представлено в исследованиях А.Н. Копылова и Д.И. Копылова, В.Г. Новикова. Ученые проанализировали постановку школьного дела, состояние учебных заведений, их количество, обеспеченность учительскими кадрами. Опора на архивный материал позволила существенно восполнить имевшиеся пробелы по истории образования региона и показать, что просвещение составляло основу духовного прогресса сибиряков и поэтому развивалось в тех формах, кото-

рые отвечали их жизненным интересам и потребностям. [17. С. 83].

В целом сибирские исследователи ввели в научный оборот большое количество архивного материала, данные периодической печати, расширили и углубили проблематику исследований, что дало возможность перейти к научному анализу и обобщению исторического материала по исследуемой теме. Общеобразовательная школа получила широкое освещение, но система ее управления не стала предметом исследования ученых.

Заслуга советских исследователей состоит в том, что они провели большую работу по изучению различных вопросов образования, заложили основы для разработки ряда проблем, интересующих ученых сегодня, обозначили переход на качественно новый уровень исторического исследования. Но использование господствовавшего методологического подхода, не дало возможности для всестороннего рассмотрения ряда проблем, связанных с развитием начального образования.

Третий период – современный, относится к началу 90-х гг. прошлого века. Произошедшие в 1990-е гг. в России кардинальные перемены в политической, социально-экономической, культурной жизни потребовали адекватных шагов правительства в образовательной сфере. Поиск наиболее оптимальной модели реформирования заставил ученых вновь обратиться к историческому опыту страны. Исследователи постепенно стали освобождаться от идеологического и политического давления, что позволило заняться комплексным исследованием различных аспектов по истории образования второй половины XIX – начала XX в.

В 1990-е гг. появляются работы, посвященные истории образования в России. Среди исследователей этого периода можно отметить И.А. Соловкова, И.В. Фомичева, А.В. Овчинникова, В.Ф. Абрамова, А.Н. Шевелева. В монографии И.В. Фомичева в центре внимания находятся особенности развития начальной школы России до Февральской революции, а именно видовое многообразие школ, обусловленное различной ведомственной принадлежностью, источниками финансирования, одновременно действующими уставами, правилами, положениями, регламентирующими школьную жизнь. Исследователь выделил наиболее приемлемый, на его взгляд, критерий разделения учебных заведений – ведомственную принадлежность школ, тем самым обозначив рассмотрение развития общеобразовательной школы с новых позиций [18. С. 135].

Интересна позиция Н.В. Овчинникова. Автор пришел к выводу, что правительство проводило взвешенную политику, направленную на удовлетворение потребностей населения в начальных знаниях. В общих чертах в рамках центральной части России система управления сложилась к 1872 г., после сократилось число принимаемых законов общегосударственного масштаба. На местах же, наоборот, на это время наблюдался всплеск активности в области реформирования школьной системы. Мероприятия правитель-

ства имели вполне прогрессивное влияние на развитие начального образования [19].

М.В. Савин провел анализ законодательной деятельности государства в области просвещения России XIX – начала XX в., выявил приоритеты правительства в сфере образования и показал степень их отражения в общественно-педагогическом сознании. Автор пришел к выводу, что государственные преобразования играли первостепенную роль в области реформирования [20. С. 183].

Сибирские ученые занимаются детальным изучением различных аспектов образования региона. Большое количество диссертаций, представленных на защиту сибирскими исследователями в начале XXI в., научных статей, материалов конференций раскрывают специфику просвещения Западной Сибири в целом. Исследователь А.В. Блинов уделяет внимание созданию и развитию Западно-Сибирского учебного округа в целом [21], Ю.Ю. Гизей рассматривает церковно-приходские школы Томской епархии [22], И.С. Сквородина изучает развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири [23]. В.С. Сулимов выделил специфику и особенности развития школьного образования, критически пере-

смотрел ряд выводов Ф.Ф. Шамахова и доказал во многом их несостоятельность. Скептически оценивая суждения Н.С. Юрцовского, он предложил по-новому взглянуть на переселенческое движение и его влияние на начальное образование Тобольской губернии [24. С. 83].

Современные авторы с новых методологических позиций и принципов исторического исследования критически подходят к обработке имеющегося материала, подвергают всестороннему анализу полученные данные, что позволяет им добиться более объективных оценок при осмыслении ряда вопросов.

В целом по истории образования исследуемого периода собран, опубликован и интерпретирован богатый фактический материал. Наиболее полно раскрыты вопросы, связанные с высшим, средним, начальным, женским образованием. Но система заведования школами Западной Сибири, несмотря на значительный объем научных исследований, упоминается лишь фрагментарно, при этом внимание уделяется Тобольской и Томской губерниям. В изучении начального образования Акмолинской и Семипалатинской областей имеется наибольший информационный вакуум, что на сегодняшний день дает ученым возможность для научных изысканий в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.
2. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности МНП (1802–1902). СПб., 1902.
3. Рамзевич Н.К. К вопросу о всеобщем обучении в Томской губернии // Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Издание Томской губернской типографии, 1908. Ч. II. 54 с.
4. Виноградов П.Т. К вопросу об обязательности обучения в начальных школах России. Томск, 1906.
5. Мисюров В. Краткие сведения по истории дирекции училищ города Томска. Томск, 1913.
6. Палонжеженцев Н. Народное образование в городе Ялуторовск и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк). Ч. 2: Современное состояние начального образования. Тобольск, 1895.
7. Ядрищев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882.
8. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
9. Бендриков К.Е. Школьная сеть в России перед Февральской революцией // Народное образование. 1947. № 3.
10. Королев Ф.Ф. Народное образование в России накануне Февральской революции 1917 г. // Советская педагогика. 1951. № 12.
11. Козырев А.В. Народное образование в России во второй половине XIX в. Ставрополь, 1948.
12. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования России. М., 1963.
13. Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.
14. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. Новониколаевск, 1923. Вып. 1.
15. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1957.
16. История Сибири. Л., 1968. Т. 3.
17. Копылов Д.И. Тобольск (Первый очерк дооктябрьского Тобольска). Свердловск, 1986.
18. Фомичев И.В. Развитие общеобразовательной школы в России до 1917 г. Воронеж, 1996.
19. Овчинников А.В. Политико-правовой процесс в отечественном образовании 1801–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2009.
20. Савин М.В. История русской школы. Волгоград, 2003.
21. Блинов А.В. Практические направления деятельности «Общества попечения о начальном образовании в городе Томске» в годы представительства П.И. Макушина по развитию народного просвещения // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3(15).
22. Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово, 2004.
23. Сквородина И.С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003.
24. Сулимов В.С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 апреля 2015 г.

CREATION AND DEVELOPMENT OF A CONTROL SYSTEM OF ELEMENTARY SCHOOLS IN THE WEST SIBERIAN EDUCATIONAL DISTRICT (1885–1917): HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 99–103. DOI: 10.17223/15617793/398/15

Golikova Olga A. Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: moms@yandex.ru

Keywords: historiography; national education; education; Western Siberia.

The Directorate was an educational and administrative body in Russia which supervised primary schools. In the European part of the country first directorates appeared in 1874, in Western Siberia in 1900. The historiography of the question can be divided into three periods: pre-revolutionary, Soviet and modern; each period has research on primary education in the country in general and at the regional level. Authors of the pre-revolutionary period, N. V. Chekhov, G.A. Falbork, V. Charnolusky, S.V. Rozhdestvensky, A.N. Kulomzin, laid the foundation of the study of history of primary school of Russia, paid attention to the territorial part of the country and critically assessed activities of the government on education reforming. Works by K. Ramzevich, G.Ya. Malyarevsky, P.T. Vinogradov, A. Misyurev, A. P. Uspenskiy on the history of primary education in Western Siberia represent actual and statistical material, attempts of its systematization, analysis, judgment and scientific processing. Soviet researchers V.Z. Smirnov, N.A. Konstantinov, V.Ya. Struminsky and others negatively assessed activities of the government, pointed to its conservatism and unwillingness to consider the real needs of the country. Siberian scientists N.S. Yurtsovsky, F.F. Shamakhov, A.N. Kopylova, G. Novikova, authors of *The History of Siberia*, studied various questions of education, laid the foundation for development of a number of problems interesting for scientists today, showed transition to a qualitatively new level of historical research. Modern writers I.A. Solovkov, I.V. Fomichev, A.V. Ovchinnikov, V.F. Abramov and others analyze the legislative activity of the state in the educational sphere, study departmental attribution of educational institutions. Siberian scientists are engaged in a detailed study of various aspects of formation of the region. Authors A.A. Blinov, Yu.Yu. Gizzey, I.S. Skovorodina and others pay attention to the problem of formation of the West Siberian educational district, to the level of education of Siberians, higher, secondary, primary, female education, education societies, separate types of educational institutions. In general, the topic of the history of education of the studied period is represented by rich actual material which was collected, published and interpreted. The questions connected with the higher, secondary, primary, female education are most fully described. But the system of school management in Western Siberia is mentioned only fragmentary, thus attention is paid to Tobolsk and Tomsk provinces. The study of primary education of Akmolinsky and Semipalatinsk oblasts has the greatest information vacuum, which today gives scholars opportunities for scientific research in this area.

REFERENCES

1. Chekhov, N. V. (1912) *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka* [Education in Russia in 1860s]. Moscow.
2. Rozhdestvenskiy, S. V. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatelnosti MNP (1802–1902)* [Historical review of the Ministry of People's Education (1802–1902)]. St. Petersburg.
3. Ramzevich, N. K. (1908) K voprosu o vseobshchem obuchenii v Tomskoy gubernii [On universal education in Tomsk province]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1908 god* [A memorial book of Tomsk province in 1908]. Pt. 2. Tomsk: Izdanie Tomskoy gubernskoy tipografii.
4. Vinogradov, P. T. (1906) *K voprosu ob obyazatel'nosti obucheniya v nachal'nykh shkolakh Rossii* [On the question of compulsory education in primary schools in Russia]. Tomsk.
5. Misyurev, V. (1913) *Kratkie svedeniya po istorii direktsii uchilishch goroda Tomsk* [Brief information on the history of the Directorate of professional colleges of the city of Tomsk]. Tomsk: Tipografiya Doma trudolyubiya.
6. Palopezhentsev, N. (1895) *Narodnoe obrazovanie v gorode Yalutorovsk i Yalutorovskom okruge Tobol'skoy gubernii (istoriko-statisticheskiy ocherk)* [Education in the city of Yalutorovsk and Yalutorovsk county of Tobolsk Province (historical and statistical review)]. Pt. 2. Tobolsk.
7. Yadrintsev, N. M. (1882) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a colony]. St. Petersburg.
8. Potanin, G. N. (1908) *Goroda Sibiri* [Cities of Siberia]. In: Mel'nik, I. S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy* [Siberia, its current status and needs]. St. Petersburg: Izdanie A. F. Devriena.
9. Bendrikov, K. E. (1947) *Shkol'naya set' v Rossii pered Fevral'skoy revolyutsiei* [The school network in Russia before the February Revolution]. *Narodnoe obrazovanie*. 3.
10. Korolev, F. F. (1951) *Narodnoe obrazovanie v Rossii nakanune Fevral'skoy revolyutsii 1917 g.* [Public education in Russia on the eve of the February 1917 revolution]. *Sovetskaya pedagogika*. 12.
11. Kozyrev, A. V. (1948) *Narodnoe obrazovanie v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Public education in Russia in the second half of the 19th century]. Stavropol.
12. Konstantinov, N. A. & Struminskiy, V. Ya. (1963) *Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya Rossii* [Essays on the history of primary education in Russia]. Moscow: Uchpedgiz, tipografiya "Kr. proletariy".
13. Piskunov, A. I. (ed.) (1976) *Ocherki po istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the 19th century]. Moscow: Pedagogika.
14. Yurtsovskiy, N. S. (1923) *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Obshchiy khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri. 1703–1917 gg.* [Essays on the history of education in Siberia. The general course of the development of education in Siberia. 1703–1917]. Is. 1. Novonikolaevsk.
15. Shamakhov, F. F. (1957) *Shkola Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [School of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Okladnikov, A. P. & Shunkov, V. I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney : v 5-i tomakh* [History of Siberia since ancient times until today]. V. 3. Leningrad: Nauka.
17. Kopylov, D. I. (1986) *Tobol'sk (Pervyy ocherk dooktyabr'skogo Tobol'ska)* [Tobolsk (first sketch of the pre-October Tobolsk)]. Sverdlovsk.
18. Fomichev, I. V. (1996) *Razvitie obshcheobrazovatel'noy shkoly v Rossii do 1917 g.* [The development of a comprehensive school in Russia before 1917]. Voronezh.
19. Ovchinnikov, A. V. (2009) *Politiko-pravovoy protsess v otechestvennom obrazovanii 1801–1917 gg.* [The political and legal process in the domestic education in 1801–1917]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
20. Savin, M. V. (2003) *Istoriya russkoy shkoly* [History of the Russian school]. Volgograd.
21. Blinov, A. V. (2011) *Activities of the Society for the Guardianship of Elementary School in Tomsk in the Years of P. I. Makushin's Presidency in the Sphere of Public Education Development. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). (In Russian).
22. Gizzey, Yu. Yu. (2004) *Tserkovno-prikhodskaya shkola Tomskoy eparkhii (1884–1917)* [The parish school of Tomsk diocese (1884–1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
23. Skovorodina, I. S. (1951) *Razvitie nizshego i srednego professional'nogo obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Development of the primary and secondary vocational education in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
24. Sulimov, V. S. (1995) *Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the history of public education in Western Siberia]. Tyumen: Tyumen State University.

Received: 23 April 2015

ВКЛАД ПРЕССЫ И РАДИО ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ДОСТИЖЕНИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Показана ключевая роль прессы и радио в сплочении и мобилизации жителей Тувинской Народной Республики на помощь СССР в 1941–1945 гг. СМИ обеспечили быструю перестройку работы предприятий на военный лад, участие населения в соцсоревнованиях и кампаниях по оказанию помощи. Несмотря на перебои с электричеством, недостаток финансовых средств, бумаги и другие трудности, они регулярно освещали события с фронта, подвиги участников войны, вызывая тем самым рост патриотических настроений. Весомая материальная помощь Красной армии и освобожденным от фашистов районам, моральная поддержка солдатам явились в немалой степени результатом их агитационно-пропагандистской деятельности. Упрочение чувства советского патриотизма и интернационального долга среди тувинцев сделало неотвратимой интеграцию двух государств.

Ключевые слова: история прессы и радио; Великая Отечественная война; помощь Тувы.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для малочисленного народа Тувинской Народной Республики (ТНР). Республика не входила в состав СССР, поэтому де юре могла не принимать участие в войне¹. Но 22 июня 1941 г. в связи с нападением на Советский Союз срочно был создан X Великий Хурал ТНР. На нем была принята Декларация, в которой было провозглашено следующее: «Тувинский народ во главе со своей революционной партией и правительством, не щадя своей жизни, готов всеми своими силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до полной победы над ним» [1. С. 5]. Это означало официальное вступление Тувы в войну против Германии на стороне СССР.

Развернуть широкую кампанию на помощь фронту было непросто. Сказывались географическая и информационная изолированность республики, отдаленность театра боевых действий, распыленность и трудноступность проживания большей части населения, слабое развитие средств связи и коммуникации. Однако тувинский народ оказал СССР весомую помощь – свыше 19 млн акша, или 66,5 млн руб. в 1941–1944 гг. [2. С. 259]. Тувинские добровольцы приняли участие в военных действиях, двое из них – Хомушку Чургуй-оол и Тулуш Кечил-оол – были удостоены звания Героя Советского Союза. Укрепление советско-тувинского сотрудничества в годы войны ускорило сближение двух государств – 11 октября 1944 г. ТНР была включена в состав СССР на правах автономной области.

Заметную роль в сплочении населения и мобилизации его на всестороннюю помощь фронту сыграли пресса и радио. В работах Е.Т. Тановой [3], О.Д. Якимова [4], Ю.Б. Костяковой [5] их деятельность в годы войны освещалась, но недостаточно. В постсоветский период источниковая база расширилась, что создает благоприятные возможности для изучения СМИ. В данной статье мы рассмотрим, каким образом тувинская пресса и радио способствовали достижению Победы в Великой Отечественной войне. Основной корпус источников составили документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государ-

ственного архива Республики Тыва (ГАРТ), доступ к которым до начала 1990-х гг. был ограниченным. Они дают представление о политике Тувинской народно-революционной партии и Правительства ТНР в отношении СМИ, материально-техническом состоянии и кадровом составе редакций. Анализ уцелевших газет и журналов позволил описать количественно-качественные характеристики транслируемой информации и их функции в годы войны в целом.

С начала войны Центральный комитет Тувинской народной революционной партии (ЦК ТНРП) требовал от партийных, государственных, общественных организаций и предприятий народного хозяйства скорейшего перевода работы на военный лад. В постановлении от 23 июня 1941 г. говорилось о необходимости дальнейшего поднятия качества агитационно-пропагандистской работы партийных организаций. Курс был взят на активную работу с населением; размещение в газетах материалов по вопросам международного положения ТНР для помощи пропагандистским группам при местных партийных организациях; экономное использование оборудования и материалов, в особенности бумаги, карандашей, разных красок и материалов; немедленное улучшение работы радио [6. Л. 182].

Не случайно партия и Правительство ТНР с первых дней войны обратили пристальное внимание на радио. Пресса существовала с 1924 г. На тувинском языке выходили газеты «Шын» («Правда»), «Хостуг арат» («Свободный арат»), «Аревэ Шыны» («Правда Тувинского революционного союза молодежи»). Издавалось несколько журналов на родном языке: «Революстун херели» («Заря революции»), «Эртем оруу» («Путь науки»), «Революстуг арат» («Революционный арат») и «Революстуг интернационализм дээш» («За революционный интернационализм»), бюллетень Правительства ТНР, «Пионер» – для детей. Газета «Вперед» и журнал «Новая Тува» были предназначены для проживавших в ТНР советских граждан. Дифференциация по возрастному и тематическому принципам, выпуск на двух языках, рост тиражей к началу 1940-х гг. говорили об определенном уровне ее развития.

Тувинское радио выходило с 1936 г. и имело небольшую аудиторию слушателей. Запуск собственной

станции им. VIII Великого Хурала (парламента) ТНР в конце 1930-х гг. кардинально ситуацию не изменил. Радиосигнал ловили в г. Кызыле и ближайших к столице районах. Помимо маломощности технического оборудования, отсутствия станций в некоторых районах остро стояла проблема кадров. Сотрудников было мало, у них не было профессионального образования и опыта. По этой причине в основном шли трансляции информационных материалов и концертов [7. С. 55–56].

Будучи оперативным средством массовой информации, радио больше отвечало условиям и задачам военного времени. Его могли слушать все желающие. Тувинская национальная письменность была создана и введена в 1930 г., поэтому неграмотных и малограмотных людей было немало.

Понимая явные преимущества устного способа передачи информации, по примеру СССР партия и Правительство ТНР взяли радио под особый контроль. 8 июля 1941 г. при Совете министров, высшем органе исполнительной власти ТНР, был создан Радиокomitee. На новый ведомственный орган и Министерство связи ТНР были возложены задачи неотложного улучшения технического оснащения радио, укрепления кадрового состава, расширения радиосети в районах [8. Л. 7]. Председателем некоторое время работал О. Шырап, в 1942–1943 гг. О. Сундуй. Комитет состоял из редакции «Последних известий», секторов – общеполитических и литературно-художественных радиопередач, молодежного и детского вещания [1. С. 67–68].

Был укомплектован постоянный штат комитета: приняты советские специалисты, несколько человек из числа местных, а также 35 аратских (крестьянских) корреспондентов на общественных началах [9. Л. 3]. Улучшению информационного обеспечения радио и печати также способствовала организация Тувинского телеграфного агентства в январе 1942 г.

Эти меры позитивно сказались на содержании и объеме вещания, судя по следующим цифрам. Так, если в 1939 г. в эфир передали 251 материал, в основном концерты и разъяснения материалов газет, то с 1 по 31 января 1942 г. – 3 566 материалов: сообщения Советского информбюро – 313 раз, краткие сведения о положении за рубежом – 290, эпизоды войны – 300, литературные произведения – 234, различные лекции – 24, беседы – 36, доклады – 5, Указы Президиума Малого Хурала ТНР – 69, Постановления ЦК ТНРП – 51, Постановления Совета министров ТНР – 42, постановления и рекомендации государственных и общественных организаций – 47, требования социалистического соревнования – 8, телеграммы – 21, приказы – 6, материалы из советских газет и журналов – 365, материалы из газет и журналов ТНР – 864, материалы радиокорреспондентов – 794, информационные сообщения – 97 раз [10. Л. 1–5].

Следующим этапом в совершенствовании работы радио стало установление сетки вещания в IV квартале 1942 г. утром и вечером на тувинском и русском языках [11. Л. 4]. Аппараты, принимающие радиосигнал, постепенно были установлены в районах, кроме

Бай-Тайгинского, Сут-Хольского, Чаа-Хольского и Эрзинского. Судя по росту доходов радио, план которых в 1942 г. был перевыполнен на 39,1% [12], спрос населения на радиосвязь рос.

Режим экономии бумаги ограничил возможности развития периодической печати. 25 августа в соответствии с постановлением ЦК ТНРП был уменьшен формат газет «Шын», «Аревэ шыны», «Хостуг арат». Продолжился выпуск журнала «Революционный арат» и бюллетеня Правительства, а издания «Революстун херели» («Заря революции»), «Эртем оруу» («Путь науки») были объединены в один. Выпуск остальных периодических изданий был приостановлен, а затем полностью прекращен [8. Л. 76].

Редакторов изданий «Шын», «Аревэ шыны», «Хостуг арат» обязали усилить идейно-политическое содержание материалов для укрепления обороноспособности страны, активного участия жителей ТНР в Великой Отечественной войне, а также организовать специальное обучение и семинары для газетных работников, соблюдать воинскую дисциплину.

С сокращением периодики более интенсивной стали устная пропаганда, увеличен выпуск плакатов, лозунгов и воззваний. При каждой первичной партийной организации были созданы и работали агитгруппы в составе 3–5 человек, при каждом хошунном (районном) комитете партии – лекторские группы в составе 10–15 человек. Активизации идеологической работы отвечал выпуск в 1942 г. блокнота «В помощь агитатору» и ежемесячного политико-экономического журнала ЦК ТНРП «Под знаменем Ленина – Сталина» на тувинском и русском языках.

Местные партийные органы стремились показать СССР, как напряженно они работают в идеологическом плане. Так, в одном из отчетов сообщалось, что с 1 января по 1 октября 1942 г. состоялось 184 459 докладов, лекций, бесед, чток газет, на них присутствовали 485 658 человек [13. Л. 19].

Центрами политико-просветительской и культурно-массовой работы среди населения были клубы. Здесь проводились доклады, лекции, беседы, громкие читки, консультации, коллективные слушания радио, постановки, концерты, кино, занятия кружков, массовые игры, вечера отдыха [14. Л. 11].

В 1942 г. в связи с ликвидацией комитетов советских граждан газета «Вперед» была передана в ведение ЦК ТНРП и переименована в «Тувинскую правду». Партия обновила состав ее редколлегии (А.А. Пальмбах, С. Пюрбю, М.И. Пахомов, Тепляков, Н. Богатырев, В.А. Ананьин) [15. Л. 13] и газеты «Шын» (С. Самба-Людуп, Серенма, Ортун-оол, О. Тагба, О. Сундуй, Танзын-оол, Топуй-оол) [14. Л. 36].

Подписка на газеты в 1944 г. составила 17 136 экземпляров [16. Л. 60]. Бесперебойный выход газет обеспечивала типография, сотрудники которой в числе первых включились в социалистические соревнования [17. Л. 16].

Партия стремилась сделать пропаганду в условиях войны более интенсивной, доступной и действенной. Стояла задача оперативного информирования населе-

ния западных районов. Для расширения материальной помощи Красной армии в апреле 1942 г. в Дзун-Хемчикском районе была организована типография, а в мае вышел первый номер общественно-политической газеты «Лениннин оруу» («Путь Ленина») [15. Л. 170]. Газета предназначалась для жителей Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Монгун-Тайгинского, Овюрского, Сут-Хольского и Чаа-Хольского районов. По замыслу руководителей партии ее главнейшая задача – «стать не только политическим агитатором и пропагандистом, но и коллективным организатором» [18. Л. 128].

28 июня 1941 г. в газетах появилась рубрика «От Советского информбюро», в которой освещались боевые действия Красной армии. Регулярно выходили постановления, резолюции партии и правительства ТНР, материалы о жизни и трудовой деятельности народа. Из газеты «Правда» регулярно перепечатывались передовые статьи. Газетные материалы транслировались по радио. Красной нитью проводились идеи советского патриотизма, чувства интернационального долга тувинцев советскому народу.

Молодые тувинские писатели принимали активное участие в работе газет и радио. В стихах-письмах, стихах-песнях, стихах-лозунгах, стихах-посвящениях и стихах-посланиях С. Пюрбю, С. Сарыг-оола, О. Саган-оола, Л. Чадамба, С. Тамба, С. Самба-Люндупа, К. Идам-Сюрюна и других писателей воспевались мужество, героизм и доблесть советского воина. В годы войны на страницах газет появились сатирические рисунки. основоположником тувинской политической сатиры стал Б.Д. Ховенмей.

Под призывами «Все для фронта, все для Победы!» газетами были проведены кампании по сбору средств на постройку самолетов для Красной армии и по оказанию помощи освобожденным от фашистов районам. Материалы под такими названиями, как «Сев – это тот же фронт!», «Каждый пуд хлеба – удар по врагу!», «Сделаем все, чтобы завоевать победу на наших полях!», убеждали жителей, что в тылу можно совершить такие же героические подвиги, как на фронте [19, 20]. В качестве образца указывались фамилии и имена людей, принимавших активное участие в отчислении денежных средств, сдаче мяса, скота и шерсти на экспорт. Работники предприятий и организаций ТНР, следуя призывам, подписывались на внутренние займы ТНР, отдавали всю заработную плату в фонд Победы, включались в движение за досрочное выполнение и перевыполнение планов экспорта сырья и скота в СССР. Жители Тувы отправляли на фронт лыжи, теплую одежду и обувь (полушубки, рукавицы, носки, валенки и др.), эшелоны с подарками.

Тувинцы выразили желание встать с оружием в руках на защиту СССР. В первые месяцы войны в Туве началось создание подразделений всеобуча, отрядов добровольцев и народного ополчения. Для изучающих военное дело были разработаны программы обучения, выпущено 26 книг и брошюр на русском и тувинском языках в качестве учебных пособий общим тиражом 68 850 экземпляров [13. Л. 2].

В 1943 г. через год после проводов русских граждан на фронт ушли тувинские добровольцы. Их очерки и письма, как верно отметил Д.С. Куулар, «отразили живую связь между тылом и фронтом» [21. С. 63]. Из рассказов командиров Красной армии жители узнали о суровых буднях их службы и героических подвигах.

Освещение военной тематики в СМИ было приоритетным, но другие значимые для развития республики темы тоже затрагивались. 8 июля 1941 г. было принято постановление ЦК ТНРП и Совета министров ТНР об утверждении тувинского алфавита на русской основе. Решили: опубликовать новый алфавит в газетах и журналах ТНР; провести разъяснительную работу среди трудящихся об историческом значении нового алфавита в деле культурной революции; начиная с очередного номера организовать в газетах уголок нового тувинского алфавита и поручить государственной комиссии письменности при Совете министров ТНР, Министерству просвещения и редакторам газет освещать в этом уголке материалы о значении алфавита на русской основе и изучению этой письменности [8. Л. 20]. Собственные корреспонденты и араткоры газет начали писать небольшие заметки на тувинском языке русским алфавитом в газетах «Шын» и «Аревэ шыны». В 1942–1943 гг. материалы постоянных рубрик «Приказ Верховного Главнокомандующего», «Письма с фронта», «С фронта Отечественной войны» в газете «Шын» тоже были переведены на новую письменность.

В сентябре 1943 г. тувинская национальная письменность официально была переведена на русскую графическую основу [22. С. 108]. Вследствие необеспеченности типографии в достаточном количестве новым шрифтом перевод на русский алфавит продолжался до конца 1944 г. [15. Л. 20]. Интересы быстрого и качественного обучения новому алфавиту потребовали в 1944 г. выпуска методического издания «В помощь учителю» для работников народного образования на тувинском языке [23. Л. 62].

Влияние СССР на внутривнутриполитический курс ТНР в военные годы усилилось. Шло активное копирование советского опыта, в том числе в области прессы и радио. Был оформлен идеологический контроль партии над деятельностью прессы. В октябре 1941 г. при Президиуме Малого Хурала ТНР был создан Главлит [1. С. 66–67]. От ЦК ТНРП был назначен специальный литературный консультант, проверявший идейно-политическое содержание и техническое оформление газет [13. Л. 13]. С 1942 г. газетам запретили печатать постановления ЦК ТНРП и Совета министров ТНР без разрешения одного из секретарей ЦК ТНРП [18. Л. 113].

В военный период в условиях экономии средств устранить препятствовавшие развитию прессы и радио проблемы было сложно. Доставка почтой периодики в районы и села оставалась несвоевременной, несмотря на составление графиков доставки, укрепление кадрового состава, установление контроля над почтовыми отделениями [8. Л. 4]. Радиофикации республики мешали неразвитость транспортной и энергетической

инфраструктуры, отсутствие необходимых материалов. К 1944 г. в Туве насчитывалось 7 радиоузлов общей мощностью 120 киловатт, которых хватало для обслуживания райцентров [5. Л. 76]. Некоторые аппараты для приема радиосигнала в районах не работали из-за отсутствия электричества и такого материала, как кислота. Например, в 1942 г. не работали приемники в Тес-Хемском, Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах, новости туда передавали только по телефону [10. Л. 1–5]. Низкое напряжение пагубно отражалось на качестве передаваемой информации [11. Л. 15–17], что огорчало радиослушателей. В «Тувинской правде» 5 декабря 1942 г. о радиоузле в с. Бай-Хаак сообщалось следующее: «...трансляцию проводит не более 4 часов в сутки, а в большинстве случаев 1,5–2 часа, слышимость бывает очень плохая».

Таким образом, пресса и радио ТНР внесли сильный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне. Централизация руководства и ужесточение контроля, упорядочение структуры и укрепление кадрового состава редакций и радиокomiteта способствовали усилению их идеологической направленности. Они обеспечили быструю перестройку народного хозяйства на военный лад, подъем патриотических настроений среди тувинцев. СМИ выступали незаменимым, а часто единственным каналом информации о войне для местных жителей. Организация социалистических соревнований и кампаний по сбору средств позволила объединить усилия людей. Не менее важной была деятельность СМИ по популяризации новой тувинской письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тувинская Народная Республика была создана в 1921 г. при поддержке СССР: во внутренней политике действовала самостоятельно, а в международной – под покровительством СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР*. Кызыл, 1944.
2. *Аранчин Ю.Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982.
3. *Танова Е.Т.* Периодическая печать Тувы (1924–1944 гг.). Кызыл, 1979.
4. *Якимов О.Д.* Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. Новосибирск, 2000.
5. *Костякова Ю.Б.* Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928–1961 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007.
6. *Российский государственный архив политической истории* (далее РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 153. Д. 75.
7. *Кан В.С.* Организация радио в Тувинской Народной Республике в 1930-е гг. // Омский научный вестник. 2013. № 3.
8. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 76.
9. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1180.
10. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1047.
11. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1180.
12. *Государственный архив Республики Тыва* (далее ГАРТ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 56.
13. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 78.
14. ГАРТ. Ф. 120. Д. 27. Л. 14.
15. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 79.
16. *Центр архивных документов партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2875.
17. ГАРТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 10.
18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 80.
19. *Тувинская правда*. 1944. 15 апр.
20. *Тувинская правда*. 1944. 18 ноября.
21. *Куулар Д.С.* Тувинская поэзия: Очерк истории. Кызыл, 1970.
22. *Постановление Совета министров ТНР и ЦК ТНРП о переводе тувинской письменности с латинизированного на русский алфавит* // Журнал «Под знаменем Ленина – Сталина». 1943. Ноябрь.
23. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1098.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 апреля 2015 г.

CONTRIBUTION OF THE PRESS AND RADIO OF THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 104–108. DOI: 10.17223/15617793/398/16

Kan Valeriya S. Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research (Tuva, Russian Federation). E-mail: kan-tuva@mail.ru

Keywords: history of press and radio; Great Patriotic War; help of Tuva.

On June 22, 1941, the Tuvan People's Republic expressed solidarity with the USSR in struggle of the Soviet people against Germany. Adoption of allied commitments demanded reorganization of work of all social institutes, including the press and radio, for the conditions of war. Following the example of the Soviet Union, the main emphasis was made on the development of oral propaganda and radio. Radio, being more responsive to the challenges of wartime, was available to illiterate people as the most operational mass media. On July 8, 1941, the Radio Committee at the Council of Ministers of TPR was created. Improvement of hardware, development of the radio network in districts, recruiting of correspondents, organization of the Tuvan Telegraph Agency allowed establishing a constant broadcasting network, increasing its volume and diversifying its content. The introduced regime of economy of paper limited the possibilities of periodicals development. On August 25, 1941, the format of newspapers *Shyn*, *Areve Shyny*, *Hostug Arat* was reduced according to the resolution of the Central Committee of the Tuvan People's Revolutionary Party. Magazines *Revolystun Khereli*, *Ertem oruu* merged. Release of several periodicals was suspended and then terminated. Despite the difficulties of war-

time (interruptions in electricity, lack of finance and necessary materials, including paper, etc.), the development of the periodical press did not stop. During the war, the first regional newspaper in the Tuvan language was issued. This made the press more accessible to villagers. For the rapid development of methods of teaching new writing a journal was issued for Tuvan teachers. The significant financial and moral support by the small people of Tuva to the Soviet people in the years of war were largely the result of agitation and organizing activities of the press and radio. On June 28, 1941, newspapers had a heading "From the Soviet Information Bureau" for covering events from the front. Rulings, resolutions of the party and the Government of TPR, materials about life and work of the people were regularly printed. Letters, songs, slogans, dedications and messages in verse by young Tuvan writers (S. Pyurbyu, S. Saryg-ool, O. Sagan-ool, L. Chadamba, S. Tamba, S. Samba-Lyundup, K. Idam-Syuryun and others) were published. In literary works courage, heroism and valor of the Soviet soldier were praised. In the years of war there was a genre of political satire founded by B.D. Hovenmey. Centralization of management and toughening of control, introduction of plans in the work of editorials created a basis for the strengthening of the ideological orientation of the press and radio. They provided fast reorganization of the national economy in military conditions, the rise of patriotic sentiments among Tuvans, successful conducting of socialist competitions and campaigns for fund raising. It became a factor of further strengthening of the Soviet-Tuvan relations and unification of the two states.

REFERENCES

1. Government of Tuvan People's Republic. (1944) *Sbornik zakonov i osnovnykh postanovleniy Pravitel'stva TNR* [Collection of basic laws and regulations of the Government of TPR]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Aranchyn, Yu.L. (1982) *Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu* [The historical path of the Tuvan people to socialism]. Novosibirsk: Nauka.
3. Tanova, E.T. (1979) *Periodicheskaya pechat' Tuvy (1924–1944 gg.)* [Periodicals of Tuva (1924–1944)]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Yakimov, O.D. (2000) *Pechat' natsional'nykh regionov Sibiri i Dal'nego Vostoka: ot vozniknoveniya do nashikh dney* [The press of national regions of Siberia and the Far East, from inception to the present day]. Novosibirsk: Nauka.
5. Kostyakova, Yu.B. (2007) *Stanovlenie i razvitiye sistemy massovogo radioveshchaniya v natsional'nykh rayonakh Yuzhnoy Sibiri (1928–1961 gg.)* [Formation and development of mass broadcasting in ethnic minority areas of southern Siberia (1928–1961)]. History Cand. Diss. Abakan.
6. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 153. File 75.
7. Kan, V.S. (2013) Organization of radio in Tuvan People's Republic in 1930s. *Vestnik Omskogo Universiteta – Herald of Omsk University*. 3. (In Russian).
8. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 153. File 76.
9. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 92. List 1. File 1180.
10. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 92. List 1. File 1047.
11. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 92. List 1. File 1180.
12. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 113. List 1. File 56.
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 153. File 78.
14. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 120. File 27. Page 14.
15. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 153. File 79.
16. Center for Archives of the Parties and Social Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva. Fund 1. List 1. File 2875.
17. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 136. List 1. File 10.
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 153. File 80.
19. *Tuvinskaya pravda*. (1944) 15 April.
20. *Tuvinskaya pravda*. (1944) 18 November.
21. Kuular, D.S. (1970) *Tuvinskaya poeziya: Ocherk istorii* [Tuva Poetry: A Short History]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
22. Tuvan People's Republic. (1943) *Postanovlenie Soveta ministrov TNR i TsK TNRP o perevode tuvinskoy pis'mennosti s latinizirovannogo na russkiy alfavit* [Resolution of the Council of Ministers of TPR and the Central Committee of TPRP on the transfer of Tuvan writing from Latinized alphabet to the Russian one]. *Pod znamenem Lenina – Stalina*. November.
23. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 92. List 1. File 1098.

Received: 27 April 2015

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рассматривается влияние такого явления, как социальные медиа, на политическую сферу жизни Великобритании. Помимо того, что автор подробно рассматривает понятие социальных медиа, их классификацию, влияние на психологию человека, особое внимание уделяется роли явления в политических событиях Великобритании на примере уличных погромов в 2011 г. Приводится анализ реакции на указанные события правительства страны.

Ключевые слова: Великобритания; Интернет; политические институты; социальные медиа; электоральные процессы; выборы.

В связи с проведением различных протестных акций в мире в последнее время все чаще говорят о влиянии социальных медиа на политическую жизнь. Роль и функции медиа необратимо меняются, а технологии коммуникаций развиваются потрясающими темпами. На смену «оранжевой», «бархатной» и прочим «цветным революциям» приходят революции Ближнего Востока, организованные с помощью социальных медиа, таких как Twitter и Facebook. Пока в России измеряют влияние цены нефти на экономику, в Европе пытаются измерить влияние на экономический рост социальных сетей. Сотни тысяч людей по всему миру находят работу своей мечты через социальные сети, а шоу-бизнес открывает для себя новых «звезд» с помощью YouTube.

Еще в 2009 г. в Соединенных Штатах Америки специалисты в сфере средств массовой коммуникации предсказывали, что когда-нибудь социальные медиа полностью заменят американцам телевидение как основной источник новостей. Майк Элган, журналист, пишущий на тему технологий, бывший редактор журнала Windows, сказал в 2009 г., что такой момент уже наступил. Он привел в пример нашумевшую историю о вынужденной посадке американского самолета на реке Гудзон 15 января 2009 г. [1], когда информация распространялась по Twitter и другим социальным медиа намного быстрее, чем по телевидению.

Социальные сети, впервые появившись в 2003 г., с каждым годом становились все популярнее. Билл Тансер, глава подразделения по глобальным исследованиям ведущей мировой компании Experian Hitwise и автор книги «Click: What Millions of People are Doing Online and Why It Matters» («Что делают миллионы пользователей в Интернете и почему это имеет значение»), еще несколько лет назад заявил, что социальные медиа уже занимают первое место по популярности в Интернете, опередив даже порнографические сайты [2]. Количество пользователей социальных медиа растет в геометрической прогрессии, но влияние данного феномена на общество еще не полностью изучено, что позволяет говорить об актуальности дальнейших исследований этого явления.

Понятие «социальные медиа» появилось сравнительно недавно в связи с появлением ряда новых технологий (RSS, блоги и т.д.) и интернет-ресурсов (онлайн-социальные сети, видеохостинги и т.д.). Хотя процесс формирования социальных медиа

начался еще в середине 1990-х гг. и ознаменовался появлением первых блогов, социальные сети в своем современном виде существуют сравнительно недавно – с 2003 г., когда была запущена онлайн-социальная сеть MySpace. На данный момент самыми популярными, по мнению автора, социальными медиа являются: социальная сеть Facebook, сервис микроблогов Twitter, сервис видеохостинга YouTube и фотохостинга Flickr.

Несмотря на то что на современном этапе своего развития социальные медиа занимают в жизни людей все большее место, в настоящее время понятие «социальные медиа» научно не определено, имеет хождение в среде интернет-профессионалов и встречается в бизнес-литературе по данной тематике. Можно выделить два наиболее часто встречающихся подхода к понятию «социальные медиа»: как к технологиям и как к разновидности интернет-сайтов. В действительности технологии тесно переплетены с функционирующими с их помощью виртуальными пространствами. В рамках данной работы под социальными медиа понимается категория веб-сайтов, предоставляющих возможность публикации, обмена и обсуждения контента широким кругом пользователей. Основная особенность социальных медиа состоит в том, что контент создается самими пользователями, из чего следует, что временной промежуток между производством и публикацией материала исчисляется секундами, в отличие от традиционных медиа (радио, телевидение, газеты).

Социальные медиа способны собирать аудиторию, сопоставимую по численности с аудиторией традиционных медиа. Так, аудитория десяти наиболее популярных аккаунтов сервиса микроблогов Twitter на май 2013 г. составляла в совокупности более 290 млн «последователей», регулярно следящих за обновлениями своих кумиров [3], а социальная сеть Facebook на март 2013 г. насчитывала 1,11 млрд активных пользователей по всему миру ежемесячно [4].

Несмотря на ряд общих черт, средства интернет-коммуникаций, входящие в категорию социальных медиа, могут значительно различаться по функциям и возможностям, которые они дают пользователям, а также принципам и нормам, действующим на «территории» каждого конкретного сайта. Социальные медиа могут быть разделены по степени анонимности на две категории: сайты, не требующие раскрытия своих

персональных данных, и сервисы, где пользователю так или иначе придется открыть свою личность, так как смысл использования такого типа социальных медиа состоит именно в возобновлении и поддержании социальных связей, приобретенных в реальной жизни (например, Facebook). Также социальные медиа можно условно разделить по их назначению. Некоторые сайты созданы для индивидуального самовыражения (блоги), в то время как другие основаны на коллективном сотрудничестве множества пользователей (Wikipedia). Другая классификация основана на том, что часть социальных медиа служит для хранения и размещения контента (Flickr), в то время как другая часть – преимущественно для того, чтобы поделиться им с другими пользователями (Facebook, Twitter). Но эта классификация является не самой удачной, так как некоторые социальные медиа (YouTube) могут вполне успешно выполнять одновременно обе функции.

Круг явлений, охватываемый понятием «социальные медиа», пересекается с рядом других понятий. В частности, «социальные медиа» не являются синонимом понятия «новые медиа». Термин «новые медиа» появился для описания средств массовой коммуникации, возникших под влиянием распространения цифровых компьютерных технологий в 1980-е гг. Они, в частности, включают в себя Интернет, компьютерные игры, спутниковое телевидение. Наряду с термином «социальные медиа» зачастую используется термин «Веб 2.0», под которым автор понимает «совокупность экономических, социальных и технологических тенденций, под общим действием которых формируется база для следующего поколения Интернета – более зрелой и обособленной среды, характеризующейся участием пользователей, открытостью и сетевыми эффектами» [5].

Все больше людей разного возраста предпочитают общаться в социальных сетях, это становится одним из самых популярных занятий в Интернете. Если не злоупотреблять использованием социальных сетей, то они оказывают в основном положительное влияние. Можно восстановить связь с давно потерянными людьми, посмотреть фотографии и видео друзей и поделиться своими, пообщаться в режиме реального времени с теми, кто далеко, или познакомиться с кем-то из любой страны. Это расширяет круг общения, делает его более доступным. В сети человек может повысить самооценку, найти друзей по интересам и единомышленников, поделиться своим опытом и т.д.

В то же время частое использование социальными медиа оказывает негативное влияние на человеческие возможности познания и усвоения информации, способности к многозадачности и фокусировке. Одним из главных симптомов, проявляющихся практически у всех пользователей Интернета, является дефицит внимания. Кроме изменений в сознании и поведении, социальные сети вызывают привыкание и на биохимическом уровне. Английский ученый, писательница, член Палаты лордов и профессор Оксфордского университета баронесса Сьюзен Гринфилд считает, что одна из главных опасностей – снижение эмпатии [6].

Вместе с тем социальные медиа уже давно приобрели массовый характер, а их аудитория продолжает расти. В мае 2012 г. сервис микроблогов Twitter насчитывал 10 млн активных пользователей из Великобритании из 140 млн человек по всему миру [7]. Результаты геолокационного анализа компании Semioscast подтверждают, что Соединенное Королевство в мае 2012 г. находилось на 4-м месте в мире по числу пользователей Twitter [8]. Кроме того, 27 млн британцев, что составляет более двух третей всех пользователей Интернета Великобритании, активно используют Facebook каждый месяц [9].

Если говорить о том, как отразилось использование социальных медиа на общественной жизни в Великобритании, то стоит отметить, что этот феномен за последние несколько лет, несомненно, существенно изменил жизнь британцев.

Волнения народных масс в Великобритании в 2011 г. продемонстрировали нарастающую роль социальных медиа в современной жизни. Социальные медиа и сервисы предоставляют людям уникальную возможность почти моментального информирования большой аудитории, тем самым являясь одними из самых эффективных средств коммуникаций для разного рода протестных акций. Например, в Лондоне в августе 2011 г. для организации погромов использовались такие социальные медиа, как Twitter, Facebook, а также приложение BlackBerry Messenger смартфона BlackBerry. Значимая роль социальных медиа в погромах была признана и Правительством Великобритании, в частности, премьер-министр страны Д. Кэмерон выступил с речью к Парламенту, в которой заявил, что вследствие погромов Правительство Великобритании рассмотрит вопрос о запрете на использование социальных медиа, так как на данный момент они являются главными инструментами распространения криминальной активности среди населения [10]. 16 августа 2011 г. в Великобритании были вынесены первые приговоры за подстрекательство к погромам в социальных сетях. Суд города Честер приговорил к четырем годам лишения свободы 21-летнего Джордана Блэшоу и 22-летнего Перри Сатклиффа-Кинана за призывы к мародерству и беспорядкам с указанием точного времени и места, распространяемые в Facebook [11]. Они стали первыми молодыми людьми, которым за все время беспорядков, происходивших в британских городах, вынесен приговор не за непосредственное участие в грабежах и погромах, а за призывы к их организации [12].

Осознав роль социальных медиа в погромах в августе 2011 г., Правительство Великобритании попыталось ввести онлайн-цензуру и внести законопроект, расширяющий полномочия правоохранительных органов по контролю за действиями граждан в Интернете, в частности полномочия в сфере мониторинга электронной почты и аккаунтов социальных медиа [13]. Данная инициатива вызвала широкий резонанс и была холодно встречена населением. Так, в апреле 2012 г. группа хакеров Anonymous произвела взлом ряда правительственных сайтов Великобритании [14]. Предполагалось, что данный законо-

проект будет представлен во время послания королевы парламенту 9 мая 2012 г. [13]. Однако речь Королевы не затронула ни социальные медиа, ни Интернет в целом [15].

В силу своего дуалистического характера данное явление приносит кардинальные изменения в политическую жизнь общества. Возрастает возможность образования и мобилизации новых социальных субъектов, изменяется отношение политиков с населением и роль населения в принятии политических решений. Наряду с этим есть и другая сторона: в руках прави-

тельства появляется новый инструмент для продвижения своих интересов, влияния на население, а также обеспечения национальной безопасности. Сложно определить грань между положительным и негативным влиянием социальных медиа на политические процессы, однако нельзя не признавать, что эта тенденция набирает обороты, а общество и впредь, подобно египтянам и англичанам, будет использовать Facebook для планирования, Twitter – для координации действий и YouTube – для того, чтобы рассказать о своих успехах всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McFadden R.* Pilot Is Hailed After Jetliner's Icy Plunge / The New York Times, 15.01.2009. URL: <http://www.nytimes.com/2009/01/16/nyregion/16crash.html?hp> (дата обращения: 27.05.2013).
2. *Goldsmith B.* Porn passed over as Web users become social: author / Reuters, 16.09.2008. URL: <http://www.reuters.com/article/2008/09/16/us-internet-book-life-idUSSP31943720080916> (дата обращения: 27.05.2013).
3. *Twitaholic.* The Top Twitter User Rankings and Stats. URL: <http://twitaholic.com>
4. *Facebook.* Key facts. URL: <http://newsroom.fb.com/Key-Facts>
5. *Musser J., O'Reilly T.* Web 2.0 Principles and Best Practices // O'Reilly Radar. November 2007. URL: <http://radar.oreilly.com/research/web2-report.html>
6. *Гольман Н.* Сюзан Гринфилд: «Ребенок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию» // Theory&Practice. 21.11.2011. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/3539-suzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryaet-sposobnost-k-soperezivaniyu>
7. *Arthur C.* Twitter now has 10m users in UK // The Guardian. 15.05.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/technology/2012/may/15/twitter-uk-users-10m>
8. *SemioCast.* Twitter reaches half a billion accounts. More than 140 millions in the U.S., 30.07.2012. URL: http://semioCast.com/publications/2012_07_30_Twitter_reaches_half_a_billion_accounts_140m_in_the_US
9. *My Clever Agency.* How Are British People Spending Their Time On Facebook? [Infographic], 24.01.2013. URL: <http://www.mycleveragency.com/2013/01/facebook-stats-uk-2013-infographic/>
10. *Cameron D.* David Cameron's statement on disorder in England // Conservatives. 11.08.2011. URL: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2011/08/David_Camersons_statement_on_disorder_in_England.aspx
11. *England* riots: Two jailed for using Facebook to incite disorder // BBC News England. 16.08.2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-manchester-14551582>
12. *Два* британца приговорены за призыв к грабёжам в Facebook // BBC Русская служба. 17.08.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/08/110816_facebook_rioters_sentence.shtml
13. *Booth R.* Government plans increased email and social network surveillance // The Guardian. 01.04.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/apr/01/government-email-social-network-surveillance>
14. *Anonymous* claims responsibility for taking down government sites // The Guardian. 08.04.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/technology/2012/apr/08/anonymous-taking-down-government-websites>
15. *Oral* statement to Parliament. The Queen's Speech 2012 // The official web site of the UK Government. 09.05.2012. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-queen-s-speech-2012>

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2015 г.

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN THE POLITICAL LIFE OF MODERN GREAT BRITAIN

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 109–112. DOI: 10.17223/15617793/398/17

Katkina Anna N. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: anna.katkina@gmail.com

Keywords: Great Britain; Internet; political institutions; social media; electoral processes; elections.

The article discusses the influence of the phenomenon of social media on the political sphere of the life of the United Kingdom. The author dwells on the history and development of social media and social networks in particular, determines the place of the researched phenomenon in modern life. The article also reflects an attempt to delineate the range of phenomena covered by the term "social media". If to study the role of social media in political life, an important aspect is that they cover a significant part of the population. However, the author notes that the use of social media can affect a person both positively (expanding circle of friends, restoring ties with friends, optimization of the virtual space for spreading information) and negatively (lack of attention, poor concentration). In addition, the author examines in detail the concept of social media, their classification, the impact on human psychology, focusing on the role of the phenomenon in the political events of the United Kingdom as an example of street riots in 2011. In particular, in the article the effectiveness of social media in organizing riots is assessed; their big role in these events is emphasized. Also there is an analysis of the reactions of the United Kingdom government to these events: the importance of the role of social networks in the socio-political life of the country proved controversial government attempts to limit or even prohibit their use. It is also important that the result of the events became a precedent which initiated online censorship: two young men were convicted and sentenced to imprisonment for incitement to looting and unrest, indicating the exact time and place, shared on Facebook. In conclusion, the author emphasizes the ambiguity of this phenomenon and the fact that it brings dramatic changes to the political life of society: the possibility of generating new social subjects increases, the attitude of politicians with the population and the role of the population in political decision-making are changing. At the same time there is another side: the government has a new tool to promote its interests, to influence the population as well as national security. Thus the thesis that social media, giving people an opportunity to interact more quickly with each other, are gaining a greater influence on social and political life along with the mass media is reflected in the article.

REFERENCES

1. McFadden, R. (2009) Pilot Is Hailed After Jetliner's Icy Plunge. *The New York Times*. 15.01.2009. [Online]. Available from: <http://www.nytimes.com/2009/01/16/nyregion/16crash.html?hp>. (Accessed: 27th May 2013).
2. Goldsmith, B. Porn passed over as Web users become social. *Reuters*, 16.09.2008. [Online]. Available from: <http://www.reuters.com/article/2008/09/16/us-internet-book-life-idUSSP31943720080916>. (Accessed: 27th May 2013).
3. Twitaholic. (n.d.) *The Top Twitter User Rankings and Stats*. [Online]. Available from: <http://twitaholic.com>.
4. Facebook. (n.d.) *Key facts*. [Online]. Available from: <http://newsroom.fb.com/Key-Facts>.
5. Musser, J. & O'Reilly, T. (2007) Web 2.0 Principles and Best Practices. *O'Reilly Radar*. November. [Online]. Available from: <http://radar.oreilly.com/research/web2-report.html>
6. Gol'man, N. (2011) S'yuzan Grinfil'd: "Rebenok, vospitannyy na sotsial'nykh setyakh, teryaet sposobnost' k soperezhivaniyu" [Susan Greenfield: "A child brought up on social networks, loses the ability to empathize"]. *Theory&Practice*. 21 November. [Online]. Available from: <http://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfil'd-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryayet-sposobnost-k-soperezhivaniyu>.
7. Arthur, C. (2012) Twitter now has 10 m users in UK. *The Guardian*. 15.05.2012. [Online]. Available from: <http://www.guardian.co.uk/technology/2012/may/15/twitter-uk-users-10m>.
8. SemioCast. (2012) *Twitter reaches half a billion accounts. More than 140 millions in the U.S.* 30.07.2012. [Online]. Available from: http://semioCast.com/publications/2012_07_30_Twitter_reaches_half_a_billion_accounts_140m_in_the_US
9. My Clever Agency. (2013) *How Are British People Spending Their Time On Facebook?* [Infographic]. 24.01.2013. [Online]. Available from: <http://www.mycleragency.com/2013/01/facebook-stats-uk-2013-infographic/>.
10. Cameron, D. (2011) David Cameron's statement on disorder in England. *Conservatives*. 11.08.2011. [Online]. Available from: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2011/08/David_Camersons_statement_on_disorder_in_England.aspx.
11. BBC News England. (2011) *England riots: Two jailed for using Facebook to incite disorder*. 16.08.2011. [Online]. Available from: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-manchester-14551582>.
12. BBC Russian Service. (2011) Dva britantsa prigovoreny za prizyv k grabezham v Facebook [Two Britons were sentenced for an appeal to the robbery in Facebook]. 17.08.2011. [Online]. Available from: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/08/110816_facebook_rioters_sentence.shtml.
13. Booth, R. (2012) Government plans increased email and social network surveillance. *The Guardian*. 01.04.2012. [Online]. Available from: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/apr/01/government-email-social-network-surveillance>.
14. Anon. (2012) Anonymous claims responsibility for taking down government sites. *The Guardian*. 08.04.2012. [Online]. Available from: <http://www.guardian.co.uk/technology/2012/apr/08/anonymous-taking-down-government-websites>.
15. The official website of the UK Government. (2012) Oral statement to Parliament. The Queen's Speech. 09.05.2012. [Online]. Available from: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-queen-s-speech-2012>.

Received: 06 May 2015

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБИРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Анализируется процесс появления новых идентификаций в 1990-е гг., что было связано с деятельностью федеральных и региональных элит, формировавших новые «картины мира» для обеспечения своего политического выживания. Выявление идентификации сибирской политической элиты, форм её проявления, а также образов, вокруг которых она выстраивалась, позволит лучше понять механизмы взаимоотношений центра и регионов, способы достижения внутриэлитных компромиссов, а также причины сохранения единого государства.

Ключевые слова: Сибирь; «Сибирское соглашение»; межрегиональные ассоциации; идентичность; регионоведение России.

Актуальность темы и постановка исследовательских задач. Одним из важнейших процессов в ходе реформ 1990-х гг. стало структурирование социально-политического пространства: с одной стороны, вводились новые институты, практики, учреждения; с другой – изменялась система представлений и идентификаций. «Изменения в организации пространства (страны или региона) имеют следствием изменение коллективных представлений о нем, что неизбежно ведет к нарушению идентичности, созданию новых ее вариантов, возвращению к традиционным формам или даже к “потере” идентичности» [1]. Появление новых идентификаций было связано, прежде всего, с деятельностью федеральных и региональных элит, которые формировали (преимущественно через СМИ) новую «картину мира», которая должна была обеспечить их политическое выживание. Отметим, что акцентирование региональной (сибирской) идентификации стало важным для региональных элит только тогда, когда оно приобрело «политически значимый характер» [2. С. 16].

Ситуация 1990-х гг. интересна с точки зрения наличия высокой конкуренции «идеологических проектов», причем противостояние навязываемых обществу «картин мира» имело как горизонтальное, так и вертикальное измерение. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления представителей сибирской политической элиты, осознававшие важность такой «информационной борьбы»: «Мы все вместе и каждый в отдельности можем заработать себе инфаркт, совершив невероятные подвиги во имя своих территорий, но быть проклятыми своими народами, которые никогда не узнают, чем мы с вами занимаемся и какие проблемы решаем» [3. Л. 80]. «По своей территории Сибирь – половина России. Вы видите какое огромное влияние на массовое сознание играют средства массовой информации – “Останкино”, радиотелевизионная компания России... Стоит вопрос о наведении порядка, идет борьба. ...Сегодня назрела необходимость создания журнала или возобновить, подготовить в виде приложения. На его страницах обмениваться прогрессивным опытом, заявить о себе, о “Сибирском соглашении” на всю Россию» [4. Л. 48].

«Некоторыми средствами массовой информации формируется образ региональной власти как виновницы всех бед, тогда как в действительности росту социальной напряженности способствует, прежде всего, невыполнение обязательств государства по федеральному бюджету, по оборонным заказам, отмене приоритетов по выплате заработной платы перед уплатой многочисленных налогов и прочих отчислений» [5. Л. 25].

Регионы, в лице местных элит, стали активными участниками политического процесса, и без их поддержки федеральный центр вряд ли мог рассчитывать на продолжение радикальных преобразований. В силу этого региональные лидеры пытались оказывать давление на центр при помощи разнообразных ресурсов, важнейшим из которых стала территориальная (или национальная) идентификация.

В Сибири, наряду с актуализацией идентичности в рамках отдельных субъектов Федерации, шел процесс формирования идентичности сибирской, которую можно обозначить как «межрегиональную». Во многом это было связано с деятельностью Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС), созданной в условиях нарастающего кризиса в октябре 1990 г. Участники Ассоциации, определяя свои идейно-целевые установки и развивая особые практики взаимодействия как между собой, так и с федеральным центром, способствовали формированию «особого места» Сибири в информационном пространстве и властном дискурсе.

Таким образом, выявление идентификации сибирской политической элиты, форм её проявления, а также образов, вокруг которых она выстраивалась, позволит лучше понять механизмы взаимоотношений центра и регионов, способы достижения внутриэлитных компромиссов, а также причины сохранения единого государства.

Объектом исследования стала идентификация глав администраций и председателей региональных законодательных собраний субъектов РФ, являвшихся представителями своих территорий на Советах МАСС. При этом главы администраций и заксобраний являлись региональными политиками, т.е. могли

принимать решения (в широком смысле) и обладали возможностью для их реализации в масштабах региона, а также располагали ресурсом, позволяющим влиять на принятие решений в политическом центре страны. Именно эти характеристики позволяют говорить о них как о политической региональной элите. *Предметом исследования* являются формы проявления идентификации сибирской политической элиты.

Исследовательские задачи:

1) показать динамику формирования сибирской идентификации и факторы, актуализирующие идентификацию региональной элиты;

2) выявить смысловые компоненты, лежащие в основе самоотождествления руководителей сибирских территорий;

3) рассмотреть мотивацию региональных лидеров при использовании ими конструктов «сибирской идентификации», т.е. определить, кому и с какой целью региональная политическая элита транслировала свое отождествление.

Источники. Для выявления и анализа «сибирской властной идентичности» были использованы стенограммы заседаний Советов Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», в которых содержатся речи (тексты) руководителей регионов. На этих заседаниях представители региональной элиты гораздо тоньше чувствовали свою общность («сибирскость»), чем где-либо. Этому способствовало и присутствие на Советах представителей федерального центра, в диалоге с которыми региональные лидеры осознавали себя относительно «единым целым».

Важность используемого источника определяется тем, что региональные лидеры находились в «своем кругу», их выступления были для «своих» («понимающих», «посвященных»), что позволяет рассматривать содержащуюся информацию как более «адекватную» реальным представлениям региональной элиты, в отличие от высказываний (текстов), адресованных широкой публике (в СМИ, на встречах с избирателями и т.д.). Значимость стенограмм как источника для выявления смысловых компонентов «сибирской идентичности» определяется и формой фиксации материала, т.е. наличием оговорок, шуток, метафор и т.д.

Динамика формирования сибирской идентификации и факторы, способствовавшие актуализации сибирской идентификации:

Изменение коллективных представлений о территориальном пространстве и своем соотношении с ним происходит не мгновенно, а проходит определенные этапы. При формировании властной сибирской идентификации в 1990-е гг. можно выделить следующие этапы:

Первый этап – вторая половина 1990 – начало 1991 г. В этот период был сделан первый шаг в переходе от союзной к региональной (сибирской) идентичности. Центр провозгласил идею территориального хозрасчета, что привело к актуализации представлений о региональной особости. Последние получили научную поддержку в разрабатываемых экономических программах, где четко прозвучали такие проблемы, как кто кого из республик «кормит», кто за

счет кого живет, кто больше пострадал от политики центра и т.д. [6. С. 3–19]. Широкое обсуждение этих проблем в СМИ способствовало формированию особого самовосприятия у жителей регионов, в том числе Сибири.

Второй этап – середина – конец 1991 г., когда явно обозначился кризис советской (общегосударственной, союзной) идентичности, что проявилось в разрыве экономических связей, ощущаемых реально, – стали нарушаться договоры о поставках, и предприятия вынуждены были останавливать процесс производства. Создание МАСС стало прямым следствием данного кризиса и началом формирования новой региональной идентичности у руководителей территорий. Главы Советов (органов власти и управления), пытаясь наладить экономические связи в пределах Сибири, начинали мыслить региональными категориями, формально не отказываясь от «общесоюзной» риторики. При этом все настойчивее звучала мысль о том, что Центр не учитывает позицию территорий, а начало формирования единого информационного пространства Сибири может рассматриваться как ресурс для конструирования региональной идентификации.

Третий этап – 1992–1993 гг. – определяется процессами, угрожавшими развалом России, подписанием Федеративного договора и поиском регионами «своего» места в новом государстве. В момент политического кризиса второй половины 1992–1993 гг. региональные элиты стали воспринимать себя в качестве «третьей силы», чему способствовали действия центральных органов власти (шел процесс политического «заигрывания» с регионами). Отношения на территориях к участникам конфликта в Москве могло быть различным, но осознание «своего» (регионального) возросшего значения прослеживается достаточно четко. Негативные результаты радикальных рыночных реформ придали мощный импульс развитию «сибирской идентификации», предпосылки складывания которой обозначились в период конца 1990–1991 гг.

Четвертый этап – 1994–1999 гг. – это время относительно сформировавшейся региональной идентичности у руководителей территорий. По текстам (выступлениям на Советах МАСС, программам развития, переписке между регионами и с Центром) явно прослеживается осознание сибирской политической элитой своих (региональных, сибирских) интересов и некой общности. Складывается особый властный межрегиональный (сибирский) дискурс, в рамках которого формируемые региональными лидерами «картины мира» (о справедливых федеративных взаимоотношениях, об эффективной региональной политике и т.д.) транслируются в федеральный Центр и воспринимаются последним, становясь предметом дискуссий и внутриэлитного «торга».

Факторами актуализации сибирской идентификации у региональной политической элиты стали:

1. Процессы децентрализации управления, что позволило сформироваться собственно региональным элитам, получившим определенный объем прав и полномочий. Стоит отметить и личностный фактор.

Региональные лидеры значительное время проработали в Сибири, принимали участие в производственных процессах, воспринимали освоение Сибири как «свое дело». Начавшееся разрушение региональной экономики не могло не сплотить их.

2. Наличие схожих проблем сибирских территорий, обусловленных общностью природно-географического фактора, а также исторического освоения и развития.

3. Кризис советской идентичности и потеря мировоззренческих ориентиров, а также насаждаемая Центром либеральная идеология «невмешательства государства в экономику». В свете последнего региональные элиты стали восприниматься местным населением как «своя власть», которая в отличие от «чужого» («далекого», «устранившегося») Центра «не бросит». Заявления региональных политиков об «особости» той или иной территории встречали широкую поддержку среди общественных движений и отдельных граждан на местах, что объективно способствовало усилению региональной идентичности.

4. Разрыв хозяйственных связей и нарастание кризиса во всех сферах. Транспортная удаленность и рост тарифов превращали сибирский хозяйственный комплекс в изолированный от других экономических регионов России.

5. Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», создавая которую региональные лидеры преследовали экономические цели – поддержать экономику, восстановить связи, обеспечить поставки по договорам и т.д. Однако постепенно сама Ассоциация стала воздействовать на их сознание, формируя региональную «сибирскую» идентификацию. Сыграла роль и институциональная конфигурация МАСС – каждый региональный лидер возглавлял какой-либо координационный совет «Сибирского соглашения» и в силу этого должен был решать проблемы в определенной сфере в масштабах Сибири.

6. Дореформенный (советский) управленческий опыт, связанный с большими экономическими районами и программами их комплексного развития. Провал радикальных рыночных реформ вновь актуализировал программный метод применительно к макрорегионам, что задавало соответствующий формат осмысления проблем (например, решение общесибирских проблем в рамках программ развития Сибири, в том числе ФЦП «Сибирь»).

7. Складывающиеся практики взаимоотношений сибирских территорий и Центра. С одной стороны, идентификации способствовала политика Центра, не учитывающая особенности регионов, что порождало противостояние «мы – они». С другой стороны, сибирским регионам удавалось добиваться уступок со стороны Центра, «одерживать победы», что также порождало ощущение единства.

8. Фактическое неравенство субъектов РФ, при котором предоставленные льготы одним субъектам Федерации становились «раздражителем» для других. В результате возникало разделение на «они» (незаконно получившие льготы) и «мы» (выступающие за равен-

ство), что усиливало региональную (сибирскую) идентификацию.

Сибирская идентификация» региональной политической элиты. Идентификация «мы – сибиряки» проявлялась как в прямом отождествлении региональных лидеров с Сибирью (сибиряками), так и в дискурсивных конструкциях более общего (относительного) содержания.

Прямое отождествление проявлялась в следующих фразах: «...я, как патриот Сибири и Красноярска, предлагаю...» [3. Л. 20]. «Если будем исходить из предпосылок, что мы составляем самое главное, ради чего мы собрались и объединились, составляем единое экономическое пространство, мы должны решать вопросы для всех, не оставляя интересы отдельных областей. ...Давайте так и сделаем: исходить из интересов всей *нашей Сибири*» [Там же. Л. 64–65].

Конструкции общего содержания, вокруг которых выстраивалась идентификация «мы–сибиряки» выглядели следующим образом:

«Сибирские проблемы». «Возвращаясь к первой части нашего разговора по нашему продовольственному рынку, я на 100 процентов убедился, только Сибирь и наши взаимодействия смогут решить проблемы» [4. Л. 24]. «Только при совместной и дружной работе и четком взаиморасчете все это (кризисные явления. – *Е.Л.*) можно преодолеть». «И выход из создавшегося положения мы ищем сообща. Мы постоянно формируем механизм экономического взаимодействия с территориями» [7. Л. 30–31].

«Сибирская судьба». «Но сибиряков от края до края объединяет одна судьба, одна земля и одна беда. И выход из создавшегося положения мы ищем сообща» [Там же]. «Для нас нет малых и больших территорий. Для нас важно осознание общей судьбы сибиряка, общей ответственности» [5. Л. 10].

«Сибирский (экономический) организм». «Хотелось бы мне обратиться к коллегам по “Сибирскому соглашению”. Мы с вами представляем не просто территории, объединенные одним географическим понятием “Сибирь”, мы представляем единый живой экономический организм» [8. Л. 4].

«Сибирский голос», который звучит мощно. «Хотелось, чтобы наши требования, сегодняшняя наша работа не пошли насмарку, услышали наш голос» [9. Л. 24]. «Поэтому назрела необходимость сегодня рассмотрения совместно с территориями Сибирского региона, мы не будем говорить за всю Одессу, за нашу Сибирь будем говорить» [Там же. Л. 37].

«Сибирская разумность». «Обстановка в Сибири становится взрывоопасной. ...Несмотря на предлагаемые разумные меры со стороны руководителей территорий, Правительство уверенно двигает ситуацию к пропасти, а титанические усилия руководителей территорий защитить население не дают результатов» [5. Л. 25].

«Приращение Сибири». «Мы оцениваем сложившуюся ситуацию с бюджетным обеспечением территорий как неудовлетворительную. Причем видим причины не только в общеэкономической ситуации тяжелой, кризисной и т.д., но и в продолжающейся политике центра по отношению к регионам, политике

уменьшения их самостоятельности, возможности принятия решения и сохранения контроля за центральными органами над поведением, действиями регионов». «Здесь есть вопросы, которые нам необходимо с учетом интересов территории обсудить, где еще возможно внести поправки, которые бы не ущемляли столь откровенно интересы региональной экономической политики» [10. Л. 2]. «А нами сегодня командуют, из центра устанавливают тариф. А всю колоссальную прибыль забирают центральные органы власти. Комиссия по энергетике наполовину состоит из московских руководителей» [9. Л. 53].

«Сибиряки – хозяева “своих” богатств». «Уважаемые товарищи, в общем-то, мы бюджет маленько изучили, поэтому мы просим, отдайте нам наше, а чужого нам не надо. ...Это уже ваше правительственное решение, а не закон государственный. Это разница большая. Мы научились, мы столько пережили, какие седые стали. Нас не обманешь» [5. Л. 74]. «Мы в Сибири действительно располагаем огромнейшим потенциалом. Этот творческий потенциал мы еще недооцениваем и не понимаем, каким богатством располагаем» [7. Л. 81].

«Сибирская самостоятельность». «Для России мы пишем поручения, но это в России. А на нашей территории нас что сдерживает? Правительство нас не сдерживает» [9. Л. 53].

«Сибирские интересы». «При условии принятия этого документа (о создании особой экономической зоны в Горном Алтае. – *Е.Л.*) это будет первая, может быть, оффшорная зона, которую мы будем использовать и в интересах развития уникальных природно-климатических особенностей этого края, и в интересах экономики всего “Сибирского соглашения”» [3. Л. 55]. «Сегодня государство, оставаясь должником, продолжает распоряжаться моим и вашим зерном. Вы знаете, кто и куда грузит? ...вот я и не хочу больше с государством связываться» [10. Л. 22].

«Сибиряки – тоже россияне». «Замечательно, когда Правительство, руководители обеих Палат пробуют смотреть на проблемы страны, которой они управляют, вместе с нами. Сибирь, Дальний Восток – это тоже Россия, здесь тоже живут россияне» [11. Л. 2]. «В зале сегодня сидят сибиряки. Это особый народ, который всегда помнит слова великого Михайло Ломоносова о могуществе Российском, что прирастать будет Сибирью. Который чувствует себя глубоко ответственным за воплощение завета в жизнь и делает для этого все возможное» [12. Л. 15].

Трансляция сибирской идентификации от регионов Центру преследовала следующие цели:

Во-первых, это была форма взаимовстраивания конкурирующих «картин мира», в процессе чего налаживался диалог Центра и регионов, обозначались те позиции, при учете которых стороны готовы были «слышать» друг друга и договариваться. Это был один из механизмов внутриэлитного торга с целью достижения консенсуса.

Во-вторых, актуализация и трансляция сибирской идентификации должны были обеспечить электоральную поддержку региональным элитам на территории

альном уровне, а также канализировать социальное недовольство в центр. Когда в речах региональных политиков население Сибири слышало свои чаяния, то убеждалось в том, что «своя» власть их слышит и «транслирует» их пожелания в Центр, отстаивает региональные интересы. Следовательно, Центр должен был реагировать на проблемы, в противном случае он становился объектом недовольства, а региональные элиты как бы выходили из-под критики «своего» населения.

В-третьих, для понимания и обозначения места «своего» региона в новой конфигурации территорий, составляющей государство, необходимо «создание региона» в информационном (дискурсивном, воображаемом) пространстве, что невозможно без формирования символов и образов, которые бы внедрялись в сознание местного населения, «формируя принципиально новые задачи по конструированию политического пространства» [1].

Выводы (результаты исследования). У региональных элит Сибири за 1990-е гг. сформировалась сибирская (региональная) идентификация. Это проявлялось в том, что: во-первых, во властном дискурсе постоянно присутствовала общесибирская тематика. Руководители сибирских территорий мыслили не только региональными (на уровне субъекта РФ) категориями, но и сибирскими. Делая заявления о том, что «мы ответственны за судьбу Сибири», выступая от имени «всей» Сибири, региональные лидеры начинали идентифицировать себя с Сибирью (пусть даже ситуативно, даже если сибирская идентификация была одной из нескольких). Во-вторых, это выражалось в активном формировании особого языка власти (дискурса), наполняемого особыми общесибирскими образами, которые становились мощнейшим средством разрушения советской идентичности и зарождения идентичности региональной.

Властная «сибирская идентичность» имела преимущественно политическое значение, поскольку была ориентирована «вовне» – федеральному Центру и другим регионам. Такая направленность была призвана утвердить значимые региональные символы, смыслы, иерархии на федеральном уровне. Так, региональные элиты стремились тезис о «сибирской уникальности» встроить в федеральный властный дискурс и регулярно его актуализировать. В свою очередь Центр, заинтересованный в поддержке регионов, воспринимал транслируемые ему образы, акцентировал их, что создавало основу для внутриэлитных компромиссов. При этом политическое значение сибирской идентификации не стоит преувеличивать. Она была ориентирована скорее не на мобилизацию населения с целью поощрения сепаратистских движений и раскол, а на демонстрацию Центру в периоды обострения ситуации того, что такая мобилизация может быть проведена в случае необходимости.

Показательно, что во время политического кризиса в сентябре–октябре 1993 г., несмотря на кажущиеся выгоды от провозглашения «Сибирской республики», население и часть политической региональной элиты не поддержали данную идею. Провалом закончились

идеи о создании «Сибирской партии». Чаще же речь шла о стремлении добиться внутриэлитного консенсуса через торг регионов с федеральным центром. Более того, политические элиты в Сибири в силу местных особенностей выступали не только как генераторы сибирской идентичности, но и как сила, сдерживающая сепаратистские настроения. И актуализируя сибирскую идентификацию, региональные элиты «как бы» помогали Центру вовремя увидеть данную проблему и вовремя принять необходимые меры. В действительности это был способ обратить внимание на региональные проблемы.

Сибирская идентификация не являлась сепаратистской по своей сути, о чем свидетельствует использование не только образов Сибири, но и их сочетание с общероссийскими ценностями, в том числе ценностью сохранения единого государства, равенства всех субъектов и т.д. «Сибирская идентификация» не противопоставляется российской, а развивалась как составная часть последней. Ярким примером является проект ассоциации «Сибирское соглашение» по увековечению памяти войнов-сибиряков, погибших на полях Великой Отечественной войны. В рамках данного проекта решено было поставить памятник возле города Белый Тверской (Калининской) области, где Сибирский добровольческий корпус понес большие потери. С точки зрения формирования идентичности памятник войнам-

сибирякам в европейской части России акцентировал идею единства страны и народа, перекидывая «мостики» к советскому прошлому.

Идентификация сибирской региональной элиты вряд ли была «устойчивой» и окончательно сформированной; на прежние взгляды (систему ценностей) советского периода накладывались представления о новых реалиях. При этом процесс был двусторонний – сами региональные лидеры, исходя из своих представлений, интерпретировали происходящее, тем самым оказывая влияние на восприятие действительности как населением подвластных территорий, так и федеральным центром, который не мог не считаться с мнением политических элит регионов. Однако относительно образа «единого целого» («мы – сибиряки») отметим, что этот образ вступал в противоречие с образом отдельных регионов, конкурировал с ними во властном дискурсивном пространстве. Даже на Советах МАСС, где сибирские регионы старались выступать единым фронтом в отношении Центра, нередко руководители отдельных субъектов Федерации акцентировали внимание на том, что конкретно в их регионе (отдельном субъекте) ситуация намного хуже, чем у других. То есть образы отдельных субъектов, которые выстраивались их руководителями, как бы размывали «единый образ Сибири», а следовательно, сибирскую идентификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэкс. 2005. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный.
2. Казула Ф. Разделенное государство: федерализм как агонизм наций? // К новой модели российского федерализма / под. общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М.: Весь Мир, 2013. 328 с.
3. Стенограмма XV заседания Совета МАСС от 25–26 июня 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 48.
4. Стенограмма XVI заседания Совета МАСС от 25 марта 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 72.
5. Протокол XXIII заседания Совета МАСС от 14 декабря 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 88.
6. Экономическая реформа и социально-экономическое развитие Сибири // Регион: экономика и социология. 1991. Вып. 1. Январь–апрель. (Известия Сибирского отделения АН СССР). Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1991.
7. Протокол IX заседания Совета МАСС, проведенного 9–10 июля 1993 года в г. Саяногорске // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 26.
8. Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС, проведенного 21 июля 1995 года в г. Тюмени // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75.
9. Протокол X заседания Совета МАСС от 24 сентября 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 27.
10. Стенограмма заседания рабочей группы МАСС, проведенного 2 июня 1994 г. в г. Москве // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 47.
11. Стенограмма совещания руководителей федеральных органов власти РФ, субъектов Федерации, МАЭВ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья от 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 50.
12. Стенограмма XXI заседания Совета МАСС от 19 мая 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 85.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 апреля 2015 г.

IDENTIFICATION OF SIBERIAN POLITICAL ELITE: A CASE-STUDY OF THE INTERREGIONAL ASSOCIATION SIBERIAN ACCORD ACTIVITIES

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 113–118. DOI: 10.17223/15617793/398/18

Lukov Eugene V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Keywords: Siberia; Siberian Accord; interregional associations; identity; regional studies of Russia.

In the 1990s the regional elites of Siberia formed Siberian (regional) identification. This was manifested in the fact that, firstly, there was constantly the common Siberian theme in the power discourse; secondly, this was expressed in the formation of the power particular language (discourse) filled with the unique common Siberian images that were becoming a powerful tool of the Soviet identity destruction and the emergence of the regional identity. Power "Siberian identity" had mostly political significance because it was oriented to the "outside" – the federal center and other regions. This focus was intended to approve significant regional symbols, meanings, hierarchies at the federal level. Thus, the regional elites tried to built the thesis of "Siberian uniqueness" into the federal power discourse and update it regularly. In turn, the Center, interested in the regions support, took the images conveyed to it, accented them, which laid the foundation for compromises within the elite. However, the political significance of the Siberian identification should not be exaggerated. It was not focused on mobilizing population to encourage separatist movements and division, but rather on demonstrating to the Center during the periods of tension the situation that such mobilization could be carried out if necessary. Actualizing Siberian identification, the regional elites "as if" helped the Center to see the problem in time and take the necessary

measures. In fact, it was a way to draw attention to regional problems. Siberian identification was not separatist in nature, as evidenced by the use of not only images of Siberia, but also their combination with the all-Russian values, including the value of preserving a single state, the equality of all subjects, etc. "Siberian identification" was not opposed to Russia, and developed as part of it. Siberian regional elite identification was hardly "sustainable" and completely formed. The understanding of new realities superimposed on the previous views (system of values) of the Soviet period. The process was bilateral: regional leaders themselves, based on their performances, interpreted what was happening, thereby influencing the reality perception of both the population of subject territories and the federal center. However, with respect to the image of "a whole" ("we – Siberians"), it should be noted that this image came into conflict with the image of individual regions, competed with them in the power discourse space, which blurred "the whole image of Siberia", and, consequently, Siberian identification.

REFERENCES

1. Achkasov, V.A. (2005) Regional'naya identichnost' v rossiyskom politicheskom prostranstve: "kaliningradskiy kazus" [Regional identity in the Russian political arena: "Kaliningrad incident"]. *Politeks – Political Expertise Journal*. 1. [Online]. Available from: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>.
2. Kazula, F. (2013) Razdelennoe gosudarstvo: federalizm kak agonizm natsiy? [Divided government: federalism as agonism of nations?]. In: Ryabov, A., Zakharov, A. & Zdravomyslova, O. (eds) *K novoy modeli rossiyskogo federalizma* [To a new model of Russian federalism]. Moscow: Ves' Mir.
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 48. Transcript of the XV meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 25–26 June 1994. (In Russian).
4. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 72. Transcript of the XVI meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 25 March 1995. (In Russian).
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 88. Protocol of the XXIII meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 14 December 1996. (In Russian).
6. Anon. (1991) Ekonomicheskaya reforma i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sibiri [Economic reform and socio-economic development of Siberia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 1. January–April.
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 245. List 1. File 26. Protocol of the IX meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 9–10 June 1993 in Sayanogorsk. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 75. Transcript of the XVIII meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 21 July 1995 in Tyumen. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 27. Protocol of the X meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 24 September 1993. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 47. Transcript of the meeting of the Siberian Accord Interregional Association work group of 2 June 1994 in Moscow. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 50. Transcript of the meeting of heads of federal authorities of the Russian Federation, subjects of the Federation, Interregional Associations of Economic Cooperation of Urals, Siberia, the Far East and Trans-Baikal on December 2, 1994. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO) Fund R-245. List 1. File 85. Transcript of the XXI meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 19 May 1996. (In Russian).

Received: 29 April 2015

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОДА ЖЕСТОКОСТИ В ГЕНДЕРНОЙ СФЕРЕ В ВАРВАРСКОМ И РЫЦАРСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Рассматривается проблема жестокости варваров и рыцарей в гендерной сфере. Авторы используют технологию полидисциплинарного синтеза, имеющей фокусом бессознательное, для реконструирования природы гендерной жестокости, а также для того, чтобы проследить, как в западноевропейском средневековом обществе обозначилась трансформация в отношении мужчин к женщинам. Именно в Западной Европе эта трансформация была более динамичной, нежели в других цивилизациях.

Ключевые слова: жестокость; Западная Европа; Средние века; полидисциплинарный синтез; гендерная сфера.

Согласно К. Марксу критерием гуманизма может служить характер отношения мужчины к женщине, так как в нем «проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность или насколько природа стала человеческой сущностью человека» [1. С. 97].

С. Лем в одном из своих интервью говорил, что современный человек, несмотря на видимую рациональность и цивилизованность, на 90% остается все той же обезьяной, управляемой природными инстинктами и влечениями. Но он в этом же интервью подчеркивал, что как бы ни была хрупка наша цивилизованность, как бы ни косметически выглядели нормы, наработанные культурой, они столь важны, что их вряд ли можно переоценить. И именно в сфере сексуальности видно, насколько серьезные культурные приобретения сделал человек.

Очевидно, что процесс обретения культурной оснастки сексуального поведения имел и имеет специфически различные формы выражения в разных обществах на разных этапах их развития. Эти формы тесным образом связаны со всем стилем жизни людей и культур и представляют собой часть той системы социальных связей, которые опосредованы друг другом – отношений власти, собственности, климато-географического и демографического ландшафта, религиозных представлений. Причем важно иметь в виду, что, несмотря на изменения тех или иных культурно-психологических установок сексуального поведения в обществах, в них остается некий наработанный традицией пласт, который отсылает нас к его истокам. В связи с этим попробуем рассмотреть процесс трансформации историко-психологического кода жестокости в гендерной сфере, используя методологические ресурсы полидисциплинарной технологии [2].

Упоминание о женщинах встречается в источниках, отражающих варварский период, редко. Однако их достаточно, чтобы выявить авторитарно-патриархальное сознание варвара. К ним относятся следующее: долгое сохранение у знати обычая иметь наряду с женой сожительниц (даже у простых скандинавов имелось нередко по две-три жены), жестокое в сравнении с мужчиной наказание женщины за прелюбодеяние, проявление жестокости по отношению даже к знатым женщинам и целый ряд других примеров. Стремление доминировать, подчинять женщину в гендерной сфере, включая такую важную ее составляющую, как сексуальность, восходит к самым архаическим истокам идентичности варвара. Поскольку обо-

ротной стороной такого стремления к господству был страх перед более сильным или базальная тревожность по поводу возможной утраты своего превосходства, то в качестве своеобразной антитезы ему являлся поведенческий код, связанный с неосознанно демонстрируемой жестокостью. Указанные установки носили фиксированный характер и со временем превращались в определенные обычаи или традицию (например, сложившаяся неписаная традиция добывания жен, связанная с практикой агона).

В источниках варварского периода встречается множество непосредственных примеров жестокого отношения к женщине, главным образом в сагах. Обратимся, например, к «Саге об Эгиле». Однажды шла игра в мяч: Эгиль с Тордом играли против Скаллагрима (отец Эгиля). К вечеру игра у мальчиков пошла хуже и Скаллаgrim «поднял Торда и швырнул его оземь, что переломал у него все члены, и тот сразу умер. После этого Скаллаgrim схватил Эгиля». Но за Эгиля вступилась служанка Брак: «Озверел ты, Скаллаgrim, на собственного сына бросаешься!» Тогда Скаллаgrim отпустил Эгиля и бросился на служанку. Она побежала, Скаллаgrim – за ней. Она прыгнула со скалы в пролив, а он «бросил ей вслед большой камень и попал ей между лопаток. После этого она больше не выплыла» [3. С. 132].

В начале меровингской эпохи приоритет знатного происхождения женщины вступает в серьезные противоречия с традицией ее подчинения, характерной для варварского периода [4]. Известна история сватовства Меровинга Хильперика к вестготской принцессе Галсвинте. Соперничество с братом, конунгом Сигибертом, имевшим, в отличие от него, женой не простолюдинку, а девушку тонкого воспитания, благородную, побудило Хильперика посвататься ко второй дочери вестготского короля. Сватовство и последующая женитьба Хильперика на Галсвинте завершились тем, что в конечном итоге «он приказал слуге удушить ее» [5]. И спустя немного дней он вернулся к своей наложнице Фредегонде. Случай такого обращения с женой был нередким в варварском мире. Однако следует отметить, что прямолинейная чувственность перестала уже быть единственной определяющей компонентой отношения варвара к женщине. Знатьность рода, династические связи, верность слову постепенно теснили природную данность и оцивилизовывали варварское общество. В данной истории для нас важен механизм, с помощью которого цивилизация закрепляла новые гендерные установки, связанные с практикой уважения брачной партнерши, при-

знание за ней определенных прав. В случае с Хильпериком виден пример гендерного оцивиличивания в следующих событиях. Сигиберт объявил брату войну, в которой «повинны» были и желание Брунгильды отомстить за злодейскую смерть сестры, и стремление австразийского короля повергнуть своего соперника, и жажда добычи тех, кто встанет под руку Сигиберта. В итоге Хильперик был призван к суду и обвинен в преднамеренном убийстве Галсвинты. Он был обязан вернуть сестре убиенной королевы «утренний дар» в виде нескольких городов.

То, что у франков в эту эпоху статус женщин де-факто и де-юре был выше, чем у многих народов эпохи варварских королевств, имеет под собой достаточно веские основания, коренящиеся в исторической логике генезиса франкского королевства. Высокий статус женщины в королевстве франков был связан с быстротой и относительной плавностью оформления диалога пришлого элемента завоевателей франков с завоеванным населением романизованной Галлии. Именно в этом бродильном котле, в котором выплавлялся «брачный союз» завоевателей и завоеванных, закладывались условия для нового гендерного диалога, оплодотворенного культурой обеих сторон. Более того, унаследованные от предшествующей цивилизации культурно-религиозные ценности и установки, как, скажем, этическая максима единобрачия, с трудом укоренявшиеся в ту сложную эпоху даже в среде галло-римской знати, именно благодаря сложившейся социальной структуре взаимодействия элит имели шанс окрепнуть и дать жизнь новым гендерным практикам, дисциплинировавшим витальную безграничность сексуальных влечений. А стало быть, пусть непоследовательно, медленно наращивать установки, связанные с ослаблением жестокости.

Разноплановый источниковый материал Средневековья («Песнь о Нибелунгах», Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», средневековые романы и повести) дает множество сюжетов, несущих на себе печать архаических установок гендерного поведения. Это показывает, к примеру, историко-психологический анализ такого «бродячего сюжета», как легенда о съеденном сердце: поэт полюбил жену своего сеньора, написал ей кансону и поплатился за свою любовь сердцем. «И когда эн Раймон де Руссильон услышал про кансону, которую сложил Гильем для жены его, он призвал Гильема явиться к нему... и отрубил ему голову, и положил ее в охотничью сумку, а сердце вырезал из тела и положил вместе с головой. Вернувшись же в замок, он приказал изжарить сердце и подать его на стол жене, и заставил ее съесть его; а она не знала, что она ест. Когда же кончила она есть, встал эн Раймон и сказал жене, что съела она сердце Гильема де Кабестаня, и показал голову, и спросил ее, пришлось ли сердце Гильема ей по вкусу... Кинулся на нее эн Раймон с мечом, она же побежала от него, бросилась с балкона и разбила голову» [6. С. 587].

Однако вся структура социальных полей западноевропейской средневековой цивилизации способствовала раннему вынужденному репрессированию анализируемого кода в гендерной сфере (в этом смысле показателен, например, диалог таких знаменитых персонажей средне-

вековой истории Англии указанного периода, как Генрих II Плантагенет и его жена Элеонора Аквитанская).

Особенно прозрачно трансформация гендерного кода видна на уникальном, сформировавшемся именно в средневековой европейской цивилизации культе Прекрасной Дамы и возникшей так называемой куртуазной любви, которая имела воспитательное значение. Выражение сексуальных устремлений мужчин становилось менее агрессивным и опасным, ослабились насилие и грубость в сексуальном поведении мужчин. Распространение культа Прекрасной Дамы именно в западноевропейской цивилизации не было случайно. Лежавшая в основе куртуазной игры «интрига», когда молодой вассал воспламенялся любовью (а на деле похотью) к жене более сильного и властного сеньора, могла возникнуть лишь в феодальной иерархии, где властная дистанция между агентами социального поля не была столь большой.

Можно проиллюстрировать сопутствующий этому процессу механизм изживания жестокости в гендерных отношениях, сопоставляя несколько источников. Не останавливаясь на тех многочисленных поэтических формах, которые были проанализированы в этом ракурсе исследователями, обратимся к роману «Тристан и Изольда». В одной из версий романа мы видим, как постепенно формируется опыт сдерживания вспыльчивости, стремления наказать жену за измену со всей жестокостью, который первоначально не осознавался человеком, но «закреплялся» в сознании как ценность. Обманутый король Марк отправляется в погоню за любовниками – племянником и вассалом Тристаном и молодой женой Изольдой – которые нанесли ему столь большое оскорбление. Оказавшись у шалаша, в котором решили укрыться уставшие любовники, Марк видит, что «она рубашки не сняла, раздельны были их тела». Короля охватывает смятение, которое свидетельствует о том, насколько изменилось, по крайней мере в идеале, отношение к «свободной любви». Конечно, Марк раздумывает, помиловать или убить влюбленных. Но сам факт того, что муж убеждает себя словами автора в истинности высокого чувства («они в лесу живут давно и знаю твердо я давно, когда б обоих похоть жгла, Изольда б голая легла. И меч из смертоносной стали между собой бы класть не стали»), свидетельствует о наработке новых установок, показывающих оцивиличивание гендерных отношений. Важно определить причину, почему король так поступил. Спецификой социально-политического поля западноевропейского Средневековья было наличие равновеликих агентов. Прямое столкновение короля с Тристаном могло быть чревато потерей лица короля в глазах общества, ведь тогда он допустил бы со стороны Изольды возможность выбора в пользу соперника, который тем самым оказывается в положении знаково более сильной фигуры. Возможность другого выбора также имела под собой историческую почву. При всем неравноправии женщин с мужчинами в феодальном обществе, здесь ее свобода проявилась ранее всего, так как была связана с возможностью наследовать родительский феод в случае отсутствия мужских наследников.

Гендерная эволюция носит не примитивно-прямолинейный характер, а кустовый, поэтому мы не можем говорить о полном изживании жестокости в гендерной сфере, так как в определенные кризисные ситуации в обществе происходили «откаты» назад, к примитивной жестокости. Тем не менее приведенные примеры дают основания для следующего вывода: в западноевропейском средневековом обществе обозначились изменения в отношении к женщине, которые повлияли на трансформацию жестокого поведения в отношении к ней. Накопленный багаж исторического знания вполне позволяет наметить общие контуры опорных линий, которые в конечном счете и определили специфику развития европейского общества. Воспользовавшись теорией единой нефиксированной установки Узнадзе, мы имеем возможность интерпретировать этот процесс мутаций как динамически меняющуюся конфигура-

цию накапливаемых установок, имеющих тенденцию аккумулироваться на базе типологически близких образцов и закрепляться как следствие длительного опыта. Западная Европа имела историческое преимущество: становление средневековой цивилизации и сословий происходило здесь при наличии культурно-психологического наследия традиций взаимоотношения с властью античного типа, переданных Западу в виде не столько готовых институтов, сколько реальных поведенческих и ментальных практик. Более того, сформировавшееся пространство социальных полей, благодаря синтезу варварской и римско-провинциальной знати, структурировалось таким образом, как сказал бы Бурдьё, что их агенты были относительно равновеликими. В ходе их столкновений накапливались и установки, работавшие на механизм изживания жестокости, свойственного авторитарной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956. 689 с.
2. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. 410 с.
3. Saga об Эгиле // Исландские саги. М.: Гослитиздат, 1956. С. 61–252.
4. Николаева И.Ю. Французская гендерная идентичность в историко-культурном интерьере: истоки и особенности // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2002. № 4. С. 223–254.
5. Турский Григорий. История франков. М.: Наука, 1987. 474 с.
6. Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. 734 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июня 2015 г.

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL CODE OF VIOLENCE IN THE GENDER SPHERE IN THE BARBARIAN AND CHIVALRY SOCIETIES

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 119–121. DOI: 10.17223/15617793/398/19

Nikolaeva Irina Yu. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: percka@mail.ru

Levashkina Zoya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zoyagulik@sibmail.com

Keywords: cruelty; Western Europe; the Middle Ages; interdisciplinary synthesis; gender sphere.

The process of attaining cultural sets of sexual behavior had and has specific forms of its expression in different societies on various stages of their development. Despite the changes of cultural and psychological attitudes in societies, they still have a certain culturally accumulated layer that sends people back to its roots. According to K. Marx, men's attitude to women can be the criterion of humanism. In this connection, the authors examine the transformation of the historical and psychological code of cruelty in the gender sphere applying the methodological resources of interdisciplinary technology which was elaborated in Tomsk Methodological and Historiographic School. A woman is rarely mentioned in the historical records that reflect the barbarian period. Moreover, it is possible to list a lot of facts showing the barbarian authoritarian structure of consciousness. The tendency to dominate, oppress a woman in the sexual sphere, including its important component – sexuality, goes back to the archaic roots of the barbarian's identity. As the fear of a more powerful individual or basal anxiety to lose superiority was the reverse side of striving for domination, the behavioral code connected with unconsciously demonstrated cruelty is its peculiar antithesis. The mentioned attitudes had fixed features and in the course of time they changed into some customs or traditions (e.g., the unwritten custom of getting wives that was connected with the practice of agon). Diverse medieval historical records show a great number of scenes containing the archaic attitude of gender behavior (e.g., the legend of the eaten heart). However, the structure of social fields of West European medieval civilization promoted earlier enforced repression of the present code in the gender sphere. The transformation of the gender code is transparent in the unique cult of the Beautiful Lady and the so-called courtly love. The expression of men's sexual aspiration was becoming less aggressive and dangerous; violence and rudeness weakened. The gender evolution does not have a primitive and straightforward character but a local one; that is why one can not speak about complete elimination of violence in the gender sphere. Nevertheless, the examined and interpreted material in the view of the selected research strategy gives the grounds to assert that in the European medieval society the modifications of attitude toward women took place. These modifications influenced the transformation of ruthless behavior in relation to woman. The authors conclude that this transformation was more dynamical in comparison with other civilizations.

REFERENCES

1. Marx, K. (1956) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Politizdat.
2. Nikolaeva, I.Yu. (2010) *Polidistsiplinarnyy sintez i verifikatsiya v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Anon. (1956) *Saga ob Egile* [Egil's Saga]. In: Steblin-Kamenskiy, M.I. (ed) *Islandskie sagi* [Icelandic sagas]. Moscow: Goslitizdat.
4. Nikolaeva, I.Yu. (2002) *Frantsuzskaya gendernaya identichnost' v istoriko-kul'turnom inter'ere: istoki i osobennosti* [French gender identity in historical and cultural interior: the origins and characteristics]. *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii*. 4. pp. 223–254.
5. Turский, G. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Moscow: Nauka.
6. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1993) *Zhizneopisaniya trubadurov* [The Lives of the Troubadours]. Moscow: Nauka.

Received: 01 June 2015

МИФ О ТАНГУНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обозначены основные этапы формирования корейской идентичности и показана роль представления о Тангуне на каждом из них. Идея «прародителя Тангуна» постоянно претерпевала изменения, но при этом она оставалась неотъемлемым компонентом этнического самосознания. Особый интерес к образу Тангуна проявлялся в критических ситуациях – в условиях борьбы с иноземными захватчиками, в периоды социально-экономической нестабильности. Постепенно идея «прародителя Тангуна» укреплялась в сознании корейского народа, а в начале XX в. заняла в нем лидирующую позицию.

Ключевые слова: этническая идентичность; корейская идентичность; Тангун; миф о Тангуне.

Сегодня, в эпоху глобализации, когда стираются национальные границы, культуры унифицируются и все способствует свободе передвижения капиталов, товаров, знаний, технологий и самих людей, проблема сохранения и поддержания этнической идентичности встает все более остро. На Корейском полуострове эта проблема также присутствует в полной мере, при этом там она имеет специфические характеристики, обусловленные разделением некогда единого этноса.

Формирование корейской идентичности, исследованию которой посвящена данная статья, произошло на протяжении всей истории Корейского полуострова, на каждом историческом этапе она не оставалась неизменной, ее развитие всегда шло через конфликт между традиционными ценностями прошлого и принятыми ценностями настоящего. И на сегодняшний день корейская идентичность также определяется через спор между силами, которые стремятся сохранить традиционные ценности и идеи, и «глобальными» силами, которые появились в связи с новыми социальными изменениями, привнесенными глобализацией [1].

Объектом данного исследования является корейская идентичность, рассмотрение которой представляется невозможным вне ее связи с историческим и культурным контекстом. Предмет исследования – миф о Тангуне, а также представления, связанные с Тангуном на различных этапах корейской истории. Этот миф содержит в себе рассказ о появлении первого корейского государства, это своего рода рассказ о «корнях» Кореи. Мы поставили цель проанализировать роль этого мифа на различных этапах существования корейской идентичности.

Вопросы, связанные с содержанием таких понятий, как «этнос», «этничность», постоянно находятся в центре внимания ученых, а в последнее время и не только, так как эта проблематика стала особенно активно обсуждаться и в СМИ, единого их определения не выработано, и вряд ли это будет когда-либо возможно. Выделяют различные направления, нам же представляется важным для получения полной картины об этносе использовать синтез примордиалистского и конструктивистского подходов. То есть мы придерживаемся той точки зрения, что в формировании и трансформации этноса можно проследить как естественно-исторические причины, так и влияние со стороны политических лидеров, интеллектуальной эли-

ты, социальной ситуации в целом, что соответствует взглядам конструктивистов.

В той или иной степени в работах этнологов в качестве признака этноса выделяется этническое самосознание. Так, в сформулированном С.М. Широкогоровым определении этноса отмечается важность признания единства происхождения, наличия комплекса обычаев, уклада жизни, которые бы отличали данную группу людей от другой. В определении Ю.В. Бромлея также отводится особая роль осознанию единства и отличию одних общностей от других. Таким образом, этничность в работах конструктивистов может соотноситься с пониманием этнического самосознания в рамках исторического подхода примордиалистов.

Отметим, что в теоретических этнологических работах используется многообразие терминов, которые интерпретируются каждым автором в соответствии с тем направлением, к которому он принадлежит. В данной статье этническая идентичность, как осознание принадлежности к определенному этносу и соотношение с ним, будет использоваться как синоним этнического самосознания.

Кроме того, этническое самосознание само по себе многокомпонентно, центральное место в нем занимает представление об общности происхождения и исторических судеб. Еще Ю.В. Бромлей отмечал важность представления об общности происхождения от одного предка (в том числе и мифологического) в этническом самосознании. Но это не означает, что только на первом этапе становления этноса мифологические представления играют важную роль. В современном мире они также продолжают оказывать влияние на жизнь людей, хотя сейчас, конечно, их функция не так прозрачна. В рамках культуры мифы представляют самый ранний способ выражения образного мышления, они «колыбель» для любой национальной литературы. В рамках истории их можно рассматривать как отправную точку человеческой цивилизации.

В корейской мифологии сложилась группа мифов, называемая «мифами об основателях государств». В них повествуется о первых правителях, их необычном рождении и основании ими государств. Среди таких мифов особое место занимает миф о Тангуне. В настоящее время каждый кореец хорошо знаком с этим мифом, и, как отмечают многие исследователи, гордится тем, что является его потомком. В этом чув-

стве гордости за свое происхождение проявляется общенациональное самосознание [2].

Вопрос об этапах формирования корейской идентичности не однозначен. «Пробуждение» корейского национального духа принято связывать с событиями конца XIX – начала XX в., т.е. с периодом, когда на Корейском полуострове традиционное китайской влияние сменяется усилением влияния западных стран и Японии, а также вследствие японской оккупации. Таким образом, агрессивная политика других стран по отношению к Корее, реальная угроза ассимиляции Кореи Японией стали мощным толчком в развитии этнического самосознания. «Корейский национализм» формируется в результате сопротивления внешней агрессии и в период становления государства Нового времени [3. С. 120]. Можно ли говорить, что единое национальное самосознание внезапно складывается только в этот период? Логичным представляется, что его формирование шло длительное время и охватывает историю существования государственности на Корейском полуострове.

В отечественной литературе вопросы самосознания корейского народа не разработаны в полной мере. Есть подробное исследование корейской идентичности только в раннефеодальную эпоху, проведенное Р.Ш. Джарылгасиновой. В нем она раскрыла самосознание народов когурё, пэкче и силла, выделив в структуре этнического самосознания этих этносов представление об общности происхождения, выраженное в мифологической форме (у когурё – миф о Чхумо-ване, у пэкче – об Онджо-ване, у силла – о Пак Хёккесе), а также представление о «родной земле», осознание ценности своей культуры. Также ею подчеркивалось особое отношение к Китаю и его культуре, которое выражалось в таком аспекте этнополитической идеологии и самосознания, как «компонент сопряженности – отстраненности». Как отмечает Р.Ш. Джарылгасинова, «в сопряженности с древнекитайской культурой возможно более сильным было отталкивание, отстраненность, через утверждение своей самобытности» [4. С. 23]. Кроме того, ею отмечена иерархичность этнических общностей и их самосознания, так как помимо существования в IV–VII вв. самосознаний «молодых этносов», было еще «самосознания этнической общности более высокого таксономического уровня», в основе которого лежали культуры Неба и Земли [Там же. С. 25].

Рассмотрим, какие периоды в формировании корейской идентичности выделяют южнокорейские исследователи.

Син Ёнха приводит следующее определение нации: «Нация – вид исторически сложившегося объединения людей, для которого характерны языковая общность, общность территории, кровное родство, общность культуры, политическая, экономическая и историческая общность – все это воспринимается в качестве объективных составляющих нации, на основе которых строится ее субъективный элемент – национальное сознание» [5. С. 152]. Формирование корейской нации он рассматривает как длительный процесс, в котором можно выделить следующие пе-

риоды: *вонминджок* – «протокорейская нация» (원민족), *чонгындэминджок* – нация, которая предшествовала Новому времени (전근대민족), и *кындэминджок* – «нация Нового времени» (근대민족), формирование которой происходило в период движения *кэхва ундон*. Обозначим кратко основания, которые выделяет автор для характеристики этих этапов. Складывание протокорейской нации он связывает с объединением племен хан, мэк и е в период с 3–2,4 тыс. лет до н.э. по II в. до н.э. Для этого объединения были характерны политическая общность в рамках государства Древний Чосон, языковая общность, общая культура (одежда, пища, жилище) и общая вера. Формирование нации, предшествовавшей Новому времени, прошло несколько этапов. Так, в период образования Махан, Чинхан, Пёнхан, Когурё, Пэкче, Силла, Кара, Тамна и др. наследуются традиции «протокорейской нации» Древнего Чосона и складываются основы новой формы нации. Следующий этап – это 669 г., когда происходит начальное объединение под властью Силла, а окончательное завершение этого процесса приходится на 918 г. под властью Корё [5. С. 180].

Ким Тхэхи обоснованно пишет о невозможности применять понятие «нация» к периоду, предшествовавшему Новому времени. Хотя отрицать наличие существовавшего в сознании населения Корейского полуострова представления «свой – чужой» нельзя. Для обозначения «предыстории корейского национализма», т.е. периода, охватывающего последние годы существования государства Корё и период существования государства Чосон, он использует термин *тонин ыйсик* (동인의식). Выбор этого термина для обозначения корейского сознания того периода Ким Тхэхи объясняет тем, что для того времени характерно использование слова *тонин* в значении современных терминов: *ханминджок* – корейская нация (한민족), *хангукин* – кореец (한국인).

В отличие от Син Ёнха Ким Тхэхи отрицает существование более ранней формы единого «корейского самосознания», которое предшествовало бы *тонин ыйсик*, указывая на то, что последнее занимает свое место после монгольских завоевательных походов и исчезновения представление о «разделенной исторической преемственности Трех государств» [Там же].

Одной из форм выражения самосознания может быть летописание. Именно его Ким Гибон определяет в качестве основания для выделения различных этапов корейской идентичности. Он указывает на непосредственную связь между «корейской идентичностью» и корейской историей. При этом первая выступает как составная часть последней. На протяжении всей истории Кореи люди записывали историю, в которой по-своему давался ответ на вопрос, кто есть корейцы. Поэтому в качестве основного источника для изучения корейской идентичности Ким Гибон выделяет именно исторические описания и в соответствии с этим акцентирует внимание на идентичности, которую определяла официальная королевская история, на корейской национальной идентичности, основанной на национальной истории

Нового времени, и на республиканской гражданской идентичности мультикультурного общества [6]. С точки зрения Ким Гибона, ошибочно утверждать, что корейцы как народ существовали с периода Трех государств. Представление о единых корнях Когурё, Пэкче и Силла формируется только после их объединения под властью Силла. В это время появляется представление *ильтхонсамхан* – «единство трех хан» (일통삼한), что стало «отправным пунктом» в формировании корейской истории во главе с Силла [Там же. С. 154]. Кроме того, он отмечает, что такая категория, как «период Трех государств» (삼국시대 *самгук сидэ*), была создана с целью закрепления исторической идентичности Корё.

Исследователь истории корейского национально-объединительного движения Чон Ёнхун выделяет в нем три этапа, которые тесно связаны с определенными этапами формирования нации. В работах Чон Ёнхуна можно найти выделение следующих этапов: *чонгындэмиджосок* – «нация, предшествовавшая Новому времени» (전근대민족). Для этого периода главной задачей было создание и сохранение единого государства (Тонгук, Чосон) и культурной идентичности. *Кындэдджосок минджосок* – «нация Нового времени» (근대적 민족), в это время стояли задачи по преодолению таких характерных для Средневековья явлений разобщенности, как социальное положение, знатность, регионализм, а также вопрос о построении единой национальной идентичности Нового времени. Задачей движений после Первомартовского движения стало преодоление конфликтов между классами и построение единого национального государства, в котором бы были экономическое равенство и счастье [7. С. 295–296].

Рассмотрев точки зрения южнокорейских исследователей относительно формирования корейской идентичности (национальной идентичности или этнического самосознания), можно убедиться в том, что многие сходятся во мнении, что период ее формирования соотносится с Новым временем. Однако не опровергается и утверждение, что до этого времени, по крайней мере с конца периода Корё и начала Чосон (а у некоторых исследователей и намного раньше), у населения Корейского полуострова существовала особая форма единого этнического самосознания.

В связи с рассмотрением этапов формирования корейского самосознания возникает вопрос о роли мифа о Тангуне (более широко – представления о Тангуне) на каждом из выделенных этапов.

Предание о Тангуне дошло до нас в записи «Самгук юса» (1285 г.). Однако считается, что этот миф имеет длительную устную традицию. Син Ёнха, выделяя в истории формирования корейской нации этап «протокорейской нации», отмечает, что в это время была «общность веры». Племя хан поклонялось солнцу, в племенах мэк и е тотемами были соответственно медведь и тигр. После образования Древнего Чосона эти верования сохранились, а также появилось общее «поклонение Тангуну». Син Ёнха ссылается на Пак Ёнсика, который в качестве религии Древнего Чосона выделяет *самсингё* (삼신교 三神敎), т.е. веру в Хва-

нина, Хвануна и Тангуна, и *сингё* (신교 神敎), т.е. веру в Тангуна. Таким образом, общим для этого этапа является поклонение Тангуну, который в разных диалектах назывался *Тангун* (단군), *Тангуль* (단굴), *Тангу* (단구) [5. С. 159]. Кроме того, на основе представлений о Тангуне сформировалось представление *чхонсон* (천손 天孫), т.е. представление корейцев о себе как «потомках Неба».

На следующем этапе развития «корейского самосознания» происходят заметные изменения в «общности верований». К этому времени проникают буддизм и конфуцианство, а вера в Тангуна, характерная для «корейской протонации», сохраняется преимущественно в народе. И если в «протокорейской нации» господствовавшей были вера *самсингё* и вера в Тангуна, то в «нации, предшествовавшей Новому времени», наметился, по словам Син Ёнха, «религиозный плюрализм», выражением которого были буддизм, конфуцианство, вера в Тангуна [Там же. С. 186].

Р.Ш. Джарылгасинова также указывает на то, что в VII–XIV вв. роль этнообъединяющего и этнообразующего фактора, способствовавшего складыванию корейского этноса, начинает играть буддизм, который в это время занимает место древних культов Неба и Земли [4. С. 26]. Важно, как нам кажется, что и в начале XX в. в росте национального духа, а значит, и национального самосознания, важную роль играло воспринятое извне христианство (см., например, [8]). Таким образом, можно выделить такую особенность в формировании корейского самосознания, как значимость религиозного фактора в качестве этноконсолидирующего начала.

Как было отмечено выше, первые записи мифа о Тангуне соотносятся с XIII в. В это время предание о Тангуне было записано в «Самгук юса» (1285 г.) и в «Чеван унги» (1287 г.). Несмотря на то что эти два источника были созданы почти одновременно, в них имеется ряд отличий. Части мифа, в которых рассказывается о том, как Хванун спустился с небес на землю, и о том, как Тангун стал горным духом, совпадают. Однако части, в которых действия разворачиваются на земле, разнятся. В «Чеван унги» нет упоминаний о медведе, который потом стал женщиной. Здесь матерью основателя выступает внучка Хвануна, а отцом – божество березы. Таким образом, иначе представляется связь Тангуна с Небесным божеством: если в «Самгук юса» она проходила по линии отца, то в «Чеван унги» – по линии матери.

По мнению некоторых ученых, среди которых и Ким Тхэххи, формирование корейского этнического самосознания перед Новым временем, и «воспоминание» мифа о Тангуне связаны именно с военными походами монголов и воцарением в Китае монгольской династии Юань. Однако И Икчу, анализируя историческую ситуацию времени, когда был записан этот миф, приходит к выводу о том, что к тому моменту не сложилось отрицательного отношения к монгольской династии, а следовательно, оно не могло стать той причиной, которая бы побудила записать миф о Тангуне. Ситуацию, в которой происходит запись мифа, он описывает следующим образом:

«Корё в результате длительных войн вышла из опасности оказаться быть включенной в монгольские земли, и, сохраняя королевскую династию, ей удалось установить отношения “преклонение перед великой державой” с монгольской династией. В это же время, после 100 лет военной диктатуры, была восстановлена королевская власть. Дальнейшей целью было сохранить существование королевской династии в условиях отношений “сюзерен – вассал”, уменьшить вмешательство династии Юань. И одним из способов было подчеркивание отличной от Китая “точки отсчета” истории» [9. С. 57].

В любом случае представление о Тангуне пре-кращает свое существование в качестве простого местного верования и начинает приобретать политический смысл, а фактически становится одной из основ самосознания того периода. Подтверждением того, что в то время миф о Тангуне не был забыт и активно использовался, могут служить упоминания о проводившихся церемониях жертвоприношений ду-

ху Тангуна, а также строительство в конце XIV в. храма в его честь.

В конце XIX – начале XX в. представление о Тангуне актуализируется. Период Чосон Тангуна включается в учебники по истории, идея возрождения национального духа также была очень тесно связана с мифом о Тангуне. В 1909 г. создается религия *тэджонгё* (до 1910 г. она носила название *тангунгё*), ключевым элементом которой было именно почитание Тангуна.

Рассмотрев этапы формирования корейского самосознания, а также роль в них идеи «прародителя Тангуна», мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на то что этот сюжет постоянно претерпевал изменения, он оставался неотъемлемым компонентом этнического самосознания. Особый интерес к образу Тангуна проявлялся в критических ситуациях – в условиях борьбы с иноземными захватчиками, в периоды социально-экономической нестабильности. Постепенно идея «прародителя Тангуна» все глубже укреплялась в сознании корейского народа, а в начале XX в. она заняла в нем лидирующую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *So Kyunghee, Kim Jungyun, Lee Sunyoung*. The formation of the South Korean identity through national curriculum in the South Korean historical context: Conflicts and challenges // *International Journal of Educational Development*. 2012. Vol. 32.
2. *Хаксу Ю.* Мифологическая и празднично-обрядовая лексика как составная этнического самосознания корейцев // *Календарно-праздничная культура народов зарубежной Азии: традиции и инновации*. 1997. С. 198–204.
3. *Ким Тхэхи* Кындэ иджон сизи 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» накануне Нового времени и его изменение) // *Ханминджок ёнгу*. 2009. Вып. 8. С. 119–143.
4. *Джарыласинова Р.Ш.* Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.
5. *Син Ёнха* Хангук «воинминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей Новому времени») // *Сахве-ва ёкса*. 2010. Вып. 88. С. 151–194.
6. *Ким Гибон* Ёкса-ый коур-е пичхво пон хангукин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) // *Хангуксахаксахакбо*. 2010. Вып. 21. С. 149–170.
7. *Чон Ёнхун* Минджоктхонильундон-гва тангунминджокджуый (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // *Ко Чосон Тангунхак*. 2004. Вып. 11. С. 271–301.
8. *Тягай Г.Д., Пак В.П.* Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М. : Вост. лит., 1996. 231 с.
9. *И Икчу* Корё хуги тангунсинхва кирок-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) // *Мунмёнёнджи*. 2003. Вып. 4, № 2. С. 47–57.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2015 г.

THE DANGUN MYTH AS A FACTOR OF KOREAN NATIONAL IDENTITY FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 122–126. DOI: 10.17223/15617793/398/20

Noskova Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

Keywords: ethnic identity; Korean national identity; Dangun; Dangun myth.

The article is devoted to Korean national identity formation. Based on the analysis of the opinions of South Korean researchers on this process, the major stages of Korean national identity formation were shown and main problems were pointed out. Shin Yong-Ha views the development of the Korean nation as a long process that had stages of proto-nation, pre-modern nation and modern nation. Kim Tae-Heui associates the formation of common national consciousness with the late Goryeo Dynasty, when "Dongin-consciousness" was formed. Kim Gi-Bong takes the view that history and historical chronicles can be used as one of the sources to define the Korean identity. As he noted, in each period of history people wrote their own version of Korean history, by analyzing these versions we can try to understand their idea of who Koreans are. Jeong Young-Hun, the researcher of the National integration movement in Korea, supposes that the Integration movement had developed in three stages, which were closely related to the stages of the Korean nation development. Thus, many researchers agree that the period of the formation of the Korean national consciousness is related to Modern history. However, the statement that there was a special form of a common ethnic identity of the population of the Korean Peninsula in the Late Goryeo period and Early Joseon period is not disproved. The role of the idea of Dangun on each stage of the Korean identity existence also was observed in this article. Shin Yong-Ha showed that on the stage of proto-nation there was the worship of Dangun. The author of the article pointed out one of the features of the Korean consciousness development. This feature is an importance of the religious factor in national consolidation. The earliest documented records of the myth of Dangun are found in *Samguk Yusa* (1285). According to some scholars, the formation of the Korean identity and the recall of the Dangun myth in that time was a result of the fight against strong foreign power such as the Mongol Empire. From that time the idea of Dangun is not only a local belief anymore, but also has a political meaning and is a base and main part of the Korean consciousness. By the beginning of the 20th century this idea gained the leading position in the Korean national identity. In this way the idea that Dangun is the Korean's common ancestor underwent some changes, but always was an integral part of Korean consciousness. The particular inter-

est in Dangun was manifested in critical situations, such as a fight against foreign invaders or periods of socio-economic instability. The idea that Dangun is the Korean's common ancestor became gradually stronger in the consciousness of the Korean people.

REFERENCES

1. So Kyunghee, Kim Jungyun & Lee Sunyoung. (2012) The formation of the South Korean identity through national curriculum in the South Korean historical context: Conflicts and challenges // *International Journal of Educational Development*. 11. 32(6). pp. 797–804. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2011.11.005
2. Khaksu, Yu. (1997) Mifologicheskaya i prazdnichno-obryadovaya leksika kak sostavnaya etnicheskogo samosoznaniya koreytsev [Mythological and festive ritual vocabulary as part of ethnic identity of Koreans]. In: Sedlovskaya, A.N. (ed.) *Kalendarno-prazdnichnaya kul'tura narodov zarubezhnoy Azii: traditsii i innovatsii* [Calendar, festive culture of the peoples of foreign Asia: tradition and innovation]. Moscow: RAS Institute of Ethnology and Anthropology.
3. Kim, Tkhekhi. (2009) Kynde idzhon sigi 'tonin' yysik-yy kudzho-va penchkhon (Struktura "tonin yysik" nakanune Novogo vremeni i ego izmenenie) [Structure "Tonin yysik" on the eve of the New Age and its change]. *Khanmindzhok engu*. 8. pp. 119–143.
4. Dzharlygasinova, R.Sh. (1986) *Etnicheskoe samosoznanie koreytsev v rannefeodal'nyu epokhu* [Ethnic consciousness of Koreans in the early feudal era]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Sin Enkha. (2010) Khanguk "vonmindzhok" khenson-gva "chongyndemindzhok" khenson [Formation of Korean "protonation" and "nation" which preceded the New Era]. *Sakhveva eksa*. 88. pp. 151–194.
6. Kim Gibon. (2010) Eksa-yy kour-e pichkhvo pon khangukin chonchkheson (Identichnost' koreytsev v zerkale istorii) [The identity of the Koreans in the Mirror of History]. *Khanguksakhaksakhakbo*. 21. pp. 149–170.
7. Chon Enkhun. (2004) Mindzhoktkhonil'undon-gva tangunmindzhokdzhuyy [National Movement for the unification and nationalism Dangun]. *Ko Choson Tangunkhak*. 11. pp. 271–301.
8. Tyagay, G.D. & Pak V.P. (1996) *Natsional'naya ideya i prosvetitel'stvo v Koree v nachale XX v.* [The national idea and enlightenment in Korea at the beginning of the 20th century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
9. Ilkchu. (2003) Kore khugi tangunsinkhva kirok-yy sidedzhok pegen [Description of the historical situation when the recordings were made of the Dangun myth of the last period of Koryo]. *Munmen"endzhi*. 4 (2). pp. 47–57.

Received: 24 January 2015

ОМСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ИССЛЕДОВАНИЯ КАЗАХОВ РОССИИ

Проведен анализ этнографического изучения казахов омскими учеными. Отмечается, что данное направление в Омске сформировалась еще в XIX в., у истоков которого стояли Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин. Приведены основные этапы этнографического изучения казахского народа. Выяснилось, что комплексные исследования казахского населения Западной Сибири начались в 1970-х гг. благодаря деятельности Н.А. Томилова. Его ученики развили казахскую тематику в Омской этнографической школе. Так, например, Ш.К. Ахметова проводит полевые исследования не только в западносибирском регионе, но и в приграничных территориях с Казахстаном. Автор указывает как на достигнутые успехи омских этнографов, так и на перспективные векторы в исследованиях культуры и быта казахов России.

Ключевые слова: Омск; казахи России; этнография казахов; история этнографической науки.

У истоков Омской этнографической школы стояли такие видные ученые-этнографы, как Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Г.Е. Катанаев, М.В. Певцов, А.Е. Новоселов, И.Н. Шухов, И.В. Захарова. Большую работу по этнографическому изучению казахского населения проводил Западно-Сибирский отдел ИРГО, ныне исследования ведут Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский областной государственный историко-краеведческий музей, а также ученые кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета [1. С. 124–130].

Крупнейший представитель Омской этнографической школы, профессор Н.А. Томилов выделил три периода в развитии данной научной школы: I) с 1854 по 1875 г.; II) с 1876 по 1920 г.; III) с 1921 по 1973 г.; IV) с 1974 г. по настоящее время. В I периоде выделены два этапа: 1) 1854–1865 гг. – так называемый научно-этнографический, или валихановский; 2) 1866–1875 гг. – так называемый краеведческо-этнографический. Во II периоде выделены также два этапа: 1) 1876–1904 гг.; 2) 1905–1920 гг. В III периоде первый этап приходится на 1921–1939 гг., второй – на 1940–1950-е гг., третий – на 1951–1973 гг. В IV периоде Н.А. Томилов выделяет два этапа: 1) 1974–1985 гг.; 2) с 1985 г. по настоящее время. Принципы периодизации истории Омской этнографической школы подробно изложены в статье Н.А. Томилова, поэтому мы ограничимся лишь схематическим упоминанием [1. С. 124–126]. Так, общепризнанной в научном мире Омской этнографической школе более 160 лет, что ставит ее в ряд старейших научных сообществ России.

Периодизация истории этнографического изучения казахов Западной Сибири была разработана Ш.К. Ахметовой совместно с Н.А. Томиловым. Ученые выделили три основных взаимосвязанных периода: первый охватывает конец XVIII – середину 70-х гг. XIX в. и характеризуется появлением первых работ по сибирским казахам (труды И.Г. Андреева, И.И. Завалишина, М. Красовского, А.Ф. Миддендорфа, П.А. Словцова, И. Русанова, А. Букейханова, М. Чорманова, М.А. Шестакова и др.); второй период – конец 70-х гг. XIX в. – первую половину 70-х гг. XX в., связан с исследовательской деятельностью различных научных и музейных учреждений; третий

период начался во второй половине 70-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время [2. С. 380].

Начиная со второй половины 1970-х гг. этнографическое изучение казахского населения Западной Сибири переходит в новый, качественный в научном и методологическом плане этап в своем развитии. Благодаря исследовательской работе Н.А. Томилова, О.М. Проваторовой (Бронниковой), Г.А. Бояубаевой, и с подключением во второй половине 80-х гг. XX в. Ш.К. Ахметовой город Омск превращается в крупнейший научный центр по изучению казахов России. Омичи сконцентрировали свое внимание на изучении местных казахов [1. С. 127].

Наряду с традиционными историко-этнографическими исследованиями к 1970-м гг. в Западной Сибири сложилось направление, ориентированное на изучение современных этносоциальных процессов в регионе. Формируется научная группа по исследованию этнических процессов в среде местного казахского населения. Неудивительно, что первые этнографические исследования российских казахов были проведены учеными из Омска. Так, под руководством Н.А. Томилова были организованы полевые экспедиции по изучению казахов сельских районов Омского Прииртышья, одна из них получила название «Казахская экспедиция ОмГУ 1976 г.».

Эта экспедиция стала традиционной, явилась полевой школой для многих этнографов – казаховедов западносибирской научной школы (О.М. Проваторова (Бронникова), Ш.К. Ахметова, Б.К. Смагулов, А.А. Дайрабаева, А.С. Сарсамбекова, З.Е. Кабульдинов, А.В. Матвеев, Е.А. Бельгибаев, Б.А. Тынысов и др.) [1. С. 127–1282; 2. С. 16–23]. Омским ученым удалось успешно совместить историко-этнографические и этносоциологические исследования как сельского, так и городского казахского населения западно-сибирского региона, что в итоге позволило проводить системное изучение казахского населения.

В рамках обозначенной научной проблемы наибольший интерес представляют исследования, посвященные казахам Омского Прииртышья, выполненные Н.А. Томиловым, Ш.К. Ахметовой, О.М. Проваторовой. Выводы, полученные ими, обеспечивают возможность сравнительного анализа этносоциальных и этнокультурных процессов в региональных сообществах казахов Западной Сибири и

ориентируются на определение их в качестве этнокультурных (этнографических) групп единого казахского этноса [3–5].

На рубеже XX–XXI вв. этническая история и культура казахского населения Российской Федерации стали основным объектом исследования многих этнографов и историков. Этнодемографическое и этнокультурное развитие казахов Алтая исследовалось И.В. Октябрьской [6, 7]. Поминально-погребальную обрядность казахов Сибири изучали Е.А. Бельгибаев [8] и Б.К. Смагулов [9]. С 1990-х гг. этнограф Ш.К. Ахметова совместно с этноархеологом И.В. Толпеко проводят интересные этнографо-археологические исследования погребальных и поселенческих комплексов казахов Западной Сибири [10–14].

Большой вклад в изучение этнографии казахов западносибирского региона внесла и продолжает вносить Ш.К. Ахметова, с.н.с. Омского филиала ИАиЭ СО РАН, кандидат наук, доцент, автор многочисленных статей и докладов, нескольких монографий, посвященных различным аспектам этнической истории, культуры и быта казахов Сибири, а также проблемам изучения современных этнокультурных и этносоциальных процессов в среде местного казахского населения [15]. С 2004 г. Шолпан Камалидиновна возглавила Международную казахскую этнографическую экспедицию в российско-казахстанской пограничной зоне. Данная работа проводится совместно с научными сотрудниками и учеными Павлодара и Кокшетау [1. С. 127–128].

Выход в свет в 2002 г. монографии Ш.К. Ахметовой «Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде» явился знаковым событием в этнографическом изучении казахов России. В книге была подытожена многолетняя исследовательская работа по выявлению факторов формирования городского населения Западной Сибири определена динамика численности казахов-горожан, охарактеризованы основные направления этнокультурных и этнических процессов в среде городского казахского населения региона [3]. При написании данного труда автор использовал материалы и результаты полевых этнографических и этносоциологических изысканий в среде казахского городского населения Западной Сибири (в городах Омск, Исилькуль, Называевск, Тюкалинск, Карасук, Купино, Куйбышев, Барабинск, Татарск).

Другой важный труд – совместная работа Ш.К. Ахметовой и Н.А. Томилова «Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири», изданная в 2013 г. Здесь мы находим ценные сведения по процессам трансформации традиционных культурных ценностей казахов Западной Сибири, интересны описания особенностей обрядов жизненного цикла и материальной культуры сибирских казахов. Книга в основном состоит из публикации материалов полевой этнографической экспедиции ОмГУ 1976 г. в казахские села Омского Прииртышья. Книга снабжена ценными, информативными очерками Н.А. Томилова по истории этнографического изучения казахов Западной Сиби-

ри, об этнической ситуации в Западно-Сибирском регионе в исторический период, Ш.К. Ахметовой – об истории казахского аула Каскат. Наибольший интерес представляет очерк Ш.К. Ахметовой, посвященный традициям и инновациям в культуре казахов Западной Сибири, написанный в том числе и на новейших полевых материалах [2].

Подытоживая вышеизложенное, со всей справедливостью можно заключить, что Омская этнографическая школа внесла существенный вклад в дело научного изучения казахов России, их культуры, быта, а также этнических и этнокультурных процессов. В XIX – первой половине XX в. шло накопление фактического материала, с 1960–1970-х гг. началось практическое научное исследование группы казахского населения Западной Сибири [16]. В этом деле большая заслуга принадлежит профессору Н.А. Томилову и доценту Ш.К. Ахметовой.

Высоко оценивая научно-исследовательскую деятельность омских коллег в этнографическом изучении казахов региона, хотелось бы отметить некоторые моменты, которые можно представить в виде перспективных направлений исследовательской работы.

Во-первых, в последние годы не публикуются монографии и научные труды, основанные на материалах новейших полевых исследований казахов западносибирского региона (за исключением книги «Казахи аула Каскат»), уменьшилось число этносоциологических опросов в среде казахского населения.

Несмотря на то что совместные российско-казахстанские комплексные экспедиции проводятся чуть ли не ежегодно с 2004 г. [1. С. 127–128; 2. С. 22; 15. С. 46], широкая научная общественность не осведомлена об их результатах – ни предварительных, ни окончательных. Так, после выхода в свет монографии Ш.К. Ахметовой, посвященной этнокультурным процессам в среде городских казахов, прошло более 13 лет. С продолжительным перерывом в 2013 г. была издана вышеописанная нами совместная книга Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой, в которой значительный объем заняла публикация полевых материалов Казахской экспедиции ОмГУ 1976 г., но, к сожалению, без научного анализа и выводов [2].

Во-вторых, мы наблюдаем явное снижение научного интереса к этнографии казахов региона со стороны российских ученых, что наглядно видно по составу докладов на Международной научно-практической конференции 2014 г. «Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы». Так, из опубликованных в издании 87 докладов лишь 15 посвящены проблемам истории, культуры и быта казахов России [17]. Следует отметить, что авторами подавляющего числа статей, вошедших в сборник конференции, являются казахстанские ученые: этнологи и археологи.

В-третьих, считаем, что Омская этнографическая школа не реализовала пока в полной мере свой научный потенциал для подготовки и написания цельного монографического труда, посвященного полномасштабному раскрытию аспектов традиционной этнографии и тенденций современных этнических и этно-

культурных процессов в среде казахского населения Западной Сибири. Условно назовем это издание «Казахи Западной Сибири». Несомненна актуальность такого научного издания, в условиях усиления процессов метисации и ассимиляции сибирских казахов, унификации народной культуры казахов. Не секрет, что с каждым годом безвозвратно теряются многие этнокультурные традиции казахов региона и, главное, родной язык активно вытесняется из разговорной среды сельского казахского населения (среди городских казахов он фактически уже не практикуется) [18].

Таким образом, Омская этнографическая школа, имеющая богатую полусторолетнюю историю, обладает всеми научными и методологическими ресурсами для проведения более плодотворных исследований ключевых проблем истории, культуры и быта казахов России, этнических и этнокультурных процессов в среде современного казахского населения региона Западной Сибири. Научное сообщество также ждет издания материалов Международной Казахской этнографической экспедиции 2004–2013 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилов Н.А. 160 лет Омскому этнографическому центру и его вклад в изучение казахского народа // Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 25-летию региональной общественной организации Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр» / отв. ред. Ш.К. Ахметова, И.В. Толпеко. Омск : Амфора, 2014. С. 124–130.
2. Томилов Н.А., Ахметова Ш.К. Казахи аула Касгат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири / отв. ред. В.И. Молодин. Омск : Издат. дом «Наука», 2013. 392 с.
3. Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2002. 104 с.
4. Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVI – первой четверти XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 68–86.
5. Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.
6. Октябрьская И.В. Казахи Южного Алтая: ислам и самоопределение этнической группы // Ислам, общество и культура : материалы Междунар. науч. конф. (к 600-летию ислама в Сибири). Омск, 1994. С. 115–117.
7. Октябрьская И.В. Казахи Южного Алтая. История и современность // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культуры. Новосибирск, 1995. С. 197–199.
8. Бельгибаев Е.А. Погребальная обрядность казахов Барнаула // Исторический ежегодник. Омск, 2002. С. 118–123.
9. Смагулов Б.К. Погребальные комплексы казахов Горьковского района Омской области // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 2001. С. 181–187.
10. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Поселения и жилища казахов XIX – начала XX в.: перспективы археолого-этнографического исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 1. С. 10–12.
11. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К методике этнографо-археологических исследований погребально-культурных памятников казахов Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1999. С. 94–97.
12. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К проблеме археолого-этнографического изучения поздних погребальных памятников юга Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 33–34.
13. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Казахские кладбища Омского Прииртышья как объекты культурно-исторического наследия // Казахи Омского Прииртышья: история и современность. Омск, 2007. С. 28–34.
14. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Погребальные и поселенческие комплексы казахов юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 292–295.
15. Балтабаева К.Н., Баймагамбетова А.Ж. История и этнография казахов Западной Сибири в трудах Ш.К. Ахметовой // Исторические знания казахской диаспоры о Казахстане : материалы регионального «круглого стола» (г. Алматы, 31 октября 2013 г.). Алматы : Дүниежүзі казактарының қауымдастығы «Атажұрт» баспа орталығы, 2013. С. 40–47.
16. Балтабаева К.Н. Российская историография о казахах России // Отан тарихы (Отечественная история). 2014. № 3 (67). С. 66–79.
17. Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 25-летию региональной общественной организации Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр» / отв. ред. Ш.К. Ахметова, И.В. Толпеко. Омск : Амфора, 2014. 326 с.
18. Sarsambekova A., Maslov H., Esimova Zh. Ethno Linguistic Processes of the Kazakhs of Western Siberia // Anthropologist (Kamla-Raj, India). 2014. № 18 (2). P. 559–563.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 июня 2015 г.

OMSK ETHNOGRAPHIC SCHOOL AND RESEARCH OF KAZAKHS OF RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 127–130. DOI: 10.17223/15617793/398/21

Rakhimov Ernur K. Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

Keywords: Omsk; Kazakhs of Russia; ethnography of Kazakhs; history of ethnographic science.

Omsk, which is on border with the Kazakh Steppe, becomes the largest scientific center in Russia that studies traditional ethnography of the peoples of Kazakhstan and Central Asia back in the 19th century. Here the administrative center of management of the extensive region was located down: at first, the West Siberian General Governorship, later the Steppes one. Unsurprisingly, a scientific ethnographic community was early established in Omsk with not only scientists, but also local historians, travelers, exiled writers and public figures being its members. They left works, articles directly or indirectly describing the culture and life of the Kazakh people. It is fair to consider that Ch.Ch. Valikhanov and G.N. Potanin were at the sources of the Omsk Ethnographic School. G.E. Katanayev, M.V. Pevtsov, A.E. Novoselov, I.N. Shukhov, I.V. Zakharova (in the second half of the 20th century) made a big contribution to the development of ethnography. Professor N.A. Tomilov allocated three periods in the development of Omsk ethnography. The periodization of the history of ethnographic studies of the Kazakhs of Western Siberia was developed by Sh.K. Akhmetova together with N.A. Tomilov. They reasoned three main, interconnected periods in this direction. Since the second half the 1970s, the ethnographic study of the Kazakh population of Western Siberia passes to a new, qualitative scientifically and methodologically

stage of development. Omsk scientists managed to combine successfully historical-ethnographic and ethnosociological research of both rural and urban Kazakh population of the West Siberian region, which, as a result, allowed to start a system study of the Kazakh population. Within the designated scientific problem of greatest interest is research devoted to Kazakhs of Omsk Irtysh region by N.A. Tomilov, Sh.K. Akhmetova and O.M. Provatorova. The conclusions they made give an opportunity of the comparative analysis of the ethnosocial and ethnocultural processes in regional communities of Kazakhs of Western Siberia which are defined as ethno-local (ethnographic) groups of the uniform Kazakh ethnoses. Nowadays, it is possible to fairly conclude that the Omsk Ethnographic School made an essential contribution to the scientific study of Kazakhs of Russia, their culture, life and ethnic and ethnocultural processes. There are some negative moments that appeared recently. First, there are fewer monographs based on materials of the latest field research of Kazakhs of the West Siberian region, the number of ethnosociological polls among the Kazakh population decreased. Secondly, there is a decrease in the scientific interest of Russian scientists in the ethnography of the Kazakhs of the region. Thirdly, the Omsk Ethnographic School has not yet fully realized its scientific potential for preparation and writing of an integral monography on the aspects of traditional ethnography and tendencies of modern ethnic and ethnocultural processes among the Kazakh population of Western Siberia. Thus, the Omsk Ethnographic School with its rich centuries-old history possesses all scientific and methodological resources for carrying out more fruitful research of the key problems of history, culture and life of Kazakhs of Russia.

REFERENCES

1. Tomilov, N.A. (2014) [160 years of Omsk Ethnographic Center and its contribution to the study of the Kazakh people]. *Kazakhi v Evraziyskom prostranstve: istoriya, kul'tura i sotsiokul'turnye protsessy* [Kazakhs in Eurasia: history, culture, and socio-cultural processes]. Proc. of the international scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the regional public organization the Siberian Center of Kazakh culture "Moldir". Omsk: Amfora. pp. 124–130. (In Russian).
2. Tomilov, N.A. & Akhmetova, Sh.K. (2013) *Kazakhi aula Kaskat: traditsii i innovatsii v kul'ture kazakhskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Kazakhs of the village Kaskat: tradition and innovation in the culture of the Kazakh population of Western Siberia]. Omsk: Nauka.
3. Akhmetova, Sh.K. (2002) *Kazakhi Zapadnoy Sibiri i ikh etnokul'turnye svyazi v gorodskoy srede* [Kazakhs of Western Siberia and their ethnic and cultural ties in the urban environment]. Novosibirsk: IAIÉ SO RAN.
4. Tomilov, N.A. (1983) *Kazakhi Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v.* [Kazakhs of Western Siberia in the end of the 16th – first quarter of the 19th centuries]. In: Tomilov, N.A. & Zakharova, I.V. (eds) *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ethnogenesis and ethnic history of Turkic peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk: Omsk State University.
5. Provatorova, O.M. (1986) *Sovremennye etnicheskie protsessy u kazakhov Zapadnoy Sibiri* [Modern ethnic processes of Kazakhs of Western Siberia]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
6. Oktyabr'skaya, I.V. (1994) [Kazakhs of Southern Altai: Islam and self-determination of ethnic groups]. *Islam, obshchestvo i kul'tura* [Islam, society and culture]. Proceedings of the international scientific conference (to the 600th anniversary of Islam in Siberia). Omsk. pp. 115–117. (In Russian).
7. Oktyabr'skaya, I.V. (1995) [Southern Altai Kazakhs. Past and Present]. *Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Natives of Siberia: The study of endangered languages and cultures]. Proceedings of the international scientific conference. Novosibirsk. pp. 197–199. (In Russian).
8. Bel'gibaev, E.A. (2002) *Pogrebal'naya obryadnost' kazakhov Barnaula* [The funeral rites of the Kazakhs of Barnaul]. In: Korzun, V.P. & Yakub, A.V. *Istoricheskiy ezhegodnik* [Historical yearbook]. Omsk: Omsk State University.
9. Smagulov, B.K. (2001) *Pogrebal'nye komplekсы kazakhov Gor'kovskogo rayona Omskoy oblasti* [Burial complexes of Kazakhs of Gorky District, Omsk Oblast]. In: Berezhnova, M.L. & Yakub, A.V. *Istoricheskiy ezhegodnik* [Historical yearbook]. Omsk: Omsk State University.
10. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (1998) *Poseleniya i zhilishcha kazakhov XIX – nachala XX v.: perspektivy arkhologo-etnograficheskogo issledovaniya* [Settlements and dwellings of Kazakhs in the 19th – early 20th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Pt. 1. Omsk: Omsk State University.
11. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (1999) *K metodike etnografo-arkheologicheskikh issledovaniy pogrebal'no-kul'tovnykh pamyatnikov kazakhov Zapadnoy Sibiri* [On the methods of ethnographic and archaeological research of burial and religious monuments of Kazakhs of Western Siberia]. In: Tomilov, N.A. et al. (ed.) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (2003) *K probleme arkhologo-etnograficheskogo izucheniya pozdnikh pogrebal'nykh pamyatnikov yuga Omskoy oblasti* [On the problem of archaeological and ethnographic study of the later burial sites in the south of Omsk Oblast]. In: Tomilov, N.A. et al. (ed.) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk: Omsk State University.
13. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (2007) [Kazakh cemeteries of Omsk Irtysh area as objects of cultural heritage]. *Kazakhi Omskogo Priirtysh'ya: istoriya i sovremennost'* [Kazakhs of Omsk Irtysh area: history and modernity]. Proceedings of the international scientific and practical conference. Omsk: Poligrafist. (In Russian).
14. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (2008) *Pogrebal'nye i poselencheskije komplekсы kazakhov yuga Zapadnoy Sibiri* [Burial and settlement systems of Kazakhs in the south of Western Siberia]. *Problemy arkhologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Materials of the annual session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, in 2008. V. 14. Novosibirsk. pp. 292–295.
15. Baltabaeva, K.N. & Baymagambetova, A.Zh. (2013) [History and Ethnography of Kazakhs of Western Siberia in the works of Sh.K. Akhmetova]. *Istoricheskie znaniya kazakhskoy diaspory o Kazakhstane* [Historical knowledge of the Kazakh Diaspora of Kazakhstan]. Proc. of the regional "round table". Almaty, 31 October 2013. Almaty: Düniezhýzi kázkartarynuń káuymdastyry "Atazhyrt" baspa ortalyry. pp. 40–47. (In Russian).
16. Baltabaeva, K.N. (2014) *Rossiyskaya istoriografiya o kazakhakh Rossii* [Russian historiography of the Kazakhs of Russia]. *Otan tarikhy*. 3 (67). pp. 66–79.
17. Akhmetova, Sh.K. & Tolpeko, I.V. (eds) (2014) *Kazakhi v Evraziyskom prostranstve: istoriya, kul'tura i sotsiokul'turnye protsessy* [Kazakhs in Eurasia: history, culture, and socio-cultural processes]. Proc. of the international scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the regional public organization the Siberian Center of Kazakh culture "Moldir". Omsk: Amfora.
18. Sarsambekova, A., Maslov, H. & Esimova, Zh. (2014) *Ethno Linguistic Processes of the Kazakhs of Western Siberia*. *Anthropologist (Kamla-Raj, India)*. 18 (2). pp. 559–563.

Received: 05 June 2015

ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛЛАНДСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Рассматривается развитие голландского миротворчества как исторический процесс в международных отношениях в трудах зарубежных и отечественных авторов. В статье преимущественно анализируются работы голландских ученых, политиков, дипломатов. Особое внимание обращается на исследования, опубликованные научно-исследовательскими институтами Нидерландов. Российские ученые изучают вопрос голландского миротворчества только в контексте внешней политики и истории Королевства Нидерландов.

Ключевые слова: Нидерланды; голландское миротворчество; Сребреница; миротворческие операции.

Понятия «голландское миротворчество» или «голландские миротворцы», редко встречаемые в российской литературе, в первую очередь стали ассоциироваться с событиями в Боснии и Герцеговине в июле 1995 г., когда голландский батальон был не в силах предотвратить трагические события, что в дальнейшем получит название «падение» Сребреницы. В данной статье автор впервые попытается проследить развитие голландского миротворчества как исторического процесса в международных отношениях на основе исследований западных и отечественных ученых.

Рассмотрение такого явления, как голландское миротворчество, невозможно без анализа внешней голландской политики. Среди исследований данной тематики по значимости первое место занимает монография бывшего министра обороны, голландского политика и исследователя, профессора Йориса Воорхува «Мир, прибыль и принципы» [1].

Автор уделит особое внимание вопросам миротворческой деятельности Нидерландов, раскрывая их через традиции и принципы внешней голландской политики, которая, как отмечает автор, покоилась на «трех китах»: морском меркантилизме, нейтральном абстенционизме и интернационалистском идеализме [Там же. Р. 42].

Опираясь на свою национальную безопасность и процветание, которые тесно взаимосвязаны «с продвижением стабильности, свободы и экономического развития в мире» [2], Нидерланды стремятся содействовать поддержанию международного правопорядка, участвуя в миротворческих операциях. Как отмечают голландские ученые Руди Б. Андевег и Гален А. Ирвин в монографии «Управление и политика Нидерландов», третья константа голландской внешней политики, «интернационалистский идеализм», приобрела форму продвижения международного права [3. Р. 202]. Это нашло отражение в содействии решения вопроса прав человека и впоследствии сыграло непоследнюю роль в готовности голландцев представить свои силы для миротворческих операций [Там же. Р. 203]. Говоря о миротворчестве, Дюко Хеллема, профессор истории международных отношений университета Утрехта, подчеркивает, что «желание Нидерландов участвовать в миротворческих операциях диктовалось вопросами престижа и влияния» в ООН и в НАТО. Такие практические расчеты сохранили свою тенденцию и в 1990-е гг. [4. Р. 330–331].

Преимущественно зарубежную историографию по голландскому миротворчеству представляют голландские авторы. Большую роль в исследованиях данного вопроса играют научно-исследовательские институты Королевства Нидерландов. Среди них необходимо выделить Нидерландский Институт по изучению войны, холокоста и геноцида (Nederlandse Instituut voor oorlogs-, holocaust- en genocide studies)¹, Нидерландский Институт международных отношений «Клингендаль».

Одним из самых значительных трудов является по просьбе голландского правительства исследование, проведенное Нидерландским Институтом по изучению войны, холокоста и геноцида с 1996 по 2002 г., после того как многие страны, например Франция и Канада, отказались от участия в расследовании причин трагедии в Сребренице. В 2002 г. учеными института был опубликован доклад «Сребреница – зона безопасности. Преобразование, происхождение, последствия и анализ падения зоны безопасности», в котором на базе огромного количества первоисточников, интервью, ранее неопубликованных материалов освещены все детали трагедии в Сребренице и роль голландского миротворческого контингента [5]. Сам доклад состоит из пролога, четырех частей, которые выстроены в хронологическом порядке, и эпилога. Первая часть посвящена событиям периода между 1991 г., во время дезинтеграции Югославии и принятия решения отправить голландские войска в анклав Сребреница, и 1993 г., когда Сребреница была объявлена «зоной безопасности» ООН. Вторая часть описывает события и присутствие миротворческого контингента Нидерландов в Сребренице с февраля 1994 г. по июль 1995 г. Третья часть посвящена падению анклава в июле 1995 г., попыткам международного сообщества дипломатическими и военными методами разрешить остро сложившуюся ситуацию. Четвертая часть доклада анализирует последствия трагических событий в Сребренице, в том числе исход Боснийского населения в Поточари, где находился полевой лагерь голландского миротворческого батальона, в конце рассматриваются условия, которые привели к подписанию Дейтонских соглашений. Доклад дополняют также тринадцать приложений.

Отдельной группой стоят исследования, справочные материалы, статьи, разработанные учеными и исследователями Нидерландского Института междуна-

родных отношений «Клингендаль». Одними из важных трудов по голландскому миротворчеству являются статьи доктора Яир ван дер Лейна [6, 7], публикации и дневники семинаров, проходивших на базе Института международных отношений и Колледжа обороны Нидерландов. Первым таким ресурсом служат сборник статей и дневник семинара по англо-голландским операциям по поддержанию мира [8]. Профессор Альфред ван Стаден, занимавший пост директора Нидерландского Института международных отношений «Клингендаль» в 1995–2005 гг., подчеркивал, что «правительства некоторых малых стран, таких как Нидерланды, надеялись получить политическую выгоду в относительно увеличивающемся влиянии и престиже, внося относительно большой вклад в миротворческие операции. Со времени Сребреницы мы, голландцы, понимаем, что закон непредвиденных последствий может быть самым худшим законом в исторической кривой» [8. Р. 10]. Лейтенант-генерал Королевства Нидерландов А.П.П. ван Баал, говоря о подготовке и тренировке голландского персонала для миротворческого контингента, подчеркивает важность установления «мира, достигнутого в результате переговоров» и предлагает свой лозунг для операций по поддержанию мира: «Тренируйся, как будто ты сражаешься, и будь готов к неожиданному» [Там же. Р. 47]. Второй ресурс – Дневник семинара для экспертов в миротворчестве, проходившего в Клингендале в апреле 1993 г., «Повестка дня об изменяющейся безопасности: национальный опыт миротворчества и уроки для НАТО». Тогда были обсуждены первые результаты нахождения миротворческой миссии СООНО (Силы Организации Объединенных Наций по охране) и проблемы, с которыми столкнулись миротворцы, роль НАТО в решении Боснийского кризиса. Заместитель командующего Голландским штабом обороны Дж. Уолтманн подчеркивал, что в новых условиях «ввиду разнообразия рисков и угроз Нидерланды должны, в принципе, быть готовыми и способны вносить вклад в широкий спектр деятельности в сфере миротворчества и принуждения к миру в международном контексте» [9. Р. 134]. Заслуживает внимания работа исследователей доктора Яир ван дер Лейна и Стефани Роз, которая посвящена Нидерландам как одному из главных доноров в миротворческих операциях, проводимых под патронажем ООН [10].

В 1995 г. в рамках дискуссий по развертыванию сил быстрого реагирования Нидерландским Институтом международных отношений «Клингендаль» было подготовлено исследование «Силы быстрого реагирования ООН: Укрепление возможности для быстрого ответа», где ученые и политики анализировали различные факторы и вопросы, связанные с развертыванием сил быстрого реагирования на Балканах, а также голландское участие в нем [11]. Выступая на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Нидерландов Ханс ван Миерло предложил идею создания Корпуса Сил быстрого реагирования ООН на добровольной основе, который бы больше не зависел от индивидуального желания стран-членов предоставлять свои войска для миротворческих мис-

сий по первому требованию [11. Р. 71]. В апреле 1995 г. Нидерланды представили свой вариант неофициального документа о Силах быстрого реагирования на добровольной основе, где были подробно расписаны условия размещения, легитимность и связь с национальным законодательством, взаимодействия Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН при принятии решения, финансовые аспекты, вопросы организации и функционирования Сил быстрого реагирования [Там же. Р. 73–92].

Ввиду 50-летнего юбилея в 1995 г., посвященного освобождению Нидерландов канадскими войсками во время Второй мировой войны, прошла серия научных лекций и встреч. В рамках одной из встреч были обсуждены вопросы голландского и канадского участия в миротворческих миссиях, найдены общие знаменатели и критерии, рассмотрены перспективы развития миротворчества в целом к 2000 г. [12].

Первые итоги участия голландского батальона в миротворческой миссии на Балканах в 1992–1995 гг. были подведены во время публичных лекций в Утрехте в 1997 г., по итогам которых вышла работа «Уроки Сребреницы: Нидерланды и международные миротворческие миссии» [13]. Голландские ученые, среди которых Дик А. Лердэйк (старший научный сотрудник Нидерландского Института международных отношений «Клингендаль»), профессор социологии Ян ван дер Мелен, обсуждали различные вопросы: рассмотрение уже вышедших публикаций по действиям голландского батальона в Сребренице [14, 15], а также анализ принятых решений голландского правительства по вопросу действий миротворческого батальона при падении Сребреницы и уроки для будущего голландского миротворчества в целом.

В 1996 г. вышла коллективная работа европейских ученых, имеющих голландские корни. Ян Виллем Хонига (профессор, в настоящее время старший лектор Королевского Лондонского Колледжа) и доктор Норберт Бот книге «Сребреница: летопись военного преступления» на базе первоисточников (интервью, документов, видео, личных дневников, писем) последовательно и детально описывают события, которые привели к падению Сребреницы как «особой зоны безопасности» ООН в Боснии и Герцеговине. Они, приводя документальные свидетельства, анализируют действия голландского батальона, руководства и поведение рядовых голландских солдат [14].

Необходимо отметить «Нидерландский ежегодный обзор военных исследований 1997 г.», первый выпуск которого полностью посвящен голландским миссиям на Балканах в 1990-е гг. [16]. Военные рассказывали о своих наблюдениях во время миротворческих операций в Боснии и Герцеговине. Голландские ученые исследовали также психологические последствия для голландских солдат, находившихся в заложниках [Там же. Р. 141–153]. Докторант Макс Метселаар, основываясь на теории атаки стратегической внезапности и ошибках разведки, приводит предварительные заключения об уроках Сребреницы [Там же. Р. 23–51]. Более детальное рассмотрение голландского миротворчества и роль разведки описывается в монографии голланд-

ского военного историка, профессора Сииса Визбса «Разведка и война в Боснии 1992–1995: Роль служб разведки и безопасности» [17].

Свою лепту в исследование вопроса вносит независимый Совецательный совет Нидерландов по международным делам, созданный в 1979 г. Он представляет консультации для правительства и парламента по вопросам внешней политики, прав человека, мира и безопасности, сотрудничества в области развития и европейской интеграции. Доклады и письма посвящены различным аспектам голландского миротворчества: сотрудничеству парламента и правительства при решении о предоставлении голландского контингента для миротворческих миссий [18]. На основе анализа доклада «Повестка дня во имя мира», представленного в 1992 г. Генеральным секретарем ООН Бутрос Бутрос-Гали, намечаются контуры будущего голландского миротворчества [19]. Совет подчеркивает важность привлечения к управлению кризисами ООН и ЕС, а Нидерланды должны всегда настаивать на участии этих организаций [20. Р. 57]. Упоминается соразмерность участия Нидерландов как в миротворческих операциях, так и в операциях по укреплению мира [21]. В рамках решений вопроса переходного правосудия Нидерланды также брали на себя ответственность (координирование поддержки Программ развития ООН при создании специальной комиссии по военным преступлениям в суде Сараево, Нидерланды как ответчик в деле «Матери Сребреницы против государства Нидерланды») [22. Р. 46].

Полностью зарубежную, преимущественно голландскую, историографию по голландскому миротворчеству можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся исследования, посвященные истории голландского миротворчества, участию в различных операциях по поддержанию мира, начиная с 1950-х и заканчивая 1990-ми гг. [23–32]. Голландский военный историк Крист Клеп в своих работах и статьях 1998–1999 гг. [27, 28] показывает эволюцию голландского миротворчества почти за 50 лет и выделяет четыре этапа развития: 1) первый этап (1945–1958 гг.) – «член ООН поневоле и Корейская война»; 2) второй этап (1959–1978 гг.) – «позиция сдерживания для ООН»; 3) третий этап (1979–1989 гг.) – Временные силы ООН в Ливане: вынужденные остановки и уроки; 4) четвертый этап (1989–2000 гг.) – «новые приоритеты» [28]. В работе этого же автора 2008 г. «Сомали, Руанда, Сребреница. Последствия трех “подорванных” миротворческих операций» проведен анализ деятельности ООН в миротворческих операциях и неудачи в завершении миссии [29]. Специалист по военным международным операциям Министерства обороны Нидерландов доктор Артур тен Кате, показывая историю одного из последних голландских соединений Королевской армии перед окончательным реформированием, описывает путь реорганизации голландской армии призывного типа к более мобильной и современной, основанной на контракте, какую роль сыграли армейские соединения при размещении

их в миротворческих контингентах ООН в бывшей Югославии, на Кипре, Афганистане [30]. В своей докторской работе шведский ученый Йорк Эрик Нолль через эволюцию институтов обороны и типа армии в Нидерландах и Швеции показывает развитие международных операций, выполняемых военными этих двух стран [34]. Корейские исследователи Пак Иль-Сонг, Янг Йонг-Джо, Сон Кио-Сук описывают вклад голландских батальонов во время Корейской войны 1950–1953 гг. [35].

С середины 1990-х гг., особенно в голландской историографии, мы видим, что начинается переосмысление такого феномена, как миротворчество и участие голландских солдат в нем [31–33]. Несмотря на то что «миротворческие силы должны быть нейтральными и должны продолжать использовать силу в целях самозащиты» [2], авторы приходят к выводу, что некоторые уроки из прошлого при размещении своих войск во Временных силах Организации Объединенных Наций в Ливане (UNIFIL) [32] при участии в дальнейших операциях голландцы все-таки не учли. Такие составляющие, как поддержание международного влияния, престиж, содействие и следование международно-правовым нормам, оставались доминантными в проведении внешней голландской политики. В целом участие голландских военных в миротворческих операциях с конца 1970-х гг. до середины 1990-х гг. основывалось на этих принципах, не бралось во внимание настоящее положение дел в вооруженных силах, не учитывалось мнение парламента вследствие противоречивого процесса принятия решения по применению вооруженных голландских сил для участия в международных миссиях. Поэтому участие Нидерландов в миротворческой миссии в Камбодже (UNTAC) с мая 1992 г. по октябрь 1993 г. может «считаться удачным лишь по счастливой случайности» [31].

В конце 1990-х гг. появились исследования, которые посвящены описанию событий внутри голландского батальона, находящегося в Сребренице (в особой «зоне безопасности» ООН). В своих мемуарах командовавший голландским батальоном в Сребренице Том Карремманс отмечает неспособность голландского батальона выполнить задачу по защите гражданского населения, которую поставили перед ним Гаага и международное сообщество. Одними из главных причин генерал называет отсутствие адекватного материально-технического оснащения, недостаточное количество личного состава в миротворческой миссии [36]. Необходимо также выделить работу голландских журналистов Фрэнка Вэстермана и Барта Рэйса «Сребреница, самый черный сценарий» [15], в которой они описывают ситуацию, творившуюся внутри «зоны безопасности» ООН. Книга основана на оригинальных секретных документах ООН, интервью командующих, представляющих воюющие стороны в войне, например Ратко Младич и Насер Орич.

Детальный анализ действий Нидерландов как одного из ключевых союзников США рассмотрен голландским ученым Норбертом Ботом в работе «От безразличия к западне: Нидерланды и Югославский кризис 1990–1995» [24]. Автор, основываясь на интервью

ключевых действующих лиц голландской внешней политики, включая двух бывших министров обороны и двух бывших министров иностранных дел, документах Министерства иностранных дел Нидерландов, рассматривает, какую роль играли Нидерланды. Встав у руля европейских сообществ во второй половине 1991 г., «миниатюрная страна со средней мощью» [37. Р. 27] приняла непосредственное участие в урегулировании Боснийского кризиса на начальном этапе. К июлю 1995 г. вмешательство Нидерландов было углублено присутствием голландской миротворческой миссии, которая сама оказалась в западне, находясь в «зоне безопасности ООН» в Сребренице.

В середине 2000-х гг. при рассмотрении голландского миротворчества в зарубежной литературе намечается поворот: ученые начинают использовать антропологический и гендерный подходы [38–44]. Например, ученый из Израиля Лиора Сион в своей статье «Голландские миротворцы и принимающая среда на Балканах: Этнографическая перспектива» [40] исследует поведение голландских миротворцев через их отношение с местной средой, там где проходит миротворческая миссия. Она подчеркивает, что голландские миротворцы на Балканах выполняли следующие роли: как иностранцы в «незнакомой среде», как западные европейцы в развивающейся стране и как силы сдерживания. Исследователь проводит анализ на основе двух теорий, теории экспатриации, по которой люди добровольно находятся в новой местности, выполняя свои обязательства, или находятся с деловым визитом. Другая теория, «теория туризма», подчеркивает, что в данном случае солдаты-миротворцы могут выступать как «туристы», для которых характерно участие в «войне» как «туризм». В своей следующей статье «Миротворчество и гендерный режим. Голландские женщины-миротворцы в Боснии и Косово» Л. Сион отмечает, что «голландские женщины ограничены в своих способностях представлять и участвовать в миротворческих миссиях», хотя и были призваны в силу недостаточного числа квалифицированных служащих среди мужчин [41. Р. 563]. В целом она приходит к выводу, что сами вооруженные силы Нидерландов носят «немужской» характер из-за своего пацифистского образа мышления. Во время миротворческих миссий вооруженные силы примеряли на себя имидж не-героев и не-военных [41. Р. 565], при этом та конструктивная роль в проведении политики миротворчества, которую бы смогли сыграть женщины, например, при установлении контактов с местным женским населением, утрачивалась ввиду нежелания самих женщин-миротворцев.

Основываясь на теории гендерной трансформации, определив степень мужественности и женственности, в коллективной работе под редакцией Дубравки Зарков (доцент из Института общественных наук, Гаага) и Синтии Кокберн (профессор Городского университета Лондона, ученый, специализирующаяся на женском равноправии) авторы из Нидерландов, Боснии и Герцеговины, США и Австралии пытаются ответить на вопрос, почему голландский миротворческий контингент понес ответственность за предотвращение

насильственных действий со стороны боснийских сербов к мусульманскому населению [44]. Критическая оценка своих поступков, вызванная в самих Нидерландах, стала источником «правильного представления» отношения между военной службой и мужественностью, военным сражением и миротворчеством [39, 44]. Ученые из Нидерландов Фемке Босман, Джозеф Соутерс и Фатима Айт Бари, рассматривая положение солдат-выходцев из мусульманских стран в голландских миротворческих батальонах, пробуют ответить на вопрос, является ли относительным преимуществом их мусульманское происхождение при службе в западных контингентах, какие отношения возникают с местным населением [42].

В исследовании «Братский отряд в миротворчестве ООН: Социальная привязанность среди голландских ветеранов-миротворцев» [43] авторы рассматривают, как участие в миротворческих миссиях влияет на укрепление социальных связей и поддержку отношений между бывшими сослуживцами в миротворческих операциях. Ученые Йоханна Мутаан, Йос М.П. Веерс из Центра по исследованиям и экспертизе Института ветеранов (Дорн, Нидерланды) и профессор психологии из университета Утрехта Мартин Эвема приходят к выводу, что нет линейной зависимости от возраста и периодов жизни в феномене социальной привязанности [Там же. Р. 111]. Например, учитывается факт, что социальная привязанность больше сильна в раннем возрасте и старше, а также если служба имела место быть недавно (менее пяти лет) или, наоборот, относительно долгое время назад [43]. Сами миротворцы, как и ветераны войн, считают себя группой / отрядом братьев. Для миротворцев поддержка отношений, прежде всего, концентрируется на обмене опытом, чувствами и воспоминаниями [Там же].

На основе медицинских данных голландские ученые (Инге Брамсен, Аня Й.Е. Диркзвагер, Сьюзанн С.М. ван Эсх, Хенк М. ван дер Плууг) из Департамента медицинской психологии Свободного университета Амстердама изучали последствия прохождения службы миротворческого контингента во Временном органе ООН в Камбодже и какой процент военнослужащих испытывали посттравматический синдром [45].

Немалую роль в проведении и поддержке миротворческих операций Нидерландами играет и общественное мнение внутри страны [16. Р. 173–186; 46, 47]. Отмечая падение интереса и уверенности голландского общества в вооруженных силах с начала 1980-х гг. до начала 1990-х гг., исследователи, профессор факультета социологии из Университета Лейдена Ян ван дер Мелен и социолог из Университета Наймеген Марийке де Конинк, говорят о переоценке взглядов, придании веса в общественном сознании такому явлению, как миротворчество. Однако в начале 1990-х гг. Нидерландам нужно было утвердиться на европейской сцене, и, несмотря на свои идеалистические принципы во внешней политике, Голландское государство попыталось взять на себя роль «первого миротворца и переговорщика» на Балканах [47].

Ранее уже упоминалось, что опубликованный Нидерландским Институтом военной документации до-

клад «Сребреница – зона безопасности. Преобразование, происхождение, последствия и анализ падения зоны безопасности» [5] вызвал неоднозначную реакцию, в том числе он стал одной из причин отставки голландского правительства в 2002 г. Впоследствии вышло немало исследований, посвященных данному вопросу, которые рассматривали правомерность голландского батальона и его руководства в «зоне безопасности» ООН [48–50]. В 2003 г. вышла работа под редакцией Франклина Р. Анкерсмита, профессора интеллектуальной истории и исторической теории из Университета Гронингена, «Драма в Сребренице. Теоретико-исторические замечания доклада НИОД», где голландские ученые поднимают для обсуждения следующие вопросы: противоречивость доклада «в определении причин конфликта и падения мусульманского анклава» [48. Р. 27]; «соразмерность» и «расхождение» юридической и исторической правды, где «детальное рассмотрение судебного дела обязательно для судей, рекомендовано для комиссий по расследованию реальной истины и необязательно для историков» [Там же. Р. 46]; «несоответствие» между определениями «иметь и чувствовать моральную вину за собой самим субъектом» (в данном случае голландской армией и голландскими политиками) и «когда моральная вина за проделанное действие обоснованно возлагается другими» [Там же. Р. 100] и т.д. Одно из последних исследований – коллективная работа под редакцией Изабелль Дельпла (доктор, доцент Университета Монпелье 3, специализирующаяся на отношении философии и антропологии, философии языка), Ксавье Бугареля (исследователь Французского национального исследовательского научного центра по тюркским, османским, балканским, центрально-азиатским исследованиям), Жана-Луи Фурнеля (профессор Университета Париж 8, специализирующийся на вопросах ведения войны, политической мысли) «Расследуя Сребреницу: Институты, факты, ответственность» [50], где ученые и политики из Франции, Нидерландов, Бельгии и США пытаются определить уголовную, политическую и моральную ответственность проведения миротворческой операции через рассмотрение и анализ различных докладов, в том числе двух докладов внутренних парламентских комиссий Нидерландов.

Одним из самых спорных моментов в исследовании голландского миротворчества является анализ отношений между голландским парламентом и правительством в принятии решений о применении голландских вооруженных сил в международных операциях [3, 51–58]. Докторская работа немецкого автора Марка Хубена «Как и почему европейские государства заранее обуславливают свое участие в управлении кризисом» [51], посвященная теоретическим аспектам управления кризисами, показывает нам в исторической перспективе роль голландского правительства, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, парламента, их взаимодействия в решении вопросов мира и безопасности, отправки миротворческих контингентов [Там же]. После отрицательного опыта участия в двух миротворческих операциях на

Ближнем Востоке в 1979–1985 гг. и на Балканах в 1992–1995 гг. была пересмотрена роль парламента, и в настоящее время «вовлечение парламента в принятие решений касательно участия вооруженных сил в международных операциях можно считать неременным условием для демократического контроля использования силы» [58. Р. 230].

Работа голландского исследователя из Академии полиции Королевства Нидерландов Хенка Соли «Гражданская полиция по обеспечению мира: опыт службы голландских офицеров полиции» отражает недавние изменения в принципах развертывания голландских миротворческих миссий. Автор анализирует роль, которую играет гражданская полиция в миротворческих миссиях, начав принимать участие в операциях с 2000 г. Описываются опыт взаимодействия международных и местных полицейских сил, подготовка полицейских к выполнению миротворческих операций [59].

В отечественной историографии голландское миротворчество как объект можно рассматривать только в рамках работ по голландской внешней политике и анализу действий Королевства Нидерландов как малой страны [60. С. 169–198]. В связи с этим необходимо выделить автореферат и диссертацию Л.Н. Панковой [61, 62], статью Н.И. Зайцевой [63], а также исследования Е.П. Островской [64], В.А. Валькова [65], А.В. Бусыгина [66], Н.И. Тамарины [67], Д.М. Брандта [68], К. Надин [69]. В монографии Брандта впервые упоминается об отправке голландских войск в Корею (участие голландских миротворцев в миссии ООН во время Корейской войны в 1950–1953 гг.), но с господствующей в советское время коммунистической риторикой «по требованию американцев голландское правительство послало войска и корабли в Корею. Всему миру известно теперь, как обращалось американское командование с войсками своих сателлитов» [68. С. 109]. В своей работе К. Надин отмечает участие Нидерландов как «маленькой страны с большим ртом» [69. С. 45] в качестве одной из сторон конфликта при разрешении спора о территориях в Индонезии, бывшей голландской колонии [Там же. С. 48–49]. Один из современных ключевых нидерландистов Г.А. Шатохина-Мордвинцева, профессор Института всеобщей истории РАН, отмечает некую зависимость «от более крупных стран-участниц. Поэтому достаточно часто действия нидерландских подразделений... носят характер гуманитарной помощи или поддержания мира» [70. С. 399].

Таким образом, мы видим, что на настоящий момент вопрос изучения голландского миротворчества остается прерогативой исследования зарубежных ученых и научно-исследовательских институтов, прежде всего нидерландских. Особенно актуальным данный вопрос стал после печального миротворческого опыта голландцев в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 гг. Если до середины 1990-х гг. миротворчество изучалось как исторический процесс в международных отношениях, то с середины 1990-х гг. и уже в 2000-е гг. исследователи применяют новые методы: гендерный, антропологический, психологический, используются меди-

цинские данные. Рассматриваются общественное мнение, взаимоотношения исполнительной и законодательной ветвей власти, влияние внутриполитических факторов на процесс принятия решений по размещению военных частей в миротворческих операциях. Можно сделать вывод, что изучение голландского ми-

ротворчества зарубежными учеными остается многогранным, а отечественных работ и исследований очень мало: советские, а затем российские, ученые занимались проблематикой голландского миротворчества лишь в контексте изучения истории и внешней политики Королевства Нидерландов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2002 г. Нидерландский институт по изучению войны, геноцида и холокоста носил название Нидерландский Институт военной документации. После присоединения в 2010 г. к нему Центра по изучению холокоста и геноцида институт получил новое наименование и сейчас функционирует как Институт по изучению войны, холокоста и геноцида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Voorhoeve J.J.C. Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy. The Hague, 1979.
2. Hooman K. Vredesmissies dienen Nederlands belang. URL: <http://www.clingendael.nl/publication/vredesmissies-dienen-nederlands-belang?lang=nl>, free.
3. Andeweg R.B., Irwin G.A. Governance and Politics of the Netherlands. N.Y., 2002.
4. Hellema D.A. Dutch Foreign Politics. The role of the Netherlands in World Politics. Dordrecht, 2009.
5. Srebrenica: «A Safe Area». Nederlands Instituute voor Oorlogsdocumentatie (Netherlands Institute of War Documentation). Amsterdam, 2002. URL: <http://www.niod.knaw.nl/en/srebrenica-report/report>, free.
6. van der Lijn J. If only There Were a Blueprint! Factors for Success and Failure of UN Peace-Building Operations. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090218_joup_lijn3.pdf, free.
7. van der Lijn J. De toekomst van Bosnië-Herzegovina zit muurvast // Internationale Spectator. 2010. Jaargang 64 r. 11. P. 67–68.
8. Anglo-Dutch Peace Support Operations Seminar. Den Haag, 1996.
9. The Changing Security Agenda: The National Experience of Peace-keeping and the Lessons for NATO. Report seminar for experts in the field of peace-keeping. The Clingendael Institute, The Hague, The Netherlands. April 5 and 6, 1993.
10. van der Lijn J., Ros S. Contributor Profile: The Netherlands // Vienna International Peace Institute, 26 September 2012.
11. A UN Rapid Deployment Brigade: Strengthening the capacity for quick response / ed. Leurdijk D.A. The Hague. Ando bv, 1995.
12. The Netherlands – Canada 1995 Distinguished Lecture Series: Proceedings. The Hague: Netherlands – Canada Committee, 1995.
13. Lessen uit Srebrenica: Nederland en internationale vredesmissies / onder red. van Weerdenburg J. Utrecht : Prestige, 1998.
14. Honig J.W., Both N. Srebrenica: Record of a War Crime. N.Y., 1997.
15. Westerman F., Rijs B. Srebrenica, het zwartste scenario. Amsterdam, 1997.
16. NL Arms. Netherlands Annual Review of Military Studies 1997. The Bosnian Experience. Breda, 1997.
17. Wiebes C. Intelligence and the war in Bosnia 1992–1995: The role of the intelligence and security services. Amsterdam, 2003.
18. Deployment of the armed forces interaction between national and international decision-making. Advisory Letter No. 56. The Hague: The Advisory Council on International Affairs, 2007.
19. Verloren onschuld: Nederland en VN-operaties / Adviesraad Vrede en Veiligheid. Den Haag : Adviesraad Vrede en Veiligheid, 1996.
20. Crisis management operations in fragile states. The need for a coherent approach. Advisory Letter No. 64. The Hague: The Advisory Council on International Affairs, 2009.
21. Military cooperation in Europe: possibilities and limitations. Advisory Letter No. 31. The Hague : The Advisory Council on International Affairs, 2003.
22. Transitional justice: justice and peace in situations of transition. Advisory Letter No. 65, AIV/No. 19. The Hague : The Advisory Council on International Affairs, 2009.
23. van de Vijver J.G., van den Bergh H.J. Unifil: Nederland en VN-vredesmacht. 's-Gravenhage, 1980.
24. Klep C., Roozenbeek H. Vredesmacht in Libanon : de Nederlandse deelname aan UNIFIL 1979–1985. Amsterdam : Boom, 2004.
25. Elands M. Nederlandse militairen in Angola: de VN-vredesmissie UNAVEM II, 1991–1993. Den Haag, 1994.
26. ten Cate A. Waarnemers op heilige grond : Nederlandse officieren bij UNTSO, 1956–2003. Amsterdam : Boom, 2003.
27. Klep C. Peacekeepers in a Warlike Situation: The Dutch Experience // Erwin A. Schmidt. Peace Operations between Peace and War: Four Studies. Nummer 11 (September, 1998). P. 59–69. URL: http://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/01_11pop_05_klep.pdf, free.
28. Klep C., van Gils R. Van Korea tot Kosovo: De Nederlandse militaire deelname aan vredesoperaties sinds 1945. Den Haag : Sdu uitgevers, 1999.
29. Klep C. Somalië, Rwanda, Srebrenica. De nasleep van drie ontspoorde vredesmissies. Amsterdam, 2008.
30. ten Cate A. De laatste divisie: de geschiedenis van 1 Divisie '7 December' na de val de Muur 1989–2004. Den Haag : Sdu Uitgevers, 2004.
31. Bais K. Het mijnenveld van een vredesmacht: Nederlandse blauwhelmen in Cambodja. Den Haag : SDU Uitgeverij Koninginnegracht, 1994.
32. Schoemaker B. The debate on the Netherlands contribution to UNIFIL, 1979–85 // International Peacekeeping. 2006. Vol. 12, No 4. P. 586–598.
33. Klep C., Winslow D. Learning lessons the hard way — Somalia and Srebrenica compared // Small Wars & Insurgencies. 1999. Vol. 10, No 2. P. 93–137.
34. Noll J.E. Leadership and Institutional Reform in Consensual Democracies. Dutch and Swedish Defense Organizations after the Cold War. Leiden, 2005. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/2306/Thesis_Noll.pdf?sequence=3, free.
35. Park Il-Song, Yang Yong-Jo, Son Kyo-Suk. A History of Netherlands Forces' Participation in the Korean War. Ministry of Patriots & Veterans Affairs, The Republic of Korea. Seoul, 2010.
36. Karremans Th. Srebrenica, who cares?: Een puzzel van de werkelijkheid (in Dutch). Arko, 1998.
37. Both N. From indifference to entrapment: the Netherlands and the Yugoslav crisis, 1990–1995. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2000.
38. Sion L. Changing from Green to Blue Beret: A Tale of Two Dutch Peacekeeping Units. Amsterdam: Vrije Universiteit van Amsterdam, 2004.
39. Sion L. Reinterpreting Combat Masculinity: Dutch peacekeeping in Bosnia and Kosovo // Sociologie, the Netherlands. 2007. Vol. 3, No 1. P. 95–111.
40. Sion L. Dutch Peacekeepers and Host Environments in the Balkans: An Ethnographic Perspective // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15, No 2. P. 201–213.
41. Sion L. Peacekeeping and the Gender Regime Dutch Female Peacekeepers in Bosnia and Kosovo // Journal of Contemporary Ethnography. 2008. Vol. 37, No 5. P. 561–585.
42. Bosman F., Joseph Soeters J., Ait Bari F. Dutch Muslim Soldiers During Peace Operations in Muslim Societies // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15, No 5. P. 695–705.

43. *Joanne Moutaahan, Martin C. Euwema & Jos M.P. Weerts* (2005): Band of Brothers in U.N. Peacekeeping: Social Bonding Among Dutch Peacekeeping Veterans, *Military Psychology*, 17:2, P. 101–114.
44. *Cockburn C., Zarkov D.* The postwar moment: Militaries, masculinities and international peacekeeping: Bosnia and the Netherlands. London: Lawrence & Wishart, 2002.
45. *Bramsen I., Dirkszager A.J. E., van Esch S.C.M., van der Ploeg H.M.* Consistency of Self-Reports of Traumatic Events in a Population of Dutch Peacekeepers: Reason for Optimism? // *Journal of Traumatic Stress*. 2001. Vol. 14, No. 4. P. 733–740.
46. *Cohen B.C.* Democracies and Foreign Policy: Public Participation in the United States and the Netherlands. Madison : University of Wisconsin Press, 1995.
47. *van der Meulen J., de Konink M.* Risky Missions: Dutch Public Opinion on peacekeeping in the Balkans / Philip Everts, Pierangelo Isernia. Public Opinion and the International Use of Force. Routledge, 2003.
48. *Ankersmit F.* Het drama Srebrenica. Geschiedtheoretische beschouwingen over het NIOD-rapport. Redactie: Frank Ankersmit, Maria Grever, Ed Jonker, Rik Peters, Kees Ribbens. Assen, 2003.
49. *Dekker I.F.* Illegality and legitimacy of humanitarian intervention: Synopsis of and comments on a Dutch report // *Journal of Conflict and Security Law*. 2001. Vol. 6, No 1. P. 115–126.
50. *Delpha I., Bougaret X., Fournel J.-L.* Investigating Srebrenica – Institutions, Facts, Responsibilities. N.Y. : Berghahn Books, 2012.
51. *Houben M.* No Blank Cheque: How and why European States Precondition Their Participation in International Crisis Management Operations. Leiden, 2003.
52. *Hoekema J.* Srebrenica, Dutchbat and the role of the Netherlands' parliament in Born H., Hänggi H. (eds.) // *The «double democratic deficit»: Parliamentary accountability and the use of force under international auspices*. Aldershot : Ashgate, 2004.
53. *van Schooten H., Werner W.G.* Democratic control on the use of force under the Dutch constitution' // *Tilburg Foreign Law Review*. 2002. Vol.10, No 1. P. 43–62.
54. *The Dutch participation in UN Peacekeeping operations* // *International Peacekeeping*. December, 1994-January, 1995. P. 7–8.
55. *de Graaff B.* Activist and catalyst: Dutch moralistic decision-making regarding (former) Yugoslavia, 1991–1994 // *Journal of European Integration History*. 2002. Vol. 10, No 1. P. 139–168.
56. *van Schendelen M.P. C.M.* Information and Decision Making in the Dutch Parliament // *Legislative Studies Quarterly*. 1976. Vol. 1, No 2. P. 231–250.
57. *Andeweg R.B.* The Dutch prime minister: Not yet chairman, not yet chief? // *West Politics*. 1991. Vol. 14, No 3. P. 116–132.
58. *Kristić A.* De Staten-Generaal en de inzet van de Nederlandse krijgsmacht: een onderzoek naar de parlementaire betrokkenheid bij de besluitvorming over deelname aan internationale militaire operaties. Kluwer, 2012. URL: <https://pure.uvt.nl/portal/nl/publications/de-staten-generaal-en-de-inzet-van-de-nederlandse-krijgsmacht%28bce753b0-3e8f-4185-972b-119c0387055a%29.html>, free
59. *Sollie H.* Civiele Politie Op Vredesmissie: Uitzendervaringen Van Nederlandse Politiefunctionarisse. Apeldoorn: Politie & Wetenschap, 2010.
60. *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Нидерланды // *Малые страны Европы в XX веке : учеб. пособие / отв. ред. О.А. Хорошева. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.*
61. *Панкова Л.Н.* Основные направления внешней политики Нидерландов в 70-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
62. *Панкова Л.Н.* Основные направления внешней политики Нидерландов в 70-е годы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
63. *Зайцева Н.И.* Основные направления внешнеполитического курса стран Бенилюкс // *Военная и внешняя политика западноевропейских государств*. М., 1986. Ч. 2. С. 227–254.
64. *Островская Е.П.* Нидерланды: большие проблемы малой страны. М., 1986.
65. *Вальков В.А.* Экономика и политика Голландии после Второй мировой войны. М., 1961.
66. *Бусыгин А.В.* Побеждающие море: о Голландии и голландцах. М., 1990.
67. *Тамарин Н.И.* Современная Голландия. М., 1966.
68. *Брандт Д.М.* Нидерланды. М., 1953.
69. *Надин К.* Внешняя политика Голландии. М., 1963.
70. *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* История Нидерландов. М., 2007.

СПИСОК ССЫЛОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ НА ГОЛЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

- 2 – *Hooman K.* Vredesmissies dienen Nederlands belang [Peacekeeping Missions Serve the Dutch Interests]. URL: <http://www.clingendael.nl/publication/vredesmissies-dienen-nederlands-belang?lang=nl>, free.
- 7 – *van der Lijn J.* De toekomst van Bosnië-Herzegovina zit muurvast [The Future of Bosnia-Herzegovina is deadlocked] // *Internationale Spectator*. 2010. Jaargang 64 r. 11. P. 67–68.
- 13 – *Lessen uit Srebrenica: Nederland en internationale vredesmissies* [Lessons of Srebrenica: The Netherlands and International Peacekeeping Operations] / onder red. van Weerdenburg J. Utrecht : Prestige, 1998.
- 15 – *Westerman F., Rijs B.* Srebrenica, het zwartste scenario. [Srebrenica: the blackest scenario]. Amsterdam, 1997.
- 19 – *Verloren onschuld: Nederland en VN-operaties* [Lost Innocence: The Netherlands and United Nations Peacekeeping Operations] / Adviesraad Vrede en Veiligheid [The Advisory Council on International Affairs]. Den Haag: Vrede en Veiligheid, 1996.
- 23 – *van de Vijver J.G., van den Bergh H.J.* Unifil: Nederland en VN-vredesmacht. [UNIFIL: The Netherlands and UN Peacekeeping Forces]. 's-Gravenhage, 1980.
- 24 – *Klep C., Roozenbeek H.* Vredesmacht in Libanon : de deelname aan UNIFIL 1979–1985. [Peacekeeping Forces in Lebanon: The Participation in UNIFIL 1979–1985]. Amsterdam: Boom, 2004.
- 25 – *Elands M.* Nederlandse militairen in Angola: de VN-vredesmissie UNAVEM II, 1991–1993. [Dutch Soldiers in Angola: The UN Peacekeeping mission UNAVEM II, 1991–1993]. Den Haag, 1994.
- 26 – *ten Cate A.* Waarnemers op heilige grond : Nederlandse officieren bij UNTSO, 1956–2003. [Observers on the Holy Land: Dutch Officers with UNTSO, 1956–2003]. Amsterdam: Boom, 2003.
- 28 – *Klep C., van Gils R.* Van Korea tot Kosovo: De Nederlandse militaire deelname aan vredesoperaties sinds 1945. [From Korea To Kosovo: The Dutch Military Participation in Peacekeeping Operations since 1945]. Den Haag: Sdu uitgeverij, 1999.
- 29 – *Klep C.* Somalië, Rwanda, Srebrenica. De nasleep van drie ontspoorde vredesmissies. [Somalia, Rwanda, Srebrenica. The Aftermath of Three Derailed Peace Missions]. Amsterdam, 2008.
- 30 – *ten Cate A.* De Laatste Divisie: de geschiedenis van 1 Divisie '7 december' na de val van de muur 1989–2004. [The Last Division: The History of Division 1 «December 7» After the Fall of the Wall from 1989 to 2004]. Den Haag: Sdu Uitgevers, 2004.
- 31 – *Bais K.* Het mijnenveld van een vredesmacht: Nederlandse blauwhelmen in Cambodja. [The Minefield of a Peacekeeping Force: Dutch Peacekeepers in Cambodia]. Den Haag : SDU Uitgeverij Koninginnegracht, 1994.
- 48 – *Ankersmit F.* Het drama Srebrenica. Geschiedtheoretische beschouwingen over het NIOD-rapport. [The Srebrenica Drama. Historical Theoretical Reflections on the NIOD Report]. Redactie: Frank Ankersmit, Maria Grever, Ed Jonker, Rik Peters, Kees Ribbens. [Ed. by Frank Ankersmit, Maria Grever, Ed Jonker, Rik Peters, Kees Ribbens]. Assen, 2003.

- 58 – *Kristić A.* De Staten-Generaal en de inzet van de Nederlandse krijgsmacht: een onderzoek naar de parlementaire betrokkenheid bij de besluitvorming over deelname aan internationale militaire operaties. [The States-General and the Efforts of the Dutch Armed Forces: A Study of Parliamentary Involvement in Decisions on the Participation in International Military Operations]. Kluwer, 2012. Available at: <https://pure.uvt.nl/portal/nl/publications/de-statengeneraal-en-de-inzet-van-de-nederlandse-krijgsmacht%28bce753b0-3e8f-4185-972b-119c0387055a%29.html>
- 59 – *Sollie H.* Civiele Politie Op Vredesmissie: Uitzendervaringen Van Nederlandse Politiefunctarissen. [Civilian Police in Peace Mission: Emitting Experiences of Dutch Police Officers]. Apeldoorn: Politie & Wetenschap, 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2015 г.

HISTORIOGRAPHY OF DUTCH PEACEKEEPING IN NATIONAL AND FOREIGN RESEARCH

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 131–139. DOI: 10.17223/15617793/398/22

Smolenchuk Olga Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smolenchuk@gmail.com

Keywords: Netherlands; Dutch peacekeeping; Srebrenica.

The definition of "Dutch peacekeeping" or "Dutch peacekeepers" occurs very rarely in the Russian literature. It is first of all associated with the events in Bosnia-Herzegovina in July, 1995, when the Dutchbat could not prevent the tragedy and mass people killings, which will later be called the fall of Srebrenica. In the given article the author tries to follow the development of Dutch peacekeeping as a historical process in international relations based on the foreign and Russian scholars' works. The analysis of the Dutch foreign policy plays a significant role in considering the issue. The papers of Dutch researchers represent the major part in foreign historiography. The Dutch policy think tanks asserted a main influence to study the above-mentioned question. Among them are the NIOD Institute for War, Holocaust and Genocide Studies, the Netherlands Institute of International Relations Clingendael, as well as the Advisory Council on International Affairs (AIV) created in 1979. The latter consults the Dutch Government and Parliament on the issues of foreign policy, human rights, peace and security, cooperation in the field of development and European integration. One of the most significant works is a research which the NIOD Institute for War, Holocaust and Genocide Studies prepared in 1996–2002 at the request of the Dutch government after many countries, e.g., France and Canada, refused to take part in investigating the causes of the Srebrenica tragedy in 1995. In 2002, the scholars of the Institute published a report "Srebrenica – A 'safe' area. Reconstruction, background, consequences and analyses of the fall of a Safe Area". In Russian historiography the Dutch peacekeeping can be examined as an object only as part of the Dutch foreign policy works and conduct of the Kingdom of the Netherlands in the international arena as a small country. At present, the study of Dutch peacekeeping is an exclusive prerogative for foreign researchers and think tanks, in the first place, it concerns the Dutch ones. If until mid-1990s peacekeeping was examined as a historical process in international relations, since 1995 and in the 2000s the authors implemented new methods: gender studies, anthropology, psychological analysis; they also used the results of medical investigations. Dutch public opinion, relations between the executive and the legislative powers, influence of internal political factors on the decision-making process of how and when to deploy military forces in peacekeeping operations are considered. To sum up, research of Dutch peacekeeping by foreign authors covers many aspects, while there are only a few Russian papers: Soviet and, later, Russian scholars consider the issue of the Dutch participation in peacekeeping operations barely in the context of studying the history and foreign policy of the Kingdom of the Netherlands.

REFERENCES

1. Voorhoeve, J.J.C. (1979) *Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague: Nijhoff.
2. Hooman, K. (n.d.) *Vredesmissies dienen Nederlands belang*. [Online]. Available from: <http://www.clingendael.nl/publication/vredesmissies-dienen-nederlands-belang?lang=nl>.
3. Andeweg, R.B. & Irwin, G.A. (2002) *Governance and Politics of the Netherlands*. New York: Palgrave Macmillan.
4. Hellega, D.A. (2009) *Dutch Foreign Politics. The role of the Netherlands in World Politics*. Dordrecht.
5. Netherlands Institute of War Documentation. (2002) *Srebrenica: "A Safe Area"*. *Nederlands Instituut voor Oorlogsdocumentatie*. Amsterdam. [Online]. Available from: <http://www.niod.knaw.nl/en/srebrenica-report/report>.
6. van der Lijn, J. (2009) *If only There Were a Blueprint! Factors for Success and Failure of UN Peace-Building Operations*. [Online]. Available from: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090218_joup_lijn3.pdf.
7. van der Lijn, J. (2010) De toekomst van Bosnië-Herzegovina zit muurvast. *Internationale Spectator*. Jaargang 64 r. 11. pp. 67–68.
8. Anglo-Dutch Peace Support Operations Seminar. (1996) Den Haag.
9. The Clingendael Institute. (1993) *The Changing Security Agenda: The National Experience of Peace-keeping and the Lessons for NATO*. Report seminar for experts in the field of peace-keeping. The Clingendael Institute, The Hague, The Netherlands. April 5 and 6, 1993.
10. van der Lijn, J. & Ros, S. (2012) *Contributor Profile: The Netherlands*. Vienna International Peace Institute, 26 September 2012.
11. Leurdijk, D.A. (ed.) (1995) *A UN Rapid Deployment Brigade: Strengthening the capacity for quick response*. The Hague: Ando bv.
12. Netherlands – Canada Committee. (1995) *The Netherlands – Canada 1995 Distinguished Lecture Series: Proceedings*. The Hague: Netherlands – Canada Committee.
13. van Weerdenburg, J. (ed.) (1998) *Lessen uit Srebrenica: Nederland en internationale vredesmissies*. Utrecht: Prestige.
14. Honig, J.W. & Both, N. (1997) *Srebrenica: Record of a War Crime*. New York: Penguin Books.
15. Westerman, F. & Rijs, B. (1997) *Srebrenica, het zwartste scenario*. Amsterdam: Atlas.
16. Soeters, J.L. & Rovers, J.H. (eds) (1997) *NL Arms. Netherlands Annual Review of Military Studies 1997. The Bosnian Experience*. Breda: Royal Netherlands Military Academy.
17. Wiebes, C. (2003) *Intelligence and the war in Bosnia 1992–1995: The role of the intelligence and security services*. Amsterdam: LIT Verlag Berlin-Hamburg-Münster.
18. The Advisory Council on International Affairs. (2007) *Deployment of the armed forces interaction between national and international decision-making*. Advisory Letter No. 56. The Hague.
19. Adviesraad Vrede en Veiligheid. (1996) *Verloren onschuld: Nederland en VN-operaties*. Den Haag: Adviesraad Vrede en Veiligheid.
20. The Advisory Council on International Affairs. (2009) *Crisis management operations in fragile states. The need for a coherent approach*. Advisory Letter No. 64. The Hague.
21. The Advisory Council on International Affairs. (2003) *Military cooperation in Europe: possibilities and limitations*. Advisory Letter No. 31. The Hague.
22. The Advisory Council on International Affairs. (2009) *Transitional justice: justice and peace in situations of transition*. Advisory Letter No. 65, AIV/No. 19. The Hague.

23. van de Vijver, J.G. & van den Bergh, H.J. (1980) *Unifil: Nederland en VN-vredesmacht*. 's-Gravenhage.
24. Klep, C. & Roozenbeek, H. (2004) *Vredesmacht in Libanon: de Nederlandse deelname aan UNIFIL 1979–1985*. Amsterdam: Boom.
25. Elands, M. (1994) *Nederlandse militairen in Angola: de VN-vredesmissie UNAVEM II, 1991–1993*. Den Haag: Sectie militaire geschiedenis Koninklijke landmacht.
26. ten Cate, A. (2003) *Waarnemers op heilige grond: Nederlandse officieren bij UNTSO, 1956–2003*. Amsterdam: Boom.
27. Klep, C. (1998) Peacekeepers in a Warlike Situation: The Dutch Experience. In: Schmidt, E.A. (ed.) *Peace Operations between Peace and War: Four Studies*. Nummer 11 (September, 1998). [Online]. Available from: http://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/01_11pop_05_klep.pdf.
28. Klep, C. & van Gils, R. (1999) *Van Korea tot Kosovo: De Nederlandse militaire deelname aan vredesoperaties sinds 1945*. Den Haag: Sdu uitgeverij.
29. Klep, C. (2008) *Somalïë, Rwanda, Srebrenica. De nasleep van drie ontspoorde vredesmissies*. Amsterdam: Boom.
30. ten Cate, A. (2004) *De laatste divisie: de geschiedenis van 1 Divisie '7 December' na de val de Muur 1989-2004*. Den Haag: Sdu Uitgevers.
31. Bais, K. (1994) *Het mijneveld van een vredesmacht: Nederlandse blauwhelmen in Cambodja*. Den Haag: SDU Uitgeverij Koninginnegracht.
32. Schoenmaker, B. (2006) The debate on the Netherlands contribution to UNIFIL, 1979–85. *International Peacekeeping*. 12:4. pp. 586–598.
33. Klep, C. & Winslow, D. (1999) Learning lessons the hard way – Somalia and Srebrenica compared. *Small Wars & Insurgencies*. 10:2. pp. 93–137.
34. Noll, J.E. (2005) *Leadership and Institutional Reform in Consensual Democracies. Dutch and Swedish Defense Organizations after the Cold War*. Leiden. [Online]. Available from: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/2306/Thesis_Noll.pdf?sequence=3.
35. Park Il-Song, Yang Yong-Jo & Son Kyo-Suk. (2010) *A History of Netherlands Forces' Participation in the Korean War*. Ministry of Patriots & Veterans Affairs, The Republic of Korea. Seoul.
36. Karremans, Th. (1998) *Srebrenica, who cares?: Een puzzel van de werkelijkheid*. Arko Uitgeverij. Nieuwegein.
37. Both, N. (2000) *From indifference to entrapment: the Netherlands and the Yugoslav crisis, 1990–1995*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
38. Sion, L. (2004) *Changing from Green to Blue Beret: A Tale of Two Dutch Peacekeeping Units*. Amsterdam: Vrije Universiteit van Amsterdam.
39. Sion, L. (2007) Reinterpreting Combat Masculinity: Dutch peacekeeping in Bosnia and Kosovo. *Sociologie, the Netherlands*. 3:1. pp. 95–111.
40. Sion, L. (2008) Dutch Peacekeepers and Host Environments in the Balkans: An Ethnographic Perspective. *International Peacekeeping*. 15:2. pp. 201–213.
41. Sion, L. (2008) Peacekeeping and the Gender Regime. Dutch Female Peacekeepers in Bosnia and Kosovo. *Journal of Contemporary Ethnography*. 37:5. pp. 561–585.
42. Bosman, F., Joseph Soeters, J. & Ait Bari, F. (2008) Dutch Muslim Soldiers During Peace Operations in Muslim Societies. *International Peacekeeping*. 15:5. pp. 695–705.
43. Joanne Mouthaan, Martin C. Euwema & Jos M.P. Weerts (2005): Band of Brothers in U.N. Peacekeeping: Social Bonding Among Dutch Peacekeeping Veterans, *Military Psychology*, 17:2, P. 101–114.
44. Cockburn, C. & Zarkov, D. (2002) *The postwar moment: Militaries, masculinities and international peacekeeping: Bosnia and the Netherlands*. London: Lawrence & Wishart.
45. Bramsen, I. et al. (2001) Consistency of Self-Reports of Traumatic Events in a Population of Dutch Peacekeepers: Reason for Optimism? *Journal of Traumatic Stress*. 14:4. pp. 733–740.
46. Cohen, B.C. (1995) *Democracies and Foreign Policy: Public Participation in the United States and the Netherlands*. Madison: University of Wisconsin Press.
47. van der Meulen, J. & de Konink, M. (2003) Risky Missions: Dutch Public Opinion on peacekeeping in the Balkans. In: Everts, Ph. & Isernia, P. (eds) *Public Opinion and the International Use of Force*. London, New York: Routledge.
48. Ankersmit, F. et al. (2003) *Het drama Srebrenica. Geschiedtheoretische beschouwingen over het NIOD-rapport*. Assen: Van Gorcum.
49. Dekker, I.F. (2001) Illegality and legitimacy of humanitarian intervention: Synopsis of and comments on a Dutch report. *Journal of Conflict and Security Law*. 6:1. pp. 115–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/jcsl/6.1.115>
50. Delpha, I., Bougaret, X. & Fournel, J.-L. (2012) *Investigating Srebrenica – Institutions, Facts, Responsibilities*. New York: Berghahn Books.
51. Houben, M. (2003) *No Blank Cheque: How and why European States Precondition Their Participation in International Crisis Management Operations*. Leiden.
52. Hoekema, J. (2004) Srebrenica, Dutchbat and the role of the Netherlands' parliament. In: Born, H. & Hänggi, H. (eds) *The "double democratic deficit": Parliamentary accountability and the use of force under international auspices*. Aldershot: Ashgate.
53. van Schooten, H. & Werner, W.G. (2002) Democratic control on the use of force under the Dutch constitution. *Tilburg Foreign Law Review*. 10:1. pp. 43–62.
54. The Dutch participation in UN Peacekeeping operations (1994–1995). *International Peacekeeping*. December, 1994 – January, 1995. pp. 7–8.
55. de Graaff, B. (2002) Activist and catalyst: Dutch moralistic decision-making regarding (former) Yugoslavia, 1991–1994. *Journal of European Integration History*. 10:1. pp. 139–168.
56. van Schendelen, M.P. (1976) C.M. Information and Decision Making in the Dutch Parliament. *Legislative Studies Quarterly*. 1:2. pp. 231–250.
57. Andeweg, R.B. (1991) The Dutch prime minister: Not yet chairman, not yet chief? *West Politics*. 14:3. pp. 116–132.
58. Kristić, A. (2012) *De Staten-Generaal en de inzet van de Nederlandse krijgsmacht: een onderzoek naar de parlementaire betrokkenheid bij de besluitvorming over deelname aan internationale militaire operaties*. Kluwer. [Online]. Available from: <https://pure.uvt.nl/portal/nl/publications/de-statengeneraal-en-de-inzet-van-de-nederlandse-krijgsmacht%28bce753b0-3e8f-4185-972b-119c0387055a%29.html>.
59. Sollie, H. (2010) *Civiele Politie Op Vredesmissie: Uitzendervaringen Van Nederlandse Politiefunctionarisse*. Apeldoorn: Politie & Wetenschap.
60. Shatokhina-Mordvintseva, G.A. (2013) Niderlandy [The Netherlands]. In: Khoroosheva, O.A. (ed.) *Malye strany Evropy v XX veke* [The small countries of Europe in the 20th century]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
61. Pankova, L.N. (1983) *Osnovnye napravleniya vneshney politiki Niderlandov v 70-e gody* [The main directions of foreign policy of the Netherlands in the '70s]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
62. Pankova, L.N. (1983) *Osnovnye napravleniya vneshney politiki Niderlandov v 70-e gody* [The main directions of foreign policy of the Netherlands in the '70s]. History Cand. Diss. Moscow.
63. Zaytseva, N.I. (1986) *Osnovnye napravleniya vneshnepoliticheskogo kursa stran Benilyuks* [The main directions of the foreign policy of the Benelux]. In: *Voennaya i vneshnyaya politika zapadnoevropeyskikh gosudarstv* [Military and foreign policy of the West European states]. Pt. 2. Moscow.
64. Ostrovskaya, E.P. (1986) *Niderlandy: bol'shie problemy maloy strany* [The Netherlands: Big problems of a small country]. Moscow: Znanie.
65. Val'kov, V.A. (1961) *Ekonomika i politika Gollandii posle Vtoroy mirovoy voyny* [Economy and politics of Holland after World War II]. Moscow: IMO.
66. Busygin, A.V. (1990) *Pobezhdayushchie more: o Gollandii i gollandtsakh* [Winning the sea: about Holland and the Dutch]. Moscow: Mysl'.
67. Tamarin, N.I. (1966) *Sovremennaya Gollandiya* [Modern Holland]. Moscow: Znanie.
68. Brandt, D.M. (1953) *Niderlandy* [The Netherlands]. Moscow: Geografizdat.
69. Nadin, K. (1963) *Vneshnyaya politika Gollandii* [Foreign Policy of Holland]. Moscow: IMO.
70. Shatokhina-Mordvintseva, G.A. (2007) *Istoriya Niderlandov* [The history of the Netherlands]. Moscow: Drofa.

Received: 26 March 2015

ПРАВО

УДК 343.953

Р.Л. Ахмедшин

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОДГОТОВКИ К ПРОВЕДЕНИЮ ПОИСКОВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ПРИБЫТИЮ НА МЕСТО ПОИСКА

Рассматриваются отдельные вопросы тактики проведения поисковых следственных действий, к которым, прежде всего, относятся осмотр места происшествия и обыск. Традиционные криминалистические рекомендации корректируются с учетом человеческого фактора. Проблематика ряда тактических аспектов является малоисследованной в отечественной криминалистической науке.

Ключевые слова: поисковое следственное действие; криминалистическая тактика; тактический прием; информация; личность следователя.

Традиционно исследователи-криминалисты отмечают, что, прибыв на исследуемую территорию, следователь:

1) оказывает содействие в ликвидации последствий преступления, угрожающих потерпевшим и иным лицам;

2) оказывает содействие в ликвидации последствий преступления, угрожающих материальным объектам;

3) проверяет качество реализованных мер по сохранности следов преступления;

4) принимает решение о необходимости дополнительных мер, направленных на сохранность следов преступления;

5) получает исходную информацию о событии преступления и действиях должностных лиц и очевидцев, находящихся на месте происшествия;

6) разъясняет участникам поискового следственного действия их права и обязанности.

Помимо перечисленного, напомним, что комплекс тактико-криминалистических задач на рассматриваемой стадии сводится к анализу исходной информации, выбору оптимального метода поиска, оптимизации поиска применительно к конкретной территории, оптимизации поискового потенциала участников поискового следственного действия.

Принцип единоначалия в системе тактических приемов. Основным принципом организации деятельности следователя при проведении осмотра места происшествия является единое руководство осмотром. При осмотре / обыске, помимо следователя, в нем принимают участие оперативные работники, эксперты, специалисты, следовательно необходимо принимать меры, направленные на избежание несогласованных действий, которые могут привести к порче следов и изменению положения и состояния тех или иных объектов. Следователь планирует осмотр / обыск, распределяет обязанности между его участниками, определяет границы территории, подлежащей осмотру / обыску, и направление движения при поиске. Группа работает эффективно в тех случаях, когда имеется аналитико-координационный центр, выполняющий задачи координации действий участников

поискового следственного действия, анализа целесообразности их действий. Присутствующие лица в отношении алгоритмов совершения определенных действий порой могут знать гораздо больше самого следователя, поэтому следователь осуществляет не детальную, а общую координацию действий.

Есть еще одна причина целесообразности недопущения анархии при проведении осмотра места происшествия. Дело в том, что поисковый и интеллектуальный потенциал группы равен не сумме поисковой и интеллектуальной составляющих её участников, а стремится к потенциалу наименее развитого члена группы, что может нивелироваться принципом единоначалия.

Группа тактических приемов анализа исходной информации при подготовке к проведению поискового следственного действия. Исходная информация, имеющаяся у следователя, как правило, состоит из непосредственно воспринимаемой им обстановки территории поиска и показаний очевидцев.

Для повышения эффективности поискового следственного действия следователь производит так называемый блиц-опрос потерпевшего (если беседа с ним возможна), очевидцев и лиц, первыми обнаруживших последствия преступления (взломанную квартиру, труп и т.д.). Содержанием блиц-опроса очевидцев является получение информации о произошедшем событии и информации об объеме изменений обстановки с момента произошедшего события до момента прибытия следственной группы.

Построенный на принципе единоначалия процесс руководства следователем деятельностью следственной группы, тем не менее, достаточно неавторитарен. Реализация организационной функции позволяет следователю максимально эффективно использовать потенциал следственной группы. Одним из важных этапов реализации следователем организационной функции является руководство анализом исходной информации в процессе подготовки к проведению поискового следственного действия, прежде всего, конечно, следственного осмотра и обыска.

Нельзя воспринимать фигуру следователя в контексте состава следственной группы при проведении

поискового следственного действия как единственную, носящую творческую составляющую фигуру.

Какой бы психически многогранной личностью не был бы следователь, психотипологические ограничения не предполагают эффективной реализации его во всех областях профессиональной деятельности. К сожалению, данный тезис с трудом находит отражение в отечественных исследованиях по причине субъективной неготовности авторов-криминалистов смириться с идеей о психической специализации каждой личности, а следовательно, с априорными недостатками и ограниченностью любого человека (в том числе и себя) в компенсационных сферах. Слабая интеграция психологического знания в прикладную деятельность, слабо развитая практика психологического тестирования не позволяют надеяться на преодоление рассматриваемой проблемы в криминалистических исследованиях в ближайшее время.

Почему же психотипологические особенности личности не предполагают равновеликого потенциала реализации сразу во всех психических сферах? Принцип эволюционной специализации касается не только физических параметров и физиологических специализаций. Названный принцип относится также, а может быть, и прежде всего, к сфере психологической. Конечно, каждому обывателю приятно считать, что он является носителем всего спектра психологических возможностей, однако в отличие от мнения обывателя о себе, расчет исследователя не должны базироваться на комплексах личности. Психологическая специализация является объективно существующей и позитивно содержательной основой механизма адаптации человека в обществе. Потенциально многовекторная человеческая психика развивается в рамках конкретного вектора за счет другого / других векторов.

На основе сказанного можно утверждать, что личность любого следователя ограничена определенным спектром психологических возможностей, что однозначно означает его ограниченный психологический потенциал в решении любой нетрадиционной задачи, тем более в условиях недостатка исходной информации, которая так характерна для поисковых следственных действий.

Выходом из ситуации объективной ограниченности личностных характеристик следователя будут усилия по привлечению познавательных возможностей остальных участников поискового следственного действия к обсуждению стратегической линии поиска как реализация вечно тезиса о необходимости совершенства криминалистической тактики. Маловероятно, что все участники осмотра принадлежат к одному психологическому типу, а это означает, что при кооперации психических потенциалов общий потенциал группы, как правило, перекрывает весь диапазон необходимых психологических навыков. Подобное привлечение целесообразно в рамках использования методики «мозгового штурма», состоящей из двух этапов. Удивительно, но информированность специалистов о содержании данной методики достаточно высока, но, тем не менее, желание использовать её в практике расследования у лиц с юридическим образованием крайне незначительно.

Отметим, что предварительное ознакомление следователя с личностными особенностями участников следственной группы будет способствовать последующей оптимизации руководства этой группой.

Объектами «мозгового штурма» являются два момента, решаемые именно в заявленной последовательности. Первый момент – что произошло на осматриваемой территории, второй – как оптимально производить осмотр. Необходимо сказать, что первая задача является на порядок более сложной, что предопределяет неосознанное желание отказаться от её решения в пользу переключения внимания на решение задачи более простой – задачи выбора метода поиска. Нами проведено около трех десятков экспериментальных осмотров места происшествия, во всех случаях участники старались игнорировать решение задачи моделирования обстоятельств произошедшего события. Даже будучи подконтрольны экспериментатору и демонстрирующие при нем понимание необходимости решения первой задачи, при удалении экспериментатора с места поиска участники эксперимента фактически сразу отказывались от дальнейшего решения упомянутой задачи.

Какова же последовательность применения метода «мозгового штурма»? Решение задачи делится на два достаточно содержательно самостоятельных и четко определенных этапа, требующих последовательную их реализацию.

На первом этапе «мозгового штурма» генерируются идеи, которые оптимизируют процесс поиска и направляются на уяснение исходной информации и моделирование преступного события. Механизм гомеостаза предопределяет низкую заинтересованность оперативных работников принимать участие в коллективном обсуждении, прежде всего из-за нежелания стать объектом шуток. Учитывая сказанное, отметим, что на данном этапе настоятельно рекомендуется не критиковать предложения участников обсуждения. В силу этого возможно даже исключение из процесса выдвижения идей лиц, способных только к критике, что, как правило, свидетельствует о наличии у этих лиц ряда неосознаваемых психологических проблем.

К сожалению, тема неспособности отдельных участников следственной группы реализовывать задачи осмотра места происшествия являются фактическим табу для советской и российской криминалистики, да и в психологии профессиональной деятельности юристов должного отражения не нашла.

На втором этапе происходит анализ выдвинутых версий. Отметим, что если особенности характера следователя предполагают авторитарный тип реагирования в межличностном общении, то целесообразно проводить анализ ранее выдвинутых идей в одиночку, если же следователю свойственны такие характеристики, как корректность и тактичность, то рациональность выдвинутых идей лучше обсуждать коллективно. Как правило, некорректность или фальшивая корректность в общении присуща представителям эпиплетоидной и истероидной акцентуации.

Естественно, что сама по себе акцентуация с фатальной неизбежностью не предполагает авторитарности

следователя, проводящего обсуждение, однако практика наших исследований показывает, что контроль акцентуированных черт работниками правоохранительных органов это скорее исключение, чем правило.

Представляется, что сказанное, пусть и обладает некоторой нехарактерностью для отечественных криминалистических исследований, способно тактически обогатить потенциал следователя при проведении наиболее перспективных с точки зрения информативности следственных действий поисковых следственных действий.

Группа тактических приемов выбора оптимального метода поиска. Исследования оптимальных способов производства поиска в процессе следственных действий имеют достаточно небогатую историю. Уже на начальном этапе формирования тактико-криминалистических рекомендаций стало ясно, что привычный для бытовых условий, несистемный и хаотичный поиск в расследовании преступлений недопустим. Изначально выделялись объективный и субъективный способы поиска, адаптированные прежде всего к условиям следственного осмотра [1. С. 171]. Под объективным способом осмотра признавался поиск в порядке естественного следования помещений и вещей друг за другом. Под субъективным способом осмотра признавался поиск на избранной (ограниченной по объему) следователем территории. В некотором виде эти алгоритмы присутствуют и в современной криминалистике в виде полного и избирательного метода поиска, что, конечно, не может быть признано целесообразным. Пожалуй, признанной всеми криминалистами является выделение эксцентрического, концентрического и фронтального методов поиска, содержание и проблемы применения которых мы и рассмотрим.

Содержание и способы решения проблем использования эксцентрического метода поиска. Эксцентрический метод поиска – это поиск от центра исследуемой территории к её границам (от центра к периферии). Эксцентрический метод поиска используется в случае наличия явной локализации следов преступления (труп при убийстве, взломанная дверь при краже, очаг возгорания при поджоге).

Преимущества эксцентрического метода вытекают из наличия отправной точки (области максимальной локализации следов преступления) для поиска. Сознание человека при решении познавательных задач преимущественно ориентировано на функционирование в условиях, которые включают начало как исходную точку в решении познавательных задач. Основные ресурсы внимания при использовании эксцентрического метода поиска затрачиваются на поиск в области с наибольшим количеством следов преступления.

Объективным недостатком данного метода является предельная сложность управления поисками в области максимальной концентрации следов преступления, возникающая в силу переизбытка участников осмотра на ограниченной территории.

В отечественной криминалистике, несмотря на то, что данный метод поиска является наиболее тактически разработанным, он также нуждается в оптимизации его использования.

«Правила зонирования» в системе эксцентрического метода поиска. Криминалистами давно выделен эксцентрический метод поиска, который может быть эффективно применен в случае наличия на территории поиска явной локализации (труп по делам об убийстве, взломанная запорная система по делам о краже, остатки автомобильных средств по делам о ДТП) следов преступления. Казалось бы, что перспективы дальнейшего развития тактических приемов поиска от периферии к центру в рамках эксцентрического метода поиска отсутствуют. Естественно, это не так, ведь потенциал криминалистической тактики предполагает его постоянное совершенствование с учетом заимствования новых знаний, форм организации и методов анализа криминалистически значимой информации.

К сожалению, в учебных и монографических криминалистических работах использование данного метода поиска рассматривается только на уровне общих рекомендаций. Даже способ перемещения в рамках движения от периферии к центру некоторыми авторами заявляется весьма спорным – по спирали. Действительно, перемещение по спирали в рамках эксцентрического поиска даже со стороны выглядит предельно негармонично ввиду крайней сложности придерживаться относительно правильной геометрической траектории перемещения. Учитывая же, что в ходе поискового следственного действия всегда возникает проблема эффективного поиска на стыке отдельных его участков, перемещение по спирали есть наихудший способ организации эксцентрического поиска, если не считать случая полного отсутствия какой бы то ни было системы перемещений в рамках вектора от периферии к центру.

Система перемещения в процессе поиска в рамках эксцентрического метода может быть построена при понимании содержательных отличий структурных элементов этой системы. Сама природа эксцентрического метода проистекает из разновеликой вероятности нахождения следов преступления по мере удаления от участка явной локализации следов преступления.

В структуре эксцентрической организации поиска следует выделять следующие зоны поиска:

1. Зона подхода к участку максимальной локализации следов преступления.
2. Зона максимальной локализации следов преступления.
3. Зона, прилегающая к зоне максимальной локализации следов преступления.
4. Зона, удаленная от зоны максимальной локализации следов преступления.

Зона подхода к участку максимальной локализации следов преступления представляет собой достаточно узкий коридор (не больше 1,5 м, оптимально 0,7–1 м), предназначенный для подхода к зоне локализации следов преступления одного человека. Выделение данного участка актуально только для начальной стадии поискового следственного действия и предназначено уменьшить объем уничтоженных следов при подходе к наиболее «насыщенной» территории поиска. Начало рассматриваемой зоны целесооб-

разно отмечать ленточкой, свободно весящей на ограждении исследуемой территории.

Зона максимальной локализации следов преступления, уже исходя из названия, диктует особые меры предосторожности, направленные на предотвращение следов преступления. Первой мерой выступает ограничение по количеству лиц, осматривающих данный участок. На рассматриваемой территории одновременно целесообразно проведение поиска только одним участником следственной группы в последовательности оперативный работник, медик, эксперт-криминалист. Если есть вероятность, что потерпевший жив (например, при неудачном покушении на убийство), то последовательность изменяется: медик, оперативный работник, эксперт-криминалист. Второй мерой выступают выделение отдельных участков осмотра и последовательный их осмотр. Так, изначально территория поиска ограничивается радиусом 2 м вокруг зоны наибольшей локализации следов. Окружность делится на две части и осматривается в последовательности, определяемой ведущей рукой работника, т.е. если работник левша, поиск проводится сначала в левом секторе, затем – в правом, если работник правша, то сначала в правом секторе, потом – в левом. По завершении осмотра в рамках окружности радиусом 2 м. осматривается окружность радиусом 3,5 м, разделенная на четыре сектора. Последовательность осмотра в рамках этих четырех секторов определяется движением по часовой стрелке.

Зона, прилегающая к зоне максимальной локализации следов преступления, предполагает поиск уже всеми оперативными работниками следственной группы. Алгоритм поиска в рассматриваемой зоне таков: следователь определяет секторы поиска для каждого работника, узкий конец которого ориентирован на центр условной окружности, в которой производится поиск. Ширина сектора в самом широком месте не должна превышать 1,5–2 м, что обусловлено средними величинами углов обзора человеком, не имеющим специально тренированных навыков. При достижении ширины сектора более 2 м, при одновременной необходимости продолжить поиск, следующий уровень секторов включает в два раза большее количество участков, чем исходный. Основное внимание следователя здесь должно быть ориентировано на наблюдение за добросовестностью поиска в участках соединения секторов, так как на их стыке эффективность поиска традиционно невелика.

Зона, удаленная от зоны максимальной локализации следов преступления, имеет свои особенности поиска. Здесь деление территории происходит не по секторам, а по сегментам. Осмотр сегментов правильнее производить, перемещаясь по часовой стрелке. Вероятность обнаружения следов преступления в рассматриваемых сегментах территории осмотра невелика, поэтому возможно будет тактически обоснованно снизить уровень контроля за поисками со стороны следователя, предоставив большую свободу оперативным работникам.

Отдельно отметим, что распределение следов преступной деятельности, отличающейся от эксцентри-

ческой схемы, свидетельствует об особенностях личности преступника и может быть положено в основу построения его психологического профиля.

Содержание и способы решения проблем использования концентрического метода поиска. Концентрический метод поиска – это поиск от границ исследуемой территории к её центру (от периферии к центру). Концентрический метод поиска используется в случае отсутствия явной локализации следов преступления (место перестрелки, место обрушения здания, места массовых убийств в ходе боевых действий). В отечественной криминалистике, учитывая то, что данный метод поиска является наименее тактически разработанным, он нуждается в оптимизации его использования.

Преимущества концентрического метода определяются относительно простой координацией поисковых усилий на начальной и срединной стадиях поиска в силу значительной величины поисковых секторов.

Объективный недостаток данного метода вытекает из отсутствия отправной точки (области максимальной локализации следов преступления) для поиска. Любой участок поиска концентрическим способом с равновеликой вероятностью может содержать следы преступления, что поддерживает участников непосредственного поиска в постоянном напряжении, быстро исчерпывающим ресурсы психики. К тому же отсутствие точки, к которой можно «привязать» свою деятельность, непонимание природы происходящего также затрудняют эффективность использования данного метода в практике следственного осмотра.

Традиционно перечисляя криминалистические методы поиска на местности, называют эксцентрический, концентрический и фронтальный методы. Логика перечисления здесь скорее исходит из содержательно-терминологического сходства, так как по эффективности поиска концентрический метод наименее продуктивен и должен скорее замыкать перечень методов поиска. О причинах малой эффективности концентрического метода поиска в процессе поисковых следственных действий в отечественной криминалистике фактически не говорится.

Напомним, что эффективность эксцентрического метода поиска определяется значительной синхронностью падения внимания от усталости и перемещение из зон с высокой вероятностью нахождения следов преступления в зоны с невысокой упомянутой вероятностью. Естественно, что описанной синхронности не наблюдается при использовании концентрического метода поиска в силу отсутствия явной локализации следов преступления в обстановке, предполагающей исследования упомянутым способом. Это первая причина невысокой эффективности концентрического метода поиска. Таким образом, процесс понижения внимания, естественный для поисковой деятельности при использовании концентрического метода поиска, только усиливается.

Суть второго обстоятельства, определяющего невысокую поисковую ценность рассматриваемого метода поиска, лежит в сфере психологической. Мобилизация психического потенциала ищущего традиционно про-

исходит тем эффективнее, чем более четко очерчена цель поиска и определены его исходные обстоятельства (объем информации и её определенность). Объем информации и её определенность явно недостаточны в условиях поиска, в которых привязка к чему-то конкретному отсутствует, а именно это можно сказать о территории, не имеющей относительно четкой зоны локализации следов. Нельзя считать чем-то конкретным достаточно виртуальные внешние границы территории поиска при использовании концентрического метода. Более сложные условия поиска понижают мотивацию достижения у членов следственной группы, что в свою очередь понижает общую эффективность поисковой деятельности. Сказанное касается не только понижения поискового потенциала оперативных работников, но и организационного (координационного) потенциала следователя.

Третьим обстоятельством, определяющим невысокую эффективность концентрического метода поиска, является повышенная сложность координации деятельности участников поисковых действий. Проблемой проведения как эксцентрического, так и концентрического методов поиска является сложность организации поиска в центре исследуемой территории.

Высокая степень концентрации участников поиска в центральной части осматриваемой территории объективно усложняет координацию их поисковой активности. Если при проведении поиска с использованием эксцентрического метода, при котором осмотр центра происходит в начале поиска, сложность координации компенсируется невысокой степенью усталости участников поиска, то при использовании концентрического метода поиска подобной компенсации не наблюдается. При использовании концентрического метода поиска его участники в финале следственного действия, и так характеризующиеся усталостью, ставятся в условия, в которых высоко вероятна потеря управления группой.

Нами была проведена серия экспериментов (50 эпизодов) по моделированию осмотра места происшествия, в рамках которого был избран концентрический метод поиска. Из 50 проведенных экспериментов использования концентрического метода поиск был успешным только в двух случаях, т.е. успешность использования концентрического метода поиска выявлена нами на уровне 4%.

Существует ли возможность тактической оптимизации концентрического метода поиска? Конечно, полностью оптимизировать использование данного метода представляется маловероятным, но комплекс мер частичной оптимизации может быть реализован. К числу рекомендаций названной оптимизации следует отнести следующие:

1. Объективное падение уровня внимания можно нивелировать увеличением числа перерывов в ходе поисковой деятельности.

2. «Психологическая» проблема использования концентрического метода поиска решается посредством усиления мотивации ищущих путем разъяснения полученной на конкретных этапах поиска информации. Конечно, с высокой степенью вероятности

оперативные работники могут воспринимать подобные объяснения следователя как его «слабость». Действительно склонные к иерархическим отношениям работники правоохранительных органов психологически часто испытывают сложности в процессе коммуникации на равных. Учитывая сказанное, целесообразно включать результаты анализа полученной информации в структуру указания по оптимизации, адресованного оперативному работнику, в качестве вводной части данного указания. «Так как, скорее всего, это так... необходимо сделать так...».

3. Проблема избыточной концентрации участников поиска в центральной части исследуемой территории решается посредством уменьшения количества поисковых единиц (правило эшелонирования) по мере перемещения к центральной части рассматриваемой территории.

В качестве вывода из вышесказанного можно утверждать, что поиск от периферии к центру, даже в условиях принятых мер по его оптимизации, является недостаточно эффективным способом тактической оптимизации поисковых следственных действий.

Содержание и способы решения проблем использования фронтального метода поиска. Фронтальный метод поиска – это поиск по фронту, т.е. по линии движения вперед. Названный метод, несмотря на кажущуюся простоту, может быть оптимизирован посредством выполнения ряда тактических рекомендаций.

Преимущество данного метода заключается в том, что иные методы, ориентированные на разделение поискового пространства на секторы, в условиях ограниченного пространства использованы быть не могут. В качестве недостатка выступает то, что фактор перегруженности территории поиска его участниками, как уже говорилось, характерный для начального этапа использования эксцентрического и конечного этапа использования концентрического метода поиска, при фронтальном методе будет действовать на всех его стадиях.

Прежде всего, необходимо отметить, что фронтальный метод поиска представлен двумя функциональными разновидностями: поиск в узких протяженных пространствах (фронтально-секторный) и поиск достаточно габаритных объектов на очень большой территории (фронтально-линейный).

Фронтально-секторный поиск, т.е. поиск в узких протяженных пространствах (коридорах, складских помещениях, тропинках, дороге) традиционно рекомендуется производить усилиями одного лица, чтобы обеспечить большую степень сохранности следов преступления. Верно ли это? Скорее нет. В процессе наблюдения за пространством внимание человека оптимизируется под восприятие достаточно однородных объектов в достаточно однородных условиях. Восприятие территории поиска в нескольких плоскостях (вниз, вверх, влево, вправо) в значительной степени способствует понижению концентрации внимания и влечет уменьшение его потенциала в силу усталости человека. Чтобы избежать сказанного, в рассматриваемых пространствах целесообразно использовать трех работников, определив каждому соответ-

ственно один из секторов (вверх, вниз, слева, справа). Работников располагают треугольником – впереди идет один человек, за ним двое, находящиеся на одной линии. Концентрация внимания в одной, а для впередиидущего в двух плоскостях способствует повышению эффективности поиска и значительному выигрышу в скорости перемещения без потери качества поиска.

Поиск достаточно габаритных объектов на очень большой территории характеризуется использованием большого количества поисковых единиц, располагаемых цепью по фронту движения. Учитывая, что эффективный угол обзора у среднего человека составляет сектор примерно в 2–2,5 м, располагать участников поиска необходимо на этом расстоянии. Если же человеку «выделить» более значительную зону наблюдения, то он вынужден будет «снимать» информацию с нескольких плоскостей, о негативном эффекте чего ранее уже говорилось.

Общей проблемой фронтально-линейного поиска является формирующаяся у каждого из участников поиска установка на то, что в силу значительного количества ищущих вероятность того, что объект будет находиться в «его» зоне ответственности, достаточно невелика. Названная установка предопределяет снижение мотивации поиска у каждого члена поисковой группы и результативности работы группы как следствия. Данная установка проявляется тем сильнее, чем ближе участники поиска друг другу. Однако просто увеличить сектор обзора каждого из участников, чтобы увеличить дистанцию между ними, также не представляется возможным, в силу уже сказанного об эффективности определенного угла обзора восприятия у человека.

Выходом из описанной ситуации является расположение участников поиска в две линии в шахматном порядке, что субъективно увеличит дистанцию между участниками в одно шеренге, но не увеличит сектор обзора у каждого ищущего.

Расположение в три шеренги, теоретически сулящее более выгод, чем расположение в две шеренги, оказывается неэффективным в силу предельной сложности координации перемещений участников со стороны следователя.

Рассмотренная ситуация показывает, что даже у, казалось бы, предельно традиционных тактических приемов существует глубокий потенциал криминалистической оптимизации.

Группа тактических приемов оптимизации поисковых мероприятий с учетом особенностей территории поиска (анализ аномалий). Практика расследования преступлений показывает, что наиболее часто производимые следственные действия – это допрос, осмотр места происшествия, освидетельствование и обыск – являются наиболее информативными следственными действиями. Однако упомянутая информативность предопределяется только тактической целостностью проводимого поискового следственного действия. Выделение эксцентрического, концентрического и фронтального методов поиска выступает в качестве первоочередного шага тактической органи-

зации поиска. Однако в силу ограниченного объема внимания у любого человека, в том числе, естественно, и у членов следственной группы (что до сих пор фактически игнорируется исследователями-криминалистами), равномерное распределение поисковых усилий в условиях разноразмерной местности нецелесообразно.

В состоянии суженности сознания, пусть и не достигающей аффективной формы, человек находится в стрессовой ситуации, чреватой значительным комплексом негативных последствий. Именно стрессовость ситуации совершаемого преступления предопределяет неосознанную ориентацию внимания человека на характерные, отличные от «среднего фона» участки местности.

Зная особенности восприятия человека в стрессовой ситуации и проецируя это знание на территорию поиска, следователю несложно смоделировать восприятие обстановки события преступления преступником и сориентировать поиск, прежде всего, на подопные «аномальные» (отличные от среднего информационного фона) участки местности.

На каких же «аномальных» участках следует остановиться в первую очередь? Рассмотрим различные виды «аномальных» участков, на которых с высокой степенью вероятности зафиксирован внимание человека, находящегося в стрессовой ситуации.

«Аномалия цвета» – участки местности, сильно отличающиеся по разновидности или / и интенсивности цветовой гаммы от «среднего» цветового фона. Как показывают эксперименты, проведенные нами, к «аномалии цвета» тяготеют, прежде всего, лица с ослабленным зрением и лица, не достигшие совершеннолетия.

«Аномалия плотности» – участки местности, сильно отличающиеся по степени насыщенности объектами от «среднего» фона территории, на которой производится осмотр места происшествия. Понятно, что целесообразно выделять участки с повышенной и пониженной плотностью. «Скученность» или «разреженность» обстановки человеком становится предпочитаемой в силу привычного пребывания соответственно в «скученной» или «разреженной» обстановке. Кроме этого, можно с определенной вероятностью сделать вывод о степени урбанизированности личности предполагаемого преступника; так, выходец из сельской местности с высокой вероятностью в условиях стрессовой обстановки будет ориентироваться на участки с пониженной плотностью предметов, выходец из городской среды – с повышенной.

«Аномалия объекта» – участок местности, предметно содержательно отличающийся от общей «предметной» свойственности территории, на которой производится поиск. «Аномалия объекта» часто встречается в двух формах: аномалия объекта на уровне уникальных объектов и аномалия объекта на уровне свойств объектов.

Первая разновидность «аномалии объекта» (непосредственно объектная аномалия) присутствует в случае наличия на месте преступления оригинальных объектов (трансформаторная будка, крыльцо, перила,

канализационный люк), на которых в состоянии стресса, скорее всего, сконцентрируется внимание преступника. Очень часто выбор конкретного объекта определяется наличием у преступника связанных с данным объектом конкретных навыков или интересов [2. С. 112–114]. Именно объектная аномалия в наибольшей степени нашла отражение в традиционных криминалистических исследованиях.

Вторая разновидность «аномалии объекта» (аномалия свойств объекта) определяется уникальностью не самих объектов, а их оригинальных характеристик. Поведенческие модели человека тесно связаны с привычными наиболее комфортными последовательностями действий. Так, проведенные эксперименты и анализ уголовных дел показали, что, обладая высоким ростом, человек склонен скрывать следы преступления достаточно высоко от земли, в отличие от человека невысокого роста. Физически сильный человек в состоянии стресса склонен поднять / отодвинуть преграду в целях сокрытия какого-либо объекта. Человек, обладающий высокой гибкостью, склонен использовать щели, ниши, естественные тайники и труднодоступные места. Нами зафиксирована также интересная тенденция: в ситуации стресса интровертно ориентированная личность склонна втаптывать окурки в землю, а экстравертно ориентированная – отбрасывать его подальше.

В завершение отметим, что положение о постоянной актуальности развития следственной тактики [3. С.165] является одним из системообразующих векторов современного криминалистического развития. Разработка тактики поисков в аномальных участках в ходе осмотра места происшествия, естественно, не исчерпывается сказанным и представляется достаточно перспективной.

Группа тактических приемов оптимизации поискового потенциала участников поискового следственного действия. Уже не раз говорилось о порочности тактических приемов, не учитывающих фактор личности. Сама по себе тактическая рекомендация настолько неконкретна, что обладает скорее теоретической значимостью. Неудивительно, что формирование базы абстрактных рекомендаций настолько свойственно отечественной криминалистической тактике, что практики крайне редко стремятся ознакомиться с содержанием криминалистических исследований (97 работников правоохранительных органов из 100 опрошенных), тем более руководствоваться ими. Применительно к заявленным результатам проведенного нами исследования о стремлении ознакомиться с содержанием криминалистических исследований отметим следующее:

– отсутствие стремления ознакомиться с содержанием криминалистических исследований было выявлено у 76 человек из 100 опрошенных;

– 21 из 24 опрошенных, заявивших об изучении результатов научных исследований, не смогли опи-

сать эти исследования, что напрямую свидетельствует о попытке выставить себя в более выгодном свете;

– 3 опрошенных, заявивших об изучении результатов научных исследований, указали на методические рекомендации и литературу для служебного пользования и описали эти рекомендации.

Результаты исследования демонстрируют неприятие работниками правоохранительных органов академических исследований. Причина этого неприятия видится не столько в невысоком профессиональном уровне и безответственности, сколько в абстрактности тактико-криминалистических рекомендаций.

Типично директивное руководство, далекое от жизненных реалий, предопределяет механистическое отношение к лицу, которому предстоит выполнить указание следователя. Неудивительно, что полноценной мотивации у работников следственной группы не наблюдается уже с начала поискового следственного действия. Простое указание на необходимость тщательного исследования территории, выступающее, как правило, в качестве попытки создания рабочей атмосферы, формирует преимущественно негативное восприятие следователя как человека и специалиста.

Постулируется, что прибыв на место проведения поискового следственного действия, оперативный работник, специалист и эксперт уже должным образом мотивирован на эффективное исполнение профессиональных обязанностей. Естественно, данный постулат наивен применительно к любой сфере человеческой деятельности, не говоря уж о такой стрессовой, как расследование преступления. Перед проведением поисковых мероприятий следователь должен сформировать позитивную мотивацию относительно предстоящей деятельности, причем это необходимо сделать «на языке» участника предстоящего исследования территории.

Особенности восприятия, вытекающие из специфического комплекса личностных характеристик отдельных акцентуированных типов, формируют не индивидуальный (так как предмет науки – это закономерности, а не частности), а психотипологический подход. Сказанное принципиально, так как ранее формирование позитивной мотивации криминалистами *de facto* выводились за пределы исследований.

Общее направление оптимизации поискового потенциала посредством формирования позитивной мотивации применительно к представителям отдельных акцентуированных типов характеризуется стимуляцией установки на персонализированную значимость успешного поиска у каждого члена поисковой группы – участника поиска. Достижению заявленной задачи могут способствовать криминалистические исследования слов-символов, наиболее присущих представителям отдельных психологических типов [4. С. 159–161].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криминалистика*. М. : Сов. законодательство, 1935. 274 с.
2. Юань В.Л. Биографический метод как базовый метод изучения личности допрашиваемого перед допросом // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 112–114.
3. Водерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. С. 165.

THE TACTICS OF PREPARATION FOR THE SEARCH AND INVESTIGATIVE ACTIONS ON ARRIVAL AT THE PLACE OF SEARCH

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 140–147. DOI: 10.17223/15617793/398/23

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: search investigative action; criminal investigation tactics; tactics; information; identity of investigator.

Traditionally, researchers in forensics note that upon arriving on the studied territory, the investigator: 1) assists in the remediation of crimes endangering victims and other persons; 2) assists in the remediation of crimes threatening material objects; 3) checks the quality of the implemented measures for the preservation of the traces of the crime; 4) decides on the need in additional measures aimed at the preservation of the traces of the crime; 5) obtains background information about the crime and the actions of public officials and witnesses on the scene; 6) explains the rights and responsibilities to the participants of search and investigative actions. The complex of tactical and forensic tasks at this stage consists in the analysis of the initial information, selection of the optimal search method, search optimization in relation to a particular site, search potential optimization of the participants of search and investigative actions. The basic principle of organizing the activities of the investigator in conducting the examination of the scene is united command over the examination. In addition to the investigator, operational staff, experts, specialists participate in the examination / search. United command over the examination / search will prevent from uncoordinated actions that may damage the traces and change the position and the status of certain objects. The investigator plans the examination / search, allocates responsibilities among its members, defines the borders of the territory subject to examination / search and the direction of movement. The group works effectively in cases where there is an analytical and coordination center that coordinates actions of participants of search and investigative actions and appropriateness of their actions. There is another reason for the desirability of avoiding anarchy in the examination of the scene. The search and intellectual capacity of the group is not the sum of the search and intellectual components of its participants, but rather the capacity of the least developed member of the group, which can be neutralized by the principle of the unity of command. Studies on the optimal search method in a criminal investigation have a rather poor history. It is at the initial stage of formation of tactical and forensic recommendations, when it became clear that the usual, unsystematic and chaotic search is unacceptable in the investigation of crimes. Initially, objective and subjective ways of search were distinguished, mostly adapted to the conditions of the investigatory examination. These algorithms are somehow present in modern forensics in the form of the full and selective search methods which, of course, cannot be considered appropriate. Merely all experts in forensics allocate eccentric, concentric and frontal search methods; their content and problems of application are considered in the article.

REFERENCES

1. Anon. (1935) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Sovetskoye zakonodatel'stvo.
2. Yuan, V.L. (2014) [Biographical method as the basic method of studying a person being questioned before the interrogation]. *Problemy ispol'zovaniya kriminalisticheskikh znaniy v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Problems of using forensic knowledge in law enforcement]. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 30th anniversary of the Department of Criminology, Law Institute of TSU. January 30 – February 1, 2014. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112–114.
3. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
4. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian).

Received: 22 July 2015

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ И ВОПРОСЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На основе анализа правоприменительной практики в сфере воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя сформулированы специфические криминалистически значимые качества субъектов данных деяний, значимые с точки зрения выбора ими линии поведения на этапе предварительного расследования. Учитывая распространенность фактов оказания противодействия расследованию со стороны указанных субъектов и иных лиц, действующих в их интересах, сформулированы рекомендации по его преодолению. Авторы систематизировали типичные ситуации, требующие проведения проверки показаний на месте в ходе расследования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности. Сформулированы ключевые тактико-криминалистические условия и приемы проведения проверки показаний на месте, актуальные и востребованные при осуществлении этого следственного действия в рамках расследования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Ключевые слова: преступление; преступность; воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности; следователь; уголовное дело; следственное действие; расследование; незаконное вмешательство в предпринимательскую деятельность; тактика; проверка показаний на месте.

Анализ практики расследования воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя позволил выявить различные тенденции, диалектически характеризующие преступность в данной сфере и осуществляемые следователями и иными субъектами правоохранительных органов меры по раскрытию и расследованию указанной группы деяний. Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ (как основного деяния, непосредственно криминализирующего воспрепятствование законной экономической или иной деятельности юридического лица или предпринимателя), конкретизирует субъекта данного деяния, указывая в качестве такового должностное лицо, использующее свое служебное положение вопреки законным интересам индивидуального предпринимателя или организации.

Это детерминирует специфичность его психолого-криминалистического портрета [1. С. 85–89], в структуре которого отчетливо проявляется ряд взаимосвязанных черт, в целом присущих «беловоротничковой преступности» [2. С. 58–61; 3. С. 55–58], а именно: высокая компетентность и квалифицированность; общая и правовая грамотность, связанная со знанием и использованием в своих интересах пробелов в законодательстве; наличие различных неофициальных связей с должностными лицами в правоохранительных и (или) контролирурующих структурах; выбор стороной защиты активной линии поведения, направленной на оказание противодействия расследованию, и т.д.

Реализация подозреваемым, обвиняемым в сотрудничестве с представляющим его интересы защитником такой тактики поведения путем многочисленных необоснованных заявлений, ходатайств и жалоб, срывов следственных действий, постоянных изменений показаний, «мотивированных» отказов от ранее данных показаний снижает эффективность расследования и обедняет доказательственную базу по уголовному делу.

Очевидно, что, принимая к производству уголовное дело о преступлении данного вида, следователь должен быть не только психологически [4. С. 52–56], морально и тактически готов к реализации заинтересованными лицами указанной линии поведения, которая вытекает из их законного права на защиту от уголовного преследования [5. С. 5–8; 6. С. 33–37], но и быть способным предвосхищать их действия, минимизируя либо делая бессмысленным попытку избежать уголовной ответственности. Это рекомендация общего характера, восходя к одному из аспектов глобальной проблемы криминалистического изучения личности субъекта преступления [7. С. 255–266], в настоящее время пребывающая в состоянии нового качественного уровня своего развития [8. С. 6–10; 9. С. 248–256; 10. С. 97–104], обусловленного существенным изменением уголовно-процессуальной парадигмы [11. С. 11–16] и постепенным совершенствованием частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений [12. С. 3–10].

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с уголовно-наказуемым воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности хозяйствующих субъектов, показывает, что основным источником доказательств являются показания (чаще всего свидетелей и иных лиц). Вместе с тем в современных условиях показания являются самым нестабильным источником доказательств, что предопределяется целым рядом факторов [13; 14. С. 77–85]. Непонимание либо неверная трактовка очевидцем действий подозреваемого (обвиняемого), ошибки в восприятии наблюдаемых им событий и явлений в одних случаях; забывание с течением времени – в других; подкуп, угрозы, шантаж или иное неправомерное воздействие заинтересованных лиц – в третьих и т.д. Все это в совокупности приводит к тому, что показания свидетелей как априори беспристрастных и незаинтересованных участников уголовного судопроизводства зачастую являются ненадеж-

ными и (или) неинформативными по делам об анализируемой категории преступлений, а потому не могут быть положены в основу обвинения.

Показания подозреваемого и обвиняемого как лиц, в соответствии с уголовно-процессуальными гарантиями не обязанных доказывать свою невиновность, свободных от ответственности давать правдивые показания, тем более не отличаются правдивостью [15. С. 63–69]. Вместе с тем эмпирические источники свидетельствуют о том, что содержательность показаний субъектов незаконного вмешательства в экономическую или иную деятельность, как и в целом тактика их защиты, весьма чувствительно реагирует на степень насыщенности доказательственной базы по уголовному делу доказательствами, полученными в результате иных следственных действий, в основе которых, помимо получения показаний, лежат иные способы познавательной деятельности. В частности, при наличии в доказательственной базе, помимо показаний свидетелей и потерпевших, также ряда иных подтверждающих их доказательств [16. С. 114–117], полученных в результате проведения следственных действий, направленных на материально-фиксированное отображение доказательственной информации либо сочетающих в себе методы материально-фиксированного отображения доказательственной информации с методами вербальной передачи информации.

К сожалению, данный фактор, носящий универсальный тактический характер, значимый с точки зрения выбора следственного действия, оптимального момента его проведения, выбора оптимальных тактико-криминалистических приемов [17. С. 15–18] его производства, недостаточно учитывается правоприменителями [18. С. 92–99], что позволяет виновным более активно осуществлять противодействие расследованию.

Весьма результативным процессуальным средством получения и исследования доказательств, но, к сожалению, слабо используемым при расследовании воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности, является проверка показаний на месте.

С точки зрения места проверки показаний на месте в процессе расследования данное следственное действие можно условно отнести к последующему этапу расследования [19. С. 36–39; 20. С. 105–109]. Действительно, необходимыми условиями проведения проверки показаний на месте являются: ранее данные показания подозреваемым, обвиняемым, свидетелем или потерпевшим, в которых говорится о каком-либо месте (помещении, участке пространства), обстановка которого имеет значение для установления обстоятельств совершенного преступления; согласие лица, давшего показания, продемонстрировать соответствующее место и дать пояснения непосредственно на этом месте. Это означает, что принятию решения о проведении проверки показаний на месте предшествовали допрос лица, а также иные следственные действия, в результате чего возникла потребность в сопоставлении данных этим лицом показаний с реальными условиями обстановки определенного места.

В данном контексте нам импонирует точка зрения С.А. Шейфера о том, что проверка показаний на месте представляет собой интеграцию обстановки определенного места с показаниями лица, а иногда и с демонстрацией им своих действий [21. С. 84].

Анализ эмпирических источников в сочетании с изучением тактико-криминалистического потенциала следственного действия проверки показаний на месте позволяет констатировать, что типичные ситуации, актуализирующие потребность обращения к арсеналу указанного следственного действия в рамках расследования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности, таковы:

- определение и исследование специфической обстановки места, где юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель были подвергнуты неправомерному вмешательству со стороны должностного лица; а также анализ содержания действий свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и иных участников события на этом месте;

- определение места расположения фиктивной (подставной) организации, неофициально подконтрольной должностному лицу, подозреваемому или обвиняемому в преступлениях, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности;

- выявление и анализ, с точки зрения механизма совершенного преступления, специфики места незаконной передачи (получения) материальных ценностей субъекту (субъектом) воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности;

- детализация последовательности действий лица, чьи показания проверяются (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого), связанных с рассмотрением вопросов, касающихся реализации прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, а также их нарушения подозреваемым (обвиняемым).

Рассмотрим ключевые тактико-криминалистические условия и приемы проведения проверки показаний на месте, актуальные и востребованные при осуществлении этого следственного действия в рамках расследования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Как известно, сущность проверки показаний на месте проявляется в воспроизведении лицом, чьи показания проверяются, обстановки и обстоятельств исследуемого события, указании им на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, а также в демонстрации определенных действий, не требующих проведения следственного эксперимента (ч. 2 ст. 194 УПК РФ).

Нормативно урегулированной гарантией обеспечения достоверности проверки показаний на месте является требование проведения данного следственного действия с каждым проверяемым лицом порознь, независимо от их процессуального статуса, занимаемой позиции по уголовному делу, степени сходства показаний определенного лица с иными допрошенными. Хотя в УПК РФ прямо не говорится о необходимости истребования согласия проверяемого лица на участие в проверке показаний на месте, его получение является

предпосылкой, обеспечивающей допустимость результатов этого следственного действия, исключаящей возможность дальнейшего заявления ходатайства об оказании неправомерного давления со стороны следователей. Косвенно об этом свидетельствует требование ч. 2 ст. 194 УПК РФ в части недопустимости постороннего вмешательства в ход проверки и постановки навязываемых вопросов. В ст. 194 УПК РФ в общих чертах регламентирован порядок проведения проверки показаний на месте, которая начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться. Далее после свободного рассказа и демонстрации действий этому лицу могут быть заданы вопросы.

Итак, в ходе допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого неизбежно будет упоминание о каком-либо месте, ибо предпринимательская деятельность, как и осуществление каких-либо государственно-властных процедур регистрационного либо контрольно-надзорного характера, всегда осуществляется в пределах какого-либо административно-территориального образования. Если особенности данного места значимы для механизма совершенного деяния, то необходимо незамедлительно выяснить готовность допрашиваемого в рамках проверки показаний на месте в сопровождении следственно-оперативной группы прибыть на упоминаемый в его показаниях участок места, где, совмещая рассказ с показом и демонстрацией действий, дать соответствующие пояснения. Разумеется, что, выясняя у допрашиваемого о его готовности показать упоминаемое в его показаниях место, недостаточно ограничиваться сухим и формальным вопросом. Необходимо сочетать постановку указанного вопроса с применением серии приемов психологического воздействия, направленных на стимулирование сотрудничества допрашиваемого со следствием. Незамедлительное выяснение позиции допрашиваемого и последующий своевременный выезд (выход) на место следственно-оперативной группы необходимы для подтверждения достоверности данных показаний объективной обстановкой на месте события, что является ценным средством предотвращения дальнейшего сговора допрашиваемых лиц, отказа от ранее данных показаний или их изменения.

Нередко показания лиц, допрошенных по одному и тому же делу, существенно различаются. Причинами разногласий могут являться и добросовестное заблуждение, и различие в восприятии, обусловленное как индивидуальными способностями человека, так и спецификой непосредственной обстановки на месте [13]. В соответствии с УПК РФ в таких ситуациях может быть назначена очная ставка, которая, с точки зрения криминалистической тактики, является особой разновидностью допроса. Вместе с тем, если существенные различия в показаниях обусловлены именно обстановкой на месте события, то целесообразнее обратиться не к очной ставке, а к проверке показаний

на месте как следственному действию, комплексный характер которого, заключающийся в интеграции тактических приемов материально-фиксированного и вербального характера, предопределяет его более высокий доказательственный потенциал. Следовательно, анализируя реальную обстановку на месте события, ранее данные этим лицом показания и выражаемые в момент проверки пояснения, в сочетании со знанием психологических особенностей допрашиваемого субъекта, способен непосредственно видеть причины противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. При этом, осуществляя проверку показаний с каждым из лиц по отдельности, необходимо принять меры по неразглашению полученной информации в целях предотвращения эффекта внушения по отношению к лицам, показания которых будут проверяться в дальнейшем.

Если, несмотря на проведение проверки показаний на месте, причины разногласий в показаниях оказались не выявлены либо у следователя сохранились вопросы к этим лицам, разрешение которых тактически и психологически эффективно именно при их одновременном присутствии, то следует далее (но именно после проверок показаний на месте) провести очную ставку.

Существенным организационным моментом является определение последовательности проведения проверки показаний на месте с участием проходящих по делу лиц, занимающих различную позицию по отношению к расследованию, что, к сожалению, далеко не всегда осознается на практике. В первую очередь необходимо провести проверку показаний на месте с участием субъектов, интересы которых комплементарны либо относительно нейтральны по отношению к расследованию: свидетели обвинения, потерпевшие, подозреваемые (обвиняемые), заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве, а также подозреваемые, обвиняемые, являвшиеся рядовыми участниками преступной группы. Во вторую очередь следует провести проверку показаний на месте с участием субъектов, имеющих специфические психологические особенности (слабые эмоциональные психотипы, рациональные психотипы), дающих ложные показания, которые, вместе с тем, с очевидностью для следователя могут быть опровергнуты объективной обстановкой на месте события.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что раскрытая нами процессуально-тактическая сущность проверки показаний на месте актуализирует перспективы более активного обращения к потенциалу данного следственного действия в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным вмешательством в предпринимательскую деятельность хозяйствующего субъекта, что является действенным средством обеспечения добротной доказательственной базы по уголовному делу, а также ликвидации пробелов в доказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варданян А.В.* Метод построения психолого-криминалистического портрета преступника как средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // *Философия права.* 2011. № 1. С. 85–89.

2. Айвазова О.В. Психолого-криминалистический портрет субъектов коммерческого подкупа как организационно-тактический потенциал для повышения эффективности расследования данных деяний // Юристы-Правоведы. 2013. № 1 (56). С. 58–61.
3. Варданян А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования // Философия права. 2014. № 6 (67). С. 55–58.
4. Степаненко Д.А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь. 2014. № 9. С. 52–56.
5. Айвазова О.В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон // Юристы-Правоведы. 2007. № 1. С. 5–8.
6. Степаненко Д.А., Лавдаренко Л.И. Реализация принципа свободы обжалования в отношении итоговых судебных решений, не вступивших в законную силу // Российский судья. 2015. № 6. С. 33–37.
7. Лаврухин С.В. Криминалистическая концепция механизма поведения преступника // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20). С. 255–266.
8. Грибунов О.П., Трубкина О.В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний, в связи с внесением изменений в уголовное законодательство РФ // Российский следователь. 2015. № 8. С. 6–10.
9. Грибунов О.П., Ишигеев В.С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 248–256.
10. Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 97–104.
11. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 11–16.
12. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3-2. С. 8.
13. Коновалов С.И., Моторин А.С. Допрос в уголовном судопроизводстве: проблемы соотношения процессуальных и тактических аспектов. Ростов н/Д, 2008.
14. Коновалов С.И., Моторин А.С. Система уголовно-процессуальных гарантий, детерминирующая производство допроса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 77–85.
15. Айвазова О.В., Гнетнев И.Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 2-2. С. 63–69.
16. Варданян А.А. Особенности производства следственных действий, осуществляемых с участием потерпевших, по делам о торговле // Юристы-Правоведы. 2009. № 6. С. 114–117.
17. Айвазова О.В. Криминалистический прием как криминалистическая научная категория // Юристы-Правоведы. 2015. № 3. С. 15–18.
18. Степаненко Д.А. К вопросу о поисково-познавательном «инструментарии» следователя // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 92–99.
19. Варданян А.В., Давидов С.Б. Актуальные направления повышения эффективности последующего этапа расследования коммерческого подкупа // Юристы-Правоведы. 2012. № 6. С. 36–39.
20. Варданян А.А. Проблемы повышения эффективности производства последующих следственных действий по делам о преступлениях, связанных с торговлей людьми // Философия права. 2011. № 6 (55). С. 105–109.
21. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 84.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 июня 2015 г.

TACTICAL AND CRIMINALISTIC POTENTIAL OF ON-SITE EVIDENCE VERIFICATION AND ASPECTS OF ITS REALIZATION FOR THE PURPOSES OF INCREASING THE EFFICIENCY OF UNLAWFUL INTERFERENCE INTO BUSINESS OPERATIONS INVESTIGATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 148–152. DOI: 10.17223/15617793/398/24

Vardanyan Akop V. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: avardanyan@yandex.ru

Kazakov Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prorektorsv@mail.ru

Keywords: crime; criminality; obstruction of legal business or other operations; investigation officer; criminal case; investigative action; investigation; unlawful interference into business operations; tactics; on-site evidence verification.

Based on the analysis of case law in the obstruction of legal business or other activity of a legal entity or a self-employed person area, the authors have defined specific criminalistically relevant character traits of individuals who commit such acts – those traits are relevant in terms of an individual's behavior during preliminary investigation. Given the fact of frequent resisting of investigation by the individuals involved, the authors have defined recommendations on overcoming the issue. The authors are convinced that more active application of on-site evidence verification is one of the most efficient tactical and criminalistic means of overcoming resisting investigation, especially given the irregularity of evidence. Elaborating on the statement, the authors systematized typical situations which require on-site evidence verification when investigating obstruction of legal business or other operations, such as: – determining and examining of the place where unlawful interference by an official took place; – analyzing actions of a witness, an affected person, a suspect, of the accused and of other participants at the scene: – determining the location of a fictional (false) company unofficially controlled by an official suspected or accused of crimes connected with obstruction of legal business or other operations; – determining and analyzing of the scene specific features, where the individual responsible for obstruction of legal business or other operations received material valuables; - itemization of actions by an individual whose evidence is being verified (the affected person, witness, suspect, accused) and refer to realization of rights and legal interests of economic agents, as well as their violation by the suspect (accused). Thus, the authors have defined the key tactical and criminalistic conditions and devices for on-site evidence verification which are relevant and in-demand when applied during an investigation of legal business or other operation obstruction.

REFERENCES

1. Vardanyan, A.V. (2011) The method of construction of psychological and criminalistics portrait of criminal as the way of rise of effectiveness of grave violent crime against person solution and investigation. *Filosofiya prava*. 1. pp. 85–89. (In Russian).

2. Ayvazova, O.V. (2013) Psychological and forensic portrait of commercial bribery subjects as the organizational and tactical capabilities to improve the investigation of these acts. *Yurist"-Pravoved"*. 1 (56). pp. 58–61. (In Russian).
3. Stepanenko, D.A. (2014) Psychological impact in criminal judicial proceeding: concept and criteria of admissibility. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 9. pp. 52–56. (In Russian).
4. Ayvazova, O.V. (2007) Some aspects of carrying out the principle of the parties competitiveness. *Yurist"-Pravoved"*. 1. pp. 5–8. (In Russian).
5. Lavrukhin, S.V. (2015) Criminalistic concept of the behavioral mechanism of a criminal. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*. 3 (20). pp. 255–266. (In Russian).
6. Gribunov, O.P. & Trubkina, O.V. (2015) On the issue of the personality of a criminal as an element of criminalistic characteristics of fraud in the sphere of insurance committed with regard to material interests of insurance companies in connection with introduction of changes into the criminal legislation of the RF. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 8. pp. 6–10. (In Russian).
7. Gribunov, O.P. & Ishigeev, V.S. (2015) Personality of offender committing theft at transport facilities. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 9:2. pp. 248–256.
8. Vardanyan, G.A. (2014) Kriminalisticheski znachimye osobennosti organizovannykh grupp, osushchestvlyayushchiy seriyoe proizvodstvo i oborot fal'sifitsirovannykh lekarstvennykh sredstv, kak informatsionnyy orientir dlya organizatsii raskrytiya i rassledovaniya ukazannykh prestupleniy [Forensically significant features of organized groups carrying out serial production and trafficking of counterfeit medicine as an information reference point for the organization of detection and investigation of these crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 3–2. pp. 97–104.
9. Konovalov, S.I. & Ayvazova, O.V. (2014) Razdelenie ravnoznachnykh protsessual'nykh funktsiy obvineniya, zashchity i razresheniya dela v sisteme printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva: sovremennyye problemy [Separation of equivalent procedural functions of prosecution, defense and settlement of the case in the system of criminal justice principles: modern problems]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 3–2. pp. 11–16.
10. Konovalov, S.I. & Motorin, A.S. (2008) *Dopros v ugovolnom sudoproizvodstve: problemy sootnosheniya protsessual'nykh i takticheskikh aspektov* [The interrogation in criminal proceedings: the problem of correlation of procedural and tactical aspects]. Rostov-on-Don: DYuI.
11. Konovalov, S.I. & Motorin, A.S. (2012) Sistema ugovolno-protsessual'nykh garantiy, determiniruyushchaya proizvodstvo doprosa [The system of criminal procedural guarantees which determine interrogation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 1–2. pp. 77–85.
12. Vardanyan, A.A. (2009) The peculiarities of the execution of the investigation measures concerning the people for sale cases with the participation of the victims. *Yurist"-Pravoved"*. 6. pp. 114–117. (In Russian).
13. Ayvazova, O.V. (2015) Kriminalisticheskiy priem kak kriminalisticheskaya nauchnaya kategoriya [Forensic method as a forensic science category]. *Yurist"-Pravoved"*. 3. pp. 15–18.
14. Stepanenko, D.A. (2012) On Issue of Search and Cognitive Instruments of Investigator. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justitia*. 7. pp. 92–99. (In Russian).
15. Vardanyan, A.V. & Davidov, S.B. (2012) Features of production of a search on criminal offenses relating to the production and trafficking of counterfeit medicines. *Yurist"-Pravoved"*. 6. pp. 36–39. (In Russian).
16. Stepanenko, D.A. & Lavdarenko, L.I. (2015) Realization of the principle of freedom of appeal with regard to resulting judicial decisions which have not yet become effective in law. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 6. pp. 33–37. (In English).
17. Sheyfer, S.A. (2001) *Sledstvennyye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. The system and procedural form]. Moscow: Yurlitinform.
18. Vardanyan, A.V. (2014) Implementation of administrative powers in commercial or other organization contrary to interests of service: actual problems of investigation. *Filosofiya prava*. 6 (67). pp. 55–58. (In Russian).
19. Golovin, A.Yu. (2014) Problemy i puti sovershenstvovaniya metodik rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Problems and ways of improving the techniques of investigation of certain types of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 3–2. pp. 8.
20. Vardanyan A.A. (2011) Problems increase efficiency subsequent investigation for action about crimes related to human trafficking. *Filosofiya prava*. 6 (55). pp. 105–109. (In Russian).
21. Ayvazova, O.V. & Gnetnev, I.G. (2013) Osobennosti formirovaniya pokazaniy podozrevaemykh, obvinyaemykh, imeyushchikh psikhicheskies rasstroystva, ne iskluchayushchie vmenyaemosti [Features of formation of the testimony of the suspect and the accused who have mental disorders not excluding sanity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 2–2. pp. 63–69.

Received: 28 June 2015

СООТНОШЕНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Дается уголовно-правовая оценка провокации преступления в соотнесении с институтом соучастия. Анализ проводится на основе объективных и субъективных признаков соучастия. Внешние сходства «провокации» и «соучастия» не приводят автора к выводу об их содержательном единстве. Говорится о более широком круге провокационных действий по сравнению с соучастником преступления, что требует самостоятельной оценки действий провокатора без ссылок на ст. 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: провокация преступления; юридическая природа провокации преступления; соучастие; особенности провокации преступления; роль провокатора.

В науке продолжает обсуждаться вопрос о совершенствовании института провокации преступления в уголовном праве, одним из аспектов которого является определение юридической природы провокации преступления и ее места в системе норм уголовного закона. Проблемность вопроса обнаруживается в связи с отсутствием общей дефиниции провокации преступления¹, что порождает поливариантность мнений. В настоящей статье предлагается рассмотреть сущность провокации преступления в соотнесении с институтом соучастия, определившись с тем, является ли провокация преступления одним из проявлений совместной преступной деятельности или же имеет отличительные особенности, которые позволили бы нам провести границу двух названных явлений и говорить об их самостоятельном уголовно-правовом значении.

В науке уголовного права нет единого мнения об оценке действий провокатора, и нередко мы встречаем отнесение провокационной деятельности к соучастию. Провокатора называют подстрекателем, пособником, организатором.

Например, в одном из комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации [1] (далее УК РФ) отмечается: «Мотивы поведения подстрекателя для привлечения его к ответственности значения не имеют. Поэтому он отвечает и при провокации преступления, т.е. когда подстрекает лицо не с целью совершения им преступления, а для привлечения этого лица к ответственности» [2. С. 1069].

В. Иванов также считает деятельность провокатора соучастием в преступлении, относя провокатора к подстрекателю или организатору. «Следует признать, что деятельность провокатора может иметь не только подстрекательский, но и даже организаторский характер» [3. С. 17].

На сегодняшний день нет общепринятой дефиниции провокации преступления. Можно сказать, что провокация преступления – это умышленное одностороннее деяние лица, совершаемое с целью вовлечения провоцируемого лица в преступную деятельность и последующего его разоблачения в содеянном.

Понятие соучастия в преступлении получило закрепление на законодательном уровне. Согласно ст. 32 УК РФ под соучастием понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Среди признаков

соучастия, как правило, выделяют следующие: совершение преступления двумя и более лицами, отвечающими признакам субъекта преступления; совместность; общий преступный результат; осведомленность соучастников о наличии друг друга, наличие двусторонней субъективной связи; общность умысла. Закон перечисляет различные виды соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Деятельность провокатора имеет схожие черты с большинством вышеназванных видов соучастников, что и порождает дискуссионность вопроса о соотношении провокации в преступлении и соучастия в преступлении.

Внешне спровоцированное преступление будет совершено совместно двумя лицами. Достижение преступного результата наступает по причине действий как спровоцированного лица, подавшегося на стороннее влияние, так и провокатора, который инициировал начало преступной деятельности и всячески способствовал совершению преступления. Такое участие двух лиц в совершении преступления при определенных позициях, что имеют место в научных кругах, может быть оценено не как самостоятельная преступная деятельность каждого из двух лиц, а как совместное участие в совершении одного преступления.

Однако, на наш взгляд, такой вывод допустим не иначе, как путем обоснования общей природы соучастия и провокации, рассмотрения признаков этих двух явлений с выводом о содержательном единстве таких признаков. Только в этом случае мы можем говорить о провокации как разновидности совместной преступной деятельности и определить роль провокатора как одного из соучастников, известных уголовному закону: исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника.

Итак, первый признак преступления, совершенного в соучастии, – это совместность участия, что означает участие двух и более лиц в совершении преступления при обязательной совместности их усилий².

Применительно к преступлению, совершенному в результате провокации, данный признак может вполне определенно быть установленным. Спровоцированные преступления совершаются совместными действиями двух или более лиц. Преступный результат наступает ввиду их совместных усилий; и провокатор, и спровоцированное лицо совершают действия, которые находятся в причинной связи с преступным

результатом. Обобщенно ситуацию можно обрисовать следующим образом: лицо в силу своих личных причин и целей оказывало влияние на другое лицо. Путем создания благоприятной обстановки, предоставления информации провокатору удалось склонить спровоцированного к совершению преступления. В результате мы увидим, что причиной преступления явились не только действия спровоцированного лица, но и провокатор сыграл порой даже более активную роль в наступлении преступных последствий.

Примером может служить реальная в нашей жизни провокация мошенничества в сфере компьютерной информации. Провокатор, желая подставить своего знакомого, предлагает ему установить на банковские терминалы специальные считывающие устройства. Говорится, что схема уже проработана, шансов попасться ноль, есть надежный поставщик скиммеров, установить их несложно, вся информация с банковских карт будет доступна, что позволит распоряжаться денежными средствами с чужих банковских карт в полном объеме денежных средств, хранящихся на этих картах. Провокатор сообщает всю информацию, сам не принимая участия в фактическом исполнении, тем временем проводя подготовку, слежку за спровоцированным лицом, и собирая всю информацию против него для передачи правоохранительным органам, с целью дальнейшего уголовного преследования спровоцированного лица. После того как считывающие устройства установлены, происходит взлом информации и появляется фактическая возможность изъятия чужого имущества в свою пользу, все материалы передаются провокатором в следственные органы. В данном случае мы видим формальное участие двух лиц в совершении мошенничества.

Рассматривая провокацию в соотношении с первым названным признаком соучастия мы видим сходство двух явлений. В зависимости от фактически совершаемых провокатором действий мы можем его назвать организатором, пособником, подстрекателем или, в самом общем виде, соучастником в совершении преступления.

Однако, во-первых, мы должны установить соответствие провокации и соучастия по всем признакам, наличие одного лишь количественного признака не говорит о соучастии.

Во-вторых, в случае отнесения приведенного нами примера к соучастию деятельности провоцирующего лица с учетом уголовно-правового регулирования института соучастия в конечном итоге по внешним признакам может быть оценена как своевременное сообщение органам власти или иные предпринятые меры для предотвращения доведения преступления исполнителем до конца. Схема действий провокатора следующая:

– лицо сообщает правоохранительным органам о готовящемся преступлении, не отрицает, что также имеет причастность, но сейчас осознает, что причинит вред гражданам, деньги которых предполагалось похитить;

– сообщаются детали готовящегося преступления: где, когда, кто придет и установит скиммеры на банкоматы;

– доведение преступления до конца будет предотвращено, так как спровоцированное лицо будет взято на месте преступления.

Такие действия могут быть расценены по правилам добровольного отказа от преступления, что не влечет уголовной ответственности соучастника. Такие оценки вызывают у нас чувство несправедливости. Поэтому, на наш взгляд, даже в случае наличия количественного признака соучастия необходимо более основательно рассматривать деятельность каждого из участников готовящегося или совершенного преступления, не ограничиваться формальным чтением закона и посмотреть на деятельность провокатора как на особую преступную роль, имеющую свои внутренние мотивации, цели. Судебная и следственная практика показывает, что такая особая роль трудно установима, но мы не можем исключать ее теоретическое осмысление, что явилось бы предпосылкой для формулирования более практически применимых положений закона о провокации преступления, чем существующая ст. 304 УК РФ. Правильная оценка содеянного является важным условием реализации принципа индивидуализации ответственности и наказания.

Из определения соучастия, приведенного в ст. 32 УК РФ, следуют и субъективные признаки соучастия: умышленность совместного участия и совершение умышленного преступления.

Не вызывает сомнений умышленная направленность действия провокатора и провоцируемого лица.

Провокатор явно осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Таким образом, с субъективной стороны действия провокатора совершаются с прямым умыслом. Здесь можно согласиться с С.Н. Радачинским, что одной из характеристик провокации является «наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения» [5. С. 59–63].

В деятельности подстрекателя, в отличие от провокационной, имеет место направленность стараний подстрекателя на совершение лицом определенного, а не вообще преступления. Усилия же провокатора направлены на совершение лицом неопределенного преступления. Конечно, желая успешности своего агентурного плана, провокатор продумывает ход событий и то, каким образом он будет совершать провокацию, к чему склонять и что должно получиться в итоге. Тем не менее, думается, что если подстрекатель предлагал бы определенному лицу совершить мошенничество, а в ответ получил бы предложение совершить другое преступление, например нанести тяжкие телесные повреждения обидчику этого лица, то подстрекатель, не имея интереса, отказался бы, так как подстрекателю значим только определеннный результат, у него имеется определенная преступная идея, на реализацию которой он и подговаривает склоняемое лицо. Провокатор же в такой ситуации, скорее всего, поддержал бы смену настроения провоцируемого им

лица, взяв время на более детальное обдумывание плана преступления и своих действий по последующему изобличению лица.

Иными словами, и у подстрекателя, и у провокатора имеется умышленная форма вины, однако предметное содержание умысла у них разное.

Еще одной отличительной особенностью психического отношения провокатора к совершаемому деянию является первостепенная значимость для него не факта совершения спровоцированным лицом преступления, а возможность последующего раскрытия этого преступления правоохранными органами и реальная возможность привлечения спровоцированного лица к уголовной ответственности. А.А. Пионтовский писал, что провокатор «руководствуется не стремлением в своей деятельности причинить вред объекту, на который направлено действие исполнителя, а стремлением изобличить преступника и передать его в руки государственной власти» [6. С. 573], тем самым проводя отличие от подстрекательства.

Конечной целью провокатора является извлечение личной выгоды, т.е. провокатор желает не столько наступления определенных преступных последствий, на которые он провоцирует, сколько того, чтобы противоправное поведение спровоцированного сыграло провокатору «на руку». Совершенное спровоцированным преступление является для провокатора средством достижения его действительных целей – наступления для спровоцированного неблагоприятных последствий в виде уголовного преследования и осуждения.

Выгодность преступной ошибки спровоцированного может быть необходима провокатору из личной неприязни к человеку, когда, например, провокатор таким способом желает отомстить своему обидчику, или в целях дальнейшего шантажа для достижения реализации любых других своих намерений под предлогом неразглашения того, что провокатору теперь известно, либо как средство в своем стремлении карьеры, повышений, попустительства. Не исключена и цель обогащения, когда провокатор за уничтожение имеющихся у него улик и доказательств совершенного спровоцированным лицом преступления требует от последнего денежного вознаграждения.

Спровоцированное лицо также действует умышленно. Его деяние может совершаться и с косвенным умыслом. Однако он не подозревает о совершенной в отношении него провокации и не мыслит о совершении совместного с провокатором преступления.

Умысел провокатора и спровоцированного отличаются от умышленной деятельности соучастников, которые желают наступления единого преступного результата.

Таким образом, провокатор не имеет умысла на совершение провоцируемого преступления, он не желает его совершить. Провокатор считает себя безучастным. Ему свойственно безразличное отношение к совершению определенного преступления провоцируемым лицом. В противном случае, если провокатор желает, чтобы было совершено именно определенное преступление, так как в наступлении преступного

результата кроются и интересы провокатора (корыстные, мести), то в таком случае мы могли бы говорить о соучастии. В последнем случае желание провокатора преступных последствий довлеет над умыслом коварного плана, который в таком случае не должен получать юридической оценки провокации преступления, а как запасной выход в стремлении соучастника избежать уголовной ответственности и показать себя в выгодном свете перед сотрудниками правоохранительных органов.

Безусловно, преследование соучастниками различных целей при совершении преступления может и не исключать соучастия. Например, когда, совершая заказное убийство, один участник (заказчик) желает получить наследство, а второй (киллер) – гонорар. Однако в случае с провокацией речь идет о принципиально разном отношении участников к совершаемому преступлению. Если в соучастии подстрекатель, пособник или организатор действуют с исполнителем заодно, сообщая, то провокатор стремится не иметь прикосновенности к действиям спровоцированного, добиваясь непричастности и позиционируя себя не как преступник (соучастник), а наоборот, как разоблачитель преступников. Провокатор действует тайно не только в отношении всех других лиц, но и самого провоцируемого лица. Если соучастники действуют совместно, желают совершить преступление вместе, то действия провокатора представляют собой скрытую одностороннюю деятельность, направленную не на совершение совместного преступления, а на наступление для спровоцированного лица неблагоприятных последствий.

Отметим также, что подстрекательство предполагает использование явного способа воздействия на волю и сознание склоняемого лица. Так, в ч. 3 ст. 33 УК РФ отмечается, что подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. При совершении провокации действия провокатора носят скрытый характер. Провокатор предпринимает все усилия для того, чтобы провоцируемое лицо не догадалось о совершаемой в отношении него провокации, а значит, и вообще о том, что совершается какое-либо преступление. Провокатор действует тайно, поэтому его попытки склонить к преступлению, как правило, не осознаваемы другим лицом и могут быть не заметны даже внешне ввиду воздействия провокатора не на склоняемое лицо, а на окружающую обстановку.

Еще одно отличие провокации от соучастия – это спорная возможность установления при провокации преступления признака осведомленности всех участвующих лиц о совместном совершении преступления. Деятельность провокатора, по сути, – предательство, что не предполагает открытости провокационных попыток склонить другое лицо к совершению преступления. Наоборот, как любой агент-предатель, провокатор стремится реализовать свою ловушку, как уже говорилось, без осведомленности провоцируемого лица о том, что будет совершено преступление. Даже если провокатор и провоцируемый хорошо знакомы,

то доверительные отношения используются не для сговора, а для облегчения провокации: назначение встречи, использование знания обстановки рабочего кабинета провоцируемого лица, времени присутствия и отсутствия дома либо на работе.

Резюмируя наши соображения о провокации, соучастии, их сходствах и отличиях, можно сказать о главенстве различия в субъективной составляющей этих двух явлений. При провокации преступления отсутствует внутренняя согласованность действий провокатора и провоцируемого, поэтому мы не можем их назвать соучастниками преступления, которое совершается в результате провокации, а значит, деяние каждого из них образует самостоятельный состав преступления.

Представляется, что роль провокатора отличается от роли каждого из соучастников более широким кругом совершаемых действий. Роль провокатора значительнее, чем роль одного лишь, например, подстрекателя. Провокатор является и подстрекателем, и пособником, и организатором. Вся его провокационная деятельность направлена на то, чтобы и склонить, и

посодействовать, и организовать, т.е. на то, чтобы было за что наказать спровоцированное лицо, а для этого необходимо событие преступления.

Мы считаем, что провокатор не является соучастником преступления, совершенного в результате его же провокации, что, тем не менее, не исключает общественной опасности его деяния, требующей уголовно-правовой оценки, но отличной от юридической оценки соучастия.

Так как следствием провокации является не только совершение преступления спровоцированным, но и привлечение его к уголовной ответственности (цель провокации – ее конструктивный признак), мы можем говорить о повышенной общественной опасности роли провокатора по сравнению с соучастниками. Учитывая это, а также практическую неприменимость действующей ст. 304 УК РФ, законодатель мог бы переосмыслить свой подход к регулированию явления провокации преступления, предусмотрев провокацию преступления в качестве самостоятельного состава преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уголовный закон описывает провокацию только двух преступлений: взятки либо коммерческого подкупа.

² В юридической литературе есть мнение о самостоятельном значении признаков «совершение преступления двумя или более лицами» и «совместность участия», что поддерживается не всеми представителями научного сообщества. Например, позиции о необходимости рассмотрения названных признаков как одного придерживается Г.П. Новоселов [4. С. 103–109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2013.
3. Иванов В. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3.
4. Новоселов Г.П. Понятие соучастия и признак совместности участия // Российский юридический журнал. 2012. № 6.
5. Радачинский С.Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июля 2015 г.

CORRELATION OF A CRIME PROVOCATION AND COMPLICITY IN A CRIME

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 153–157. DOI: 10.17223/15617793/398/25

Dudarenko Veronika V. Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: veronika.andronova@gmail.com

Keywords: crime provocation; legal nature of crime provocation; complicity in a crime; distinctions of crime provocation; role of provoker.

Crime can be committed as a result of provocation. The provoker makes a significant contribution to the intention formation of the person and the establishment of the crime fact; therefore, the provoker is often called either an instigator, or an accomplice, or an organizer. In the article the assessment of crime provocation in correlation with the institute of complicity in a crime from the position of criminal law is given. The issue of feigned accomplice (the provoker qualifies as a variety of complicity in a crime), disputable in science, is analyzed on the basis of objective and subjective elements of complicity in a crime. Existence of a quantitative element (participation of two persons) is formal. The provoker has a specific mental attitude to the committed act. The intent of the provoker is a desire to make the provoked person commit a crime, expose this person to prosecution, while the intent of the accomplice is to implement a concrete plan, a specific crime in the absence of an intent to cooperate with law enforcement authorities. Despite an intentional fault, both in crime provocation and in complicity in a crime, in the first case the intent does not cover joint participation in the commission of a crime. In this regard, there is a conclusion about provocation as person's unilateral activity. There is also no awareness of participants on joint crime commission. The provoked person does not think about committing crimes jointly with the provoker. The provoker's actions with their hidden character are traitorous at their core. Analysis of the ways the provoker influences the provoked person shows them as distinctive features of crime provocation. Consequently, the found external similarities of crime provocation and complicity in a crime do not lead the author to a conclusion about the unity of the content of the discussed concepts. The main difference lies in the subjective component of the phenomena under consideration. The provoker's actions are not determined by the institute of complicity in criminal law. The article describes a broader range of actions made by the provoker unlike the accomplice in a crime, which requires an independent evaluation of actions of the provoker without references to Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes there is increased danger to society from the provoker, compared

with the accomplice, due to the targeted nature of provocation. A need to reform the institute of crime provocation in the Russian criminal law and to include an independent element of crime provocation.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1996) The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (ed. of 21.07.2014) (rev. and ext., in force since 04.08.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954. (In Russian).
2. Lebedev, V.M. (ed.) (2013) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Yurayt.
3. Ivanov, V. (2001) Provokatsiya ili pravomernaya deyatelnost'? [Provocation or lawful activity?]. *Ugolovnoe pravo*. 3.
4. Novoselov, G.P. (2012) Concept of complicity and sign of joint participation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 6. (In Russian).
5. Radachinskiy, S.N. (2008) Yuridicheskaya priroda provokatsii prestupleniya [The legal nature of crime provocation]. *Ugolovnoe pravo*. 1.
6. Piontkovskiy, A.A. (1961) *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The doctrine of the crime in the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.

Received: 22 July 2015

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЪЯТИЯХ ИЗ ЗАПРЕТА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В статье речь идет об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей. Обосновывается, что заключение под стражу в качестве меры пресечения указанных лиц может быть допустимо, если их преступными действиями причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Ключевые слова: заключение под стражу; запрет на заключение под стражу; предпринимательская деятельность.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, указанным в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, остается одним из самых проблемных вопросов в современной уголовно-процессуальной науке.

Согласно действующей редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ, если личность обвиняемого (подозреваемого) установлена, он имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, им не нарушена ранее избранная мера пресечения, он не скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Запрет на заключение под стражу предпринимателей был инициирован Президентом России Д.А. Медведевым [1]. Одним из пунктов разработанной впоследствии Концепции по модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства [2] предлагалось законодательное введение и осуществление на практике специальных дополнительных (сравнительно с действующими в отношении иных субъектов права) материально-правовых и процессуальных гарантий, вытекающих из особенностей предпринимательской деятельности и ограждающих предпринимателей от незаконного уголовного преследования, в том числе в целях передела собственности. Одной из таких процессуальных гарантий и стал данный запрет.

Федеральный закон № 383-ФЗ от 29.12.2009, которым и была введена ч. 1.1 в ст. 108 УПК РФ [3], в пакете с другими законами, в том числе ФЗ-60 [4], ФЗ-420 [5], ФЗ-407 [6], ФЗ-207 [7], стал частью новой уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия экономической преступности. Именно в контексте данной политики и надо толковать смысл этой нормы: «бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме».

Первоначально введение «президентских поправок» вызвало неоднозначную реакцию в научной литературе. В частности, высказывались мнения о том, что новой нормой был нарушен конституционный принцип равенства всех граждан перед законом и судом [8. С. 17], изъятие из общего процессуального

порядка противоречит справедливости и увеличивает социальные различия [9. С. 9].

Однако данная позиция не нашла поддержки у Конституционного Суда РФ, который косвенно подтвердил конституционность новой нормы, не нашел в решении законодателя отступления от ст. 19 Конституции РФ: «Статьи 97 и 99 УПК Российской Федерации, определяющие общие для всех мер пресечения основания для их избрания и обстоятельства, учитываемые при таком избрании, не могут рассматриваться как позволяющие дознавателю, следователю или суду игнорировать условия назначения конкретной меры пресечения, закрепленные специальными нормами этого Кодекса, в том числе ч. 1.1 ст. 108, устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности» [10].

Тем самым подтвердилось первоначальное мнение о том, что анализируемая норма является специальной по отношению к общим, ранее существовавшим нормам, предусмотренным ст. 97, 99 УПК РФ, и имеет в этом качестве безусловный приоритет при разрешении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. В свою очередь норма, содержащаяся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, является специальной по отношению к ч. 1 ст. 108 УПК РФ как конкретизирующая содержащиеся в ней правила. Недопустимость применения заключения под стражу в качестве меры пресечения означает и недопустимость его продления, поскольку при продлении каждый раз подлежит проверке и обоснованию наличие предусмотренных законом оснований для содержания лица под стражей [11. С. 66].

Проверкой на прочность этого запрета стало «знаковое» уголовное дело в отношении М. Ходорковского и П. Лебедева, в рамках которого Московский городской суд, рассмотрев жалобу стороны защиты на решение судьи о продлении срока содержания под стражей подсудимых, признал допустимым наличие как минимум трех изъятий из запрета на заключение под стражу предпринимателей. Во-первых, исключительная опасность преступления, инкриминируемого

подсудимому, и особо крупный ущерб (в деле М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева фигурировал ущерб на общую сумму свыше 800 млрд рублей). Во-вторых, суд согласился с доводом обвинения о том, что «освобождение Лебедева П.Л. из-под стражи может привести к тому, что он вновь возглавит управление сокрытыми от следствия и правосудия средствами и использует их для противодействия уголовному судопроизводству», т.е. опять имеют место исключительная опасность обвиняемого и угроза от его действий на свободе. В-третьих, суд согласился с таким доводом государственного обвинителя, «что 29 марта 2010 года государственное обвинение закончило представление доказательств, и с этого времени судом первой инстанции исследуются доказательства, представляемые подсудимыми и их защитниками, а с учетом заявленных стороной защиты ходатайств судебное следствие в срок до 17 августа 2010 года завершено быть не могло» [11]. Как выяснилось позднее, данная аргументация не встретила поддержки у надзорной инстанции. Двумя своими решениями Президиум Верховного Суда РФ отверг эти аргументы, признав незаконными решения судов нижестоящих инстанций о продлении срока содержания под стражей подсудимых и незаконность содержания указанных лиц под стражей с 17 августа 2010 г. по 17 ноября 2010 г. [12, 13], тем самым подтвердив исключительность запрета на заключение под стражу предпринимателей. Однако заключение под стражу предпринимателей по экономическим статьям продолжалось и после этого.

Первоначально свою позицию по данной проблеме Пленум Верховного Суда РФ сформулировал в специальном постановлении [14], вынесенном в самый острый период толкования истинного смысла правового предписания. Им было разъяснено, что «преступления, предусмотренные статьями 159, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью». Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ со ссылкой на п. 1 ст. 2 ГК РФ определил понятие «предпринимательская деятельность». Однако точка в споре о том, могут ли быть изъятия из запрета на применение ареста к предпринимателям, указанным постановлением Пленума не поставлена.

В окончательном виде позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу сложилась в п. 7 и 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 [15]. **Пленум Верховного Суда РФ подтвердил наличие прямого запрета** на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ, без каких-либо других условий. В отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6,

160 и 165 УК РФ, – при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, т.е. когда они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и / или управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Судебная практика выявила несколько ситуаций, при которых суды находили возможным применение данной меры пресечения к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью: во-первых, когда обвиняемому инкриминировалось какое-либо из преступлений, не указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, во-вторых, когда находились данные, указывающие на наличие обстоятельств, перечисленных в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ (в частности, что он скрывался или пытался скрыться от органов следствия), в-третьих, когда подтверждалось, что предпринимательская деятельность являлась формой прикрытия преступной деятельности.

Как отмечается в отдельных судебных решениях, «по смыслу ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении физического лица, подозреваемого в совершении соответствующего преступления, связанного с осуществлением этим лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя, некой предпринимательской деятельности. Между тем, И. не является индивидуальным предпринимателем» [16], и потому может быть заключен под стражу.

Представляется, что к лицам, подпадающим под действие ч. 1 и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, в качестве наиболее строгих мер пресечения первоначально могут применяться домашний арест или залог. Однако, если такое лицо обвиняется, помимо перечисленных преступлений, в ином преступлении, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, то запрет на заключение под стражу отпадает. Например, если следователем будет доказано, что мошенничество совершено под прикрытием предпринимательской деятельности, но не в связи с этой деятельностью, то суд также может удовлетворить его ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В судебных решениях по этому поводу встречаются такие формулировки: «Что касается доводов адвоката о том, что Д. обвиняется в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, поэтому мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена в отношении нее только при наличии прямо указан-

ных в законе исключительных обстоятельств, коих по настоящему делу не имеется, то они не основаны на материалах дела, из которых следует, что Д. вменяется совершение различных мошеннических действий, в том числе не связанных с предпринимательской деятельностью обвиняемой и договорами, заключенными ею от имени возглавляемой ею фирмы» [17].

Следуя в русле решений Европейского Суда по правам человека о необходимости проверки судом обоснованности подозрений против лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ усилили требования к проверке обоснованности обвинения, подозрения в причастности лица к совершенному преступлению в рамках процедуры, предусмотренной ст. 108 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ указал, что «на суде, выносящем по ходатайству, направленному следователем или дознавателем в порядке ч. 3 ст. 108 УПК, постановление об избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, лежит обязанность оценки достаточности представленных сторонами материалов для принятия законного и обоснованного решения» [18. С. 97].

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление.

Усиление требований к уровню доказанности подозрения, обвинения при избрании меры пресечения применительно к рассматриваемой категории уголовных дел означает, что следователь должен предоставить суду доказательства не только объективной, но и субъективной стороны преступления, например доказать умысел на совершение мошенничества и заведомый отказ от ведения предпринимательской деятельности в соответствии с законом.

Между тем в судебной практике встречаются ситуации, когда суды уходят от решения от проблемы, прикрываясь достаточно спорным доводом, что только суд при рассмотрении дела по существу сможет разобраться, совершено ли было преступление в сфере предпринимательской деятельности, толкуя, тем самым, сомнения не в пользу обвиняемого. Так, в одном из судебных решений имеется такая формулировка, обосновывающая заключение под стражу обвиняемого, защита которого настаивала на том, что указанная ситуация подпадает под действие ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ: «Доводы апелляционной жалобы о

том, что инкриминируемое деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности и оснований для продления меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется, являются несостоятельными. Суд первой инстанции, основываясь на материалах, представленных в подтверждение ходатайства, проверил достаточность данных об имевшем место событии преступления и обоснованно согласился с утверждением следственных органов о наличии данных, указывающих на причастность Б. к инкриминируемому деянию. Вместе с тем, как усматривается из представленных материалов, уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В рамках предварительного расследования Б. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое законом отнесено к категории преступлений средней тяжести и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Предварительное расследование по делу не окончено, обвинение в окончательной редакции Б. не предъявлено. Кроме того, при решении вопроса о мере пресечения в компетенцию суда не входит оценка доказательств по существу, и суд не вправе входить в обсуждение вопросов о доказанности либо недоказанности вины лица в инкриминируемом ему деянии и квалификации содеянного, поскольку оценка предъявленного обвинения подлежит проверке при рассмотрении уголовного дела по существу, в связи с чем на данной стадии нельзя согласиться с тем, что инкриминируемое Б. деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности» [19].

К настоящему времени стало очевидным, что утверждение, заключающееся в том, что предприниматели подвергаются чрезмерно жестким мерам уголовно-процессуального пресечения по сравнению с другими категориями граждан, является, мягко говоря, преувеличенным. Полагаем, что назрело решение о внесении изменений в законодательство, запрещающее заключение под стражу предпринимателя. Избрание заключения под стражу в качестве меры пресечения может быть допустимо, если его преступными действиями причинен вред общественным или государственным интересам. На наш взгляд, следует дополнить ст. 108 УПК ч. 1.2. следующего содержания: «...положения ч. 1.1 не применяются, если действиями подозреваемого, обвиняемого причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Послание* Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // РГ. 2009. 13 ноября. № 214 (5038).
2. *Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере*. На основании Поручения Президента Российской Федерации № ПР-3169 от 28.11.2009, подготовлена АНО «Центр правовых и экономических исследований» (Москва) в сотрудничестве с Институтом современного развития (ИНСОП, Москва). URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstept_modern_supernew_light.pdf

3. *Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 4. СПС Консультант Плюс.*
4. *Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.04.2010. № 15. Ст. 1756. СПС Консультант Плюс.*
5. *Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.12.2011. № 50. Ст. 7362 // СПС Консультант Плюс.*
6. *Федеральный закон Российской Федерации от 6.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.12.2011. № 50. Ст. 7349. СПС Консультант Плюс.*
7. *Федеральный закон Российской Федерации от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 03 дек.*
8. *Александров А.С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1. статьи 108 УПК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 16–19.*
9. *Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. Вып. 1 (6). С. 5–20.*
10. *Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 250-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимова Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Официально опубликовано не было. СПС Консультант Плюс.*
11. *Александров А.С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 62–69.*
12. *Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2011 года (дело № 5-Д 11-29).*
13. *Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 года (дело № 5 - Д 11-63).*
14. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 15 «О внесении дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 декабря 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» от 10 июня 2010 г. // Российская газета. 2010. 14 июня.*
15. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19.12.2013 // Российская газета. 2013. 27 декабря.*
16. *Апелляционное определение Московского городского суда от 10.04.2013 № 10-1913 // СПС Консультант Плюс.*
17. *Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.12.2013 по делу № 10-13835 // СПС Консультант Плюс.*
18. *Определение Конституционного Суда РФ № 417-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Березовского городского суда Свердловской области о проверке конституционности ч. 2 ст. 91, ч. 3 и п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ» от 4 декабря 2003 г. // ВКС РФ. 2004. № 2. С. 94–97.*
19. *Апелляционное постановление Московского городского суда от 02.07.2014 по делу № 10-8702/2014 // СПС Консультант Плюс.*

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 августа 2015 г.

PROBLEMS OF THE ARREST ORDER OF ENTREPRENEURS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 158–162. DOI: 10.17223/15617793/398/26

Rudich Valeriy V. The Ural Bar Association of Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ruvv66@bk.ru

Keywords: arrest; prohibition against arrest; entrepreneurial activity.

Problems of application of custody, its social meaning are caused by the existence of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on unavailability to apply it for entrepreneurs. In practice, it is special additional, substantive, procedural guarantees which come from entrepreneurial activity, its helplessness from persons who are aimed at property redistribution. The issue of legal content of this norm was the subject matter of the Constitutional Court of the Russian Federation. It confirmed the validity of this new norm, marked that Articles 97 and 99 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which define common grounds for all pre-trial restrictions, can not be regarded as measures which allow to ignore conditions of infliction of pre-trial restrictions. These measures are fixed with special norms of the Code (such as Part 1.1. of Art. 108), but they are applied only in cases when crimes under Articles 159, 160, 165 of the Criminal Code of the Russian Federation are committed in entrepreneurial activity. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation explains the true meaning of this restriction. Decree 22 of December 29, 2009 states that crimes under Articles 159, 160, 165 of the Criminal Code of the Russian Federation should be regarded as crimes in the sphere of entrepreneurial activity if they are committed by persons carrying out entrepreneurial activity or involved in it; and these crimes are directly related to this activity. Decree 41 of December 19, 2013 has a specification: the crimes shall be committed by a person carrying out entrepreneurial activity him- / herself or by a person involved in entrepreneurial activity of a legal entity. The author supposes that if an entrepreneur is charged with other crimes (besides the mentioned ones), with the sentence of more than three years of imprisonment; prohibition against arrest becomes invalid. It seems necessary to complete Article 108 of the Criminal procedure Code of the Russian Federation with the following amendment: "Provisions of Part 1.1 are not applied if the suspect, the defendant inflicted harm to a federal or municipal unitary enterprise, a state-owned corporation, a federal enterprise, a business corporation owned or controlled partly by the government or by a municipal entity; or if the subject of the crime is government or municipal property".

REFERENCES

1. Medvedev, D. (2009) Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address from President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Rossiyskaya gazeta*. 13 November. 214 (5038).
2. Center for Legal and Economic Studies. (c. 2009) *Kontseptsiya modernizatsii ugolovnoy zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere*. Na osnovanii Porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii no. PR-3169 от 28.11.2009 podgotovlena ANO "Tsentr pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy" (Moskva) v sotrudnichestve s Institutom sovremennogo razvitiya (INSOR, Moskva) [The concept of modernization of criminal law in the economic sphere. On the basis of the Order of the President of the Russian Federation no. 3169-OL from 28.11.2009 prepared by NGO Center for Legal and Economic Studies (Moscow), in collaboration with the Institute of Contemporary Development (INSOR, Moscow)]. [Online]. Available from: http://www.liberal.ru/upload/files/konsept_modern_supernew_light.pdf.
3. Russian Federation. (2010) Federal Law of 29.12.2009 no. 383-FZ (ed. of 07.02.2011) "On Amendments to the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 04.01.2010. 1. Art. 4. (In Russian).
4. Russian Federation. (2010) Federal Law of 07.04.2010 no. 60-FZ (ed. of 06.12.2011) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 12.04.2010. 15. Art. 1756. (In Russian).

5. Russian Federation. (2011) The Federal Law of 07.12.2011 no. 420-FZ (ed. of 30.12.2012) "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 12.12.2011. 50. Art. 7362. (In Russian).
6. Russian Federation. (2011) Federal Law of the Russian Federation dated 6.12.2011 no. 407-FZ "On Amendments to Articles 140 and 241 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 12.12.2011. no. 50. Art. 7349. (In Russian).
7. Russian Federation. (2012) Federal Law of 29.11.2012 no. 207-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 03 December. (In Russian).
8. Aleksandrov, A.S. (2010) To the issue of sense of the legal instruction in Part 1.1 of Article 108 of the CPC of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of FDCS of Russia*. 3 (7). pp. 16–19. (In Russian).
9. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2013) The New Criminal Policy in Combating Economic and Tax Crime: Some Questions. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*. 1 (6). pp. 5–20. (In Russian).
10. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.02.2011 no. 250-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Ibragimova Gyul'oglana Khanoglan ogly na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 97 i 99 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2011 no. 250-O-O "To refuse to accept for consideration the complaint of citizen Ibrahimov Guloglan Khanoglan oglu about violation of his constitutional rights in Articles 97 and 99 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. Unpublished.
11. Aleksandrov, A.S. (2011) Problemy primeneniya aresta v otnoshenii predprinimateley [Problems of application of arrest in respect of entrepreneurs]. *Ugolovnyy protsess*. 1. pp. 62–69.
12. The supervisory definition of judicial board on criminal cases of the RF Supreme Court dated 15 April 2011 (Case no. 5-D 11-29). (In Russian).
13. The supervisory definition of judicial board on criminal cases of the RF Supreme Court dated 13 September 2011 (Case no. 5-D 11-63). (In Russian).
14. RF Supreme Court. (2010) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF no. 15 O vnesenii dopolneniya v postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 dekabrya 2009 g. no. 22 "O praktike primeneniya sudami mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, zaloga i domashnego aresta" ot 10 iyunya 2010 g. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 15 On amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 29, 2009 no. 22 "On the practice of courts of preventive measures in the form of detention, bail and house arrest" of 10 June 2010]. *Rossiyskaya gazeta*. 14 June.
15. RF Supreme Court. (2013) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF no. 41 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga" ot 19.12.2013 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 41 "On the practice of courts of law on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail" of 19 December 2013]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 December.
16. Moscow City Court. (2013) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 10.04.2013 no. 10-1913* [Appeals definition of the Moscow City Court of 10.04.2013 no. 10-1913].
17. Moscow City Court. (2013) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.12.2013 po delu no. 10-13835* [Appeals ruling of the Moscow City Court of 24.12.2013 on Case no. 10-13835].
18. Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF no. 417-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Berezovskogo gorodskogo suda Sverdlovskoy oblasti o proverke konstitutsionnosti ch. 2 st. 91, ch. 3 i p. 3 ch. 7 st. 108 UPK RF"* ot 4 dekabrya 2003 g. [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 417-O "To refuse to accept for consideration the request of Berezovsky City Court of Sverdlovsk Oblast on the constitutionality of Pt. 2 Art. 91, Pt. 3 and Par. 3 Pt. 7 Art. 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" of December 4, 2003]. *Vysshiy konstitutsionnyy sud RF*. 2. pp. 94–97.
19. Moscow City Court. (2014) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 02.07.2014 po delu no. 10-8702/2014* [Appeals ruling of the Moscow City Court of 02.07.2014 on Case no. 10-8702/2014].

Received: 25 August 2015

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ СООТНОШЕНИИ

Статья посвящена исследованию криминалистической и оперативно-розыскной характеристик преступлений, их научному и практическому значению. Рассматриваемые понятия имеют как совпадающие, так и различающиеся составляющие. Первые служат основанием для взаимного проникновения, вторые свидетельствуют об их самостоятельности. Вместе с другими характеристиками они создают общую картину совершенного преступления, следовательно, криминалистическая, оперативно-розыскная характеристики преступления являются составными частями единой информационной модели преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений; оперативно-розыскная характеристика преступлений; информационная модель преступления.

Раскрытие преступлений представляет собой довольно сложную задачу, стоящую перед правоохранительными органами.

Многие научные дисциплины призваны и на деле облегчают решения этой задачи. Криминалистика в числе таких дисциплин разрабатывает средства (криминалистическая техника), приемы (криминалистическая тактика) и методы (криминалистическая методика), направленные на повышение эффективности деятельности правоохранительной системы в данном направлении.

Одним из положений криминалистики является такое понятие, как криминалистическая характеристика преступлений. Данная категория имеет дискуссионный характер, о чем свидетельствует, например, позиция выдающегося ученого-криминалиста Р.С. Белкина, который на определенном этапе склонялся к принятию радикального решения [1. С. 739] – отказаться от криминалистической характеристики и вернуться к разработке обстоятельного криминалистического перечня обстоятельств, подлежащих установлению по той или иной категории уголовных дел.

Такие ученые, как Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко, А.А. Топорков, при описании структуры частной криминалистической методики в качестве ее составляющей определяют обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию [2. С. 444; 3. С. 480–481]. Однако и данные авторы не отказываются от криминалистической характеристики преступлений, описывая методику расследования отдельных видов преступлений.

Исходя из современных представлений ученых, можно сформулировать следующее определение криминалистической характеристики преступлений. Это система данных о криминалистически значимых взаимосвязанных признаках [4. С. 504] (элементах), информационная модель [3. С. 480–481; 5. С. 56], вероятностная матрица [6. С. 657], описание [7. С. 12] преступлений определенного вида, служащие построению следственных версий, которые берутся за основу при планировании раскрытия и расследования этих преступлений.

В данном определении отражена практическая значимость криминалистической характеристики – выдвижение следственных версий, планирование расследования преступления, решение иных задач расследования.

Количество указанных признаков, элементов, на наш взгляд, не имеет существенного значения, принципиальным будет положение о том, что чем больше

информации (любого вида – доказательственной, оперативной и т.д.) о преступлении, тем эффективнее процесс его раскрытия и расследования.

Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, – категории уголовно-процессуального законодательства, а следовательно, для их выяснения необходима достоверная информация. Для криминалистической характеристики как вероятностной модели события требования к информации иные – она должна быть, прежде всего, обоснованной, т.е. относиться к типичной для данного вида преступлений.

Провести более или менее объективный и полный анализ информации и, следовательно, дать криминалистическую характеристику преступлений определенного вида возможно лишь по раскрытым преступлениям данного вида, по которым установлены все без исключения обстоятельства совершенных противоправных деяний (не только обстоятельства, подлежащие доказыванию).

Следует отметить, что это наиболее рациональный путь исследований в данном направлении, с чем согласны многие ученые. Так, Н.П. Яблоков полагает, что «сведения для криминалистической характеристики преступлений того или иного вида собираются в результате научного анализа большого массива расследованных преступлений с помощью средств и методов всех частей криминалистики» [8. С. 28].

Таким образом, основой криминалистической характеристики является структурированная и систематизированная информация, собранная ранее в установленном порядке при расследовании конкретных уголовных дел. К такому роду информации предъявляются строгие требования, следовательно, ее можно считать объективной. В данном контексте следует говорить не о криминалистической характеристике вообще, а лишь о ее части – криминалистической характеристике раскрытых преступлений.

Несмотря на то что криминалистическая характеристика, в том понимании, как ее рассматривает большинство авторов, складывается из массива установленных фактических данных, по нашему мнению, этого не достаточно именно при реализации положений на практике – при раскрытии и расследовании преступлений, каждое из которых специфично, индивидуально в своих проявлениях в окружающей среде. Криминалистическая характеристика в широком смысле должна иметь гибкую составляющую. Именно эта составляющая должна предполагать творческий

подход к решению поставленных задач, исключать шаблонность ее использования.

К сожалению, о чем свидетельствует А.Ю. Головин, в большинстве случаев развитие структуры криминалистической характеристики отдельных видов преступлений идет не по пути раскрытия связей между элементами, а по пути статистического анализа и уточнения ее отдельных элементов. При таком подходе, как отмечает автор, криминалистическая характеристика вряд ли способна удовлетворить все имеющиеся научные и практические потребности [9. С. 38].

Криминалистическая характеристика в узком понимании пригодна лишь для прогнозирования преступлений и принятия в связи с этим мер по их предотвращению и пресечению. Так, например, знания о месте, времени совершения квартирных краж в летний период позволяют организовать мероприятия по прикрытию этих мест соответствующими силами и средствами органов внутренних дел. Говорить же о том, что указанные знания позволяют раскрывать все совершенные в летний период квартирные кражи, не верно.

В свою очередь, основу гибкой составляющей должна наполнять информация, в том числе, не подтвержденная и не введенная официально в уголовный процесс, полученная из различных источников в конкретное время, при конкретных условиях – идея ситуационного подхода, о котором также много говорится в криминалистической литературе.

Игнорирование данного принципа приводит к появлению феномена нераскрытой преступности, на которую, как на снежный ком, накладывается латентная преступность. Первый из них характеризуется установленным фактом совершения преступления, но неустановленным преступником, второй – неустановленными как фактами совершения преступлений, так и лицами их совершивших [10. С. 174].

Приведенные в статье М.П. Клейменова данные свидетельствуют о значительном уровне нераскрытых преступлений, который может влиять в ту или иную сторону на информационную модель преступлений определенного вида, ведь с некоторой долей уверенности можно утверждать, что нераскрытые преступления – это преступления, не подпадающие под налагаемый трафарет криминалистических характеристик преступлений, используемых правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений. Объективно неисчислима какими-либо количественными и качественными показателями латентная преступность усугубляет данное положение.

Научные положения оперативно-розыскной деятельности в качестве самостоятельных элементов были сформированы, относительно криминалистики, недавно, хотя и вышли из ее недр. И в связи с тем, что молодая наука столкнулась с необходимостью изучения все того же явления – преступления, возникла научная задача сформулировать свою дефиницию относительно изучаемого объекта. Решением этой задачи стало понятие «оперативно-розыскная характеристика преступлений».

Ученые, занимающиеся этим вопросом, вынуждены признавать, что большинство элементов оперативно-

розыскной характеристики повторяют элементы иных характеристик преступления. Так, А.Б. Свистильников, анализируя содержание оперативно-розыскной характеристики, отмечает, что многие ее элементы дублируют элементы, прежде всего, криминалистической характеристики. Это связано, по мнению автора, с тем, что оперативно-розыскная и криминалистические виды деятельности направлены на достижение единой цели – раскрытия преступления [11. С. 67].

Тем не менее самостоятельное научное значение рассматриваемого понятия предполагает наличие в его содержании специфичных для науки элементов.

Анализ имеющихся определений оперативно-розыскной характеристики преступлений свидетельствует о том, что авторы вкладывают в него всю ту же информационную парадигму [12. С. 88–89], систему (совокупность) наиболее существенных, обобщенных (общих) признаков и свойств отдельного вида (группы) общественно опасных деяний, но применительно к решению задач оперативно-розыскной деятельности [11. С. 68–69; 13. С. 110] – для выдвижения оперативно-розыскных версий, разработки методик выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, посредством применения соответствующих сил, средств, а также специфичных для этой деятельности методов.

В.Д. Ларичев полагает, что в теории оперативно-розыскной деятельности как отрасли научного знания, изучающей преступность и преступления, необходимо конструирование самостоятельной оперативно-розыскной характеристики преступлений, в содержание которой нужно включать только такие сведения, использование которых способствует эффективному применению разведывательно-поисковых сил, средств и методов оперативных аппаратов органов внутренних дел в борьбе с преступностью. К основным элементам оперативно-розыскной характеристики преступлений он относит: способ совершения преступлений; признаки преступлений, характеризующие установленные способы; наиболее типичный перечень документов, наиболее часто подделываемых, исправляемых, незаконно выдаваемых и т.д.; перечень предметов, оборудования, механизмов, на которых имеются следы преступления; перечень лиц, осведомленных о противоправных действиях преступника, способных указать на лиц, осведомленных о них, находящихся в близких связях с подозреваемым в совершении преступления, сведения о лицах, наиболее часто выступающих в качестве лжесвидетелей, и др.; лиц, возможно причастных к преступлению, данные о них, их должностном положении, взаимоотношениях между членами преступной группы, а также с другими лицами; другие данные, характеризующие противоправные деяния [14. С. 185].

Анализ указанных элементов свидетельствует о том, что автору также не удалось избежать дублирования элементов криминалистической характеристики преступлений.

Проблема дублирования, заимствования терминов из других наук является основанием для радикальных точек зрения уже в отношении оперативно-розыскной характеристики преступлений. Так, рассматриваемое понятие, по мнению С.И. Захарцева, Н.О. Кирюшки-

ной, является новым фантомом оперативно-розыскной деятельности, следовательно, ее дальнейшая разработка научной значимости не имеет [15. С. 97].

Рассматривая вопрос соотношения криминалистической и оперативно-розыскной характеристик преступлений, используя результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие положения:

1. Криминалистическая и оперативно-розыскная характеристики как научные категории рассматривают одно и то же явление – преступление, в целях получения обобщенных данных, направленных на обеспечение решения одной и той же основной задачи – установления обстоятельств совершенного деяния и лица, его совершившего.

2. Существуют предпосылки для включения одной характеристики в другую, их взаимного проникновения. Так, А.И. Усов рассматривает криминалистическую характеристику как научную абстракцию, основанную на анализе следственной, экспертной, оперативно-розыскной, судебной практики и используемую этой практикой через методику расследования преступлений соответствующего вида, исходной базой для разработки которой она является [16. С. 35]. Исходя из такой логики рассуждения, оперативно-розыскная характеристика входит в понятие криминалистической характеристики. В свою очередь, оперативно-розыскную характеристику невозможно представить без сведений из других характеристик преступления, главным образом, криминалистической. Так, Е.Ф. Новиков полагает, что при разработке оптимальных приемов и методов оперативно-розыскной деятельности не обойтись без элементов, входящих в структуры уголовно-правовой, криминалистической и криминологической характеристик преступлений [17].

3. Наличие объективных различий рассматриваемых понятий, что свидетельствует об их самостоятельности. И дело, на наш взгляд, не в различии предметов соответствующих наук, как полагает А.Б. Свистильников [11. С. 67], а в различии информационной основы криминалистической и оператив-

но-розыскной характеристик. На наш взгляд, информационной основой криминалистической характеристики преступлений должна быть доказательственная информация, дополняемая оперативно-значимой (розыскной) информацией. Информационной основой оперативно-розыскной характеристики преступления должна быть розыскная информация.

Только при таком подходе, по нашему мнению, возможно развести рассматриваемые понятия.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Преступление как сложное социальное явление требует пристального внимания со стороны многих научных направлений, поэтому представить это явление предметом изучения одной науки невозможно.

Преступление как событие во времени и пространстве, исходя из законов отражения, сопровождается возникновением потоков различной по своему характеру информации. Результатом этого является формирование общей информационной модели преступления. Информационные потоки фильтруются методами, присущими и специфичными для каждой из наук, в частности криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Обобщение информационных потоков позволяет установить закономерности, присущие отдельным видам преступлений. Создаются соответствующие характеристики преступлений, учитывающие особенности и потребности каждого из научных направлений. Таким образом, описана схема логической дедукции, т.е. разделения целого по частям.

Исходя из этого, криминалистическая, оперативно-розыскная и иные характеристики преступления являются составными частями единой информационной модели преступления, а не наоборот, как полагают некоторые уважаемые авторы, мнения которых проанализированы в ходе исследования.

Такой подход создает предпосылки для переосмысления рассмотренных понятий, позволит устранить дублирование, повторение одних и тех же элементов в каждой из характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2001. 837 с.
2. Ищенко Е.П. Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие / Е.П. Ищенко, Н.Н. Егоров; под общ. ред. А.В. Аничина. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» ; ИНФРА-М, 2010. 688 с.
3. Ищенко Е.П. Криминалистика : учеб. / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» ; ИНФРА-М, 2010. 784 с.
4. Криминалистика : учеб. / под общ. ред. А.Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт ; ИД Юрайт, 2010. 835 с.
5. Бессонов С.А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 4 (43). С. 52–57.
6. Аверьянова Т.В. Криминалистика : учеб. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2010. 944 с.
7. Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 59 с.
8. Яблоков Н.П. Криминалистика : учеб. для прикладного бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 303 с.
9. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 58 с.
10. Клейменов М.П. Феномен нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). С. 173–179.
11. Свистильников А.Б. Оперативно-розыскная характеристика террористического акта: проблемы понятия и сущности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 3. С. 64–71.
12. Кондратьев М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–1. С. 88–90. URL: <http://elibrary.ru/download/59949014.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
13. Насыров Р.Р. Оперативно-розыскная характеристика преступления: проблема содержания // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 108–110.
14. Ларичев В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 179–187.

15. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // *Юридическая наука: история и современность*. 2013. № 9. С. 94–101.
16. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 402 с.
17. Новиков Е.Ф. Оперативно-розыскная характеристика хищений с объектов транспорта: понятие, сущность, значение // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. 2011. № 2. URL: <http://elibrary.ru/download/44047677.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 мая 2015 г.

FORENSIC AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF CRIMES AND THEIR CORRELATION

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 163–166. DOI: 10.17223/15617793/398/27

Hmyz Aleksey I. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alexnady@email.ru

Keywords: forensic characteristics of crimes; investigative characteristics of crimes; crime information model.

Many scientific disciplines facilitate the solution of the basic problem law enforcement faces: uncovering and investigation of crimes. So, forensics, the science of investigative activities, develops means, techniques and methods aimed at improving the efficiency of this activity. Key categories in these scientific fields are forensic and investigative characteristics of crimes. General conclusion of the views of T.V. Averyanova, R.S. Belkin, S.A. Bessonov, A.Yu. Golovin, G.A. Gustov, N.N. Egorov, S.I. Zakhartsev, P.E. Ishchenko, V.D. Larichev, R.R. Nasyrov, E.F. Novikov, A.B. Svistelnikov, A.A. Toporkov, N.P. Yablokov and other scientists allowed the author to formulate each definition. Forensic characteristic of crimes is a system of data about forensically important interrelated features (elements), an information model, a probabilistic matrix, a description of crimes of a particular nature serving to build investigative leadswchich are the basis of planning for the uncovering and investigation of these crimes. The foundation of forensic characteristic is structured and systematized information on investigated criminal cases; therefore, it is appropriate to speak not about forensic characteristic as a whole, but only part of it: forensic characteristic of uncovered crimes which is not applicable to all cases, and unable to solve its tasks in full. Investigative characteristic is an information paradigm, the system (sum) of most significant generalized (generic) attributes and properties for an individual species (group) of socially dangerous acts to solve problems of operational-investigative activities. Thus, forensic and investigative characteristics of crime have both common and distinctive components. Forensic characteristics create preconditions for their interpenetration; investigative characteristics demonstrate the independence of the considered concepts. The study results give the following conclusions. The crime is a complex social phenomenon that demands attention of many scientific directions, so it is impossible to represent this phenomenon as the study subject of one science. Commission of a crime is accompanied by occurrence of information flows of different nature. The result is the formation of a common information model of crime. Information flows are filtered by methods inherent and specific to each science, in particular of forensic and investigative activities. Accordingly, forensic, investigative and other characteristics of a crime are integral parts of a unified information model of a crime, and not vice versa.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. (2001) *Kurs kriminalistiki* [Forensics]. 3rd ed. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i pravo.
2. Ishchenko, E.P. & Egorov, N.N. (2010) *Kriminalistika dlya sledovatelye i doznavatelye* [Forensics for investigators]. Moscow: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT": INFRA-M.
3. Ishchenko, E.P. & Toporkov, A.A. (2010) *Kriminalistika* [Forensics]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT": INFRA-M.
4. Filippov, A.G. (ed.) (2010) *Kriminalistika* [Forensics]. 4th ed. Moscow: Yurayt; "ID Yurayt".
5. Bessonov, S.A. (2014) On the Structure of Forensic Characteristics of Crimes. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 4 (43). pp. 52–57. (In Russian).
6. Aver'yanova, T.V. et al. (2010) *Kriminalistika* [Forensics]. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
7. Gustov, G.A. (1993) *Problemy metodov nauchnogo poznaniya v organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Problems of methods of scientific knowledge in crime investigation organization]. Law Dr. Diss. Moscow.
8. Yablokov, N.P. (2015) *Kriminalistika* [Forensics]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
9. Golovin, A.Yu. (2003) *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy kriminalisticheskoy sistematiki na sovremennom etape razvitiya kriminalistiki* [Theoretical foundations and challenges of forensic systematics at the present stage of development of forensics]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
10. Kleymenov, M.P. (2013) Fenomen neraskrytoy prestupnosti [The phenomenon of undisclosed crime]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 1 (34). pp. 173–179.
11. Svistil'nikov, A.B. (2014) Investigative feature of terrorist act: problems of concept and essence. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law-Enforcement Activity*. 3. pp. 64–71. (In Russian).
12. Kondrat'ev, M.V. (2012) Operativno-rozysknaya kharakteristika prestupleniy: k opisaniyu ponyatiya [Investigative characteristics of crimes: on the concept]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 5–1. pp. 88–90. [Online]. Available from: <http://elibrary.ru/download/59949014.pdf>. (Accessed: 10th May 2015).
13. Nasyrov, R.R. (2012) Crime Detection Characteristics of a Crime: Problem of the Concept. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 3. pp. 108–110.
14. Larichev, V.D. (2013) Content of the operational search characteristic of crimes in the economy sphere. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2 (44). pp. 179–187. (In Russian).
15. Zakhartsev, S.I. & Kiryushkina, N.O. (2013) Novye fantomy operativno-rozysknoy deyatel'nosti: operativno-rozysknaya kharakteristika i operativno-rozysknoy kodeks [New phantoms of investigative activities: investigative characterization and investigative code]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 9. pp. 94–101.
16. Usov, A.I. (2002) *Kontseptual'nye osnovy sudebnoy komp'yuterno-tekhnicheskoy ekspertizy* [Conceptual bases of computer forensic and technical expertise]. Law Dr. Diss. Moscow.
17. Novikov, E.F. (2011) Operativno-rozysknaya kharakteristika khishcheniy s ob'ektov transporta: ponyatie, sushchnost', znachenie [Investigative characteristics of theft from transport facilities: definition, nature, value]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2. [Online]. Available from: <http://elibrary.ru/download/44047677.pdf>. (Accessed: 10th May 2015).

Received: 29 May 2015

О.В. Чумакова

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Автор анализирует положения Федеральных законов от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Автором рассмотрены положения Конституции Российской Федерации. Проведен анализ прав несовершеннолетних граждан, находящихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь; учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; конституционные права граждан; органы опеки и попечительства; обжалование решений.

На несовершеннолетних, находящихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, распространяют свое действие все конституционные права граждан. В частности, они имеют право на уведомление своих родителей (иных законных представителей) о том, что были помещены в определенное учреждение системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, несовершеннолетние, находящиеся в этих учреждениях, имеют право на получение информации о целях своего пребывания там, об их правах и обязанностях, об основных правилах, регулирующих внутренний распорядок в данном учреждении. В том числе несовершеннолетние имеют право на обжалование решений, которые принимаются работниками органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, как в вышестоящие органы указанной системы, так и в органы прокуратуры или в суд.

Естественно, несовершеннолетние, находящиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обязаны быть обеспечены бесплатной юридической помощью с участием адвокатов или иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1].

Министерство юстиции Российской Федерации ведет учет граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в субъектах Российской Федерации. Согласно статистическим данным, по состоянию на 1 июля 2014 г. число несовершеннолетних граждан, содержащихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также отбывающих наказание в местах лишения свободы, разное в субъектах Российской Федерации: от отсутствия таких лиц во Владимирской, Костромской, Ленинградской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской областях, в Санкт-Петербурге, Чеченской Республике, Ханты-Мансийской автономном округе-Югра, Республике Алтай, Хабаровском крае, Магаданской области и Чукотском автономном округе до 4 107 человек в Московской и 5 764 в Кемеровской областях. В Чувашской области – 2 208 человек, в Брянской – всего

26, а в Ивановской – 15. В Калужской области – 381, Воронежской – 477, Курской – 289, Липецкой – 90, Тверской – 2 949. В Ненецком автономном округе – 8. Всего: по Центральному федеральному округу – 9 438 человек, Северо-Западному федеральному округу – 1 773, Приволжскому федеральному округу – 4 031, Северо-Кавказскому федеральному округу – 561, Южному федеральному округу – 1 349, Уральскому федеральному округу – 447, Сибирскому федеральному округу – 12 142, Дальневосточному федеральному округу – 236 человек. Оказание бесплатной юридической помощи значительному числу лиц является важной задачей государства.

Согласно ст. 7 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» оказание бесплатной юридической помощи осуществляется физическими и юридическими лицами, являющимися участниками государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи в соответствии с указанным Законом [2], а также иными лицами, которые имеют право на оказание бесплатной юридической помощи в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

«При этом бесплатная юридическая помощь оказывается в виде правового консультирования в устной и письменной формах, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях и в иных не запрещенных законодательством Российской Федерации видах» [Там же].

Данное положение регулируется нормами, закрепленными в ст. 26 указанного выше Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, согласно которой адвокаты оказывают юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно. При этом оплата труда адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсация их расходов являются расходным обязательством субъекта Российской Федерации.

К примеру, Постановление правительства Ульяновской области от 23.11.2012 № 551-П определяет размер оплаты труда адвокатов, оказывающих бес-

платную юридическую помощь гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи на территории Ульяновской области [3]. Также на территории Ульяновской области утверждены Порядок оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсации их расходов на оказание такого рода помощи.

Оплата труда и компенсация расходов адвокатов осуществляются на основании соглашения, заключенного между правительством Ульяновской области и Адвокатской палатой Ульяновской области об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами, являющимися участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, по форме, утвержденной уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Оплата труда и компенсация расходов адвокатов не осуществляются:

– если бесплатная юридическая помощь оказана адвокатом, не включенным в список адвокатов, участвующих в государственной системе оказания бесплатной юридической помощи в Ульяновской области, формируемый Адвокатской палатой Ульяновской области;

– если не представлены или представлены не в полном объеме документы, подтверждающие оказание бесплатной юридической помощи и расходы на оказание бесплатной юридической помощи, предусмотренные вышеуказанным Порядком.

Учитывая, что согласно ст. 60 Конституции Российской Федерации гражданин может самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полной мере лишь с 18 лет, а при этом порядок реализации права несовершеннолетнего на бесплатную юридическую помощь в федеральных нормативных правовых актах не детализирован, необходимо четко прописать его хотя бы в правилах внутреннего распорядка специализированного учреждения для несовершеннолетних. Ведь ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» гарантирует право несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также их законных представителей и других представителей, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких несовершеннолетних (за исключением вопросов, связанных с оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве) [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Парламентская газета*. 5 июня. № 104.
2. *Российская газета*. 23 нояб. № 263.
3. *Ульяновская правда*. 28 нояб. № 131(23.256).
4. *Парламентская газета*. 24 нояб. – 1 дек. № 50.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 июня 2015 г.

THE NEED FOR REGULATION OF THE EXERCISE OF THE RIGHT OF MINORS IN INSTITUTIONS OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY TO RECEIVE FREE LEGAL AID

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 167–168. DOI: 10.17223/15617793/398/28

Chumakova Olga V. The Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: chumakova-ov@yandex.ru

Keywords: legal aid; establishment of system of prevention of neglect and juvenile delinquency; constitutional rights of citizens; bodies of guardianship; appeal of decisions.

The author analyzes the provisions of the Federal laws of June 24, 1999 N 120-FZ "About bases of system of prevention of neglect and offences of minors" and of November 21, 2011 N 324-FZ "On free legal aid in the Russian Federation". Minors in the institutions of prevention of child neglect and juvenile delinquency shall exercise all constitutional rights of citizens. Such minors must be provided with free legal aid with the participation of lawyers or other persons entitled to legal aid under Part 1 of Article 2 of the Federal law of May 31, 2002 N 63-FZ "About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation". The Ministry of Justice of the Russian Federation has records of individuals eligible to receive free legal aid in the Russian Federation. According to Article 7 of the Federal law of November, 21, 2011 N 324-FZ "On free legal aid in the Russian Federation", free legal aid is carried out by individuals and legal entities that are members of state and non-state systems of free legal aid. Free legal assistance is provided in the form of a legal consultation in oral and written forms, drafting applications, complaints, petitions and other legal documents, representation of interests of citizens in courts, state and municipal agencies, organizations and others allowed by the legislation of the Russian Federation. According to Article 60 of the Constitution of the Russian Federation a citizen can exercise their rights and responsibilities in full only in 18; yet the exercise of the right of minors to free legal aid is not detailed in the federal regulations. Therefore, the exercise should be clearly defined at least in the internal regulations of specialized institutions for minors. Indeed, Article 20 of the Federal law of November 21, 2011 N 324-FZ "On free legal aid in the Russian Federation" guarantees the right of minors in institutions of prevention of child neglect and juvenile delinquency and minors serving sentences in places of deprivation of liberty, as well as their legal and other representatives, if they apply for legal aid on issues related to the provision and protection of rights and legitimate interests of minors (with the exception of issues related to legal aid in criminal proceedings).

REFERENCES

1. *Parlamentskaya gazeta*. 5 June. 104.
2. *Rossiyskaya gazeta*. 23 November. 263.
3. *Ulyanovskaya pravda*. 28 November. 131(23.256).
4. *Parlamentskaya gazeta*. 24 November – 1 December. 50.

Received: 08 June 2015

ЭКОНОМИКА

УДК 331.104

В.И. Беляев

ТРУДОВОЙ ОПОРТУНИЗМ: СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ¹

В решении целого ряда задач управления людьми в организациях, в частности таких, как повышение эффективности использования резервов рабочих мест, менеджмент предприятий наталкивается на сопротивление персонала, выражающееся в удовлетворении своих эгоистических интересов в ущерб интересам предприятий. Такое явление называют трудовым оппортунизмом. С тем чтобы менеджмент предприятий мог профессионально противостоять этим явлениям, в статье представлено описание возможных форм проявления трудового оппортунизма и сущностной основы причин его возникновения. Знание этих причин позволит менеджменту адекватно реагировать на проявления трудового оппортунизма.

Ключевые слова: институциональный оппортунизм; трудовой оппортунизм; оппортунистическое поведение; трудовые отношения; социально-трудовые отношения.

Многие проблемы на современных предприятиях, как в фокусе, сходятся в неэффективной организации труда, выражающейся, с одной стороны, в сокрытии персоналом резервов своих рабочих мест, в преувеличении или, наоборот, в зависимости от условий ситуации и (или) целей конкретных работников, в принижении своих профессиональных способностей. Это с одной стороны. С другой же – менеджмент предприятия, стремясь обеспечить некую, иногда иллюзорную, экономичность деятельности компании, сокращает затраты, допустим, на улучшение условий труда, подталкивая тем самым работников на противоречащее требованиям охраны труда, технологий исполнение своих трудовых обязанностей. Именно в этом и проявляется суть трудового оппортунизма в организациях. Осознание сущности трудового оппортунизма, установление и описание форм его проявления послужат теоретической и методологической основой формирования методов, приемов, средств и механизмов предотвращения причин, порождающих трудовой оппортунизм в организациях.

Экономический (институциональный) оппортунизм: понятие и краткая предыстория движения научной мысли в осознании его содержания. В переводе с латинского (*opportunus*) оппортунизм в общем и целом означает «выгодный», «удобный». Изначально понятие «оппортунизм» было воспринято, осознано и получило применение в политике для характеристики скрытого, неявного использования политическими оппонентами успехов более сильных и успешных участников политического процесса. В сфере экономики понятие «оппортунизм» появилось и стало использоваться в институциональной экономике при описании (характеристике) экономических отношений, возникающих между самостоятельными субъектами рынка при заключении и исполнении ими торговых контрактов и выражающихся в стремлении одной стороны сделки получить выгоду за счет умышленного нанесения ущерба другой стороне.

Исторический путь развития институциональной экономики вообще и отдельных ее элементов, составляющих понятийную базу этой отрасли знаний, нашел довольно-таки полное отражение в трудах многих отечественных ученых. Значительное внимание проблемам экономического (институционального) оппортунизма уделяется, в частности, в трудах проф. Е.В. Попова и его коллег по институту экономики

Уральского отделения РАН [1, 2]. Понятие «оппортунизм», по их свидетельству, появилось в научном обороте только в последней трети XX в. [2. С. 239]. В трудах Е.В. Попова подчеркивается, что применение этого понятия в экономике следует связывать с преодолением экономической теорией постулата о равной информационной обеспеченности всех субъектов рынка, что было характерно для обоснованного еще Адамом Смитом базового идеала рыночной экономики – человека экономического (*homo economicus*). Это действительно так. Понимание равной информационной обеспеченности субъектов рынка отражено, в частности, в определениях рынка, сформулированных в конце XIX в. основоположником неоклассической школы политической экономии Альфредом Маршаллом. Под рынком он, со ссылкой на Антуана Огюстена Курно, предложил понимать «всякий район, где сношения покупателей и продавцов друг с другом столь свободны, что цены на одни и те же товары имеют тенденцию легко и быстро выравниваться» [3. С. 338]. Здесь сколько-нибудь явных указаний на равную информационную обеспеченность субъектов рынка нет. Есть лишь еле заметное косвенное свидетельство, касающееся неограниченной свободы при взаимодействиях продавцов и покупателей, которое, конечно же, предполагает свободу и в получении обеими сторонами информации о состоянии дел на рынке. Более ярко равная информационная обеспеченность субъектов рынка и ее роль в формировании рыночных цен представлены А. Маршаллом в другом, более раннем определении рынка. В частности, в книге «Principles of Economics», изданной в 1907 г. [4], А. Маршалл определил рынок как «район, объединяющий продавцов и покупателей, настолько хорошо осведомленных в делах друг друга и настолько осторожно действующих, что сохраняется единая цена товара для всего района» (цит. по: [5. С. 10]). Здесь приемлемая и равная информационная обеспеченность субъектов рынка четко отражается в словах автора об их хорошей (и, по сути, действительно равной) осведомленности в делах друг друга, что, конечно же, не могло допустить или сводило к минимуму какие-либо устремления сторон к получению выгоды за счет нанесения ущерба своему партнеру по сделке.

Предложенные А. Маршаллом определения рынка, в части равной информационной обеспеченности его субъектов для конца XIX – начала XX в. и других,

более ранних периодов были актуальными и точными; их содержание отражало реальное (или очень близкое к этому) положение вещей. Действительно, если в начале XX в. на рынке транспортных средств встречались продавец и покупатель телеги, то не надо сомневаться в том, что они оба одинаково воспринимали и понимали суть и потребительские свойства этого незамысловатого средства передвижения. Более того, с высокой долей вероятности можно предположить, что они – покупатель и продавец телеги – были знакомы друг с другом, ибо телеги в те времена далеко продавать никто не возил (они не экспортировались и не импортировались). Следовательно, и продавец, и покупатель были действительно «хорошо осведомлены в делах друг друга» и, самое главное, они оба одинаково и в полной мере были информированы и о потребительских свойствах этого товара, по купле-продаже которого заключали сделку. За истекшую сотню лет ситуация с информационной обеспеченностью сторон, заключающих сделки купли-продажи, кардинальным образом изменилась. И сегодня на рынке транспортных средств продавцы и покупатели современных автомобилей уже не могут быть одинаково «осведомлены в делах друг друга». Современные продавцы (производители) о своих товарах, естественно, знают больше, тогда как покупатели не могут и не в силах понять суть отдельных узлов и агрегатов современного автомобиля, а также их стоимость и денежное выражение этой стоимости, чем и пользуются производители, назначая цену на автомобили в целом. И речь здесь следует вести не только об автомобилях, но и о многих-многих (практически обо всех) других товарах: о бесконечных современных хлебопечках, йогуртницах, мультиварках, посудомойках с множеством кнопок, которых раньше, когда А. Маршалл формулировал свои определения рынка, и в помине не было. Примеров таких много, а вывод один. Развитие науки и техники настолько усложнило предлагаемые рынку товары, что возникло явление информационной асимметрии, одной из форм проявления которой как раз и является неодинаковая осведомленность продавцов и покупателей любого конкретного товара, который может составлять предмет сделки. По справедливому суждению Е.В. Попова, явление информационной асимметрии и стало одной из основных причин возникновения экономического (институционального) оппортунизма [2. С. 240].

В объяснении истоков, содержания и причин возникновения экономического (институционального) оппортунизма большинство авторов указывают на труды Оливера Уильямсона, определившего оппортунизм как «преследование личного интереса с использованием коварства, обмана» (цит. по: [2. С. 240]). Е.В. Попов утверждает, что оппортунистическое поведение представляет собой «недобросовестные действия, нарушающие условия сделки или нацеленные на получение односторонних выгод в ущерб партнеру» [6. С. 27]. В этих двух определениях, как следует из их содержания, имеется в виду выгода, извлекаемая одной стороной коммерческой сделки в ущерб другой стороне. Таким образом, экономический оп-

портунизм, в отличие от политического, есть не что иное, как одна из негативных форм проявления рыночных отношений. В современной литературе отмечается, что понимание оппортунистического поведения контрагентов при заключении коммерческих сделок появилось только в последней трети XX в. [2. С. 239]. Но это не так. Может показаться удивительным, но суть этой негативной формы проявления рыночных отношений была очевидна уже в античные времена. Так, древнегреческий философ скифского происхождения Анахарсис² (638–559 гг. до н.э.) в те далекие времена определял рынок как «место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга» [7. С. 39]. Получается, что древний мудрец в своем определении зафиксировал оппортунизм как довлеющую форму проявления экономических отношений в условиях рынка. Пусть он и не употребил при этом слово «оппортунизм» (а не употребил он его, возможно, только потому, что этого слова в те далекие времена еще и не было вовсе). Но слова «обманывать» и «обкрадывать», одно из которых О. Уильямсон употребил, а другое наверняка подразумевал в своем определении оппортунизма, весьма убедительно свидетельствуют о том, что древний мудрец, определяя рынок, говорил именно об экономическом оппортунизме как заранее продуманной системе преднамеренных действий, сопровождающих коммерческие сделки. А сделки, как известно, являются неперенным действием, присущим именно рынку; без сделок рынка нет (или, по-другому, рынок и создается именно для осуществления сделок).

Еще одним свидетельством того, что формы проявления экономического (торгового, купеческого) оппортунизма были отмечены людьми в древности, свидетельствуют и старинные русские пословицы (поговорки). Например, известна такая поговорка: «Не подмажешь – не поедешь, не обманешь – не продашь». Можно припомнить и другие поговорки про дела купеческие, оппортунистические. В некоторых из них оппортунизм специально завуалирован, как будто бы купцы о нем и не помышляют вовсе, как, например, в поговорке «для купца важна прибыль, но превыше прибыли честь». Эту поговорку часто используют для того, чтобы подчеркнуть честность изначального российского бизнеса. Но если бы в прошлые времена купеческого оппортунизма не было, то не было бы и этой поговорки. Ведь очевидно, что ее сочинили купцы. И сочинили они ее для того, чтобы подчеркнуть свою честность, с которой у них вообще-то были проблемы. Ибо если бы у них не было таких проблем, то незачем было бы и поговорку эту придумывать. Зачем подчеркивать то, что и так очевидно? Скорее всего, российские купцы за этой поговоркой о купеческой честности пытались спрятать свой купеческий оппортунизм³.

Проблемы торгового (купеческого) оппортунизма характерны не только для России. Они были и есть везде, и всегда сопровождали (и сопровождают поныне) отношения купли-продажи. Для преодоления проблем торгового оппортунизма в коммуникационной (информационной) деятельности в 1937 г. в Па-

риже под эгидой Международной торговой палаты был принят Международный кодекс рекламной практики. Впоследствии он многократно корректировался и переиздавался, последний раз в 1987 г. [8]. Он не имеет юридической силы и носит рекомендательный характер. Кодекс призывает рекламодателей к тому, чтобы их рекламные послания были благопристойными (ст. 1), честными (ст. 2), правдивыми (ст. 4). В этих и в других статьях кодекса содержится призыв не только не обманывать людей в рекламе (т.е. не проявлять торговый оппортунизм), но и не вводить их в заблуждение, ибо в конечном счете лукавая реклама наносит вред и всем другим субъектам рынка, в итоге и тем, кто размещает в ней заведомо искаженные сведения о своем товаре, о самой фирме. При толковании кодекса вред лукавой рекламы многие авторы объясняют так. Если какой-либо покупатель, поверив, мягко выражаясь, не совсем искренней рекламе, купит нечто на рынке, то затем, поняв, что его обманули, он не будет верить и правдивой рекламе; вот и получается, что за ложь одного оказываются наказанными все субъекты рынка – и продавцы, и покупатели. Ничем иным, как торговым (купеческим) оппортунизмом это назвать нельзя. Именно для преодоления этой формы оппортунизма и был разработан Международный кодекс рекламной практики. Издание этого кодекса – яркое свидетельство того, что торговый (купеческий) оппортунизм есть и был всегда. Многие страны использовали (и используют теперь) отдельные статьи кодекса в своих национальных законах о рекламной деятельности. В частности, в некоторых скандинавских странах статьи кодекса о недопустимости введения в заблуждение покупателей используются в национальных законах о рекламе посредством запрета на употребление в рекламных сообщениях слов в превосходной степени (например, нельзя писать в рекламе «наилучший товар»). Есть и другие многочисленные способы борьбы с экономическим оппортунизмом.

Таким образом, «оппортунизм» – явление древнее, как сама история политических и экономических (рыночных) отношений. И простые люди в глубокой древности (продавцы и покупатели), и древние мудрецы знали о нем, хотя и не употребляли в своем общении слово «оппортунизм». С течением веков и тысячелетий он как явление никуда не исчез. Он только стал более многообразным и изощренным в формах своего проявления. Поэтому исследование оппортунистических проявлений является весьма актуальным и поныне, именно поэтому современные исследователи и стали уделять ему большее внимание. Но поскольку такие исследования начались не очень давно, то еще не все тайны экономического оппортунизма вскрыты, установлены, описаны. А следовательно, не созданы и механизмы противодействия отдельным формам его проявления.

Следует подчеркнуть, что «оппортунизм» – явление не только древнее, но и весьма многообразное в сферах и формах своего проявления. Если вести речь об экономическом (институциональном) оппортунизме, то он проявляет себя не только при совершении сделок купли-продажи. В частности, весьма давно и очевидно, надолго (скорее всего навсегда) оппорту-

низм «прописался» и в сфере трудовых (социально-трудовых) отношений, нанося существенный ущерб компаниям и работающим в них людям. Чтобы объяснить причины проявления различных форм трудового оппортунизма, разработать средства (методы, способы) их преодоления, нужно определить, понять и объяснить сущностную основу появления форм оппортунистического поведения персонала, материальную и духовную среду его зарождения, вызревания и развития.

Социально-трудовые отношения как сущностная основа трудового оппортунизма. Сущность в общем и целом, как трактуют ее философы, представляет собой внутреннее содержание любой вещи, любого предмета, любого состояния. И как внутреннее содержание, сущность невидима, неосязаема, она неочевидна, недоступна для прямого наблюдения; следовательно, она недоступна и для прямого непосредственного исследования. Но ведь именно сущность и надо познать (или глубже познать) в любом научном изыскании. Как же быть, если она недоступна для наблюдения, для исследования? По справедливому утверждению философов, сущность проявляет себя в очевидных явлениях, и ученые могут наблюдать за явлениями как за формой проявления сущности. Таким образом, методология любого научного исследования, в укрупненном виде сводится к логической последовательности следующих действий: сначала ученые собирают данные об очевидных явлениях; после этого обрабатывают их, систематизируют, накапливают информацию (тоже об очевидных явлениях); затем, применяя методы познания (анализ и синтез, дедукцию и индукцию, классификацию и обобщения, системный подход, диалектику, др.) по отношению к накопленной информации, производят новые знания о вечно скрывающейся сущности⁴.

Поскольку сущность невидима, ее в исследованиях зачастую представляют гипотетически. Насколько это допустимо, можно судить по следующим примерам. Одним из ярких случаев такого гипотетического представления сущности в научных исследованиях можно назвать предположение физиков XVIII в. о том, что тепло в твердых телах передается посредством переливания внутри них невидимой жидкости, которую они условно назвали «теплород» (невидимый теплород и был, по представлению физиков XVIII в., сущностной основой – собственно сущностью – процесса нагревания твердых тел). М.В. Ломоносов верил в существование этой гипотетической жидкости. На основе предположения о существовании теплорода были открыты и сформулированы первый и второй законы термодинамики. После того как физик Роберт Броун в XIX в. открыл хаотическое движение молекул в твердых телах (броуновское движение) и объяснил, что тепло в них передается посредством хаотического движения и столкновения молекул друг с другом, а теплорода нет, сформулированные ранее законы термодинамики были проверены с учетом открытия Бруна, и они оказались истинными. Отсюда следует, что гипотетическое представление сущности вполне оправдано. Точно так же гипотетически Карл Маркс определил истинную (сущ-

ностную) природу капитала: «...капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредованное вещами» [9. С. 775]. Но поскольку это умозаключение К. Маркса не касается таких материальных объектов, как, допустим, молекулы, за которыми в XIX в. появилась возможность наблюдать, доказать его истинность практически невозможно. Очевидно, по этой причине современные американские экономисты К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю и имеют возможность утверждать, что капитал представляет собой только «...произведенные средства производства, т.е. все виды инструментов, машины, оборудование, фабрично-заводские, складские, транспортные средства и сбытовую сеть, используемые в производстве товаров и услуг и доставке их к конечному потребителю» [10. С. 37]. Следует сказать, что это, безусловно, правда. Но это не вся правда. Вся правда заключается в том, что капитал, имея вещную осязаемую форму (что, собственно, и можно наблюдать как явление), проявляется в отношениях людей друг к другу по поводу этой осязаемой формы (т.е. этих вещей). Именно в этом, в отношениях, и заключается суть капитала, его невидимая сущность. Однако здесь нужно сделать одно весьма важное замечание: не каждая вещь будет капиталом. Если некто, допустим, имеет велосипед с коляской и использует его для своего собственного передвижения, то это предмет потребления, которым он владеет. А если бы он решил нанять работника, который в качестве рикши стал использовать этот велосипед с коляской для оказания услуги по перевозке людей за определенную плату, которую по окончании рабочего дня он отдавал бы владельцу велосипеда, а сам получал от него по результатам своей работы некое вознаграждение, то этот велосипед – уже капитал. И вряд ли есть смысл спорить о том, что отношение владельца к этому велосипеду в первом и втором случаях будет разным, как, впрочем, и отношение других людей к владельцу велосипеда тоже не будет одинаковым. Для других людей важно, как владелец велосипеда использует его: как предмет потребления или как средство производства. В первом случае все люди будут относиться к нему как к человеку, у которого кое-что есть (значит, он не бедный человек), а во втором случае они будут относиться к нему как к человеку, который за деньги по определенной цене оказывает услуги по передвижению людей. И велосипед для него – это средство производства. Он живет, применяя это средство производства, извлекает для себя экономическую выгоду; это его капитал, а сам этот человек – капиталист. Таким образом, капитал имеет двойственную природу: он и вещь, используемая как средство для извлечения выгоды, за которой можно наблюдать как за явлением; он и отношение, что представляет собой сущность капитала, не доступную для прямого наблюдения.

Опираясь на представленные выше примеры, можно с большой долей уверенности утверждать, что сущностной основой трудового оппортунизма также являются отношения. Американский социальный философ Френсис Фукуяма понятие «отношения» определил чрезвычайно просто: он сказал, что отноше-

ния – это намерения [11]. Поскольку намерения изначально возникают в голове человека или в сознании больших групп людей, и не все из них высказываются откровенно, в том числе и в специально проводимых опросах, то отношения, конечно же, не всегда очевидны. О многих из них можно вообще судить только косвенно, а именно по действиям людей, которые представляют собой явления, отражающие эти намерения (т.е. отражающие собственно сущность бытия людей в соответствующей системе взаимодействий). Так, согласно определению Ф. Фукуямы, обстоит дело с отношениями людей в обществе в целом. Опираясь на определение отношений Ф. Фукуямы, а также на утверждение К. Маркса о том, что сущность капитала кроется в отношениях (можно найти и другие подтверждения этому), анализируя их, можно сказать, что именно отношения и составляют сущностную основу жизнедеятельности человеческих сообществ вообще. И сфера трудового оппортунизма здесь не является исключением. При этом следует подчеркнуть, что, безусловно, не весь спектр отношений составляет основу оппортунистических проявлений людей при исполнении ими своих должностных обязанностей, а только та их часть, которая касается собственно труда. Таким образом, речь здесь следует вести о трудовых или (и) социально-трудовых отношениях, которые составляют лишь незначительную долю отношений людей.

Поскольку социально-трудовые отношения представляют собой сущностную, а следовательно, неочевидную основу организации и осуществления трудовой деятельности людей, то однозначного суждения о содержании их нет и, наверное, не может быть. (Как в случае с определением понятия «капитал»: К. Маркс определил его как отношения по поводу вещей, а современные зарубежные экономисты склонны в нем видеть только сами вещи.) Таким же образом обстоит дело и с определением внутреннего содержания (сущности) оппортунистического поведения людей в сфере труда: оно имеет явные формы проявлений и скрытое неочевидное внутреннее содержание, определяющее поведение людей в организациях при свершении ими трудовых действий вообще и оппортунистических в частности. Это поведение и есть явная форма проявления социально-трудовых отношений, за которыми следует наблюдать при проведении научных исследований, чтобы познать глубинные характеристики (черты, признаки, причины, др.) собственно социально-трудовых отношений.

Изначально трудовые отношения в своей явной форме представляют собой основание, отражаемое в соглашении между работодателем и работником о личном выполнении последним определенной трудовой функции. Работник при этом обязуется подчиняться установленному работодателем распорядку трудового дня, а работодатель, в свою очередь, должен обеспечить работнику отвечающие трудовому законодательству условия труда, его охрану, а также выплату в заранее оговоренном размере вознаграждения за труд [12]. Все это фиксируется в соглашениях, трудовых договорах, и все это представляет собой

явную основу трудовых отношений. Но не только этим ограничивается понятие трудовых (социально-трудовых) отношений. Их содержание значительно шире. При этом однозначного толкования содержания социально-трудовых отношений и степени изученности проблем трудового оппортунизма в современной литературе нет. В частности, некоторые ученые склонны полагать, что в зарубежной науке о труде все проблемы, касающиеся трудового оппортунизма, уже решены (достаточно лишь перевести на русский язык имеющиеся зарубежные публикации), но вряд ли они соответствуют реальному положению вещей в этой отрасли знаний. В литературе есть и другие, прямо противоположные суждения. В частности, Е.В. Попов и В.Л. Симонова утверждают, что «формы оппортунизма... недостаточно полно раскрыты в мировых и отечественных экономических исследованиях...» [1. С. 3]. И это действительно так. Более того, в разных странах по-разному толкуют смысл трудовых отношений. Многие отечественные авторы (см., например, [13. С. 67]) обращают внимание на то, что в зарубежной теории и практике экономики труда социально-трудовые отношения сводятся лишь к отношениям, проявляющимся на рынке труда при заключении сделок купли-продажи рабочей силы [14]. А отечественная школа экономики труда социально-трудовые отношения трактует значительно шире.

В структуру социально-трудовых отношений, складывающихся на рынке труда, российские ученые включают и все то, что определяет решения людей при выборе ими места работы (или при выборе профессии), продолжении трудовой деятельности на первоначально выбранном месте (или в первоначально выбранной профессии), смене места работы (профессии), а также и трудовое поведение людей после выхода их на пенсию [15]. В частности, профессор Е.В. Нехода, определяя социально-трудовые отношения, обращает внимание на экономические, правовые, социальные, психологические аспекты взаимосвязей отдельных людей и социальных групп, участвующих в трудовом производственном процессе [16. С. 7]. Исходя из этого, в сферу социально-трудовых отношений следует относить и отношения работников к менеджменту предприятия, и отношения их друг к другу, а также и отношения менеджмента к работникам. Все это многообразие отношений в конечном итоге выражается в формировании мотивов и стимулов, трудовых стереотипов, неформальных норм и правил трудового поведения работников и т.п. Среди этого многообразия разновидностей социально-трудовых отношений формируются и отношения трудового оппортунизма. В конечном итоге все это выражается в формировании качества трудовой жизни, которое существенно влияет на показатели эффективности и результативности деятельности компаний. Такое многообразие характеристик социально-трудовых отношений не может не свидетельствовать о неисчерпаемости темы труда вообще и трудового оппортунизма в частности. Это тем более верно, поскольку, как следует из давно установленной истины, сущность познаваема, но никогда не познаваема до

конца. Жизнь меняется, меняется сфера труда; соответственно, не может не меняться и его сущностная основа – социально-трудовые отношения. Вслед за изменением сущности не могут не меняться и формы проявления трудового оппортунизма. И процесс этот бесконечен. Следовательно, и процесс познания никогда не кончится. Поэтому утверждения о том, что сфера трудового оппортунизма как тема и предмет научного поиска исчерпана, ошибочны.

Как сущностная основа трудового оппортунизма социально-трудовые отношения наряду с неявными имеют и явные формы проявления. Явными, в частности, являются те, которые фиксируются в трудовых договорах, соглашениях. Их изучать нетрудно: они очевидны, наблюдаемы. Гораздо труднее дело обстоит с неявными формами проявления социально-трудовых отношений, обуславливающих трудовой оппортунизм. Некоторые из неочевидных форм можно выяснить в ходе проведения опросов. Но о многих из них из опросов узнать не предоставляется возможным. Особенно это касается отношений, порождающих оппортунистические действия; они, естественно, не высказываются, а если и высказываются, то не всегда точно, т.е. с некоторой (иногда и весьма значительной) вероятностью искажений. Таким образом, трудовые (социально-трудовые) отношения как сущностная основа оппортунистического поведения людей при исполнении ими своих трудовых обязанностей представляют собой очень глубокую сущность. Ее изучение требует и соответствующей методологии; объектом и предметом исследования должны стать прикладные сферы и формы проявления трудового оппортунизма. Именно формы и могут быть объектами наблюдения как явные, видимые проявления сущности трудовых (социально-трудовых) отношений, определяющие организацию труда и трудовой климат на предприятии, так и неявные, скрытые в своих проявлениях. Выявление и описание всех (или основных) форм проявления трудового оппортунизма и должно стать одним из важнейших направлений исследования его природы.

Формы проявления трудового оппортунизма: методологические основы классификации форм трудового оппортунизма. Если институциональный оппортунизм уже более или менее подробно изучен и описан, то феномен трудового оппортунизма, его содержание и формы, еще не имеют сколько-нибудь обширной и глубокой научной базы. Вместе с тем роль и значение трудового оппортунизма – не менее важный аспект управления людьми в организациях, чем, допустим, применение новых технологий, способствующих росту производительности труда, совершенствование организационных структур, устраняющее дублирование выполняемых трудовых процедур, развитие экономических институтов, упорядочивающих взаимодействие контрагентов на рынках. Несмотря на это, трудовой оппортунизм только в последние годы стал привлекать внимание ученых и практиков, и сейчас можно пока говорить о первых результатах исследований, направленных не столько на познание его сущности, сколько на выявление

форм, видов и разновидностей проявления этой сущности.

Известно, что одним из первых методов познания сущности является классификация. Несмотря на то, что методология классификации единственна и проста – это подразделение целого на части по какому-либо признаку, можно построить множество методологических подходов выделения из изучаемого целого классов, видов, подвидов, типов, сегментов. В частности, есть простые классификации, производимые по одному какому-либо важному для цели исследования признаку, есть многоуровневые разветвленные классификации, в которых на каждом уровне используется свой признак, есть матричные, позволяющие выделять классы по двум пересекающимся признакам. Безусловно, можно создавать и комбинированные классификационные схемы, сочетающие в себе приведенные выше методологические подходы. Однако если какая-либо предметная область находится на начальной стадии познания, классы в ней выделяются без сколько-нибудь явного признака подразделения целого на части: просто выделяются (устанавливаются) некоторые разновидности целого и описываются их очевидные характеристики. Большинство представленных в литературе классификаций выявленных форм трудового оппортунизма являются пока таковыми; это простые классификации. Естественно, их никак нельзя назвать исчерпывающими; они охватывают все множество возможных форм экономического оппортунизма. Но игнорировать их никак нельзя; они являются важной изначальной (исходной) теоретической основой для разработки, во-первых, единого методологического подхода к классификации форм оппортунистических проявлений в сфере труда и, во-вторых, для создания такой классификации. Оттолкнуться при этом можно от общей классификации оппортунизма, разработанной Е.В. Поповым и В.Л. Симоновой, в которой выделен трудовой оппортунизм [1. С. 63], хотя он и не обозначен авторами как трудовой. По состоянию на данный момент это наиболее совершенная и системно обоснованная классификация.

Если познание сущности трудового оппортунизма начать в направлении движения от общего к частному, то можно заметить, что выявленные и описанные в литературе формы проявления трудового оппортунизма легко и понятно встраиваются в более общий класс, который ученые института экономики Уральского отделения РАН (Е.В. Попов и др.) назвали эндогенным оппортунизмом [2. С. 279–313]. Такой оппортунизм можно назвать и внутрикорпоративным; в него следует включить все формы проявления неприяженных отношений в организации, которые используются одними участниками таких отношений к своей выгоде за счет преднамеренного нанесения ущерба другой стороне участников, а часто и всему предприятию в целом. Другими словами, эндогенный (внутрикорпоративный) оппортунизм, при представлении классификации трудового оппортунизма в виде дерева, является исходной (корневой) вершиной его как классификационного графа.

Класс эндогенного оппортунизма в свою очередь можно подразделить на два подкласса: подкласс оппортунизма, проявляющегося в отношениях между подразделениями в борьбе за какие-либо выгодные предпочтения, и подкласс собственно трудового оппортунизма. Первый подкласс иногда называют внутренней конкуренцией, что не совсем верно. Конкурентные взаимодействия на внутренней арене компаний обычно разворачиваются на явной основе: два подразделения могут вступить в борьбу друг с другом либо за выделение кому-либо одному из них выгодного заказа, что может являться следствием ошибок в проектировании организационных структур⁵, либо за обладание ограниченными ресурсами, причиной чему могут быть ошибки в финансировании. Что касается внутреннего оппортунизма, касающегося борьбы за выгодные предпочтения, то его отличие от внутренней конкуренции выражается в сокрытии одной стороной намерений и действий по их распределению не только от другой стороны, но и от менеджмента предприятиях в целом. Методы – традиционные для оппортунизма: ложь, обман, фальсификации, др.

Второй подкласс эндогенного оппортунизма, как уже сказано выше, связан со сферой труда. Его, в свою очередь, также можно разделить на два подкласса: трудовой оппортунизм со стороны менеджмента по отношению к работникам и трудовой оппортунизм со стороны работников по отношению друг к другу, а также к менеджменту предприятия и собственно к предприятию.

Выделяют и другие подклассы трудового оппортунизма. Так, в частности, выделяют оппортунизм *Ex ante* (тот, который проявляется до заключения контракта; в сфере труда это, например, преувеличение нанимаемым работником своих профессиональных знаний, навыков и умений при оформлении на работу) и оппортунизм *Ex post* (тот, который проявляется после заключения контракта; в сфере труда это многообразные формы сокрытия работниками резервов рабочих мест с целью сокращения своих трудовых затрат) [2. С. 260–279]. Здесь признаком классификации является этап сделки по трудовому найму (до заключения контракта и после заключения контракта).

На этом в общем и целом и завершается описание в имеющейся литературе выделенных классов и подклассов трудового оппортунизма. В некоторых публикациях, правда, иногда со ссылкой на зарубежные источники, а иногда и без них, обращается внимание на такой класс оппортунистического поведения, как «отлынивание от работы». Но системного подхода к классификации форм проявления трудового оппортунизма пока не сложилось.

Не претендуя на полноту освещения вопроса по классификации форм проявления трудового оппортунизма, в статье представлена попытка сформировать методологический подход к разработке такой классификации. Начать предлагается с систематизации (т.е. приведения в систему) уже сформулированных и описанных классов и подклассов трудового оппортунизма, что отчасти и предпринято в данной статье. Далее предлагается продолжить классификацию трудового оппортунизма, довести ее до элементарных, т.е. неде-

лимых, без потери смысла, видов и подвидов. В частности, предлагается выделить еще два классификационных уровня:

- прикладные сферы проявления трудового оппортунизма;

- формы проявления трудового оппортунизма.

Ниже форм проявления трудового оппортунизма, по мнению автора, спускаться уже нет смысла, ибо только на уровне форм и можно наблюдать явления, которые могут привести к пониманию сущности причин, побуждающих оппортунистов к оппортунистическому трудовому поведению.

И тот и другой уровни, а именно прикладные сферы и формы проявления, имеют чрезвычайно важное научное и практическое значение. Их выделение и целенаправленное системное исследование с целью установления причин появления, структуры и содержания характеристик, последствий для бизнеса, а самое главное – сущностной основы, из которой и вырастают формы трудового оппортунизма, позволит ученым и практикам находить методы, способы, механизмы противодействия этим негативным явлениям трудового поведения исполнителей и их руководителей в трудовых производственных процессах на реальных предприятиях. Таким образом, научный поиск предлагается направить в русло прикладных аспектов проявления конкретных форм трудового оппортунизма на предприятиях с тем, чтобы сформулировать конкретные теоретические, методологические и методические основы преодоления проблем организации труда, обусловливаемых разнообразными формами трудового оппортунизма в конкретных прикладных сферах приложения труда.

На данном этапе исследования проблем трудового оппортунизма можно пока только предварительно обозначить явные прикладные сферы его проявления и очевидные формы, которые могут вписываться в представленную выше классификацию. К числу явных прикладных сфер проявления трудового оппортунизма можно отнести, в частности, охрану труда. В этой сфере можно найти (установить, назвать) формы проявления трудового оппортунизма как со стороны менеджмента, так и со стороны персонала, как на этапах *Ex ante*, так и на этапах *Ex post*.

В качестве другой прикладной сферы следует назвать сокрытие работниками резервов своих рабочих мест. Это одна из самых давних и многообразных форм проявления трудового оппортунизма. Некоторые авторы, как уже указывалось выше, называют ее отлыниванием от работы. Суть этой формы трудового оппортунизма заключается в том, что работники с целью сокращения своих трудовых затрат не используют в полной мере заложенные в технологии (станках, машинах, механизмах, др.) возможности. Если вести речь о рабочих, то они практически всегда скрывали и скрывают истинные возможности оборудования, на котором работают, с тем чтобы иметь некий резерв времени для использования его на какие-либо свои нужды, либо на непредусмотренный регламентом отдых, либо на изготовление на заводском оборудовании чего-нибудь для себя, чтобы потом вы-

нести с завода (это еще одна форма трудового оппортунизма), т.п. В плановой экономике с этим негативным явлением боролись административными методами. Ежегодно в сентябре каждое предприятие от своего отраслевого министерства получало задание на снижение трудоемкости продукции, не выполнить которое было нельзя. Задача зачастую сводилась к тривиальному сокращению норм времени на все виды трудовых операций, что однозначно приводило к пропорциональному увеличению норм выработки. Это называлось, как тогда говорили, «ужесточением норм труда». «Ужесточением» занимались службы нормирования труда; «ужесточение» всегда приводило к конфликтам, порой весьма затяжным и ожесточенным. Можно сказать, что ужесточение приводило к ожесточению. В итоге страдало все производство: нарушался психологический климат в коллективах, сбивался трудовой ритм, снижались дисциплина труда и технологическая дисциплина, учащались случаи нарушения правил техники безопасности и использования технологического оборудования, что приводило к поломкам последнего и к травмам и т.п. Более того, что еще хуже, в условиях конфликта рабочих с заводской администрацией со стороны последней зачастую возникали ответные оппортунистические действия, направленные на еще большее ужесточение, уже необоснованное, требований к исполнителям; таким образом, одни формы трудового оппортунизма порождали другие, и конфликтная ситуация усугублялась еще больше. Сейчас служб нормирования труда на предприятиях нет, никто не выдает организациям задания на снижение показателей трудоемкости продукции, но это вовсе не означает, что такая форма трудового оппортунизма исчезла. Вовсе нет; она только усугубилась, стала еще более изощренной как со стороны менеджмента по отношению к исполнителям, так и со стороны исполнителей по отношению к менеджменту предприятий.

Еще одной сферой проявления трудового оппортунизма можно назвать организацию труда. Организация труда в общем и целом представляет собой весьма динамичную сферу управленческой деятельности на предприятиях; в силу развития технологий она должна постоянно меняться, так как ее формы должны соответствовать новому оборудованию и т.п. И суть трудового оппортунизма в сфере организации труда выражается в сопротивлении персонала организационным изменениям, которыми неизбежно должно сопровождаться внедрением новых станков, аппаратов, программных средств и т.п. Исполнители не всегда с восторгом воспринимают такие изменения, поскольку они иногда кардинальным образом нарушают сложившийся уклад трудового производственного бытия трудовых коллективов. Сопротивление зачастую носит скрытый характер: исполнители как бы притворяются, что восприняли изменения, но на деле могут отчасти игнорировать их, специально незаметно нарушать некоторые требования, регламенты, пытаясь тем самым показать менеджменту, что их предложения по изменению привычных трудовых процедур не приносят предприятию выгоды в росте произ-

водительности труда. Если им такими действиями удастся ввести в заблуждение менеджмент предприятия, у них появится возможность для сокрытия резервов своих рабочих мест, уже оснащенных новым оборудованием. Поскольку в этом просматривается прямая выгода для работников, выстроенная на преднамеренном обмане, кроме как трудовым оппортунизмом такие действия назвать нельзя. В плановой экономике этой сфере трудового оппортунизма, хотя она в то время так и не называлась, уделялось довольно большое внимание административного характера⁶. В настоящее же время менеджмент предприятий обращает внимание только на отдельные формы проявления трудового оппортунизма в сфере организации труда; системного подхода в борьбе с этим социально-трудовым недугом, как прежде, сейчас на предприятиях нет.

В качестве еще одной сферы трудового оппортунизма можно назвать дисциплину труда. Здесь формы проявления трудового оппортунизма выражаются в опозданиях на работу, досрочном прекращении рабочего дня, в бесконечных перекурах и чаепитиях⁷ на рабочих местах, прогулах, фальсификации болезней и получении больничных листов, используемых не для лечения, а для отдыха. Сфера трудовой дисциплины является, пожалуй, одной из самых «освоенных» трудовым оппортунизмом, поскольку в ней работникам легче, чем в других, скрывать свои оппортунистические намерения, действия и приемы.

Безусловно, есть и другие сферы трудовой деятельности, в которых проявляется трудовой оппортунизм, и другие многообразные формы его проявления. Чтобы снизить негативные эффекты от проявлений трудового оппортунизма в организациях, необходимо глубокое и тщательное изучение, направленное на выявление и описание его форм в конкретных прикладных сферах трудовой деятельности людей. Выявление их на каждом предприятии можно вести по

предложенной выше методологической схеме. После выявления каждая сфера и каждая форма трудового оппортунизма должны быть тщательно изучены и описаны. В описании как прикладной сферы трудового оппортунизма, так и форм его проявления должны быть отмечены причины, обуславливающие оппортунистическое поведение работников, характеристики, последствия. Изучение причин может привести исследователя к пониманию цели инициаторов трудового оппортунизма. В этом случае причины и цели как бы сомкнутся, что и будет представлять собой новое знание о внутреннем содержании социально-трудовых отношений, порождающих оппортунистическое поведение работников. Полученное знание как о формах трудового оппортунизма, так и о сущностных основах их зарождения в среде социально-трудовых отношений, безусловно, будет способствовать разработке конкретных приемов и методов преодоления проблем трудового оппортунизма на предприятиях.

В статье определена и обоснована сущностная основа, служащая средой зарождения оппортунистического поведения работников, классификационные подходы и приемы установления прикладных сфер и форм проявления трудового оппортунизма. Этого, безусловно, недостаточно для борьбы с таким серьезным социально-экономическим недугом, каковым является трудовой оппортунизм. Но начинать борьбу нужно именно с познания сущности трудового оппортунизма и классификации возможных прикладных сфер и форм его проявления на каждом предприятии. Они послужат теоретической основой для обоснования целевого направления исследований, для разработки общей методологической схемы исследований, конкретных частных методик, методов, приемов, средств и инструментов проведения конкретных научных исследований, направленных на познание причин и последствий трудового оппортунизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана при поддержке РФФИ. Научный проект № 15-06-05376\15. Тема: «Исследование социально-трудовых отношений на предприятиях в решении проблем преодоления трудового оппортунизма».

² Анахарсис – скифский мудрец, прибыл в Грецию для изучения философии во времена Солона, философа, поэта и политического деятеля (638–558 гг. до н.э.). Анахарсис преуспел не только в познании глубоких истин бытия, но и в изобретательском деле. В частности, утверждает, что он изобрел гончарный круг, якорь для морских судов, а также игру в шашки.

³ Одной из форм купеческого оппортунизма можно назвать финансирование российскими купцами революционного движения в России, направленного на свержение государственного строя. Но здесь может возникнуть вопрос, какую выгоду купцы извлекали из этих своих действий? Кажется, что выгоды не было. Однако это не так. Достаточно припомнить сцену из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», в которой губернатор разговаривает с местными купцами (как он с ними разговаривает, что он им говорит), как станут ясными и причины финансирования российским купечеством противников царского режима. Им царский режим (из-за взяточничества чиновников и т.п.), так же как и революционерам, был ненавистен; они желали его свергнуть с тем, чтобы потом как-нибудь по-другому устроить свои дела с новыми властями. О чем еще может свидетельствовать такое их поведение, кроме как не о купеческом оппортунизме? Безусловно, были и другие формы купеческого (торгового) оппортунизма.

⁴ «О тайном догадывайся по явному», – говорили по поводу познания неочевидной сущности древние мудрецы.

⁵ Известно, что при проектировании организационных структур могут закладываться причины будущих конфликтов.

⁶ В плановой экономике термин «трудовой оппортунизм» не употреблялся, но многие научные рекомендации, появившиеся в то время в исследованиях по научной организации труда (НОТ), а также регламенты, разрабатываемые в этой прикладной сфере трудовой деятельности, как раз и были направлены на преодоление проблем, порождаемых трудовым оппортунизмом. В связи с этим возникает предположение о возможности (и желательности) изучения прошлого опыта с целью использования его в преодолении проблем трудового оппортунизма в настоящее время.

⁷ В заводском фольклоре любителей чаепитий в рабочее время на рабочих местах называют «отчаянными людьми». Это фольклорное выражение представляет собой не что иное, как косвенное признание работниками наличия трудового оппортунизма в трудовых коллективах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Е.В., Симонова В.Л. Оппортунизм экономических агентов. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2007.
2. Попов Е.В. Транзакции. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2011.

3. Маршалл А. Основы экономической науки. М. : Эксмо, 2007.
4. Marshall A. Principles of Economics. London, 1907.
5. Абрамишвили Г.Г., Война В.А., Трусов Ю.Ф. Операция «Маркетинг». Стратегия и тактика конкурентной борьбы монополий. М. : Международные отношения, 1976.
6. Попов Е.В. Эволюция институтов миниэкономики. М. : Наука, 2007.
7. Энциклопедия мудрости. М. : РОССА, 2008.
8. Международный кодекс рекламной практики. URL: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=111>
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–8; Т. 23. Послесловие ко второму изданию.
10. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика : в 2 т. Таллин, 1993. Т. 1.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2008.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.
13. Янченко Е.В. Управление развитием социально-трудовых отношений: теоретико-методические основы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 1. С. 66–78.
14. Эренберг Р., Смит Р. Современная экономика труда: теория и государственная политика. М. : Изд-во МГУ, 1996.
15. Колосова Р.П., Василко Т.Н., Артамонова М.В., Луданик М.В. Экономика персонала. М. : Инфра-М, 2009.
16. Нехода Е.В. Методологические и теоретические основы исследования социально-трудовых отношений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 28 июня 2015 г.

LABOR OPPORTUNISM: THE NATURE AND FORMS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 169–177. DOI: 10.17223/15617793/398/29

Belyaev Victor I. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: belyaevvi@mail.ru

Keywords: institutional opportunism; labor opportunism; opportunistic behavior; labor relations; social and labor relations.

The article considers the problems of labor opportunism. It provides a brief background to the study of problems of economic (institutional) opportunism, description of its forms, their classification and content. The article draws attention to the fact that economic opportunism has a long history. Starting from ancient times (i.e. since the inception of market relations) people searched their own benefit, including, by intentional damaging to the other side of the transaction. The statements of the ancient philosophers evidence this. In particular, the Greek sage Anacharsis (638–558 BC) defined market as a place reserved for people to cheat and steal from each other. The use in this definition of words "deceive" and "steal" shows that the ancient sage saw economic opportunism in market activity. In addition, having an ancient history, economic opportunism is not limited to the forms that accompany exclusively purchase and sale transactions. It is extremely diverse in its manifestations. Opportunism is common at work, where the company's management, on the one hand, trying to reach illusory efficiency, reduce costs of working conditions improvement, compounding, thus, problems with its protection; On the other hand, workers, in an effort to reduce their labor costs, hide the reserves of their work places, extracting thereby benefit themselves, but causing deterioration in performance and efficiency of the entire enterprise. There are many of such forms of opportunism at work. To date, they have not all been identified, studied and described. On this basis, the article proposes specific methods and methodological approaches to the classification of forms of labor opportunism. Two classification levels of labor opportunism, application spheres of labor opportunism and forms of labor opportunism manifestation have been allocated. Much attention is paid to the justification of the essential foundations of labor opportunism which includes social and labor relations. The article proves that among these relationships originate intentions of one side (management or employees) to extract benefit from the deliberate damage to the other side. The article proposes a broader understanding of the essence of social and labor relations than is customary abroad, where the meaning of the employment relationship is only limited to recruitment of specialists that occur in the labor market. It is recommended to take social and labor relations from the standpoint of the relationship between workers themselves and from the standpoint of relations between workers and management for better understanding of the causes of labor opportunism. Knowledge of the essential foundation of labor opportunism, content of its forms allows company management to seek and find ways to overcome manifestations of labor opportunism in the workplace.

REFERENCES

1. Popov, E.V. & Simonova, V.L. (2007) *Opportunizm ekonomicheskikh agentov* [Opportunism of economic agents]. Ekaterinburg: IE UrO RAN.
2. Popov, E.V. (2011) *Transaksii* [Transactions]. Ekaterinburg: IE UrO RAN.
3. Marshall, A. (2007) *Osnovy ekonomicheskoy nauki* [Principles of economics]. Moscow: Eksmo.
4. Marshall, A. (1907) *Principles of Economics*. London: Macmillan.
5. Abramishvili, G.G., Voyna, V.A. & Trusov, Yu.F. (1976) *Operatsiya "Marketing". Strategiya i taktika konkurentnoy bor'by monopolii* [Operation "Marketing". Strategy and tactics of competitive monopolies]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Popov, E.V. (2007) *Evolutsiya institutov miniekonomiki* [Evolution of institutions of mini-economy]. Moscow: Nauka.
7. Andrievskaya, K. et al. (eds) (2008) *Entsiklopediya mudrosti* [Encyclopedia of wisdom]. Moscow: ROSSA.
8. International Chamber of Commerce. (1987) *Mezhdunarodnyy kodeks reklamnoy praktiki* [ICC Code of Advertising Practice]. [Online]. Available from: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=111>.
9. Marx, K. & Engels, F. (1959) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 13, 23. Moscow: Politizdat.
10. McConnell, K.R. & Brue, S.L. (1993) *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika: v 2 t.* [Economics: Principles, Problems and Policies: in 2 v.]. V. 1. Tallin.
11. Fukuyama, F. (2008) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST.
12. Russian Federation. (2001) The Labour Code of the Russian Federation of December 30, 2001 no. 197-FZ. (In Russian).
13. Yanchenko, E.V. (2014) Management of development of social and labor relations: theoretical and methodical bases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 1. pp. 66–78.
14. Ehrenberg, R. & Smith, R. (1996) *Sovremennaya ekonomika truda: teoriya i gosudarstvennaya politika* [Modern Labor Economics: Theory and Public Policy]. Moscow: Moscow State University.
15. Kolosova, R.P. et al. (2009) *Ekonomika personala* [Personnel Economy]. Moscow: Infra-M.
16. Nekhoda, E.V. (2007) *Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy issledovaniya sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Methodological and theoretical foundations of the study of social and labor relations]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 28 June 2015

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Рассматриваются проблемы развития социальных инвестиций в России. Делается вывод о необходимости использования системного инвестиционного подхода, при котором не надо отделять в стратегиях и процессах развития инвестиции в образование, науку и инновационную систему от инвестиций в воспитание, культуру, здоровье людей, личную безопасность, инфраструктуру.

Ключевые слова: человеческий капитал; социальные инвестиции; социальные инвесторы; государственное регулирование социального инвестирования; социальная ответственность бизнеса; социальные инновации.

Приоритет современной экономической системы – все для человека посредством человека здорового, образованного, вооруженного знаниями, постоянно развивающегося. От провозглашения до реального практического перехода к социальному государству необходима долгосрочная социальная политика, ориентированная на осуществление прав общества и человека на развитие, на их участие в этом развитии и обеспечении возможностей присвоения результатов.

Особенности реализации социальных функций государства связаны с крупномасштабными инвестициями, не приносящими инвестору явной коммерческой отдачи, но создающими условия для быстрого экономического роста. Социальные инвестиции, как и материальные блага, содействуют образованию национального продукта, поскольку целью любой экономики является удовлетворение человеческих потребностей с помощью материальных, духовных или иных благ.

Долгие годы производственные способности человека рассматривались и оценивались как один из количественных факторов производства. Задача состояла лишь в том, чтобы удачно соединить труд, основной и оборотный капиталы. В современных условиях перспективы роста экономики, условия ее модернизации на основе инноваций определяются процессами формирования и развития человеческого капитала, степенью его реализации в общественном производстве.

Теории человеческого, социального, интеллектуального капиталов очень актуальны в наше время, благодаря усложнению технико-технологического прогресса, который все больше внедряется в нашу жизнь. Этим теориям стали придавать большое значение, так как они позволяют с общих позиций изучать многие явления рыночных отношений, выявлять эффективность вложенных в человеческий фактор финансовых средств.

Социально-экономические преобразования, происходящие в России с начала 1990-х гг., не могли не затронуть сферу формирования и воспроизводства человеческого капитала. Социальный характер инвестиций в человеческий капитал признан основоположниками и последователями теории человеческого капитала. Составляющие формирования человеческого капитала представлены на рис. 1.

Идея человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал как фактора социально-экономического развития стала привлекать присталь-

ное внимание с переходом России к рыночной экономике. Благодаря исследованиям таких ученых-экономистов, как И. Албегова, Ю. Быченко, А. Добрынин, С. Дятлов, Р. Емцов, Р. Капелюшников, М. Критский, С. Курганский, В. Кононов, Т. Леонова, П. Найт, Е. Цыренова и других, концепция человеческого капитала получила дальнейший импульс.

Рис. 1. Источники формирования национального человеческого капитала

Человеческий капитал стал рассматриваться как долговременный экономический ресурс, прибыльность использования которого с течением времени (по мере накопления знаний, опыта) возрастает. Было рассчитано, что вложения в образование обеспечивают от 30% и более прироста национального дохода. С помощью расчетов было доказано, что вложения в образование как на народно-хозяйственном уровне, так и на уровне отдельного человека значительно более прибыльны, чем вложения в основной капитал. Все это стимулировало резкое увеличение государственных и частных инвестиций в развитие сфер, формирующих новые качества рабочей силы (особенно интеллектуальный потенциал, творческую активность), и личных затрат граждан на получение образования, повышение профессиональной подготовки, укрепление здоровья и др. Частью инвестиций в человеческие ресурсы страны как раз и является вложение средств в развитие социальной инфраструктуры (рис. 2).

Следовательно, инвестиции в человеческий капитал – это целенаправленное вложение средств в отрасли и сферы, обеспечивающие улучшение качественных параметров человека, в первую очередь его рабочей

силы (уровня образованности, развития интеллекта, творческого потенциала, физического и психического здоровья, системы мотивации, ценностных установок и т.д.). Категория «уровень жизни» в рекомендациях ООН состоит из таких элементов, как здоровье, пища, одежда, условия труда, занятость, образование, жилище, социальное обеспечение. В России уровень жизни принято определять в первую очередь при помощи системы потребительских бюджетов: физиологического, прожиточного и социального минимумов.

Применение понятий «человеческий капитал», «социальный капитал», «интеллектуальный капитал» позволяет понять роль социальных институтов, выявить не только социальные параметры, но и провести экономический анализ влияния социального фактора на рыночную экономику.

В теоретических исследованиях в настоящее время все активнее используется термин «социальные инвестиции». Эта категория является более общей по сравнению с категорией «инвестиции в человеческий капитал».

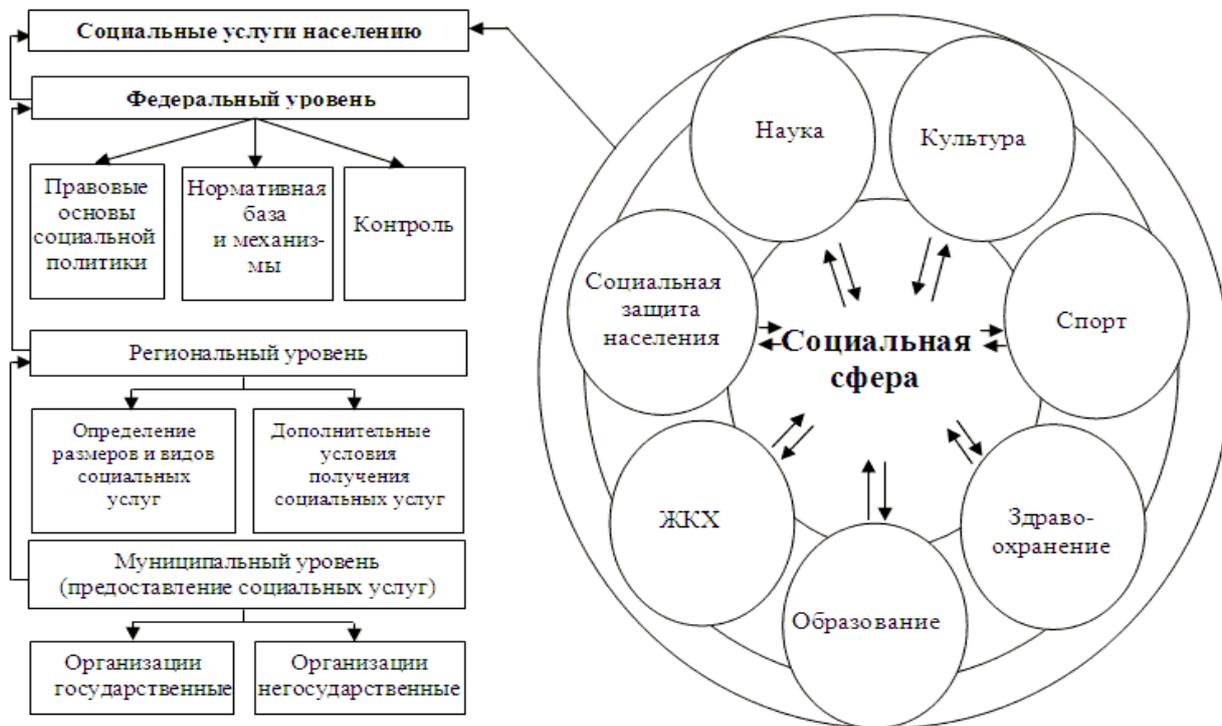

Рис. 2. Взаимосвязь социальной сферы и системы предоставления социальных услуг населению

«Социальные инвестиции» в их расширительной трактовке представляют вложения всех инвесторов в социальную сферу¹, направленные на усиление социальной ориентации экономической системы:

- достижение экологической безопасности;
- стимулирование экономического роста;
- целесообразное распределение благ;
- обеспечение гарантированного уровня образования и медицинской помощи, питания;
- выдача трансфертов нуждающимся в получении минимального гарантированного дохода.

Социальные инвестиции – вложения в объекты социальной сферы с целью получения дохода, повышения уровня и качества жизни людей посредством удовлетворения их материальных, духовных или социальных потребностей. Социальными инвесторами являются: государство и органы местного самоуправления, бизнес-структуры, различные политические и неполитические организации, домохозяйства, иностранные инвесторы и др. Таким образом, эти субъекты являются субъектами инвестиционной деятельности и на макро- и микроуровне.

Особо следует отметить место и роль представителей бизнеса в социальных инвестициях. Далеко не

каждый предприниматель готов забыть о собственных интересах и действовать исключительно в интересах общества. Но одной из задач института гражданского общества как раз и является создание таких экономических условий и правил ведения дел (естественно, не без помощи государственного аппарата), которые будут способствовать активному развитию социальных инвестиций.

Степень готовности бизнеса к более активному участию в решении актуальных проблем на уровне местных сообществ можно проиллюстрировать результатами одного из обследований, проведенного Фондом развития гражданского общества и Фондом «Общественное мнение». Вот какие выводы были сделаны:

– Большинство предпринимателей проявляет готовность участвовать в социально ориентированной деятельности (мотивы – улучшение имиджа компании, налаживание отношений с властью).

– Благотворительность принимается в ряде случаев вынужденный характер, становится, по выражению одного из предпринимателей, торгом: «нефтяная скважина – в обмен на больницу, ларек – в обмен на шприцы».

– Бизнес готов принимать на себя социальные обязательства, но хотел бы перейти к сотрудничеству, базирующемуся не на разовых личных договоренностях, а на четко структурированной и прозрачной системе стимулов и поощрений. За редким исключением идея объединения ресурсов разных секторов для развития местных сообществ пока не получила практического воплощения.

Лишь наиболее крупные компании на практике пытаются заниматься стратегическим планированием благотворительности, стремясь увязать соответствующие программы с долгосрочными планами своего развития [1].

В настоящее время повышение эффективности управления социальными инвестициями достигается за счет многообразия форм государственно-частного партнерства в финансировании социальных проектов, реализуемого в рамках целевых программ. Гражданским обществом разрабатываются предложения по улучшению качества жизни в стране на основе инновационных подходов, которые позволят решить многие экономические, экологические и социальные проблемы государства. В ходе взаимодействия института гражданского общества и экономики происходит поиск возможных путей достижения намеченных целей, которые позволяют объединить возможности граждан

данского общества, государства с интересами хозяйствующих субъектов для улучшения качества жизни населения страны и дальнейшего экономического развития. Именно влияние гражданского общества на функционирование экономики позволяет решать насущные экономические проблемы с учетом мнения и интересов как предпринимателей, так и каждого индивида [2].

Социальные инвестиции предполагают, прежде всего, расширенное воспроизводство трудового потенциала (рис. 3).

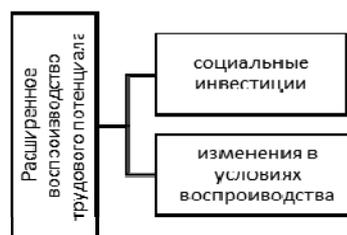

Рис. 3. Элементы расширенного воспроизводства трудового потенциала

Кроме того, следует выделить и составляющие затрат на воспроизводство человека (рис. 4).

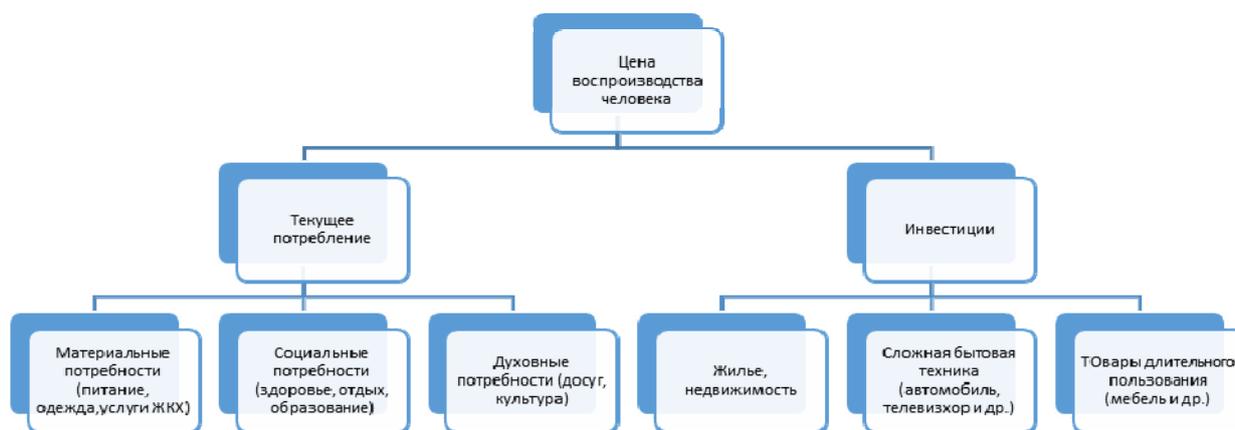

Рис. 4. Элементы цены воспроизводства человека

Общепринятым показателем уровня развития человеческого капитала является индекс развития человеческого капитала. Индекс развития человеческого капитала в странах мира охватывает 122 экономики. При его подготовке используется комбинация данных из общедоступных источников и информации от международных организаций и экспертов в области развития.

При определении успехов той или иной страны в развитии человеческого капитала учитывались свыше 50 показателей, объединенных в четыре основные группы:

- 1) образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка;
- 2) здоровье, физическое и психологическое благополучие;

- 3) трудоустройство и занятость;
- 4) инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность.

В 2013 г. мировыми лидерами по уровню развития человеческого капитала являются Швейцария, Финляндия и Сингапур. За ними следуют Нидерланды, Швеция, Германия, Норвегия, Великобритания, Дания и Канада. Все вместе они составляют ТОП 10 лидеров рейтинга конкурентоспособности человеческого капитала. Россия в рейтинге развития человеческого капитала заняла 51-е место. Среди стран СНГ и Балтии позиции распределились следующим образом: Эстония заняла 27-е место, Литва – 34-е, Латвия – 38-е, Казахстан – 45-е, Украина – 63-е, Азербайджан – 64-е, Армения – 73-е, Грузия – 77-е, Молдова – 83-е, Кыргызстан – 92-е. Крупнейшие эко-

номики мира расположились на разных местах в рейтинге: Япония занимает 15-е место, Соединенные Штаты – 16-е, Китай – 43-е, Бразилия – 57-е, Индия – 78-е. Замыкают рейтинг Мали, Буркина Фасо, Гвинея, Мавритания и Йемен [3].

Для повышения качества российского человеческого капитала к нему нужен системный инвестиционный подход – необходимо инвестировать опережающими темпами одновременно все его составляющие. Так осуществили свой инновационный рывок финны, сингапурцы, корейцы. Следует не отделять в стратегиях и процессах развития инвестиции в образование, науку и инновационную систему от инвестиций в воспитание, культуру, здоровье людей, личную безопасность, инфраструктуру, что вместе и называется инвестициями в человеческий капитал и качество жизни.

Необходимо также отметить, что, по оценке Battelle Memorial Institute (США), проведенной за 2012 г., внутренние затраты на научные исследования и разработки в текущих ценах по паритету покупательной способности (ППС) в Российской Федерации составляют немногим более 1% ВВП, тогда как в США – 2,9% ВВП, в Японии – 3,5% ВВП, Германии – 2,9% ВВП, Франции – 2,2% ВВП, Великобритании – 1,8% ВВП, Канаде – 2% ВВП, Республике Корея – 3,5% ВВП, Китае – 1,6% ВВП. При этом расходы большинства стран на данные цели имеют тенденцию к увеличению. Высокими темпами наращивает расходы на НИОКР Китай, который уже вытеснил Японию со второго места по объему расходов на исследования и разработки. В 2012 г. к числу стран, быстро увеличивающих расходы на НИОКР, присоединились Малайзия, Индонезия и Саудовская Аравия. Расходы на исследования и разработки в России в 2012 г., по той же оценке, увеличились по сравнению с 2011 г. лишь на 0,03 процентного пункта по отношению к ВВП [4].

Отметим, что инвестиции в культуру, образование и науку были стабильно низкими в долях ВВП и при высоких, и при низких ценах на нефть.

Анализ процессов научно-технического развития показывает, что человеческий капитал, циклы его роста и развития являются главными факторами генерации инновационных волн развития и циклического развития мировой экономики и общества. Причем уровень и качество национального человеческого капитала определяют верхнюю планку в развитии науки и экономики. И без поднятия качества национального человеческого капитала до уровня требуемого экономикой знаний, качества и этики труда формировать инновационную экономику и тем более экономику знаний невозможно.

По данным McKinsey, для каждого процента прироста ВВП для быстрорастущих экономик необходимо увеличение нормы накопления на 2,5%. Для России из-за неэффективности человеческого капитала и сопутствующих причин эту цифру необходимо по крайней мере удвоить. Поэтому для обеспечения при-

роста (неценевого) российского ВВП на уровне 8% необходимы инвестиции порядка 40% ВВП, т.е. удвоение нынешних инвестиций в основной капитал. В 2014 г., по уточненным оценкам, прогнозируется рост ВВП в 0,5%, некоторые экономисты прогнозируют отсутствие роста вообще.

Здоровье человека – это, с одной стороны, наследственный капитал, а с другой – приобретенный в результате затрат самого человека и общества. Социальные инвестиции, связанные с охраной здоровья, способны замедлить процесс износа такой составной части человеческого капитала, как здоровье. Более того, они обеспечивают достижение одной из главных целей любой нации – «максимально достижимый» уровень здоровья, и направлены в трудовой ресурс, т.е. повышают эффективность экономики [5].

Оценка здравоохранительных проектов рассматривается с точки зрения медицинской, экономической и социальной эффективности. Медицинская эффективность – это степень достижения поставленных задач в области профилактики, диагностики, лечения и реабилитации. Социальная эффективность – оценка улучшения здоровья населения. Экономическая эффективность – прямые и косвенные выгоды от затрат на здравоохранительные. При реализации проектов на макроэкономическом уровне социальная эффективность занимает первое место, второе – медицинская и третье – экономическая. На микроуровне приоритетным может оказаться медицинская или экономическая эффективность.

На сегодняшний день основным субъектом социального инвестирования в здравоохранение является государство. Программный подход к формированию бюджета требует формирование бюджетов по отдельным программам. В федеральном бюджете на 2014–2016 гг. по направлению «Новое качество жизни» выделено 12 программ, финансирование по которым составляет более 40% расходов от всей программной части.

По показателю ВВП на душу населения по ППС валют в 2013–2016 гг. (расчеты базируются на прогнозах МВФ) сохранится существенное отставание России не только от экономически развитых, но и от 48 развивающихся стран. При этом показатель ВВП России на душу населения от уровня США в 2016 г. составляет 38,2% по сравнению с 35,5% в 2012 г. В то же время указанный показатель в Китае увеличивается с 18,4% в 2012 г. до 22,9% в 2016 г., в Казахстане – с 27,8 до 31%, постепенно приближаясь к российскому уровню. В Польше и Чехии ВВП на душу населения к 2016 г. по сравнению с 2012 г. относительно уровня США несколько понизится – с 41,2 до 40,3% и с 54,5 до 53,7% соответственно, однако видно, что отставание России от этих стран преодолено не будет [4].

Обратимся к анализу структуры расходов бюджетов на социальные цели по странам «Группы семи» (табл. 1).

Структура расходов бюджетных систем стран «Группы семи» (по данным МВФ) и Российской Федерации, % к ВВП [4]

Расходы	США	Япония	Германия	Франция	Велико-британия	Италия	Канада	Россия			
								2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Защита окружающей среды	1,2	0,7	1,1	1,0	0,9	0,7	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Жилкомхоз-зяйство	0,7	0,6	1,9	1,3	0,7	0,8	2,1	1,6	1,5	1,4	1,4
Здравоохранение	6,8	7,0	8,3	8,2	7,4	7,5	3,5	3,6	3,4	3,4	3,4
Отдых и культура	0,3	0,8	1,4	1,1	0,6	1,0	0,9	1,0	1,0	1,0	1,0
Образование	3,3	4,3	6,0	6,9	4,2	6,0	4,0	4,3	4,1	4,2	4,2
Соцзащита	16,7	19,6	23,9	17,9	20,5	11,9	11,7	12,7	12,5	12,6	12,5

Расходы на здравоохранение и образование в Российской Федерации в процентах к ВВП также ниже, чем в ряде стран с развивающейся экономикой, в том числе в Венгрии, Польше, Болгарии (в части здравоохранения), Литве, Латвии (в части образования), а расходы на защиту окружающей среды меньше, чем в Китае, Венгрии, Польше, Болгарии, Литве, Латвии.

Граница вложений в человеческий капитал определяется не абсолютно, а относительно. Если вложения в него эффективнее, чем в другие факторы производства, то их следует увеличивать до тех пор, пока они по эффективности не сравняются с инвестициями в физический капитал, акции и т.д. Чем ниже отдача от инвестиций в основной капитал, тем шире границы необходимых вложений в человеческий капитал. Границы вложений должны сопоставляться не с достигнутым уровнем, не с прошлыми инвестициями в образование, науку или здравоохранение, хотя и они играют определенную роль, а с эффективностью прочих инвестиций. Вложения в человеческий капитал надо рассматривать не как вспомогательные, обслуживающие нужды производства, а как имеющие, по крайней мере, тот же статус, что и прямые инвестиции в основные средства [6]. Государственное регулирование социального инвестирования должно следовать двум государственным принципам: принципу социальной справедливости и принципу социально-экономической эффективности. Экономический смысл государственного регулирования социальных инвестиций заключается в выполнении четырех основных функций государства и его структур:

- производства и перераспределения необходимых социальных товаров, работ или услуг;
- финансирования социальной инвестиционной деятельности;
- стимулирования социального инвестиционного процесса;
- информационного сопровождения социального инвестирования.

Регулирование социальной сферы, особенно тех ее отраслей, финансирование которых осуществляется государством, является делегированием полномочий от отдельного гражданина к общественному институту, созданному в том числе для исполнения таких функций. Неэффективные и необоснованные траты бюджетных средств приведут к снижению собираемости налогов. Уход от уплаты налогов и, как следствие,

низкий уровень развития социальной сферы являются народной формой протеста против репрессивного и коррумпированного политического режима.

В современном понимании концепция корпоративной социальной ответственности сформировалась в западных странах на рубеже XIX–XX вв. Ее первое проявление было связано с деятельностью ряда американских предпринимателей, среди которых можно выделить Э. Карнеги, Д. Рокфеллера, Р. Вуда. В начале XX в. некоторые руководители бизнеса выражали уверенность в том, что корпорации обязаны использовать свои ресурсы таким образом, чтобы общество оказывалось в выигрыше. Занимавшийся производством стали Эндрю Карнеги, к примеру, вложил 350 млн долл. в социальные программы и построил более 2 000 публичных библиотек. Джон Д. Рокфеллер пожертвовал 550 млн долл. и основал Фонд Рокфеллера. Доктрина капиталистической благотворительности, согласно которой прибыльные организации должны жертвовать часть своих средств во благо общества, была рассмотрена Карнеги в работе «Евангелие процветания», опубликованной в 1900 г. [7].

В последние годы в России вопрос о социальной ответственности бизнеса встал особенно остро, ибо по ряду причин государство сегодня не в состоянии обеспечить приемлемый уровень социальной защищенности людей. Установленные социальные гарантии минимальны, насущные социальные проблемы не решаются, механизмы социальной помощи неэффективны. В этих условиях все большее значение приобретают социальные программы бизнеса, который не должен ограничиваться только экономическими целями. Он обязан учитывать социальные воздействия своей деятельности на работников, потребителей и местные сообщества, а также способствовать достижению социальных целей общества в целом.

Данная концепция возникла в США в 30-е гг. XX в. в идеях Роберта Э. Вуда и называется моделью социально-мотивационного управления. Данная модель отражает схему функционирования мотивационных связей и акцентирует внимание практического менеджмента на том, что результаты труда зависят от степени мотивированности прикладываемых сотрудником усилий, его способностей и характера, осознания им своей роли в организации. Она была характерна для России еще в дореволюционное время, когда многие предприниматели из чувства высокой социальной

ответственности перед рабочими и местным сообществом строили при предприятиях бани, столовые, клубы. В контексте социальной ответственности бизнеса социальные инвестиции являются добровольным вкладом бизнеса в развитие общества. К социальным инвестициям наиболее часто относят: спонсорство и корпоративную благотворительность; попечительство; взаимодействие с местным сообществом, властными структурами; корпоративные партнерские программы.

Ключевой является характеристика социального инвестирования как деятельности субъектов инвестиционных отношений, направленной на получение определенного полезного эффекта для общества. В настоящее время выделяют три основных направления социально ответственного инвестирования: социальное, этическое, экологическое [8. С. 70]. По сути, социальная ответственность влияет на нематериальную составляющую стоимости бизнеса: репутацию, лояльность потребителей, надежность, интеллектуальный капитал. В долгосрочной перспективе социальная ответственность, безусловно, способствует повышению стоимости компаний [9. С. 659].

Социальная ответственность бизнеса выражается, во-первых, в тесной взаимосвязи результатов взаимодействия экономических и социальных целей развития организации, соблюдении ею социальных норм и нормативов (социальных стандартов); во-вторых, в постоянном взаимодействии принудительных (вынужденных) и добровольных (без всякого принужде-

ния извне) факторов проявления социальной ответственности управляющих компаний перед обществом, их преданности стране, региону, предприятию; в-третьих, в росте объема прибыли, направляемой в социальные инвестиции [10. С. 79].

Обращаясь к проблеме развития социальных инноваций, следует определить терминологию. Выделим признаки инноваций:

1. Новизна – новые знания (новые идеи, результаты НИОКР) и объект (изменения), выступающий в качестве инновации, должны быть новыми [11. С. 79].

2. Широкая область возникновения – новые технологии, новые решения в любой сфере деятельности (в сфере организации, финансов и в социальной сфере).

3. Реальное использование в деятельности людей [12. С. 36–37].

4. Ориентация на достижение положительного экономического эффекта: инновации являются результатом творческого процесса в виде новых стоимостей [11. С. 80].

Социально-экономическое развитие страны во многом определяется социальными инновациями, которые являются основным инструментом повышения качества жизни населения. Социальные инновации – новый термин, который тесно связан с такими понятиями, как государственно-частное партнерство, корпоративная социальная ответственность, социальное предпринимательство и благотворительность.

В стране в настоящее время назрела необходимость поддержки социальной инновационной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социальная сфера – совокупность государственных и частных институтов, деятельность которых направлена на поддержание и повышение социально приемлемого уровня жизни людей. Отрасли социальной сферы удовлетворяют материальные, духовные и социальные потребности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Задорин И.В.* Общественная поддержка и доверие населения как фактор развития социального предпринимательства // *zircon.ru*: исследовательская группа «Циркон». 2011.
2. *Шматкова Е.М.* Социальное предпринимательство как часть бизнеса и гражданского общества // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 10 (056).
3. *Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню развития человеческого капитала 2013 года* // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/02/6282> (дата обращения: 10.04.2014).
4. *Заключение* Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов». URL: <http://budgetrf.ru/Publications/> (дата обращения: 10.04.2014).
5. *Лепихина Т.Л., Карпович Ю.В.* Социальное и экономическое значение здоровья работников как фактора накопления человеческого капитала предприятия // *Современные технологии управления*. 2013. № 01 (25). ISSN 2226-9339. URL: <http://sovman.ru> (дата обращения: 10.04.2014).
6. *Хараева М.С.* Сущность социальных инвестиций как экономической категории // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. 2009. № 5.
7. URL: <http://www.mir-menegmenta.com/?p=1044> (дата обращения: 12.04.2014).
8. *Леонова И.В.* Социально ответственные инвестиции как инструмент формирования корпоративной социальной ответственности // *Российский государственный гуманитарный университет*. 2013. № 15.
9. *Бозулавская С.Б., Рождественская Н.В.* Корпоративная социальная ответственность: в поисках эффективности // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 12-4.
10. *Проскурин В.* Социальная ответственность менеджмента как составная часть управления финансами предприятия // *Финансовая жизнь*. 2013. № 1.
11. *Пермякова А.М.* Интеллектуальный капитал как фактор активизации инновационной деятельности российских компаний : дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2008.
12. *Степаненко Д.М.* Термин «инновация». Проблемы законодательной интерпретации на постсоветском пространстве // *Закон и право*. 2009. № 12.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 28 мая 2015 г.

SOCIAL INVESTMENT AS AN OBJECTIVE PROCESS OF IMPROVING THE STANDARD OF LIVING

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 178–184. DOI: 10.17223/15617793/398/30

Kopilevich Valeria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vkopi@rambler.ru

Shimshirt Natalia D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ndshim@yandex.ru

Keywords: human capital; social investment; social investors; government regulation of social investment; corporate social responsibility; social innovation.

The article investigates the development of social investment in Russia. The theoretical approaches to the nature of the basic categories are analyzed. Features of realization of the social functions of the state are associated with large-scale investment, which give the investor no clear commercial return, but create the conditions for rapid economic growth. Social investment, like wealth, contribute to the formation of the national product, since the goal of any economy is the satisfaction of human needs through the material, spiritual or other benefits. Investment in human capital is a conscious investment in industries and sectors that improve the quality parameters of a person, primarily their workforce (level of education, development of intelligence, creativity, physical and mental health, systems of motivation, values, etc.). The idea of human capital and investment in human capital as a factor of socio-economic development began to attract attention with Russia's transition to a market economy. Human capital is seen as a long-term economic resource. The rating of the competitiveness of human capital in different countries is given. The conclusion about the need for a systemic investment approach that does not need to separate policies and processes of development of investment in education, science and innovation system and investment in education, culture, health, personal security and infrastructure. The application of the concepts of "human capital", "social capital", "intellectual capital" allows understanding the role of social institutions, not only finding out social attitudes, but also conducting economic analysis of the impact of social factor on the market economy. A generally accepted indicator of the level of human capital development is the index of human capital development. It covers 122 countries in the world economy. It uses a combination of data from publicly available sources and information from international organizations and experts in the field of development. The authors consider the practical aspects of public social investment, the economic meaning of state regulation of social investment and performing the state's core functions. The issues of the importance of social programs of business are raised. A key feature is social investment as activities of investor relations subjects aimed at obtaining certain beneficial effects for society. Analysis of the processes of scientific and technological development shows that human capital, cycles of growth and development are the main factors generating waves of innovation development and the cyclical development of the world economy and society. Moreover, the level and quality of national human capital determines the upper limit in the development of science and economy. Without raising the quality of national human capital to the level required by the knowledge economy, quality and ethics in the workplace, shaping an innovative economy and especially the knowledge economy is impossible. Social innovation is a new term that is closely related to concepts such as public-private partnerships, corporate social responsibility, social entrepreneurship and philanthropy. The article deals with problems of social innovations.

REFERENCES

1. Zadorin, I.V. (2008) *Obshchestvennaya podderzhka i doverie naseleniya kak faktor razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Public support and trust of the population as a factor of social entrepreneurship]. Available from: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsialnoy-sfery-i-grazhdanskogo-obshchestva/obshchestvennaya-podderzhka-i-doverie-naseleniya-kak-faktor-razvitiya-sotsialnogo-predprinimatel'stva/>.
2. Shmatkova, E.M. (2013) Social Entrepreneurship as Part of Business and Civil Society. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Socio-economic processes and phenomena*. 10 (056). pp. 143–146. (In Russian).
3. Center for Humanitarian Technologies. (2013) *Vsemirnyy ekonomicheskiy forum: Reyting stran mira po urovnyu razvitiya chelovecheskogo kapitala 2013 goda* [The World Economic Forum: A rating of countries in terms of human capital development in 2013]. [Online]. Available from: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/02/6282>. (Accessed: 10th April 2014).
4. Accounts Chamber of the Russian Federation. (2014) *Zaklyuchenie Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii na proekt Federal'nogo zakona "O federal'nom byudzhetе na 2014 god i na planovyy period 2015 i 2016 godov"* [Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the draft federal law "On the Federal Budget for 2014 and the planning period of 2015 and 2016"]. [Online]. Available from: <http://budgetrf.ru/Publications/>. (Accessed: 10th April 2014).
5. Lepikhina, T.L. & Karpovich, Yu.V. (2013) The social and economic importance of the health of workers as a factor in the accumulation of human capital of the company. *Sovremennye tekhnologii upravleniya – Modern technologies of management*. 01 (25). [Online]. Available from: <http://sovman.ru/all-numbers/archive-2013/january2013/item/146-social-and-economic-importance-of-workers-health-as-a-factor-of-accumulation-of-the-human-capital-of-the-enterprise.html>.
6. Kharaeva, M.S. (2009) Sushchnost' sotsial'nykh investitsiy kak ekonomicheskoy kategorii [The essence of social investment as an economic category]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. 5.
7. Available from: <http://www.mir-menegmenta.com/?p=1044>. (Accessed: 12th April 2014).
8. Leonova, I.V. (2013) Socially responsible investment as an instrument of society influence on the establishing of corporate social responsibility. *Vestnik RGGU. Ekonomika – RSUH Bulletin. Economics*. 15. pp. 69–77. (In Russian).
9. Boguslavskaya, S.B. & Rozhdestvenskaya, N.V. (2013) Corporate social responsibility: the efficiency quest. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 12-4. (In Russian).
10. Proskurin, V. (2013) Social responsibility management as part of the financial management of the company. *Finansovaya zhizn' – Financial Life*. 1. pp. 77–81. (In Russian).
11. Permyakova, A.M. (2008) *Intellektual'nyy kapital kak faktor aktivizatsii innovatsionnoy deyatel'nosti rossiyskikh kompaniy* [Intellectual capital as a factor of innovation activity of Russian companies]. Economics Cand. Diss. Ekaterinburg.
12. Stepanenko, D.M. (2009) Termin "innovatsiya". Problemy zakonodatel'noy interpretatsii na postsovet'skom prostranstve [The term "innovation". Problems of legal interpretation in the former Soviet Union]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 12.

Received: 28 May 2015

ТРАНСФОРМАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Рассматривается особенность современного этапа кадровой политики предприятий, сопряженная с возрастанием значимости трудовой мотивации в системе управления персоналом; обосновывается концептуальная основа трансформационного анализа, предполагающего разграничение выявленных изменений на три зоны (колебаний, переходную, трансформаций); представляется оригинальный методический инструментарий, предназначенный для выявления глубины трансформаций и мониторинга структурных сдвигов трудовой мотивации персонала; приводятся результаты его апробации.

Ключевые слова: трудовая мотивация персонала; трансформации; структурные сдвиги; методический инструментарий.

Отличительной особенностью современного этапа кадровой политики выступает неформальное признание директоратом высокой значимости совершенствования системы мотивации труда и улучшения условий занятости персонала, а главное, увеличение числа работодателей, «де-факто» нацеленных на реализацию указанных намерений. Косвенным подтверждением отмеченного является увеличение доли респондентов – руководителей предприятий, реально заинтересованных в комплексном анализе систем трудовой мотивации: от 10,5% в 2002 г. до 61,2% в 2013 г. [1. С. 19].

Существенное возрастание значимости трудовой мотивации подтвердили результаты трансформационного анализа кадровой политики ведущих промышленных предприятий Алтайского края (февраль 2014 г.).

Для обоснования *методической основы* выполненного исследования логично напомнить, что термин «трансформация» дословно (от лат. transformation) обозначает изменение. В данном контексте уточнения требуют два момента, касающиеся допустимости идентификации того или иного изменения (преобразования) в качестве трансформации: «Какой глубины должно быть изменение? За какой период (временной интервал) оно должно произойти?»

Ответы на поставленные вопросы, по сути, формируют концептуальную основу трансформационного анализа [2], согласно которой:

1. Изменение должно быть существенным (явным, ощутимым, кардинальным и т.д.). Учитывая относительность количественных оценок (например, для одного исследуемого объекта изменение, допустим, на 5% – это «очень много», а для другого – «очень мало»), для измерения «глубины трансформаций» логично использовать шкалу «описательных градаций». В частности, трехуровневую: 1) незначительное (практически не ощутимое) изменение; 2) изменение ощутимое, но не кардинальное; 3) значительное изменение (изменение-преобразование, изменение-трансформация). Подчеркнем, что реализация предложенного подхода сопряжена с разграничением изменений на *три зоны*: 1) зону *колебаний*; 2) *переходную* (промежуточную) зону; 3) зону *трансформаций* (явных преобразований).

2. Изменение «трансформационного (преобразовательного)» характера априори не может быть мгновенным. По мнению ученых, необходимый для этого

временной интервал может колебаться до 5–7 лет. Опираясь на компиляционную позицию исследователей и собственные наблюдения, анализируемый период должен составлять как минимум 3–4 года. Тогда для трансформационных исследований, допустим 2014 г., приемлемо-допустимым будет период с 2011 по 2014 г.

Базирующийся на представленных принципах *методический подход* к анализу структурных трансформаций предполагает последовательное выполнение следующих этапов:

1. *Выявление* по результатам сравнительного критического анализа профильной литературы дискуссионных точек зрения; конкретизация авторской позиции.

2. *Обоснование* структурных составляющих анализируемого объекта (параметра кадрового менеджмента). Допустим, изучаемый объект формируют пять компонент, условно обозначенных K_1 ; K_2 ; K_3 ; K_4 ; K_5 .

3. *Представление* гипотезы, обосновывающей возможность и характер трансформационных изменений.

4. *Проведение* анкетного опроса респондентов (в разрезе функциональных категорий). Целевой блок анкеты должен включать пять (по числу выделенных структурных составляющих) вопросов: «Как (подчеркните нужное) за анализируемый период изменилась значимость (удельный вес, доля) составляющей K_1 (далее K_2 , K_3 , K_4 , K_5) работников Вашего предприятия (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?»

5. *Обработка* материалов опросной статистики – исчисление средней балльной оценки. При реализации данного этапа целесообразно использовать цифровую символику предлагаемых вариантов ответов: «не изменилась» – 0 баллов; «изменилась незначительно» – 1 балл; «изменилась ощутимо, но не кардинально» – 2 балла; «изменилась значительно» – 3 балла.

6. Анализ полученных результатов – идентификация произошедших за анализируемый период изменений (K_1 , K_2 , K_3 , K_4 , K_5). Представляется, что, рассчитав средний балл (по респондентам конкретного предприятия – при выявлении трансформации на локальном уровне или по респондентам предприятий того или иного кластера – при обследовании на кластерном уровне), можно идентифицировать зону

и характер произошедших за анализируемый период изменений:

- от 0 до 0,5 баллов – *мертвая зона* (по сути, без изменений);
- от 0,6 до 1,5 баллов – *зона колебаний* (с незначительными изменениями);
- от 1,6 до 2,5 баллов – *переходная* (промежуточная) *зона* с ощутимыми, но не кардинальными изменениями;
- от 2,6 до 3,0 баллов – *зона трансформаций* (со значительными изменениями-преобразованиями).

Таким образом, констатировать наличие структурной трансформации правомерно лишь при средней балльной оценке изменения от 2,6 до 3,0. К сожалению,

при любом результате меньше 2,6 баллов возможно лишь резюмировать наличие различного уровня изменений, но не трансформаций.

Теоретико-методологической основой выполненного трансформационного анализа послужило, с одной стороны, позиционирование кадровой политики как неотъемлемой составной части общей политики предприятия и важнейшего фактора повышения его конкурентоспособности, а с другой – как интегратора специфических политик (табл. 1): занятости персонала, развития персонала, оценки и стимулирования персонала, политики в области корпоративной культуры и социально-трудовых отношений.

Таблица 1

Основные направления кадровой политики [3. С. 18]

Элемент кадровой политики	Направление кадровой политики и его содержание
Политика в области управления составом персонала	Планирование, подбор, отбор, найм, расстановка, высвобождение персонала. Определяются: основные характеристики персонала, необходимые для выполнения стратегических целей организации; основные подходы к планированию персонала; принципы привлечения, расстановки и высвобождения персонала; принципы и критерии оценки при отборе, зачислении в кадровый резерв, продвижении
Политика в области развития персонала	Развитие персонала. Формулируются: основные требования к системе обучения, приоритетные направления обучения для различных категорий персонала; подходы к планированию карьеры; работы с кадровым резервом
Политика в области мотивации и оценки персонала	Мотивация и оценка персонала. Определяются: цели и основные направления материальной мотивации (базовая и переменная часть вознаграждения, надбавки, возможность участия в прибыли и т.д.); нематериальной мотивации; социальной защиты персонала; принципы и критерии, влияющие на размер вознаграждения
Политика в области корпоративной культуры	Корпоративная культура, социально-психологический климат (СПК) и социально-трудовые отношения. Формулируются: основные стандарты и ценности корпоративной культуры, направления ее развития; способы диагностики и разрешения конфликтов; подходы к созданию условий труда

Целевой блок Анкеты респондента – представитель директора анализируемого предприятия (руководителя предприятия и его заместителя по персоналу) объединял шесть вопросов:

1. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *кадровой политики* как составляющей общей политики его развития (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

2. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *кадровой политики* как фактора повышения его конкурентоспособности (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

3. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *политики в области управления составом персонала* как составляющей кадровой политики (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

4. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *политики в области развития персонала* как составляющей кадровой политики (не изменилась; изменилась незначительно; измени-

лась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

5. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *политики в области мотивации и оценки персонала* как составляющей кадровой политики (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

6. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) за последние 5–7 лет на Вашем предприятии изменилась значимость *политики в области корпоративной культуры и социально-трудовых отношений* как составляющей кадровой политики (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

Представляется, что символ «↑», используемый в опросной Анкете, обозначал увеличение значимости диагностируемого элемента кадровой политики; соответственно, символ «↓», напротив, указывал на снижение значимости.

Сводные результаты исследования (табл. 2) показали, что за анализируемый период значимость составляющих кадровой политики усилилась в различной степени: лишь одна составляющая кадровой политики организации – политика в области мотивации и оценки персонала – действительно претерпела *изменение-преобразование (трансформацию)*.

Сводные результаты трансформационного анализа кадровой политики промышленных предприятий [1. С. 51]

Анализируемая значимость	Балльная оценка	Вид зоны	Тип изменения
Кадровой политики как составляющей общей политики предприятия	2,70(↑)	Зона трансформаций	Изменение-преобразование (трансформация)
Кадровой политики как фактора конкурентоспособности предприятия	2,35(↑)	Переходная зона	Изменение ощутимое, но не кардинальное
Политики в области управления составом персонала как составляющей кадровой политики	1,30 (↑)	Зона колебаний	Незначительное изменение
Политики в области развития персонала как составляющей кадровой политики	2,40(↑)	Переходная зона	Изменение ощутимое, но не кардинальное
Политики в области мотивации и оценки персонала как составляющей кадровой политики	2,80(↑)	Зона трансформаций	Изменение-преобразование (трансформация)
Политики в области корпоративной культуры и социально-трудовых отношений как составляющей кадровой политики	2,25(↑)	Переходная зона	Изменение ощутимое, но не кардинальное

Представляется, что все возрастающая значимость мотивационного фактора в управлении персоналом, акцентируемая многими учеными [4. С. 102] и подтверждаемая результатами целевых исследований, ориентирует на совершенствование профильного методического инструментария.

Для мониторинга структурных сдвигов трудовой мотивации персонала (как организации в целом, так и в разрезе конкретных подразделений) предлагается методика, реализация которой предполагает последовательное выполнение следующих этапов.

1. Первый этап – обоснование перечня анализируемых трудовых мотивов (параметров легенды). Очевидно, что данный перечень периодически может корректироваться «под реалии времени»; принципиально, чтобы он не менялся в течение всего периода мониторинга (как правило, в течение 4–5 лет). Для иллюстрации последующих этапов представляемого алгоритма условимся, что Анкета респондента включает 10 мотивов труда, для удобства обозначенных буквенной символикой: 1) «А»; 2) «Б»; 3) «В»; 4) «Г»; 5) «Д»; 6) «Е»; 7) «Ж»; 8) «З»; 9) «И»; 10) «К».

2. Второй этап – проведение сплошного опроса респондентов (персонала анализируемых структурных подразделений организации) – заполнение опросной Анкеты, аккумулирующей вопросы трех блоков (частей): 1) *первого*, предназначенного для идентификации респондентов – выявления их параметрических характеристик (пол, возраст, про-

фессия, квалификация, трудовой стаж и т.д.); 2) *второго* блока, нацеленного на диагностику относительной значимости анализируемых мотивов труда, базирующуюся на использовании идеи построения мотивационного профиля Ш. Ричи и П. Мартина [5. С. 16–26]; 3) *третьего* блока, предназначенного для выявления по каждому параметру средних балльных оценок (рейтингов) ожидания, восприятия и важности с использованием пятибалльной шкалы Лайкерта.

Анкета персонала организации (фрагмент)

Инструкция к заполнению части 3. Опираясь на инструкцию (табл. 3), дайте трехстороннюю балльную оценку каждому из десяти (табл. 4) анализируемых параметров (критериев), формирующих уровень трудовой мотивации персонала организации (Вашего структурного подразделения).

3. Третий этап – обработка данных анкетного опроса. Результатом обработки данных второй части Анкеты должна стать выявленная относительная значимость анализируемых мотивов труда (d_i), представленная в типовом формате (табл. 5).

Соответственно, итогом обработки данных третьего блока Анкеты респондентов должны стать (табл. 6) исчисленные по каждому мотиву труда средние балльные оценки (рейтинги) ожидания ($P_i^{ОЖ}$), восприятия ($P_i^{восп}$) и важности ($P_i^{ВАЖ}$).

Таблица 3

Инструкция по заполнению третьего блока Анкеты [6. С. 71]

Блок «Ожидание»	Предназначен для выявления Вашего мнения относительно критериев, которым <i>должна соответствовать идеальная организация</i> (желаемый вариант трудоустройства). Заполняя блок «Ожидание», Вы последовательно отвечаете на вопрос: «Идеальная организация должна иметь...». Если Вы полностью согласны , что идеальная организация должна иметь анализируемый критерий (трудовой мотив), то обведите цифру 5 , если же Вы полностью не согласны с данным утверждением, то обведите цифру 1 . Остальные значения (4, 3, 2) означают степень вашего приближения к той или иной точке зрения
Блок «Восприятие»	Предназначен для выявления Вашего мнения относительно <i>соответствия оказываемой Вашей организации</i> (в которой Вы трудоустроены в настоящее время) перечисленным критериям. Заполняя блок «Восприятие», Вы последовательно отвечаете на вопрос «Организация, в которой я работаю, и должность, которую я занимаю, имеют...»
Блок «Важность»	Предназначен для выявления Вашего мнения относительно <i>значимости для Вас лично</i> каждого из анализируемых критериев. Если критерий очень важен для Вас , то обведите цифру 5 , если же критерий совсем для вас не важен , то обведите цифру 1

Индивидуальная балльная оценка анализируемых мотивов труда

Параметры (мотивы труда)	«Ожидание» (идеальная оценка)					«Восприятие» (фактическая оценка)					Важность критерия				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1. Параметр «А»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
2. Параметр «Б»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
3. Параметр «В»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
4. Параметр «Г»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
5. Параметр «Д»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
6. Параметр «Е»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
7. Параметр «Ж»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
8. Параметр «З»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
9. Параметр «И»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
10. Параметр «К»	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5

Таблица 5

Матрица балльных оценок и выявленной относительной значимости анализируемых мотивов труда (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	№ вопроса				Относительная значимость (d), д.ед.	Ранг значимости параметра
	1	2	...	Итого, баллы		
1. Параметр «А»	а		...	9,2	0,128	2
2. Параметр «Б»	в		...	8,5	0,118	3
3. Параметр «В»		а	...	10,8	0,150	1
4. Параметр «Г»		г	...	5,6	0,078	8
5. Параметр «Д»			...	4,3	0,060	10
6. Параметр «Е»		в	...	7,6	0,106	5
7. Параметр «Ж»	б		...	6,8	0,094	6
8. Параметр «З»		д	...	5,0	0,070	9
9. Параметр «И»	д		...	6,2	0,086	7
10. Параметр «К»	г	б	...	8,0	0,110	4
Итого	6	6	...	72,0	1,000	–

Таблица 6

Сводные результаты оценки анализируемых мотивов труда (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	Рейтинг (средние балльные оценки)		
	ожидания ($P_i^{ОЖ}$)	восприятия ($P_i^{ВОСП}$)	важности ($P_i^{ВАЖ}$)
1. Параметр «А»	4,72	4,25	5,00
2. Параметр «Б»	4,80	3,95	4,95
3. Параметр «В»	4,90	3,68	5,00
4. Параметр «Г»	4,50	4,00	4,70
5. Параметр «Д»	4,35	3,50	4,50
6. Параметр «Е»	4,85	3,25	4,85
7. Параметр «Ж»	4,80	4,10	4,80
8. Параметр «З»	4,60	3,80	4,50
9. Параметр «И»	4,75	3,40	4,60
10. Параметр «К»	4,90	3,85	4,90
Итого	–	–	47,8

В базовой методике [7. С. 46–52] полученная информация (табл. 6) служит основанием для локальной диагностики уровня трудовой мотивации (U^{TM}), базирующегося на опросе конкретных работников, и для графической презентации результатов исследования, сопряженной с разграничением анализируемых параметров (мотивов труда) на три условных типа: относительно благополучные (I квадрант – с низким уровнем проблемности и высоким рейтингом важности); относительно нормальные (II и III квадранты – с допустимым уровнем проблемности и средним рейтингом важности); относительно проблемные (IV квадрант – с высокими уровнями проблемности и важности).

Как отмечалось ранее, полученные результаты во многом зависят от уровня притязательности (U_{II}) респондентов. Представляется, чем ниже уровень притязательности (т.е. чем больше отклонение рейтингов

ожидания от «эталонных» 5 баллов), тем выше будет U^{TM} (при сопоставимых рейтингах восприятия).

Нетрудно подсчитать (табл. 6), что средневзвешенный по важности рейтинг ожидания составит

$$P_{ФАК}^{ОЖ} = \frac{4,72 \cdot 5,00 + 4,80 \cdot 4,95 + 4,90 \cdot 5,00 + 4,50 \cdot 4,70 + 4,35 \cdot 4,50 + \dots + 4,90 \cdot 4,90}{47,80} = 4,72.$$

Соответственно, уровень притязательности респондентов:

$$U_{II} = \frac{P_{ФАК}^{ОЖ}}{P_{ЭТАЛ}^{ОЖ}} = \frac{4,72}{5,00} = 0,94.$$

4. Четвертый этап – расчет достигнутых значений частных (по анализируемым трудовым мотивам) и интегрального уровня трудовой мотивации (табл. 7).

При мониторинге системы трудовой мотивации частные уровни рекомендуется оценивать по формуле

$$Y_i^{TM} = \frac{P_i^{ВОСП}}{P_{Этал}^{ОЖ}} = \frac{P_i^{ВОСП}}{5,00}.$$

Диагностика интегрального (средневзвешенного по значимости параметров) уровня трудовой мотивации выполняется по формуле

$$Y^{TM} = \sum_{i=1}^N Y_i^{TM} \cdot d_i = \sum_{i=1}^N S_i^{TM},$$

где $\sum_{i=1}^N S_i^{TM}$ – сумма структурных составляющих уровня трудовой мотивации персонала (доли единицы – д. ед.).

В нашем условном примере достигнутый уровень трудовой мотивации персонала составит (табл. 7):

$$Y^{TM} = 0,85 \cdot 0,128 + 0,79 \cdot 0,118 + 0,74 \cdot 0,150 + 0,80 \cdot 0,078 + \dots + 0,77 \cdot 0,110 = 0,76.$$

Т а б л и ц а 7

Сводные результаты диагностики уровня трудовой мотивации персонала (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	Балльная оценка		Относительная значимость (d_i), д. ед.	Уровни трудовой мотивации, д. ед.
	эталонная	фактическая		
1. Параметр «А»	5,00	4,25	0,128	0,85
2. Параметр «Б»	5,00	3,95	0,118	0,79
3. Параметр «В»	5,00	3,68	0,150	0,74
4. Параметр «Г»	5,00	4,00	0,078	0,80
5. Параметр «Д»	5,00	3,50	0,060	0,70
6. Параметр «Е»	5,00	3,25	0,106	0,65
7. Параметр «Ж»	5,00	4,10	0,094	0,82
8. Параметр «З»	5,00	3,80	0,070	0,76
9. Параметр «И»	5,00	3,40	0,086	0,68
10. Параметр «К»	5,00	3,85	0,110	0,77
Итого	–	–	1,000	0,76

5. Пятый этап – комплексная (абсолютно-относительная) оценка трудовой мотивации (табл. 8).

Для реализации данного этапа целесообразно воспользоваться системой градаций, базирующейся на использовании типовой оценочной шкалы: 5 – «отлично»; 4 – «хорошо»; 3 – «удовлетворительно»; «2» – «неудовлетворительно». Представляется, что «неудовлетворительный» уровень трудовой мотивации будет диагностирован при рейтинге восприятия (фактической оценке параметра) меньше трех баллов.

В качестве «фона» (как правило) принимается уровень трудовой мотивации, выявленный в целом по исследуемой организации. Допустим, «фоновый» уровень трудовой мотивации составляет 0,65. По результатам комплексной оценки ($Y^{TM} = 0,76$) правомерно заключить, что в сфере трудовой мотивации персонала конкретного структурного подразделения организации сложилась допустимая, относительно благополучная ситуация (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Комплексная оценка уровня трудовой мотивации

Уровень трудовой мотивации персонала анализируемого подразделения	Качественная оценка ситуации
Абсолютная оценка	
1,00	Отлично
От 0,95 до 1,00	Очень хорошо
От 0,80 до 0,94	Хорошо
От 0,70 до 0,79	Допустимо
От 0,60 до 0,69	Удовлетворительно
Менее 0,60	Неудовлетворительно
Относительная оценка	
Выше «фона»	Относительно благополучная
Сопоставим с «фоном»	Сопоставимая
Ниже «фона»	Относительно проблемная

6. Шестой этап – анализ структурных сдвигов трудовой мотивации персонала. При мониторинге Y^{TM} важно: на сколько и в каком направлении (увеличения или уменьшения) он изменился за анализируемый период (как правило, за год)? Но еще важнее: за счет чего (каких именно трудовых мотивов) произошло данное изменение? Реализация шестого этапа основывается на использовании метода относительных величин.

Допустим, исследуемым предметом выступает диагностируемый в течение четырех лет мониторинга уровень трудовой мотивации персонала конкретного структурного подразделения организации.

Подчеркнем, что результаты, полученные в первый год мониторинга (табл. 7), принимаются за базу; соответственно, полученные во второй (табл. 9), в третий (табл. 10) и четвертый (табл. 11) годы мониторинга – как данные анализируемого периода.

Доля, приходящаяся на i -ю структурную составляющую базового уровня трудовой мотивации, рассчитывается по формуле $dS_i^{TM} = \frac{S_i^{TM}}{Y^{TM}}$. Например,

$$\text{для параметра «А»}: dS_A^{TM} = \frac{0,109}{0,760} = 0,1434.$$

Изменение уровня трудовой мотивации за анализируемый период за счет i -й структурной составляющей (i -го мотива) определяется по формуле

$$\Delta Y_{\Delta S}^{TM} = \Delta S_i^{TM} \cdot dS_i^{TM},$$

где $\Delta S_{\Delta S}^{TM}$ – изменение структурной составляющей уровня трудовой мотивации за анализируемый период, %.

Например (табл. 9), за анализируемый период уровень трудовой мотивации возрос на 5,26% (с 0,760 до 0,800), в том числе на 1,71% за счет увеличения на 11,93% структурной составляющей «А», доля которой в базовой структуре составляет 14,34%.

Необходимо подчеркнуть, что представленный методический инструмент мониторинга структурных сдвигов трудовой мотивации успешно прошел апробацию на примере персонала инновационных организаций НП «Алтайский биофармацевтический кластер» (см. табл. 12).

В 2014 г. общее увеличение уровня трудовой мотивации (с 0,814 до 0,849 д. ед.) составило 4,30%. Наибольший вклад в отмеченное внесли следующие структурные составляющие (мотивы труда): премирование персонала по результатам инновационной деятельности (+0,86%); достойный уровень оплаты труда (+0,74%); творческий характер труда (+0,74%); справедливый уровень оплаты труда персонала (+0,73%).

Таблица 9

Результаты анализа структурных сдвигов трудовой мотивации персонала во второй год мониторинга (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	Базовый период (первый год мониторинга)				Анализируемый (второй год мониторинга)		
	Y_i^{TM} , д. ед.	d_i , д. ед.	S_i^{TM} , д. ед.	dS_i^{TM} , д. %	S_i^{TM} , д. ед.	ΔS_i^{TM} , %	$\Delta Y_{\Delta S}^{TM}$, %
1. «А»	0,85	0,128	0,109	0,1434	0,122	+11,93	+1,71
2. «Б»	0,79	0,118	0,093	0,1224	0,088	- 5,38	- 0,65
3. «В»	0,74	0,150	0,111	0,1461	0,120	+8,11	+1,18
4. «Г»	0,80	0,078	0,062	0,0816	0,071	+14,52	+1,18
5. «Д»	0,70	0,060	0,042	0,0553	0,045	+7,14	+0,39
6. «Е»	0,65	0,106	0,069	0,0908	0,062	- 10,14	- 0,91
7. «Ж»	0,82	0,094	0,077	0,1013	0,074	- 3,90	- 0,40
8. «З»	0,76	0,070	0,053	0,0697	0,061	+15,09	+1,05
9. «И»	0,68	0,086	0,059	0,0776	0,059	-	-
10. «К»	0,77	0,110	0,085	0,1118	0,098	+15,29	+1,71
Итого	0,76	1,000	0,760	1,0000	0,800	-	+5,26

Таблица 10

Результаты анализа структурных сдвигов трудовой мотивации персонала в третий год мониторинга (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	Базовый период (первый год мониторинга)				Анализируемый период (третий год мониторинга)		
	Y_i^{TM} , д. ед.	d_i , д. ед.	S_i^{TM} , д. ед.	dS_i^{TM} , д. %	S_i^{TM} , д. ед.	ΔS_i^{TM} , %	$\Delta Y_{\Delta S}^{TM}$, %
1. «А»	0,85	0,128	0,109	0,1434	0,126	+15,60	+2,24
2. «Б»	0,79	0,118	0,093	0,1224	0,085	-8,60	-1,05
3. «В»	0,74	0,150	0,111	0,1461	0,125	+12,61	+1,84
4. «Г»	0,80	0,078	0,062	0,0816	0,072	+16,13	+1,32
5. «Д»	0,70	0,060	0,042	0,0553	0,046	+9,52	+0,53
6. «Е»	0,65	0,106	0,069	0,0908	0,061	-11,59	-1,05
7. «Ж»	0,82	0,094	0,077	0,1013	0,072	-6,49	-0,67
8. «З»	0,76	0,070	0,053	0,0697	0,062	+16,98	+1,18
9. «И»	0,68	0,086	0,059	0,0776	0,062	+5,08	+0,39
10. «К»	0,77	0,110	0,085	0,1118	0,102	+20,00	+2,24
Итого	0,76	1,000	0,760	1,0000	0,813	-	+6,97

Результаты анализа структурных сдвигов трудовой мотивации персонала в четвертый год мониторинга (условный пример)

Параметры (мотивы труда)	Базовый период (первый год мониторинга)				Анализируемый период (четвертый год мониторинга)		
	Y_i^{TM} , д. ед.	d_i , д. ед.	S_i^{TM} , д. ед.	dS_i^{TM} , д. %	S_i^{TM} , д. ед.	ΔS_i^{TM} , %	$\Delta Y_{\Delta S}^{TM}$, %
1. «А»	0,85	0,128	0,109	0,1434	0,129	+18,35	+2,63
2. «Б»	0,79	0,118	0,093	0,1224	0,083	-10,75	-1,32
3. «В»	0,74	0,150	0,111	0,1461	0,127	+14,41	+2,10
4. «Г»	0,80	0,078	0,062	0,0816	0,073	+17,74	+1,45
5. «Д»	0,70	0,060	0,042	0,0553	0,047	+11,90	+0,66
6. «Е»	0,65	0,106	0,069	0,0908	0,059	-14,49	-1,32
7. «Ж»	0,82	0,094	0,077	0,1013	0,070	-9,09	-0,91
8. «З»	0,76	0,070	0,053	0,0697	0,063	+18,86	+1,31
9. «И»	0,68	0,086	0,059	0,0776	0,070	+18,64	+1,45
10. «К»	0,77	0,110	0,085	0,1118	0,104	+22,35	+2,50
Итого	0,76	1,000	0,760	1,0000	0,825	-	+8,55

Сводные результаты мониторинга структурных сдвигов трудовой мотивации персонала
НП «Алтайский биофармацевтический кластер»

Параметры (трудоустройство)	База (2013 г. – первый год)		Анализируемый период (2014 г. – второй год)	
	S_i^{TM} , д. ед.	dS_i^{TM} , д. %	S_i^{TM} , д. ед.	ΔS_i^{TM} , %
1. Достойный уровень оплаты труда персонала	0,086	0,106	0,092	+0,74
2. Справедливый уровень оплаты труда персонала	0,098	0,120	0,104	+0,73
3. Премирование персонала по результатам инновационной деятельности	0,118	0,145	0,125	+0,86
4. Возможность профессионального роста	0,060	0,074	0,058	-0,25
5. Возможность переподготовки за счет предприятия	0,070	0,086	0,072	+0,25
6. Возможность участвовать в научных мероприятиях	0,061	0,075	0,065	+0,49
7. Творческий характер труда	0,091	0,112	0,097	+0,74
8. Развитость корпоративной культуры	0,067	0,082	0,068	+0,12
9. Моральное поощрение персонала	0,077	0,095	0,080	+0,37
10. Хорошие условия труда	0,086	0,105	0,088	+0,25
Итого	0,814	1,000	0,849	+ 4,30

Представляется, что два взаимосвязанных обстоятельства – безусловная актуальность обозначенной проблематики, с одной стороны, и типовой характер предложенного для мониторинга струк-

турных сдвигов трудовой мотивации методического инструментария – с другой, обосновывают правомерность его тиражирования в профильных изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милыева Л.Г., Федоркевич Д.Ю. Методический инструментарий кадрового менеджмента организаций. Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2014.
2. Milyaeva L.G., Milyaev V.D. Analisi delle trasformazioni strutturali di competenza professionale del personale // Italian Science Review. 2014. № 3 (12). P. 227–229.
3. Москвина О.В. Кадровая политика как фактор конкурентоспособности предприятия // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 5.
4. Экономика и управление персоналом: энциклопедический словарь / под ред. проф. С.И. Сотниковой. Новосибирск : НГУЭУ, 2012.
5. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
6. Милыева Л.Г., Фомина С.А. Оценка и стимулирование персонала организаций в условиях инновационной среды. Бийск : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2008.
7. Милыева Л.Г. Мотивация, оценка и стимулирование труда персонала организаций. Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 28 июня 2015 г.

A distinctive feature of the present stage of personnel policy is an essential increase of the importance of labor motivation in personnel management confirmed by the results of the transformation analysis of the leading industrial enterprises of Altai Krai (February 2014). To measure the "depth of transformations" a three-level scale with the corresponding score assessment was used: 1) a minor change (1 point); 2) a notable, but not cardinal change (2 points); 3) a change transformation (3 points). Realization of the offered approach was based on differentiation of three zones of changes: 1) a zone of fluctuations (up to 1.5 points); 2) a transitional zone (from 1.6 to 2.5 points); 3) a zone of transformations (from 2.6 to 3.0 points). By empirical way a considerable increase of the importance (2.8 points) of the only component of personnel policy, a policy in the field of motivation and performance appraisal that caused the need for monitoring of structural shifts of labor motivation of the personnel, was fixed. For the implementation of the noted, original methodical tools assuming consecutive performance of six stages were offered. Its information basis is formed by materials of the target questionnaire of employees of the analyzed enterprises; the conceptual by the idea of the use of a three-dimensional Likert scale. By means of these tools it is possible not only to carry out complex (absolute and relative) diagnostics of labor motivation of the organization, but also to estimate the contribution of each parameter to a change for the analyzed period of the employees' level of labor motivation. The methodological tools of monitoring of structural shifts of labor motivation successfully passed approbation on the example of the personnel of the innovative organizations of Biysk of Altai Krai. It was established that the greatest contribution to an increase in the level of labor motivation by 4.30 % (from 0.814 to 0.849 per unit) was made by four motives: awarding of the personnel by results of innovative activity (+0.86 %); worthy level of compensation (+0.74 %); creative nature of work (+0.74 %); fair level of compensation (+0.73 %). Respectively, the smallest contribution was made by three motives: development of corporate culture (+0.12 %); possibility of professional growth (–0.25 %); possibility of retraining at the expense of the enterprise (+0.25 %). It seems obvious that two interconnected circumstances: unconditional relevance of the described perspective, on the one hand, and standard character of the methodological tools offered for monitoring of structural shifts of labor motivation, on the other hand, prove legitimacy of its replication in profile editions.

REFERENCES

1. Milyaeva, L.G. & Fedorkevich, D.Yu. (2014) *Metodicheskiy instrumentariy kadrovogo menedzhmenta organizatsiy* [Methodological toolkit for personnel management in organizations]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
2. Milyaeva, L.G. & Milyaev, V.D. (2014) Analisi delle trasformazioni strutturali di competenza professionale del personale. *Italian Science Review*. 3 (12). pp. 227–229.
3. Moskvina, O.V. (2011) Personnel Policy as a Factor in the Competitiveness of Enterprises. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo*. 5. (In Russian).
4. Sotnikova, S.I. (ed.) (2012) *Ekonomika i upravlenie personalom: entsiklopedicheskiy slovar'* [Economy and personnel management: encyclopedic dictionary]. Novosibirsk: NGUEU.
5. Richie, S. & Martin, P. (2004) *Upravlenie motivatsiyey* [Motivation Management]. Moscow: YuNITI-DANA.
6. Milyaeva, L.G. & Fomina, S.A. (2008) *Otsenka i stimulirovanie personala organizatsiy v usloviyakh innovatsionnoy sredy* [Assessment and stimulation of staff of organizations in the innovation environment]. Biysk: Altai State Technical University.
7. Milyaeva, L.G. (2005) *Motivatsiya, otsenka i stimulirovanie truda personala organizatsiy* [Motivation, assessment and stimulation of personnel in organizations]. Barnaul: Altai State Technical University.

Received: 28 June 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 377.1

А.Р. Камалева

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО СОДЕРЖАНИЯ КУРСА ФИЗИКИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС СПО

С целью разработки и реализации компетентно-ориентированного учебного курса «Физика» в условиях, когда в федеральных государственных стандартах третьего поколения не прописано, какие компетенции конкретно необходимо формировать у студентов, в статье обосновывается необходимость и целесообразность осуществления лишь нисходящего проектирования этого учебного курса и предлагается алгоритм и схема технологической карты реализации механизма компетентно-ориентированного проектирования курса физики.

Ключевые слова: алгоритм проектирования курса; технологическая карта реализации механизма курса.

В условиях перехода России к инновационной экономике отечественное образование оказывается все более подверженным системным изменениям, которые проявляются в превращении начального профессионального образования в один из уровней среднего профессионального образования, в переводе среднего профессионального образования на региональный уровень и др. Данные изменения, а также переход к образовательным стандартам третьего поколения, отражаются на задачах, стоящих перед профессиональным образованием.

Обновление содержания и структуры курсов естественнонаучных дисциплин в образовательных учреждениях системы профессионального образования (СПО) влечет за собой изменения в методах и формах организации учебной работы. Это в свою очередь требует значительного усовершенствования старых и нахождения новых методов, приемов обучения, повышающих эффективность педагогического проектирования учебных курсов.

Педагогическое проектирование учебных курсов – это предварительная разработка основных деталей предстоящей деятельности обучаемых и педагогов, совершаемая как ряд последовательно следующих друг за другом этапов.

Проектирование – это целенаправленная деятельность, которая обладает последовательностью процедур, ведущих к достижению эффективных решений. Соответственно, должна быть структура процесса решения задачи проектирования, которая помогает ответить на вопрос «как это делать?». Решение поставленной задачи требует от учебных заведений разработки алгоритма моделирования содержания учебных курсов по дисциплинам естественно-математического цикла, в том числе и по физике, разработки механизма отбора учебной информации, выбора методов обучения и определения технологий организации образовательного процесса на основе определения его инвариантной и вариативной частей.

Выявлено, что в новых стандартах СПО по специальностям технического и гуманитарного профиля отсутствуют компетенции, формируемые на базе общеобразовательных предметов естественнонаучного цикла (в том числе и физики), что вызывает трудности в проектировании компетентно-ориенти-

рованных учебных планов и учебных курсов, и появляется необходимость разработки и формулировки как общих, так и пропедевтических профессиональных компетенций [8]. В этом проявляется несоответствие между ФГОСами второго поколения основной школы и ФГОСами третьего поколения СПО.

Перед преподавателями физики СПО стоит задача разработки и реализации компетентно-ориентированных учебных планов и учебных курсов, а в ФГОСах не прописано, какие компетенции конкретно необходимо формировать у студентов. В результате приходится осуществлять лишь нисходящее проектирование учебного курса, когда ведение разработки объекта происходит последовательно от общих черт к детальным и, кроме того, при нисходящем проектировании возможно появление требований, впоследствии оказывающихся нереализуемыми по различным соображениям. Тогда как при осуществлении восходящего проектирования возможен ход разработки от частного к общему, что в создавшейся в настоящее время ситуации неприменимо к проектированию курса физики в СПО. При данном пути проектирования возможно получение объекта, не соответствующего заданным требованиям, в нашем случае модели выпускника СПО. Как показывает опыт, в реальной жизни, вследствие итерационного характера проектирования, оба его вида должны быть взаимосвязаны.

«Слово “алгоритм” произошло от латинской формы написании имени великого древнегреческого математика IX в. Мухаммеда ибн Муссы аль-Хорезми (что означает «из Хорезма») – *Algorithmi*, который сформулировал правила выполнения четырех арифметических действий над числами в десятичной системе исчисления. Слово “алгоритм” связано с именем знаменитого древнегреческого математика Евклида, который так назвал сформулированные им правила нахождения наибольшего общего делителя двух чисел. Систему правил выполнения математических действий в Европе называли термином “алгоритм”, который впоследствии переродился в “алгоритм”, обозначавший правила решения задач определенного вида» [6. С. 3].

Алгоритмизация учебного процесса, без которой немислимы ни программированное обучение, ни пе-

дагогическая технология, и алгоритмизация проектирования компетентностно-ориентированного содержания любого естественнонаучного учебного курса в условиях реализации ФГОС СПО обладают одинаковыми свойствами. На наш взгляд, наиболее полно эти свойства представлены М.С. Пак в пособии «Алгоритмика при изучении химии» [4]. Она считает, что «алгоритм – это конечная последовательность точно сформулированных правил решения некоторых типов задач» [7. С. 5].

Первым наиболее значимым свойством любого алгоритма является его *массовость*. «Если алгоритм разработан для решения данной задачи, то он должен быть применен для решения задач всего типа». «Пошаговый (дискретный) характер алгоритма» характеризует его *дискретность*, когда «преобразование исходных данных в конечный результат осуществляется дискретно, т.е. действия или команды в каждый последующий момент времени выполняются по четким правилам вслед за действиями, имевшими место в предыдущий момент времени. Только выполнив одно указание, можно перейти к выполнению следующего» [7. С. 5].

В нашем алгоритме проектирования компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО это свойство алгоритмов нашло отражение в семи взаимосвязанных и взаимообусловленных этапах.

1-й этап. *Ознакомительный. Подготовка к проектной деятельности.* Содержит пять ступеней, начиная со знакомства с ФГОС СПО по направлению подготовки и заканчивая знакомством с требованиями к материально-техническому оснащению учебного процесса, отраженными во ФГОС СПО по направлению подготовки и в ОПП.

2-й этап. *Аналитический.* Содержит знакомство с с примерной учебной программой дисциплины, сопоставительный анализ рабочей программы ГОС СПО с примерной учебной программой дисциплины ФГОС СПО по структурным компонентам (шаблону), алгоритму проектирования, и предлагает изучить аналоги рабочих программ по дисциплине (отечественные и зарубежные) и осмыслить шаблон рабочей программы, построенный на компетентностном подходе и представленный в кредитно-модульном формате.

3-й этап. *Проектный.* Все 17 действий этого этапа, начиная с выделения компетенций, формируемых на этой дисциплине, и заканчивая разработкой материально-технического обеспечения реализации рабочей программы, согласно требованиям ФГОС СПО, ООП по направлению подготовки, ориентированы на структурирование содержания учебной дисциплины.

4-й этап. *Создание текста рабочей программы* содержит три действия и заканчивается выкладыванием проекта программы на сайт учебного заведения, можно провести форум.

5-й этап. *Экспертный.* Пять действий этого этапа предполагает два уровня экспертизы.

6-й этап. *Утверждение рабочей программы.*

7-й этап. *Функционирование рабочей программы* предполагает не только введение программы в систему, ежегодное прохождение процедуры переутверждения

рабочей программы в методической комиссии и осуществление обратной связи со студентами посредством анкеты-отзыва на ведение дисциплины, но и фиксацию уровней сформированности компетенций.

Все 43 действия преподавателя в соответствии с предложенным алгоритмом и третьим свойством любого алгоритма – *детерминированностью* – были оценены по 10-балльной системе оценивания 22 преподавателями физики СПО РТ 26.03.2014 г. в процессе проведенного на базе ИППО РАО семинара в рамках Республиканского конкурса совместных творческих проектов по дисциплине «Физика». «Основным свойством алгоритма является детерминированность (однозначная определенность) – ориентированность на определенного исполнителя» [8. С. 5].

Анализ первого подготовительного этапа нашего алгоритма показал, как и предполагалось, озабоченность преподавателей физики СПО РТ решением проблемы разработки и реализации матрицы компетенций. Остальным действиям этого этапа алгоритма все преподаватели оказали доверие, они оценили их значимость в пределах от 83,32 до 94,74% (рис. 1).

Результаты оценивания второго этапа проектирования (рис. 2) компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО свидетельствуют о том, что преподаватели физики наибольшее значение (95,24%) уделяют сопоставительному анализу рабочей программы ГОС СПО и примерной учебной программы дисциплины ФГОС СПО по структурным компонентам (шаблону). Порадовало то, что, приступая к проектированию новой рабочей программы, большинство преподавателей физики (88,24%) изучали аналоги программ по своей дисциплине (отечественные и зарубежные).

При этом осмысление шаблона рабочей программы (76,92%), построенного на компетентностном подходе и представленного в кредитно-модульном формате, не вызвало у педагогов интереса. Это связано с тем, что вопрос разработки диагностического инструментария на кредитной основе еще не разработан до конца и не имеет практико-ориентированного характера.

Модульное же представление содержания учебного курса поддерживается практически всеми преподавателями физики.

Анализ третьего проектного этапа нашего алгоритма (рис. 3) показал, что у преподавателей физики вызвали затруднения составление матрицы тем и формируемых компетенций с указанием трудоемкости (85%) и определение образовательных технологий, посредством которых будут сформированы заявленные компетенции (73,68%). Все преподаватели стопроцентно поддерживают необходимость разработки компетентностно-ориентированного учебно-методического и информационного обеспечения дисциплины и проектирования самостоятельной работы студентов (график, содержание, формы организации и контроля) в условиях значительного увеличения часов, отведенных на самостоятельную учебную работу по стандартам третьего поколения ФГОС СПО. Как показывают цифры на диаграмме (от 89,47 до 95%), все остальные 13 последовательных действий проектного этапа алгоритма были преподавателями одобрены.

Оценивая четвертый этап алгоритма «Создание текста рабочей программы» (рис. 4), большинство преподаватели с пониманием отнеслись к размещению программы на сайте учебного заведения в соответствии с эскизным проектом рабочей программы. Но 3 человека из 22 опрошенных действиям 4.2 и 4.3 предложенного алгоритма поставили 2 и 3,3 по 10-балльной шкале. На наш взгляд, это связано не столько с нежеланием открытости, сколько с возрастом преподавателей.

В прошлом 2013 г. нами было проведено анкетирование преподавателей с целью выявления и обобщения опыта проектирования и реализации отдельных курсов естественнонаучной и общепрофессиональной подготовки. Было обработано 102 анкеты: из РТ – 31 шт., ПФО – 30 шт., РФ – 41 шт., и установлено, что в ближайшее время средние профессиональные учреждения могут столкнуться с угрозой кадрового дефицита: доля преподавателей со средним возрастом от 50 и более лет составляет более 59,3%; от 40 до 50 лет – 14,8%; от 30 до 40 лет – около 22%, доля молодых преподавателей в

возрасте от 20 до 30 лет составляет незначительный процент (около 4%) [2. С. 9].

Пятый и шестой этапы (экспертный и утверждение рабочей программы) алгоритма проектирования компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО вызвали неоднозначное отношение у преподавателей физики.

Нежелание проходить второй уровень экспертизы и вносить дважды поправки в рабочую программу показывают низкие цифры: 75% на фоне 94,12% – представления программы на первый уровень экспертизы. Лишь один преподаватель (из 22 опрошенных) не захотел представлять свою рабочую программу на экспертизу вообще.

Оценивая последний, седьмой этап (рис. 6) нашего алгоритма – функционирование рабочей программы – часть преподавателей (4 чел.) холодно отнеслись к предложению осуществлять обратную связь со студентами посредством анкеты-отзыва на ведение дисциплины (78,95%).

1 этап. Ознакомительный. Подготовка к проектной деятельности

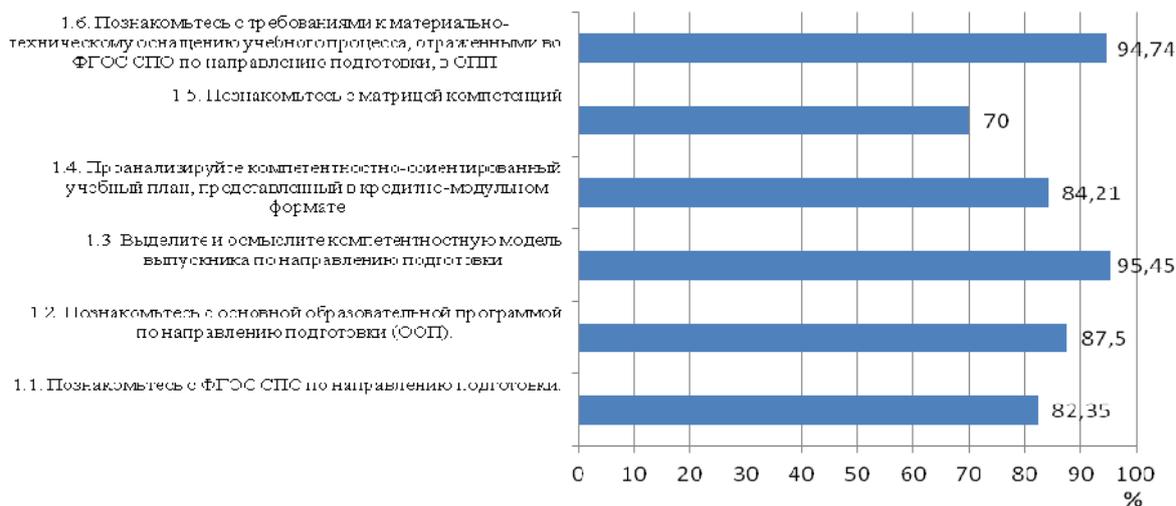

Рис. 1

2 этап. Аналитический

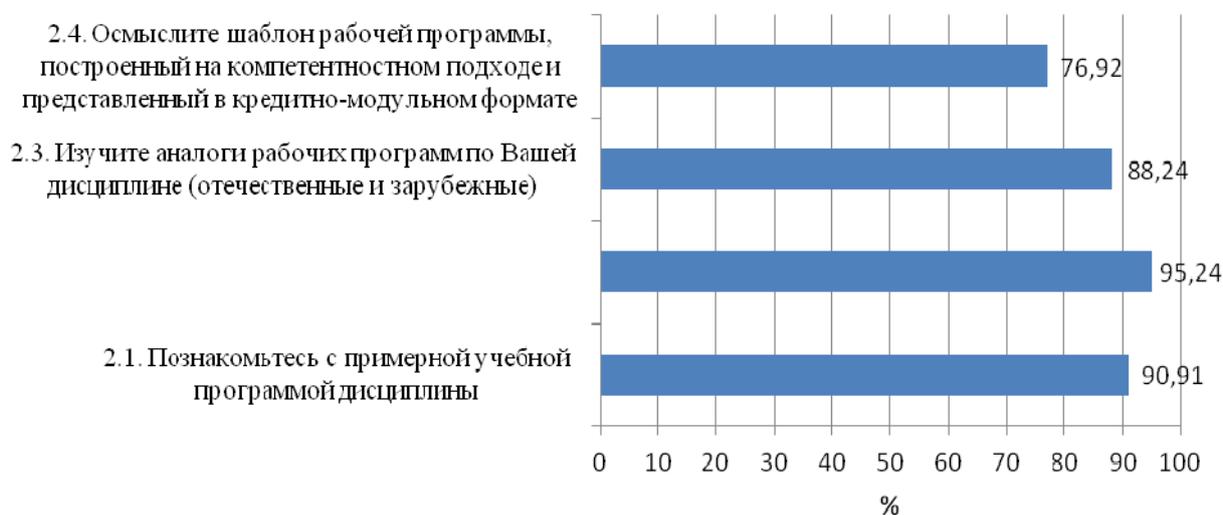

Рис. 2

3 этап. Проектный

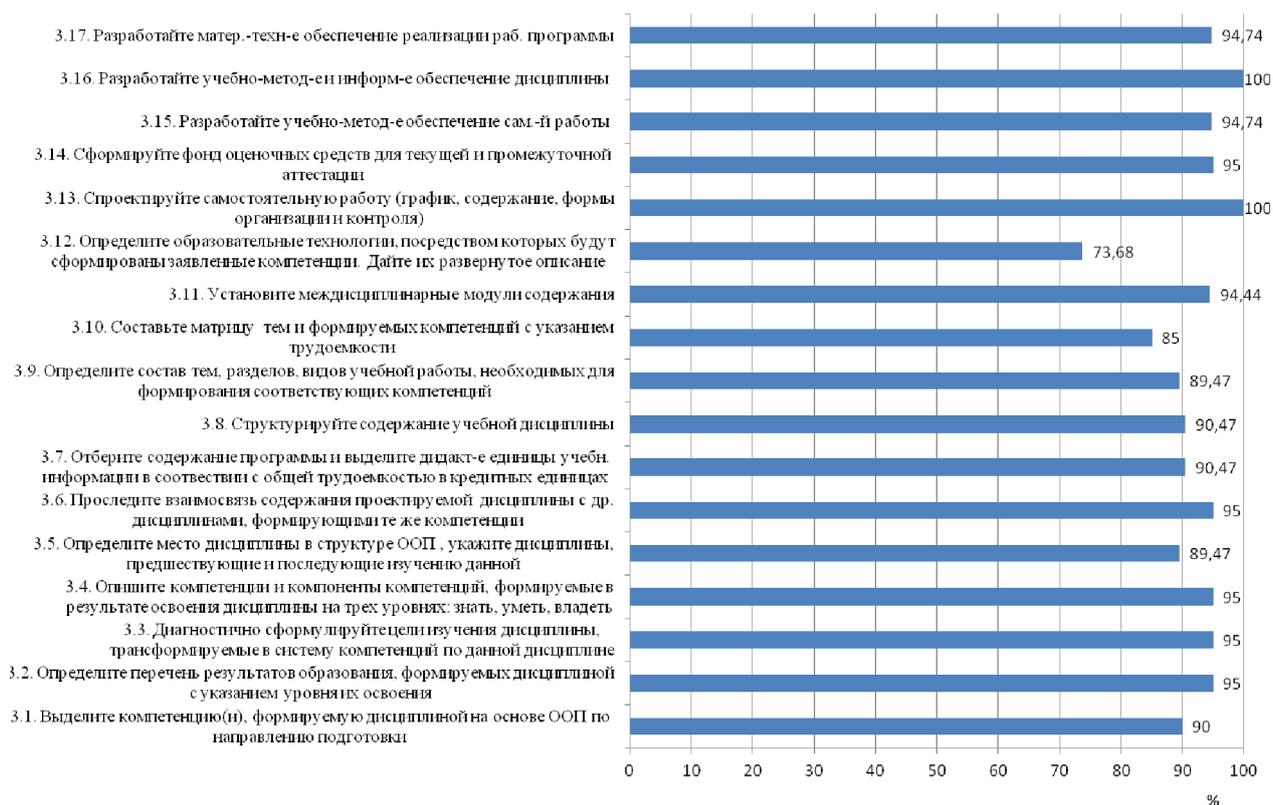

Рис. 3

4 этап. Создание текста рабочей программы

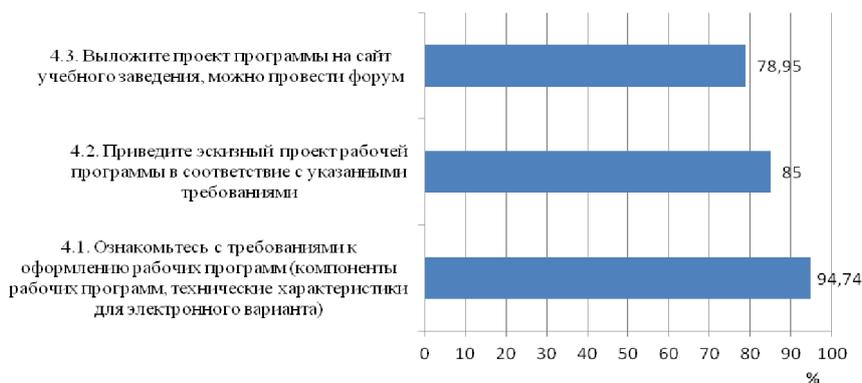

Рис. 4

5 этап. Экспертный

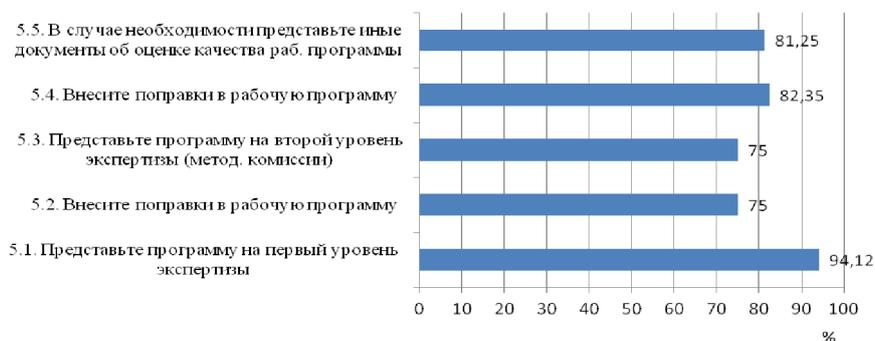

Рис. 5

Последние три действия этого этапа – подготовить к выпуску материалы учебно-методического сопро-

вождения дисциплины, осуществлять взаимодействие с преподавателями, чьи рабочие программы ориенти-

рованы на формирование сходных компетенций на предшествующем и последующем этапе обучения и проводить согласование оценочных средств и оценивать уровень формирования компетенций (входной, текущий и итоговый контроль компетенций) – были одобрены преподавателями (94,44%), вызвали устойчивый интерес. Это свидетельствует о том, что преподаватели физики учреждений СПО Республики Татарстан активно используют современный компетентностно-ориентированный научно-методический потенциал в проектировании своих учебных курсов.

Таким образом, можно констатировать, что детерминированность как ориентированность на опре-

деленного исполнителя, в данном случае преподавателя физики, подтвердилась полностью (для всех 43 действий) для разработанного нами алгоритма проектирования компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО. И так как «алгоритм, реализованный любым лицом, должен вести при одинаковых исходных данных к одинаковым результатам» [8. С. 5], можно говорить и о том, что результативность нашего алгоритма как «последовательное выполнение всех предписываемых действий должно привести к решению задачи за конкретное число шагов» доказана.

7 этап. Функционирование рабочей программы

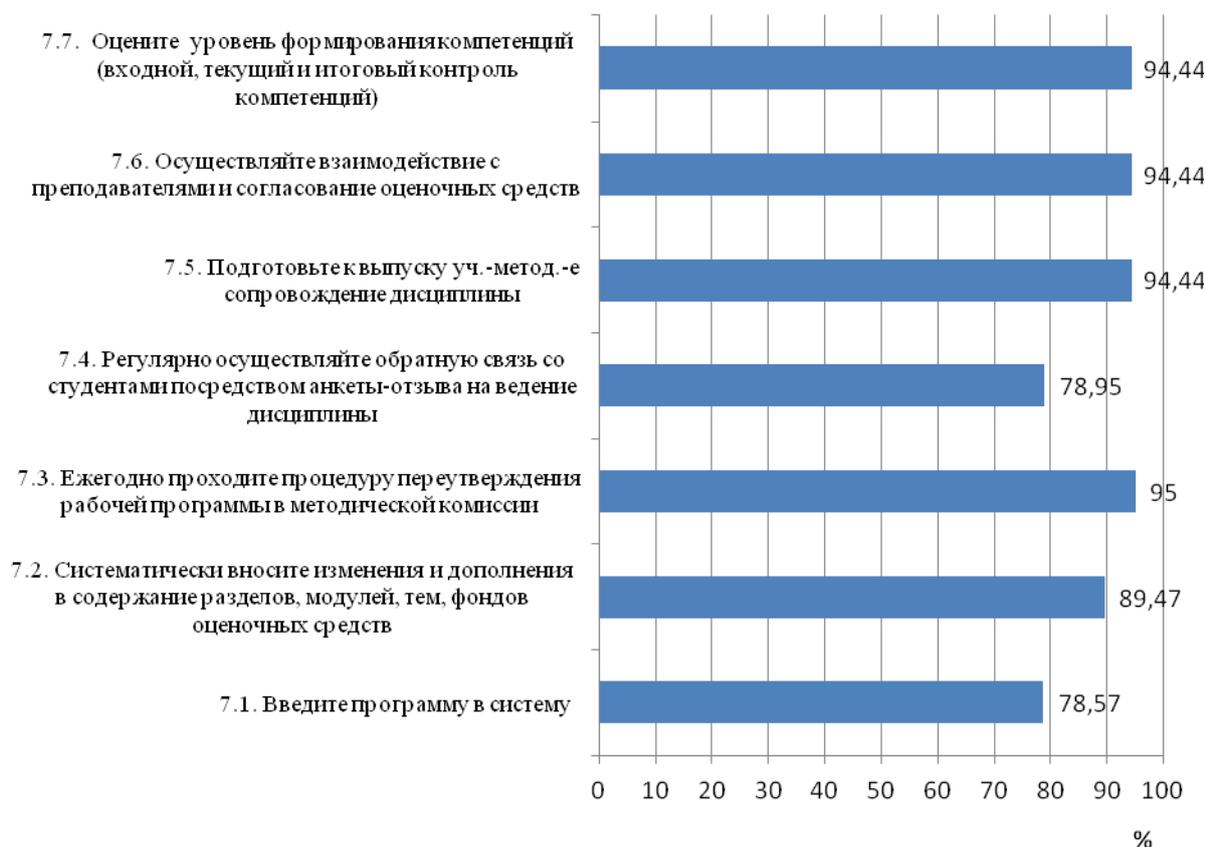

Рис. 6

В процессе реализации предложенного алгоритма была разработана и апробирована совместно с преподавателем-экспериментатором О.В. Русской (Зеленодольский механический техникум, Республика Татарстан) схема технологической карты реализации механизма компетентностно-ориентированного проектирования курса физики. Необходимость реализации подобной карты сегодня диктуется изменившейся образовательной парадигмой, ориентированной на подготовку не столько «обученной», сколько социально-адаптированной, конкурентоспособной, творческой личности, которая сможет «самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способной к сотрудничеству, отличающейся мобильностью, динамизмом, конструктивностью» [3]. Решение данной проблемы в условиях внедрения в образовательную практику

ФГОС предполагает переход на новое содержание профессионального образования, разработку нового поколения учебно-программной документации для конкретной профессии, а также совершенствование форм диагностики, контроля знаний, умений, навыков для повышения качества образования [3, 5].

В исследовании Л.П. Борисовой диагностика качества обучения студентов средних профессиональных учебных заведений определяется как процесс контроля, проверки, учета, оценивания, накопления статистических данных о результатах их образовательной деятельности (уровня обученности и обучаемости, уровня сформированности общеучебных (универсальных) умений и навыков, а также уровня владения творческой деятельностью) с целью выявления динамики образовательных изменений и личностных приращений, коррекции процесса обучения [1].

В нашем исследовании осуществление диагностического контроля за обучающимися на всех этапах дидактического процесса – от начального восприятия теоретических знаний и до их практического применения – происходило посредством технологии пропедевтического формирования общекультурных (ОК) и профессиональных компетенций (ПК) студентов ссуз, позволяющей не только определить уровень сформированности компетенций, но и оптимизировать способы их оценки.

Схематически данная технология (см. схему 1) представляет собой совокупность четырех этапов, каждый из которых оценивается по балльной шкале. Максимальное количество баллов, которое можно набрать по сумме всех этапов, составляет 100, т.е. этапы с первого по четвертый могут оцениваться, например, в 15, 30, 20 и 35 баллов соответственно.

На первом этапе пропедевтического формирования профессиональных компетенций студентов ссуз осуществляется тематическое наполнение модулей соответствующим лекционным материалом. Модуль № 1 «Основы механики» содержит 9 тем, начиная с кинематики и заканчивая механическими волнами. Соответственно, модуль № 2 «Молекулярная физика и термодинамика» содержит 9 тем, модуль № 3 «Электричество и магнетизм» – 18 тем, модуль № 4 «Оптика» – 4 темы, модуль № 5 «Основы квантовой физики» – 10 тем. Проверка степени владения студентом материалом изучаемой дисциплины реализуется на уровне «знать». Для повышения уровня усвоения и контроля правильности восприятия лекционного материала и усиления эффективности познавательной деятельности студентов преподаватель может использовать экспресс-контроль или метод написания студентами рефератов и т.п.

При освоении специальностей СПО технического профиля физика изучается как профильная учебная дисциплина. Трудоемкость каждого из модулей определяется сложностью содержания теоретического материала (составляющего тот или иной модуль), а также наличием или отсутствием связи учебного материала с общепрофессиональными и специальными дисциплинами, которые только будут изучаться студентами на старших курсах обучения [9]. Поэтому трудоемкость лекционного материала по дисциплине «Физика» составляет 3 б., 3 б., 5 б., 1 б., 3 б. с первого по пятое модули соответственно. Максимальная трудоемкость отведена на третий модуль, так как в программе по физике, реализуемой при подготовке студентов по специальностям технического профиля, доминирующей составляющей является раздел «Электродинамика» (модуль 3) в связи с тем, что большинство специальностей СПО, относящихся к этому профилю, связаны с изучением электротехники и электроники. Поэтому задания именно этого модуля имеют наибольшее количество баллов (5 б.) при оценке.

На втором этапе оценивается степень владения материалом, применения теории на практике на уровне «знать» и «уметь». Данный этап может быть представлен лабораторными работами, а также задачами и заданиями, в которых нет явного указания на способ выполнения, т.е. студент для их решения самостоятельно выбирает один из изученных способов.

Задания данного блока позволяют оценить не только знания по дисциплине, но и умения пользоваться ими при решении стандартных (типовых) задач. Логическое мышление студента в данном случае выступает средством достижения «умений».

На втором этапе пропедевтического формирования ОК и ПК у студентов ссуз на практике осуществляется закрепление теоретических знаний по физике по каждому из пяти пройденных модулей. На этом этапе наша технология предполагает, что студенты выполнят задания, требующие от учащихся применять формулы, оперировать законами и теорией, осуществлять расчет сил, планировать и выполнять эксперименты, определять зависимости физических величин, оценивать характер этих зависимостей и т.п.

Преподаватель физики ГБОУ СПО «Зеленодольский механический колледж» О.Б. Русскова считает, что уровень усвоения лекционного материала по первому модулю «Основы механики» может быть наиболее успешно оценен по решению студентами графических задач, по умению произвести расчет сил в динамике, применить законы Ньютона и колебательного движения при решении задач, а также по использованию полученных теоретических знаний и умений при выполнении лабораторной работы по определению ускорения свободного падения с помощью математического маятника. Таким образом, трудоемкость выполняемых заданий (4 б., 8 б., 8 б., 6 б. и 4 б.) на втором этапе определяется способностью студента применять приобретенные знания и умения в стандартных и нестандартных ситуациях.

Следует отметить, что практическая направленность лабораторных работ требует от преподавателей большой работы, которая проявляется в том, чтобы содержание деятельности студентов являлось предпосылкой правильного мышления и речи, вело их к дальнейшей углубленной самостоятельной работе, активизировало их мыслительную деятельность, развивало логику и, наконец, вооружало методами практической работы, необходимыми для успешного овладения общими и профессиональными компетенциями при последующем изучении родственных общепрофессиональных и специальных дисциплин.

В свою очередь, решение стандартных задач средней сложности на втором этапе способствует формированию практических умений и подготавливает студентов к продуктивной реконструктивной (эвристической) деятельности, т.е. к *третьему этапу* освоения учебного материала. Эвристическая деятельность выполняется не по однозначным правилам, а основывается на умении и понимании студентом логической взаимосвязи терминов и понятий в определениях, законах, теоремах, на умении добывать субъективно новую информацию путем трансформации ранее известной, решать задачи высшей профессиональной сложности, рационально решать прикладные профессиональные задачи, выполнять творческие работы по одной из тем, предложенных преподавателем. Таким образом, на третьем этапе применения технологической карты предусматривается применение комплекса умений, необходимых для самостоятельного конструирования способа выполнения задания.

Схема технологической карты реализации механизма компетентно-ориентированного проектирования курса физики в СПО

Лекции	Модуль 1	I ступень	Практические занятия Задание 1 Задание 2 Задание 3 Задание 4 Задание 5 4 б 8 б 8 б 6 б 4 б 30 баллов					II ступень	Задачи / задания с учетом специфики раздела физики № 1 № 2 № 3 № 4 № 5 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 20 баллов					III ступень	Итоговый контроль Тесты средней сложности Тесты высокой сложности 35 баллов		IV ступень
	Модуль 2																

Оценку освоения дисциплины на уровне «знать», «уметь», «владеть» (третий этап) предлагается осуществлять на основе подготовки студентами ссуз творческой работы и / или презентации по одной из тем, выполнения домашней лабораторной работы, а также за счет решения прикладных задач, имеющих профессиональную направленность (авторских О.Б. Русковой). Использование последних позволяет отследить степень усвоения обучающимися не только теоретического фундамента физики, но и ее прикладного содержания. Характерными чертами применяемых на данном этапе задач является синтез знаний из разных теоретических разделов физики и смежных дисциплин, направленность на выработку у студентов ссуз умения соотнести сложившуюся на практике ситуацию с конкретной предметной областью и дать профессиональную интерпретацию полученных результатов.

Оценка сформированности у студентов общекультурных и профессиональных компетенций по физике с учетом профиля получаемой специальности осуществляется на четвертом этапе. Оценивание происходит в процессе проведения в середине учебного года итоговой контрольной за 1-й семестр (модуль 1, модуль 2), а также в конце учебного года – экзамена. Трудоемкость используемого материала для контроля оценивается в 15 и 20 баллов соответственно.

Итоговая результативность пропедевтического формирования общекультурных и профессиональных компетенций с первого по четвертый этапы рассматриваемой технологии по дисциплине «Физика» рассчитывается по формуле

$$P = k_{Л} \cdot 15б + k_{П} \cdot 30 б + k_{З} \cdot 20 б + k_{ИК} \cdot 35 б,$$

где $k_{Л} = 0,2 \div 1$ – коэффициент эффективности усвоения теоретического курса; $k_{П} = 0,2 \div 1$ – коэффициент сложности решения практических задач; $k_{З} = 0,2 \div 1$ – коэффициент сложности заданий с учетом специфики раздела физики; $k_{ИК} = 0,5 \div 1$ – коэффициент сложности тестовых вариантов экзамена (зачета).

$$P_{max}^{min} = 11,0 \div 100 б.$$

Таким образом, предлагаемая нами структура пропедевтической технологии дает преподавателю возможность диагностировать как результаты учебного процесса по преподаваемой дисциплине (модулям, темам), так и качество знаний студентов по узловым точкам профессионального мастерства, что способствует развитию у них логического мышления, формированию практических умений и навыков, самоконтроля, самоанализа. Причем процесс ступенчатого формирования профессиональных компетенций студентов идет от простого к сложному и предполагает переход количества в качество.

Использование пропедевтической технологии позволяет осуществлять поэтапное формирование умственных действий обучающихся, их способности (или готовности) применять знания, использовать обобщенные способы выполнения действий.

Необходимо отметить, что использование пропедевтической технологии формирования профессиональных компетенций у первокурсников позволяет не только отслеживать конкретные достижения студента на каждом из четырех её этапов и обогащать качество учебного опыта, но и решить еще одну очень важную задачу – реализовать диагностическую технологию внешнего оценивания компетенций на всем пути освоения содержания учебной дисциплины.

Дополнение пропедевтической технологии уровневое-критериальной системой контроля позволяет фокусировать внимание на результатах каждого отдельного студента, проводить тщательный мониторинг успешности освоения студентами материала изучаемой дисциплины, одновременно контролируя уровень сформированности у них профессиональных компетенций. В результате на основе поэтапного формирования и анализа учебных достижений студентов появляется возможность фокусировать внимание на результатах каждого отдельного студента, что особенно важно при формировании социально-адаптированной, конкурентоспособной, творческой личности.

Выводы

1. Педагогическое проектирование учебных курсов – это предварительная разработка основных деталей предстоящей деятельности обучаемых и педагогов, совершаемая как ряд последовательно следующих друг за другом этапов.

2. В новых стандартах СПО по специальностям технического и гуманитарного профиля отсутствуют компетенции, формируемые на базе общеобразовательных предметов естественнонаучного цикла (в том числе и физики), поэтому появляется необходимость разработки и формулировки как общих, так и пропедевтических профессиональных компетенций. В результате приходится осуществлять лишь нисходящее проектирование учебного курса, когда ведение разработки объекта происходит последовательно от общих черт к детальным.

3. Алгоритмизация проектирования компетентностно-ориентированного содержания любого естественнонаучного учебного курса в условиях реализации ФГОС СПО обладает определенными свойствами: массовостью, дискретностью, детерминированностью, результативностью.

4. При разработке и апробировании алгоритма проектирования компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО нашли отражение все свойства алгоритмов во всех семи взаимосвязанных и взаимообусловленных этапах.

5. В процессе реализации предложенного алгоритма была разработана и апробирована схема технологической карты реализации механизма компетентностно-ориентированного проектирования курса физики, дополненного уровневое-критериальной системой контроля, позволившей проводить тщательный мониторинг успешности освоения студентами курса физики в результате поэтапного формирования и анализа учебных достижений студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Л.П. Диагностика качества обучения студентов средних профессиональных учебных заведений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2009. 23 с.

2. Камалеева А.Р. Проектирование и реализация учебных курсов естественнонаучного профиля в рамках образовательных программ учреждений среднего профессионального образования в условиях реализации ФГОС СПО // Опыт реализации учебных курсов естественнонаучного и общепрофессионального циклов в условиях реализации ФГОС СПО. Казань : Данис, 2013. С. 5–13.
3. Камалеева А.Р. Балльно-рейтинговая оценка качества обучения студентов по курсу «Концепции современного естествознания» // Образование и саморазвитие. 2009. Т. 2, № 12. С. 39–44.
4. Крысько В.Г. Психология и педагогика // Схемы и комментарии. М., 2001. 368 с.
5. Маряшина И.В., Камалеева А.Р., Храпаль Л.Р., Мухутдинова Т.З. Балльно-рейтинговая система оценивания результатов обучения в преподавании курса физики. Часть 1 // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 9. С. 340–343.
6. Пак М.С. Алгоритмика при изучении химии. М. : Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. 25 с.
7. Пак М.С. Алгоритмы в обучении химии : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1993. 63 с.
8. Русскова О.Б. Проектирование физики на основе компетенций: из опыта Зеленодольского механического колледжа // Опыт реализации учебных курсов естественнонаучного и общепрофессионального циклов в условиях реализации ФГОС СПО. Казань : Данис, 2013. 110 с. С. 13–18.
9. Семакова В.В., Камалеева А.Р. Опыт проектирования учебных курсов по электротехническим дисциплинам в технических учебных заведениях среднего звена // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 4 (6). С. 20–31.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 14 февраля 2015 г.

DESIGN OF THE COMPETENCE-ORIENTED CONTENT OF A PHYSICS COURSE UNDER THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD FOR SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 193–201. DOI: 10.17223/15617793/398/32

Kamaleyeva Alsou R. Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education (Kazan, Russian Federation). E-mail: Kamaleyeva_kazan@mail.ru

Keywords: algorithm of design of a course; flow chart of realization of mechanism of a course.

Update of the content and structure of natural sciences courses in educational institutions of secondary vocational education (SVE) entails changes in the methods and forms of educational work. Instructional design of courses is the preliminary development of the basic details of the forthcoming activities of students and teachers performed as a series of consecutive steps. The new standards of SVE lack competencies formed on the basis of general subjects, which causes difficulties in the design of competence-oriented curricula. As a result, teachers have to carry out a top-down design of the course, when object development occurs sequentially from the general to the detailed features. Algorithmization of designing the content of any course has the same properties: mass character; efficiency; readability, which is reflected in the seven interconnected and interdependent stages in the algorithm of a physics course content design: Stage 1. Familiarization. Preparation for the project activities. There are five substages, from reading the federal state standard for the specialty to learning its requirements for the material and technical equipment of the educational process. Stage 2. Analytical. It includes learning the curriculum of the discipline, a comparative analysis of the work programs of the state standard and of the federal state standard for the curriculum discipline by structural components (template) and design algorithm, and proposes to investigate analogue work programs in the discipline (domestic and foreign) and understand the pattern of the program designed by a competence approach and presented in the credit-modular format. Stage 3. Project. All seventeen actions of this phase, from selecting competencies formed by the course to developing of logistics implementation of the work program, are focused on structuring the content of the discipline. Stage 4. Creation of the text of the work program contains three steps and ends with the upload of the draft program to the website of the institution. It is possible to hold a forum. Stage 5. Expert. Five actions of this phase involve two levels of expertise. Stage 6. Adoption of the work program. Stage 7. The functioning of the work program involves not only the introduction of the program in the system, but also annual work program reapproval procedures in the methodology committee and feedback from students through questionnaires, reviews of the teaching of the discipline, fixation of the competency formation level. As a result, in accordance with the multi-level hierarchical approach to design, the competence-oriented content of the algorithm for designing the content of a physics course is determined. Algorithm implementation employed a scheme of a technological profile for the implementation of the mechanism competence-oriented design of a course in physics, supplemented by a tier-criteria control system, allowing a thorough monitoring of the success of mastering the course as a result of the gradual formation and analysis of students' educational achievements.

REFERENCES

1. Borisova, L.P. (2009) *Diagnostika kachestva obucheniya studentov srednikh professional'nykh uchebnykh zavedeniy* [Diagnosis of the quality of training of students of secondary vocational schools]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Stavropol.
2. Kamaleyeva, A.R. (2013) *Proektirovanie i realizatsiya uchebnykh kursov estestvennonauchnogo profilya v ramkakh obrazovatel'nykh programm uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh realizatsii FGOS SPO* [Design and implementation of training courses in the natural sciences educational programs of secondary vocational education in the implementation of SVE FSES]. In: *Opyt realizatsii uchebnykh kursov estestvennonauchnogo i obshcheprofessional'nogo tsiklov v usloviyakh realizatsii FGOS SPO* [Experience in implementing courses of science and general professional cycles in SVE FSES]. Kazan: Danis.
3. Kamaleyeva, A.R. (2009) *Ball'no-reytingovaya otsenka kachestva obucheniya studentov po kursu "Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya"* [Rating of the quality of education of students in the course "Concepts of Modern Science"]. *Obrazovanie i samorazvitie*. 2:12. pp. 39–44.
4. Krysko, V.G. (2001) *Psikhologiya i pedagogika. Skhemy i kommentarii* [Psychology and Pedagogy. Diagrams and commentaries]. Moscow: Vlados-Press.
5. Maryashina, I.V. et al. (2012) *Ball'no-reytingovaya sistema otsenivaniya rezul'tatov obucheniya v prepodavanii kursa fiziki. Chast' 1* [Rating system of assessment of learning outcomes in teaching a physics course. Part 1]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 15:9. pp. 340–343.
6. Pak, M.S. (2000) *Algoritmi pri izuchenii khimii* [Algorithms in the study of chemistry]. Moscow: VLADOS.
7. Pak, M.S. (1993) *Algoritmy v obuchenii khimii: kn. dlya uchitelya* [Algorithms in teaching chemistry: Teacher's book]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Russkova, O.B. (2013) *Proektirovanie fiziki na osnove kompetentsiy: iz opyta Zelenodol'skogo mekhanicheskogo kolledzha* [Design of physics based on competencies: Experience of Zelenodolsk Mechanical College]. In: *Opyt realizatsii uchebnykh kursov estestvennonauchnogo i obshcheprofessional'nogo tsiklov v usloviyakh realizatsii FGOS SPO* [Experience in implementing courses of science and general professional cycles in SVE FSES]. Kazan: Danis.
9. Semakova, V.V. & Kamaleyeva, A.R. (2014) *Experience in designing training courses in electrical engineering disciplines in mid-level technical schools. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 4 (6). pp. 20–31.

Received: 14 February 2015

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области, проект № 14-16-70001 а (р)
«Создание программы самореализации мигрантов через изучение их культурно-ценностных потребностей».*

Рассмотрены подходы к осмыслению теории самореализации, ее структурно-уровневое содержание применительно к этнокоммуникационному процессу. Акцент сделан на значении самореализации мигранта для гармоничного функционирования общества. Определены особенности самореализации мигрантов (представителей азиатского вектора) в поликультурном пространстве города, проведен сравнительный анализ с особенностями самореализации коренного населения на территории г. Томска, установлена взаимосвязь различных компонентов самореализации с учетом культурных потребностей.

Ключевые слова: самореализация; мигранты; коренные жители; азиатский вектор; уровни самореализации; поликультурное пространство; Томск.

Проблема миграционных процессов является на сегодня одной из ключевых характеристик современности. С одной стороны, весь мир сегодня включен во всеобщий этнокоммуникационный процесс, стали многомерными и постоянными свобода перемещения народов, учебная и трудовая миграция, взаимодействия между разными странами, этносами и культурами. С другой стороны, миграция сопровождается столкновением интересов, распространением ксенофобии, актуализирует вопросы сохранения этнической идентичности и самобытности народов, ставит проблему самореализации личности в новых условиях жизни [1]. Осознавая это, мы выходим на новый уровень рассмотрения межкультурного и межэтнического взаимодействия – уровень аксиологических оценок социокультурных процессов современности, и в этом контексте самореализация личности (как мигрантов, так и принимающего сообщества) может выступать тем измерительным инструментом, который необходим для перехода на этот уровень [2].

В современном научно-исследовательском поиске накоплено множество концепций и точек зрения, направленных на решение имеющихся проблем взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. Как отмечает В.Ю. Хотинец, все современные исследования данной проблемы в русле личностно-группового уровня можно объединить в два направления (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.В. Гриценко, В.Ю. Хотинец и др.): 1) личность в этнокультуре (этнопсихологические особенности личности (ментальность, духовность), особенности социализации, особенности общения и поведения); 2) психология межэтнических отношений (этническая идентичность, межгрупповая перцепция и межэтнические отношения, этнические конфликты, самоопределение в другой культуре) [3].

Проблема самореализации личности в контексте актуальных вопросов современности, связанных с исследованием внутренней активности личности, развития ее потенциала, максимального использования ею ресурсов для полного самоосуществления в процессе развития и деятельности, остается одной из самых востребованных в психологии.

И.А. Геронимус, Е.В. Орлова [4], исследуя проблему самореализации, выделяют несколько направлений изучения данного феномена:

1. Специальная потребность, позволяющая раскрыть и использовать свои таланты, способности, потенциалы и являющаяся основным условием личностного роста [5, 6].

2. Способ воплощения индивидуальности в результатах своей деятельности (Леонтьев, 1997) [7].

3. Личностные свойства, способствующие поиску новых форм поведения и преодоления стереотипов, «объяснительный принцип, отражающий универсальное основание бытия человека» (Клочко, Галажинский, 2000) [8].

4. Процесс самоопределения (в том числе и профессионального) и осознания себя в повседневной жизни, процесс перехода от детерминации поведения «извне» к его внутренней регуляции (Вахромова, 2001; Коростылева, 2005) [9, 10].

Для понимания и определения феномена самореализации необходимо проанализировать синонимичный ряд тех понятий, которыми часто подменяют исследуемый феномен. К наиболее распространенным относится феномен самоактуализации. В традиционной гуманистической психологии самоактуализация понималась как вариант развития человека, освобождающий его от дефицитарных и невротических проблем и ведущий к решению экзистенциальных проблем [5]. В современной психологии самоактуализация понимается скорее как процесс, деятельность, а самореализация – как когнитивный и мотивационно-смысловой аспект процесса самоактуализации [11].

В.П. Герасимов и О.А. Цветкова [12] выделяют несколько позиций для понимания соотношения понятий «самоактуализация» и «самореализация»:

1. Эти понятия сходны и используются как синонимы (К. Гольштейн, А. Маслоу и т.д.).

2. Эти понятия различны, но одно из них шире (самореализация), чем другое (самоактуализация), и потому должно быть более употребительным (К. Роджерс, Р. Ассоджиоли).

3. Эти понятия связаны между собой, но отражают разные процессы (Б.Г. Ананьев, А.А. Деркач и др.).

Вслед за Е.Е. Вахромовым в нашем понимании самоактуализация и самореализация представляют собой две неразрывных стороны одного процесса, процесса развития и роста, результатом которого является человек, максимально раскрывший и использующий свой человеческий потенциал, самоактуализировавшаяся и самореализовавшаяся личность. Акт самоактуализации – это некое конечное число действий, выполняемых субъектом на основании сознательно поставленных перед собой в ходе самореализации целей и выработанной стратегии их достижения [9].

Следующим важным аспектом рассмотрения в теории самореализации является ее структурно-уровневое содержание. Многие ученые говорят об уровневой структуре самореализации (К.А. Абульханова-Славская, Ф.Е. Василюк, Л.А. Коростылева, А. Маслоу и др.). Так, Л.А. Коростылева предлагает выделять четыре уровня самореализации личности: примитивно-исполнительский, индивидуально-исполнительский уровень, реализации ролей и норм в социуме (с элементами духовного и личностного роста) и наивысший уровень самореализации – уровень смысловой и ценностной реализации (реализации сущностной аутентичности) [10]. На самом низком уровне самореализации (примитивно-исполнительский уровень) вследствие слаборазвитой рефлексии для личности характерна малоактивная жизненная позиция, неадекватная процессу

самореализации. На следующем уровне (индивидуально-исполнительский) наблюдается «рефлексивное застревание», которое выражается в затруднении при принятии решения. На следующем, более высоком уровне самореализации (реализация ролей и норм в социуме) в основном действует механизм идентификации по отношению к социальной группе. На фоне недостаточной аутентичности возникает оттенок долженствования по причине акцентирования когнитивного компонента за счет эмоционального. И наконец, на самом высоком уровне (смысловой и ценностной реализации) наблюдается баланс «хочу», «могу» и «надо», а также блока «принятие решения» при ведущей роли смысловых и ценностных ориентаций и адекватном развитии мотивации самореализации [10. С. 121–122].

Л.А. Коростылева верифицировала выделенные уровни через сопоставление их с рядом других структурно-уровневых типологий (иерархия мотиваций А. Маслоу, жизненных техник Х. Томэ, смысла жизни В.Э. Чудновского, жизненных миров Ф.Е. Василюка, стратегий жизни К.А. Абульхановой-Славской), а также через собственные экспериментальные разработки. Для примера рассмотрим сопоставление типологии Л.А. Коростылевой, иерархической модели мотивации А. Маслоу и типологии К.А. Абульхановой-Славской [10, 15, 16].

Таблица 1

Сопоставление типологии Л.А. Коростылевой, иерархической модели мотивации А. Маслоу и типологии К.А. Абульхановой-Славской

Уровни самореализации по Коростылевой	Модель мотивации по Маслоу	Типология стратегий жизни К.А. Абульхановой-Славской
Примитивно-исполнительский уровень	Физиологические потребности и потребности в безопасности (голод, жажда, половое влечение, чувство уверенности, избавление от страха и неудач)	Исполнитель – стереотипизация проблем обусловлена неумением их дифференцировать, непониманием их смысла, причин возникновения и неспособностью к прогнозу
Индивидуально-исполнительский уровень	Мотивация привязанности и любви (социальные потребности, стремление быть причастным к какому-либо коллективу)	Созерцатель – умение прорабатывать проблемы, дифференцировать их, выявлять причины их возникновения, при этом созерцатель отличается пассивной адаптацией и конформизмом, отсутствием способности их прогнозировать
Уровень реализации ролей и норм в социуме	Уровень потребности в признании и оценке (ценность внешних оценок, достижение успеха, одобрения и признания)	Прагматик – способен воспринимать социальные проблемы. Способность к прогнозированию и адаптации носит ситуативный характер
Уровень смысловой и ценностной реализации	Потребности в самоактуализации (духовные потребности, реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности, стремление раскрыть свой потенциал)	Лидер – обладает способностью к проблематизации на высоком теоретическом уровне и конструктивным прогнозирующим мышлением, личностным принятием проблем и умением принимать решения

Таким образом, Л.А. Коростылева определяет «самореализацию» как осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий, творчества, содейтельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом [10]. Такое понимание самореализации, на наш взгляд, является достаточно корректным для изучения самореализации мигрантов, так как очень важным этапом процесса адаптации в новой культуре является именно содейтельность с другими людьми. В своем исследовании мы будем опираться на уровни, выде-

ленные Л.А. Коростылевой, однако стоит отметить, что Л.А. Коростылева в эмпирическом исследовании не апробировала свою концепцию на мигрантах, поэтому сопоставление будет носить условно-экспериментальный характер.

Подводя итог анализа проблемы самореализации, отмечаем, что самореализация личности, с одной стороны, отражает процесс деятельности, «осуществление возможностей развития Я посредством собственных усилий, содейтельности, творчества с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом

и миром в целом» [10. С. 8]. С другой стороны, самореализация – это «совокупность инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза» [11; 14. С. 39].

Поэтому для гармоничного функционирования общества проблема самореализации мигранта имеет важное значение не только для самого мигранта, но и для принимающего сообщества, так как с позиции гуманизма самореализация видится залогом стабильности общества в целом, а нарушение процесса самореализации ведет к личностным проблемам, деформации и, как следствие, деструктивным формам поведения, например преступным.

Здесь вскрывается следующее противоречие, которое уже относится непосредственно к кросс-культурному взаимодействию. Как отмечает Л.Ф. Гайсина, «трудности групповой совместимости в мультикультурной среде связаны с тем, что в нашей стране и в зарубежных странах отдельные группы иммигрантов или национальных меньшинств не хотят принимать участие в процессе ассимиляции с законами, обычаями, ценностями, языком страны проживания» [15]. Несмотря на это, Л.Ф. Гайсина указывает на позитивную тенденцию современности: «Развивающаяся сегодня автономизация индивидов, их отделение от институализированных социальных взаимодействий создает возможность для образования социальных связей и общностей, соответствующих их потребностям, стереотипам, форматам интерпретации действительности» [15, 16], что подводит нас к поиску тех факторов (индивидуальных и средовых), которые бы способствовали образованию этих самих социальных связей и общностей, соответствующих потребностям, стереотипам, форматам интерпретации действительности, как мигрантами, так и принимающим сообществом (коренными жителями).

Таким образом, исходя из вышеприведенных особенностей самореализации личности, феномена миграции, следует, что исследование особенностей среды принимающей стороны, культурных особенностей, социальных условий, социально-психологического климата принимающего сообщества, а также индивидуально-психологических особенностей мигрантов (особенностей самореализации, ценностно-потребностной сферы), позволяет выбрать адекватную модель взаимодействия и «сформировать культурный консенсус, который будет не консервировать многочисленные культурные различия, а акцентировать и отдавать приоритет культурной общности, ценностной консолидации» [17. С. 104].

Почему проблема самореализации мигрантов актуальна для Сибири и Томска? Это связано с образовательным потенциалом города: на небольшой территории сосредоточено шесть крупных государственных университетов, несколько десятков филиалов и коммерческих учебных заведений [18]. На территории Томской области проживает свыше 120 национальностей и народностей, что позволяет характеризовать ее

как поликультурное пространство. Такое развитое образовательное пространство привлекает большие потоки учебных мигрантов. Основными поставщиками иностранных студентов для томских вузов являются страны СНГ и Азиатский регион, при этом Томск стремится занять конкурентоспособное место среди вузов ведущих стран и повысить свой интернациональный уровень высшего образования. А.А. Бучек, Э.И. Мещерякова (2012), анализируя межличностные отношения в полиэтничной (поликультурной) среде, отмечают, что современные глобализационные трансформации этнокультурного (поликультурного) пространства представляют собой систему символов-медиаторов «вечного праздника различий», игры, участвуя в которой индивид выполняет функцию самореализации, приобретая возможность стать иным, уникальным, и только в этой уникальности – востребованным. Однако влияние ситуации полиэтничности (поликультурности) на межличностные взаимоотношения характеризуется неоднозначностью, часто приводит к межгрупповой напряженности, которая может выражаться не только в форме конфликтных действий, но и в скрытой, тлеющей форме, когда общение с представителями других культур воспринимается как источник конфликтов [19].

Целью представляемого исследования является определение особенностей самореализации мигрантов (представителей азиатского вектора) в поликультурном пространстве города, а также сравнительный анализ с особенностями самореализации коренного населения (русские) на территории г. Томска.

Выборка. В исследовании приняли участие 82 человека, из них 42 представителя азиатского вектора (казахи, таджики, узбеки, киргизы) и 40 коренных жителей (русские). Средний возраст респондентов составил 19–25 лет. Мигранты, принявшие участие в исследовании, являются добровольными переселенцами на территорию г. Томска, цель приезда – получение образования, срок проживания на территории г. Томска от полугода до 4 лет.

Методы исследования. Выбор методического инструментария основан на цели исследования, а также на необходимости учета таких особенностей самореализации мигрантов, как совместимость культуры страны реципиента (принимающей) и страны донора, индивидуально-психологические компоненты самореализации, ценностные ориентации и представления о жизнеосуществлении мигрантов и принимающего населения.

1. Методика «Культурно-ценностный дифференциал», разработанная Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецовым и С.В. Рыжовой. Целью методики является измерение групповых ценностных ориентаций. Методика содержит 4 шкалы: 1) Ориентация на группу – на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный социальный контроль – слабый контроль. Ценностные ориентации сформулированы в рамках психологического универсального измерения культуры «индивидуализм–коллективизм» [20].

2. Модифицированный опросник диагностики самоактуализации личности (САТ), русскоязычная адаптация теста самоактуализации Шострома, разработанный Н.Ф. Калиной и А.В. Лазукиным. Опросник предназначен для диагностики уровня самоактуализации личности через определение содержания компонентов самореализации. Методика состоит из 11 шкал (ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность (стремление к творчеству), автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, гибкость в общении) [21].

3. Тест смысловых ориентации (СЖО) является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махوليки. Автор адаптации Д.А. Леонтьев (2000). Тест содержит 20 пар противоположных утверждений, отражающих

представление о факторах осмысленности жизни личности, направлен на определение целей и ориентиров жизни [22].

Процедура исследования. Тестирование проводилось в групповой форме, испытуемым был предложен тестовый материал и бланки ответов. Инструкция предъявлялась как в устной, так и в письменной форме. Предварительно у испытуемых было получено устное согласие принять участие в исследовании, далее были проведены инструктаж и мотивационная беседа с респондентами. Время тестирования не ограничивалось.

Первая задача исследования состояла в выявлении особенностей самореализации мигрантов и коренных жителей. В результате сравнительного анализа с использованием t-критерия Стьюдента были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Средние показатели по тесту «Культурно-ценностных дифференциал», Опроснику самоактуализации личности и по тесту «Смысловые ориентации» для групп мигрантов и коренных жителей

Показатель	Мигранты	Коренные жители	t-критерий Стьюдента (p)
КЦД: Ориентация на группу	10,25	7,8684	0
КЦД: Ориентация на себя	6,875	7,0789	0,605614
КЦД: Сопrotивляемость переменам	8,425	6,7368	0,000176
КЦД: Открытость переменам	9,375	8,7105	0,100957
КЦД: Направленность на взаимодействие	9,725	8,3158	0,001477
КЦД: Отвержение взаимодействия	6,975	8,1053	0,016479
КЦД: Сильный социальный контроль	10,2821	6,2105	0
КЦД: Слабый социальный контроль	6,6154	7,9737	0,003465
САТ: Ориентация во времени	9,4186	9,0405	0,477729
САТ: Ценности	9,093	9,0541	0,923754
САТ: Природа	8,1628	6,1216	0,000716
САТ: Потребность в познании	9,3023	10,8243	0,526698
САТ: Креативность	8,7209	8,4865	0,602565
САТ: Автономность	7,6047	8,027	0,422291
САТ: Спонтанность	6,4419	6,6757	0,669079
САТ: Самопонимание	7,6744	6,9595	0,193838
САТ: Аутосимпатия	6,7442	8,1081	0,015143
САТ: Контактность	7,0814	7,0946	0,980311
САТ: Гибкость	6,8023	7,4595	0,214002
СЖО: Цели в жизни	31,9697	29,8108	0,168135
СЖО: Процесс жизни	30,1212	30,9459	0,531681
СЖО: Результативность жизни / удовлетворенность самореализацией	26,303	26,027	0,809936
СЖО: Локус контроля – «Я»	21,9091	21,1622	0,493138
СЖО: Локус контроля – жизнь	30,1212	31,7568	0,253896
СЖО: Общий показатель – осмысленность жизни	103,6364	103,1351	0,895977

По методике Культурно-ценностный дифференциал (КЦД) были получены значимые различия между мигрантами и коренными жителями по показателям «Ориентация на группу», «Сопrotивляемость переменам», «Направленность на взаимодействие», «Сильный социальный контроль», «Слабый социальный контроль». Тест самоактуализации личности (САТ) позволил определить, что для мигрантов более свойственно понимание человеческой природы, ее дихотомии, а для коренных жителей больше свойственна аутосимпатия, принятие себя, осознаваемая позитивная «Я-концепция».

С целью более детального изучения особенностей самореализации мигрантов и коренных жителей и определения их уровня самореализации был проведен факторный анализ отдельно для двух выборок. В факторный анализ были включены 25 показателей, использовалась ротация факторов «varimax normalized», анализу подверглись показатели с нагрузками $\geq 0,4$. Для определения количества факторов использовался критерий каменистой осыпи или критерий отсеивания, графический метод, предложенный Дж. Кэттелом (1966). В результате в выборке мигрантов было выделено 5 факторов, в совокупности покрывающих 55% дисперсии (табл. 3).

Факторная структура показателей самореализации для выборки мигрантов

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
КЦД: Ориентация на группу	0,109	0,094	0,760	0,206	-0,031
КЦД: Ориентация на себя	0,016	0,123	-0,065	-0,614	0,028
КЦД: Сопrotивляемость переменам	-0,389	0,104	0,625	-0,262	-0,325
КЦД: Открытость переменам	0,354	-0,055	0,512	-0,033	0,649
КЦД: Направленность на взаимодействие	0,131	0,273	0,444	0,564	-0,347
КЦД: Отвержение взаимодействия	-0,081	0,144	0,093	-0,616	0,279
КЦД: Сильный социальный контроль	0,011	-0,038	0,847	0,042	-0,019
КЦД: Слабый социальный контроль	-0,266	0,445	0,14	-0,461	0,154
САТ: Ориентация во времени	0,446	0,206	-0,101	0,436	0,426
САТ: Ценности	0,124	0,165	0,136	0,624	0,485
САТ: Природа	0,022	0,062	0,234	0,735	0,262
САТ: Потребность в познании	0,271	0,025	0,550	0,362	0,345
САТ: Креативность	0,178	0,267	-0,148	-0,009	0,752
САТ: Автономность	-0,174	0,665	0,002	-0,168	-0,242
САТ: Спонтанность	-0,253	0,792	0,238	-0,031	0,138
САТ: Самопонимание	0,409	0,026	-0,291	-0,216	0,492
САТ: Аутосимпатия	-0,117	0,691	-0,397	0,045	-0,016
САТ: Контактность	0,002	0,753	0,079	-0,033	0,203
САТ: Гибкость	0,072	0,754	0,030	0,084	0,129
СЖО: Цели в жизни	0,851	-0,197	-0,011	0,051	0,149
СЖО: Процесс жизни	0,628	-0,017	0,065	-0,014	0,254
СЖО: Результативность жизни / удовлетворенность самореализацией	0,721	-0,011	-0,183	0,193	0,091
СЖО: Локус контроля – «Я»	0,849	-0,097	0,198	0,058	-0,078
СЖО: Локус контроля – жизнь	0,723	-0,095	0,149	0,040	0,075
Общий показатель – осмысленность жизни	0,969	-0,078	0,022	0,079	0,128
Общая дисперсия	4,806	3,226	2,99	2,791	2,421
Доля общей дисперсии	0,192	0,129	0,12	0,112	0,097

Первый фактор включает все шкалы опросника СЖО и две шкалы самоактуализационного теста (САТ): «Ориентация во времени» и «Самопонимание», фактор был обозначен как «Осмысленность жизни». Данный фактор отражает особенности понимания мигрантами своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом процесса, убежденность в способности контролировать свою жизнь, свободно принимать решения. Согласно уровням самореализации, которые выделяет Л.А. Коростылева, фактор условно можно отнести к переходному уровню, стремлению к смысловой и ценностной реализации.

Второй фактор образован шкалами «Слабый социальный контроль» (КЦД), «Автономность» (САТ), «Спонтанность» (САТ), «Аутосимпатия» (САТ), «Контактность» (САТ), «Гибкость» (САТ) и был назван «Эффективное взаимодействие». Фактор характеризуется уверенностью в себе, доверием к окружающему, способностью к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими, способностью к самораскрытию, однако некоторым своеволием в отношении социальных требований собственной культуры. Примечательно, что способность к спонтанному поведению, которую выявляет шкала «Спонтанность» методики САТ, по мнению разработчиков русскоязычной версии Н.Ф. Калиной и А.В. Лазукина, контролируется культурными нормами, что соответствует особенностям азиатской культуры; в факторе это имеет наиболее высокую положительную нагрузку (0,792) и является нетипичным для представителей данной культуры. Фактор можно со-

поставить с уровнем реализации ролей и норм в социуме (по Л.А. Коростылевой).

Третий фактор включил в себя пять шкал теста КЦД: «Ориентация на группу», «Сопrotивляемость переменам», «Открытость переменам», «Направленность на взаимодействие», «Сильный социальный контроль», и шкалу теста САТ «Потребность в познании». Фактор получил название «Социальность». Фактор отражает стремление мигрантов следовать традициям собственной национальной группы, уважать ее законы, взаимодействовать с представителями своей национальной группы и готовность подчиняться требованиям своей группы. Условно данный фактор можно также сопоставить с уровнем реализации ролей и норм в социуме (по Л.А. Коростылевой).

Четвертый фактор образован показателями с положительными нагрузками: «Направленность на взаимодействие», «Слабый социальный контроль» (КЦД), «Природа», «Ценности», «Ориентация во времени» (САТ), и отрицательными значениями показателей теста КЦД: «Отвержение взаимодействия» и «Ориентация на себя». Фактор получил название «Открытость миру», он характеризуется стремлением к гармоничному бытию и межличностным отношениям, доверием к людям, доброжелательностью, при этом ориентацией на настоящий момент бытия, умением наслаждаться актуальным моментом, не ориентируясь на прошлое. Фактор можно отнести к переходному уровню, стремлению к смысловой и ценностной реализации (по Л.А. Коростылевой).

Пятый фактор включил в себя шкалу теста КЦД «Открытость переменам» и пять шкал теста САТ:

«Ориентация во времени», «Ценности», «Креативность», «Самопонимание». Фактор был назван в соответствии с показателем, имеющим наибольший вес в факторе, – «Креативности». Фактор характеризуется ориентацией мигрантов на изменения, открытостью новому опыту, опорой на собственные взгляды и мнение, способностью понять свои желания и потребности и стремлением не просто их реализовать в насто-

ящем времени, а сделать это творчески, подчеркнув свою индивидуальность. Данный фактор сложно отнести к какому-то уровню из предложенных Л.А. Коростылевой, условно он будет определен как переходный уровень.

Факторный анализ в выборке коренных жителей выделил 4 фактора, объясняющих 59% дисперсии (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Факторная структура анализа показателей самореализации для выборки коренных жителей (русские)

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
КЦД: Ориентация на группу	-0,031	0,755	-0,211	-0,0196
КЦД: Ориентация на себя	-0,396	-0,283	0,347	-0,099
КЦД: Сопrotивляемость переменам	-0,0786	0,236	-0,2	-0,704
КЦД: Открытость переменам	0,199	0,253	-0,015	0,774
КЦД: Направленность на взаимодействие	0,054	0,833	-0,009	-0,012
КЦД: Отвержение взаимодействия	0,098	-0,675	-0,13	0,123
КЦД: Сильный социальный контроль	-0,118	0,735	0,093	0,211
КЦД: Слабый социальный контроль	-0,082	-0,292	0,430	-0,217
САТ: Ориентация во времени	0,686	0,054	0,008	0,200
САТ: Ценности	0,627	-0,144	-0,241	-0,005
САТ: Природа	0,198	0,045	-0,303	-0,651
САТ: Потребность в познании	0,373	0,515	-0,157	-0,118
САТ: Креативность	0,528	-0,285	0,000	0,121
САТ: Автономность	0,210	-0,264	0,715	0,185
САТ: Спонтанность	0,260	-0,048	0,698	0,173
САТ: Самопонимание	0,404	0,334	0,490	0,164
САТ: Аутоcимпатия	0,447	-0,168	0,609	-0,174
САТ: Контактность	0,093	0,125	0,666	0,202
САТ: Гибкость	-0,098	0,282	0,544	0,203
СЖО: Цели в жизни	0,897	0,052	0,169	0,103
СЖО: Процесс жизни	0,862	-0,063	0,128	-0,034
СЖО: Результативность жизни / удовлетворенность самореализацией	0,647	0,256	0,278	-0,257
СЖО: Локус контроля – «Я»	0,887	0,013	0,206	0,054
СЖО: Локус контроля – жизнь	0,836	0,038	0,155	-0,115
Общий показатель — осмысленность жизни	0,940	0,037	0,234	-0,010
Общая дисперсия	6,387	3,300	3,186	2,002
Доля общей дисперсии	0,255	0,132	0,127	0,080

Первый фактор включает все шкалы опросника СЖО и шкалы теста САТ «Ориентация во времени», «Ценности», «Креативность», «Самопонимание», «Аутоcимпатия», фактор был обозначен как «Осмысленность жизни». Он характеризуется гедонистической направленностью бытия респондентов, особенностями восприятия своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом процесса. Коренные жители, для которых свойственен данный фактор, обладают позитивной «Я-концепцией», позитивным представлением о себе и о человеке в целом. Для них свойственна ценность межличностных отношений, творческое отношение к бытию, способность понять себя и других, что отражается в умении принимать самостоятельные решения в соответствии со своими целями и представлениями, реализовывать свои стремления, находясь при этом в гармоничных отношениях с окружающим миром. Согласно уровням самореализации, которые выделяет Л.А. Коростылева, фактор можно отнести к наивысшему уровню – смысло-жизненной и ценностной реализации.

Второй фактор включает шкалы с положительными нагрузками теста КЦД «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие», «Сильный со-

циальный контроль» и шкалу САТ «Потребность в познании», с отрицательными нагрузками шкалу теста КЦД «Отвержение взаимодействия». Фактор был назван «Социабельность». Он отражает стремление следовать принятым в обществе нормам и традициям, подчиняться требованиям общества, направленность на бесконфликтное, доброжелательное, открытое взаимодействие с окружающими, готовность к новым впечатлениям, к бытийному познанию. Данный фактор можно отнести к уровню самореализации – реализации ролей и норм в социуме (по Л.А. Коростылевой).

Третий фактор включает шкалу теста КЦД «Слабый социальный контроль» и шкалы теста САТ «Автономность», «Спонтанность», «Самопонимание», «Аутоcимпатия», «Контактность», «Гибкость»; он условно был назван «Аутентичность». Фактор отражает уверенность в себе и доверие к окружающему миру, чувствительность человека к своим желаниям и потребностям, способность к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими, к самовыражению и самораскрытию в общении. Фактор можно отнести к наивысшему уровню – смысло-жизненной и ценностной реализации (по Л.А. Коростылевой).

Четвертый фактор включает шкалу теста КЦД с положительной нагрузкой «Открытость переменам» и шкалы с отрицательными нагрузками теста КЦД «Сопrotивляемость переменам» и теста САТ «Природа». Фактор получил название «Направленность на перемены», он характеризует стремление к получению нового опыта, устремленность в будущее и склонность к рискованному поведению, при этом отмечается недоверие к людям, восприятие человека «злым и плохим». Данный фактор можно интерпретировать как переход с одного уровня на другой, с примитивно-исполнительского к индивидуально-исполнительскому уровню самореализации (Л.А. Коростылева).

Обсуждение результатов. Сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента позволил выявить некоторые различия в группе мигрантов и коренных жителей. Так, мигрантам свойственна ориентация на собственную культурную группу, сопротивляемость переменам и сильный социальный контроль, что является следствием принадлежности азиатских народов к коллективистским типам культур, а также потребностью мигрантов в психологической защите в процессе адаптации в новой среде. При этом мигранты более ориентированы на взаимодействие внутри своей культурной группы, чем коренные жители, что может стать барьером при установлении межкультурной коммуникации в отсутствие показателей, характеризующих общую направленность на взаимодействие без учета культурной принадлежности субъекта общения. Полученные результаты преимущественно отражают особенности культурных различий в исследуемых выборках, не позволяя говорить о каких-то личностных особенностях в самореализации, и являются вполне ожидаемыми.

Факторный анализ дал нам более глубокое понимание взаимосвязи компонентов самореализации с учетом культурных потребностей. В группе мигрантов и коренных жителей выделились факторы, которые по своему содержанию оказались идентичными или близкими к этому. К таким факторам относятся

факторы «Осмысленность жизни» и «Социальность». Фактор «Осмысленность жизни» в группе коренных жителей (первый фактор), в отличие от аналогичного фактора в группе мигрантов (первый фактор), дополнительно включил шкалы теста САТ «Ценности», «Креативность», «Самопонимание» и «Аутосимпатия», что характеризует гармоничные отношения с самим собой, с людьми и миром. Поэтому данный фактор в группе коренных жителей мы отнесли к наивысшему уровню самореализации, а в группе мигрантов обозначили как тенденцию. Фактор «Социальность» в группе мигрантов дополнительно включает шкалы теста КЦД «Сопrotивляемость переменам» и «Открытость переменам», такое взаимодействие противоположных показателей может свидетельствовать о формировании некоторой готовности к получению нового опыта и стремлению к сохранению традиционных взглядов на жизнь. Эта противоречивость может быть проинтерпретирована и как позитивная тенденция, указывающая на один из этапов адаптации, и как негативная, отражающая внутриличностную конфликтность. Сформированная поликультурная среда в данном контексте выступает триггером устойчивого равновесия, моделью с обратными связями, которая в случае асинхронного функционирования приводит к негативным изменениям, а в случае согласованного и синхронного действия – к стабилизации и развитию системы.

Оставшиеся факторы, свойственные группе мигрантов – «Эффективное взаимодействие», «Открытость миру» и «Креативность», – также характеризуют стремление к самореализации, однако ни один из них в полной мере не отвечает всем ее компонентам. Это говорит о необходимости создания программы, направленной на гармонизацию и оптимизацию самореализации мигрантов в новой культурной среде, а результаты исследования позволят разработать основные положения такой программы с учетом особенностей самореализации мигрантов и культурного пространства их нового места жительства (г. Томск).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирошник А.Н.* Проблемы и перспективы инкультурации мигрантов в современной России // В мире научных открытий. 2014. № 1, 2 (49). С. 896–910.
2. *Pokrovskaya E.M.* The Conditions of Dialogue Paradigm Transformation into Transcultural Polylog // Social Work in Multicultural Society. International Symposium on Education and Interethnic Relations. Izhevsk, 2011. P. 134–135.
3. *Хотинец В.Ю.* Современные методологические установки в этнопсихологических исследованиях // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы Второй Международной научной конференции 26–27 мая 2010 г.: в 2 т. / отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск : Универсум, 2010. Т. 1. 332 с.
4. *Геронимус И.А., Орлова Е.В.* Психологические особенности профессиональной самореализации и профессионального самоопределения консультантов службы «Телефон доверия» // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.04.2015).
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. СПб. : Питер, 2009. 352 с.
6. *Роджерс К.Р.* Становление личности: взгляд на психотерапию / пер. с англ. Злотник. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 415 с.
7. *Леонтьев Д.А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М. : Смысл, 1997. С. 156–176.
8. *Ключко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 153 с.
9. *Вахромов Е.Е.* Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М. : Международная педагогическая академия, 2001. 162 с.
10. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб. : Речь, 2005.
11. *Коломиец Е.А.* Методологические проблемы самореализации личности в пространстве образования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 181–184.
12. *Герасимов В.П., Цветкова О.А.* Феноменология и онтология самореализации // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 104–107.
13. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с.

14. Кудинов С.И. Функционально-стилевой подход в исследовании самореализации личности // Наука. Образование. Практика : сб. материалов регион. межвуз. науч.-практ. конф. Уфа : Восточный университет, 2007.
15. Гайсина Л.Ф. Общение в мультикультурной среде – первый путь к этнотолерантности. URL: <http://confvlad> (дата обращения: 13.06.2015).
16. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Караваева Л.П. Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 5–12. DOI: 10.11621/npj.2014.0201.
17. Любимов Л. Осторожнее с толерантностью // Ведомости. 2010. 7 сент. URL: <http://www.narod.ru/38.html> (дата обращения: 25.05.2015).
18. Pokrovskaya E.M., Gorskih O.V., Larionova A.V. Migrants' inclusion in a foreign cultural environment: interaction problems with the host community // В мире научных открытий. 2014. № 9.3(57). С. 1242–1254.
19. Бучек А.А., Мецержакова Э.И. Характер межличностных отношений в полиэтничной среде как показатель психологической безопасности личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 143–147.
20. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.
21. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2009. 544 с.
22. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентации (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 12 августа 2015 г.

MIGRANTS' SELF-REALIZATION FEATURES IN A POLY CULTURAL CITY

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 202–210. DOI: 10.17223/15617793/398/33

Meshcheryakova Emma I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru

Larionova Anastasia V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlova13@mail.ru

Pokrovskaya Elena M. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pemod@yandex.ru

Keywords: self-realization; migrants; indigenous people; the Asian vector; levels of self-realization; multicultural space; Tomsk.

Since the problem of self-realization of migrants is particularly important for Siberia and Tomsk and is associated with the educational potential of the city: a small territory has six major public universities, dozens of branches and commercial educational institutions, the aim of the research is to determine the peculiarities of migrants' self-realization (the Asian vector) in the multicultural environment of the city, and to compare the peculiarities of the indigenous population's (Russians) self-realization in the territory of Tomsk. The study involved 82 people, of which 42 are representatives of the Asian vector and 40 representatives of the Slavic peoples. The average age of the respondents was 19 to 25. The migrants who participated in the survey are voluntary migrants in the territory of Tomsk, their purpose was to obtain education, the length of their residence in the territory of Tomsk was from six months to four years. The choice of methodological tools was based on the objectives of the study and on the necessity of accounting for such features of migrants' self-realization as the compatibility of the culture of the recipient (host) country and of the donor country, individual psychological components of self-actualization, values and ideas about the fulfillment of migrants' life and the host population. The methodological tools are as follows. 1. The technique of Cultural-Value Differential, developed by G.Yu. Soldatova, I.M. Kuznetsov and S.V. Ryzhova. 2. A modified diagnostic questionnaire of self-actualization, a Russian adaptation of the self-actualization test by Shostrom, developed by N.F. Kalina and A.V. Lazukin. 3. The test of life value orientations, an adapted version of the Purpose in Life Test (PIL) by James Crumbaugh and Leonard Maholick. The author of the adaptation is D.A. Leont'ev (2000). The main approaches to the theory of self-realization, its structural-level content are considered. The attention is focused on the importance of self-realization of the migrant for the harmonious functioning of society as, namely, self-realization is the key to the stability of society as a whole, and the violation of the process of self-realization leads to personal problems, deformation and, consequently, destructive forms of behavior. The article considers the features of self-realization of workers (representatives of the Asian vector) in the multicultural environment of the region and a comparative analysis with the peculiarities of self-realization of the indigenous population (Russians) in Tomsk. The comparative analysis using Student's t-criterion allowed the authors to identify some differences in the groups of migrants and indigenous people. Thus, migrants are more likely to focus on their own cultural group, resist change and strong social control, which may be due to the collectivist type of Asian culture and their need in psychological protection in the process of adaptation to the new environment. Factor analysis allowed the authors to interpret the relationship among the components of self-realization taking into account cultural needs. The study serves as a launching pad for its use in the social sphere of a city and contributes to stability and sustainable balance in the field of interethnic and cross-cultural interactions.

REFERENCES

1. Miroshnik, A.N. (2014) Problemy i perspektivy inkul'turatsii migrantov v sovremennoy Rossii [Problems and prospects of inculturation of migrants in modern Russia]. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 1.2 (49). pp. 896–910. DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/wsd-2014-1.2-7>
2. Pokrovskaya, E.M. (2011) The Conditions of Dialogue Paradigm Transformation into Transcultural Polylog. *Social Work in Multicultural Society. International Symposium on Education and Interethnic Relations*. Izhevsk. pp. 134–135. (In Russian).
3. Khotinets, V.Yu. (2010) Sovremennye metodologicheskie ustanovki v etnopsikhologicheskikh issledovaniyakh [Modern methodological orientations in ethno-psychological research]. *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i kross-kul'turnoy psikhologii* [Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology]. Proc. of the Second International Conference. 26-27 May 2010. In 2 v. V. 1. Smolensk: Universum. (In Russian).
4. Geronimus, I.A. & Orlova, E.V. (2012) Psychological peculiarities of professional self-realization and self-determination in counselors working for telephone emergency services. *Psikhologicheskaya issledovaniya*. 5(24). pp. 8. [Online]. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/704-geronimus24.html>. (Accessed: 18th April 2015). (In Russian).
5. Maslow, A. (2009) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
6. Rogers, K.R. (2001) *Stanovlenie lichnosti: vzglyad na psikhoterapiyu* [Becoming the Person: A look at psychotherapy]. Moscow: Eksmo-Press.
7. Leont'ev, D.A. (1997) Samorealizatsiya i sushchnostnye sily cheloveka [Self-realization and essential powers of man]. In: Leont'ev, D.A. & Shchur, V.G. (eds) *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumaniticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in the post-Soviet psychology]. Moscow: Smysl.

8. Klochko, V.E. & Galazhinsky, E.V. (2000) *Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyy vzglyad* [Self-realization: a system view]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Vakhromov, E.E. (2001) *Psikhologicheskie kontseptsii razvitiya cheloveka: teoriya samoaktualizatsii* [Psychological concepts of human development: the theory of self-actualization]. Moscow: International Pedagogical Academy.
10. Korostyleva, L.A. (2005) *Psikhologiya samorealizatsii lichnosti: zatrudneniya v professional'noy sfere* [The psychology of self-realization: difficulties in the professional sphere]. St. Petersburg: Rech'.
11. Kolomiets, E.A. (2010) Methodological problems of self-realisation of person in educational space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 181–184. (In Russian).
12. Gerasimov, V.P. & Tsvetkova, O.A. (2013) Fenomenologiya i ontologiya samorealizatsii [Phenomenology and ontology of self]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (115). pp. 104–107.
13. Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991) *Strategiya zhizni* [The strategy of life]. Moscow: Mysl'.
14. Kudinov, S.I. (2007) [Functional-style approach to the study of self-realization]. *Nauka. Obrazovanie. Praktika* [Science. Education. Practice]. Proc. of Regional Scientific and Practical Conference. Ufa: Vostochnyy universitet. (In Russian).
15. Gaysina, L.F. (n.d.) *Obschenie v mul'tikul'turnoy sfere – pervyy put' k etnotolerantnosti* [Communication in a multicultural environment: the first step to ethnic tolerance]. [Online]. Available from: <http://conf-vlad.narod.ru/38.html>. (Accessed: 13th June 2015).
16. Dontsov, A.I., Pereyagina, E.B. & Karavaeva, L.P. (2014) Intercultural interaction and social distance. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal – National Psychological Journal*. 2 (14). pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2014.0201
17. Lyubimov, L. (2010) Ostorozhnee s tolerantnost'yu [Mind tolerance]. *Vedomosti*. 7 September. [Online]. Available from: <http://narod.ru/38.html>. (Accessed: 25th May 2015).
18. Pokrovskaya, E.M., Gorskih, O.V. & Larionova, A.V. (2014) Migrants' inclusion in a foreign cultural environment: interaction problems with the host community. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 9.3(57). pp. 1242–1254.
19. Buchek, A.A. & Meshcheryakova, E.I. (2012) Interpersonal relations in polyethnic environment as person's psychological safety indicator. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 364. pp. 143–147. (In Russian).
20. Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of ethnic tension]. Moscow: Smysl.
21. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality and small group development]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
22. Leont'ev, D.A. (2000) *Test smyslozhiznennykh orientatsii* [Test of the Meaning of Life Orientations]. 2nd ed. Moscow: Smysl.

Received: 12 August 2015

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИКРОСОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ»

Представлены результаты исследования особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», которое, в соответствии с точкой зрения Д.Х. Олсона, определяется параметрами семейной сплоченности и семейной адаптации. Определена стратегия нормализации функционирования такой микросоциальной системы, как «Приемная семья» (повышение уровня семейной сплоченности и снижение уровня семейной адаптации) за счет оптимизации внутрисемейных отношений (супружеских и детско-родительских) и семейных ролевых позиций.

Ключевые слова: микросоциальная система; особенности функционирования; приемная семья; семейная адаптация; семейная сплоченность; супружеские отношения; детско-родительские отношения; ролевые позиции.

Социальная проблема сиротства в Российской Федерации не теряет своей актуальности в связи с увеличением числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так, по официальным данным, в настоящее время в России до 5–7 миллионов беспризорных детей. Из них так называемые социальные сироты – 90%, не ходят в школу – 3 млн детей, около 5 млн живут на улице. Почти 700 тыс. детей в настоящее время находятся в интернатах, приютах, детских домах и т.д. Ежегодно родительских прав лишаются до 60 тыс. родителей, т.е. социальными сиротами становятся 200–220 детей ежедневно [1].

Одной из современных тенденций решения проблемы воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является увеличение количества приемных семей, в которых дети обретают свой «второй дом», получают возможность развиваться в нормальной семейной среде и чувствовать себя полноправными участниками детско-родительских отношений [2].

Следует отметить, что в России практика функционирования приемных семей пока еще не нашла своего повсеместного внедрения. Существующие в разных регионах страны единичные опыты только начинают получать методическое обоснование и экспериментальную апробацию. Социальная адаптация, формирование детско-родительских отношений, распределение ролевых позиций в таких семьях имеют свою специфику [3–8]. Приемные родители не всегда могут справиться с возникающими трудностями из-за отсутствия необходимых знаний и навыков ролевого распределения и социального взаимодействия в новых условиях семейной адаптации. В этом случае семья, изменяясь, может вернуться на раннюю модель своего функционирования (механизм «регрессии») либо остановиться в своем развитии, фиксируясь на определенном этапе (механизм «фиксации»), что вызывает семейные проблемы. Поэтому для приемных детей очень важно иметь четкие ориентиры в отношении того, что такое семья, как она функционирует, являясь микросоциальной системой, и каковы правила жизни в ней.

Институт приемной семьи в настоящее время получил развитие в нескольких регионах России, в

том числе в Курской области. По вопросам, связанным со здоровьем детей-сирот, их развитием, работой с потенциальными приемными родителями, по материалам Курской области опубликованы работы, где исследованы главным образом правовой и медико-социальный аспекты создания и функционирования приемных семей.

Изложенное позволяет обозначить существующее противоречие между социальной значимостью института приемной семьи и недостаточной изученностью особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», что обеспечивает актуальность исследования и определяет его цель.

Цель исследования состоит в изучении особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Объект исследования – микросоциальная система «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Предмет исследования – особенности функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Достижение цели реализовано в решении следующих задач:

1. Разработать концептуальную модель исследования особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

2. Определить особенности семейной адаптации и сплоченности в условиях функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

3. Выявить особенности внутрисемейных отношений и ролевых позиций в условиях функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Эмпирическое исследование проводилось в мае 2014 г. на базе Администрации Сеймского округа г. Курска с учетом информированного согласия его

участников. Общий объем выборки составил 100 человек. Из них 40 приемных родителей вошли в экспериментальную группу (ЭГ). Также были обследованы 20 приемных детей в возрасте от 7 до 14 лет в приблизительно одинаковом процентном соотношении по полу и возрасту. Контрольную группу (КГ) составили кровные родители (40 человек), имеющие только родных детей в возрасте от 7 до 14 лет в приблизительно одинаковом процентном соотношении по полу и возрасту. Группы уравнивались по полу (мужчины и женщины), возрасту (от 29 года до 42 лет), образованию, наличию родных / приемных детей. Все супруги состояли в официально зарегистрированном браке.

В эмпирическом исследовании использовались следующие методики, соответствующие исследуемым показателям: опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3, Д.Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави, в адаптации Э.Г. Эйдемиллер) [9], проективная методика «Рисунок семьи» [10], методика по изучению внутрисемейных отношений PARI Е.С. Шевер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нещерет [10]. В группу методов количественной и качественной оценки данных вошли методы сравнительного (непараметрический критерий U-критерий Манна-Уитни) и корреляционного анализа. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программного обеспечения («Statistica 6.0»).

Теоретико-методологическим основанием концептуальной модели исследования особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» выступили: теоретические подходы к определению семьи как микросоциальной системы и параметров её функционирования Д.Х. Олсона [9], основные разработки по вопросам семейной адаптации Л.Н. Большаковой [3], О.К. Миневиц [5], Л.А. Чернышовой [6], Д.Д. Татаренко [8], детско-родительских отношений и ролевых позиций Л.Н. Большаковой [3], О.К. Миневиц [4] в условиях приемной семьи.

В нашем исследовании под микросоциальной системой «Семья, пережившая воздействие кризисной ситуации, связанной с инвалидностью ребенка» мы понимаем малочисленную по составу микросоциальную группу, члены которой объединены общей деятельностью, эмоциональными отношениями и ценностями и находятся в непосредственном устойчивом общении друг с другом. Опираясь на представления Д.Х. Олсона [9], структура микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» характеризуется двумя основными параметрами (семейной сплоченностью, семейной адаптацией) и дополнительным (коммуникацией) и включает подсистему супружеской пары (муж – жена), подсистему родителей (родитель – ребенок) и подсистему детей (брат – сестра). Все отношения между подсистемами и внутри них складываются в соответствии с принципами иерархии и субординации и регулируются границами. В соответствии с точкой зрения Д.Х. Ослона, семейную сплоченность

характеризует степень эмоциональной связи, близости или привязанности между членами семьи, семейную адаптацию – способность семейной системы гибко или ригидно приспосабливаться, изменяться при воздействии на нее стрессоров, коммуникацию – умение активно слушать других, способность ясно выражать свои мысли и оказывать эмоциональную поддержку собеседнику.

Наша исследовательская позиция, вслед за Д.Х. Ослонем [9], состоит в том, что семейная адаптация в микросоциальной системе «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» оценивается в контексте четырехуровневой дифференциации: для семейной сплоченности это разобщенный, разделенный, связанный и сцепленный типы, а для семейной адаптации – ригидный, структурированный, гибкий и хаотичный. Члены разобщенной семьи крайне эмоционально разделены, мало привязаны друг к другу и ведут себя несогласованно, неспособны оказывать поддержку друг другу и совместно решать жизненные проблемы. Изолируясь друг от друга, подчеркивая независимость, они скрывают свою неспособность устанавливать близкие взаимоотношения. При сближении с другими у них возрастает чувство тревоги. Раздельная семья характеризуется умеренной сплоченностью. В эмоциональных отношениях в семье присутствует некоторая раздельность, однако она не является такой крайней, как в разобщенной семье. Несмотря на то что время, проводимое отдельно, для членов семьи более важно, семья способна собираться вместе, обсуждать проблемы, оказывать поддержку друг другу и принимать совместные решения. Интересы и друзья являются обычно разными, но существует и область, разделяемая с другими членами семьи. Связанный тип семьи характеризуется высокой степенью эмоциональной близости, лояльностью во взаимоотношениях и определенной зависимостью членов семьи друг от друга. Члены семьи часто проводят время вместе. Для сцепленной семьи характерны чрезмерная эмоциональная близость (слияние) и лояльность, отсутствие личного пространства, независимости у членов семьи. Такие семьи и их члены являются слабодифференцированными.

Ригидная семья обладает низкой гибкостью и адаптивностью. Такая система не способна решать жизненные задачи, возникающие перед семьей при ее продвижении по стадиям жизненного цикла. Семья отказывается меняться и приспосабливаться к изменившейся ситуации (рождение, смерть членов семьи, взросление детей и отделение их от семьи, изменения в карьере, месте жительства и т.д.). Система часто становится ригидной, когда она чрезмерно иерархизирована, т.е. существует член семьи, который всем заведует и все контролирует. Переговоры по важным вопросам в такой семье ограничены, а большинство решений принимается лидером. В ригидной системе роли, как правило, строго распределены и правила взаимодействия остаются неизменными. Незначительность изменений в системе ведет к высокой предсказуемости и ригидности поведения ее членов. Структурированная семья характеризуется умеренной

гибкостью. Здесь присутствует некоторая степень демократического руководства, предполагающая переговоры по проблемам между членами семьи, включая мнение детей. Роли и внутрисемейные правила стабильны, имеется возможность их обсуждения. Существуют определенные дисциплинарные правила. Гибкая семья характеризуется умеренной гибкостью, демократическим стилем руководства. Переговоры ведутся открыто и активно, включая детей. Роли разделяются с другими членами семьи и меняются, когда это необходимо. Правила могут быть изменены и соотношены с возрастом членов семьи. Иногда семье может не хватать лидерства, и члены семьи затевают споры друг с другом. Хаотичная семья характеризуется высокой степенью непредсказуемости. Такое состояние система часто приобретает в момент кризиса. Проблемной она становится, если система застревает в нем надолго. Такой тип системы имеет неустойчивое и ограниченное руководство и испытывает недостаток лидерства. Решения являются импульсивными и непродуманными. Роли неясны и часто смещаются от одного члена к другому. К функциональному типу семьи относятся: раздельная и структурированная; раздельная и гибкая; объединенная и структурированная; объединенная и гибкая. К полуфункциональному: разобщенная и структурированная; разобщенная и гибкая; запутанная и структурированная; запутанная и гибкая; ригидная и раздельная; ригидная и объединенная; хаотичная и раздельная; хаотичная и объединенная. К дисфункциональному: разобщенная и ригидная; разобщенная и хаотичная; запутанная и ригидная; запутанная и хаотичная.

В соответствии с идеями онтогенетической социализации А.А. Налчаджян адаптация ребенка в семье есть процесс взаимодействия, в ходе которого, оказываясь в различных проблемных ситуациях, возникающих в сфере межличностных отношений, ребенок приобретает навыки и нормы социального поведения, установки, черты характера, а также другие подструктуры, которые в целом имеют адаптивное значение для ребенка в его семейных отношениях [12]. Адаптация ребенка в приемной семье зависит от ряда детерминирующих обстоятельств, включая прежде всего совместимость родителей и приемных детей, своевременную перестройку взаимоотношений членов семьи с приемным ребенком, смену ролевых позиций и др. [3–8]. Многообразие семейных ситуаций порождает целую гамму «оттенков» эмоционального реагирования, в которой преобладают или негативные, или позитивные эмоции. Именно позитивные эмоции скрепляют семью и являются условием успешной адаптации ребенка в приемной семье. Согласно Л.Н. Большаковой, если приемный ребенок включается в семейную систему, то о его адаптации будут свидетельствовать позитивные изменения в отношениях с окружающими [3].

По мнению Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкого [11], важнейшими характеристиками семейной структуры являются ролевые позиции членов семьи, анализ которых позволяет ответить на вопрос, каким образом реализуются функции и ролевые позиции членов семьи: кто осуществляет руководство и кто исполнение,

как в семье распределены обязанности и права между ее членами.

Таким образом, именно на семейной адаптации строится функционирование всей системы, которое реализуется в специфике как внутрисемейных отношений (супружеских и детско-родительских), так и отношений микро- и макросоциального окружения, в распределении ролевых позиций. В связи с этим микросоциальная система «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» может быть определена как трехуровневая социальная конструкция, в составе которой имеется взятый на нормативно-договорной основе на воспитание ребенок:

Первый уровень предполагает описание семейной структуры в контексте ее социальных связей, выраженных в оценке и поддержке со стороны общества. Указанные связи преломляются через осознание факта взятия ребенка на воспитание. На этом уровне выявляются связи с институтами социального сопровождения семьи, осуществляющими контроль за положением приемного ребенка в приемной семье и оказывающими ей различные виды поддержки, направленной на скорейшую адаптацию всех ее членов (социальные учреждения, соответствующие подразделения органов государственного и муниципального управления).

Второй уровень – отношения с микросоциальным окружением (родственниками, знакомыми, соседями, коллегами по работе).

Третий уровень – внутрисемейные отношения членов базисной семьи друг с другом и с приемным ребенком. Теоретически появление такого ребенка может осложнить ситуацию в семье, негативно повлиять на ее экономическое положение, ухудшить в ней социально-психологический климат, спровоцировать конфликты. Но с другой стороны, эти отношения могут стабилизироваться и даже улучшиться, поскольку, принимая ребенка, семья рассчитывает на разрешение таким способом внутрисемейных проблем (получить новый статус, решить экономические или материально-бытовые вопросы, укрепить супружеские связи, избежать чувства одиночества, неполноценности и т.д.). Уровень конфликтности (сплоченности) зависит от соотношения затрат на семейную адаптацию к новому члену семьи и реально ее достигнутого уровня.

Исследование особенностей семейной адаптации и сплоченности микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» осуществлялось с помощью опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3, Д.Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави, в адаптации Н.Ф. Михайловой) [9]. В основе создания методики лежит «циркулярная модель» («круговая модель») Д.Х. Олсона, включающая в себя три важнейших параметра семейного поведения: сплоченность, адаптацию и коммуникацию. Для диагностики семейной сплоченности используются следующие показатели: «эмоциональная связь», «семейные границы», «принятие решений», «время», «друзья», «интересы», «отдых», а для диагностики семейной адап-

тации – «лидерство», «контроль», «дисциплина», «правила», «роли» в семье. Уровни семейной сплоченности определяются следующими границами: «разобщенный» (10–29), «разделенный» (30–38), «связанный» (39–46), «сцепленный» (47–50), семейной адаптации – «ригидный» (10–19), «структурированный» (20–25), «гибкий» (26–30), «хаотичный» (31–50). Посредством комбинирования четырех уровней сплоченности и адаптации можно определить 16 типов семейных систем. Четыре из них являются умеренными по обоим параметрам и называются сбалансированными, характеризующими успешность функционирования семейной системы. Для семейной сплоченности этими уровнями является разделенный и связанный, для семейной адаптации – структурированный и гибкий. Крайние (экстремальные) уровни семейной сплоченности и адаптации трактуются как проблемные, ведущие к нарушению функционирования семейной системы. Оставшиеся восемь типов относятся к средним: один из параметров является экстремальным, а другой – сбалансированным [9].

Средние значения показателей семейных структур в экспериментальной группе засвидетельство-

вали наличие разделенной и хаотичной структуры приемной семьи, что соответствует среднему или полусбалансированному типу (табл. 1). Сравнительный анализ средних значений показателей структуры приемных и кровных семей указал на достоверность различий в уровнях выраженности по следующим шкалам: в приемных семьях по шкалам «семейная адаптация» ($X_{cp.1} = 31,35 \pm 2,62$; $X_{cp.2} = 24,95 \pm 2,16$; $U_{эмп} = 12,50^*$; $p = 0,000$), «лидерство» ($X_{cp.1} = 6,70 \pm 0,98$; $X_{cp.2} = 5,60 \pm 1,05$; $U_{эмп} = 124,50^*$; $p = 0,032$), «контроль» ($X_{cp.1} = 8,00 \pm 0,73$; $X_{cp.2} = 6,10 \pm 1,02$; $U_{эмп} = 55,00^*$; $p = 0,000$) и «роли» ($X_{cp.1} = 10,05 \pm 0,89$; $X_{cp.2} = 8,70 \pm 1,59$; $U_{эмп} = 124,00^*$; $p = 0,036$) выявлен значимо высокий уровень, а по шкалам «семейная сплоченность» ($X_{cp.1} = 32,00 \pm 1,41$; $X_{cp.2} = 39,25 \pm 1,68$; $U_{эмп} = 00,00^*$; $p = 0,000$), «семейные границы» ($X_{cp.1} = 3,30 \pm 0,47$; $X_{cp.2} = 7,30 \pm 0,66$; $U_{эмп} = 0,00^*$; $p = 0,000$), «принятие решений» ($X_{cp.1} = 3,10 \pm 0,91$; $X_{cp.2} = 4,35 \pm 0,67$; $U_{эмп} = 47,50^*$; $p = 0,000$), «друзья» ($X_{cp.1} = 3,85 \pm 0,59$; $X_{cp.2} = 4,25 \pm 0,91$; $U_{эмп} = 110,00^*$; $p = 0,009$), «интересы и отдых» ($X_{cp.1} = 4,40 \pm 0,82$; $X_{cp.2} = 6,95 \pm 0,94$; $U_{эмп} = 0,00^*$; $p = 0,000$) – значимо низкий (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Средние значения и значимость различий показателей семейной структуры в экспериментальной и контрольной группах (U-критерий Манна–Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп} \leq U_{кр}$)

№ п/п	Показатель	Экспериментальная группа (ЭГ)	Контрольная группа (КГ)	ЭГ–КГ	
		$X_{cp} \pm \sigma_x$	$X_{cp} \pm \sigma_x$	$U_{эмп}$	p
1	Семейная сплоченность	32,00±1,41	39,25±1,68	0,00*	0,000
2	Семейная адаптация	31,35±2,62	24,95±2,16	12,50*	0,000
3	Эмоциональная связь	12,65±0,93	12,15±1,50	196,50	0,920
4	Семейные границы	3,30±0,47	7,30±0,66	0,00*	0,000
5	Принятие решений	3,10±0,91	4,35±0,67	47,50*	0,000
6	Время	4,70±0,47	4,45±0,51	180,00	0,524
7	Друзья	3,85±0,59	4,25±0,91	110,00*	0,009
8	Интересы и отдых	4,40±0,82	6,95±0,94	0,00*	0,000
9	Лидерство	6,70±0,98	5,60±1,05	124,50*	0,032
10	Контроль	8,00±0,73	6,10±1,02	55,00*	0,000
11	Дисциплина	4,15±1,14	3,35±0,88	139,50	0,084
12	Роли	10,05±0,89	8,70±1,59	124,00*	0,036
13	Правила	2,45±0,69	1,45±0,69	94,00*	0,002

* Статистическая значимость.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для семейных отношений экспериментальной группы, в сравнении с контрольной, характерны эмоциональная автономность и дистанцированность, неумение четко выстраивать границы и принимать решения, наличие затруднений в организации досуга и свободного времени, в общении с друзьями. Приемные родители в большей степени, нежели кровные, контролируют дисциплину и в целом ситуацию, связанную с появлением приемного ребенка в семье, сконцентрированы на распределении семейных ролей и реализации семейных правил и норм. В этой связи приемные родители являются мишенью для коррекционной работы, поскольку именно на семейной адаптации и семейной сплоченности строится функционирование всей системы.

Исследование особенностей внутрисемейных отношений в условиях функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» осу-

ществлялось с использованием проективной методики «Рисунок семьи» [10].

В большинстве случаев (90%) дети из приемных семей не включают себя в рисунок (20%) или рисуют себя дальше от семьи, чем других ее членов (70% детей). Причиной отсутствия ребенка на рисунке являются трудности самовыражения при общении с близкими людьми, отсутствие чувства общности с семьей («меня здесь не замечают»), «мне трудно найти свое место») или знак протеста, считая, что его забыли («все уже распределено в этой структуре, меня мало это волнует, мне нет здесь места» или «я не стремлюсь найти здесь свое место или способ выражения»).

Незначительное количество рисунков (20% детей) демонстрирует большую потребность детей в общении: в свои рисунки они добавляют животных, родственников, не проживающих с ними (дядя, тетя).

На рисунках у 20% детей мама изображена вдалеке от остальных членов семьи. Это может свидетель-

ствовать о низкой степени привязанности ребенка к матери или о наличии невидимого барьера между двумя любящими людьми. Чаще всего этот барьер – черты характера родителя, отталкивающие от себя ребенка и заставляющие его придерживаться в общении определенной дистанции.

Вместе с тем 20% детей рисуют солнце, которое является символом защиты, источником энергии. Следовательно, семья ассоциируется у этих детей с приятными, нежными воспоминаниями и событиями.

Особенности и нюансы эмоционального отношения детей к отдельным членам своей семьи, привязанности, тщательно скрываемая любовь, сомнения, тревоги как будто «закодированы» в цвете, которым разукрашен персонаж. Как правило, все, что нравится ребенку, рисуется им в теплых, ласковых тонах. Свою привязанность и романтические чувства к кому-то из присутствующих на рисунке дети, обычно не догадываясь, «выпячивают» ярким, сочным цветом. И даже если ребенок не использует всю гамму красок, имеющихся у него, он все равно, желая того или не желая, выделяет хотя бы одним бросающимся в глаза цветом. Об этом ярко свидетельствуют рисунки 50% детей.

Холодные тона, как правило, свидетельствуют о конфликтных отношениях между ребенком и членами его семьи. Особенно информативен черный цвет, чаще всего несущий информацию об эмоциональном неприятии ребенком того или иного родственника. У 40% детей на рисунках вся семья изображена в черном цвете.

Таким образом, внутрисемейные отношения в приемных семьях в основном воспринимаются детьми как разобщенные. Для самих детей характерны трудности самовыражения при общении с близкими людьми, отсутствие чувства общности с семьей, потребность в общении и защищенности.

С целью изучения особенностей ролевых позиций приемных родителей была использована методика по изучению внутрисемейных отношений PARI [10]. Методика PARI предназначена для исследования отношения родителей (прежде всего матери) к разным сторонам семейной жизни (семейной роли). Авторы – американские психологи Е.С. Шевер и Р.К. Белл. В нашей стране эта методика адаптирована психологом Т.В. Нещерет.

В методике выделены 23 аспекта-признака, касающихся различных сторон отношений родителей к ребенку и жизни в семье. Из них 8 признаков описывают отношения к семейной роли и 15 касаются родительско-детских отношений. Эти 15 признаков делятся на следующие группы: оптимальный эмоциональный контакт, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, излишняя концентрация на ребенке. Каждый признак измеряется с помощью 5 суждений, уравновешенных с точки зрения измеряющей способности и смыслового содержания. Вся методика состоит из 115 суждений. Суждения расположены в определенной последовательности, и отвечающий должен выразить к ним отношение в виде согласия, частичного согласия или несогласия. Схема пересчета ответов в баллы реализуется в соответствии с ключом методики. Сумма цифровой значимости

определяется выраженностью признака 20, минимальная 5; 18, 19, 20 – высокие оценки, соответственно, 8, 7, 6, 5 – низкие. Имеет смысл сначала анализировать высокие и низкие оценки. Особый интерес представляет анализ отдельных шкал, что часто является ключом к пониманию неудавшихся отношений родителей и ребенка, зоны напряжения в этих отношениях. Средние значения показателей ролевых позиций и детско-родительских отношений в контрольной и экспериментальной группах представлены в табл. 2.

Характеризуя ролевые позиции мам экспериментальной группы (приемные родители), следует отметить, что хозяйственно-бытовые отношения не являются проблемой (шкалы 3, 13, 19, 23). Супружеские отношения, связанные с моральной, эмоциональной поддержкой и организацией досуга, развиты не очень хорошо (шкала 12). Отношения, обеспечивающие воспитание детей, сформированы недостаточно (шкалы 5, 11). Иногда случаются семейные конфликты. Сравнительный анализ средних значений показателей ролевых позиций и детско-родительских отношений в контрольной и экспериментальной группах обнаружил достоверность различий в уровнях выраженности по следующим шкалам: в приемных семьях по шкалам «ощущение самопожертвования» ($X_{cp.1} = 18,00 \pm 2,19$; $X_{cp.2} = 12,91 \pm 1,53$; $U_{эмп} = 94,00^*$; $p = 0,000$), «доминирование матери» ($X_{cp.1} = 20 \pm 2,71$; $X_{cp.2} = 12,09 \pm 1,88$; $U_{эмп} = 84,00^*$; $p = 0,000$), «несамостоятельность матери» ($X_{cp.1} = 17 \pm 2,41$; $X_{cp.2} = 12,39 \pm 2,52$; $U_{эмп} = 74,50^*$; $p = 0,000$) выявлен значительно высокий уровень (табл. 2). Таким образом, в приемных семьях доминируют мамы. Им в большей степени свойственны ощущение самопожертвования и зависимость от семьи. Они стараются развивать активность детей и приучать их к самостоятельности как можно раньше, активно вмешиваясь в их дела, хотя в то же время говорят об уравнивающих отношениях в семье. Отмечается усиление разногласий в семейной жизни. Отцов характеризует недостаточная включенность в дела семьи.

При сравнении средних оценок по шкалам «отношение к семейной роли», «оптимальный эмоциональный контакт», «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком», «излишняя концентрация на ребенке» методики PARI (Е.С. Шевер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нещерет [10]) выяснилось, что все эти отношения находятся фактически на одном уровне. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Оценивая отношения к семейным ролям и детско-родительские отношения в экспериментальной и контрольной группах с точки зрения их оптимальности, следует отметить, что все показатели соответствуют умеренному уровню значений. Вместе с тем у приемных мам, в сравнении с родными, средние значения показателей «отношение к семейной роли» и «оптимальный эмоциональный контакт» завышены, причем значительно выше по шкале «отношение к семейной роли». Также отсутствует излишняя эмоциональная дистанция между приемной матерью и ребенком и излишняя на нем концентрация (табл. 3).

Таблица 2

Средние значения и значимость различий показателей ролевых позиций и детско-родительских отношений в контрольной и экспериментальной группах (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмн}^* \leq U_{кр}$)

№ п/п	Показатель	Экспериментальная группа (ЭГ)	Контрольная группа (КГ)	ЭГ–КГ	
		$X_{cp} \pm \sigma_x$	$X_{cp} \pm \sigma_x$	$U_{эмн}$	p
1	Вербализация	17±2,19	15,61±2,43	263,00	0,973
2	Чрезмерная забота	15±2,58	15,39±2,46	231,00	0,457
3	Зависимость от семьи	17±2,19	15,61±2,43	263,00	0,973
4	Подавление воли	±2,58	15,39±2,46	231,00	0,457
5	Ощущение самопожертвования	18±2,19	12,91±1,53	94,00*	0,000
6	Опасение обидеть	18±2,58	15,39±2,46	231,00	0,457
7	Семейные конфликты	15±2,19	15,61±2,43	263,00	0,973
8	Раздражительность	14±2,58	15,39±2,46	231,00	0,457
9	Излишняя строгость	15±2,19	15,43±2,17	256,50	0,858
10	Исключение внутрисемейных влияний	15±2,58	15,83±2,48	255,00	0,833
11	Сверхавторитет родителей	18±2,19	15,61±2,43	263,00	0,973
12	Подавление агрессивности	14±2,58	15,39±2,46	231,00	0,457
13	Неудовлетворенность ролью хозяйки	13±2,19	15,61±2,43	263,00	0,973
14	Партнерские отношения	15±2,63	15,39±2,50	180,50	0,062
15	Развитие активности ребенка	16±2,71	15,35±2,84	248,00	0,714
16	Уклонение от конфликта	14±2,63	15,39±2,50	180,50	0,062
17	Безучастность мужа	13±2,71	15,35±2,84	248,00	0,714
18	Подавление сексуальности	20±2,63	15,39±2,50	180,50	0,062
19	Доминирование матери	20±2,71	12,09±1,88	84,00*	0,000
20	Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	14±2,71	16,83±2,71	252,00	0,781
21	Уравненные отношения	18±2,41	15,09±2,66	256,50	0,857
22	Стремление ускорить развитие ребенка	11±2,71	16,83±2,71	252,00	0,781
23	Несамостоятельность матери	17±2,41	12,39±2,52	74,50*	0,000

* Статистическая значимость.

Таблица 3

Средние значения и значимость различий показателей оптимальности ролевых позиций и детско-родительских отношений в контрольной и экспериментальной группах (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмн}^* \leq U_{кр}$)

№ п/п	Показатель	Экспериментальная группа (ЭГ)	Контрольная группа (КГ)	ЭГ–КГ	
		$X_{cp} \pm \sigma_x$	$X_{cp} \pm \sigma_x$	$U_{эмн}$	p
1	Отношение к семейной роли	16,37±2,35	14,40±2,31	134,50*	0,004
2	Оптимальный эмоциональный контакт	15,75±2,53	15,44±2,56	209,50	0,225
3	Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	14,33±2,47	15,40±2,38	202,50	0,171
4	Излишняя концентрация на ребенке	15,13±2,62	15,81±2,53	222,50	0,356

* Статистическая значимость.

Таким образом, особенности детско-родительских отношений проявляются в заинтересованности приемных родителей делами и планами ребенка, в стремлении помочь ему и удовлетворить все его потребности, оградить от трудностей и неприятностей жизни, в высокой оценке его интеллектуальных и творческих способностей, поощрении инициативы и самостоятельности, незначительной дистанции в общении с ним. Ролевые позиции как приемных, так и кровных мам характеризуются тем, что они стремятся к доминированию в семье, причем приемные мамы в большей степени доминируют, склонны к самопожертвованию и зависимы от семьи. В то же время как приемные, так и кровные мамы опасаются обидеть своего ребенка, пытаются оградить его от проблем реального мира, тем самым решая за него многие вопросы. Ребенок выступает

прежде всего объектом воспитания. Наиболее значимым для приемных мам является желание иметь полный контроль над мыслями и чувствами ребенка, страх за правильность своих действий, быстрое доказательство своей педагогической состоятельности, умения воспитывать ребенка.

Поскольку приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, рассматривается нами как микросоциальная система, характеризующаяся наличием специфических внутрисемейных отношений и ролевых позиций, выявленные с использованием корреляционного анализа Пирсона значимые и высокозначимые взаимосвязи положительной и отрицательной направленности сильной и средней степени выраженности показателей семейной сплоченности и семейной адаптации с показателями роле-

вых позиций и детско-родительских отношений (табл. 4, 5) позволяют прогнозировать нормализацию функционирования такой микросоциальной системы, как «Приемная семья» (повышение уровня семейной

сплоченности и снижение уровня семейной адаптации) за счет оптимизации внутрисемейных отношений (супружеских и детско-родительских) и семейных ролевых позиций.

Таблица 4

Значимые корреляционные взаимосвязи показателей ролевых позиций и детско-родительских отношений в приемных семьях (по методике PARI Е.С. Шевер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нешерет [10])

Показатель	Ощущение самопожертвования в роли матери	Доминирование матери	Зависимость и несамостоятельность матери
1. Партнерские отношения	-0,73**	-0,68**	-0,68**
2. Развитие активности ребенка	-0,69**	-0,60**	-0,66**

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$. ** Статистическая значимость при $p \leq 0,001$.

Таблица 5

Значимые корреляционные взаимосвязи показателей семейной структуры, ролевых позиций и детско-родительских отношений в приемных семьях (по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3, Д.Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави, в адаптации Э.Г. Эйдемиллер) [9] и методике PARI Е.С. Шевер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нешерет [10])

Показатель	Семейная сплоченность	Семейная адаптация
1. Ощущение самопожертвования в роли матери	-0,87**	0,78**
2. Доминирование матери	-0,84*	0,62**
3. Зависимость и несамостоятельность матери	-0,86*	0,69**
4. Партнерские отношения	0,86*	-0,69**
5. Развитие активности ребенка	0,61**	-0,55*

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$. ** Статистическая значимость при $p \leq 0,001$.

Полученные результаты можно рассматривать в качестве основания в разработке программы социально-психологического сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и приемных родителей, целью которой является коррекция особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» – особенностей детско-родительских отношений и ролевых позиций приемных родителей, оптимизация их семейной сплоченности и семейной адаптации через реализацию совместной для приемных родителей и детей социально-культурной деятельности.

Таким образом, исследование особенностей функционирования микросоциальной системы «Приемная семья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», проведенное в соответствии с разработанной нами концептуальной моделью, позволило сформулировать следующие выводы. Особенности семейной адаптации и семей-

ной сплоченности в приемных семьях проявляются в разделенности и хаотичности семейной структуры. Приемные семьи не ориентированы на совместную организацию и проведение досуговых мероприятий, зациклены на выполнении преимущественно воспитательной и хозяйственно-бытовой функций. Воспитательная функция в приемной семье, причем основанная на требовательности, отводится матери. Общение в приемной семье посредством организации и проведения совместного досуга не практикуется. Приемные родители не могут четко дифференцировать отношения окружающих людей к факту принятия в семью ребенка, оценивая их достаточно противоречиво. Для самих детей характерны трудности самовыражения при общении с близкими людьми, отсутствие чувства общности с семьей, потребность в общении и защищенности. Ролевые позиции приемных мам характеризуются стремлением к доминированию, склонностью к самопожертвованию и зависимостью от семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспризорных* детей в России больше, чем детдомовских. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1167884/> (дата обращения: 12.10.2014).
2. *Белолипецкая Е.Н.* Профилактика социального сиротства и развитие семейного устройства детей // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. II. Психолого-педагогические науки, № 4. С. 31–35.
3. *Большакова Л.Н.* Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приемной семье : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006. С. 6–29.
4. *Миневич О.К.* Психологические особенности развития отношений в приемной семье // Вестник Тамбовского университета. 2008. Вып. 8. С. 126–128.
5. *Миневич О.К.* Социально-психологические условия адаптации детей в приемных семьях : дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2009. 207 с.
6. *Чернышова Л.А.* Социально-психологическая адаптация ребенка в приемной семье и психокоррекционная помощь приемным семьям : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 24 с.
7. *Гребенникова Е.В., Фирсова О.В.* Социально-психологическая адаптация детей-сирот в приемных семьях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 51–55.
8. *Татаренко Д.Д.* Детско-родительская адаптация в замещающих семьях // Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. 2012. № 2. С. 58–61.
9. *МЕТОДИКА: Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3)* (Олсон Д.Х., Портнер Дж., И.Лави) (адаптация Э.Г. Эйдемиллер). URL: <https://sites.google.com/site/test300m/faces> (дата обращения: 12.06.2014).
10. *Рудакова А.Ю.* Комплект методик для психологической диагностики семей, находящихся в социально опасном положении. Смоленск, 2008. URL: <http://cpms-smol.ru/spec-mp/80-kmpdsnsop> (дата обращения: 12.06.2014).
11. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Семейная психотерапия. Л. : Медицина, 1990. 192 с.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF A MICROSOCIAL SYSTEM "FOSTER HOME FOR ORPHANS AND ABANDONED CHILDREN"

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 211–218. DOI: 10.17223/15617793/398/34

Molchanova Ludmila N. Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation). E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Keywords: microsocial system; features of functioning; foster home; family adaptation; family unity; matrimonial relations; child and parent relations; roles.

In the research, the foster home for orphans and abandoned children is considered as a microsocial system, as a small in number microsocial group whose members are united by a common activity, specific emotional family relations and values, are in a direct regular dialogue with each other realizing their roles. The foster home as a microsocial system consists of the subsystem of a married couple (husband – wife), the subsystem of parents (parent – child) and the subsystem of children (brother – sister). All relations between the subsystems and inside of them develop according to the principles of hierarchy and subordination and are regulated by borders. Its functioning, according to D. Olson, is determined by two key parameters: family unity and family adaptation and an additional one: communication. Matrimonial relations are characterized by emotional autonomy and distance, inability to build precise borders and make a decision, difficulties in the organization of leisure and free time, in dialogue with friends. Foster homes in a greater degree supervise discipline and the whole situation connected with the appearance of an adopted child in the family; they are concentrated on distribution of family roles and realization of family rules and norms. In this connection, such families are a target for correctional work as family adaptation and family unity are the basis of functioning of the whole system. Features of child and parent relations are shown in the interest of parents in the affairs and plans of the children, in aspiration to help them and satisfy all their needs, to protect them from difficulties and troubles of life, in high estimation of their intellectual and creative abilities, in encouragement of the initiative and independence, in an insignificant distance in dialogue with them. Specificity of the role positions of foster parents consists in the primary domination in the family of foster mothers, in their propensity to self-sacrifice and depend on the family. Thus, the hypothesis about realization of features of the functioning of a microsocial system "foster home for orphans and abandoned children" in the specificity of family adaptation and family unity, family relations (matrimonial, child and parent) and family roles, in the specificity of its structural organization, has empirically proved to be true. And the received results have defined the strategy of influence, namely, correction of features of child and parent relations and roles of foster parents, optimization of their family unity and family adaptation, through realization of socio-cultural activities common for foster parents and children, and were the basis in the development of the program of social-psychological support of a microsocial system.

REFERENCES

1. Newsland. (2013) *Besprizornyykh detey v Rossii bol'she, chem detdomovskikh* [There are more homeless than orphan children in Russia]. [Online]. Available from: <http://newsland.com/news/detail/id/1167884/>. (Accessed: 12th December 2014).
2. Belolipetskaya, E.N. (2010) Profilaktika sotsial'nogo sirotstva i razvitie semeynogo ustroystva detey [Prevention of child abandonment and the development of foster homes]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. II:4. pp. 31–35.
3. Bol'shakova, L.N. (2006) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya roditeley i detey v priemnoy sem'e* [Social-psychological adaptation of parents and children in foster care]. Psychology Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Minevich, O.K. (2008) Psychological features of relationship development in adoptive families. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Humanities*. 8. pp. 126–128. (In Russian).
5. Minevich, O.K. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya adaptatsii detey v priemnykh sem'yakh* [Social-psychological conditions of adaptation of children in foster homes]. Psychology Cand. Diss. Tambov.
6. Chernyshova, L.A. (2004) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya rebenka v priemnoy sem'e i psikhokorrektivnaya pomoshch' priemnym sem'yam* [Social-psychological adaptation of the child in foster homes and psychocorrection assistance to foster families]. Abstract of Psychology Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Grebennikova, E.V. & Firsova, O.V. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya detey-sirot v priemnykh sem'yakh* [Social-psychological adaptation of orphans in foster families]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4. pp. 51–55.
8. Tatarenko, D.D. (2012) Child-parental adaptation in foster families. *Vestnik MGOU. Seriya Psikhologicheskie nauki – Bulletin MGOU. Series Psychological Science*. 2. pp. 58–61. (In Russian).
9. Olson, D.H., Portner, J. & Lavee, Y. (1985) *FACES-3*. Adapted by E.G. Eydemiller. [Online]. Available from: <https://sites.google.com/site/test300m/faces>. (Accessed: 12th June 2014). (In Russian).
10. Rudakova, A.Yu. (2008) *Komplekt metodik dlya psikhologicheskoy diagnostiki semey, nakhodyashchikhsya v sotsial'no opasnom polozhenii* [A set of techniques for psychological diagnosis of families in a socially dangerous situation]. Smolensk. [Online]. Available from: <http://cpms-smol.ru/spec-mp/80-kmpdsnsop>. (Accessed: 12th June 2014).
11. Eydemiller, E.G. & Yustitskiy, V.V. (1990) *Semeynaya psikhoterapiya* [Family psychotherapy]. Leningrad: Meditsina.
12. Nalchadzhyan, A.A. (1988) *Sotsial'no-psikhicheskaya adaptatsiya lichnosti (formy, mekhanizmy i strategii)* [Socio-psychological adaptation of the person (forms, mechanisms and strategies)]. Erevan: Armenian SSR AS.

Received: 16 June 2015

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Исследование особенностей ценностно-смысловой и когнитивной сферы инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи» (проект № 13-06-00592а).

Представлен анализ современных подходов к изучению когнитивной сферы личности. Рассматриваются такие направления когнитивной науки, как когнитивная психология и когнитивная экономика. Проанализированы исследования личности в рамках данных подходов. Выделены перспективы развития когнитивной науки в целом.

Ключевые слова: когнитивная наука; компьютерная метафора; информационный подход; когнитивная психология; когнитивная экономика.

Термин «когнитивная наука» получил распространение в 60-е гг. XX в., во время увлечения кибернетикой и электронным моделированием интеллектуальных процессов, которые отразились на представлениях о функционировании человека как сложного биокомпьютера. Компьютерная метафора, в самом общем смысле, описывает функционирование человеческого интеллекта аналогично компьютеру. Существуют две ее модификации [1]:

– понимание человеческих когнитивных механизмов как устроенных аналогично компьютеру: устройства ввода и вывода, память, процессор – как независимые друг от друга «устройства», функционирующие в системе «hard-ware – модель»;

– понимание функционирования человеческого мозга как устройства, работающего по определенным программам, аналогично компьютерному программному обеспечению («soft-ware – модель»). Современная наука давно отошла от жесткого варианта компьютерной метафоры, предпочитая говорить о том, что часть когнитивных процессов человека протекает сходным с исполнением алгоритмов образом. С учетом свойств известных современных самокорректирующихся компьютерных программ об этом можно говорить даже в контексте человеческого развития и обучения.

С конца 1980-х гг. развитие когнитивной науки привело к расширению методического арсенала исследований. Наряду с оценкой точности и скорости решения задач в экспериментах стали широко использоваться разнообразные нейрофизиологические методы, к которым в настоящее время добавляются методы нейрогуморальных и молекулярно-генетических исследований. Важную роль продолжает играть компьютерное моделирование исследуемых процессов. В центр внимания исследователей выдвинулись вопросы развития, индивидуальных и межкультурных различий, социального взаимодействия и мозговых механизмов соответствующих когнитивных процессов [2].

Когнитивная наука в целом в современном виде – это междисциплинарный подход, объединяющий исследователей познания, главным фокусом внимания которых является проблематика закономерностей структурирования информации: приобретения, пре-

образования, представления (репрезентирования), хранения и воспроизведения информации [2].

Когнитивные науки представляют собой сегодня целое семейство дисциплин, объединенных единой проблематикой исходными методологическими принципами. Фактически сегодня можно говорить о том, что когнитивные модели и методологические подходы широко распространились в науке, стали неотъемлемыми инструментами профессионалов в различных областях, причем не только на исследовательском, но и на практическом уровне. Без них уже сложно представить современную социологию, политологию, экономику, менеджмент, теорию управления, медицину, историю и педагогику [Там же].

Ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации – и их влияния на поведение человека. Исторически информационный подход связан с разработками в области искусственного интеллекта и попытками описания человеческого познания с помощью моделей, эффективно работающих в данной области. Так возникла компьютерная метафора, долгие годы служившая одной из базовых моделей когнитивного подхода [3].

Когнитивная наука представляет собой широкий междисциплинарный подход, а также область исследования познавательных (когнитивных) процессов, функционирования мозга и регуляции поведения у человека и животных. В настоящее время когнитивная наука включает в себя более или менее обширные разделы психологии (когнитивная психология), информатики (в особенности такие ее разделы, как искусственный интеллект, компьютерное зрение и нейронные сети), лингвистики, философии, нейрофизиологии, антропологии, а также в растущей степени экономики, юриспруденции, педагогики и эргономики. В мировом масштабе когнитивная наука – одна из ведущих областей фундаментальных и прикладных исследований XXI в. [Там же].

Выделение отдельных дисциплин из некогда единой науки, сопровождающееся специализацией уче-

ных, разбиением на части научного сообщества, нарастанием локальных информационных потоков, характеризует всю историю человеческого познания. Не миновала эта судьба и гуманитарные науки, которые последовательно выделялись из философии. Процесс обособления приводит к безусловному прогрессу научной дисциплины в плане развития профессионализма, совершенствования методов, получения новых фактов, создания собственных объяснительных моделей, однако имеет и оборотную сторону. Обособившиеся гуманитарные науки создают более фрагментарный образ человека, что снижает их мировоззренческую роль. Кроме того, ослабляется взаимный обмен идеями, весьма плодотворный для прогресса любой научной области. Стремление к реинтеграции дисциплин поэтому представляет собой столь же закономерную тенденцию, как и их дифференциация. Однако интеграция гуманитарных дисциплин возможна лишь вокруг той или иной идейной платформы, образа или метафоры, человека, которые были бы приемлемы и эвристически ценны для каждой из дисциплин, входящих во вновь образуемое целое. Ушли в прошлое времена, когда объединительным принципом могли служить, например, ассоцианистские идеи. Когнитивная наука сплотила различные дисциплины, предложив более современное видение проблемы человека [3].

На начальном этапе развития когнитивных исследований центральное положение в них занимали работы в области искусственного интеллекта, направленные на моделирование функций памяти, репрезентации языковых значений и процессов решения задач, допуская строго формализованное описание. Субстрат этих и других когнитивных процессов практически не интересовал исследователей, так как считалось, что программная реализация не зависит от конкретного субстрата. Отличительной особенностью когнитивного подхода во все периоды его развития является подчеркивание роли знаний в регуляции поведения. Знания понимаются далее как внутренние репрезентации (ментальные модели) среды и самого организма. Эти репрезентации могут быть как осознанными (эксплицитными), так и неосознанными (имплицитными) [Там же].

Говоря о когнитивной психологии как одной из основных отраслей когнитивной науки в целом, можно определять ее следующим образом. Когнитивная психология изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение. Когнитивная психология охватывает весь диапазон психологических процессов – от ощущений до восприятия, распознавания образов, внимания, обучения, памяти, формирования понятий, мышления, воображения, запоминания, языка, эмоций и процессов развития; она охватывает всевозможные сферы поведения [2].

В современной литературе можно найти широкое и узкое понимание самого прилагательного «когнитивный». В узком смысле оно относится только к процессам приобретения, хранения и использования знаний. В

широком смысле к нему относят не только знания, но и метакогнитивные знания о знании, а также содержание восприятия, гносеологический статус которых не вполне очевиден. Более того, данный термин применяется в последнее время по отношению к социокультурным нормам и стереотипам, мозговым механизмам, эмоциям и поведению [4].

Применительно к когнитивной психологии термин «структура» означает метафорическое (условное) представление того, как организованы мыслительные механизмы. Условность структурных представлений и следующих из них рабочих моделей подчеркивается большинством современных авторов [Там же].

Термином «процесс» обозначают наборы операций или функций, анализирующих и преобразующих мысленный опыт человека. Процессы являются более активными и гибкими по сравнению с относительно статичными структурами. Р. Солсо, иллюстрируя различие между процессами и структурами, приводит пример пчелиных сот: сами соты – это структура, а все, что внутри них происходит, – процессы; при этом соты, формируемые пчелами, относительно статичны, тогда как процессы сбора, переработки и хранения меда – относительно динамичны, хотя и сопряжены со структурой. По современным представлениям, обработка информации – результат совместного, взаимосвязанного функционирования структур и соответствующих процессов. При этом структуры определенным образом управляют процессами, процессы же, в свою очередь, по мере протекания, видоизменяют имеющиеся структуры и формируют новые [2].

В рамках когнитивного подхода появилась возможность широкого обмена идеями, моделями и другими научными результатами исследователей, работающих разными методами над сходной проблематикой (либо использующих сходные методы в разных предметных контекстах).

Говоря о последних исследованиях в когнитивной психологии, можно сказать, что направление психологической мысли постепенно меняется. Так, В.М. Аллахвердов, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, рассматривает когнитивный аспект (природу) социального. Когнитивный подход предполагает, что все психические явления определяются логикой познавательной деятельности, что когнитивные процессы лежат в основе всех психических функций. Такой подход побуждает пересмотреть устоявшиеся в психологии взгляды, например мотивационную сферу человека (ведь потребности и мотивы должны трактоваться как подчиненные исключительно познавательным задачам) [5].

С точки зрения радикального когнитивного подхода даже природа социального должна объясняться исходя из логики познания, а не из каких-либо других соображений (биологических, социальных или иных). В познающей системе должен быть реализован принцип независимой проверяемости любых результатов познания. Такой подход задает структурообразующий принцип для построения схемы познавательной деятельно-

сти. Это значит, что должны существовать как минимум две независимые схемы познания, получающие разную информацию и принципиально по-разному ее обрабатывающие [5].

Такой подход соответствует позиции методологии науки, говорящей о необходимости интерактивной проверки научных гипотез. Новация этого в том, что именно познавательная деятельность объявляется причиной социального взаимодействия. Однако в самом начале истории человек еще не может спросить другого о его представлениях – нет языка. Ему следует совершать какие-то действия, предполагать в ответ на них определенное изменение поведения партнера и проверять, соответствует ли реальное поведение предполагаемому. Но выбирать надо такие проверочные действия, которые заведомо не имеют ни физического, ни физиологического смысла, иначе можно проверять лишь физические или физиологические гипотезы. Партнер – не только объект, но и субъект познания. Он тоже строит и проверяет гипотезы о внутреннем мире другого человека. Если два человека одновременно странно себя ведут, то они найдут причину таких действий партнера в самом себе и в своих действиях, поскольку никакого иного естественного смысла у наблюдаемых ими действий партнера нет. Эта гипотеза о причине, разумеется, ошибочна, но вся тонкость в том, что после своего возникновения она становится верной. Оба проверяющих друг друга субъекта заинтересованы в подтверждении собственных гипотез, а потому оба склонны повторять совместные действия. Так порождается социальная взаимозависимость [Там же].

Помимо исследований, проводимых в СПбГУ, на первый план выходят исследования, проводимые в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова (Москва) и Вычислительном центре РАН (Москва), в области когнитивной экономики (Н.М. Абдикеев, А.Н. Аверкин, Н.М. Ефремова). Когнитивная экономика является одним из перспективных направлений развития экономики и прикладной когнитивной науки. Предметом когнитивной экономики является изучение процессов оценки, выбора и принятия решений человеком в экономической деятельности и объяснение природы эволюции организаций и социальных институтов в условиях структурной неопределенности. Подобно психологии, нейробиологии и философии, когнитивная экономика опирается на понимание умственной активности человека и разрабатывает свои модели в связи с этими науками и их прогрессом.

Структурно, методологически и технологически когнитивная экономика связана с методами искусственного интеллекта и управления знаниями в экономике. Сама по себе когнитивная экономика как сфера исследований и человеческой деятельности включает в себя три основные области: интеллектуальные системы в экономике, управление знаниями в экономике и когнитивные технологии в экономике [6].

Область интеллектуальных (когнитивных) систем в экономике связана с использованием в экономике, производственной сфере и бизнесе методов и моделей

искусственного интеллекта, интеллектуальных информационных систем, систем поддержки принятия решений, интеллектуальной обработки данных и т.д. Важным аспектом поддержки управленческих решений в экономике является развитие методов экономического моделирования, основанных на знаниях и моделях когнитивной бизнес-аналитики. Среди примеров применения когнитивных методов в прикладных интеллектуальных системах в экономике следует отметить интеллектуальные системы планирования производства, динамические экспертные системы диспетчерского управления предприятием, финансовый анализ и планирование с помощью нейронных сетей и эволюционных алгоритмов, интеллектуальные системы управления инвестиционным портфелем и риск-менеджмента. Область управления знаниями в экономике – ключевой элемент экономики знаний. Кроме собственно управления, область тесно связана с инновационной экономикой, интеллектуальным капиталом, со знаниями как экономической категорией, управлением изменениями, реинжинирингом и т.д., т.е. со всем, что связано с экономическими знаниями в широком смысле. На первый план выходят проблемы инновационного развития экономики и социума на основе прогнозирования тенденций в экономике, обществе, технологической сфере и цивилизации в целом [6].

Область когнитивных технологий в экономике основана на применении когнитивной науки к экономике и изучает модели принятия экономических решений в сознании человека. Поэтому когнитивную экономику можно отнести к гетеродоксальной экономической теории, имеющей дело с экспериментальным анализом того, как человек принимает экономические решения, и зачастую опровергающей классическую теорию, основанную на рациональном выборе с полной информацией. Сюда относятся собственно сама когнитивная экономика, экспериментальная и поведенческая экономика. В этой области в научных исследованиях используются методы нейрофизиологии, психологии, лингвистики, антропологии, а также весь аппарат современных компьютерных наук вплоть до робототехники и моделирования мозга на суперкомпьютере. Все эти направления так или иначе связаны с представлением знаний о мозге человека [Там же].

На пересечении областей интеллектуальных систем в экономике и когнитивных технологий в экономике лежат гибридные интеллектуальные системы с настройкой на сознание и логику эксперта. Они состоят из когнитивной и аналитической частей, причем нижний уровень – когнитивный – предоставляет информацию для обработки верхним, аналитическим, уровнем. На пересечении областей управления знаниями в экономике и когнитивных технологий в экономике находятся такие направления, как прямое использование когнитивных методов в бизнес-процессах, например когнитивный маркетинг. На пересечении областей управления знаниями в экономике, когнитивных технологий в экономике и интеллектуальных систем в экономике лежат системы бизнес-аналитики для экономики знаний на основе интеллек-

туальных систем поддержки принятия решений, использующие когнитивные методы анализа сознания людей, вовлеченных в эти процессы, а также тестирование качества ЛПР по их мозговой активности для параметрической настройки интеллектуальных систем поддержки принятия решений. С этой областью также связаны работы по интеграции моделей прогноза и оценивания неструктурированных ситуаций на основе подходов когнитивного моделирования. Такие модели охватывают все этапы процесса поддержки принятия решений (от анализа ситуации до выбора лучшей альтернативы) и предназначены для поддержки деятельности аналитиков в условиях неопределенности. Они ориентированы на моделирование знаний эксперта о ситуации в аспекте его представлений и предпочтений относительно цели управления и динамических свойств ситуации. Когнитивное моделирование используется также для исследования влияния эмоций на принятие решений, процессов обучения, принятия решений в условиях недостатка времени [6].

Итак, из всего предложенного возникает вопрос: а какова же перспектива когнитивной науки? Выше было показано, что когнитивная наука вносит вклад в осмысление познания окружающего мира, в изучение методов такого познания; были определены задачи когнитивной психологии и ее влияние на развитие со-

временного психологического знания и т.п. На современном этапе социальной динамики на смену информационному обществу приходит общество, основанное на знании. Научное сообщество, понимая степень ответственности, обращается к осмыслению этого многоаспектного феномена. Резкий рост информационных потоков обрушивается на человека. Кроме того, при решении глобальных проблем знание становится более социально, этически, политически ориентированным. При возрастании рисков особенно важно именно адекватное применение знания, управление знанием. В когнитивной науке ставится задача разработки технологии получения и применения знаний. Для исследования подобных проблем требуются мышление нового типа, специалисты нового типа, имеющие навыки такого мышления; в этой связи когнитивная наука затрагивает такой важный аспект, как образовательные стратегии в когнитивной науке [7].

Искусство познания, или когнитивное искусство, имеет жизненно важную ценность, становится искусством жизни. Когнитивное искусство – это не только правильное использование логики, но и искусство аргументации, принятия решений, ведения конструктивного диалога, в котором рождаются новые смыслы, это искусство думать глобально, чтобы решать глобальные задачи [Там же].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульц Д.П. История современной психологии / Д.П. Шульц, С.Э. Шульц ; пер. с англ. А.В. Говорунова, В.И. Кузина, Л.Л. Царук ; под ред. А.Д. Наследова. СПб. : Евразия, 2002. 532 с.
2. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2006. 589 с.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М. : Академия, 2006. Т. 1. 448 с.
4. Баксанский О.Е. Познание познания: когнитивная наука // Философия в диалоге культур : материалы Всемирного дня философии. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 954–969.
5. Аллахвердов В.М. Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. 352 с.
6. Абдикеев Н.М., Аверкин А.Н., Ефремов Н.А. Когнитивная экономика: методологические основы // IV Международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. 2010. Т. 1. С. 115–116.
7. Черникова И.В. Гуманистическая функция когнитивной науки в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 72–78.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 24 июня 2015 г.

THEORETICAL ANALYSIS OF MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF A COGNITIVE PERSONALITY

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 219–223. DOI: 10.17223/15617793/398/35

Smetanova Yulia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smetanova@mail.ru

Podojnicina Maria A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: podojnicina@gmail.com

Keywords: cognitive science; computer metaphor; informational approach; cognitive psychology; cognitive economy.

Cognitive science as a whole in its present form is an inter-disciplinary approach, bringing together researchers of knowledge, whose main focus is the problematic patterns of structuring information: acquisition, conversion, presentation, storage and reproduction of information. Cognitive science is the research area of cognitive processes, brain function and the regulation of behavior in humans. Speaking of cognitive psychology as one of the main branches of cognitive science in general, one can define it as follows. Cognitive psychology studies how people get information about the world, how people imagine this information, how it is stored in memory and converted into knowledge and how this knowledge affects people's attention and behavior. Cognitive psychology covers the whole range of psychological processes from sensation to perception, pattern recognition, attention, learning, memory, formation of concepts, thinking, imagination, memory, language, emotions and development processes; it encompasses various spheres of behavior. In addition to research conducted in the frame of cognitive psychology the forefront of research is in the field of cognitive economy. It is one of the promising directions of development of economy and applied cognitive science. The subject of cognitive economics is the study of the processes of evaluation, selection and decision-making of a person in economic activity and explanation of the nature of organization and social institution evolution in the conditions of structural uncertainty. Cognitive economics is based on the understanding of the mental activity of a person and develops its models in connection with these sciences and their progress. Structurally, methodologically and technologically cognitive economy is associated with methods of artificial intelligence and knowledge management in the economy. By itself, cognitive economics as a field of research and human activities includes three main areas: intelligent systems in the economy, knowledge management in the economy and cognitive technologies in the economy.

In general, cognitive science contributes to the understanding of cognition of the surrounding world. At the present stage of social dynamics, the information-oriented society is being replaced by a society based on knowledge. The scientific community understands the degree of responsibility, refers to the understanding of this multifaceted phenomenon. When addressing global issues knowledge becomes more socially, ethically, politically oriented. With increasing risks an adequate use of knowledge and knowledge management are particularly important. In cognitive science the goal is to develop technology for production and application of knowledge. The study of such problems requires thinking of a new type. It requires specialists of a new type, with skills of such thinking.

REFERENCES

1. Schultz, D.P. & Schultz, S.E. (2002) *Istoriya sovremennoy psikhologii* [The history of modern psychology]. Translated from English by A.V. Govorunov, V.I. Kuzin, L.L. Tsaruk. St. Petersburg: Evraziya.
2. Solso, R. (2006) *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. St. Petersburg: Piter.
3. Velichkovskiy, B.M. (2006) *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science. Basics of cognitive psychology]. V. 1. Moscow: Akademiya.
4. Baksanskiy, O.E. (2010) *Poznanie poznaniya: kognitivnaya nauka* [Cognition of cognition: cognitive science]. In: Guseynov, A.A. et al. (eds) *Filosofiya v dialoge kul'tur: materialy Vsemirnogo dnya filosofii* [Philosophy in the Dialogue of Cultures: Materials of the World Philosophy Day]. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Allakhverdov, V.M. (2006) *Eksperimental'naya psikhologiya poznaniya. Kognitivnaya logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental psychology of cognition. Cognitive logic of the conscious and the unconscious]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Abdikeev, N.M., Averkin, A.N. & Efremov, N.A. (2010) [Cognitive Economics: methodological bases]. *IV Mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke* [IV International Conference on Cognitive Science]. Proc. of the Conference. Tomsk. 22–26 June 2010. V. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 115–116. (In Russian).
7. Chernikova, I.V. (2010) Humanistic function of the cognitive science in modern society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 72–78. (In Russian).

Received: 24 June 2015

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.314

И.С. Иванова, О.Е. Лепокурова

ОСОБЕННОСТИ МИКРОЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПОДЗЕМНЫХ ВОД ТЕРРИТОРИИ БАКЧАРСКОГО ЖЕЛЕЗОРУДНОГО УЗЛА (ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-17-10009).

Детально исследован микрокомпонентный состав подземных вод на территории Бакчарского железорудного узла (месторождения). Установлено, что данные воды содержат в повышенных концентрациях Ca, Fe, Sr, Mn, P, Na, As, B, Li, Ni, La; в пониженных концентрациях – Zn, Ti, Cr, Mo, Pb, Y, V, Cu, Ge, Ga, Zr, Cs, Sb, при этом в рудах данные элементы хорошо представлены.

Ключевые слова: геохимия подземных вод; Бакчарское железорудное месторождение (узел); микроэлементы.

Введение

В зоне активного водообмена гумидного климата широко развиты железосодержащие пресные и реже солоноватые воды: на Кольском полуострове, Карелии, Архангельской, Вологодской и других областях севера европейской части России, Урале, Западной и Восточной Сибири, Дальнем Востоке, Забайкальском и Приморском краях, Белоруссии, Литве и т.д. Такие воды отличаются не только высоким содержанием Fe, но и Mn, Sr, Se, V, Mo, иногда Cr, Be, As, F. В Западной Сибири железосодержащие воды образуют целую провинцию. Начиная с глубин 10–30 м, а на территории болот и по всему профилю, подземные воды повсеместно обогащены железом, содержания которого нередко достигают 30–40 мг/л [1]. Основные факторы и закономерности такого распределения железа в водах известны, сложнее обстоит дело с источниками и механизмами накопления этого элемента в водах. Для выявления этих проблем, авторами начиная с 2008 г. проводится изучение конкретных условий формирования железосодержащих вод с использованием термодинамических расчетов процессов в системе «вода–порода» на территории юго-восточной части Среднеобского бассейна (Томская область) [2–5]. Наиболее интересной представляется территория Бакчарского района, где расположено одно из крупнейших проявлений железной руды в мире – Бакчарское железорудное месторождение (узел). В данной работе представлены результаты одного из этапов исследований – изучение особенностей микрокомпонентного состава подземных вод данной территории.

Объект и методы исследования

Объектом исследований являются подземные воды верхних водоносных горизонтов до глубин 400 м в пределах Среднеобского артезианского бассейна на участке от устья р. Икса до устья р. Парабель, которые распространены в осадочных отложениях от четвертичного до мелового возраста. Административно территория исследований располагается в пределах Бакчарского и Чаинского районов Томской области.

В основу данной работы положены личные данные авторов по химическому составу вод, полученные при проведении полевых исследований за последние пять лет (с 2009 по 2014 г.), а также материалы, опубликованные другими авторами [1, 6–8]. Всего на территории Бакчарского района Томской области были отобраны и проанализированы 29 проб подземных вод из 23 скважин на питьевые воды. Схема расположения точек отбора проб представлена на рис. 1.

Химический анализ вод проводился в проблемной научно-исследовательской лаборатории гидрогеохимии научно-образовательного центра «Вода» Томского политехнического университета, а также в лаборатории георесурсов и окружающей среды г. Тулузы Национального центра научных исследований (Франция). Непосредственно в полевых условиях *in situ* проводился анализ быстроизменяющихся компонентов, таких как T, Eh, pH, с использованием портативного мультипараметрового анализатора Water Test. Содержание ионов HCO_3^- , CO_3^{2-} , SO_4^{2-} , Ca^{2+} , Mg^{2+} , Fe^{2+} и Fe^{3+} определялось при помощи колориметрического и титриметрического методов. В стационарных лабораториях для определения макрокомпонентного состава подземных вод были использованы следующие методы анализов: титриметрия, фотоколориметрия, пламенная фотометрия, потенциометрия, турбидиметрия, беспламенная атомно-абсорбционная спектроскопия, инверсионная вольтамперометрия, жидкостная хроматография, инфракрасная спектроскопия. Микрокомпонентный состав подземных вод определялся при помощи масс-спектрометрического метода с индуктивно-связанной плазмой (ICP-MS) на приборе Elan 6000 (Perkin Elmer) в лаборатории георесурсов и окружающей среды г. Тулузы (Франция).

Геология, гидрогеология района и состав вмещающих отложений

Район исследования расположен в 150–200 км к северо-западу от г. Томска в слабо обжитом таежно-болотистом районе. Бакчарский рудный узел является частью Западно-Сибирского железорудного бассейна и располагается в междуречье рек Андарма и Икса, при-

урочен к верхнемеловым и палеогеновым отложениям, перекрытым довольно мощной толщей (160–200 м) неоген-четвертичного возраста. Железные руды данного объекта связаны с несколькими горизонтами: нарымским, колпашевским, тымским и бакчарским. Мощность продуктивных пластов колеблется от 2 до 40 м [9]. Железосодержащие отложения представлены типичными осадками прибрежно-морских фаций – гравелитами, оолитовыми рудами, песчаниками, алевролитами и глинами. Содержание железа колеблется от 34,7 до 53% при среднем 40%. Промышленный тип руд – лептохлоритовый и оолитовый гидрогетитовый. Руды Бакчарского месторождения отличаются более высо-

ким содержанием попутного ванадия, но и относительно повышенными концентрациями вредной примеси – фосфора. Фосфор концентрируется в гидрослюдах до 1,26%, а в гидрогетитовых оолитах концентрация P_2O_5 не превышает 0,5–0,6%. Также для изученных железных руд характерен весьма широкий и пестрый по составу перечень компонентов: V, Mn, P, S, Ti, As, Co, Zn, Cr, Sb, следы Cu, Pb, Ni. Кроме того, наблюдаются повышенные концентрации редких и рассеянных элементов – Sc, Mo, Ge, Be, Zr, Y, U, Th и даже Au. Концентрации Na, Ca, Rb, Cs, Ba в них отчетливо понижены, а содержания Sr и Ag не превышают порога чувствительности анализа [10–14].

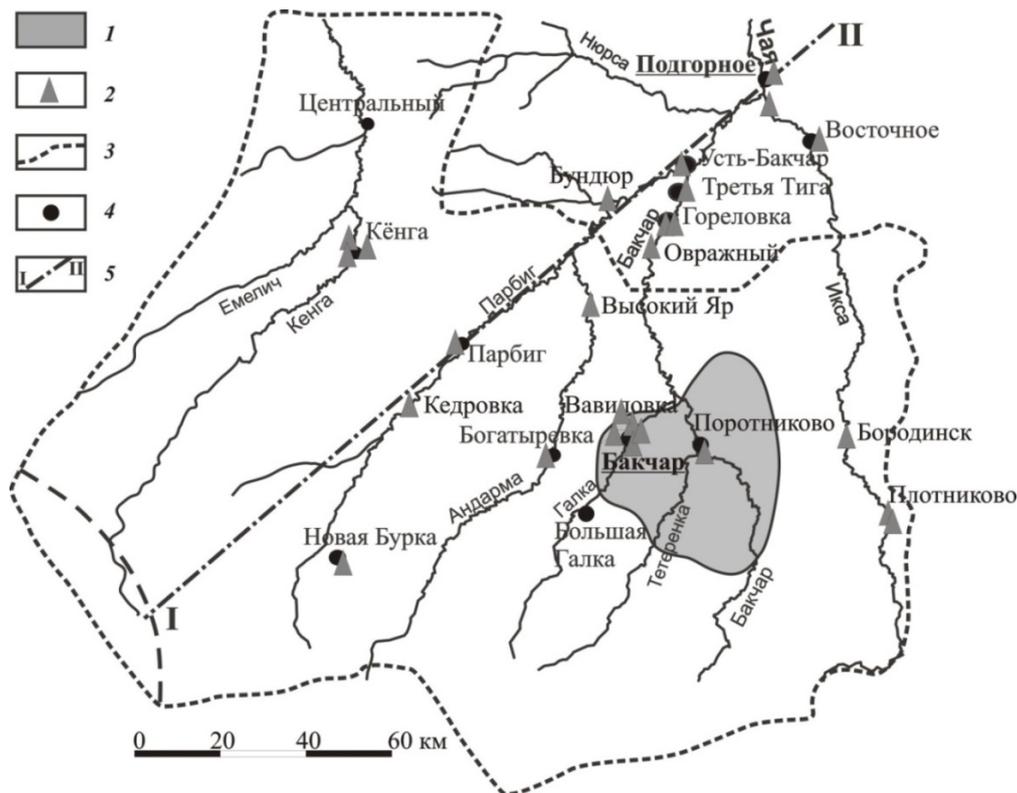

Рис. 1. Схема расположения пунктов отбора проб воды: 1 – Бакчарский железорудный узел; 2 – скважины и их номер; 3 – граница Бакчарского района; 4 – населенные пункты; 5 – линия гидрогеохимического разреза (см. рис. 2)

Руды сформированы в песчаных, хорошо проницаемых отложениях, перекрытых сверху и снизу менее проницаемыми глинами и алевролитами. Очень важно, что изначально пески являлись кварцево-железистыми, содержали глауконит, магнетит, ильменит, полевые шпаты, биотит, мусковит, пироксен, сфен, роговую обманку и другие алюмосиликаты. Через эти горизонты с самого начала их формирования фильтровались огромные массы воды. Такая гидрогеологическая ситуация сохранилась и до наших дней.

Гидрогеологический разрез региона характеризуется сильно обводненными отложениями и двухэтажным строением, объединяющим две гидродинамические зоны: интенсивного и замедленного водообмена (рис. 2). Замедленный водообмен характерен для нижней части гидрогеологического разреза и объединяет, согласно общей гидрогеологической схеме Западно-Сибирского артезианского бассейна, три водо-

носных комплексов: водоносный комплекс отложений сеноманского, альбского и аптского возраста, водоносный комплекс отложений баррем-готеривского и валанжинского возраста и водоносный комплекс юрского возраста. Граница зоны замедленного водообмена подтверждается гидрогеохимическими показателями и, прежде всего, повышенной величиной общей минерализацией (> 1 г/л).

Зона активного водообмена включает в себя два водоносных комплекса: отложения антропогенного и неогено-олигоценного возраста ($Q-P_3$) и турон-нижнеолигоценного возраста (K_2-P_3). Максимальная мощность зоны интенсивного водообмена достигает 800 м.

Воды всех горизонтов напорные, что говорит о наличии отдаленной, но, вероятно, единой области питания. Коэффициент фильтрации по ограниченным данным составляет 3–5 м/сут, что является весьма большим значением для глубин 200–400 м. Рудные горизонты

также относятся к водоносным, хотя перемежаются с горизонтами глауконит-лептохлоритовыми глинистыми

рудами весьма слабо водопроницаемыми и с глинами морского происхождения.

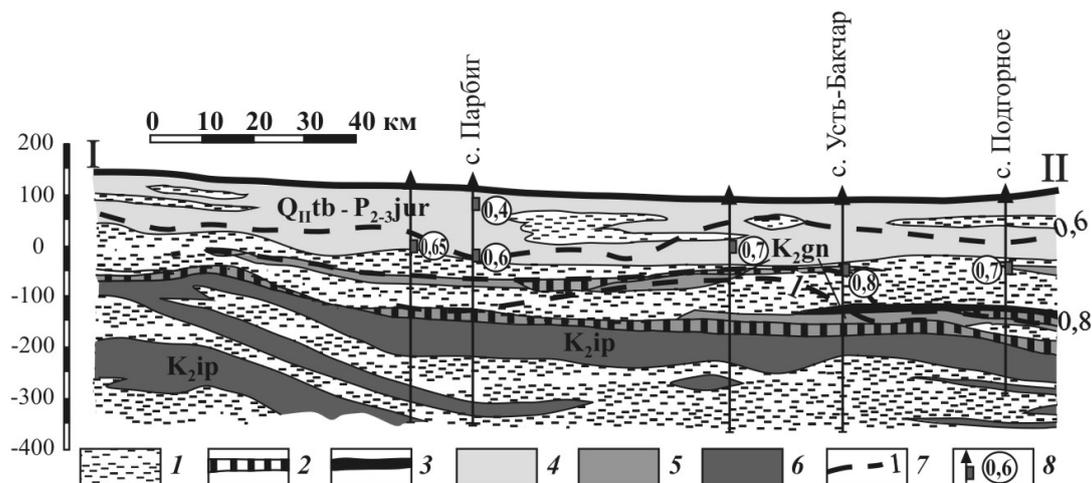

Рис. 2. Схематический гидрогеохимический профиль по линии I–II (см. рис. 1) [15]: 1 – глинистые практически неводоносные породы; 2 – песчаники железные (Fe = 20–30%); 3 – железные руды (Fe = 30–45%); 4–6 – площади распространения вод с минерализацией (в г/л) различного ионно-солевого состава: 4 – до 0,7 (HCO₃-Ca и HCO₃-Ca-Mg pH 6,8–7,8); 5 – 0,6–1,2 (HCO₃-Ca и HCO₃-Na pH 6,8–8,6); 6 – > 2,5 (Cl-HCO₃⁻-Na и Cl-Na pH > 8); 7 – изолинии минерализации; 8 – скважины и интервалы опробования (в кружке минерализация воды, г/л)

Первый от поверхности постоянно действующий водоносный горизонт приурочен к песчаным отложениям четвертичного и верхнеолигоценного возраста тобольской ($Q_{II\ tb}$) и лагернотомской ($P_{3\ lt}$) свит. Их общая мощность достигает 50 м.

Второй водоносный горизонт представлен песчано-алевритовыми отложениями среднего олигоцена новомихайловской свиты ($P_{3\ nm}$), мощность которых достигает 40–50 м.

Третий водоносный горизонт сложен песками верхнеэоцен-нижнеолигоценного возраста юрковской свиты ($P_{2-3\ jur}$). Мощность водовмещающих пород превышает 50 м. Воды активно используются большинством водозаборов хозяйственно-питьевого назначения, в том числе в населенных пунктах Бакчар, Поротниково.

Четвертый водоносный горизонт приурочен к отложениям ганькинской свиты ($K_{2\ gn}$), образован обводненными песками мощностью до 25–30 м. Данный водоносный горизонт не имеет разделяющего водупора и переходит непосредственно в железорудную толщу.

В основании гидрогеологического разреза, под рудной толщей, залегает пятый водоносный горизонт, приуроченный к отложениям песков нижней части ипатовской свиты ($K_{2\ ip}$).

Характеристика химического состава подземных вод

Химический макрокомпонентный состав подземных вод был детально описан в работах [2–5, 15], поэтому данной статье представлена таблица со средним составом с учетом вновь отобранных проб (табл. 1). Глубина отбора проб составляет от 20 до 400 м.

Подземные воды трех первых от поверхности водоносных горизонтов ($Q_{II\ tb}$ – $P_{3\ lt}$, $P_{3\ nm}$, $P_{2-3\ jur}$) зале-

гают в песчано-гравийных, с прослоями глин, суглинков и лигнитов, отложениях. Они являются пресными (минерализация от 0,4 до 0,7 г/л, в среднем 0,6 г/л), нейтральными и слабощелочными (pH 6,8–7,8), жесткими (ОЖ 4,8–8,9 мг-экв/л), гидрокарбонатными кальциевыми и кальциево-магниевыми. Эти воды обогащены не только Fe, но и Mn, концентрации которых достигают 10 и 0,5 мг/л соответственно, превышая в десятки раз предельно допустимые концентрации (ПДК) для хозяйственно-питьевого водоснабжения. Содержание перманганатной окисляемости (ПО) колеблется от 2 до 5 мг/л, кремния – от 8 до 16 мг/л. Для Томской области воды данных горизонтов являются основным источником для питьевого водоснабжения.

Подземные воды верхнемеловых отложений включают в себя два водоносных горизонта, приурочены к песчано-глинистым образованиям ганьковской ($K_{2\ gn}$) и ипатовской ($K_{2\ ip}$) свит. Воды верхнемеловых отложений уже с более повышенной минерализацией (0,6–2,6 г/л). Наблюдается смена состава вод от гидрокарбонатных кальциевых до гидрокарбонатных натриевых (содовых). Отсюда большой разброс значений по жесткости (от 0,2 до 10,3 мг-экв/л). Относительно выше залегающие воды отличаются повышенной щелочностью (pH 6,8–8,6). Ион хлора в повышенных содержаниях присутствует практически во всех пробах. Содержание колеблется от 2 до 139 мг/л, в среднем составляет 48 мг/л. Иногда в повышенных концентрациях встречается сульфат-ион до 11 мг/л. Содержание Fe в водах, наоборот, уменьшается до 3,2 мг/л в среднем, но в целом все еще высокое. Уменьшается содержание марганца до уровня ПДК, а также содержание Si и перманганатной окисляемости.

Воды отложений ипатовской свиты вскрывает в районе лишь одна скважина у д. Кенга на глубине

370–390 м. Это уже минерализованные воды (М от 2,4 до 2,7 г/л), по составу хлоридные натриевые, с щелочной реакцией среды (рН 7,8–8,1) и низким значением жесткости (4 мг-экв/л). Содержание Fe резко уменьшается до значений 0,4–0,5 мг/л. Уменьшается также в 2 раза содержание Si. Значение перманганатной окисляемости остается на уровне выше залегающих вод.

Таким образом, в четвертичных и палеогеновых отложениях развиты пресные, а в меловых – пресные и солоноватые воды. Все это подтверждает высокую промытость геологических структур данного региона. Практически все подземные воды, циркулирующие выше рудной залежи, содержат повышенные и высокие концентрации ионов Fe. Ниже рудной залежи в водах отложений ипатовской свиты на глубине 390 м концентрации Fe уменьшаются в 6 раз от среднего значения, однако только по данным одной скважины.

Микрокомпоненты (микроэлементы) в подземных водах, в отличие от макрокомпонентов, не определяют химический тип воды и ее общую минерализацию, содержатся в незначительных количествах, определяемых мг, мкг и долями мкг в 1 л [16]. Однако в данной статье под микроэлементами авторы имеют в виду те элементы, которые определяются методом ICP-MS. Поэтому здесь рассматривается часть компонентов, относящихся к макроэлементам вод, таких как Ca, Na, Mg, в случае исследуемых вод и Fe.

Микроэлементный состав вод определялся в семи пробах, по 64 элемента в каждой, наиболее показательные из которых представлены в табл. 2. Повышенными содержаниями относительно вод зоны гипергенеза (рис. 3) отличаются следующие компоненты: Ca, Fe, Sr, Mn, P, единично Na, As, B, Li, Ni, La. Пониженными значениями характеризуются Zn, Ti, Cr, Mo, Pb, Y, V, Cu, Ge, Ga, Zr, Cs, Sb. Такие компоненты, как Nb, Cd, Sn, Ce, Pr, Sm, Nd, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, W, Tl, Bi ниже пределов обнаружения.

По семи пробам трудно найти закономерность в распределении элементов в воде с глубиной. Но в целом можно отметить следующее. С глубиной в воде увеличивается содержание таких элементов, как Na, K, Li, B, V, Cr, As, Sr, Mo, Sb. Концентрации таких элементов, как Ca, Fe, Si, Mn, Zn, наоборот, падают.

Распределение некоторых компонентов макро состава вод с глубиной представлено на рис. 4. Содержание натрия в водах изменяется от 9 до 793 мг/л. Основным источником его являются широко распространенные на территории алюмосиликатные минералы: полевые шпаты и слюды. Содержание Na во вмещающих породах до 0,24%, в рудах до 0,1% [11]. В водах верхней зоны активного водообмена, Ca, которого больше во вмещающих отложениях (до 9,2%), сначала преобладает над Na. Ниже, в зоне замедленного водообмена, воды становятся пересыщенными относительно карбонатов (кальцита, сидерита, доломита, частично родохрозита) и глин, поэтому из раствора уходят Ca, Fe, Mg, Si, начинает концентрироваться и преобладать Na [2–5]. Появляются содовые воды, обедненные кальцием и железом. Содержание натрия в водах

верхнемеловых отложений более чем в 10 раз превышает среднее его содержание в водах зоны гипергенеза [17].

Стронций обладает хорошей миграционной способностью и легко выщелачивается из горных пород, что подтверждается одними из максимальных среди микроэлементов концентрациями в изучаемых подземных водах (до 1 322 мкг/л). Для Sr характерна линейная зависимость от минерализации, т.е. с глубиной наблюдается увеличение его концентраций. Содержание стронция в водах обусловлено, в большей мере, временем взаимодействия воды с горными породами. Барий имеет химическую активность намного ниже, чем у стронция, поэтому его содержание в подземных водах ниже (15–28 мкг/л). Концентрации этих элементов во вмещающих породах и рудах, как правило, ниже пределов обнаружения [11].

Высокие концентрации фосфора характерны не только для вод, но и для руд, что, по одной из гипотез, говорит о том, что образование части руды происходило при наличии морских организмов, а возможно, при их участии [18]. В примесях здесь присутствуют кальциевые фосфаты (анапатит), фосфаты редкоземельных элементов (куларит) [14], вивианит и др. Максимальное содержание фосфора зафиксировано в водах для глубинах 90–150 м, т.е. приурочено к рудоносным отложениям. Как отмечается [16], фосфор хорошо мигрирует в содовых щелочных водах.

Содержание лития в водах также увеличивается с глубиной и изменяется от 3–6 мкг/л в верхних водоносных горизонтах до 31 мкг/л в водах верхнемеловых отложений, что в 3 раза превышает среднее содержание в водах зоны гипергенеза [17]. Концентрации лития во вмещающих отложениях и рудах авторам неизвестны. Основными минералами Li являются сподумен, слюда и пироксен. На изучаемой территории в песчаных и алевролитовых отложениях встречаются пироксены, которые главным образом представлены гиперстеном и реже авгитом [19]. Однако литий, когда не образует самостоятельных минералов, способен изоморфно замещать калий в широко распространенных породообразующих минералах.

Общее распределение тяжелых металлов в подземных водах территории Бакчарского железорудного месторождения, по результатам анализов ICP-MS, имеет следующую последовательность: Fe > Mn > Zn > Ni > Cr > Mo > Pb > Co > Cu > Ga. Железо является преобладающим элементом среди тяжелых металлов не только для исследуемой территории, но и для всей Западной Сибири. Исходя из развиваемой С.Л. Шварцевым [7] концепции, изученные подземные воды непрерывно инконгруэнтно растворяют минералы вмещающих осадочных пород (песков и песчаников), в первую очередь алюмосиликаты эндогенного генезиса, с которыми вода неравновесна. Поэтому основным источником железа в подземных водах, как и других элементов, выступают алюмосиликатные минералы осадочных пород, среди которых доминируют полевые шпаты, роговые обманки, пироксены, биотит, эпидот и др. [4, 7].

Таблица 1

Средний химический состав подземных вод территории Бакcharского железорудного узла

Компонент	Ед. изм.	Водоносные горизонты отложений			
		$Q_{II\text{тб}} - P_3\text{тб}, P_3\text{нмб}$ $P_{2-3\text{юр}}$		$K_2\text{гн}, K_2\text{тп}$	
		Пределы содержания	Среднее	Пределы содержания	Среднее
Глубина	м	20–160	94	130–392	200
Eh	мВ	(–17)–193	69	(–100)–(–14)	(–63)
pH	–	6,8–7,8	7,3	6,9–8,6	7,6
Минерализация		410–740	621	594–2652	1241
HCO ₃ [–]		305–549	455	359–817	548
SO ₄ ^{2–}		0,1–3,2	1,3	0,1–11,3	3,5
Cl [–]		0,6–35,5	4,5	1,7–1266,6	319,5
Ca ²⁺		82–126	103	2–138	83
Mg ²⁺		8–32	20	1–40	23
Na ⁺		6–31	17	43–900	273
K ⁺		0,7–1,7	1,2	1,0–7,8	3,1
Fe _{общ}		0,2–9,8	4,5	0,3–10,3	3,2
Fe ²⁺		0,1–9,3	3,5	0,2–9,8	2,8
Si ⁴⁺		8–16	12	4–15	9
Mn ²⁺		0,1–0,5	0,2	0,1–0,6	0,3
ОЖ	мг-экв/л	4,8–8,9	6,8	0,2–10,3	6,1
ПО	мгО/л	2,1–5,4	3,8	1,0–5,3	3,5
Количество анализов	шт.	18		11	

Таблица 2

Микроэлементный состав подземных вод (мкг/л), руд и рудовмещающих пород (г/т или ‰) на территории Бакcharского железорудного узла

Населенный пункт	Кедровка	Высокий Яр	Бакchar	Парбиг	Вавиловка	Усть-Бакchar	Кёнга	Среднее для вод зоны гипергенеза [17]	Железные руды [10–11]	Железные руды [9]	Вмещающие осадочные отложения [9, 11]
Водоносные горизонты	отложений $Q_{II\text{тб}} - P_3\text{тб}, P_3\text{нмб}$ $P_{2-3\text{юр}}$					$K_2\text{гн}, K_2\text{тп}$					
Глубина, м	20	88	105	120	147	130	380				
Na	9931	10601	10463	11456	18608	73673	793452	67600	0,07...0,1*	–	0,01...0,24*
K (K ₂ O)	1332	1097	2229	1417	1662	2558	7880	5150	(0,0...0,58)	–	–
Mg (MgO)	13014	29011	18223	26140	23046	33755	23217	18200	(0,28...1,08)	–	–
Ca	46848	123083	176376	115224	111317	124838	50010	39200	2,8...6,8*	–	3...9,2*
Si (SiO ₂)	17703	11108	14692	18945	16678	19221	6528	8300	(15,7...33,0)	–	–
(P ₂ O ₅)	210,0	646,2	224,4	813,3	334,8	461,2	58,0	58,0	0,5...0,6	–	–
Al (Al ₂ O ₃)	180,0	130,0	360,0	320,0	180,0	330,0	210,0	226,0	(2,2...5,0)	–	–
Mn (MnO)	306,8	524,5	2208,9	260,5	201,2	185,9	36,2	54,5	(0,16...1,59)	390...>300 0	790...3670
Fe	11918	5866	20741	6384	1213	12145	421	481	36,7...43,6*	–	14,1...19,5*
Li	3	5	6	4	4	6	31	13	–	–	–
B	24,9	94,8	23,7	73,8	95,9	107,7	2331,2	77,9	–	–	–
Ti	2,0	1,7	2,0	2,8	1,8	2,4	0,7	17,4	–	250...800	100...1000
V (V ₂ O ₅)	0,05	0,10	0,08	0,06	0,03	0,09	0,24	1,34	(0,13...0,25)	20...320	60...230
Cr	0,63	0,50	0,64	0,69	0,44	0,88	1,19	3,03	63,2...398,0	10,0...32,0	193,1...224,9
Co	0,25	нпо	нпо	нпо	нпо	0,56	нпо	0,39	6,6...58,2	10,0...19,0	22,5...30,7
Ni	1,41	0,25	0,22	0,23	0,12	7,76	0,01	3,58	Следы	16...85	22...95
Cu	0,05	нпо	0,09	0,03	нпо	нпо	нпо	5,58	Следы	4...180	6...35
Zn	22,2	1,5	6,5	12,9	2,3	7,3	4,9	41,4	Следы	70...400	80...150
Ga	0,02	0,04	0,16	0,02	0,02	0,02	0,03	0,37	–	5...9	3...8
Ge	0,04	0,05	0,02	0,02	нпо	0,16	0,03	–	–	–	–
As	нпо	5,2	0,1	5,6	0,1	0,8	23,9	1,5	2,0...3,1	–	0,8...4,3
Rb	2,35	1,04	0,39	3,08	2,16	4,25	4,25	1,86	40...723	–	40...171
Sr	480	606	649	661	756	1034	1322	183	Менее 430	157...215	430...913
Zr	0,02	0,08	0,02	0,04	0,01	0,03	0,01	1,20	–	87...884	50...740
Mo	0,62	0,07	0,09	0,07	0,06	0,52	1,64	1,75	–	–	–
Sb	0,01	0,05	нпо	0,06	0,01	0,05	0,03	0,68	1,1...7,4	–	1,1...2,3
Cs	0,02	0,04	нпо	0,06	0,02	0,06	0,04	0,26	Менее 1,8	–	1,8...5,8
Ba	15,5	16,0	25,8	17,1	18,3	27,5	19,6	18,3	Менее 290	205...292	Менее 290
La	0,22	0,75	0,01	0,78	0,65	1,39	0,01	0,67	7,2...56,0	80,0...600, 0	7,2...83,3
Pb	0,261	0,064	0,117	0,223	0,023	0,445	0,042	2,97	Менее 0,01*	6...17	7...10
U	0,00036	0,000244	1,24882	0,000896	0,001296	нпо	0,000572	–	–	–	–
Th	0,000963	0,001741	0,001349	0,004593	нпо	0,00592	0,001709	–	0,4...11,6	–	0,4...8,1
Y	0,06	0,01	0,02	0,02	0,01	0,01	0,03	–	–	7...26	10...43

Примечание. нпо – концентрация элемента ниже предела обнаружения; «–» – нет данных. Курсивом отмечены превышения относительно среднего для зоны гипергенеза.

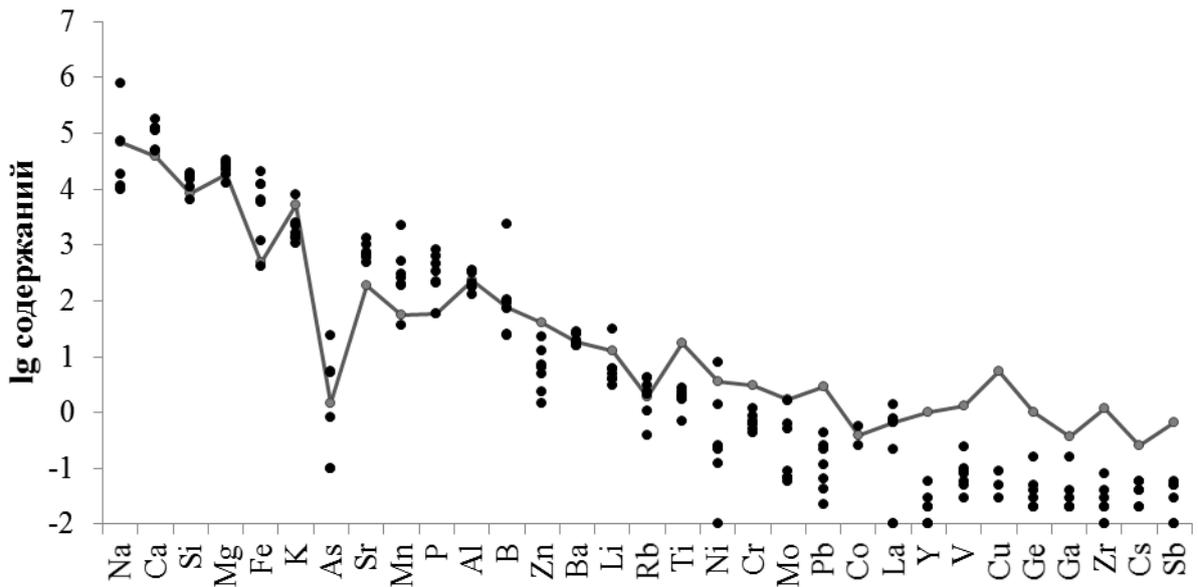

Рис. 3. Содержание микрокомпонентов в воде относительно средних значений для вод зоны гипергенеза (серая линия)

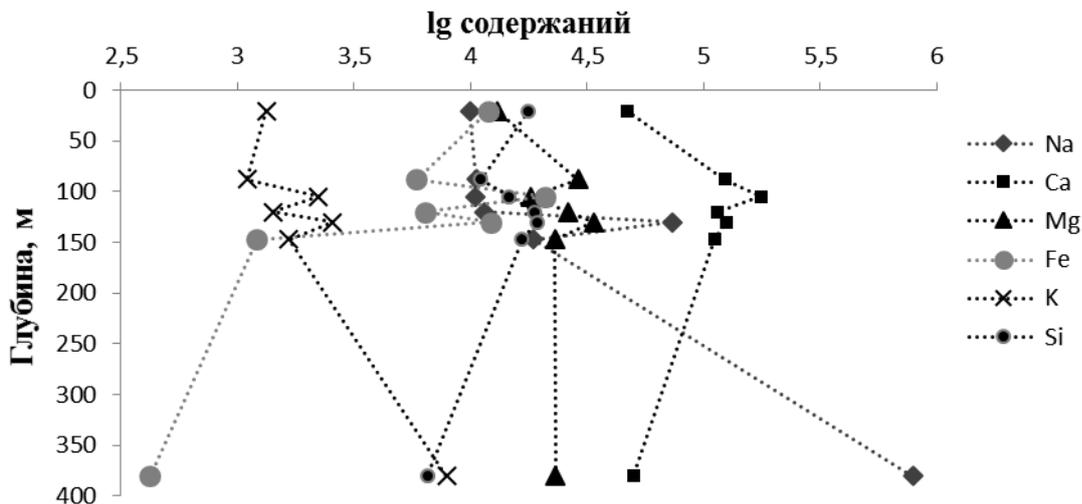

Рис. 4. Распределение с глубиной некоторых компонентов в воде

Марганец является основным спутником железа и весьма распространен в подземных водах региона, его содержание достигает 2,5 мг/л, что соответственно превышает значение ПДК_{х-п} в 2,5 раза. С глубиной концентрация Mn в воде сначала увеличивается, достигая максимума в водах палеогеновых отложений примерно на глубине 100–200 м, далее резко уменьшается, что характерно и для Fe. Благодаря сходным химическим свойствам распределение Fe и Mn контролируется такими показателями, как pH и Eh. С ростом pH миграция ограничивается осаждением карбонатов, в окислительной среде – осаждением окислов и гидроокислов. Однако Mn²⁺ является в целом более активным водным мигрантом, чем Fe²⁺, осаждается на барьерах позже, а значит, область распространения его шире. По данным Н.А. Ермашовой и Б.С. Никонова [19], в изучаемом разрезе не установлены марганцевые минералы, но, тем не менее, химические анализы свидетельствуют о широком распространении дан-

ного элемента. Можно предположить, что марганец является изоморфной примесью многих, прежде всего железистых, минералов. Однако в более поздних работах отмечается, что марганец, кроме изоморфной его примеси, может присутствовать в рудах и в собственной минеральной форме в виде псиломелана и вернадита [13].

Среди таких элементов, как Zn, Pb, Cu, повышенным содержанием отмечается цинк, концентрации которого изменяются от 1,5 до 12,9 мкг/л, хотя в водах верхних горизонтов его содержание достигает 22,0 мкг/л. Это объясняется тем, что цинк обладает наименьшей способностью сорбироваться гипергенными новообразованиями (гидроокислы железа, марганца, алюминия, а также карбонаты, глины и органические вещества), вследствие чего наблюдаются его повышенные содержания [16]. Содержание Ni, Cr, Mo, Co, Ga в подземных водах невелико и изменяется в пределах от 0,02 до 1,4 мкг/л. Стоит отметить некото-

рое повышение содержания Ni и Mo в водах верхне-меловых отложений до 7,7 и 1,6 мкг/л соответственно. Основными источниками данных элементов в подземных водах являются их сульфидные минералы.

Концентрация бора в подземных водах изменяется от 24 до 108 мкг/л, однако его содержание резко возрастает до 2 330 мкг/л в пробе, отобранной в д. Кёнга на глубине 380 м. Содержание бора в осадочных породах морского генезиса максимально. В щелочных условиях вод меловых отложений создаются благоприятные условия для его накопления.

Также в некоторых пробах отмечено превышение в 3 раза содержания мышьяка, а в меловых водах – в 16 раз относительно средних его содержания в водах зоны гипергенеза. Высокие концентрации мышьяка характерны для щелочных подземных вод натриевого состава, особенно формирующихся в осадочных породах морского генезиса (среднее содержание As в таких породах повышено до $n \cdot 10^{-3}\%$). В случае минерализованных вод (при большом времени взаимодействия вод с породой) содержание As может достигать первые и даже сотни мг/л [16].

Такие элементы, как Ge и Sb, представлены в подземных водах сотыми долями мкг.

Переходные металлы Ti, V, Zr, Y также присутствуют в исследуемых водах. Содержание титана изменяется от 0,7 до 2 мкг/л, а концентрации циркония в разы меньше и составляют 0,01–0,08 мкг/л. Источником этих элементов в подземных водах являются алюмосиликаты. Ванадий относится к рассеянным элементам и в природе в свободном виде не встречается. Содержание ванадия в водах незначительно и изменяется от 0,03 до 0,2 мкг/л. Между тем в оолитовых бакчарских железных рудах происходит его значительное накопление.

Редкоземельные элементы в подземных водах исследуемой территории представлены в незначительных концентрациях – тысячных долей микрограмм, однако в пробах, отобранных в с. Коломинские Гривы и Усть-Бакчар, встречены повышенные концентрации лантана, которые составляют 0,7 и 1,4 мкг/л соответственно.

Выводы

Подземные воды района Бакчарского железорудного месторождения, заключенные в пяти водоносных горизонтах, практически повсеместно содержат повышенные и высокие концентрации ионов Fe до 10 мг/л, а также Mn и органического вещества. Воды от пресных до слабо минерализованных, по составу от гидрокарбонатных кальциевых до гидрокарбонатных натриевых и даже хлоридных натриевых. Практически все подземные воды, циркулирующие выше рудной залежи, содержат повышенные и высокие концентрации ионов Fe. Ниже рудной залежи в водах отложений ипатовской свиты на глубине 390 м концентрации Fe уменьшаются в 6 раз от среднего значения. Такая же картина характерна для Mn.

Из 64 изученных элементов повышенными содержаниями в водах отличаются Ca, Fe, Sr, Mn, P, единично Na, As, B, Li, Ni, La. Пониженными значениями характеризуются Zn, Ti, Cr, Mo, Pb, Y, V, Cu, Ge, Ga, Zr, Cs, Sb. Такие компоненты, как Nb, Cd, Sn, Ce, Pr, Sm, Nd, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, W, Tl, Bi, – ниже пределов обнаружения. С глубиной в воде увеличивается содержание Na, K, Li, B, V, Cr, As, Sr, Mo, Sb. Концентрации таких элементов, как Ca, Fe, Si, Mn, Zn, наоборот, падают.

Источники химических элементов – алюмосиликатные породы, развитые на территории, пески и глины морского генезиса. В зависимости от особенностей геохимической среды (pH, Eh, наличие органики и др.) происходит накопление определенных элементов. Часть элементов, наоборот, уходит из воды во вторичные отложения. Происходит перераспределение элементов между породой и водой. В рудах, например, концентрируются V, Ti, Zn, Mo, Cr, Sb, Cu, Pb, Ni, Sc, Ge, Be, Zr, Y, U, Th, Au, содержание которых в воде либо низкое, либо на уровне средних значений. В воде концентрируются Ca, Na, Sr, B, Li, а в породе их содержание резко снижено. Такие элементы, как Fe, Mn, P, As хорошо концентрируются и в воде и в рудах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермашова Н.А. Железистые воды юго-востока Западно-Сибирского артезианского бассейна // Геология, гидрогеология и инженерная геология Западной Сибири : сб. науч. тр. Тюмень : ТюмИИ, 1982. С. 3–10.
2. Иванова И.С., Лепокурова О.Е., Шварцев С.Л. Железосодержащие воды Томской области // Разведка и охрана недр. 2010. № 11. С. 58–62.
3. Иванова И.С. Железосодержащие подземные воды юго-восточной части Среднеобского бассейна : дис. ... канд. геол.-минер. наук. Томск : Том. политехн. ун-т, 2013. 180 с.
4. Иванова И.С., Лепокурова О.Е., Покровский О.С., Шварцев С.Л. Железосодержащие подземные воды верхней гидродинамической зоны центральной части Западно-Сибирского артезианского бассейна // Водные ресурсы. 2014. Т. 41, № 2. С. 164–179.
5. Лепокурова О.Е., Иванова И.С. Геохимия подземных вод района Бакчарского железорудного месторождения (Томская область) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 212–216.
6. Видяйкина Н.В. Обеспечение экологической безопасности при использовании сельским населением подземных вод для питьевых целей (на примере Томской области и Ханты-Мансийского автономного округа) : дис. ... канд. геол.-минер. наук. Томск : Том. политехн. ун-т, 2010. 163 с.
7. Шварцев С.Л., Рыженко Б.Н., Алексеев В.А. и др. Геологическая эволюция и самоорганизация системы вода – порода. Т. 2. Система вода – порода в зоне гипергенеза. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 389 с.
8. Здвижков М.А. Гидрогеохимия Васюганского болотного массива : автореф. дис. ... канд. геол.-минер. наук. Томск : Том. политехн. ун-т, 2005. 23 с.
9. Асочакова Е.М., Коноваленко С.И. Геохимические особенности железных руд Бакчарского месторождения (Западная Сибирь) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 219–222.
10. Мазуров А.К., Боярко Г.Ю., Ананьев А.А., Емешев В.Г. Перспективы освоения железорудных месторождений Томской области // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2005. № 5. С. 16–20.
11. Карпина К.В., Домаренко В.А., Рихванов Л.П. Редкие и радиоактивные элементы в железных рудах Западно-Сибирского железорудного пояса на примере Бакчарского узла (Томская область) // Вестник науки Сибири. 2012. № 5 (6). С. 29–35.

12. Гринёв О.М., Григорьева Е.А., Бу Е.А., Тюменцева Е.П. Геолого-геохимические особенности основных типов руд Бакcharского железорудного месторождения // Нефть, газ, геология. Экология: современное состояние, проблемы, новейшие разработки, перспективные исследования : материалы круглых столов. Томск : Изд-во ТПУ, 2010. С. 129–149.
13. Асочакова Е.М., Коноваленко С.И. К геохимии оолитовых и болотных железистых руд Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 222–225.
14. Рудмин М.А., Мазуров А.К., Рубан А.С. Морфология и вещественный состав железных руд Бакcharского рудопроявления (Томская область) // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1323–1327.
15. Льготин В.А., Савичев О.Г., Макушин Ю.В., Камнева О.А. Долгосрочная изменчивость химического состава подземных вод Томской области // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 74–79.
16. Крайнов С.Р., Рыженко Б.Н., Швец В.М. Геохимия подземных вод. Теоретические, прикладные и экологические аспекты. 2-е изд., доп. М. : ЦентрЛитНефтеГаз, 2012. 672 с.
17. Шварцев С.Л. Гидрогеохимия зоны гипергенеза. М. : Недра, 1998. 366 с.
18. Бакиев Н.А. Потенциальная рудоносность позднеолейстоценовых отложений Западной Сибири // Геология, геофизика и минеральное сырье Сибири : матер. 1-й науч.-практ. конф. Т. 1 [Текст] / отв. ред. С.П. Зайцев. Новосибирск : СНИИГиМС, 2014. С. 13–16.
19. Ермашова Н.А., Никонов Б.С. Отчет гидрогеохимической партии по работам за 1976–1982 гг. Обобщение материалов по химическому составу питьевых подземных вод в связи с повышением содержания в них железа, марганца и других, специфических для региона компонентов в пределах юго-восточной части Западно-Сибирского артезианского бассейна. ОФТГПИ, 1982. 490 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 7 июля 2015 г.

FEATURES OF TRACE ELEMENTS IN THE GROUNDWATER OF THE BAKCHAR IRON ORE DEPOSIT (TOMSK OBLAST)

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 224–232. DOI: 10.17223/15617793/398/36

Ivanova Irina S. Institute of Ecological Problems of the North UroRAS (Arkhangelsk, Russian Federation), Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS (Tomsk, Russian Federation), National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: IvanovaIS_1986@mail.ru

Lepokurova Olesya E. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: LepokurovaOY@ipgg.sbras.ru

Keywords: geochemistry of groundwater; Bakchar iron ore deposit; trace elements.

The article investigates the spatial distribution, geological and hydrogeological conditions, chemical composition of ferriferous groundwater of the Middle Ob basin. From the depths of 10–30 m, and even of 2–5 m in the bogs, the groundwater is enriched with iron everywhere. Its content quite often reaches 30–40 mg/l. Major factors and regularities of such a distribution of iron in the water are known; it is more complicated to deal with the sources and mechanisms of accumulation of this element in the water. To identify these problems, since 2008, the authors have studied the specific conditions for the formation of iron-containing water using thermodynamic calculations of processes in the system "water – rock" in the territory of the Middle Ob basin (Tomsk Oblast). The most interesting is the area of Bakchar where one of the largest iron ore deposit in the world, the Bakchar iron ore deposit, is located. The groundwaters of the Quaternary and Paleogene deposits are fresh, neutral and weakly alkaline, hydrocarbonate calcium and calcium-magnesium. This water is enriched not only with Fe but also with Mn, their concentration reaches 10 mg/l and 0.5 mg/l. The waters of the Upper Cretaceous sediments have greater salinity. There is a change in the composition of water from calcium bicarbonate to sodium bicarbonate (soda), which explains the large variations in the stiffness. Relatively higher-lying waters are characterized by high alkalinity. The content of Fe and Mn in the water is reduced. All this confirms the high washed-out character of the geological structures in the region. Practically all the groundwater circulating above the ore deposit, contains high concentrations of Fe ions. Below the ore deposit at a depth of 390 m the concentration of Fe in the water decreases by 6 times from the average, but only by the data of one well. Trace elements of the groundwater in the territory of the Bakchar iron ore deposit is investigated in detail. From the 64 studied elements Ca, Fe, Sr, Mn, P and rare cases of Na, As, B, Li, Ni, La have a high content in the water. Zn, Ti, Ni, Cr, Mo, Pb, Y, V, Cu, Ge, Ga, Zr, Cs, Sb have lower values. Nb, Cd, Sn, Ce, Pr, Sm, Nd, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, W, Tl, Bi are below detection limits. In deeper waters there is an increase in the content of Na, K, Li, B, V, Cr, As, Sr, Mo, Sb and a decrease in the concentration of Ca, Fe, Si, Mn, Zn. The sources of chemical elements are aluminosilicate rocks which developed in the territory: sands and clays of the marine genesis. Depending on the features of the geochemical environment (pH, Eh, organic matter and others), there is an accumulation of some elements. Part of elements, on the contrary, leaves the water to become secondary sediments. Elements are redistributed between rock and water. In ores, for example, such elements as V, Ti, Zn, Mo, Cr, Sb, Cu, Pb, Ni, Sc, Ge, Be, Zr, Y, U, Th, Au are concentrated, their content in the water is low or average. Ca, Na, Sr, B, Li are concentrated in the water, and their content in the rock is sharply low. Fe, Mn, P, As are well concentrated in water and in ores.

This work was supported by the RSF grant no. 15-17-10009.

REFERENCES

1. Ermashova, N.A. (1982) Zhelezistye vody yugo-vostoka Zapadno-Sibirskogo artezianskogo basseyna [Ferruginous water of the southeast of the West Siberian Artesian Basin]. In: Matusevich, V.M. (ed.) *Geologiya, gidrogeologiya i inzhenernaya geologiya Zapadnoy Sibiri* [Geology, hydrogeology and engineering geology of Western Siberia]. Tyumen: TyumLI.
2. Ivanova, I.S., Lepokurova, O.E. & Shvartsev, S.L. (2010) Tomsk region ferriferous waters. *Razvedka i okhrana nedr – Prospect and Protection of Mineral Resources*. 11. pp. 58–62. (In Russian).
3. Ivanova, I.S. (2013) *Zhelezosoderzhashchie podzemnye vody yugo-vostochnoy chasti Sredneobskogo basseyna* [Ferriferous groundwater of the south-eastern part of the Middle Ob basin]. Geology and Mineralogy Cand. Diss. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
4. Ivanova, I.S. et al. (2014) Iron-containing groundwater in the upper hydrodynamic zone in the central part of West-Siberian artesian basin. *Vodnye resursy – Water Resources*. 41(2). pp. 163–177. DOI: 10.7868/S0321059614020084
5. Lepokurova, O.E. & Ivanova I.S. (2011) Geochemistry of underground waters of the Bakchar iron ore deposit area (Tomsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 212–216. (In Russian).
6. Vidyaykina, N.V. (2010) *Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti pri ispol'zovanii sel'skim naseleniem podzemnykh vod dlya pit'evykh tseley (na primere Tomskoy oblasti i Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)* [Ensuring environmental safety in the use of groundwater by the rural

- population for drinking purposes (in Tomsk Oblast and Khanty-Mansi Autonomous District)]. Geology and Mineralogy Cand. Diss. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
7. Shvartsev, S.L. et al. (2007) *Geologicheskaya evolyutsiya i samoorganizatsiya sistemy voda-poroda* [Geological evolution and self-organization of water – rock system]. V. 2. Novosibirsk: SB RAS.
 8. Zdvizhkov, M.A. (2005) *Gidrogeokhimiya Vasyuganskogo bolotnogo massiva* [Hydrogeochemistry of the Great Vasyugan Mire]. Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
 9. Asochakova, E.M. & Konovalenko, S.I. (2007) Geokhimicheskie osobennosti zheleznykh rud Bakcharskogo mestorozhdeniya (Zapadnaya Sibir') [Geochemical characteristics of the Bakchar iron ore deposits (Western Siberia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 219–222.
 10. Mazurov, A.K. et al. (2005) Development potentialities of iron-ore deposits in the Tomsk Oblast. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie – Mineral Resources of Russia. Economics and Management*. 5. pp. 16–20. (In Russian).
 11. Karepina, K.V., Domarenko, V.A. & Rikhvanov, L.P. (2012) Rare and radioactive elements in the iron ores of west-siberian iron-ore zone by the example of Bakchar unit (Tomsk Region). *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 5 (6). pp. 29–35. (In Russian).
 12. Grinev, O.M. et al. (2010) Geologo-geokhimicheskie osobennosti osnovnykh tipov rud Bakcharskogo zhelezorudnogo mestorozhdeniya [Geological and geochemical characteristics of the main types of ore of the Bakchar iron ore deposit]. *Neft', gaz, geologiya. Ekologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, noveyschie razrabotki, perspektivnye issledovaniya* [Oil, gas, geology. Ecology: current status, problems and recent developments, advanced research]. Proc. of round tables. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 129–149. (In Russian).
 13. Asochakova, E.M. & Konovalenko, S.I. (2010) On geochemistry of oolitic and swamp iron ores of Tomsk Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 341. pp. 222–225. (In Russian).
 14. Rudmin, M.A., Mazurov, A.K. & Ruban, A.S. (2014) Mineral and elemental composition of iron ores in Bakchar iron ore cluster (Tomsk Oblast). *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 11(6). pp. 1323–1327. (In Russian).
 15. L'gotin, V.A. et al. (2012) Long-term variability in chemical composition of subterranean water in Tomsk Oblast. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 1. pp. 74–79. (In Russian).
 16. Kraynov, S.R., Ryzhenko, B.N. & Shvets, V.M. (2012) *Geokhimiya podzemnykh vod. Teoreticheskie, prikladnye i ekologicheskie aspekty* [Geochemistry of groundwater. Theoretical, applied and environmental aspects]. 2nd ed. Moscow: TsentrLitNefteGaz.
 17. Shvartsev, S.L. (1998) *Gidrogeokhimiya zony gipergeneza* [Hydrogeochemistry of the supergenesis zone]. Moscow: Nedra.
 18. Baksheev, N.A. (2014) [Late Neopleistocene potential mineralization of deposits of Western Siberia]. *Geologiya, geofizika i mineral'noe syr'e Sibiri* [Geology, geophysics and mineral resources of Siberia]. Proc. of I Scientific and Practical Conference. Novosibirsk: SNIIGiMS. pp. 13–16. (In Russian).
 19. Ermashova, N.A. & Nikonov, B.S. (1982) *Otchet gidrogeokhimicheskoy partii po rabotam za 1976–1982 gg. Obobshchenie materialov po khimicheskomu sostavu pit'evykh podzemnykh vod v svyazi s povysheniem sodержaniya v nikh zheleza, margantsa i drugikh, spetsificheskikh dlya regiona komponentov v predelakh yugo-vostochnoy chasti Zapadno-Sibirskogo artezianskogo basseyna* [Report of the Hydrogeochemical Expedition for 1976–1982. Compilation of the data on chemical composition of underground drinking water due to its higher content of iron, manganese and other region-specific components within the south-eastern part of the West-Siberian artesian basin]. OFTGPP.

Received: 07 July 2015

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ ЮГА СИБИРИ

Выявлено, что в позднем неоплейстоцене территория Алтае-Саянской горной области находилась на границе Европейско-Сибирской и Центрально-Азиатской зоогеографических подобластей Палеарктики. Существование границы подтверждается пересечением в регионе ареалов многих узкоспециализированных видов млекопитающих. Рассчитаны индексы сходства фаун крупных млекопитающих Алтае-Саянской горной области с сопредельными регионами. Выявлено, что одним из ключевых элементов этой границы являлась территория Минусинской котловины. Благодаря высокому разнообразию ландшафтов в регионе был богатый видовой состав крупных млекопитающих, сочетающий как арктические, так и центральноазиатские виды.

Ключевые слова: мамонтовая фауна; неоплейстоцен; зоогеография; ареалологический метод; индекс сходства; Минусинская котловина; юг Сибири.

Введение

Алтае-Саянская горная область располагается на юге Средней Сибири и представляет собой сочетание различной высоты горных хребтов и межгорных котловин. Рельеф региона, особенно его орографическая специфика, вносит много изменений в зональность климата и оказывает сильное воздействие на движение воздушных масс. Различная абсолютная высота хребтов, экспозиция склонов, увлажненность территории, широта местности способствуют широкой дифференциации ландшафтов Алтае-Саянской горной страны [1].

На севере Алтае-Саянской области располагается Минусинская межгорная котловина. Эта котловина представляет собой систему разнообразных по конфигурации и размерам впадин, разделённых поднятиями субширотного простираения. Административно территория включает в себя юго-западную часть Красноярского края и северную и центральную части Республики Хакасии. Границами котловины на юге и востоке являются системы хребтов Западного и Восточного Саян и Кузнецкого Алатау. Минусинская котловина состоит из трёх крупных впадин: Северо-Минусинской, Сыдо-Ербинской и Южно-Минусинской [2]. Благодаря широкому разнообразию ландшафтов в пределах котловины в настоящее время регион является южной частью переходной зоны между Восточной и Западной Сибирью, по которой проходит важнейшая зоогеографическая граница Палеарктики – Енисейский зоогеографический рубеж [3].

Поскольку климат Алтае-Саянской области обусловлен в первую очередь рельефом, то высокое разнообразие ландшафтов было характерно для региона и ранее. Фактические материалы как по фауне, так и по флоре хорошо это подтверждают [2, 4]. Исходя из этого, можно предполагать, что современная зоогеографическая граница существовала в регионе и ранее. В настоящей статье рассмотрена возможность существования зоогеографической границы на севере Алтае-Саянской области в позднем неоплейстоцене.

Материал и методы исследования

В статье проведён зоогеографический анализ фауны крупных млекопитающих Минусинской котловины и

сопредельных регионов. Сделана попытка наиболее полно отразить информацию о фауне крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена на юге Сибири, для этого использован как фактический материал, так и литературные данные.

Список фауны котловины составлен на основе материалов, собранных и исследованных автором (коллекции палеонтологического музея Томского государственного университета (г. Томск); зоологического музея Хакасского государственного университета – (г. Абакан); Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартынова (г. Минусинск); Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (г. Абакан). Кроме этого, использованы опубликованные данные по ископаемой териофауне региона [2; 5–12]. Данные по современной фауне котловины взяты из [13–16]. На основе анализа литературных данных составлены списки фаун сопредельных регионов: юго-восток Западной Сибири [17–23], Алтай [4; 24–29], Прибайкалье [30–38].

Для оценки зоогеографического положения регионов Южной Сибири применен ареалологический подход. В данной статье показаны границы распространения центральноазиатских и арктических видов на юге Сибири в позднем неоплейстоцене. Построение ареалов весьма наглядно показывает границы зоогеографических биохорий. Поэтому данный метод всегда играет большое значение в зоогеографических исследованиях.

Также для оценки степени сходства и различия фаун отдельных регионов в работе использованы индексы сходства Симпсона и Чекановского–Сёренсена. Оба индекса вычислялись в процентах.

Индекс Симпсона:

$$R = C/N1,$$

где C – количество общих таксонов для обеих выборок; $N1$ – общее число таксонов в меньшей выборке.

Индекс Чекановского–Сёренсена:

$$ICS = 2a/(n1 + n2),$$

где a – число вариантов, общих для обоих сравниваемых списков; $n1$ – число вариантов в 1-м списке и $n2$ – число вариантов во 2-м списке.

Индекс Симпсона показывает степень сходства двух указанных фаун по критерию наличия видов в обеих фаунах, поэтому данный критерий хорошо показывает именно общность фаун. Для разделения фа-

ун лучше подходит индекс Чекановского–Сёренсена. Этот индекс линейно зависит от различий сравниваемых фаунистических списков по числу видов, а также от относительного числа общих видов в сравниваемых списках. Поэтому этот индекс оценивается как наиболее адекватный при измерении сходства между списками по качественным данным [39].

Сокращения, принятые в работе: Ю-М – Южно-Минусинская впадина; С-Е – Сыдо-Ербинская впадина; С-М – Северо-Минусинская впадина; ТО – Томская область; НО – Новосибирская область; КК – Кузнецкая котловина; Ал – Алтай; МК – Минусинская котловина; ПА – Приангарье; ЗБ – Забайкалье.

Фауна крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена Минусинской котловины

В палеофаунистическом отношении наиболее изученной частью Минусинской котловины является Северо-Минусинская впадина. На территории этой впадины известно множество крупных местонахождений четвертичных млекопитающих. В основном эти местонахождения относятся ко второй половине позднего неоплейстоцена (каргинское и сартанское время). Материал из местонахождений, расположенных в двух других впадинах, также относится преимущественно к этому временному интервалу. Возраст местонахождений подтверждается как их геологическим строением, так и большим количеством радиоуглеродных датировок, полученных по костному материалу и древесному углю [6, 9 и др.].

Основная часть местонахождений, содержащих костные остатки четвертичных млекопитающих связана в регионе с многочисленными стоянками палеолитического человека [7]. Кроме этого, на территории котловины известны ряд пещерных местонахождений зоогенного генезиса [9] и несколько естественных местонахождений аллювиального типа [40–42].

Каждый из этих типов тафоценозов имеет свои особенности в сравнении с другими. Так, материалы из зоогенных накоплений пещер отражают локальные особенности фауны. При этом материал в них будет крайне выборочным потому, что накопление ископаемых остатков в них напрямую связано с избирательностью хищников, населявших данные пещеры. Кроме того, большая часть материала (до 80–90% остатков, в некоторых пещерах) в таких местонахождениях становится неопределимой в результате пищевой активности животных [18]. Схожими недостатками обладают и материалы с палеолитических стоянок. Но зато в местонахождениях такого типа наблюдаются большие скопления остатков доминантных представителей фауны. В естественных местонахождениях аллювиального типа видовые составы зачастую представлены более полно. Однако такие материалы нередко бывают переотложенными. Таким образом, чтобы получить наиболее полные и достоверные данные по составу ископаемой фауны, желательно привлекать данные из как можно большего количества место-

нахождений, при этом желательно, чтобы данные местонахождения имели разный генезис.

Анализ имеющихся данных позволил установить, что в позднем неоплейстоцене на территории Минусинской котловины обитало не менее 42 видов крупных млекопитающих (табл. 1).

Местонахождений, содержащих остатки млекопитающих первой половины позднего неоплейстоцена, в регионе крайне мало [2]. Поэтому сложно достоверно оценить состав фауны для этого временного промежутка. Наиболее вероятно, что он мало чем отличался от фауны второй половины позднего неоплейстоцена и также носил смешанный характер. Подтверждением этого можно считать совместное обитание животных лесных биоценозов (*Cervus elaphus*, *Capreolus pygargus*, *Ursus* sp.) и открытых тундростепных ландшафтов (*Saiga tatarica*, *Rangifer tarandus*, *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta antiquitatis* и др.).

Во второй половине позднего неоплейстоцена на территории Минусинской котловины наиболее многочисленны были копытные. В это время в фауне млекопитающих доминировали крупные стадные копытные, населявшие открытые ландшафты – лошади, бизоны, северные олени, архары. Это подтверждается как высоким процентом остатков этих животных, так и тем, что они известны практически во всех местонахождениях региона [5, 6 и др.]. В меньшей степени встречаются остатки животных, населяющих лесные биоценозы. Также большой процент видов составляют представители горных ландшафтов, хотя их остатки представлены в основном единичными находками [9, 37, 43]. Эти факты свидетельствуют о высоком ландшафтном разнообразии региона, что позволяло животным с весьма различной экологией обитать на относительно небольшой площади.

Следует отметить, что существенных различий в фауне региона в холодные и теплые эпохи позднего неоплейстоцена не обнаружено. Так виды, которые считаются типично лесными животными – *Cervus elaphus*, *Capreolus pygargus*, *Alces alces*, *Ursus arctos*, были достаточно обильны на протяжении всего позднего неоплейстоцена. А малое количество остатков некоторых видов (*Uncia uncia*, *Lynx lynx*, *Felis manul*, *Moschus moschiferus*, *Camelus bactrianus*, *Ovibos palantidis*), вероятно, связано с особенностями их экологии, которые снижали вероятность захоронения этих животных, а не с их отсутствием в регионе.

Спорным остаётся присутствие в позднем неоплейстоцене на территории котловины *Camelus bactrianus* и *Sus scrofa*. Оба этих вида представлены единичными экземплярами. Верхний МЗ кабана в настоящее время известен только из одного местонахождения (Новосёлово аллювиальное) и не имеет точной стратиграфической привязки, хотя по ряду косвенных признаков может быть отнесен к позднему неоплейстоцену [41]. Фаланга верблюда отмечалась И.Д. Черским [44] для местонахождения Узунжол, однако материал не имел стратиграфической привязки и не был описан, поэтому возможен и голоценовый возраст этой находки. Известно, что в голоцене домашние верблюды встречались в регионе [45].

Фауна млекопитающих Минусинской впадины второй половины позднего неоплейстоцена

№ п/п	Вид	Геологический возраст (горизонт)										
		Казанцевский С-М	Муруктинский С-М	Каргинский			Сарганский			Современность		
				Ю-М	С-Е	С-М	Ю-М	С-Е	С-М	Ю-М	С-Е	С-М
1	<i>Lepus tolai</i>		+?	+	+	+	+	+	+			
2	<i>Lepus timidus</i>			+		+			+	+	+	
3	<i>Marmota baibacina</i>				+	+	+	+	+			
4	<i>Castor fiber</i>					+				+		+
5	<i>Canis lupus</i>			+	+	+		+	+	+	+	+
6	<i>Canis subtilis</i>			+								
7	<i>Vulpes (=Alopex) lagopus</i>					+			+			
8	<i>Vulpes vulpes</i>			+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	<i>Vulpes corsac</i>			+		+		+				
10	<i>Cuon alpinus</i>					+				+		
11	<i>Ursus arctos</i>		+?	+	+	+	+	+	+	+	+	+
12	<i>Ursus savini rossicus</i>					+						
13	<i>Martes zibellina</i>			+		+				+	+	+
14	<i>Gulo gulo</i>			+	+	+	+		+	+	+	+
15	<i>Mustela sp.</i>		+	+	+				+			
16	<i>Meles leucurus</i>					+			+	+	+	+
17	<i>Crocuta spelaea</i>			+	+	+		+	+			
18	<i>Panthera spelaea</i>				+	+			+			
19	<i>Uncia uncia</i>					+				+		+
20	<i>Lynx lynx</i>					+				+	+	+
21	<i>Felis (=Otocolobus) manul</i>								+	+		
22	<i>Mammuthus primigenius</i>	+	+		+	+	+	+	+			
23	<i>Equus</i> «широкопалая»	+	+		+	+	+	+	+			
24	<i>Equus</i> «грацильная»	+	+		+	+	+	+	+			
25	<i>Coelodonta antiquitatis</i>	+	+		+	+	+	+	+			
26	<i>Sus scrofa</i>								+	+		+
27	<i>Camelus bactrianus</i>							+				
28	<i>Moschus moschiferus</i>					+				+	+	+
29	<i>Cervus elaphus</i>	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+
30	<i>Capreolus pygargus</i>		+	+		+	+	+	+	+	+	+
31	<i>Megaloceros giganteus</i>	+	+			+	+		+			
32	<i>Alces alces</i>				+	+	+	+	+	+	+	+
33	<i>Rangifer tarandus</i>	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
34	<i>Ovibos pallantis</i>						+					
35	<i>Bos primigenius</i>			+			+		+			
36	<i>Bos (=Poephagus) baikalensis</i>				+	+	+	+	+			
37	<i>Bison priscus</i>	+	+	+	+	+	+	+	+			
38	<i>Saiga tatarica</i>	+	+		+	+	+	+	+			
39	<i>Procapra cf. gutturosa</i>				+	+						
40	<i>Capra sibirica</i>				+	+	+			+		
41	<i>Ovis nivicola</i>		+?		+	+		+				
42	<i>Ovis ammon</i>				+	+	+	+	+	+	+	

Примечание. +? – единичные находки, требующие уточнения возраста; +(?) – современные виды, населяющие Кузнецкий Алатау, Западный или Восточный Саян, непосредственно на территории котловины либо не встречаются, либо заходят эпизодически.

Сравнение фауны крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена Минусинской котловины с фаунами сопредельных территорий

В течение позднего неоплейстоцена на юге Сибири не наблюдается существенных изменений в фаунистическом составе крупных млекопитающих. Фауна первой половины позднего неоплейстоцена изучена не достаточно хорошо. В основном это связано с пробле-

мой датирования местонахождений, поскольку для радиоуглеродного метода остатки, относимые к первой половине неоплейстоцена, находятся за пределами его чувствительности, а местонахождений, датированных другими физическими методами, в настоящее время не так много [46]. Вероятно, незначительные различия в видовых составах фауны первой и второй половин позднего неоплейстоцена связаны в большей степени с недостаточной изученностью первой, а не с реальными

изменениями в составе фауны [18]. Хотя, безусловно, могут существовать и некоторые различия в разновременных фаунах, связанные как с вымиранием некоторых таксонов, так и с их миграцией. Однако в основных элементах экологическая структура фауны остава-

лась неизменной вплоть до момента распада мамонтовой фауны на границе плейстоцена и голоцена. На основании этого автор предполагает, что комплексное сравнение фауны для всего позднего неоплейстоцена вполне допустимо (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Видовой состав крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена, для различных регионов юга Сибири

№ п/п	Вид	Юго-Восток Западной Сибири			Ал	МК	Прибайкалье	
		ТО	НО	КК			ПА	ЗБ
1	<i>Lepus tolai</i>				+	+	+?	+
2	<i>Lepus timidus</i>	+	+		+	+	+	
3	<i>Marmota</i> sp.	+	+		+	+		
4	<i>Castor fiber</i>	+	+	+	+	+	+	
5	<i>Hystrix hirsutirostris</i>				+			
6	<i>Canis lupus</i>	+	+	+	+	+	+	+
7	<i>Canis subtilis</i>				+	+		
8	<i>Vulpes (=Alopex) lagopus</i>	+?			+?	+	+	
9	<i>Vulpes vulpes</i>		+	+	+	+	+	+
10	<i>Vulpes corsac</i>	+?			+	+		+
11	<i>Cuon alpinus</i>		+		+	+	+	
12	<i>Ursus arctos</i>	+	+	+	+	+	+	+
13	<i>Ursus savini rossicus</i>	+	+	+	+	+		
14	<i>Martes zibelina</i>				+	+	+	
15	<i>Gulo gulo</i>	+	+		+	+	+	
16	<i>Mustela</i> sp.			+?	+	+		
17	<i>Meles leucurus</i>	+	+		+	+		+
18	<i>Crocota spelaea</i>	+	+	+	+	+	+	+
19	<i>Panthera spelaea</i>	+	+	+	+	+	+	+?
20	<i>Uncia uncia</i>				+	+		
21	<i>Lynx lynx</i>				+	+	+	+
22	<i>Felis (=Otocolobus) manul</i>				+	+	+	
23	<i>Mammuthus primigenius</i>	+	+	+	+	+	+	+
24	<i>Equus</i> «широкопалая»	+	+	+	+	+	+	+
25	<i>Equus</i> «грациальная»			+	+	+	+	+
26	<i>Coelodonta antiqutatis</i>	+	+	+	+	+	+	+
27	<i>Sus scrofa</i>				+?	+?		
28	<i>Camelus bactrianus</i>				+	+?		+
29	<i>Moschus moschiferus</i>					+	+	
30	<i>Cervus elaphus</i>	+	+	+	+	+	+	+
31	<i>Capreolus pygargus</i>			+	+	+	+	+
32	<i>Megaloceros giganteus</i>	+	+	+	+	+	+	+?
33	<i>Alces alces</i>	+	+	+	+	+	+	
34	<i>Rangifer tarandus</i>	+	+	+	+?	+	+	+
35	<i>Spirocerus kiakhtensis</i>				+?		+	+?
36	<i>Soergelia</i> sp.		+?					
37	<i>Ovibos pallantis</i>	+	+?	+		+		
38	<i>Bos primigenius</i>		+?	+?	+	+	+	+
39	<i>Bos (=Porphagus) baikalensis</i>			+?	+	+	+	+
40	<i>Bison priscus</i>	+	+	+	+	+	+	+
41	<i>Saiga tatarica</i>	+	+		+	+	+	+?
42	<i>Procapra gutturosa</i>				+	+	+	+
43	<i>Capra sibirica</i>				+	+	+	+
44	<i>Ovis nivicola</i>			+		+	+	+
45	<i>Ovis ammon</i>		+		+	+	+	+
Всего видов		22	25	23	41	42	33	27

Примечание. +? – данные по обитанию видов требуют подтверждения.

Имеющиеся на сегодняшний день данные указывают на то, что в позднем неоплейстоцене наиболее богатый фаунистический состав был характерен для территории Алтая и Минусинской котловины (табл. 2). Это обусловлено двумя факторами: разнообразием ландшафтов в предгорных районах и большим количеством пещерных тафоценозов, которые способствуют лучшему сохранению фаунистического материала. Видовые составы в этих регионах практически идентичны и

отличаются лишь отдельными элементами. Так, для территории Алтая более характерны специфические центральноазиатские виды *Hystrix hirsutirostris*, *Spirocerus kiakhtensis*, остатки которых не известны с территории Минусинской котловины. В последней, напротив, более обильны и разнообразны представители тундровых биоценозов – *Vulpes lagopus*, *Rangifer tarandus*, *Ovibos pallantis*, хотя в целом фауны этих регионов довольно близки друг другу (рис. 1).

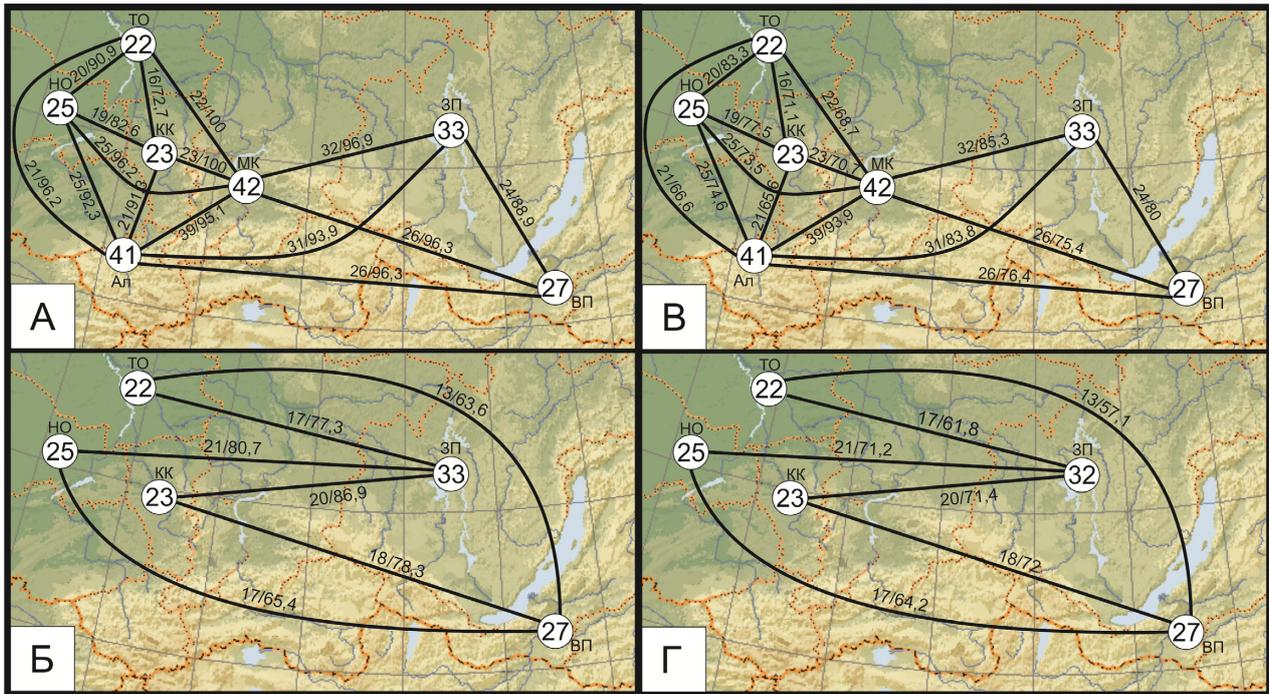

Рис. 1. Коэффициенты сходства фаун крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена в различных регионах южной Сибири (общих видов / индекс сходства). А, Б – индекс Симпсона; В, Г – индекс Чекановского–Серебренского

Сравнивая индексы сходства фаун юго-востока Западной Сибири (Кузнецкая котловина, Томская и Новосибирская области) между собой, можно заметить, что они в целом достаточно близки друг другу. Это характерно и для территории Прибайкалья (рис. 1). При этом, если сравнивать каждый из этих регионов с Минусинской котловиной и Алтаем, то коэффициенты сходства с ними получаются ещё более высокими. К примеру, индекс сходства Симпсона между Томской областью и Кузнецкой котловиной составляет 72,7%, в то время как индекс сходства у каждого из этих регионов с территорией Минусинской котловины – 100%. Притом юго-восточная часть Западной Сибири зоогеографически более близка к территории Минусинской котловины, в то время как территория Забайкалья, напротив, ближе к фауне Алтая.

Наибольшие зоогеографические отличия наблюдаются между Томской областью и Забайкальем. Для этих регионов известно всего 13 общих видов, что составляет примерно 50–60% от биоразнообразия данных регионов (рис. 1). Также для этих регионов характерен наибольший уровень эндемизма. Немного в меньшей степени эти различия наблюдаются между Томской областью и Приангарьем (примерно 50–70%), однако и здесь они достаточно высоки. По мнению автора, территории Томской области и Забайкалья представляют собой две разобщённые фауны; первая является типичной фауной Европейско-Сибирской подобласти Палеарктики, тогда как Забайкалье входило в Центральноазиатскую палеозоогеографическую подобласть. Для каждой из этих подобластей характерны узкоспециализированные виды (ТО – *Vulpes lagopus*, *Gulo gulo*, *Ovibos pallantis*; ЗБ – *Procapra gutturosa*, *Camelus bactrianus*, *Bos baikalensis*, *Spirocerus kiakhtensis*). В то же время до-

минантные представители фауны в этих регионах идентичны (*Panthera spelaea*, *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta antiquitatis*, *Equus* sp., *Rangifer tarandus*, *Bison priscus* и др.).

Следует отметить, что фауна Кузнецкой котловины тяготеет одновременно и к типично Западно-Сибирской фауне (Новосибирская и Томская области), и к фаунам Прибайкалья (Приангарье и Забайкалья). Индексы сходства между Кузнецкой котловиной и этими регионами примерно равны и составляют в среднем около 75%. Вероятно, это связано с принадлежностью Кузнецкой котловины к территории Алтае-Саянской горной области, наравне с Алтаем и Минусинской котловиной.

Приведённые выше данные требуют уточнения. Наиболее вероятно, что показанные зоогеографические отличия в действительности были ещё более сглаженными. Так, нет никаких сомнений, что в позднем неоплейстоцене лиса обитала на территории современной Томской области, а заяц-беляк – на территории Кузнецкой котловины, и их остатки просто ещё не обнаружены. В то же время отсутствие остатков *Capra sibirica* и *Bos baikalensis* в равнинных районах Западной Сибири, вероятно, указывает на то, что данные виды в этих районах действительно не обитали.

Сравнение границ максимального распространения (рис. 2) центральноазиатских (*Procapra gutturosa*, *Camelus bactrianus*, *Bos baikalensis*, *Spirocerus kiakhtensis*, *Vulpes corsac*) и арктических (*Ovibos pallantis*, *Vulpes lagopus*) форм подтверждает данные, полученные путём вычисления индексов сходства. Из приведённой карты видно, что в пределах Алтае-Саянской горной области происходит пересечение ареалов этих специализированных форм. Притом максимальное пересечение ареалов наблюдается на территории Ми-

нусинской котловины, где отмечено присутствие практически всех указанных видов. Тогда как для

территории Алтая преобладающими являются именно представители центральноазиатской фауны.

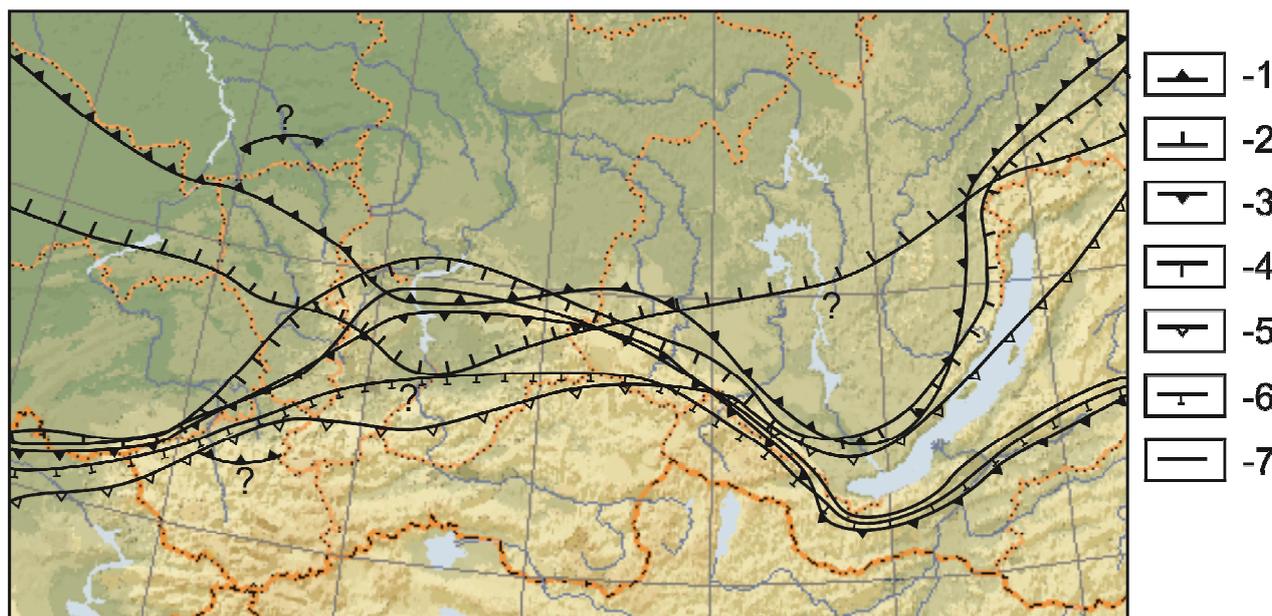

Рис. 2. Границы распространения центральноазиатских и арктических видов крупных млекопитающих: 1 – *Vulpes lagopus*; 2 – *Ovibos pallantis*; 3 – *Vulpes corsac*; 4 – *Bos baikalensis*; 5 – *Spirocerus kiakhtensis*; 6 – *Camelus bactrianus*; 7 – *Procapra gutturosa*

В настоящий момент спорным остаётся распространение двух видов рода *Vulpes* – *V. lagopus* и *V. corsac*. Так, на Алтае отмечены единичные находки остатков песца [4. С. 197], а на территории Томской области – единичная находка *Vulpes corsac* [17. С. 24]. Эти находки заметно удалены от границ основных ареалов указанных видов (находки данных видов отсутствуют на территории Новосибирской области и Кузнецкой котловины). При этом данные находки лежат внутри ареалов противопоставленных видов. По мнению автора, существуют два варианта объяснения этого явления. *Первый вариант* – в позднем неоплейстоцене ареалы песца и корсака были значительно расширены на юг и на север соответственно; тогда указанные находки не противоречат друг другу, а на территории Новосибирской области и Кузнецкой котловины их остатки просто ещё не обнаружены. *Второй вариант* – возможно, эти экземпляры не точно определены и образец с Алтая на самом деле принадлежит не песцу, а корсаку, а находка из Томской области, напротив, относится к *V. lagopus*. Такое предположение имеет основание, поскольку эти находки в значительной мере повреждены. Так, в Томской области найдена повреждённая нижняя челюсть со сломанными зубами [17. С. 24], а на Алтае – изолированные зубы и пара костей посткраниального скелета, которые отнесены к *V. lagopus* на основании более крупного размера [4. С. 197].

Обсуждение

Для позднего неоплейстоцена Э.А. Вангенгейм выделяла в Северной Азии обширную фаунистиче-

скую перигляциальную гиперзону, состоящую из северной (тундростепь с участками лесотундры) и южной подзон (холодные степи и полупустыни). Между северной и южной подзонами перигляциальной гиперзоны располагалась переходная подзона – аридная холодная степь, возможно, с участками лесостепи. Существование переходной зоны было связано с расширением ареалов центральноазиатских видов к северу и западу, а арктических к югу. В результате этого в позднем неоплейстоцене палеозоогеографические различия между Европейско-Сибирской и Центральноазиатской палеозоогеографическими подобластями, а также провинциями Европейско-Сибирской подобласти были менее резкими, чем в настоящее время [47. С. 136].

В состав фаунистического комплекса переходной подзоны входили элементы северной и южной подзон, но ни одна из групп не была особенно многочисленной. Наиболее специализированные субарктические виды – овцебык и лемминг – здесь не встречены, а также отсутствуют представители эндемичных родов Центральноазиатской подобласти – *Spirocerus*, *Poephagus*, *Procapra* [47].

Однако накопление информации по четвертичной фауне показало, что для некоторых регионов характерно присутствие как специализированных северных форм, так и видов, считающихся эндемиками Центральноазиатской подобласти. К примеру, на территории Минусинской котловины отмечено сочетание арктических – *Ovibos pallantis*, *Vulpes lagopus* [5, 6, 48], и центральноазиатских видов – *Procapra gutturosa*, *Camelus bactrianus*, *Bos baikalensis*, *Vulpes corsac* [9, 10]. Имеющиеся данные по фауне мелких

млекопитающих также подтверждают переходный характер фауны региона. На палеолитической стоянке Сажены, сартанского возраста (22 175–21 100 л.н.), известны находки как арктических и субарктических форм (*Dicrostonyx gulielmi*, *Lemmus sibiricus*), так и центральноазиатских видов (*Allactaga* sp., *Microtus mongolicus*) [49].

Ранее высказывалось предположение о том, что в неоплейстоцене территория Алтая находилась на границе Европейско-Сибирской и Центральноазиатской зоогеографических подобластей [4. С. 230]. В настоящей работе показано, что, вероятно, в позднем неоплейстоцене вся территория Алтае-Саянской горной области находилась в приграничных районах этих подобластей. Одним из ключевых элементов этой границы была территория Минусинской котловины, в которой наблюдалась наибольшая дифференциация ландшафтов за счёт сочетания равнинных и горных участков. В результате физико-географических особенностей региона здесь наблю-

дается чётко выраженная высотная поясность, поэтому в настоящее время в регионе присутствуют все типы ландшафтов – от полупустынь до альпийских лугов и горной тундры [50].

Наиболее вероятно, что показанная зоогеографическая граница существовала и ранее. Подтверждением этого можно считать находку остатков *Procapra gutturosa* в местонахождении Шишкин лог (окрестности Минусинска). По имеющимся геологическим данным, отложения в этом логу формировались в течение среднего неоплейстоцена [51].

Из приведённого обзора умышленно исключена территория Тувинской котловины, поскольку имеющиеся в настоящее время данные [52] не позволяют полноценно рассуждать о её зоогеографическом положении. Однако, вероятно, дальнейшие исследования на территории Тувинской котловины будут способны подтвердить предположение о том, что вся территория Алтае-Саян являлась важным зоогеографическим рубежом для перигляциальной фауны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухова М.Г. Эколого-климатический потенциал ландшафтов Алтае-Саянской горной страны для жизнедеятельности населения и рекреационного природопользования : автореф. дис. ... д-ра геол.-минер. наук. Томск, 2009. 40 с.
2. Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртаковского георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск : РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. 112 с.
3. Рогачёва Э.В. Птицы Средней Сибири. Распространение, численность, зоогеография. М. : Наука, 1988. 309 с.
4. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышиников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аноikin А.А. Природа и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.
5. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 157 с.
6. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 199 с.
7. Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л. : Наука, 1991. 158 с.
8. Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 224 с.
9. Оводов Н.Д. Древние звери Хакасии // Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протокультур и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск, 2009. С. 189–199.
10. Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые данные по млекопитающим и птицам грота Двуглазка в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения приенисейского края. Красноярск, 1992. С. 78–83.
11. Мотузко А.Н., Васильев С.Ю., Ваишков А.А., Еленский Ю.Н., Кравченко Е.Н., Орешников И.А. Мамонт и мамонтовая фауна позднего плейстоцена северных районов Минусинской котловины // Материалы VI Международной мамонтовой конференции. Якутск, 2010. С. 139–149.
12. Kuzmin Y.V. Mammalian fauna from Paleolithic sites in the upper Yenisei river basin (Southern Siberia): review of the current zooarchaeological evidence // International Journal of Osteoarchaeology. 2011. Vol. 21. P. 218–228.
13. Красная книга Красноярского края : в 2 т. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных / гл. ред. А.П. Савченко (общ. ред.), отв. ред.: Ю.Н. Литвинов, М.П. Тиунов (млекопитающие); 3-е изд., перераб. и доп. Красноярск : СФУ, 2011. Т. 1. 205 с.
14. Завацкий Б.П., Рудт М.А. Териологическая коллекция Саяно-Шушенского государственного природного биосферного заповедника (крупные млекопитающие). Научные труды Саяно-Шушенского государственного природного биосферного заповедника. Шушенское, 2002. 35 с.
15. Соколов Г.А. Млекопитающие кедровых лесов Сибири. Новосибирск : Наука, 1979. 256 с.
16. Васильченко А.А., Смирнов М.Н. Современное состояние группировки северного оленя (*Rangifer tarandus* Linnaeus, 1758) в Кузнецком Алатау // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 1 (5). С. 1271–1275.
17. Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири (хищные, хоботные, копытные). М. : Наука, 1980. 188 с.
18. Косинцев П.А., Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена Западной Сибири // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2009. № 69. С. 94–105.
19. Васильев С.К. Бизоны (*Bison priscus* Vojanus, 1827) позднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. № 2 (34). С. 34–56.
20. Форонова И.В. Четвертичные млекопитающие юго-востока Западной Сибири (Кузнецкая котловина): филогения, биостратиграфия, палеоэкология. Новосибирск : СО РАН филиал «ГЕО», 2001. 230 с.
21. Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В. Крупное местонахождение плейстоценовой фауны на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 72–77.
22. Шпанский А.В. Копытные среднего-позднего неоплейстоцена юго-востока Западно-Сибирской равнины (стратиграфическое значение, палеоэкология и палеозоогеография) : дис. ... канд. геол.-минер. наук. Томск, 2000. 231 с.
23. Shpansky A.V. Quaternary mammal remains from the Krasniy Yar locality (Tomsk region, Russia) // Quaternary International. 2006. Vol. 142–143. P. 203–207.
24. Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые палеотериологические исследования пещеры Логово Гиены (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Ч. I. С. 43–49.
25. Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогенная териофауна пещер Западного Алтая // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. Новосибирск : Наука, 1975. С. 165–180.

26. Окладников А.П., Оводов Н.Д. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае // Археологические открытия 1977. М. : Наука, 1978. С. 266–268.
27. Оводов Н.Д., Ивлева Н.Г. Позднеантропогенная териофауна Алтая // V Съезд Всесоюзного териологического общества АН СССР. Т. I. 1990. С. 24–25.
28. Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк А.В., Чевалков Л.М. Палеоэкологическая реконструкция позднего плейстоцена Канской котловины по материалам комплексных многолетних исследований Усть-Канской пещеры (Горный Алтай) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск : ИАЭТ, 2002. С. 37–48.
29. Оводов Н.Д. Млекопитающие пещеры Тютюнник (Республика Алтай. Усть-Канский район) // Известия Горно-Алтайского отдела Русского географического общества. 2009. Вып. 2. С. 178–185.
30. Боесков Г.Г., Барышников Г.Ф. Позднечетвертичные хищные млекопитающие Якутии. М. : Наука, 2013. 197 с.
31. Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск : Наука, 1978. 222 с.
32. Калмыков Н.П. Палеогеография и эволюция биоценотического покрова в бассейне озера Байкал. Ростов н/Д. : Изд-во Ростов ун-та, 2003. 240 с.
33. Калмыков Н.П. Природа и древний человек в бассейне оз. Байкал. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 130 с.
34. Клементьев А.М. Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене : дис. ... канд. геогр. наук. Томск, 2011. 182 с.
35. Клементьев А.М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 30–43.
36. Щетников А.А., Клементьев А.М., Филинов И.А., Семеней Е.Ю. Крупные млекопитающие опорных разрезов верхнего неоплейстоцена Тункинской рифтовой долины, Юго-Западное Прибайкалье // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2015. Т. 23, № 2. С. 104–128.
37. Оводов Н.Д. Плейстоценовый снежный баран Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003. С. 198–214.
38. Громова В.И. Первобытный бык или тур (*Bos primigenius* Воj.) в СССР // Ежегодник Зоологического музея АН СССР. 1931. Т. 32. С. 293–364.
39. Песенко Ю.А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. М. : Наука, 1982. 288 с.
40. Маликов Д.Г. Новое местонахождение позднеплейстоценовой териофауны в устье р. Биджа (Южно-Минусинская впадина) // Амурский зоологический журнал. 2014. Т. 6, № 2. С. 111–116.
41. Маликов Д.Г. Экосистемный анализ позднеплейстоценовой териофауны комплекса местонахождений у с. Новосёлово (Красноярский край) // Труды XVII Международного симпозиума имени академика М.А. Усова. Томск : ТПУ 2013. Т. I. С. 59–61.
42. Штанский А.В., Маликов Д.Г. Новые местонахождения мамонтовой фауны в истоках реки Чулым, Республика Хакасия // Вестник ТГУ 2015. № 396.
43. Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Дикие кошки (*Mammalia*, *Felidae*) Алтая в геологическом прошлом // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург : ИЭРиЖ УрО РАН, 2008. С. 165–171.
44. Черский И.Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных новосибирской экспедицией 1885–1886 г. // Приложение к тому записок Императорской академии наук № 1. СПб., 1891. 706 с.
45. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 176 с.
46. Лаухин С.А. Первые У/ТН-даты континентальных отложений верхнего плейстоцена Сибири и их значение для стратиграфии и геохронологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 167–182.
47. Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). М. : Наука, 1977. 171 с.
48. Маликов Д.Г. Первая находка овцебыка *Ovibos moschatus* Zimmermann, 1780 на территории Минусинской котловины // Современные проблемы палеонтологии : материалы LXI сессии Палеонтологического общества при РАН. СПб., 2015. С. 158–160.
49. Мотузко А.Н. Фауна мелких млекопитающих из археологической стоянки Сажены (Западный Саян) // Материалы IV Международного симпозиума «Эволюция жизни на Земле». Томск, 2010. С. 634–636.
50. Государственный доклад «О состоянии окружающей среды Республики Хакасия в 2013 году» / Министерство промышленности и природных ресурсов Республики Хакасия. Абакан, 2014. 160 с.
51. Федотов А.Н., Ладыгин С.В., Измайлова С.А., Сивчиков В.Е., Калинин В.А., Царева Е.В., Лысогорский К.В., Кочев Ю.Ф. Государственная геологическая карта Российской Федерации, 1:200000, лист N-46-XX (Абакан): Объяснительная записка. СПб. : ВСЕГЕИ, 1998. 116 с.
52. Забелин В.И. К изменению факторов среды и эволюции фауны плейстоцена-голоцена Алтае-Саянской горной области (обзор). I. Макротиериофауна // Байкальский зоологический журнал. 2012. № 3 (11). С. 5–11.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 июля 2015 г.

ZOOGEOGRAPHICAL FEATURES OF MAMMOTH FAUNA OF THE SOUTH OF SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 233–242. DOI: 10.17223/15617793/398/37

Malikov Dmitry G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: knight_1991@mail.ru

Keywords: mammoth fauna; Neopleistocene; zoogeography; areographic methods; index of similarity; Minusinsk Basin; south of Siberia.

The article shows that in the late Neopleistocene the area of the Altai-Sayan mountain region was located on the border of the Euro-Siberian and Central-Asian subregions of the Palearctic zoogeographical region. The intersection areas of many highly specialized species of large mammals in the region confirms the existence of this border. So, it is proved that typical Central-Asian mammals (*Procapra gutturosa*, *Camelus bactrianus*, *Spirocerus kiakhtensis*, *Bos baikalensis*, *Vulpes corsac*) and Arctic mammals (*Ovibos pallantis*, *Vulpes lagopus*) inhabited the region. In the article the indices of the similarity of the faunas of large mammals in the Altai-Sayan mountain region with the neighboring regions were calculated. These indices confirmed the data obtained by areographic methods. It was revealed that one of the key elements of this border is the area of the Minusinsk depression. The Simpson index of similarity of the fauna of this depression with the faunas of the neighboring regions is maximum (averages 97.4 %). A rich species composition of the large mammals fauna of the Minusinsk depression is explained by high landscape diversity in the region. In addition, it was found that within the Altai-Sayan mountain region small differences in the fauna existed. So, for the territory of the Altai specific Central-Asian species are more typical: *Hystrix hirsutirostris*, *Spirocerus kiakhtensis*, whose remains are not found in the territory of the Minusinsk depression. The representatives of Arctic biocenoses (*Vulpes lagopus*, *Rangifer tarandus*, *Ovibos pallantis*) have been more abundant and diverse in the territory of the Minusinsk depression, by contrast to the Altai. Perhaps, this is due to the fact that the territory of the Altai is situated in the vicinity of Kazakhstan, and the Central-Asian species may have migrated to the Altai from there. But the territory of the Minusinsk depression is surrounded by mountain ranges, and an easy access is possible only

through the north, which some species simply could not reach. It was easier for the Arctic species to enter the territory of the Minusinsk depression than the Altai, because the main part of the areal of these species was situated to the north of the region. It is most likely that the detected zoogeographical border had existed before the late Neopleistocene. The find of the *Procapra gutturosa* remains from the Shishkin log location in the middle Neopleistocene Age proves this assumption.

REFERENCES

1. Sukhova, M.G. (2009) *Ekologo-klimaticheskiy potentsial landshaftov Altae-Sayanskoy gornoy strany dlya zhiznedeyatel'nosti naseleniya i rekreatsionnogo prirodopol'zovaniya* [Ecological and climatic potential of the Altai-Sayan mountain country landscape for the life of the population and recreational nature use]. Abstract of Geology and Mineralogy Dr. Diss. Tomsk.
2. Drozdov, N.I., Chekha, V.P. & Hazarts, P. (2005) *Geomorfologiya i chetvertichnye otlozheniya Kurtakskogo geoarkheologicheskogo rayona (Severo-Minusinskaya vpadina)* [Geomorphology and Quaternary sediments of Kurt geoarchaeological region (North-Minusinsk depression)]. Krasnoyarsk: KSPU.
3. Rogacheva, E.V. (1988) *Ptitsy Sredney Sibiri. Rasprostraneniye, chislennost', zoogeografiya* [Birds of Central Siberia. Distribution, number, zoogeography]. Moscow: Nauka.
4. Derevyanko, A.P. et al. (2003) *Priroda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya* [Nature and man in the Paleolithic of Gorny Altai]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.
5. Abramova, Z.A. (1979) *Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul'tura* [Paleolithic Yenisei. Afontovo culture]. Novosibirsk: Nauka.
6. Abramova, Z.A. (1979) *Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kul'tura* [Paleolithic Yenisei. Kokorevo culture]. Novosibirsk: Nauka.
7. Abramova, Z.A. et al. (1991) *Paleolit Eniseya* [Paleolithic Yenisei]. Leningrad: Nauka.
8. Vasil'ev, S.A. (1996) *Pozdnyy paleolit Verkhnego Eniseya (po materialam mnogoslownykh stoyanok rayona Mayny)* [Late Palaeolithic of the Upper Yenisei (based on multilayer site in Maina area)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
9. Ovodov, N.D. (2009) Drevnie zveri Khakasii [Ancient animals of Khakassia]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyy instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religiy zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii* [Astroarcheology: a natural-scientific instrument of knowledge of proto-science and astral religions of ancient cultures of Khakassia]. Krasnoyarsk: Gorod.
10. Ovodov, N.D. & Martynovich, N.V. (1992) Novye dannye po mlekopitayushchim i ptitsam grota Dvuglazka v Khakasii [New data on mammals and birds of Dvuglazka grotto in Khakassia]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, istorii i kraevedeniya prieniseyskogo kraya* [Problems of archeology, ethnography, history and local history of Yenisei area]. Krasnoyarsk.
11. Motuzko, A.N. et al. (2010) [Mammoth and mammoth fauna of the Late Pleistocene of the northern districts of Minusinsk basin]. *Materiyal VI Mezhdunarodnoy mamontovoy konferentsii* [Proc. of VI International mammoth conference]. Yakutsk, pp. 139–149. (In Russian).
12. Kuzmin, Y.V. (2011) Mammalian fauna from Paleolithic sites in the upper Yenisei river basin (Southern Siberia): review of the current zooarchaeological evidence. *International Journal of Osteoarchaeology*. 21. pp. 218–228. DOI: 10.1002/oa.1126
13. Savchenko, A.P. (ed.) (2011) *Krasnaya kniga Krasnoyarskogo kraya: v 2 t. Redkie i nakhodyashchiesya pod ugrozoy ischeznoveniya vidy zhivotnykh* [The Red Book of Krasnoyarsk Krai: in 2 v. Rare and endangered species of animals]. 3rd ed. V. 1. Krasnoyarsk: SFU.
14. Zavatskiy, B.P. & Rudt, M.A. (2002) *Teriologicheskaya kolleksiya Sayano-Shushenskogo gosudarstvennogo prirodnogo biosfernogo zapovednika (krupnye mlekopitayushchie)*. Nauchnye trudy Sayano-Shushenskogo gosudarstvennogo prirodnogo biosfernogo zapovednika [Mammalogy collection of Sayano-Shushenskoye State Nature Biosphere Reserve (large mammals). Proceedings of the Sayano-Shushenskoye State Nature Biosphere Reserve]. Shushenskoe.
15. Sokolov, G.A. (1979) *Mlekopitayushchie kedrovyykh lesov Sibiri* [Mammals of cedar forests of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
16. Vasil'chenko, A.A. & Smirnov, M.N. (2010) Sovremennoe sostoyanie gruppirovki severnogo olenya (Rangifer tarandus Linnaeus, 1758) v Kuznetskom Alatau [The current state of grouping of the reindeer (Rangifer tarandus Linnaeus, 1758) in the Kuznetsk Alatau]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 12:1 (5). pp. 1271–1275.
17. Alekseeva, E.V. (1980) *Mlekopitayushchie pleystotsena yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri (khishchnye, khotomye, kopytnye)* [Pleistocene mammals of the southeast of Western Siberia (predatory, proboscidiens, ungulates)]. Moscow: Nauka.
18. Kosintsev, P.A. & Vasil'ev, S.K. (2009) Fauna krupnykh mlekopitayushchikh pozdnego neopleystotsena Zapadnoy Sibiri [The fauna of large mammals in Late Pleistocene of Western Siberia]. *Bulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of Comission for study of the Quaternary*. 69. pp. 94–105.
19. Vasil'ev, S.K. (2008) Late Pleistocene Bison (Bison p. priscus Bojanis, 1827) from the Southeastern Part of Western Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2 (34). pp. 34–56.
20. Foronova, I.V. (2001) *Chetvertichnye mlekopitayushchie yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri (Kuznetskaya kotlovina): filogeniya, biostratigrafiya, paleoekologiya* [Quaternary mammals of the south-east of Western Siberia (Kuznetsk Basin): phylogeny, biostratigraphy, paleoecology]. Novosibirsk: SB RAS, Branch of "GEO".
21. Lobachev, Yu.V. et al. (2011) Krupnoe mestonakhozhdenie pleystotsenovoy fauny na reke Chik (Novosibirskaya oblast') [Large location of Pleistocene fauna in the river Chik (Novosibirsk Oblast)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the final session of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS]. V. 17. Novosibirsk: SB RAS.
22. Shpansky, A.V. (2000) *Kopytnye srednego-pozdnego neopleystotsena yugo-vostoka Zapadno-Sibirskoy ravniny (stratigraficheskoe znachenie, paleoekologiya i paleozoogeografiya)* [Ungulate of Middle-Late Pleistocene in the southeast of the West Siberian Plain (stratum value, paleoecology and paleozoogeography)]. Geology and Mineralogy Cand. Diss. Tomsk.
23. Shpansky, A.V. (2006) Quaternary mammal remains from the Krasnyy Yar locality (Tomsk region, Russia). *Quaternary International*. 142–143. P. 203–207. DOI: 10.1016/j.quaint.2005.03.017
24. Vasil'ev, S.K., Ovodov, N.D. & Martynovich, N.V. (2006) Novye paleoteriologicheskie issledovaniya peshchery Logovo Gieny (Severo-Zapadnyy Altay) [New paleotheriological exploration of Logovo Gieny cave (Northwestern Altai)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the final session of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS]. V. 1. Novosibirsk: SB RAS.
25. Galkina, L.I. & Ovodov, N.D. (1975) Antropogennaya teriofauna peshcher Zapadnogo Altaya [Anthropogenic Theriofauna of the Western Altai caves]. In: Yudin, B.S. (ed.) *Sistematika, fauna, zoogeografiya mlekopitayushchikh i ikh parazitov* [Taxonomy, fauna, zoogeography of mammals and their parasites]. Novosibirsk: Nauka.
26. Okladnikov, A.P. & Ovodov, N.D. (1978) Paleoliticheskaya stoyanka v Denisovoy peshchere na Altae [Paleolithic site at Denisova Cave in the Altai]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1977* [Archaeological discoveries 1977]. Moscow: Nauka.
27. Ovodov, N.D. & Ivleva, N.G. (1990) Pozdneantropogennaya teriofauna Altaya [Late Anthropogene Theriofauna of the Altai]. In: *V S'ezd Vsesoyuznogo teriologicheskogo obshchestva AN SSSR* [V Congress of the All-Union Theriological Society, USSR Academy of Sciences]. V. 1. Moscow.
28. Derevyanko, A.P. et al. (2002) Paleoekologicheskaya rekonstruktsiya pozdnego pleystotsena Kanskoy kotloviny po materialam kompleksnykh mnogoletnikh issledovaniy Ust'-Kanskoy peshchery (Gornyy Altay) [Paleoecological reconstruction of Late Pleistocene of the Kan depression by

- materials of complex long-term studies of the Ust-Kan cave (Gorny Altai)]. In: Krivoshepkin, A.I. (ed.) *Problemy kamennogo veka Sredney i Tsentral'noy Azii* [Problems of the Stone Age of Middle and Central Asia]. Novosibirsk: IAET.
29. Ovodov, N.D. (2009) Mlekopitayushchie peshchery Tyutyunik (Respublika Altay. Ust'-Kanskiy rayon) [Mammals of the Tyutyunik cave (Altai Republic. Ust-Kan District)]. *Izvestiya Gorno-Altayskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2. pp. 178–185.
 30. Boeskorov, G.G. & Baryshnikov, G.F. (2013) *Pozdnechetvertichnye khishchnye mlekopitayushchie Yakutii* [Late Quaternary predatory mammals of Yakutia]. Moscow: Nauka.
 31. Ermolova, N.M. (1978) *Teriofauna doliny Angary v pozdнем antropogene* [Theriofauna of the Angara Valley in Late Anthropogene]. Novosibirsk: Nauka.
 32. Kalmykov, N.P. (2003) *Paleogeografiya i evolyutsiya biotsenoticheskogo pokrova v bassejne ozera Baykal* [Paleogeography and evolution of the biocenotic cover in the basin of Lake Baikal]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
 33. Kalmykov, N.P. (2002) *Priroda i drevniy chelovek v bassejne oz. Baykal* [Nature and the ancient people in the basin of Lake Baikal]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
 34. Klement'ev, A.M. (2011) *Landshafty basseyna reki Udy (Zabaykal'e) v pozdнем neopleystotsene* [Landscapes of the Uda River basin (Baikal) in the Late Pleistocene]. Geography Cand. Diss. Tomsk.
 35. Klement'ev, A.M. (2013) Fauna of the Late Karga Period of the Irkutsk Amphitheatre. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya" – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Geoarcheology. Ethnology. Anthropology"*. 1 (2). pp. 30–43.
 36. Shchetnikov, A.A. et al. (2015) Krupnye mlekopitayushchie opornykh razrezov verkhnego neopleystotsena Tunkiyskoy riftovoy doliny, Yugo-Zapadnoe Pribaykal'e [Large mammals of the reference sections of the Upper Pleistocene of the Tunkiyskaya Rift Valley, southwestern Baikal region]. *Stratigrafiya. Geologicheskaya korrelyatsiya – Stratigraphy and Geological Correlation*. 23:2. pp. 104–128.
 37. Ovodov, N.D. (2003) Pleystotsenovyy snezhnyy baran Sibiri [The Pleistocene bighorn sheep of Siberia]. In: Chernykh, E. & Antipina, E. (eds) *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii. K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina* [Latest archaeozoological studies in Russia. The centenary of the birth of V.I. Tsalkin]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
 38. Gromova, V.I. (1931) Pervobytnyy byk ili tur (Bos primigenius Boj.) v SSSR [Primitive ox or tur (Bos primigenius Boj.) in the USSR]. *Ezhгодnik Zoologicheskogo muzeya AN SSSR*. 32. pp. 293–364.
 39. Pesenko, Yu.A. (1982) *Printsipy i metody kolichestvennogo analiza v faunisticheskikh issledovaniyakh* [Principles and methods for the quantitative analysis of fauna studies]. Moscow: Nauka.
 40. Malikov, D.G. (2014) A new site of the Late Pleistocene theriofauna in the estuaries of the Bija river (South Minusinsk depression). *Amurskiy zoologicheskii zhurnal – Amurian Zoological Journal*. 6:2. pp. 111–116. (In Russian).
 41. Malikov, D.G. (2013) [The ecosystem analysis of the Late Pleistocene theriofauna of a complex of sites at v. Novoselovo (Krasnoyarsk Krai)]. *Trudy XVII Mezhdunarodnogo simpoziuma imeni akademika M.A. Usova* [Proc. of the XVII International Symposium n.a. Academician M.A. Usov]. V. 1. Tomsk: TPU. pp. 59–61. (In Russian).
 42. Shpansky, A.V. & Malikov, D.G. (2015) The new sites of mammoth fauna in the Chulym River head, the Khakass Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 245–257. (In Russian).
 43. Ovodov, N.D. & Martynovich, N.V. (2008) Dikie koshki (Mammalia, Felidae) Altaya v geologicheskom proshlom [Wild cats (Mammalia, Felidae) in the geological past of the Altai]. In: Kosintsev, P.A. (ed.) *Fauna i flora Severnoy Evrazii v pozdнем kaynozoe* [The fauna and flora of Northern Eurasia in the Late Cenozoic]. Ekaterinburg: IERiZh UrO RAN.
 44. Cherskiy, I.D. (1891) Opisanie kolleksii posletretichnykh mlekopitayushchikh zhivotnykh, sobrannykh novosibirskoy ekspeditsiei 1885–86 g. [Description of the collection of post-Tertiary mammals collected in Novosibirsk expedition of 1885–86]. *Prilozhenie k tomu zapisok Imperatorskoy akademii nauk № 1* [Annex to the notes of the Imperial Academy of Sciences no. 1].
 45. Kyzlasov, L.R. & Leont'ev, N.V. (1980) *Narodnye risunki khakasov* [Traditional drawings of Khakass people]. Moscow: Nauka.
 46. Laukhin, S.A. (2009) The first U/Th data regarding continental deposits of Siberian Upper Pleistocene and its importance for stratigraphy and geochronology. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 9. pp. 167–182. (In Russian).
 47. Vangengeim, E.A. (1977) *Paleontologicheskoe obosnovanie stratigrafii antropogena Severnoy Azii (po mlekopitayushchim)* [Vangengeim Paleontological study of the Quaternary stratigraphy of northern Asia (by mammals)]. Moscow: Nauka.
 48. Malikov, D.G. (2015) [The first find of the musk ox *Ovibos moschatus* Zimmermann, 1780 on the territory of Minusinsk depression]. *Sovremennye problemy paleontologii* [Modern problems of paleontology]. Proc. of the 61st session of the Paleontological Society of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: VSEGEI. pp. 158–160. (In Russian).
 49. Motuzko, A.N. (2010) [The fauna of small mammals from the Sazhentsy archaeological site (Western Sayan)]. *Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma "Evolutsiya zhizni na Zemle"* [Proc. of the IV International Symposium "The evolution of life on Earth"]. Tomsk: TML-Press. pp. 634–636. (In Russian).
 50. Ministry of Industry and Natural Resources of the Republic of Khakassia. (2014) *Gosudarstvennyy doklad "O sostoyanii okruzhayushchey sredy Respubliki Khakasiya v 2013 godu"* [State report "On the state of the environment of the Republic of Khakassia in 2013"]. Abakan.
 51. Fedotov, A.N. et al. (1998) *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy federatsii, 1:200000, list N-46-XX (Abakan): Ob'yasnitel'naya zapiska* [State geological map of the Russian Federation, 1: 200000, sheet N-46-XX (Abakan): Explanatory note]. St. Petersburg: VSEGEI.
 52. Zabelin, V.I. (2012) K izmeneniyu faktorov sredy i evolyutsii fauny pleystotsena-golotsena Altae-Sayanskoy gornoy oblasti (obzor). 1. Makroteriofauna [Changes in environmental factors and the evolution of the fauna of the Pleistocene-Holocene of the Altai-Sayan mountain region (a review). 1. Macrotheriofauna]. *Baykal'skiy zoologicheskii zhurnal*. 3 (11). pp. 5–11.

Received: 22 July 2015

МЕТОДИКА ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗА БОКОВОГО ПРИТОКА ВОДЫ В ВОДОХРАНИЛИЩЕ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС НА р. АНГАРЕ

По данным о стоке рек-аналогов получен боковой приток в Богучанское водохранилище за второй квартал, прогноз которого имеет большое значение для планирования работы ГЭС. Метод прогноза бокового притока основывается на результатах оценки составляющих водного баланса в рассматриваемом бассейне. Теоретической основой метода является инфильтрационно-емкостная модель поглощения воды бассейном. В качестве косвенных показателей водопроницаемости почвы перед началом снеготаяния используются различные характеристики предвесеннего состояния почвогрунтов.

Ключевые слова: весеннее половодье; испарение; инфильтрация; водоудерживающая емкость; емкостное поглощение; гидрограф стока.

Ангара – крупнейший приток Енисея, уникальная река нашей страны. Главой её отличительной чертой является естественная зарегулированность речного стока озером Байкал. Это обстоятельство, а также благоприятные топографические условия приводят к тому, что каскад ГЭС на Ангаре по технико-экономическим показателям является наиболее эффективным в России.

Цель статьи – исследовать факторы, влияющие на сток весеннего половодья, и разработать методику его долгосрочного прогноза.

В основу настоящей статьи положены данные гидрометеорологических наблюдений сети станций и постов Среднесибирского и Иркутского управлений по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (УГМС), фондовые материалы, публикации, крупномасштабные топографические карты.

Боковой приток в рассматриваемое водохранилище формируется с площади 47 000 км² на участке между плотинами Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. Отметка нормального подпорного уровня водохранилища составляет 208,0. Расчетный напор при нормальном подпорном уровне (НПУ) – 65,5 м, площадь зеркала при НПУ – 2326 тыс. км². Водоохранилище будет осуществлять суточное и сезонное регулирование стока Ангары, колебания уровня водохранилища в течение года не превысят 1 м.

Богучанское водохранилище располагается на территории Кежемского административного района Красноярского края и Усть-Илимского района Иркутской области в зоне средней и южной тайги Приангарской провинции [1. С. 174]. Диапазон высот в бассейне бокового притока водохранилища от 208 до 650 м, преобладают высоты от 208 до 400 м. Возвышенная часть бассейна располагается на востоке, между реками Ангарой и Подкаменной Тунгуской. Высота водораздельной линии колеблется от 400 до 600 м. По правобережью р. Ковы (левый приток р. Ангары) тянется Ковинский кряж с высотами до 650 м. Южнее к Ковинскому кряжу примыкает Бирюсинское плато с высотами 450–550 м.

Рассматриваемая территория характеризуется холодными зимами с преобладающей малооблачной и безветренной погодой. Лето в среднем теплое, короткое. Климат резко континентальный. Следуя орографии местности, годовое количество осадков в преде-

лах бассейна водохранилища уменьшается с северо-востока на юго-запад от 500 до 350 мм. Наименьшие значения сумм осадков в бассейне наблюдаются в снежной долине Ангары. В среднем по территории бассейна выпадет около 400 мм осадков в год. В северо-восточной части района на наветренных склонах Заангарского плато (верхнее течение р. Чадобец) выпадает наибольшее количество осадков (450–500 мм). Годовой ход сумм месячных осадков хорошо выражен: наименьшее количество выпадает в феврале и марте (10–20 мм), наибольшее – в августе (около 60 мм). Средняя за многолетний период высота снежного покрова на левобережье бассейна Ангары не превышает 50 см, в пределах правобережья она достигает 75–80 см.

Основной почвенный фон составляют почвы дерново-подзолистого и подзолистого типов, лишь на востоке бассейн р. Ката представлен дерново-лесными почвами. Механический состав указанных почв разнообразен. Северо-западная и центральная части бассейна представлены хрящеватыми почвами. В юго-западной части встречаются легкосуглинистые и супесчаные почвы, а в восточной части – среднесуглинистые.

Исследуемая территория находится в зоне южной и средней тайги с преобладанием светлохвойного леса с наибольшим распространением сосны. Только на северо-западной части бассейна встречается темнохвойная тайга, представленная еловыми, кедровыми и пихтовыми лесами.

Озер и болот в бассейне водохранилища встречается мало, их регулирующее влияние на сток рек не существенно. Заболачиванию подвержены увлажненные северные склоны долин и междуречий. В бассейне Богучанского водохранилища самыми значительными реками являются Кова, Тушама, Ката и Едарма.

За последние 20 лет большинство гидрометеорологических пунктов наблюдений на нижней Ангаре закрыты. Методика расчета и прогноза притока воды в Богучанское водохранилище, разработанная в отделе гидрологических прогнозов Среднесибирского УГМС в 1980-х гг., требует коренной переработки.

В настоящее время наблюдения за расходами воды проводятся на двух малых реках, расположенных ни-

же по течению от плотины Богучанской ГЭС: р. Чадобец – п. Яркино и р. Мура – п. Ирба. Рассмотрим ландшафтно-гидрологические характеристики этих бассейнов.

Река Мура, левый (южный) приток р. Ангары, берет свое начало в пределах Бирюсинского плато. Восточная часть бассейна имеет общую водораздельную линию с бассейном Богучанского водохранилища. Высота у истоков реки составляет около 450 м, в районе устья (ниже плотины Богучанской ГЭС) – 150 м. Средняя высота водосбора 320 м. В среднем и нижнем течении располагается Мурская низина, граничащая с бассейном Ковы. В бассейне реки Мура 85% площади занимают массивы темнохвойной тайги. Почвы в бассейне в основном дерново-подзолистые. Механический состав разнообразен. В верхнем и среднем течении, до впадения р. Чудоба (правый приток р. Мура), распространены песчаные и легкосуглинистые почвы, ниже по течению они сменяются хрящеватыми. Растительность представлена преимущественно сосновыми средне- и южно-таежными лесами. Безлесные участки составляют 15%, они встречаются в районе с. Ирба и у устья р. Чудоба.

Река Чадобец, правый (северный) приток р. Ангары, площадь бассейна 13 700 км². Берет начало в восточных склонах Тунгусского хребта близ истоков р. Подкаменной Тунгуски. В районе истока высоты составляют около 600 м, в устье 150 м, средняя высота водосбора 390 м. Юго-восточная граница бассейна имеет общий водораздел с бассейном Богучанского водохранилища. Высоты на этом участке составляют 350–550 м. Почвы в бассейне в основном дерново-подзолистые, в верхнем течении преобладают мерзлотно-таежные. Механический состав представлен хрящеватыми (щебнистыми) почвами, залегающими на древних аллювиально-делювиальных отложениях.

Основным типом растительности являются темнохвойные леса, которые занимают около 95% бассейна.

Река Чадобец характеризует правобережную территорию Богучанского водохранилища, р. Мура – левобережную. Бассейны этих рек-аналогов располагаются на небольшом удалении от бассейна бокового притока в Богучанское водохранилище и характеризуются подобными ландшафтно-гидрологическими условиями, что послужило основанием рассматривать их в качестве бассейнов-аналогов. Они использовались для расчета ежедневного бокового притока воды в Богучанское водохранилище [2]. Установлена его связь со стоком талых вод рек Чадобец и Мура. Уравнение этой связи имеет вид

$$Q_{2кв} = 2,7 \times Y_{чад} + 0,896 \times Y_{мура} + 538, \quad (1)$$

где $Q_{2кв}$ – боковой приток (м³/с) в Богучанское водохранилище за 2-й квартал (апрель–июнь); $Y_{чад}$, $Y_{мура}$ – сток талых вод (мм) бассейнов-аналогов р. Чадобец – с. Яркино и р. Мура – с. Ирба соответственно.

Коэффициент множественной корреляции (R) зависимости (1) равен 0,891. Следовательно, для долгосрочного прогноза притока воды в Богучанское водохранилище за второй квартал необходимо разработать методику прогноза весеннего стока перечисленных рек-аналогов.

Водный режим этих рек характеризуется ярко выраженным весенним половодьем. Наибольшее значение при формировании половодья имеют запасы воды в снеге перед началом таяния (S). Снегомерные съемки гидрометеорологической службы освещают снегонакопление в долинах рек, где расположены населенные пункты. Трудность изучения снегонакопления в горно-таежных районах связана с отсутствием пунктов снегомерных съемок на возвышенных плато и горных склонах, где, как правило, запасы воды в снежном покрове могут заметно возрастать.

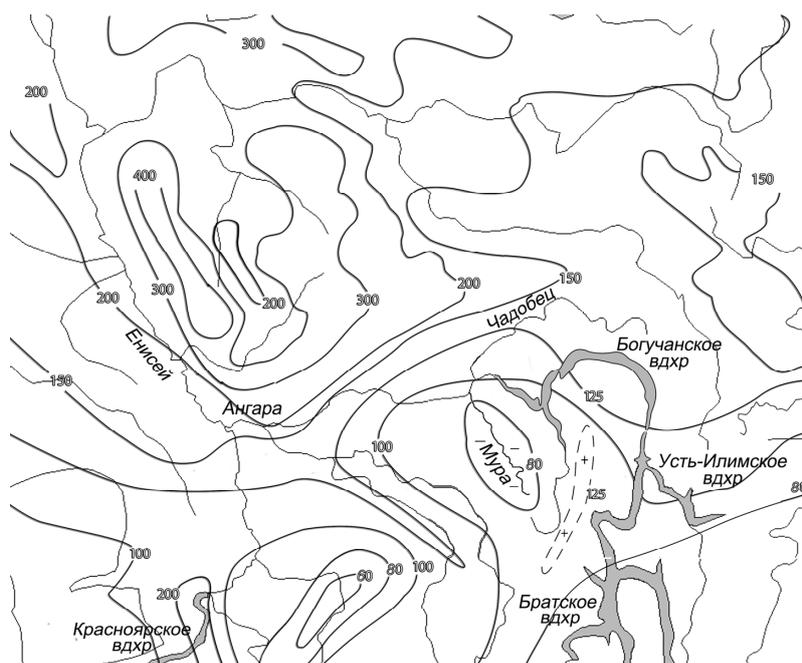

Рис. 1. Средние многолетние запасы воды в снежном покрове перед началом снеготаяния, мм

На рис. 1 представлена карта изолиний средних многолетних запасов воды в снежном покрове в бассейне среднего Енисея, в основу которой положены данные снегомерных съемок Среднесибирского и Иркутского УГМС и результаты исследований А.В. Петенкова [3. С. 100].

Для определения средних запасов воды в снеге (S) и осадков за период снеготаяния (x) в бассейнах-аналогах Чадобец и Мура использована метеорологическая информация по ряду метеорологических станций, которые располагаются в непосредственной близости от рассматриваемых бассейнов-аналогов:

– в бассейне р. Чадобец: Усть-Камо, Байкит, Тарка, Северо-Енисейский;

– в бассейне р. Мура: Мотыгино, Стрелка, Абан, Богучаны.

Средний для бассейнов рек запас воды в снеге был рассчитан как средний взвешенный в пунктах наблюдений, весовые коэффициенты найдены на основе регрессионного анализа (в уравнении регрессии предиктантом был весенний сток рассматриваемых рек-аналогов Чадобец и Мура, предикторами – снегозапас по данным станций, указанных выше, и показатель увлажнения бассейнов). Осадки за период снеготаяния (x) получены как среднее арифметическое по данным указанных выше пунктов наблюдений.

Сток талых вод Y (табл. 1) является основной составляющей суммарного стока весеннего половодья рассматриваемых рек (41,9 мм – р. Мура, 83,0 мм – р. Чадобец). Он формируется за счет таяния накоп-

ленных за зиму запасов снега (S) и выпадающих в период снеготаяния осадков (x).

Сумма ($S + x$) представляет суммарный слой воды (154 мм – р. Мура, 248 мм – р. Чадобец), формирующий сток талых вод. В этой сумме запасы снега в 2,7–3,7 раза больше количества осадков, выпадающих в период снеготаяния (табл. 1).

Дождевой сток Y_0 в период спада половодья определяется путем расчленения гидрографа с использованием типовой кривой спада [4. С. 74–75]. Он составляет 14 мм (р. Мура) и 23 мм (р. Чадобец), т.е. 30–36% от величины стока талых вод.

Сток Y_n , обусловленный устойчивым подземным питанием, определяемый по величине предвесеннего расхода воды, на рассматриваемых реках почти на порядок меньше стока талых вод.

Таким образом, средние за многолетний период характеристики водного баланса весеннего половодья (снегонакопление, осадки и сток) в бассейне Мура примерно в 1,5 раза меньше, чем в бассейне р. Чадобец, что согласуется с территориальным распределением естественного увлажнения в рассматриваемом районе.

Коэффициент $\alpha_p = \frac{P}{S+x}$ (табл. 1), характеризующий относительные потери талого стока ($P = (S+x) - y$), в более увлажненном бассейне р. Чадобец составляет 0,66, тогда как в более засушливом бассейне р. Мура он увеличивается до 0,73.

Таблица 1
Средние за период наблюдений характеристики стока весеннего половодья, поступления воды в период снеготаяния и потерь стока талых вод

Даты		Характеристики водного баланса, мм								
начала половодья	конца половодья	S	x	$S+x$	Сток весеннего половодья				Потери талого стока ($P = (S+x) - y$)	Коэффициент потерь талого стока $\alpha_p = \frac{P}{S+x}$
					Y	Y_0	Y_n	Y_0		
р. Мура – Ирба, $F = 9\,320 \text{ км}^2$, лесистость 85%										
2.04	7.06	112	41,8	154	41,9	14	9	64	112	0,73
р. Чадобец – Яркино, $F = 13\,300 \text{ км}^2$, лесистость 95%										
2.05	13.06	195	53,1	248	83	23	13	119	165	0,66

Примечание. S – запас воды в снежном покрове; x – осадки за период снеготаяния; ($S+x$) – поступление воды за период снеготаяния; Y – сток талых вод; Y_0 – дождевой сток на спаде половодья; Y_n – подземный сток Y_0 – суммарный сток за период половодья; P – потери стока талых вод ($P = (S+x) - Y$).

В пределах рассматриваемой территории, где информация о глубине промерзания, температуре и влажности почвы ограничена и не всегда достаточно надежна, важное место в практике прогнозов отводится косвенным характеристикам водопоглотительной способности бассейнов. Пригодность любой характеристики (предиктора) зависит не от его частного соответствия измерениям в данной точке, а прежде всего от того, как хорошо он отражает общие условия на водосборе. Предикторы, по существу, выступают в качестве индексов, которые, изменяясь подобно истинному значению рассматриваемой величины, способны отразить ее воздействие на исследуемый процесс [5. Р. 105].

В качестве предикторов, характеризующих потери талого стока, ниже рассмотрен ряд характеристик предвесеннего состояния речного бассейна. Подбор информативных предикторов выполнен следующими способами:

1-й способ – на основе парной корреляции стока талых вод (Y) с различными характеристиками увлажнения и промерзания (m);

2-й способ – путем расчета коэффициентов множественной корреляции линейной зависимости

$$Y = a_1 (S+x) + a_2 m + b, \quad (2)$$

где a_1 , a_2 – коэффициенты регрессии; b – свободный член;

3-й способ – методом оптимизации параметров нелинейных водно-балансовых уравнений для прогноза стока талых вод, вытекающих из инфильтрационно-емкостной модели поглощения воды бассейном [4. С. 4–10; 6. С. 11–112].

Первоначально выполнена оценка парной корреляции стока талых вод (Y) с несколькими десятками различных показателей предшествующего увлажнения и промерзания бассейнов, измеряемых в пунктах гидрометеорологических наблюдений Росгидромета, в том числе: сумма среднемесячных расходов воды (Q_n) за осенний период (сентябрь–ноябрь); сумма осадков за осенний период (X_n); температура почвы на глубинах от 0,2 м и ниже за октябрь–апрель (t_n); разница температур почвы на различных глубинах; температура воздуха за те же месяцы; разница температуры почвы и температуры воздуха; фактическая глубина промерзания почвы на 10-е число каждого месяца с октября по май; сумма среднемесячных значений температуры воздуха за холодный период и др.

Первый способ позволил отобрать следующие показатели:

– среднемесячный расход воды за ноябрь (Q_{11}) по гидропроводности (г.п.) р. Чадобец – с. Яркино и р. Мура – с. Ирба;

– температура почвы на глубине 0,2 м по ст. Ванава: для бассейна р. Чадобец за январь (t_{n1}); для бассейна р. Мура за ноябрь (t_{n11});

– сумма осадков за октябрь (X_{10}) ст. Бедоба.

В табл. 2 представлены коэффициенты парной корреляции между стоком талых вод (Y) и упомяну-

тыми выше аргументами (предикторами), полученные первым способом.

Таблица 2

Коэффициенты парной корреляции стока талых вод с факторами его формирования

Речной бассейн	$r_{Y,S+x}$	$r_{Y,Q_{11}}$	$r_{Y,X_{10}}$	$r_{Y,t_1,t_{11}}$
р. Мура – Ирба	0,776	0,516	0,607	-0,395
р. Чадобец – Яркино	0,825	0,605	0,479	-0,456

Сток талых вод (Y) имеет наиболее тесную корреляционную связь с поступлением воды ($S+x$). Для рек Чадобец – с. Яркино и Мура – с. Ирба теснота связи между Y и ($S+x$) характеризуется коэффициентами парной корреляции соответственно 0,825 и 0,776. Тесные связи стока талых вод получены также с предикторами Q_{11} , X_{10} , t_{n11} , t_{n1} и их линейными комбинациями, отражающими влияние осенне-зимнего состояния бассейнов на формирование потерь стока талых вод.

Второй способ оценки репрезентативности факторов-предсказателей стока талых вод, в основу которого положен множественный регрессионный анализ, позволил получить результаты, представленные в табл. 3. Наиболее высокие коэффициенты множественной корреляции R для уравнения (2) получены с участием следующих предикторов: $S+x$ – общее поступление воды в период снеготаяния; m – комплексный показатель, учитывающий предвесеннее увлажнение и промерзание бассейнов (обозначения см. в табл. 3).

Таблица 3

Коэффициент множественной корреляции (R) зависимостей стока талых вод от поступления воды ($S+X$) и показателей осеннего увлажнения m_1 и m_2 . T -статистики и доли детерминированного вклада предикторов

Речной бассейн	Вид зависимостей	R	σ/σ_0	t -статистики при переменных правой части уравнения	Доли детерминированного вклада предикторов	
					Δ_{S+x}	Δm
р. Мура	$Y = a_1(S+x) + a_2 m_1 - b$ $m_1 = 0,303X_{10} - 2,42t_{n11}$	0,853	0,552	4,97; 3,51	0,61	0,39
	$Y = a_1(S+x) + a_2 m_2 - b$ $m_2 = 1,74Q_{11} - 2,61t_{n11}$	0,881	0,449	8,81; 4,59	0,80	0,20
р. Чадобец	$Y = a_1(S+x) + a_2 m_1 - b$ $m_1 = 0,599X_{10} - 1,98t_{n2}$	0,877	0,507	8,72; 3,24	0,86	0,14
	$Y = a_1(S+x) + a_2 m_2 - b$ $m_2 = 0,937Q_{11} - 3,57t_{n1}$	0,883	0,495	9,70; 3,50	0,95	0,05

Примечание. Коэффициенты регрессии в формулах m_1 и m_2 получены на основе статистического анализа; σ/σ_0 – критерий качества методики расчета (прогноза), где σ – средняя квадратичная ошибка, σ_0 – среднеквадратичное отклонение прогнозируемой величины (сток талых вод – Y).

Рассмотрим t -статистики для переменных правой части уравнения. Напомним, что $t_i = \frac{a_i}{\sigma_i}$, где

a_i – коэффициент регрессии при i -й переменной; σ_i – средняя квадратичная ошибка оценки коэффициента регрессии. Чем больше значение t -статистики, тем переменная репрезентативнее: использование переменной со статистической точки зрения целесообразно, если t_i больше 1,5–2,0. Значения t -статистик и коэффициентов множествен-

ной корреляции R с применением различных комплексных показателей водопроницаемости почвы m_1 и m_2 показывают, что использование предзимнего расхода воды (Q_{11}) обеспечивает несколько большую показательность комплексной характеристики водопроницаемости почвы, чем предзимних осадков (X_{10}).

Как показано в [7], использование t_{n11} и t_{n1} в качестве характеристики водопроницаемости почвы связано с ее влиянием на льдистость почвы: чем ниже температура почвы в начальный период её промерзания, тем интенсивнее осуществляется миграция поч-

венной влаги к фронту промерзания, соответственно, увеличивается льдистость почвы и происходит закупорка почвенных пор льдом. В результате весной в период снеготаяния потери на впитывание талых вод в промерзшую почву снижаются.

В табл. 3 приводятся результаты оценки доли детерминированного вклада переменных, входящих в уравнение множественной регрессии для стока талых вод по Г.А. Алексееву [8]. В южном менее увлажненном бассейне (р. Мура) доля детерминированного вклада показателя водопроницаемости почвы (m_1 и m_2) в корреляционная связь оказывается примерно вдвое больше, чем для бассейна Чадобец, расположенного в средней и северотаежной подзонах. Аналогичная закономерность отмечается в Западной Сибири, где доля детерминированного вклада показателя водопроницаемости почвы заметно возрастает на юге лесной зоны.

В гидрологических прогнозах за критерий оптимальности (качества) методики прогноза принимается отношение σ/σ_0 , где σ – средняя квадратичная ошибка расчета (прогноза) стока талых вод, σ_0 – его стандартное отклонение [9. С. 56–60]. Критерий качества прогноза σ/σ_0 по представленным в табл. 3 уравнениям для рек Чадобец и Мура изменяется в пределах от 0,449 до 0,552.

Расчеты показали, что наименьшие ошибки и лучший критерий качества получены в том случае, если в качестве характеристики водопроницаемости почвы принять показатель m_2 , определяемый по формулам (3) и (4), в которых для р. Мура учитывается расход воды за ноябрь по г.п. р. Мура – с. Ирба и температура почвы на глубине 0,2 м за ноябрь по ст. Ванавара; для р. Чадобец учитывается расход воды за ноябрь по г./п. р. Чалобец – с. Яркино и температура почвы на глубине 0,2 м по ст. Ванавара за январь. Уравнения показателей водопроницаемости почвы m_2 для бассейнов Чадобец и Мура имеют вид

$$\text{для р. Мура } m_2 = 1,74Q_{11} - 2,61t_{n11}, \quad (3)$$

$$\text{для р. Чадобец } m_2 = 0,937Q_{11} - 3,57t_{n1}. \quad (4)$$

Окончательно линейные уравнения для прогноза весеннего стока рек Чадобец и Мура имеют вид:

$$\text{для р. Мура } Y = 0,430(S+x) + m_2 - 48,2, \quad (5)$$

$$\text{для р. Чадобец } Y = 0,608(S+x) + m_2 - 114,4. \quad (6)$$

Третий способ. На основе полученных выше выводов перейдем к рассмотрению результатов оптимизации параметров нелинейных водно-балансовых зависимостей для стока талых вод. С учетом ранее выполненных исследований [6, 9–11] уравнения водно-балансовых зависимостей имеют вид

$$Y = \alpha \left\langle H + U - P_{\max} \left[1 + \left(\frac{H+U}{P_{\max}} \right)^{-n} \right]^{-1/n} \right\rangle, \quad (7)$$

$$H = S + x - (J + Z), \quad (8)$$

$$J + Z = b(X + U) \left[1 - f \left(\frac{m - m_{\min}}{m - m_{\min}} \right)^{St} \right], \quad (9)$$

$$U = d + c \times \lg[k(m - m_{\min})^{St} + 1], \quad (10)$$

где $\alpha = K_c(1 - \omega)$ – сборный коэффициент, учитывающий спадовые потери (через коэффициент K_c) и долю постоянно бессточной площади в речном бассейне (ω); H – слой заполнения водоудерживающей емкости, равный поступлению воды в период снеготаяния ($S+x$) за вычетом потерь на испарение и инфильтрацию ($J+Z$); U – слой начального (на момент начала снеготаяния) заполнения водоудерживающей емкости (зависит от характеристик осеннего увлажнения и промерзания); P_{\max} – параметр потерь, учитывающий водоудерживающую емкость бассейна в условиях наиболее низкого предшествующего увлажнения (P_{\max} принято 200 мм) [10. С. 10]; n – параметр, характеризующий нелинейный характер распределение водоудерживающей емкости на площади водосбора.

В уравнениях (9), (10) переменные b, f, d, c, st – коэффициенты; m_2 – комплексный показатель водопроницаемости почв; m_{\min} – минимальная за период наблюдений величина этого показателя, \bar{m}_2 – средняя многолетняя величина комплексного показателя водопроницаемости почв. В уравнении (10) k – масштабный множитель (согласно [11] принят 0,10). Если показатель водопроницаемости почв \bar{m} выражается числом второго или большего порядка, то $k = 0,10$; если числом первого порядка, то $k = 1,0$.

Смысл коэффициента d следующий. В годы с предельно низким осенним увлажнением $m = m_{\min}$, откуда на основе (10) $U = U_{\min} = d$. Иными словами, коэффициент d представляет минимально возможный слой начального заполнения водоудерживающей емкости (U_{\min}) в ландшафтных условиях рассматриваемого бассейна.

Последовательность оценки параметров водно-балансовых зависимостей с применением методов оптимизации и линейной регрессии приводится в [10. С. 10–11]. Результаты оценки представлены в табл. 4.

Согласно принятой в гидрологических прогнозах шкале оценки качества полученные оценки критерия σ/σ_0 характеризуют методику как хорошую. Результаты оптимизации параметров водно-балансовых зависимостей подтвердили полученные выше выводы относительно репрезентативности принятого в расчет показателя водопроницаемости почвы m_2 (табл. 4).

В табл. 5 приведены средние за период наблюдений характеристики составляющих потерь талых вод для исследуемых рек, рассчитанные по уравнениям (7)–(10), параметры которых приняты по результатам оптимизации.

Уравнения с наилучшими критериями качества

Вид уравнений для Y	Параметры								Осеннее увлажнение	Критерий качества
	d	c	b	a	f	n	P_{\max}	st	m	σ/σ_0
$Y = 0,950 \left\{ H - 200 \left[1 + \left(\frac{H}{200} \right)^{-1,8} \right]^{\frac{1}{1,8}} \right\}$ $H = S+x-(J+Z)+U$ $U = 29,8 + 13,7 \times \lg[0,1(m_2 - 31,3)^{0,14} + 1]$ $J + Z = 0,4(X+U) \left[1 - 0,64 \left(\frac{m_2 - 31,3}{16,4} \right)^{0,14} \right]$ $m_2 \text{ (см. табл. 3)}$	р. Чадобец – с. Яркино									
	29,8	13,7	0,40	0,95	0,64	1,80	200	0,14	$m-f$ (Q, t_n)	0,431
$Y = 0,999 \left\{ H - 200 \left[1 + \left(\frac{H}{200} \right)^{-1,31} \right]^{\frac{1}{1,31}} \right\}$ $H = S+x-(J+Z)+U$ $U = 38,1 + 12,5 \times \lg[0,1(m_2 - 8,82)^{1,6} + 1]$ $J + Z = 0,38(X+U) \left[1 - 0,23 \left(\frac{m_2 - 8,82}{16} \right)^{1,6} \right]$ $m_2 \text{ (см. табл. 3)}$	р. Мура – с. Ирба									
	38,1	12,5	0,38	0,99	0,23	1,31	200	1,6	$m-f$ (Q, t_n)	0,440

Средние за многолетний период суммарные потери на водосборе за время половодья (P_A) в бассейне р. Чадобец на 35% больше, чем в бассейне р. Мура. Это обстоятельство объясняется существенным превышением слоя поступившей воды в период снеготаяния в бассейне р. Чадобец по сравнению с бассейном р. Мура. Напомним, что с увеличением H возрастает объем воды, заполняющий водоудерживающую емкость бассейна [9. С. 100].

Согласно полученным оценкам (табл. 5) бассейны рр. Чадобец и Мура характеризуются инфильтрационно-емкостным типом водопоглощения с преобладанием емкостных потерь. В этом случае склоновый сток формируется после заполнения водоудерживающей емкости при условии, что поступление воды в период

снеготаяния на поверхность бассейна ($S+x$) превышает инфильтрацию воды в почву и испарение ($J+Z$). Этот механизм особенно ярко проявляется в лесу [12. С. 14–20]. Бассейны рек Чадобец и Мура покрыты лесом более чем на 90%, поэтому описываемый механизм как раз характерен для этой территории.

Инфильтрационные потери в бассейне р. Мура больше, чем у р. Чадобец. Объясняется это тем, что р. Мура расположена южнее, осадков там выпадает меньше и почвы менее увлажнены по сравнению с бассейном реки Чадобец. Кроме того, почвы в бассейне р. Мура отличаются более легким механическим составом. Совокупность этих факторов способствует более интенсивному впитыванию талой воды в почву в бассейне р. Мура.

Таблица 5

Средние за многолетний период составляющие потерь талого стока

Характеристика	Обозначение, размерность	Речной бассейн – пункт	
		Чадобец – Яркино	Мура – Ирба
Потери на водосборе (числитель: мм; знаменатель: % суммарных потерь)			
Сток бассейна	Y , мм	84	41,9
Слой воды, поступающий для заполнения водоудерживающей емкости	$H = S+x+U-(J+Z)$	233	138
Инфильтрация и испарение за период снеготаяния	$J+Z = b(S+x+U) \left[1 - f \left(\frac{m-m_{\min}}{m-m_{\min}} \right)^{st} \right]$, мм	$\frac{44,6}{23}$	$\frac{54,3}{36}$
Емкостное задержание на водосборе	$P_{emk} = P_0 \left[1 + \left(\frac{H}{P_0} \right)^{-n} \right]^{-1/n}$, мм	$\frac{146}{77}$	$\frac{95,6}{64}$
Суммарные потери на водосборе за период половодья	$P_A = P_{emk} + (J+Z)$, мм	$\frac{191}{100}$	$\frac{150}{100}$

Выполненный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Ландшафтно-гидрологические условия бассейнов рек Мура и Чадобец подобны бассейну бокового притока Богучанского водохранилища. Существует тесная связь между объемом бокового притока в Богучанское водохранилище за второй квартал и весенним стоком указанных рек-аналогов. Эта связь положена в основу прогноза бокового притока в водохранилище Богучанской ГЭС с использованием зависимостей (5)–(6), установленных для рек Мура и Чадобец.

2. Показатель водопроницаемости почвогрунтов бассейна (m_2) рекомендуется оценивать по величине расхода воды за ноябрь и температуре почвы на глубине 0,2 м за январь и ноябрь. Расход воды характеризует общее увлажнение бассейна в начале зимы. Температура почвы в начальный период её промерзания характеризует интенсивность миграции почвенной влаги к фронту промерзания и, соответственно, увеличение льдистости почвы, приводящее к закупорке почвенных пор льдом.

3. Линейные уравнения (5) и (6) характеризуются достаточно высокими показателями тесноты связей (коэффициенты корреляции соответственно 0,881 и 0,883). Критерий качества этих зависимостей σ/σ_0 для р. Чадобец составляет 0,495, для р. Мура – 0,449, что характеризует методику расчета стока талых вод как хорошую.

4. Интегральные уравнения инфильтрационно-емкостной модели формирования стока для рек Чадобец и Мура (табл. 4) характеризуются следующими критериями качества σ/σ_0 : для р. Чадобец – 0,431, для р. Мура – 0,440. Преимущество использования интегральных уравнений для прогноза стока талых вод состоит в том, что они более обоснованно аппроксимируют его зависимость от действующих факторов с учетом ее нелинейности. Эта особенность может иметь существенное значение в годы с экстремально высокими или экстремально низкими значениями исходных аргументов – количества поступившей воды ($S+x$) и показателей водопроницаемости почвогрунтов [12. С. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география России. М. : Владос, 2001. Ч. 2. 304 с.
2. Путинцев Л.А. Компьютерная модель прогноза притока воды в водохранилище Богучанской ГЭС // География, история и геэкология на службе науки и инновационного образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. С. 81–84.
3. Петенков А.В. Гидрологические основы водопользования ресурсами малых рек бассейнов Верхнего Енисея, Верхнего Чулыма и Нижней Ангары. Красноярск : СибНИИГМИ, 1990. 208 с.
4. Бураков Д.А. Гидрологический анализ весеннего половодья в лесной зоне Западно-Сибирской равнины // Вопросы географии Сибири. Томск, 1978. Вып. 10. С. 69–89.
5. Burakov D.A. Longterm Forecasting of Snowmelt Runoff. Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). Hydrological systems modeling, 2011. Vol. I. P. 102–136.
6. Бураков Д.А., Литвинова О.С. Водно-балансовые зависимости для прогноза стока талых вод в природных зонах юга Западно-Сибирской равнины // География и природные ресурсы. Иркутск, 2010. № 3. С. 111–120.
7. Бураков Д.А., Иванова О.И. Анализ формирования и прогноз стока весеннего половодья в лесных и лесостепных бассейнах рек Сибири. М. : Метеорология и гидрология, 2010. № 6. С. 87–100.
8. Алексеев Г.А. Объективные методы выравнивания и нормализации корреляционных связей. Л. : Гидрометеиздат, 1971. 363 с.
9. Попов Е.Г. Гидрологические прогнозы. Л. : Гидрометеиздат, 1979. 256 с.
10. Бураков Д.А. Основы гидрологических прогнозов объема и максимума весеннего половодья в лесной зоне Западно-Сибирской равнины // Вопросы географии Сибири. Томск, 1978. Вып. 11. С. 3–49.
11. Литвинова О.С. Условия формирования и прогнозы весеннего половодья на реках южно-таежного, лесостепного и степного междуречья Оби и Иртыша : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2011. С. 17–19. URL: <http://www.irigs.irk.ru/aref/Litvinova.pdf>
12. Руководство по гидрологическим прогнозам. Вып. 1. Долгосрочные прогнозы элементов водного режима рек и водохранилищ / под ред. Е.Г. Попова. Л. : Гидрометеиздат, 1989. 357 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 июля 2015 г.

METHODS OF LONG-TERM FORECAST OF THE SIDE INFLOW INTO THE RESERVOIR OF THE BOGUCHANSKAYA HPP ON THE ANGARA RIVER

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 243–250. DOI: 10.17223/15617793/398/38

Putintsev Lev A. Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: leo77789@mail.ru

Keywords: spring freshet; evaporation; infiltration; water-retaining capacity; capacitive absorption; runoff hydrograph.

Angara is the largest inflow of the Yenisei, a unique river of our country. Its main distinctive feature is the natural overregulation of the river drain of Lake Baikal. This circumstance, as well as favorable topographical and ecological conditions, leads to a fact that the cascade of the hydroelectric power station on the Angara is one of the most effective in Russia by technical and economic indicators. The article investigates the factors influencing the drain of high spring water and develops the method of long-term forecast. The Chadobets and the Mura rivers are used as basins-analogs. The Chadobets characterizes the right-bank territory of the Boguchansky reservoir, the Mura its left-bank. These rivers were used for the calculation of a daily lateral inflow of water into the Boguchansky reservoir which is connected with the drain of thawed snow of the rivers-analogs (the coefficient of correlation is 0.891). Therefore, it is necessary to develop a method of spring drain forecast of the rivers for long-term forecast of water inflow into the Boguchansky reservoir. The method of the forecast is based on the infiltration and capacitor model of absorption of water by a reservoir (E.G. Popov, D.A. Burakov). In this model, indirect indicators of water penetration into the soil before the snowmelt are various characteristics of the pre-spring condition of the river basin. Their selection is made in the following ways: 1) on the basis of pair correlation of the drain of thawed snow (Y) with various indicators of pre-spring moistening and frost penetration in the reservoir; 2) by calculation of coefficients of multiple linear correlation of the drain of thawed snow and the factors determining it (water-

supplies in the snow cover, rainfall during the snowmelt and various indirect indicators of water penetration into the frozen soil); 3) by optimization of parameters of nonlinear approximation of the water-balance dependence for the forecast of the drain of thawed snow following from the infiltration and capacitor model. The analysis showed that the best characteristics of water penetration into the reservoir are consumption of the water of the rivers-analogs for November and temperature of the soil at a depth of 0.2 m. The optimization parameters of the infiltration-capacitive model give equations for the forecast of the melted water runoff of the rivers-analogues, which is closely associated with the lateral inflow into the reservoir of the Boguchanskaya HPP. The rating scale adopted in hydrological forecasts characterizes the forecast of the lateral inflow into the reservoir of the Boguchanskaya HPP as "good".

REFERENCES

1. Rakovskaya, E.M. & Davydova, M.I. (2001) *Fizicheskaya geografiya Rossii* [Physical Geography of Russia]. Pt. 2. Moscow: Vldos.
2. Putintsev, L.A. (2011) [Computer model of forecast of the inflow into the reservoir of the Boguchanskaya HPP]. *Geografiya, istoriya i geoekologiya na sluzhbe nauki i innovatsionnogo obrazovaniya* [Geography, history and geo-ecology in the service of science and innovative education]. Proc. of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 81–84. (In Russian).
3. Petenkov, A.V. (1990) *Gidrologicheskie osnovy vodopol'zovaniya resursami malykh rek basseynov Verkhnego Eniseya, Verkhnego Chulyma i Nizhney Angary* [Hydrological foundations of water resources use of small rivers of the Upper Yenisei, Upper Chulym and Lower Angara basins]. Krasnoyarsk: SibNIIGMI.
4. Burakov, D.A. (1978) *Gidrologicheskiy analiz vesennego polovod'ya v lesnoy zone Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Hydrological analysis of spring flood in the forest zone of the West Siberian plain]. *Voprosy geografii Sibiri*. 10. pp. 69–89.
5. Burakov, D.A. (2011) Longterm Forecasting of Snowmelt Runoff. Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). *Hydrological systems modeling*. I. pp. 102–136.
6. Burakov, D.A. & Litvinova, O.S. (2010) *Vodno-balansovye zavisimosti dlya prognoza stoka talykh vod v prirodnykh zonakh yuga Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Water-balance dependencies for the forecast of melt water runoff in natural areas of the south of the West Siberian plain]. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 3. pp. 111–120.
7. Burakov, D.A. & Ivanova O.I. (2010) *Analiz formirovaniya i prognoz stoka vesennego polovod'ya v lesnykh i lesostepnykh basseynakh rek Sibiri* [Analysis of formation and flow forecast of spring flood in the forest and steppe basins of Siberia]. *Meteorologiya i gidrologiya*, 6. pp. 87–100.
8. Alekseev, G.A. (1971) *Ob"ektivnye metody vyravnivaniya i normalizatsii korrelyatsionnykh svyazey* [Objective methods of alignment and normalization of correlations]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
9. Popov, E.G. (1979) *Gidrologicheskie prognozy* [Hydrological forecasts]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
10. Burakov, D.A. (1978) *Osnovy gidrologicheskikh prognozov ob'ema i maksimuma vesennego polovod'ya v lesnoy zone Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Fundamentals of hydrological forecasts of the volume and maximum of spring flood in the forest zone of the West Siberian plain]. *Voprosy geografii Sibiri*. 11. pp. 3–49.
11. Litvinova, O.S. (2011) *Usloviya formirovaniya i prognozy vesennego polovod'ya na rekakh yuzhno-taevnogo, lesostepnogo i stepnogo mezhdurech'ya Obi i Irtysha* [Formation conditions and forecasts of spring floods on the rivers of southern taiga and steppe between the rivers Ob and Irtysh]. Abstract of Geography Cand. Diss. Irkutsk. [Online]. Available from: <http://www.irigs.irk.ru/aref/Litvinova.pdf>.
12. Popov, E.G. (ed.) (1989) *Rukovodstvo po gidrologicheskim prognozam* [Guide to hydrological forecasts]. V. 1. Leningrad: Gidrometeoizdat.

Received: 22 July 2015

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ И КАЧЕСТВО ПОДЗЕМНЫХ ВОД В МЕЖДУРЕЧЬЕ РЕК ГАМ И КАУ (СЕВЕРНЫЙ ВЬЕТНАМ)

На основе результатов исследований, выполненных в 2010–2015 гг., получена общая характеристика химического состава подземных вод в междуречье рек Гам и Кау (уезд Чодонь провинции Баккан, Вьетнам). Показано, что особенности пространственно-временных изменений химического состава подземных вод определяются геологическими условиями, внутригодовым распределением атмосферного увлажнения, а также локальным загрязнением окружающей среды в населённых пунктах и вблизи действующих и закрытых горнодобывающих предприятий. Наибольшие концентрации микроэлементов чаще всего отмечаются в пределах водосбора р. Бан Тхи, перспективного с точки зрения проведения геолого-разведочных работ, а внутри года – в период дождей.

Ключевые слова: подземные воды; химический состав; Северный Вьетнам.

Введение

Северная часть Вьетнама богата минеральными ресурсами. В частности, здесь обнаружены значительные запасы железных, марганцевых и комплексных руд (цинк, свинец), строительных материалов. В настоящее время разрабатывается только часть разведанных месторождений и проводятся активные действия по освоению новых объектов, что, с одной стороны, создаёт предпосылки для дальнейшего социально-экономического развития региона [1–4]. С другой стороны, особую актуальность приобретают геоэкологические исследования в рамках изучения региональных условий формирования химического состава и качества компонентов окружающей среды, особенно подземных

вод, испытывающих самое непосредственное воздействие в процессе добычи полезных ископаемых и иных видов хозяйственной деятельности.

Именно такая цель (изучение геохимического состояния и качества подземных вод верхней гидродинамической зоны) и была поставлена авторами на примере уезда Чодонь, расположенного на западе провинции Баккан, на севере Социалистической Республики Вьетнам. Рассматриваемая территория находится на междуречье водотоков в сложнейшей системе рек Хонг (Красная) и Тхайбинь (рис. 1), на водоразделе и водосборах рек Дай (приток р. Хонг), Бан Тхи (приток р. Гам – притока р. Хонг) и Кау (верховья реки Тхайбинь, образующей с р. Хонг сложную гидрографическую сеть).

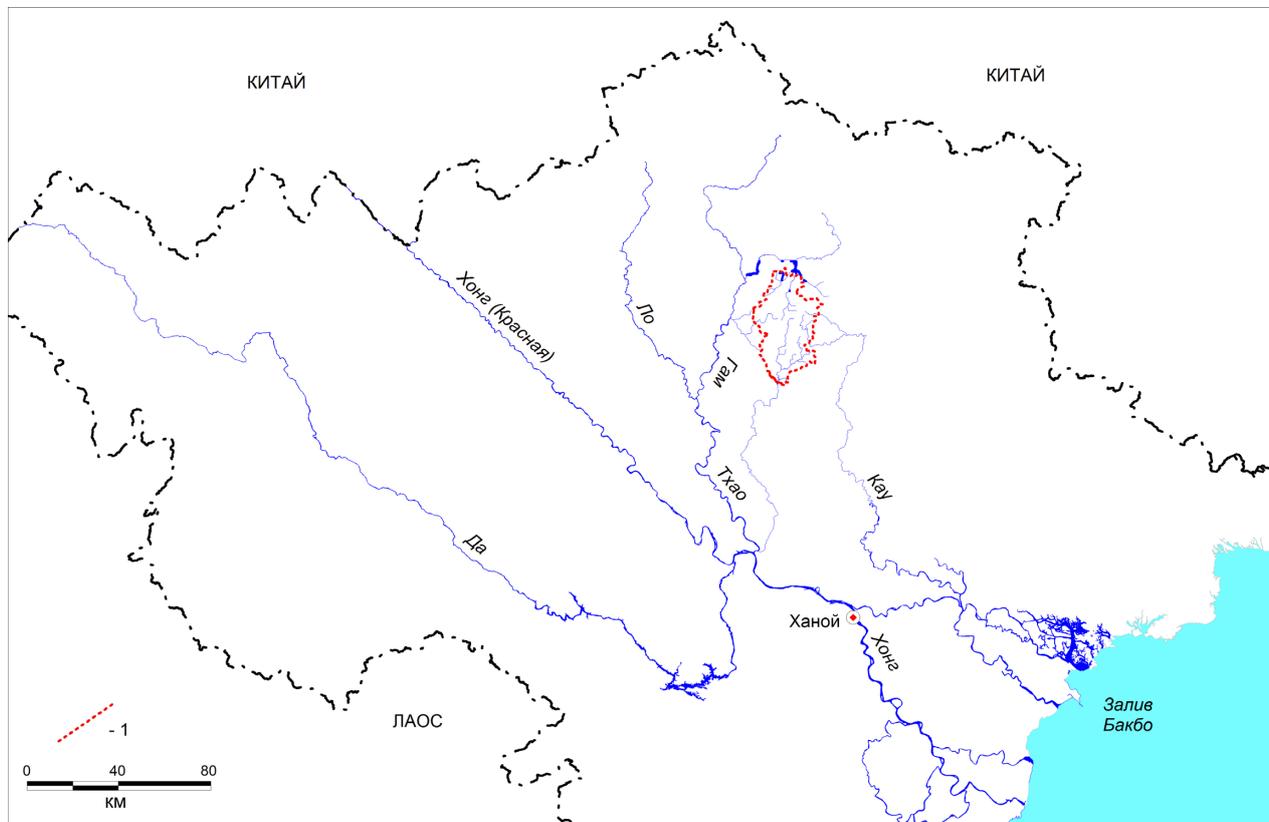

Рис. 1. Схема размещения района исследований в границах уезда Чодонь провинции Баккан

Объект и методика исследований

Основным объектом исследования являются подземные воды верхней гидродинамической зоны в междуречье и на водосборах рек Кау, Та Диен и Дай. В пределах водосборных территорий водоносные отложения нижнего и среднего девона представлены известняком, песчаником и мергелем; в долинах рек распространены аллювиальные отложения четвертичного возраста, сложенные песками, галькой, частично – суглинками и глинами [5]. Глубина отбора водных проб – от 3 до 44 м. Исходные данные получены в результате: 1) полевых, лабораторных и камеральных работ, выполненных в Томском политехническом университете в 2015 г.; 2) обобщения собственных данных и материалов наблюдений за состоянием подземных вод в уезде Чодонь, выполненных в Департаменте природных ресурсов и охраны окружающей среды провинции Баккан и вьетнамском Институте геологии и минеральных ресурсов в 2010–2014 гг. [3, 4].

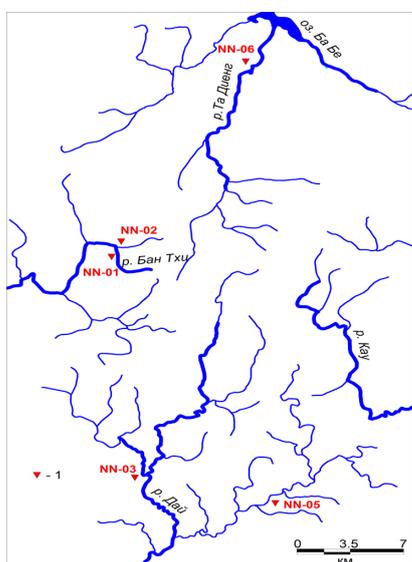

Рис. 2. Схема размещения пунктов отбора подземных вод в феврале 2015 г.

В 2015 г. отбор 5 проб подземных вод проводился 14–16 февраля (меженный период) Нгуен Ван Луеном из колодцев и эксплуатационных водозаборных скважин в водосборе реки Бан Тхи в районе коммуны Бан Тхи, в водосборе р. Дай у коммун Нгия Та и Иэен Нхуан, в водосборе р. Та Диен у коммуны Нам Кыонг (рис. 2, табл. 1) в специально подготовленные ёмкости с учётом [6].

Лабораторные работы выполнялись в аккредитованной гидрогеохимической лаборатории Томского политехнического университета (номер государственной аккредитации № РОСС RU. 0001.511901 от 12.07.2011 г.). В водных пробах проводилось определение: кондуктометрическим методом – значений удельной электропроводности (УЭП, здесь и далее в скобках – чувствительность 5 мкС/см); потенциометрическим – pH (0,1 ед.); титриметрическим – Ca^{2+} (1 мг/дм³), Mg^{2+} (0,04 мг/дм³), HCO_3^- (3 мг/дм³), CO_3^{2-} (3 мг/дм³), CO_2 (4 мг/дм³), Cl^- (0,5 мг/дм³), перманганатной окисляемости ПО (0,25 мгО/дм³); турбидиметрическим – SO_4^{2-}

(2 мг/дм³); фотометрическим – Si (0,5 мг/дм³), NH_4^+ (0,05 мг/дм³), NO_2^- (0,01 мг/дм³), NO_3^- (0,1 мг/дм³), PO_4^{3-} (0,01 мг/дм³), Fe (0,1 мг/дм³); инверсионно-вольтамперометрическим – Zn (0,5 мкг/дм³), Cd (0,2 мкг/дм³), Pb (0,2 мкг/дм³), Cu (0,6 мкг/дм³); атомно-абсорбционным – Al (20 мкг/дм³); ионной хроматографией – Na^+ (0,1 мг/дм³), K^+ (0,05 мг/дм³).

Используемые в работе материалы Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды провинции Баккан и вьетнамского Института геологии и минеральных ресурсов получены при изучении этой же территории и одних и тех водоносных отложений. Определение pH (потенциометрический метод), УЭП (кондуктометрический метод), концентраций NH_4^+ , NO_2^- , NO_3^- , Fe, Zn, Cd, Pb, Cu (ионная хроматография), Mn (фотометрия), Hg, As (атомно-абсорбционный метод) – в Департаменте природных ресурсов и охраны окружающей среды провинции Баккан и Вьетнамском Институте геологии и минеральных ресурсов.

Значения суммы главных ионов Σ_{mi} в 2015 г. получены путём сложения концентраций Ca^{2+} , Mg^{2+} , HCO_3^- , CO_3^{2-} , Cl^- , а в предыдущие годы – по регрессионной зависимости $\Sigma_{\text{mi}} = 0,956 \cdot \text{УЭП} - 12,323$, полученной по данным измерений в 5 пробах подземных и 10 пробах речных вод, отобранных в феврале 2015 г. в уезде Чодонь. Квадрат корреляционного отношения $R^2 = 0,99$, что свидетельствует о возможности использования данной зависимости [7].

Статистический анализ геохимических материалов проведён с учётом требований [8]. Для объяснения полученных результатов выполнена оценка условий взаимодействий в системе «вода – порода» на основе методов химической термодинамики с помощью программного комплекса «Solution» [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ имеющихся данных показал, что изученные подземные воды по условиям залегания – грунтовые; в соответствии с классификациями О.А. Алёкина [10] по минерализации – «пресные» со средней и реже – малой минерализацией, по химическому составу – гидрокарбонатные кальциевые I, II и III типов; по величине pH – слабокислые и нейтральные; по жёсткости – от очень мягких до умеренно жёстких (табл. 1, 2). Воды содержат незначительное количество органических веществ по перманганатной окисляемости. В ряде случаев выявлено значительное превышение нормативов хозяйственно-питьевого водоснабжения, установленных по величине pH и содержанию Fe, Zn, Cd, Mn, As, Si, Al. При этом необходимо отметить, что установлено статистически значимое (при уровне значимости 5%) различие выборок содержаний NO_3^- , Zn, Mn, As в подземных водах в водосборах рек Бан Тхи и Дай по дисперсии (табл. 2, 3). Этот факт объясняется, видимо, как наличием ореолов техногенного рассеяния, сформировавшихся при добыче свинцово-цинковых руд в водосборе р. Бан Тхи, так и более высоким природным «фоновым» содержанием ряда химических элементов в горных породах и подземных водах, которые с ними взаимодействуют.

Таблица 1

Физико-химические и геохимические показатели подземных вод в уезде Чодонь провинции Баккан в 2015 г.

Показатель	Номер пробы				
	NN-01	NN-02	NN-03	NN-05	NN-06
Дата отбора	14.02.15	14.02.15	15.02.15	15.02.15	16.02.15
Населённый пункт	Бан Тхи	Бан Тхи	Нгиа Та	Иээн Нхуан	Нам Кыонг
Возраст водоносных отложений	aQ	D ₁₋₂	D ₁₋₂	D ₁₋₂	D ₁₋₂
Глубина отбора пробы, м	7,5	30,0	16,0	13,0	41,0
Температура воды, °С	22,1	23,5	21,4	22,7	20,8
pH, ед, рН	7,30	7,30	7,10	6,90	6,90
УЭП, мкС/см	425	412	337	151	371
мг/дм ³					
СО ₂	22	16	21	17,6	26,4
Сумма главных ионов Σ _{ми}	393,4	366,8	300,2	130,0	327,3
Ca ²⁺	87,0	86,0	55,0	18,5	70,0
Mg ²⁺	5,5	5,5	10,0	5,5	6,2
Na ⁺	3,6	2,8	7,0	6,2	2,4
K ⁺	3,4	1,6	1,5	2,0	2,6
HCO ₃ ⁻	276,0	258,0	219,0	93,0	232,0
CO ₃ ²⁻	<1	<1	<1	<1	<1
SO ₄ ²⁻	14,4	9,8	2,2	1,3	7,5
Cl ⁻	3,5	3,1	5,5	3,5	6,6
Si	4,76	5,06	10,83	17,99	7,19
NH ₄ ⁺	0,140	0,240	0,240	0,090	0,110
NO ₂ ⁻	0,010	0,021	0,010	0,010	0,010
NO ₃ ⁻	10,270	7,000	4,360	3,120	9,670
PO ₄ ³⁻	0,025	0,025	0,056	0,127	0,078
F ⁻	0,017	0,010	0,180	0,100	0,070
Fe	0,050	0,040	0,090	0,130	0,050
Zn	0,0180	0,0160	0,0200	0,0067	0,0920
Cd	0,0001	0,0000	0,0001	0,0001	0,0004
Pb	0,0009	0,0012	0,0011	0,0003	0,0007
Cu	0,0027	0,0011	0,0140	0,0013	0,0620
Al	0,0630	0,0380	1,0500	0,0510	0,0990
Перманганатная окисляемость, мгО/дм ³	0,12	0,50	0,28	0,08	0,08
Σ(С/ПДК _{хлв-РФ:1-2})	0,66	0,69	1,55	2,11	1,25

Примечание. aQ – аллювиальные отложения четвертичного возраста; D₁₋₂ – отложения нижнего и среднего девона; ПДК_{хлв-РФ:1-2} – предельно допустимая концентрация вещества в водах объектов хозяйственно-питьевого назначения 1-го и 2-го классов опасности на территории Российской Федерации; Σ(С/ПДК) – сумма отношений измеренных и предельно допустимых концентраций веществ.

Таблица 2

Средние значения pH, удельной электропроводности, суммы растворённых веществ, концентраций соединений азота и железа в подземных водах и глубины проб отбора в уезде Чодонь провинции Баккан за 2010–2015 гг.

Территория	Показатель	pH, ед, рН	УЭП, мкС/см	Σ _{ми} , мг/дм ³	NH ₄ ⁺ , мг/дм ³	NO ₂ ⁻ , мг/дм ³	NO ₃ ⁻ , мг/дм ³	Fe, мг/дм ³	Глубина проб отбора, м
Водосбор р. Бан Тхи	A	6,64	260	235,4	0,104	0,010	5,120	0,148	18,00
	G	6,60	251	226,9	0,048	0,007	3,459	0,106	14,32
	σ	0,76	77	71,2	0,108	0,008	4,318	0,120	13,37
	N	19	13	13	4	4	4	4	5
Водосбор р. Дай	A	6,79	308	281,2	0,058	0,009	2,124	0,216	15,17
	G	6,74	289	262,0	0,027	0,008	1,782	0,201	10,54
	σ	0,80	117	112,1	0,078	0,004	1,253	0,082	14,93
	N	18	12	12	8	8	8	8	6
Уезд Чодонь в целом	A	6,73	283	257,0	0,076	0,009	3,626	0,182	18,50
	G	6,69	269	242,9	0,036	0,008	2,489	0,148	13,41
	σ	0,76	98	92,7	0,084	0,005	3,297	0,101	14,78
	N	39	27	27	13	13	13	13	12
Вероятность превышения ПДК _{хлв-РФ:2} , %		23	–	–	–	–	–	8	–
ПДК _{хлв-РФ} [11, 12]		6–9	–	1000	1,93	3,3	45,0	0,3	–
Вероятность превышения ПДК _{хлв-Вьетнам} , %		38	–	–	–	–	–	8	–
ПДК _{хлв-Вьетнам} [13]		6,5–8,5	–	1000	3	3	50	0,3	–
Сравнение данных по водосборам Бан Тхи и Дай	t/t _{5%}	0,27	0,56	0,57	0,35	0,04	0,74	0,48	0,13
	F/F _{5%}	0,42	0,67	0,72	0,32	0,58	2,02	0,36	0,17

Примечание. A – среднее арифметическое; G – среднее геометрическое; σ – среднее квадратическое отклонение; N – количество проб; t/t_{5%} – отношение фактического и критического (при уровне значимости 5%) значений критерия Стьюдента; F/F_{5%} – отношение фактического и критического (при уровне значимости 5%) значений критерия Фишера; ПДК_{хлв-Вьетнам} – предельно допустимая концентрация вещества в водах объектов хозяйственно-питьевого назначения на территории Вьетнама.

Наиболее высокие концентрации изученных микроэлементов часто отмечаются в месяцы с максимальным атмосферным увлажнением (с мая по октябрь), хотя имеются и определённые отличия, связанные с приуроченностью к первой или второй половине периода дождей. Объём имеющихся данных не очень велик (до 39 проб). Тем не менее в первом приближении можно сделать вывод, что в первом случае в подземных водах района исследований наиболее вероятно обнаружение повышенных концентраций Cu, Cd, Pb, а во втором – Zn (рис. 3), Mn, Hg, As. По-

добное внутригодовое распределение объясняется усилением водообмена в верхней гидродинамической зоне по мере выпадения интенсивных дождей [12, 13]. В свою очередь, скорость водообмена регулирует общее время взаимодействия в системе «вода – порода» и количества выносимых из этой системы относительно устойчивых (при определённых условиях) продуктов химических реакций, образующих «защитный слой» [14, 15]. Кроме того, в условиях низкого уровня создаются благоприятные условия для поддержания окислительной обстановки.

Таблица 3

Средние значения концентраций микроэлементов в подземных водах в уезде Чодонь провинции Баккан за 2010–2015 гг.

Территория	Показатель	Zn	Cd	Pb	Cu	Mn	Hg	As
Водосбор р. Бан Тхи	<i>A</i>	0,6550	0,0004	0,0012	0,0110	0,1400	0,0001	0,0044
	<i>G</i>	0,0958	0,0001	0,0011	0,0055	0,0433	0,0001	0,0031
	σ	1,3208	0,0008	0,0008	0,0133	0,2785	0,0000	0,0041
	<i>N</i>	19	19	19	4	15	17	17
Водосбор р. Дай	<i>A</i>	0,0309	0,0005	0,0014	0,0105	0,0660	0,0001	0,0038
	<i>G</i>	0,0165	0,0001	–	0,0063	0,0440	0,0000	0,0020
	σ	0,0384	0,0009	0,0011	0,0080	0,0690	0,0000	0,0074
	<i>N</i>	18	18	18	8	10	16	16
Уезд Чодонь в целом	<i>A</i>	0,3398	0,0004	0,0013	0,0146	0,1069	0,0001	0,0040
	<i>G</i>	0,0430	0,0001	–	0,0072	0,0423	0,0000	0,0024
	σ	0,9614	0,0008	0,0009	0,0168	0,2163	0,0000	0,0057
	<i>N</i>	39	39	39	13	26	34	34
Вероятность превышения ПДК _{хив-РФ} , %		8	15	0	0	27	0	6
ПДК _{хив-РФ} [11, 12]		1,0	0,001	0,01	1,0	0,1	0,0005	0,01
Вероятность превышения ПДК _{хив-Вьетнам} , %		5	–	–	–	9	–	6
ПДК _{хив-Вьетнам} [13]		3	0,003	0,01	1,0	0,3	0,001	0,01
Сравнение дан- ных по водосбо- рам Бан Тхи и Дай	<i>t/t</i> _{5%}	0,96	0,31	0,25	0,03	0,38	0,93	0,14
	<i>F/F</i> _{5%}	446,33	0,45	0,67	0,47	4,29	0,48	1,16

Во внутригодовом изменении удельной электропроводности и общего содержания растворённых солей в подземных водах (по величине $\Sigma_{\text{ми}}$) статически значимые связи со средними значениями атмосферных осадков или номером гидрологического года не выявлены, что связано, предположительно, наложением двух разнонаправленных процессов: 1) увеличением времени взаимодействия воды и горных пород в «сухой» сезон; 2) усилением во время продолжительных дождей выноса веществ, ранее накопленных на поверхности водосборов и в водоносных отложениях.

Подземные воды района исследований в целом не насыщены относительно первичных алюмосиликатов и незначительно пересыщены относительно кварца и соединений кальция и магния с гуминовыми кислотами, в ряде случаев – относительно кальцита (табл. 4). Концентрации фульво- (ФК) и гуминовых (ГК) кислот рассчитаны по зависимостям, установленным для Северной Азии ([ФК] = 0,484·ПО, $R^2 = 0,63$; [ГК] = 0,176·[ФК],

$R^2 = 0,44$; ПО – перманганатная окисляемость). Подземные воды не насыщены и относительно цинксодержащих минералов, что подтверждает сделанный выше вывод о связи концентраций этого и, видимо, ряда других элементов с интенсивностью водообмена.

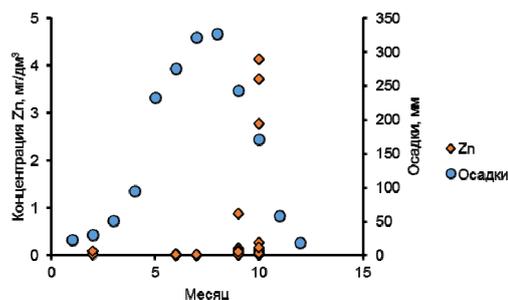

Рис. 3. Внутригодовое распределение концентраций Zn в подземных водах водосбора р. Бан Тхи за 2010–2015 гг. и атмосферных осадков в г. Ханой (в среднем за 1985–2010 гг. по данным [5])

Значения индекса насыщения поверхностных подземных вод в уезде Чодонь провинции Баккан в 2015 г.

№	Формула	Номер пробы (табл. 1, рис. 2)				
		NN 01	NN 02	NN 03	NN 05	NN 06
1	$\text{CaCO}_3(\text{кальцит}) = \text{Ca}^{2+} + \text{CO}_3^{2-}$	-0,50	-0,58	-0,96	-2,04	-1,01
2	$\text{CaCO}_3(\text{кальцит}) + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O} = \text{Ca}^{2+} + 2 \times \text{HCO}_3^-$	-0,02	0,06	-0,37	-1,45	-0,32
3	$\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2(\text{доломит}) = \text{Ca}^{2+} + \text{Mg}^{2+} + 2 \times \text{CO}_3^{2-}$	-1,16	-1,32	-1,62	-3,57	-2,04
4	$\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2(\text{доломит}) + 2 \times \text{CO}_2 + 2 \times \text{H}_2\text{O} = \text{Ca}^{2+} + \text{Mg}^{2+} + 4 \times \text{HCO}_3^-$	-0,20	-0,03	-0,45	-2,40	-0,66
5	$\text{CaГК} = \text{Ca}^{2+} + \text{ГК}$	1,13	1,13	0,95	0,52	1,05
6	$\text{MgГК} = \text{Mg}^{2+} + \text{ГК}$	0,67	0,67	0,94	0,71	0,73
7	$\text{SiO}_2(\text{кварц}) + 2 \times \text{H}_2\text{O} = \text{H}_4\text{SiO}_4^0$	0,30	0,32	0,65	0,88	0,48
8	$\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8(\text{анортит}) + 3 \times \text{H}_2\text{O} + 2 \times \text{CO}_2 = \text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_7 \times 2 \times \text{H}_2\text{O}(\text{каолинит}) + \text{Ca}^{2+} + 2 \times \text{HCO}_3^-$	-257,53	-257,30	-257,86	-258,86	-257,91
9	$2 \times \text{NaAlSi}_3\text{O}_8(\text{альбит}) + 11 \times \text{H}_2\text{O} + 2 \times \text{CO}_2 = \text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_7 \times 2 \times \text{H}_2\text{O}(\text{каолинит}) + 2 \times \text{Na}^+ + 2 \times \text{HCO}_3^- + 4 \times \text{H}_4\text{SiO}_4^0$	-11,65	-11,53	-9,78	-9,56	-11,57
10	$\text{ZnSO}_4(\text{цинкзит}) = \text{Zn}^{2+} + \text{SO}_4^{2-}$	-14,79	-15,00	-15,54	-16,19	-14,35
11	$\text{ZnCO}_3(\text{цинкит}) = \text{Zn}^{2+} + \text{CO}_3^{2-}$	-2,34	-2,48	-2,57	-3,67	-2,06

Примечание. Отрицательные значения индекса свидетельствуют о недонасыщенности раствора, положительные – о пересыщении.

Заключение

Подземные воды в междуречье рек Гам и Кау, административно соответствующем территории уезда Чодонь провинции Баккан в Социалистической Республике Вьетнам, характеризуются в целом как пресные, гидрокарбонатные кальциевые, слабокислые или нейтральные. В ряде случаев они содержат Fe, Zn, Cd, Mn, As, Al, Si в количествах, заметно превышающем установленные в Российской Федерации и Вьетнаме нормативы хозяйственно-питьевого водопользования. Особенности пространственно-временных изменений химического состава подземных вод определяются геологическими условиями (месторождения и проявления свинцово-цинковых и, возможно, марганцевых руд с повышенными концентрациями попутных элементов), внутригодовым распределением атмосферного увлажнения (максимумы – в июле–августе), а также локальным загрязнением окружающей среды в населённых пунктах, вблизи действующих и закрытых горных предприятий. Наибольшие концентрации микроэлементов чаще всего отмечены в пределах водосбора р. Бан Тхи, перспективного с точки зрения

проведения геолого-разведочных работ, а внутри года – в период дождей.

В то же время необходимо отметить, что, несмотря на продолжительную историю добычи свинцово-цинковых руд на отдельных участках исследуемой территории, подземные водные объекты обладают определённой устойчивостью к антропогенным воздействиям и способностью самовосстановления. Эта способность, на взгляд авторов, определяется, прежде всего, тем же самым интенсивным водообменом в горных породах. В свою очередь, последний определяется обильным атмосферным увлажнением (среднее годовое количество дождей от 1 600–2 332 мм/г [5]), значительными уклонами и фильтрационными свойствами грунтов, а также наличием древесной растительности на водосборной территории, обеспечивающей устойчивость склонов, т.е. условиями, ограничивающими площадь и время взаимодействия вод, почв и горных пород.

Указанные выше обстоятельства целесообразно учитывать при разработке месторождений полезных ископаемых, планировании и организации природоохранных мероприятий, особенно в водосборе р. Бан Тхи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дао Мань Тиен. Методология и особенности геохимической специализации гранитоидных формаций Северного Вьетнама : дис. ... канд. геол.-минер. наук. Баку : Азербайджан. гос. ун-т, 1984. 198 с.
2. До Ван Фи, Хоанг Минь, До Ван Ай. Первые результаты использования геохимического моделирования в исследовании свинцово-цинковой зоны на юге уезда Чодонь // Геология и минералы. 2000. № 7. С. 235–250.
3. Нгуен Хонг Куанг, Тонг Тхи Тху Ха, Та Хунг Кыонг, Тхан Ван Кет, Фам Дык Чонг. Оценка текущего состояния окружающей среды в горнодобывающей промышленности в Северо-Восточном районе (Вьетнам). Ханой : Институт геологических наук и минеральных ресурсов, 2011. 118 с.
4. Нгуен Мань Ха, Ву Тхань Хай, За Динь Тхай, Тханг Тхи Минь Хенг. Ежегодный мониторинг окружающей среды в провинции Баккан. 2013–2014 гг. // Баккан: Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды провинции Баккан. JSC «Environment analyzing and technique», 2014. 372. 192 с.
5. Строчкова Л.А., Фи Х.Т. Особенности инженерно-геологических условий г. Ханой (Вьетнам). Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 336 с.
6. Вода. Общие требования к отбору проб. ГОСТ Р 51592-2000. М. : Изд-во стандартов, 2000. 34 с.
7. Nash J.E., Sutcliffe J.V. River flow forecasting through conceptual models part I – A discussion of principles // Journal of Hydrology. 1970. Vol. 10 (3). P. 282–290.
8. Методические указания. Проведение расчетов фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков. РД 52.24.622–2001. М. : Федер. служба России по гидрометеорологии и мониторингу окруж. среды, 2001. 68 с.
9. Савичев О.Г., Колоколова О.В., Жуковская Е.А. Состав и равновесие донных отложений р. Томь с речными водами // Геоэкология. 2003. № 2. С. 108–119.
10. Алёкин О.А. Основы гидрохимии. Л. : Гидрометеоиздат, 1970. 444 с.
11. Предельно допустимые концентрации (ПДК) химических веществ в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования. ГН 2.1.5.1315-03. М. : Минздрав РФ, 2003. 93 с.
12. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. Гигиенические требования к обеспечению безопасности систем горячего водоснабжения. СанПиН 2.1.4.1074-01. С изм. На 28.06.2010. М. : Минздрав РФ, 2010. 255 с.

13. ГОСТ Вьетнама. QCVN 01:2009/ BYT. Национальный технический стандарт (Вьетнам) на качество питьевых вод. Ханой : Министерство здравоохранения Вьетнама, 2009. 9 с.
14. Grenthe I., Puigdomenech I. Symbols, standards and conventions // Modelling in aquatic chemistry / ed. I. Grenthe, I. Puigdomenech. Paris : Nuclear energy agency, 1997. P. 35–68.
15. Шварцев С.Л. Гидрогеохимия зоны гипергенеза. М. : Наука, 1998. 366 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 6 июля 2015 г.

THE CHEMICAL COMPOSITION AND QUALITY OF GROUND WATERS IN THE WATERSHED OF THE GAM AND KAU RIVERS (NORTHERN VIETNAM)

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 251–256. DOI: 10.17223/15617793/398/39

Savichev Oleg G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: OSavichev@mail.ru

Nguyen Van Luyen. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: luyennv@yahoo.com.

Keywords: ground waters; chemical composition; Northern Vietnam.

On the basis of the given geochemical research executed in 2010–2014, the general characteristic of the chemical composition and quality of ground waters in the watershed of the Gam and Kau rivers in the territory of Vietnam (Chodon District, Bacchan Province, northern Vietnam) is received. The ground waters in the watershed of the Gam and Kau rivers are generally characterized as fresh, hydrocarbonate calcium, subacidic or neutral. In some cases they contain Fe, Zn, Cd, Mn, As, Al, Si in the quantity appreciably exceeding the specifications of the economic-drinking water use established in the Russian Federation and in Vietnam. Features of existential changes of the chemical composition of the ground waters are defined by the geological conditions (deposits of plumbum and zinc and, probably, manganous ores with increased concentration of secondary elements), intraannual distribution of atmospheric humidifying (maxima in July and August) and local environmental contamination in settlements located near the working and closed mountain enterprises. The greatest concentration of trace elements is marked within the limits of the Ban Thi River watershed, perspective from the point of view of carrying out prospecting works, and in the year during rains. At the same time, it is necessary to note that despite a long history of extraction of plumbum-zinc ores on separate sites of the researched territory, the ground water objects possess certain stability in relation to anthropogenous influences and an ability of self-restoration. This ability, the authors believe, is defined, first of all, by the same intensive water exchange in rocks. In turn, the latter is determined by plentiful atmospheric humidifying, significant slopes and filtration properties of grounds, as well as by forest vegetation in the watershed territory that provides for the stability of slopes: these are conditions limiting the area and time of interaction of waters, soils and rocks. The mentioned circumstances are expedient for taking into account when developing mineral deposits, planning and organizing nature protection actions, especially in the basin of the Ban Thi River.

REFERENCES

1. Dao Manh Tien. (1984) *Metodologiya i osobennosti geokhimicheskoy spetsializatsii granitoidnykh formatsiy Severnogo V'etnama* [Methodology and features of geochemical specialization of granitoid formations of Northern Vietnam]. Geology and Mineralogy Cand. Diss. Baku: Azerbaijan State University.
2. Do Van Phi, Khoang Min', Do Van Ay. (2000) Pervye rezul'taty ispol'zovaniya geokhimicheskogo modelirovaniya v issledovanii svintsovo-tsinkovoy zony na yuge uezda Chodon' [The first results of the use of geochemical modeling in the study of lead-zinc zone in the south of Chodon]. *Geologiya i mineraly*. 7. pp. 235–250.
3. Nguen Khong Kuang et al. (2011) *Otsenka tekushchego sostoyaniya okruzhayushchey sredy v gornodobyvayushchey promyshlennosti v Severo-Vostochnoy rayone (V'etnam)* [Assessing the current state of the environment in the mining industry in the North-East region (Vietnam)]. Hanoi: Institute of Geosciences and Mineral Resources.
4. Nguen Man' Kha et al. (2014) *Ezhegodnyy monitoring okruzhayushchey sredy v provintsii Bakkan. 2013–2014 gg.* [Annual monitoring of the environment in Bakkan province]. Bakkan: Department of Natural Resources and Environmental Protection of Bakkan Province. JSC Environment Analyzing and Technique.
5. Strokovaya, L.A. & Fi Kh.T. (2013) *Osobennosti inzhenerno-geologicheskikh usloviy g. Khanoy (V'etnam)* [Features of engineering-geological conditions of Hanoi (Vietnam)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
6. State Standard GOST R 51592-2000. (2000) *Voda. Obshchie trebovaniya k otboru prob* [Water. General requirements for sampling]. Moscow: Izdvo standartov.
7. Nash, J.E. & Sutcliffe, J.V. (1970) River flow forecasting through conceptual models part I – A discussion of principles. *Journal of Hydrology*. 10 (3). pp. 282–290.
8. Federal Service of Russia for Hydrometeorology and Monitoring of the Environment. (2001) *Metodicheskie ukazaniya. Provedenie raschetov fonovykh kontsentratsiy khimicheskikh veshchestv v vode vodotokov. RD 52.24.622–2001* [Guidelines. Calculations of background concentrations of chemicals in the water streams. RD 52.24.622–2001]. Moscow: Federal Service of Russia for Hydrometeorology and Monitoring of the Environment.
9. Savichev, O.G., Kolokolova, O.V. & Zhukovskaya, E.A. (2003) Composition of the Tom' River bottom sediments and their equilibrium with river water. *Geoekologiya*. 2. pp. 108–119. (In Russian).
10. Alekin, O.A. (1970) *Osnovy gidrokhimii* [Basics of hydrochemistry]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
11. Russian Ministry of Health. (2003) *Predel'no dopustimye kontsentratsii (PDK) khimicheskikh veshchestv v vode vodnykh ob'ektov khozyaystvenno-pit'evogo i kul'turno-bytovogo vodopol'zovaniya. GN 2.1.5.1315-03* [Maximum permissible concentration (MPC) of chemicals in water for drinking and community use. GN 2.1.5.1315-03]. Moscow: Russian Ministry of Health.
12. Russian Ministry of Health. (2010) *Pit'evaya voda. Gigienicheskie trebovaniya k kachestvu vody tsentralizovannykh sistem pit'evogo vodosnabzheniya. Kontrol' kachestva. Gigienicheskie trebovaniya k obespecheniyu bezopasnosti sistem goryachego vodosnabzheniya. SanPiN 2.1.4.1074-01. S izm. na 28.06.2010* [Drinking water. Hygienic requirements for water quality of centralized drinking water supply systems. Quality control. Hygienic requirements to ensure the safety of hot water systems. Sanitary Regulations and Standards 2.1.4.1074-01. Rev. on 28.06.2010]. Moscow: Russian Ministry of Health.
13. State Standard of Vietnam. QCVN 01:2009/ BYT. (2009) *Natsional'nyy tekhnicheskyy standart (V'etnam) na kachestvo pit'evykh vod* [National Technical Standard (Vietnam) on the quality of drinking water]. Hanoi: Ministry of Health of Vietnam.
14. Grenthe, I. & Puigdomenech, I. (1997) Symbols, standards and conventions. In: Grenthe, I. & Puigdomenech, I. (eds.). *Modelling in aquatic chemistry*. Paris: Nuclear energy agency.
15. Shvartsev, S.L. (1998) *Gidrogeokhimiya zony gipergenez* [Hydrogeochemistry of the supergenesis zone]. Moscow: Nauka.

Received: 06 July 2015

УДК 553.78

А.М. Фархутдинов, Р.А. Исмагилов, И.М. Фархутдинов, С.В. Черкасов, М.Ш. Минцаев

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ВОД ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА БАЗЕ ОПЫТА АНАЛОГИЧНЫХ РАБОТ ВО ФРАНЦИИ (ПАРИЖСКИЙ БАССЕЙН)

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (договор № 02.G25.31.0056).

Рассмотрены вопросы использования теплоэнергетических вод как одного из видов возобновляемой энергии. Представлена современная ситуация по разработке геотермальных вод в России и ее наиболее перспективных регионах – Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Приведен сравнительный обзор геотермальных месторождений Чеченской Республики и Парижского бассейна. Проанализированы преимущества использования технологии «дублетов» в разработке геотермальных резервуаров – замкнутого контура, состоящего из продуктивной и нагнетательной скважин. Изложены перспективы проекта по созданию пилотной геотермальной станции на базе XIII пласта Ханкальского месторождения.

Ключевые слова: альтернативные источники энергии; теплоэнергетические воды; Ханкальское месторождение; Парижский артезианский бассейн.

Последние годы все больше внимания уделяется возобновляемым источникам энергии, использование которых является одним из показателей уровня развития государства. Важное положение среди возобновляемых энергетических ресурсов занимают теплоэнергетические, или геотермальные, воды. Согласно российской классификации подземные воды, имеющие температуру более 35°C, относят к теплоэнергетическим, которые подразделяют на низкопотенциальные с температурой 35–70°C, среднетенциальные – 70–100°C и высокопотенциальные с температурой более 100°C. Они могут экономически эффективно использоваться как природный энергоноситель для отопления, горячего водоснабжения, выработки электроэнергии и т.д.

Выделяются следующие преимущества геотермальных ресурсов в сравнении с традиционными источниками энергии: повсеместность распространения, возобновляемость, практическая неиссякаемость, близость к потребителю, локальность обеспечения потребителя тепло- и электроэнергией, полная автоматизация, безопасность, практическая безлюдность добычи геотермальной энергии, экономическая конкурентоспособность, возможность комплексного использования, полная независимость от условий окружающей среды, времени суток и года, экологическая чистота [1]. Для сравнения: угольная электростанция выделяет в 24 раза больше двуоксида углерода, в 10 837 раз больше диоксида серы и в 3 865 раз больше оксида азота за мегаватт-час, чем геотермальная [2. С. 2]. В то же время разработка теплоэнергетических вод имеет следующие недостатки: высокие удельные капитальные затраты, геологические риски, сложная не транспортабельность и трудности складирования, ограниченность промышленного опыта. В Российской Федерации сюда также относится отсутствие специальной законодательной базы и систем страхования.

Всего в России разведано 66 месторождений теплоэнергетических вод с производительностью более 240 тыс. м³/сут термальных вод и более 105 тыс. м³/сут парогидротерм, пробурено свыше 4 000 скважин для использования геотермальных ре-

сурсов [3. С. 62]. Строительство электростанций и установка сетей отопления на базе данного источника энергии являются экономически и экологически выгодными, а запасы геотермальных вод нашей страны с температурой от 40–200°C (с глубиной залегания до 3,5 км) могут обеспечить около 14 млн м³ горячей воды в сутки, что эквивалентно сжиганию 30 млн т условного топлива (за единицу условного топлива принята теплотворная способность 1 кг каменного угля – 29,3 МДж, или 7 000 ккал). [4. С. 15].

В РФ наиболее перспективными для разработки геотермальных вод являются Северный Кавказ и Дальний Восток. Дальний Восток – это средне- и высокопотенциальные термальные воды (75–250°C, глубины 600–2 000 м), которые используются для производства электроэнергии (с 1966 г. построено и введено в эксплуатацию пять геотермальных электростанций). На Северном Кавказе широкое распространение получили низко- и среднетенциальные термальные воды (50–150°C, с глубинами 1 000–3 000 м), которые частично могут быть вовлечены в выработку электроэнергии (минимальная температура при достаточных дебитах экономически выгодная для этой цели 100°C), а также бальнеологию, отопление и т.д. Гидрогеотермальные ресурсы только одного Восточно-Предкавказского артезианского бассейна оцениваются в 10 000 МВт тепловой и 1 000 МВт электрической мощности [5. С. 18].

К сожалению, геотермальные воды в настоящее время нашли широкое применение лишь в нескольких регионах страны: Камчатка и Курильские острова, Краснодарский край и Дагестан. Причем в Краснодарском крае и Дагестане эффективность эксплуатации среднетенциальных геотермальных вод, идущих на производства тепла, невысока, и одной из причин является слив отработанных вод на рельеф без обратной закачки.

Мировой потенциал изученных геотермальных ресурсов составляет 0,2 ТВт электрической и 4,4 ТВт тепловой мощности. Около 70% этого потенциала приходится на месторождения с температурой флюида менее 130°C. При этом всего лишь 3,5% мирового

геотермального потенциала используется для выработки электроэнергии и 0,2% идет на получение тепла [3. С. 101]. В последнее время наблюдается расширение областей использования и увеличение объемов использования геотермальных ресурсов.

Среди стран, достигших хороших результатов в использовании низко- и среднепотенциальных термальных вод, – Франция, основной объект эксплуатации – резервуар возраста Доггер (средний отдел юрской системы) в Парижском артезианском бассейне. Он является внутриплатформенным осадочным бассейном почти овальной формы, простирающимся на севере Франции на территории около 110 000 км². Образование Парижского артезианского бассейна связывают с рифтогенезом в перми – триасе. Формации геотермального резервуара протягиваются на более чем 15 000 км², располагаясь на глубинах от 1 500 до 2 000 м. Наиболее продуктивные слои представлены оолитовыми известняками мощностью от 5 до 45 м, относящимися к Батскому ярусу. В среднем общая толщина продуктивного слоя порядка 20 м, с 10–15 высокопроницаемыми (2–20 дарси) слоями. Пластовые температуры резервуара меняются от 55 до 80°C, геотермический градиент данной территории – от 2,75 до 4,1°C/100 м. Минимальными температурами характеризуются участки на глубине 1 650 м северо-восточнее Парижа, где средний температурный градиент равен 2,75°C/100 м. Эта территория относится к аномальной зоне, существование которой объясняется перемещением холодных вод из перекрывающих горизонтов вниз к резервуару. Максимальный градиент в 4,1°C/100 м относится к району Валь-де-Марн, юго-восточнее Парижа. В среднем геотермальные воды на устье продуктивных скважин имеют температуру 70°C, при среднем дебите 175 м³/ч. В нагнетательную скважину воды идут уже после снятия теплового потенциала, при 45°C и аналогичных дебитах. Минерализация специфична для определенных продуктивных слоев и не обязательно зависит от глубины, меняясь от 6,4 до 35 мг/л. Минимальная минерализация относится к юго-востоку резервуара, где он выходит на поверхность. Воды содержат большое количество сульфидов (содержание H₂S 5–100 мг/л, SO₄ 300–1200 мг/л), что приводит к коррозии скважинного оборудования.

Разработке геотермального резервуара Парижского бассейна благоприятствовали три технических и экономических фактора [6. С. 343]:

- наличие продуктивного резервуара теплоэнергетических вод на рациональной глубине с характеристиками (температура и дебиты), подходящими для обеспечения сетей отопления;
- наличие рынка сбыта тепла с высоконаселенными территориями, подходящими для использования низко- и среднетемпературных вод;
- государственные меры страхования, стимулирующие разработку нового возобновляемого ресурса энергии.

Кроме этого, стимулом к интенсивному развитию геотермальной теплоэнергетики во Франции явились энергетические кризисы.

Первая скважина для разработки теплоэнергетических ресурсов резервуара Парижского бассейна пробурена в 1962 г. в Карьер-сюр-Сьен. Изначально после снятия теплового потенциала планировалось сливать отработанную воду в р. Сену, но минерализация вод оказалась гораздо выше, чем ожидалось, и скважину пришлось закрыть. После первого неудачного опыта развитие технологии «дублетов» (рис. 1) сделало возможным геотермальную эксплуатацию в Парижском бассейне. Она заключается в нагнетании всей использованной термальной воды обратно в резервуар, что уменьшает до минимума воздействие на окружающую среду и сохраняет пьезометрический уровень в продуктивных скважинах.

Впоследствии через семь лет пробурена скважина в Мелене (Melun l'Almont) (1969 г.), а нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг. способствовали последующим эксплуатационным работам. Главной целью был резервуар в отложениях возраста Доггер, и почти все операционные установки использовали систему дублетов, состоящую из закрытого контура добывающей и нагнетательной скважины. Основной «геотермальный пик» в разработках пришелся на 1980-е гг.: всего установлено 55 систем дублетов, из них 34 являются действующими [7. С. 3].

Зарубежный опыт строительства геотермальных станций с циркуляционными системами показывает, что наиболее эффективными являются технические решения, состоящие из дублетов скважин. Подобные станции компактно размещаются в густонаселенных местностях и успешно эксплуатируются во Франции, США, Германии, Исландии и многих других странах [8. С. 88].

Серьезными проблемами эксплуатации в Парижском бассейне явились коррозия и осаждение сульфидов железа в скважинах, приведшие к прогрессирующему снижению дебитов. Для их решения были приняты меры по механической очистке скважин с последующим использованием ингибиторов коррозии в качестве превентивных мероприятий.

С момента установки первой работающей скважины прошло более 40 лет, и ни в одном из действующих дублетов не произошло существенного снижения температуры воды. В силу технических и экономических причин, но не в результате истощения ресурса, 42 скважины (21 дублет) были закрыты. Вместе с тем до сих пор считается, что природный тепловой поток является недостаточным для поддержания температур на неопределенный срок. В настоящее время французскими учеными ведется работа по обновлению и переинтерпретации данных по Парижскому бассейну с целью увеличения продолжительности использования геотермальных ресурсов. По прогнозам экспертов, геотермальная энергия будет оставаться неотъемлемой частью системы отопления в Парижском бассейне как минимум еще 40 лет [6. С. 355].

В России одной из перспективных территорий для использования термальных вод является Чеченская Республика, которая занимает третье место среди регионов (1-е место – Камчатка, 2-е – Дагестан) по подтвержденным запасам теплоэнергетических вод (по категориям А+В+С – 64,680 тыс. м³/сут).

Территория Чечни относится к южной части Восточно-Предкавказского артезианского бассейна, в тектоническом отношении находится на стыке горно-складчатой области Большого Кавказа и Предкавказского передового прогиба. Геотермальные ресурсы Чечни сосредоточены в геологических формациях миоценового возраста, караганском и чокракском горизонтах. Выделяют до 24 продуктивных слоев, сложенных в основном кварцевым песчаником, разделенных непроницаемыми глинистыми слоями. Мощность продуктивных слоев колеблется от 6 до 100 м. Ресурсы теплоэнергетических вод

формируются в областях выхода водопроницаемых отложений на дневную поверхность на территории Черных гор на юге республики, далее движение вод происходит в северном направлении. Области питания частично совпадают с областями транзита [9. С. 38–39].

Всего в Чеченской Республике открыто 14 месторождений теплоэнергетических вод (рис. 1): Ханкальское, Гойтинское, Новощедринское, Дубовское, Каргалинское, Щелковское, Червленское, Герменчукское, Гудермесское, Гунюшки, Комсомольское, Новогрозненское, Петропавловское и Центральное-Бурунное.

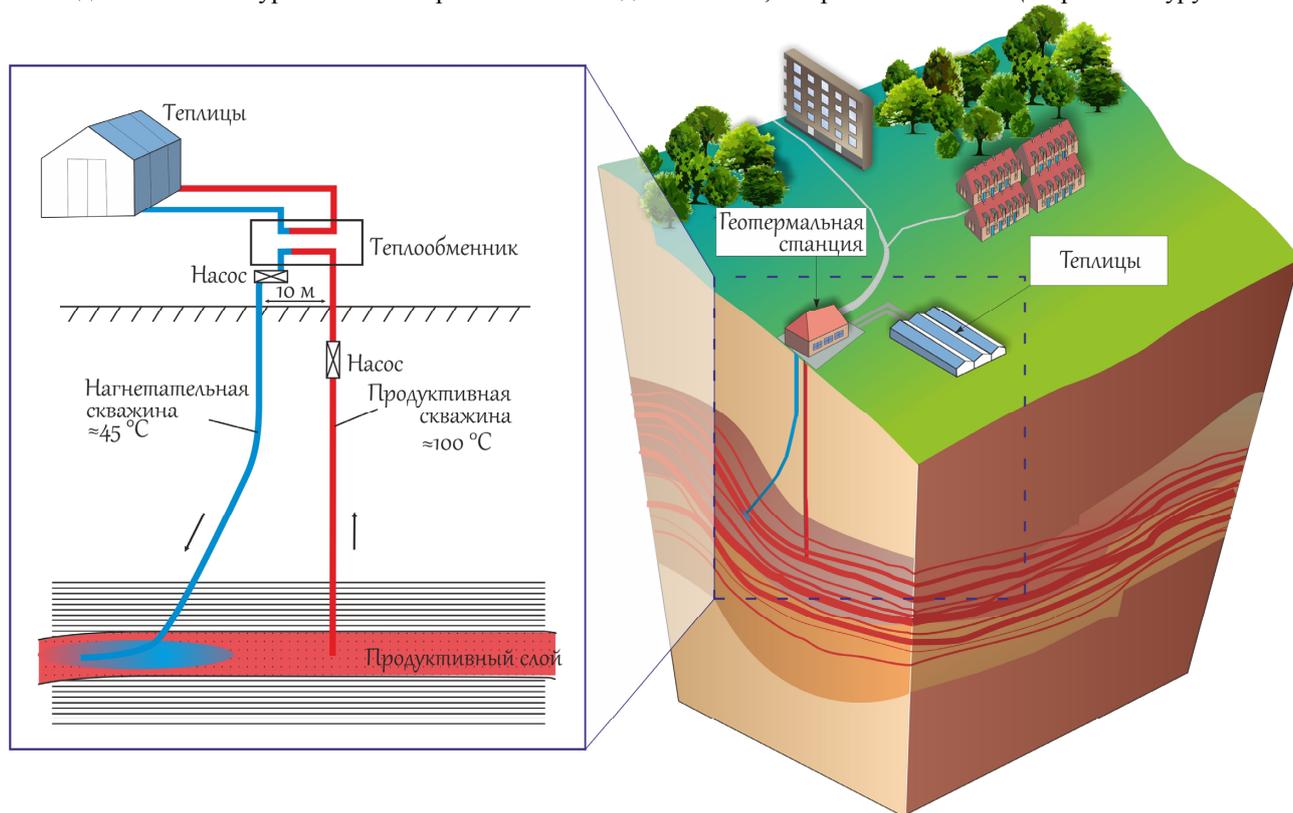

Рис. 1. Схематический рисунок дублета Ханкальского месторождения

Первые фундаментальные исследования по геотермии на территории Чечни, тогда еще субъекта СССР, проведены примерно в то же время, что и во Франции, в 1970-е гг. Наиболее активно работы велись на крупнейшем месторождении термальных вод республики – Ханкальском. В отопительный период 1981–1982 гг. был реализован эксперимент по нагнетанию вод в геотермальный резервуар при разработке самого продуктивного XIII пласта месторождения. В эксплуатации в то время находились четыре продуктивные (1-т, 4-т, 27-32, 33-28) и три нагнетательные скважины (29-25, 33-25, 31-25). В результате добыто дополнительно около 300 тыс. м³ теплоэнергетических вод, пьезометрический уровень по пласту удалось поднять на 14 м, была установлена хорошая гидродинамическая связь между нагнетательными и эксплуатационными скважинами в сводовой части структуры и, несмотря на высокую скорость продвижения фронта закачиваемых вод, температурный режим продуктивных скважин не изменился. К 1989 г. по XIII пласту функцио-

нировали уже семь эксплуатационных и пять нагнетательных скважин [10. С. 110–112] (рис. 2).

До 1994 г. в Чеченской Республике осуществлялось использование глубинного тепла Земли в практических целях. Всего в то время существовали 15 термоводозаборов, 11 из которых были действующими, а 4 простаивали по тем или иным причинам. Годовая добыча в тот период достигла 8,8 млн м³ термальной воды, основным потребителем которой было сельское и коммунальное хозяйство – 96% от всего водопотребления. Остальная вода использовалась в бальнеологии и розливе минеральной воды [11. С. 93]. Но из-за начала войны и последовавших экономических проблем ее использование в промышленных масштабах прекратилось.

После 1994 г. теплоэнергетические воды Чеченской Республики используются местным населением кустарным способом, со сливом отработанной воды на рельеф (рис. 3) [12. С. 889].

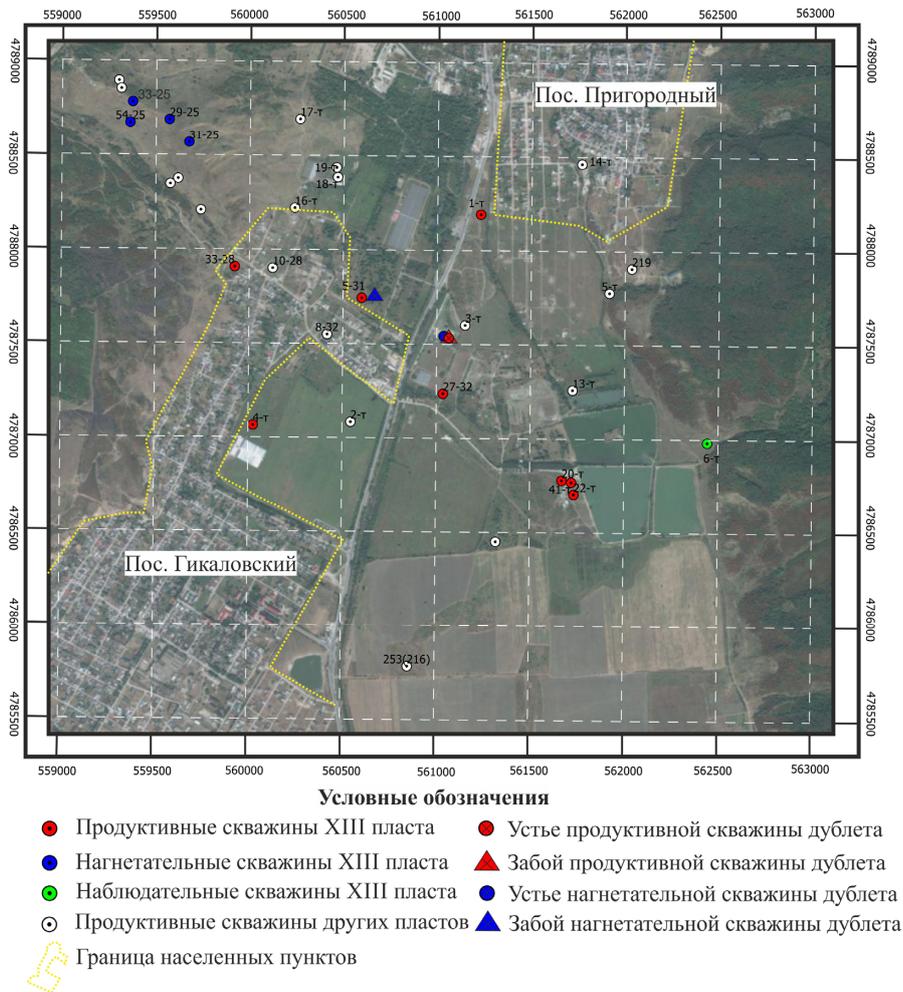

Рис. 2. Ханкальское месторождение теплоэнергетических вод

Рис. 3. Скважины 27-32, 14-т, 5-31 Ханкальского месторождения теплоэнергетических вод (слева направо)

В сравнении с резервуаром возраста Доггер Парижского бассейна месторождения термальных вод Чечни имеют ряд преимуществ (таблица):

- более высокая температура флюида (+10–15°C);
- низкая минерализация вод, что означает небольшую коррозионную активность;
- сравнительно большая мощность некоторых продуктивных слоев (к примеру, средняя мощность XIII пласта Ханкальского месторождения – 47 м);

а также следующие недостатки:

- продуктивные пласты опробовались только в режиме самоизлива при сравнительно низких дебитах;
- пласты представлены песчаниками с прослоями и линзами глин, что может негативно влиять на приемистость скважин;
- сложная тектоническая структура месторождений, присутствие разломов.

Сравнение основных характеристик месторождений геотермальных вод Чечни и Парижского бассейна

Название месторождения	Глубины, м	Температура воды на устье, °С	Дебит по различным скважинам, м ³ /сут	Минерализация, г/л	Утвержденные запасы	
					ГКЗ СССР, тыс. м ³ /сут	ЦКЗ РАО Газпром (01.01.2001), тыс. м ³ /сут
Ханкальское	600–1950	65–98	285–2520	0,7–3,7	9,5 (забалансовые 7,6)	21,5
Гойтинское	1560–2470	70–81	800–1800	0,6–2,0	1,15	–
Новогрозненское	1245–1420	73–81	600–1000	0,7–1,6	3,41	–
Гунюшки	1230	80	1500	1,6	–	1,5
Червленное	3300–3500	69–83	1260–1700	1,5–6,2	–	5,2
Герменчукское	2800–3300	83	1000	–	–	1,0
Каргалинское	3000–3200	90–103	1600–3300	1,3–13,6	–	5,0
Гудермесское	895–915	61	600	1,2–2,4	–	1,0
Комсомольское	2688–2710	105	2200	2,3–4,7	–	2,0
Центрально-Бурунное	2730–2820	100	1200–1630	3–4	–	3,4
Петропавловское	3620–3630	71	1030	0,7–1,3	–	3,0
Парижский бассейн (Доггер)	1500–2000	58–85	1200–14400	6–38,8	–	–

Сегодня Чечня испытывает дефицит углеводородного сырья, и чистые, возобновляемые и надежные внутренние источники энергии могли бы помочь стабильно развивать экономику региона. В то же время большой потенциал геотермальных вод, выявленных в республике, остается невостребованным и не играет существенной роли в топливно-энергетическом балансе. Технология установки дублетов со 100%-ной обратной закачкой воды в резервуар в России не используется. В Северо-Кавказском регионе, где множество старых нефтяных и газовых скважин в настоящее время дают геотермальные воды, последние, как правило, после снятия теплового потенциала сливаются на поверхность, что оказывает негативное влияние на окружающую среду.

При осуществлении бурения по методу дублета планируемое расстояние между устьями нагнетательной и продуктивной скважин составляет около 10 м, при этом территория, отчуждаемая под водозабор и зону его санитарной охраны, уменьшается в разы. В условиях российских реалий близкое расположение скважин и геотермальной станции является важным с практической точки зрения, поскольку компактную область легче проконтролировать, в отличие от скважин, расположенных на расстоянии нескольких километров. Утвержденные эксплуатационные запасы месторождений геотермальных вод в случае использования дублетов должны быть пересчитаны, так как заявленный дебит продуктивной скважины будет зависеть также от приемистости нагнетательной, что является одной из основных проблем продуктивных слоев, представленных песчаником.

За последние десятилетия в мире было произведено множество исследований по геотермии, к примеру дублеты прошли 5 «поколений» – от двух вертикальных скважин, пробуренных с двух разных буровых площадок, до двух субгоризонтальных, с одной буровой площадки. Во Франции после 40 лет эксплуатации в некоторых дублетах столкнулись с проблемой развития холодного фронта в результате закачки воды обратно в резервуар, что, по прогнозам, в скором времени приведет к постепенному снижению температуры в продуктивных скважинах. Предложены различ-

ные методы решения этой проблемы, к примеру строительство реверсивных скважин и сезонная (зима – лето) закачка-получение термальной воды [13. С. 69]. Многие исследователи ставят на первый план проблему «устойчивости» использования геотермального резервуара [14. С. 267]. С 1970-х гг. создан ряд компьютерных программ для моделирования длительной обратной закачки вод (Comsol, Tough2, Metis, Marthe, Opegeosys и др.), позволяющих спрогнозировать и правильно выбрать вариант разработки ресурса термальных вод.

При детальном, всестороннем изучении месторождений геотермальных вод Чечни и правильном выборе параметров эксплуатации можно достичь действительно устойчивого использования ресурса как минимум в течение 25 лет, т.е. амортизационного срока, когда, возможно, потребуются замена скважинного оборудования. По оценкам ряда исследователей, в случае устойчивой разработки временной отрезок, в течение которого не должно произойти существенного снижения температуры в продуктивной скважине, составляет 30–40 лет.

В 2013 г. Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова, ООО «АрэнСтройцентр» и Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН (ГТМ РАН) в составе консорциума «Геотермальные ресурсы» при поддержке Минобрнауки и научном сопровождении BRGM («Бюро геологических и горных исследований», Франция) начали проект по строительству пилотной геотермальной станции, использующей воды XIII продуктивного пласта Ханкальского месторождения Чеченской республики. Планируемая тепловая мощность – 5,45 Гкал/ч, потребителем будет являться тепличный комплекс. К сожалению, паспорта скважин Ханкальского месторождения и многая другая информация были утеряны в результате военных событий на территории Чечни. По этой причине первую продуктивную скважину дублета было решено сделать вертикальной в целях уточнения геологии продуктивных пластов, следующую нагнетательную – наклонной для развода забоев на необходимое расстояние, так как предстоит обратная закачка воды с температурой 45°C (рис. 2, 4).

Рис. 4. Расположение месторождений геотермальных вод Чеченской Республики.

Звездочкой на карте обозначены месторождения: 1 – Ханкальское; 2 – Гойтинское; 3 – Петропавловское; 4 – Герменчукское; 5 – Гуношски; 6 – Новогрозненское; 7 – Гудермеское; 8 – Центральное Бурунное; 9 – Червленное; 10 – Комсомольское; 11 – Щелковское; 12 – Новошедринское; 13 – Каргалинское; 14 – Дубовское

К концу 2015 г. намечено завершение строительства станции, что позволит начать новый этап в исследовании и разработке по геотермии. В связи с необходимостью подготовки кадров для дальнейшего развития геотермальной энергетики планируется создание научно-исследовательского центра использования геотермальной энергетики, в том числе как базы для изучения геотермальных ресурсов студентами и специалистами при их переподготовке. Данный центр будет востребован для научного обеспечения использования и строительства геотермальных станций как в Чечне, так и за ее пределами.

Вследствие того что по техническим параметрам данная станция не имеет аналогов в РФ, стоимость ее строительства возрастает на величину НИОКР. В дальнейшем руководящая организация будет иметь возможность монтажа аналогичных станций, причем за счет низких экс-

плуатационных затрат выработки теплоэнергии себестоимость 1 Гкал тепла будет сравнительно низкой, что позволит конкурировать на целевом рынке [15. С. 65]. Существующие прогнозы предсказывают рост доли геотермальной энергетики в общем производстве энергии и ее экономической эффективности как в ближайшие годы, так и на период до 2050 г. [16. С. 316].

Результаты данного проекта позволяют более точно оценить экономическую эффективность использования среднетемпературных геотермальных вод в условиях российской действительности. В случае успеха возможны работы по вводу в эксплуатацию 13 других уже открытых месторождений на территории Чечни. Развитие геотермальной энергетики в Чеченской республике даст возможность существенно улучшить уровень экономики региона без вреда для экологии, создать платформу для расширения научных исследований по геотермии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский Э.И. Использование геотермальной энергии для целей теплоснабжения // Экологические системы : электрон. журн. энерго-сервисной компании. 2010. № 3 (99). URL: http://esco-ecosys.narod.ru/2010_3/art260.htm
2. Kagel A., Bates D., Gawell K. A Guide to Geothermal Energy and the Environment. Washington, DC : Geothermal Energy Association, 2007. 75 p.
3. Алхасов А.Б. Возобновляемая энергетика. М. : Физматлит, 2010. 255 с.
4. Поваров О.А., Томаров Г.В., Кошкин Н.А. Состояние и перспектива развития геотермальной энергетики в России // Теплоэнергетика. 1994. № 2. С. 15–22.
5. Алхасов А.Б., Алхасова Д.А. Перспективы освоения геотермальных ресурсов Восточного Предкавказья // Юг России: экология, развитие. 2013. № 3. С. 17–26.
6. Lopez S., Hamm V., Le Brun M., Schaper L., Boissier F., Coitiche C., Giuglaris E. 40 years of Dogger aquifer management in Ile-de-France, Paris Basin, France // Geothermics. 2010. № 39. P. 339–356.
7. Ungemach P., Antics M. Papachristou, Sustainable geothermal reservoir management // Proceedings of the World Geothermal Congress 2005. Antalya, Turkey. M., 2005. P. 12.
8. Малышев Ю.Н., Таймасханов Х.Э., Заурбеков Ш.Ш., Минцаев М.Ш. Геотермальные ресурсы Чеченской Республики: состояние и перспективы // GEOENERGY : материалы междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 83–91.

9. Фархутдинов А.М., Фархутдинов И.М., Исмагилов Р.А., Черкасов С.В. Перспективы использования геотермальных вод в Предкавказской предгорной зоне (Ханкальское месторождение) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19, № 4. С. 34–43.
10. Миццаев М.Ш. Отчет о научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе «Геологические, гидрогеологические и геохимические исследования Ханкальского месторождения». Грозный, 2013. 134 с.
11. Фархутдинов А.М., Фархутдинов И.М., Исмагилов Р.А. История открытия и разработки Ханкальского месторождения термальных вод // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 1. С. 93–97.
12. Гареев А.М., Фархутдинов А.М., Фархутдинов И.М., Черкасов С.В. Современное состояние и перспективы использования теплоэнергетических вод Российской Федерации (на примере Ханкальского месторождения) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 3. С. 887–892.
13. Réveillère A., Hamm V., Lesueur H., Cordier E., Goblet P. Geothermal contribution to the energy mix of a heating network when using Aquifer Thermal Energy Storage: modeling and application to the Paris basin // *Geothermics*. 2013. № 47. P. 69–79.
14. Ungemach P., Antics M., Lalos P. Sustainable geothermal reservoir management – a modelling suite. Proc. Australia Geothermal Energy Conference, 16–18th Nov. 2011, Melbourne, Geoscience Australia Record 2011/43. P. 267–275.
15. Мальшиев Ю.Н., Таймасханов Х.Э., Заурбеков Ш.Ш., Миццаев М.Ш. Перспективы развития геотермальной энергетики в Чеченской Республике // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. № 1. С. 63–67.
16. Черкасов С.В., Чурикова Т.Г., Бекмурзаева Л.Р., Гордейчик Б.Н., Фархутдинов А.М. Состояние и перспективы использования геотермальных ресурсов в Российской Федерации // GEOENERGY : материалы междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 303–322.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 18 июня 2015 г.

PROSPECTS FOR THE USE OF GEOTHERMAL WATERS IN THE CHECHEN REPUBLIC BASED ON THE EXPERIENCE OF SIMILAR WORKS IN FRANCE (PARIS BASIN)

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 257–264. DOI: 10.17223/15617793/398/40

Farkhutdinov Anwar M. Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: anvarfarh@mail.ru

Ismagilov Rustem A. Institute of Geology, Ufimian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: rustem_ismagilov@bk.ru

Farkhutdinov Ishag M. Vernadsky State Geological Museum of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: iskhakgeo@gmail.com

Mintshev Mahomed Sh. Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov (Grozny, Russian Federation). E-mail: ranas@rambler.ru

Keywords: alternative energy sources; geothermal waters; Khankala deposit; Paris Artesian Basin.

Geothermal waters are underground waters with temperatures above 35 °C, which are considered as one of the renewable alternative energy resources. Geothermal waters can be cost-effectively used as a natural source of energy for heating, hot water supply, power generation, etc. The main advantages of geothermal resources in comparison with traditional sources of energy are: renewability, inexhaustibility, complex use, complete independence from environmental conditions, time of day and year, environmental cleanliness. There are 66 explored geothermal water deposits in Russia, and one of the most promising areas is the Chechen Republic, which ranks third among the regions of proven reserves. Since the 1970s, there was an active development, especially at the biggest Khankala deposit. However, in 1994, as a result of the tragic events that occurred on the territory of the republic, the exploitation was stopped, and now geothermal waters are not used industrially. One of the countries that have achieved good results in the use of the geothermal waters of similar temperature and depth is France, where the main object of exploitation is the Dogger reservoir (Middle Jurassic) in the Paris Artesian Basin. Originally, it was planned to discharge used water into the Seine, but because of their high mineralization this project was abandoned. The development of “doublet” technology, which consists of injection and production wells, made geothermal exploitation in the Paris Basin possible. Use of this technology minimizes adverse effects on the environment and maintains the piezometric level in the production wells. In Russia, this technique is not applied and will be tested for the first time at the Khankala geothermal waters deposit. In 2013, Grozny State Oil Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov, Arenstroicentr company and Vernadsky State Geological Museum of the Russian Academy of Sciences within the Geothermal Resources consortium with the support of the Ministry of Education and Science, scientific supervision of BRGM (Bureau of Geological and Mining Research, France) launched a project to build an experimental geothermal station on the basis of the most promising XIII layer of the Khankala deposit with a planned capacity of 5.45 Gcal/h and a greenhouse complex as a consumer. If successful, this project will allow assessing the economic efficiency of medium temperature thermal waters use in the Chechen Republic, where there are 14 already explored deposits, and it will become a new stage in the utilization of geothermal water in the region.

REFERENCES

1. Boguslavskiy, E.I. (2010) Ispol'zovanie geotermal'noy energii dlya tseley teplosnabzheniya [The use of geothermal energy for heating]. *Ekologicheskies sistemy*. 3 (99). [Online]. Available from: http://esco-ecosys.narod.ru/2010_3/art260.htm.
2. Kagel, A., Bates D. & Gawell, K. (2007) *A Guide to Geothermal Energy and the Environment*. Washington, DC: Geothermal Energy Association.
3. Alkhasov, A.B. (2010) *Vozobnovlyayemaya energetika* [Renewable energy]. Moscow: Fizmatlit.
4. Povarov, O.A., Tomarov, G.V. & Koshkin, N.A. (1994) Sostoyanie i perspektiva razvitiya geotermal'noy energetiki v Rossii [Status and prospects of development of geothermal energy in Russia]. *Teploenergetika*. 2. pp. 15–22.
5. Alkhasov, A.B. & Alkhasova, D.A. (2013) Perspektivy osvoeniya geotermal'nykh resursov Vostochnogo Predkavkaz'ya [Prospects for the development of geothermal resources of the Eastern Pre-Caucasus]. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie*. 3. pp. 17–26.
6. Lopez, S. et al. (2010) 40 years of Dogger aquifer management in Ile-de-France, Paris Basin, France. *Geothermics*. 39. pp. 339–356.
7. Ungemach, P., Antics, M. & Papachristou, M. (2005) Sustainable geothermal reservoir management. *Proceedings of the World Geothermal Congress 2005*. 24–29 April 2005. Antalya. Turkey. pp. 24–29.
8. Malyshev, Yu.N. et al. (2015) [Geothermal resources of the Chechen Republic: Status and Prospects]. *GEOENERGY*. Proc. of the International Scientific and Practical Conference. 19–21 June 2015. Grozny: GGNTU. pp. 83–91. (In Russian).
9. Farkhutdinov, A.M. et al. (2014) Prospects for the use of geothermal waters in the Cis-Caucasian submontane zone (Khankala field). *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan – Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 19:4. pp. 34–43. (In Russian).

10. Mintshev, M.Sh. (2013) Otchet o nauchno-issledovatel'skoy i opytno-konstruktorskoy rabote "Geologicheskie, gidrogeologicheskie i geokhimicheskie issledovaniya Khankal'skogo mestorozhdeniya" [Report on the research and development work, "The geological, hydrogeological and geochemical studies of Khankaa field"]. Grozny.
11. Farkhutdinov, A.M., Farkhutdinov, I.M. & Ismagilov, R.A. (2014) History of discovery and development of the Khankala thermal waters deposit. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 19(1). pp. 93–97. (In Russian).
12. Gareev, A.M. et al. (2014) Current state and prospects of use of geothermal waters in Russia (on the example of the Khankala deposit). *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 19(3). pp. 887–892. (In Russian).
13. Réveillère, A. et al. (2013) Geothermal contribution to the energy mix of a heating network when using Aquifer Thermal Energy Storage: modeling and application to the Paris basin. *Geothermics*. 47. pp. 69–79. DOI: 10.1016/j.geothermics.2013.02.005
14. Ungemach, P., Antics, M. & Lalos, P. (2011) Sustainable geothermal reservoir management – a modelling suite. *Proc. Australian Geothermal Energy Conference*. 16–18th November 2011. Melbourne. Geoscience Australia Record 2011/43. pp. 267–275.
15. Malyshev, Yu.N. et al. (2014) Perspektivy razvitiya geotermal'noy energetiki v Chechenskoj Respublike [Prospects for the development of geothermal power in the Chechen Republic]. *Ustoychivoe razvitie gornykh territoriy – Sustainable Development of Mountain Territories*. 1. pp. 63–67.
16. Cherkasov, S.V. et al. (2015) [Status and prospects of the use of geothermal resources in the Russian Federation]. *GEOENERGY*. Proc. of the International Scientific and Practical Conference. 19–21 June 2015. Grozny: GGNTU. pp. 303–322. (In Russian).

Received: 18 June 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич – канд. филол. наук, ген. директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: keden-kz@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БЕЛЬСКАЯ Николь Сергеевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: nicole_belskaya@mail.ru

БЕЛЯЕВ Виктор Иванович – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета. E-mail: belyaevvi@mail.ru

ВАРДАНЫЯН Акоп Вараздатович – д-р юрид. наук, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России. E-mail: avardanyan@yandex.ru

ГОЛИКОВА Ольга Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: momsi@yandex.ru

ГРЕЧИШКИНА Светлана Викторовна – ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДУДАРЕНКО Вероника Викторовна – аспирант кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: veronika.andronova@gmail.com

ДЬЯЧЕНКО Ольга Николаевна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования Курского института развития образования. E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

ЕВСТАФЬЕВА Нина Михайловна – аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: nina.krupka@gmail.com

ИВАНОВА Ирина Сергеевна – канд. геол.-минерал. наук, науч. сотр. Института экологических проблем Севера Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск); науч. сотр. лаборатории гидрогеохимии и геоэкологии Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Российской академии наук; науч. сотр. проблемной научно-исследовательской лаборатории гидрогеохимии Томского политехнического университета. E-mail: IvanovaIS_1986@mail.ru

ИСМАГИЛОВ Рустем Айратович – канд. геол.-минерал. наук, гл. науч. сотр. лаборатории региональной геологии и геотектоники Института геологии Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: rustem_ismagilov@bk.ru

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КАМАЛЕЕВА Алсу Рауфовна – д-р пед. наук, зав. лабораторией естественнонаучной и общепрофессиональной подготовки Института педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования. E-mail: Kamaleyeva_kazan@mail.ru

КАН Валерия Сергеевна – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. сектора прикладной социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл). E-mail: kan-tuva@mail.ru

КАТЪКИНА Анна Николаевна – аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: anna.katkina@gmail.com

КОПИЛЕВИЧ Валерия Вадимовна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: vkopi@rambler.ru

КУЗОРО Кристина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: clio-2002@mail.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна – ст. преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: pavlovaal3@mail.ru

ЛЕВАШКИНА Зоя Николаевна – преподаватель кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: zoyagulik@sibmail.com

ЛЕПОКУРОВА Олеся Евгеньевна – канд. геол.-минерал. наук, зав. лабораторией гидрогеохимии и геоэкологии Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: LepokurovaOY@ipgg.sbras.ru

ЛОГИНОВСКИЙ Сергей Сергеевич – канд. филос. наук, доцент кафедры политологии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: 246abcd@mail.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

МАЛИКОВ Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: knight_1991@mail.ru

МАСЯЙКИНА Евгения Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна – д-р психол. наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: mei22@mail.ru

МИЛЯЕВА Лариса Григорьевна – д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики предпринимательства Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: lgm17@mail.ru

МИНЦАЕВ Магомед Шавалович – д-р техн. наук, зав. кафедрой «Автоматизация и управление» Грозненского государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. E-mail: ranas@rambler.ru

МОЛЧАНОВА Людмила Николаевна – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета. E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

НГУЕН Ван Луен – аспирант кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: luyennv@yahoo.com.

НИКОЛАЕВА Ирина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета. E-mail: percka@mail.ru

НОСКОВА Наталья Геннадьевна – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

ПАНФИЛОВА Марина Игоревна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: panfi-marina@yandex.ru

ПИЛЮШЕНКО Александра Валерьевна – ассистент кафедры философии Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова. E-mail: Che-pi@yandex.ru

ПОДОЙНИЦИНА Мария Анатольевна – аспирант, ассистент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: podojnicina@gmail.com

ПОКРОВСКАЯ Елена Михайловна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: remod@yandex.ru

ПУТИНЦЕВ Лев Александрович – аспирант кафедры природообустройства Красноярского государственного аграрного университета; гидролог группы разработки и внедрения гидрологических прогнозов Среднесибирского межрегионального территориального управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (г. Красноярск). E-mail: leo77789@mail.ru

РАХИМОВ Ернур Кендибаевич – канд. ист. наук, докторант кафедры археологии, этнологии и музеологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алма-Ата, Казахстан). E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

РУДИЧ Валерий Владимирович – канд. юрид. наук, адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области (г. Екатеринбург). E-mail: ruvv66@bk.ru

САВЕЛЬЕВА Екатерина Андреевна – аспирант кафедры культурологии и искусства Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург). E-mail: katri_sea@hotmail.com

САВИЧЕВ Олег Геннадьевич – д-р геогр. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: OSavichev@mail.ru

СИДОРОВА Елена Валерьевна – соискатель кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина; директор художественной школы (г. Северск). E-mail: sidorovaelena@sibmail.com.

СМЕТАНОВА Юлия Валерьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: smetanova@mail.ru

СМОЛЕНЧУК Ольга Юрьевна – соискатель кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: smolenchuk@gmail.com

ФАРХУТДИНОВ Анвар Мансурович – ассистент кафедры геологии и геоморфологии Башкирского государственного университета (г. Уфа). E-mail: anvarfarh@mail.ru

ФАРХУТДИНОВ Исхак Мансурович – канд. геол.-минерал. наук, ст. преподаватель кафедры геологии и геоморфологии Башкирского государственного университета (г. Уфа); мл. науч. сотр. лаборатории региональной геологии и геотектоники Института геологии Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: iskhakgeo@gmail.com

ХМЫЗ Алексей Иванович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: alexnady@email.ru

ЦЕСАРСКАЯ Анна Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: annaceas@mail.ru

ЧЕРКАСОВ Сергей Владимирович – канд. геол.-минерал. наук, зам. директора по научной работе Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского Российской академии наук (г. Москва). E-mail: sergy@sgm.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ЧУМАКОВА Ольга Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Российской правовой академии Министерства юстиции России (г. Москва). E-mail: chumakova-ov@yandex.ru

ШИМШИРТ Наталья Дмитриевна – канд. экон. наук, зав. кафедрой экономики Томского государственного университета. E-mail: ndshim@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 398 Сентябрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 сентября 2015 г.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 31,1. Тираж 250 экз. Заказ № 1333.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/ vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru